

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

4 (70)

Октябрь – Ноябрь – Декабрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА-МАГНИТОГОРСК-НОВОСИБИРСК
2020

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и
Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова
в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев* (председатель, Москва),

акад. РАН *Х.А. Амирханов* (Москва), акад. *М.Д. Бухарин* (Москва),

член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва),

проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель), проф. *П. Каллиери* (Болонья),

акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем),

проф. *К. Липполис* (Турин), акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва),

д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва), д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь),

проф. *М. Ольбрихт* (Жешув), акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент),

проф. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Берлин),

д-р. *У. Шлоцауэр* (Берлин)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),

д.и.н. *А.В. Буйских* (Киев), д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск),

к.и.н. *В.А. Гаибов* (ответственный секретарь, Москва),

д.и.н. *А.А. Завойкин* (Москва), к.и.н. *Д.В. Журавлев* (Москва),

д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),

к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),

к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва),

д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),

д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), д.филол.н. *С.Г. Шулежкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history@magtu.ru

-
- © Российская академия наук,
Институт археологии РАН, 2020
 - © Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова, 2020
 - © Редакция журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2020

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

4 (70)

October – November – December

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED in 1994 г.

MOSCOW – MAGNITOGORSK – NOVOSIBIRSK
2020

The contents is prepared in the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) and the Nosov Magnitogorsk State Technical University in cooperation with the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

International Advisory Board

Prof. *Rauf Munchaev* (Chairman, Moscow),

Prof. *Hizry Amirkhanov* (Moscow), Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow),
Prof. *François de Callatay* (Brussels), Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna),
Prof. *Petr Gaydukov* (Moscow), Prof. *Sergey Karpov* (Moscow),
Prof. *Jeffrey Lerner* (Winston-Salem), Prof. *Carlo Lippolis* (Torino),
Prof. *Nikolay Makarov* (Moscow), Prof. *Alexander Maslennikov* (Moscow),
Prof. *Yuriy Mogarichev* (Simferopol),
Prof. *Marek Jan Olbrycht* (Rzeszów), Prof. *Eduard Rtveladze* (Tashkent),
Prof. *Udo Peter Schlotzhauer* (Berlin), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Mikhail Treister* (Berlin)

Editorial Board

Prof. *Mikhail Abramzon* (Editor-in-Chief, Magnitogorsk),

Prof. *Alla Bujskikh* (Kiev), Dr. *Vasif Gaibov* (Moscow),
Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow), Dr. *Sergey Mokrousov* (Moscow),
Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow), Prof. *Irina Oktyabrskaya* (Novosibirsk),
Prof. *Svetlana Shulezhkova* (Magnitogorsk), Prof. *Igor Surikov* (Moscow),
Prof. *Nikolay Vinogradov* (Chelyabinsk), Prof. *Alexsey Zavoykin* (Moscow),
Dr. *Denis Zhuravlev* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Yulia Fedina*

E-mail: history@magtu.ru

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2020), 5–23
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2020), 5–23
© Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-4-70-5–23

КЛИМАТИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАНТА В МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ КОЧЕВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЕВРАЗИИ

С.Г. Боталов

*Институт истории и археологии УрО РАН, Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск, Россия
grig@csc.ac.ru*

Аннотация. Процесс поступательных миграций, начавшийся в VIII в. до н.э., продолжался примерно до III в. до н.э., когда климатическая детерминанта обрела не прямой, а опосредованный принцип воздействия. Вероятнее всего, это связано с тем, что вследствие глобальных климатических поступательных колебаний, происходящих в рамках континентальных макрорегионов в результате длительной социокультурной и хозяйственной адаптации, окончательно сформировался мир кочевой и оседлой земледельческой цивилизации, а также основного алгоритма их взаимодействия. Адаптация степного сообщества была направлена на социокультурную интеграцию больших племенных объединений, создание сбалансированных маршрутов циклического сезонного кочевания и формированию границ пастбищно-кочевых провинций. Интенсивность протекания этих процессов была прямо пропорциональна не только негативным климатическим изменениям (похолодание и аридизация), но и внешнеполитическому процессу централизации, протекавшему в соседней китайско-земледельческой цивилизации. Наиболее эффективной на этот счет оказалась кочевая конфедерация сюнну-хуннов, которую Великий шаньюй Модэ преобразовал в первую централизованную кочевую империю.

Ключевые слова: кочевая цивилизация, миграции, номады, климат, детерминизм

Реконструируя последствия историко-культурных процессов, происходивших в недрах вечно подвижного и динамичного сообщества номадов поздней древности

Данные об авторах: Боталов Сергей Геннадьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН, ведущий научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета.

и средневековья, мною не раз отмечался тот факт, что многие нашествия и переселения, осуществляемые кочевыми империями, происходили в рамках некоторого строго регламентируемого пространства. В пределах этих территорий, как правило, происходит как поступательное движение самой миграции в начальный наиболее мощный период переселения, так и последующие волны притока новых переселенцев на завоеванный плацдарм, и, наконец, некоторое возвратное движение либо репатриантов, либо эпизодических визитеров на свои ранние родовые земли.

Данные пространства предлагается назвать *миграционными ареалами*.

Если мы имеем в виду некую пространственную категорию, то очевидно, что миграция предусматривает *исходную начальную точку* движения, возможно, промежуточные остановки и конечный пункт переселения.

Вероятнее всего, существует некий спусковой механизм, запускающий начало движения. Давно задумываясь над этим вопросом, автор сегодня склонен считать одной из наиболее значимых причин начала миграционного движения (первотолчка) изменение палеоэкологических условий. В зависимости от скорости и масштабов палеоклиматических и палеоландшафтных изменений кочевое сообщество аридных и пограничных с ним систем объективно было вынуждено адаптироваться к новым условиям жизнедеятельности.

Наиболее эффективным из этих мер, реализуемых, как правило, в самых крайних условиях, было мобильное изменение вмещающего ландшафта на территории менее экстремальной, то есть включение механизма миграционного движения.

При этом автор не склонен в своих построениях и предпочтениях обращаться к основным постулатам тотального климатического детерминизма. Речь идет о специфическом культурно-историческом цивилизационном феномене, которым явились номады аридных систем Евразии. В этой связи следует заметить, что кочевое скотоводство является экстремальной формой жизнедеятельности и, по справедливому наблюдению Н.Н. Крадина, оно «отличается значительной нестабильностью, сильно зависит от природно-климатических колебаний»¹.

Однако это положение отнюдь не означает прямую и обязательную обусловленность миграций с изменениями климатических условий, так как, равно как и в оседлых цивилизациях, у кочевников существовал определенный набор хозяйственно-экономических и социополитических мер адаптации к новым палеоэкологическим условиям. Хотя следует заметить, что выбор у кочевников был куда скромнее, чем у земледельческих обществ. Так обусловленность процессов политической консолидации от особенностей эколого-аридных зон Евразии на различных этапах (по Н.Н. Крадину)² также могла отражать процесс адаптации номадов к изменениям климата. В этой связи, постулируя приоритетность значения палеоклиматических изменений как первопричин для процессов миграций, мы склонны видеть в них не только прямое, но и опосредованное взаимодействие, что постараемся проиллюстрировать ниже.

Еще один аспект. Как известно, циклические изменения экологических условий происходили отнюдь не сиюминутно. Эти процессы были растянуты на десятилетия и даже на столетия, в этой связи современники вряд ли могли объек-

¹ Крадин 2001, 34.

² Крадин 2001, 34.

тивно фиксировать эти метаморфозы. Посему в нарративных данных эти события представляются лишь в их следственной части, когда объем негативных факторов, как правило, достигает своего экстремального предела. К этому моменту кочевые и полукочевые (комплексные) социумы проходят длительный этап микрооттока населения из экстремальной зоны, сокращение прироста населения и поголовья стада как естественно социобиологическую реакцию на негативные внешние факторы. Лишь когда эти условия достигают своего максимального экстремума, начинают происходить внутри- или внешнеполитические кардинальные изменения социума: распад единства (разбросанность), серия внешнеполитических поражений, коллективная миграция, которая может выглядеть либо как массовый исход – переселение, либо как организованные набеги или походы на новые территории. Именно эти события, как правило, попадают на страницы исторических повествований и хроник, облаченные в яркий калейдоскоп локальных происшествий и событий, биографические подробности доблестных или неудачливых знаменитых персоналий, они невольно затушевывают глубинные первопричинные основы, явившиеся следствием проявления этих ярких и кардинальных исторических событий.

При этом стоит заметить, что изменения палеоэкологических и внутри- и внешнесоциальных условий в кочевнических сообществах не имеют строгую следственную зависимость и не происходят однонаправленно и прямо пропорционально. Подчас резкая аридизация степных и предгорных макрорегионов первоначально не приводит к обязательной дестабилизации в коллективах кочевников. Более того, она выступает как некий вызов, вследствие которого происходит большая социализация и консолидация родоплеменной структуры кочевников. Следствием этого является выстраивание более строгой системы землепользования и структуризация иерархии социума кочевников. Возможно, эти условия, наряду с другими, лежат в основе механизма сложения племенных конфедераций и кочевых империй. Хотя этот вопрос требует своего особого осмысления. Попробуем проиллюстрировать вышеозначенные наблюдения.

В работах В.К. Клименко время глобального похолодания ранней субатлантической эпохи (Early Subatlantic Age ESA) соответствует «осевому времени» (по К. Ясперсу)³ – эпохе перемен, переход в качественно новое состояние общественных систем произошел в начале I тыс. до н.э. в социокультурной среде и жизненном укладе населения азиатских степей и прилегающих территории. Из многочисленных источников известен факт глобального изменения климата, приведшего практически повсеместно к опустыниванию ландшафтов Центральной и Передней Азии. Оно началось в самом конце II тыс. до н.э. и продолжалось в течение I тыс. до н.э., достигнув своего пика где-то в середине второй трети I тыс. до н.э.⁴

Учитывая критические замечания в адрес автора многочисленных работ (В.В. Клименко) по истории климата и его влияния на исторические процессы Евразии⁵, мы склонны разделить его точку зрения по меньшей мере в области климатически детерминированных исторических событий, происходивших в Ев-

³ Клименко 2004, 5–7.

⁴ Демкин, Рысков 1996, 99–100; Клименко 1998, рис. 1.

⁵ Карпюк 2007.

разийском поясе степей и прилегающих к ним лесостепных, предгорных и оазисных зон. Проще говоря, история евразийской кочевой цивилизации с нашей точки зрения является, в действительности, весьма привязанной к изменению климатических и палеоэкологических условий, происходивших в рамках субатлантической эпохи.

При этом следует заметить особо, что в различных регионах степной Евразии изменения климата происходят по-разному. Фазы аридизации и ландшафтные изменения устанавливаются на разных временных этапах. Отмечено, что глобальные неблагоприятные изменения климата и ландшафтов устанавливаются с востока на запад поэтапно вдоль «оси Воейкова» (север Монголии – Кызыл – Уральск – Саратов – Кишинев)⁶. Это подтверждается сводными данными по изменению климата в степях Центральной Евразии, проводимыми в работах А.Д. Таирова. Фаза поступательной аридизации – похолодание, отложение ооловой пыли и, как следствие, опустынивание различных территорий – начинается объективно 4000 лет назад и активно продолжается до периода 2000 лет назад⁷.

Процесс климатических изменений не представляется нам как скачкообразный с резкими фазами перепадов. Вероятнее всего, качественные изменения палеоэкологического порядка происходили на протяжении значительных временных периодов. При этом не стоит забывать, что существуют значительные инерционные фазы не только в формировании нового облика почв, но и растительности. Социально-исторические трансформации происходят лишь на самой финальной стадии ландшафтно-климатических изменений и не всегда являются прямым следствием длительного накопления неблагоприятных воздействий ландшафтно-климатического порядка.

Отрицать же природно-климатический фактор как основополагающий в эпохальных (формационных, стадиальных) исторических изменениях, происходящих в зонах подвижных ландшафтов, на наш взгляд, абсолютно неправомерно. В противном случае совершенно невозможно объяснить исторические процессы, которые являются прямым следствием глобальных ландшафтно-климатических изменений в Средней и Центральной Азии в период раннего железного века и средневековья. К таковым относятся: распад всего блока культур степной бронзы в Казахстане, Средней и Центральной Азии в VIII–VI вв. до н.э. и переход населения этих регионов на принципиально новый жизненный уклад. Далее можно перечислить целый ряд исторически обозначенных последствий гибели культур и городов Хорезма и низовий Сырдарьи к середине I тыс. н.э.⁸ С карт, составленных по китайским хроникам «Синь-Таншу», к VII веку исчезают целые государства – Сутэ-Яньцай и Ужэсте-Концзуй⁹, а в Центральной Азии примерно к тому же времени исчезают такие большие царства, как Чеши, Гаочан и стремительно уменьшается количество населения царства Яньци¹⁰.

В результате наступившей в конце II тыс. до н.э. фазы глобальной аридизации на большей части территорий Центральной Азии, Казахстана, Средней и Перед-

⁶ Мордкович 1982, 24; Чибилев 1990, 48.

⁷ Таиров 2003, 20–21; 2017, 301, рис. 31.

⁸ Толстов 1949, 27; Левина, Галиева 1993.

⁹ Боровкова 1989, 115, 116, 120, 121.

¹⁰ Боровкова 1992, 116, 129.

ней Азии к середине I тыс. до н.э. сложились пустынные и полупустынные почвенно-ландшафтные условия. В этой связи превращение гигантской территории Восточного Туркестана и Монголии в зону пустынь и сухих степей имело существенные исторические последствия.

Попробуем проиллюстрировать эти прямые трансформации на археологических данных.

Примерно к VIII–VII вв. до н.э., по мнению С.А. Теплоухова, М.П. Грязнова и С.В. Киселева, заканчивается карасукская эпоха в Южной Сибири¹¹. Н.Л. Членова омолаживает этот рубеж, считая, что карасукская эпоха заканчивается к VI веку до н.э.¹² К этому же времени, по мнению Э.А. Новгородовой, относятся наиболее поздние карасукские бронзовые предметы, найденные в памятниках, и их изображения на оленных камнях Западной Монголии¹³. Примерно этим же временем большинством исследователей датируется финал культуры плиточных могил (КПМ). Н.П. Диков и В.С. Волков датируют верхнюю границу КПМ в Забайкалье VII в. до н.э.¹⁴ На основании типологии вещевого инвентаря и по радиоуглеродным данным А.Д. Цыбиктаров устанавливает верхнюю дату КПМ для Забайкалья и Монголии в пределах VI в. до н.э., тем самым опровергая идею ряда авторов о прямой преемственности памятников культуры с суннскими комплексами¹⁵. Несколько более поздним временем – IV в. до н.э. – датируются финальные комплексы культуры «ордосских бронз» Ордоса, Внутренней Монголии и прилегающих районов Китая¹⁶, а также круга культур монголоидного населения Забайкалья, Маньчжурии, Монголии. Это культуры верхнего слоя Сяцзядянь, дубэйская и другие, характерным признаком которых являются сосуды триподы¹⁷.

Параллельно распаду скотоводческих культур эпохи бронзы начинают складываться кочевые культуры скифо-сакского круга. Это связано с тем обстоятельством, что с глобальным изменением палеоклиматических условий в пределах степного пояса Евразии начинает формироваться абсолютно новый мир – система кочевников, которая получила название пастбищно-кочевая система. По мнению К.А. Акишева, «пастбищно-кочевая система (или посезонное распределение пастбищ и водных источников, без которых вообще было невозможно кочевое скотоводство) сложилась в момент перехода скотоводства к кочеванию в IX–VIII вв. до н.э.»¹⁸. Предположительная реконструкция процессов, протекавших в первой половине I тыс. до н.э., выглядит следующим образом: образно говоря, население, оказавшееся в это время в пределах Гобийского пояса Большой Монголии, имело дилемму – покинуть экстремальную зону сухих и полупустынных степей и переселиться на территории более умеренного климата и соответствующего ландшафта либо, оставшись в пределах прежних территорий, адаптировать свой социально-экономический уклад к новым условиям.

¹¹ Грязнов 1956а; Киселев 1960.

¹² Членова 1972, 74.

¹³ Новгородова 1989, 201.

¹⁴ Диков 1958; Волков 1967, 44.

¹⁵ Цыбиктаров 1996, 18–20; 1998, 114–125, 160.

¹⁶ Коновалов 1996, 61–62.

¹⁷ Комиссаров 1987, 117.

¹⁸ Акишев 1987, 12; Таиров 2017, 68.

В первом случае показательно то, что в VIII–VII вв. до н.э. зоной культурогенеза становятся Саяно-Алтайские предгорья и нагорья. Судя по всему, значительное уплотнение населения происходит и в пределах северокитайских провинций бассейна Хуанхэ, а также в юго-западной Маньчжурии. Вероятнее всего, хозяйственный уклад северокитайских европеоидных и монголоидных племен был комплексным, с преобладанием яйлажного скотоводства. У.М. Макговерн в этой связи приводит следующую выдержку из трактата Ли Цзи: «предки сюнну – ранние кочевники жуну и ди, в конце VIII века до н.э., передвигались по степи и вели войны с Китаем пешими, селились они в пещерах»¹⁹. Соседствующие с ними племена дунху, вероятно, к этому времени вели более оседлый образ жизни, на что указывают долговременные поселения и наличие в стаде носителей культур Верхнего слоя Сяузянянь, кроме крупного рогатого скота и лошадей, свиньи²⁰.

Ограниченность территорий вынуждала данное население продвигаться в глубь Саяно-Алтайских предгорий и китайских провинций правобережья Хуанхэ. Это привело, с одной стороны, к перегруппировке всего населения Синьцзяна, юга Сибири и Казахстана, с другой – к длительным жунско-китайским столкновениям, о чем уже говорилось выше. Вероятнее всего, по этой же причине происходят первые западные миграции южносибирских скифов и саков-тасмолинцев. По мнению К.А. Акишева, возникновение тасмолинской культуры связано с проникновением в Центральный Казахстан протосюннского населения. На это указывают аналогии в погребальном обряде (индивидуальные захоронения в вытянуто-прямоугольных ямах, северная ориентировка, положение в могилу голов лошади) и вещевом инвентаре (бронзовые колокольчики, отдельные типы вооружения, наборные пояса)²¹.

Вероятно, что западные миграции населения Монголии начались еще раньше (на рубеже II–I тыс. до н. э.), когда в пределах Центрального Казахстана возникает, по выражению Р. Исмагила, «бегазы-дандыбаевский феномен». Появление этой культурной доминанты связывается им с воздействием карасукского ареала²².

При этом отметим, что появление бегазинско-карасукоидного феномена происходит фактически одновременно в Синьцзяне, на Алтае, в Центральном Казахстане и Приаралье.

Безусловно, мигранты, являющиеся носителями новых бегазинских традиций, появляются и сосуществуют в среде населения автохтонных культур этих регионов (саргаринской в Центральном Казахстане, амирабатской на Сырдарье, каракольской на Алтае), составляя явное меньшинство. Однако результатом их проникновения явилось либо образование новых синкретических культур (по Молодину)²³, либо действительно формирование родовой элиты (по В.В. Варфоломееву), привнесшей новые инокультурные традиции.

Исходной территорией движения карасукоидного населения в степи Казахстана стали районы Монголии и Синьцзяна, на что указывают находки здесь яр-

¹⁹ McGovern 1939, 99–101.

²⁰ Комиссаров 1987, 40.

²¹ Акишев 1973, 57–58.

²² Исмагил 1998, 6; Итина, Яблонский 2001, 94–113.

²³ Молодин 2000, 135.

ких образцов карасукской посуды (Куси, Куйжэк-байдэнколас)²⁴, а также бронзовых изделий конца II – начала I тыс. до н.э.²⁵ По мнению С.А. Комиссарова, образец посуды, найденный у деревни Куси (Алтай), удивительно напоминает керамику из бегазы-дандыбаевского могильника Чемурчек²⁶. Эти факты являются достаточно веским аргументом в доказательстве Западного и, возможно, северо-западного миграционного импульса населения поздней и финальной бронзы из районов Монголии и Северного Китая. Вероятно, из Синьцзяна идет проникновение карасукоидного населения и на территорию Алтая. Об этом могут свидетельствовать материалы бегазы-дандыбаевского облика, обнаруженные на памятнике Бертек-56²⁷.

По справедливому мнению Л.Р. Кызласова, Восточный и Центральный Казахстан в VIII–VII вв. до н.э. был подвержен сильному восточному воздействию со стороны какой-то группы носителей карасукской культуры. Это воздействие прослеживается в появлении карасукских традиций в культурах Хорезма, Нижней Сырдарьи (Северный Тагискен) и Нижнего Поволжья. Проникновение карасукского населения далеко на запад маркируется находками ранних форм оленных камней карасукского облика (с кругами-«глазками»), которые широко распространены на территории Монголии, Забайкалья, Тувы, а в начале I тыс. до н.э. появляются в Центральном Казахстане (Домбаул), Оренбуржье и даже на Балканах (в Болгарии и Румынии)²⁸.

Представляется также, что Западный импульс включал в себя самый широкий восточный миграционный фон Монголии, Туркестана и Северного Китая, то есть население, материальная культура которого нам сегодня пока еще слабо известна либо она претерпела существенные трансформации в ходе этого движения. В этой связи мы склонны присоединиться к высказанному ранее С.Г. Кляшторным²⁹ и А.А. Ковалевым³⁰ тезису о возможной связи распространения оленных камней и карасукских кинжалов с деятельностью древних кочевников жунов и ди. Хотя следует признать, что использование термина «карасукский», «карасукоидный» не совсем удачно. Мы всецело разделяем точку зрения С.В. Хаврина, что для монгольских или северокаитайских памятников действительно уместнее было бы употребить определение «ордосские» или «чандманьские»³¹.

Дальнейшая судьба бегазинского импульса остается не совсем ясной, что же касается приаральских памятников типа Северного Тагискена, то здесь исследователи приходят к единому мнению, что эту линию продолжают ранние саки и носители чирикабатской культуры³².

Проблемы возникновения и дальнейшие перемещения карасукского и бегазы-дандыбаевского населения являются значительным образом завязанными на последующем скифо-сакском культурогенезе.

²⁴ Молодин 1998, 286–289.

²⁵ Варенов 1998, 65, 69, 70; Худяков, Комиссаров 2002, 39–41.

²⁶ Худяков, Комиссаров 2002, 39.

²⁷ Молодин 1998, 17–20; 2000, 135.

²⁸ Кызласов 1977, 75.

²⁹ Кляшторный 1982, 172.

³⁰ Ковалев 1987.

³¹ Хаврин 1994, 105.

³² Толстов 1962; Вайнберг, Левина 1993; Вайнберг 1999, 192.

К.А. Акишев впервые указал на пришлый характер саков тасмолинской культуры и связал ее с протосюньскими (ордосскими) памятниками, о чем уже говорилось выше³³. На его взгляд, эта культура не связана ни с андроновской, ни с бегазы-дандыбаевской³⁴.

В развитии миграционных идей культурогенеза сакских племен Л.Р. Кызласов, с одной стороны, подчеркивал пришлый (карасукский) характер населения бегазы-дандыбаевского круга; с другой – приводит множество параллелей этой культуры не только с тасмолинскими памятникам Центрального Казахстана и Семиречья (Бесшатыр), но и с восточносакскими комплексами типа Чиликтинского кургана. Эти параллели прослеживаются в конструкции погребальных сооружений царских курганов, а также в существовании единых типов инвентаря (трехлопастные черешковые и двухлопастные втульчатые лавролистные с шипом бронзовые наконечники, отдельные типы посуды, оселки, пронизки и др.)³⁵. Проводя параллели между бегазинскими и тасмолинскими памятниками, равно как и между тагискенскими и уйгаракскими комплексами Приаралья, Л.Р. Кызласов подчеркивал тем самым генетическую преемственность памятников начала эпохи железа с предшествующим пластом – бегазы-тагискенским³⁶. Однако в целом поддерживая эту точку зрения, хотелось бы сделать определенное уточнение. Говоря о том, что тасмолинская культура не связана с бегазы-дандыбаевской, К.А. Акишев в определенном смысле был прав. Имеется ряд существенных отличий между ними, которые выразились в кардинальных различиях погребальной обрядности рядового населения данных культур. В бегазинской культуре – прямоугольные ограды, каменные ящики, скорченная поза погребенных, уложенных на бок. В тасмолинской – округлые каменные насыпи, ограды, грунтовые ямы, положение погребенных вытянуто на спине. Существенным отличием является и отсутствие керамической посуды в тасмолинских погребениях. Не отрицая в целом идею геокультурной близости бегазинско-тагискенских и сакских памятников Казахстана, мы, тем не менее, отчетливо понимаем, что эти отличия не только хронологического порядка. Бесспорно, население, оставившее эти памятники, различалось и по своему социально-хозяйственному укладу (бегазинское – полuosедлое; тасмолинское – кочевое), и, что очень важно, по территориям их первоначального миграционного исхода.

Вероятнее всего, протосакское население пришло в пределы Казахстана из более восточных (юго-восточных) территорий, которые были ближе к ареалу Ордосских бронз.

Можно предположить, что западные миграции жуно-дисского населения в VII–VI вв. до н.э. из Южной Монголии и Северного Китая стали основной причиной культурно-генетических изменений в пределах Казахстана и Южного Урала. К этому же мнению приходит в одной из своих последних работ А.Д. Таиров. Говоря об исходных районах раннесакских миграций, он убедительно определяет их как Северный и Северо-Западный Китай и Монголия³⁷. Вероятнее всего, ана-

³³ Акишев, Кушаев 1963, 118, 134; Акишев 1973, 57–58.

³⁴ Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев 1966, 303.

³⁵ Кызласов 1977, 72–74.

³⁶ Кызласов 1977, 73.

³⁷ Таиров 2003, 166–172.

логичное воздействие эти импульсы оказали и на регионы Южной Сибири (Саяно-Алтайское нагорье, Минуса, Приобье).

Западный вектор миграций из районов Южной Монголии и Северного Китая на начальном этапе раннего железного века довольно хорошо просматривается на памятниках Синьцзяна. Так, С.А. Комиссаров склонен считать, что возникновение культуры переходного времени от эпохи бронзы к раннему железу – яньблак XIII–VI вв. до н.э. (Восточный Синьцзян) – связано с общим перемещением населения с востока на запад, на что указывает массовое проникновение в этот регион носителей монголоидного антропологического типа³⁸. На наш взгляд, дальнейшие судьбы племен носителей культуры яньблак тесным образом связаны с районами Сибирского Алтая, где с конца VI века до н.э. появляются памятники кора-кобинской культуры, удивительно схожие с яньблакскими (погребения в больших ямах с уступами, внутренней обкладкой или перекрытием, полускорченное положение погребенных, близкие формы бронзовых ножей и сосудов: кувшины с высоким горлом, горшки с петлями и ручками, расписанные вертикальными волнистыми и эсвидными линиями). Вероятно, с восточным импульсом протосакского населения связано и возникновение раннекочевнической культуры Чауху (чаухугоукоу) (X–V вв. до н.э.) в Притяньшанье. Хотя, как известно, данная культура многокомпонентна по своему составу. Памятники, ее составляющие (Чаухугоукоу 1, 2, 4, Цюньбакэ 1), наряду с другими раннесакскими комплексами VII–IV вв. до н.э. (Субаши, Шанхусян, Темулткэ, Алагоу и др.),³⁹ демонстрируют то культурное многообразие саков Синьцзяна, на которое ранее уже указывал К. Дебен-Франкфор⁴⁰.

В данном контексте, хотелось бы несколько иначе взглянуть на довольно известные параллели, свидетельствующие о сако-пазырыкском и сако-уюкском (раннескифском) единстве, которые хорошо известны исследователям. Наличие множества аналогий в погребальном обряде и вещевом инвентаре позволили Л.Р. Кызласову прийти к выводу о генетической связи раннескифских комплексов типа Аржан с бегазы-дандыбаевскими памятниками. По его мнению, памятники типа кургана Аржан были некрополями сакской аристократии, господствующей над уюкским населением⁴¹.

Если согласиться с тем, что с конца II тыс. до н.э. в поясе центральноазиатских степей устанавливается вектор западных миграций, результатом чего стало появление памятников бегазы-дандыбаевского, тасмолинского и сако-тасмолинского облика, то вполне очевидно, что формирование сако-пазырыкского или сако-уюкского единства вряд ли могло идти по обратному вектору.

Вероятнее всего, появление сако-тасмолинских черт и на западе, и на севере связано с единым культурно-генетическим центром. Это подтверждает появление на Северо-Западном Алтае в VII–VI вв. до н.э. таких ярких комплексов, как Чесноково-1 (курган 2), Машевка-1 (курган 1), Солонечный Белок (курган 2), а несколько позже в V–III вв. – Симбирка (курган 1), отличающихся каменными насыпями, прямоугольными или подбойными могильными ямами, с индивиду-

³⁸ Худяков, Комиссаров 2002, 53.

³⁹ Синьцзян Хэузинь сянь... 1990, 511–517, Худяков, Комиссаров 2002, 54–63; Синьцзян Синьюань... 1988, 59–65; 1991, 684–693; 1999, 32–39; 1984, 41–45.

⁴⁰ Дебен-Франкфор 1989.

⁴¹ Кызласов 1979, 35, 39.

альными вытянутыми погребениями с северной ориентировкой⁴². Следует отметить, что отдельные черты погребального обряда и типы бронзового инвентаря этих памятников имеют устойчивые аналогии среди североазиатских комплексов VIII–VI вв. до н.э.⁴³

К этому следует прибавить тот факт, что, по определению С.А. Тур, женские черепа из Машевки и Чесноково относятся к метисному монголоидному типу, причем череп из Машевки может быть отнесен к антропологическому типу северных китайцев⁴⁴. С другой стороны, эти погребальные комплексы удивительным образом сходны с раннесакскими комплексами тасмолинской культуры, что отмечает и сам автор исследований⁴⁵.

Ярким примером сакских миграций на север в предгорья Алтая является могильник Кайнду, расположенный в нижнем течении Катунь. Из 15 исследованных здесь курганов в 10 погребения совершены под каменными насыпями в вытянуто-прямоугольных ямах, имеющих деревянные рамы и перекрытия из каменных плит. Погребенные лежали вытянуто на спине, головой на северо-запад. Только в четырех из них были обнаружены керамические сосуды, среди которых плавно профилированные горшки с узким горлом и отогнутым венчиком и горшок с «ушками». По мнению исследователей, этот могильник значительно отличается от одновременных ему пазырыкских и каракубинских комплексов VI–V вв. до н.э. и несет черты степных традиций⁴⁶.

Таким образом, приведенные археологические наблюдения позволяют наглядно проиллюстрировать характер перемещений, которые, по нашему убеждению, являются миграциями значительных групп населения, переходящих на новый хозяйственно-культурный уклад жизнедеятельности – кочевое скотоводство.

В этом смысле фаза ESA соответствует «Осевому времени», объективно установившаяся похолоданием, и аридизации пояса Евразийских степей прямым образом детерминировала процесс установлению пастбищно-кочевых систем (ПКС) в различных регионах Евразии.

При этом следует иметь в виду, что установление ПКС в рамках различных районов (пастбищно-кочевых провинций) происходило не одновременно в соответствии с установлением новых ландшафтно-климатических условий (с востока на запад вдоль «оси Воейкова»). В этой связи длительные и кратковременные миграции, происходившие в данной период, были направлены на установление социо-хозяйственного баланса пастбищно-кочевых систем в рамках, соответствующих им вновь устанавливаемых провинций (вмещающих ландшафтов).

Как нам представляется, этот поступательный процесс продолжается примерно до III века до н.э., когда климатическая детерминанта обретает не прямой, а опосредованный принцип воздействия. Вероятнее всего, это связано с тем, что вследствие глобальных климатических поступательных колебаний, происходящих в рамках континентальных макрорегионов в результате длительной социокультурной и хозяйственной адаптации, окончательно сформировался мир ко-

⁴² Шульга, Казаков и др. 1997; Шульга 1998; Полосьмак 1990, 103–105.

⁴³ Варенов 1990, 63–65.

⁴⁴ Шульга 1998, 49.

⁴⁵ Шульга 1998, 37, 49.

⁴⁶ Неверов, Степанов 1990, 266–268.

чевой и оседлой земледельческой цивилизации, а также основного алгоритма их взаимодействия. Следствием этого глобального процесса является появление в широком евразийском поясе могущественных земледельческих империй: Цинь и Хань, китайской цивилизации, Нанда (династии Маурьев в Индии), крупнейших эллинистических государств в Малой Азии и Северной Африки (империя Селевкидов, эллинистический Египет, Понтийское царство и др.), а также Ахейский союз и Римская империя в Средиземноморье.

Весьма сложно установить опосредованность всех вышеперечисленных процессов от континентальных климатических изменений в рамках ESA. Заметим лишь в этой связи, что синхронность сложения этих макрогосударственных образований наводит на мысль о неслучайности этого явления. Позволю себе остановиться на крайне восточной позиции этого очерченного ареала.

В качестве небольшого отступления выскажу некоторые наблюдения по теме климатического детерминизма. На мой взгляд, климатические изменения и историческая обусловленность в развитии оседлых земледельческих цивилизаций имеет в большинстве случаев значительную опосредованную обусловленность. За исключением конкретных ландшафтно-климатических катастроф, негативные климатические проявления (похолодание, потепление, усыхание, увлажнение) здесь, как правило, не имеют прямого действия. Это связано со сравнительной большой адаптивной возможностью этих систем по сравнению с кочевыми сообществами степного пояса. На мой взгляд, это хорошо иллюстрирует история китайских земледельческих цивилизаций эпохи династии Чжоу. Сам процесс становления Чжоу описан в «Исторических записках» Сыма Цяня и «Шу цзин». Ранние упоминания, относящиеся ко второй половине II тыс. до н.э., застают чжоусцев, ведущих подвижный образ жизни, вероятно, в степных ареалах «на землях северных варваров» и имеющих явное преобладание пастушеского скотоводства и зачатки земледелия. За период от первого легендарного вождя «Хоу-цзы» (Государь-просо) до первых императоров Вэй Вана и У Вана происходит не только окончательное оседание чжоусцев в слиянии Хуанхэ и Вэйхэ, но и окончательный переход к зерновому земледелию. Эта модель хозяйственно-культурной адаптации прямо соответствует сводным данным В.В. Клименко по изменению климата Северного полушария. Первый скачок похолодания приходится на середину II тыс. до н.э. и достигает низового пика к середине I тыс. до н.э.⁴⁷ Поступательное нарастание негативных климатических факторов (похолодание и аридизация) особенно ярко отразилось на ландшафте и экологических условиях в период Восточного Чжоу. Следствием осушения и похолодания явилось повсеместное исчезновение лесных массивов в бассейне Хуанхэ, сопутствовавшее исчезновению субтропической фауны (слонов, носорогов и пр.). К тому же этот процесс был усилен антропогенным воздействием, связанным с тем, что пойменные и лиманные территории резко сузились, и необходима была вырубка и раскорчевывание богарных территорий для расширения пашенных пространств.

Северо-западные районы Китая периодически страдали от засухи, которая иногда длилась по несколько лет. В этой связи с изменением климатических и ландшафтных условий особое значение стала играть ирригация⁴⁸.

⁴⁷ Таиров 2017, 103, рис. 31.

⁴⁸ Дьяконов и др. 1983, 490–491.

Создание и последующее поддержание ирригационной системы требовало чрезвычайной сбалансированности ее отдельных звеньев. Несогласованные между собой локальные гидротехнические предприятия отдельных царств, особенно в период «воюющих государств» (475–221 гг. до н.э.), были чреваты губительными хозяйственно-экономическими и военно-политическими последствиями.

Крайне трудоемкие работы по мелиорации, сооружению ирригационных каналов, а также последующее содержание их функционирования было под силу мощному централизованному государству, обладающему эффективным военно-административным аппаратом и большими людскими ресурсами.

В итоге социально-экономической адаптации, продиктованной вышеозначенным обстоятельством, на лидирующее место выдвинуто царство Цинь, создавшее наиболее эффективную ирригационную систему Вэйбэй (бассейн реки Вэйхэ), обеспечивавшую насущные военно-государственные преобразования⁴⁹. Цинь Ши Хуанди лишь завершил этот процесс преобразований, построив первую централизованную Империю.

Таким образом, длительная фаза похолодания, приведшая к жесточайшим морозам и снегопадам в районе будущей столицы империи Цинь ань-Янь (совр. г. Сиань) в 239–229 гг. до н.э.⁵⁰, опосредованно привела к позитивным историческим социально-политическим последствиям – возникновению мощной земледельческой империи.

Не так прямолинеен и однозначен климатический детерминизм в примыкающем к Северному Китаю ареале монгольских степей. Равно тому, как в период ESA, появляется и усовершенствуется ирригационная система многокаскадного орошаемого земледелия в бассейне Хуанхэ и Великой равнины, возникает и совершенствуется пастбищно-кочевая система в пределах степного пояса. Адаптация степного сообщества была направлена на социо-культурную интеграцию больших племенных объединений, создание сбалансированных маршрутов циклического сезонного кочевания и формированию границ пастбищно-кочевых провинций. Интенсивность протекания этих процессов была прямо пропорциональна не только негативным климатическим изменениям (похолодание и аридизация), но и внешнеполитическому процессу централизации, протекавшему в соседней китайско-земледельческой цивилизации⁵¹. Возникновение могучей империи Цинь явилось своеобразным вызовом «северным варварам», обитавшим в пограничных пределах Ордоса, Иншаня и Халхи. Последствия не заставили долго ждать, уже в 215 году до н.э. циньский военачальник Мэн Тянь вторгся и отвоевал у кочевников богатейшие пастбищные ордосские угодья. Историческим ответом на эти обстоятельства могли быть аналогичные процессы хозяйственной и социо-политической интеграции и централизации кочевого общества.

Наиболее эффективной на этот счет оказалась кочевая конфедерация сюнну-хуннов, которую Великий шаньюй Модэ преобразовал в первую централизованную кочевую империю. Возникновение ее не только создавало существенный цивилизационный противовес Поднебесной (в особенности на начальном этапе), но и ограниченные альтернативы для кочевых соседей-иноплеменников. Как извест-

⁴⁹ Дьяконов и др. 1983, 496.

⁵⁰ Клименко 2000, 10, 16.

⁵¹ Крадин 2001, 38–39.

но, завоевания Модэ привели к установлению даннической зави́шенности одних кочевых объединений (хуньей, динлины, гэгуни, ухуани, дунху и др.).

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев, К.А. 1973: Саки азиатские и скифы европейские (Общее и особенное в культуре). В кн.: К.А. Акишев (ред.), *Археологические исследования в Казахстане*. Алма-Ата, 43–58.
- Акишев, К.А. 1987: Конные номады древнего Казахстана. В сб.: В.М. Массон (ред.), *Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций: Тезисы докладов советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов*. Алма-Ата, 19–24 октября 1987 г., 11–12.
- Акишев, К.А., Кушаев, Г.А. 1963: *Саки и усунь долины реки Или*. Алма-Ата.
- Боровкова, Л.А. 1989: *Запад Центральной Азии во II в. до н. э. – VII в. н. э.* М.
- Боровкова, Л.А. 1992: *Проблема местонахождения царства Гао Чан*. М.
- Вайнберг, Б.И. 1999: *Этногеография Турана в древности VII в. до н.э. – VIII в. н.э.* М.
- Вайнберг, Б.И., Левина, Л.М. 1993: *Чирикратская культура / Низовья Сырдарьи в древности I. М.*
- Варенов, А.В. 1990: Реконструкция иньского защитного вооружения и тактика армии по данным оружейных кладов. В кн.: В.Е. Ларичев (ред.), *Китай в эпоху древности*. Новосибирск, 42–51.
- Варенов, А.В. 1998: Южносибирские культуры эпохи ранней и поздней бронзы в Восточном Туркестане. *Гуманитарные науки в Сибири* 3, 60–72.
- Волков, В.В. 1967: *Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии*. Улан-Батор.
- Грязнов, М.П. 1956: К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири. *КСИИМК* 64, 27–42.
- Демкин, В.А., Рысков, Л.Г. 1996: Динамика палеоэкологических условий в Волго-Уральских степях – проблема миграций ранних кочевников. В сб.: С.В. Данилов (ред.), *100 лет гуннской археологии: Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе: Гуннский феномен*. Улан-Удэ, 16–24.
- Дебен-Франкфор, К. 1989: Саки в провинции Синьцзян до периода Хань. Критерий идентификации. В кн.: В.М. Массон (ред.), *Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций*. Алма-Ата, 246–256.
- Диков, Н.П. 1958: *Бронзовый век Забайкалья*. Улан-Удэ.
- Дьяконов, И.М., Неронова В.Д., Свенцицкая И.С. (ред.) 1983: *История древнего мира*. Т. 2. Рассвет древних обществ. М.
- Исмагил, Р. 1998: Бегазы-дандыбаевский феномен и его типологические параллели. *Уфимский археологический вестник* 1, 3–7.
- Итина, М.А., Яблонский, Л.Т. 2001: *Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи*. М.
- Карпюк, С.Г. 2007: Климатический детерминизм и история климата в работах В.В. Карпенко. *ВДИ* 1, 244–257.
- Киселев, С.В. 1960: Неолит и бронзовый век Китая. *СА* 4, 224–266.
- Клименко, В.В. 1998: Климат и история в эпоху первых высоких культур (3500–500 гг. до н.э.). *Восток* 4, 5–24.
- Клименко, В.В. 2000: Климат и история от Конфуция до Мухаммада. *Восток* 1, 5–31.
- Клименко, В.В. 2004: *Холодный климат ранней субатлантической эпохи в Северном полушарии*. М.

- Кляшторный, С.Г. 1982: Гуннская держава на востоке (III в. до н.э. – IV в. н.э.). В кн.: И.М. Дьяконов, В.Д. Неронова, И.С. Свенцицкая (ред.), *История древнего мира*. Т. III. *Упадок древних обществ*. М., 166–177.
- Ковалев, А.А. 1987: О датировке оленного камня из кургана Аржан. В кн.: А.И. Мартынов, В.И. Молодин (ред.), *Скифо-сибирский мир*. Новосибирск, 93–98.
- Комиссаров, С.А. 1987: Комплекс вооружения культуры верхнего слоя Сянцзянь. В кн.: *Военное дело древнего населения Северной Азии*. Новосибирск, 39–53.
- Коновалов, П.Б. 1996: О происхождении и ранней истории хунну. В сб.: С.В. Данилов (ред.), *100 лет гуннской археологии: Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе: Гуннский феномен*. Улан-Удэ, 58–63.
- Крадин, Н.Н. 2001: *Империя Хунну*. М.
- Кызласов, Л.Р. 1977: Уюкский курган Аржан и вопрос происхождения сакской культуры. *СА* 2, 69–86.
- Кызласов, Л.Р. 1979: *Древняя Тува*. М.
- Левина, Л.М., Галиева, З.С. 1993: Археолого-ландшафтные исследования с применением дистанционных методов. В кн.: С.А. Трудновская (ред.), *Низовья Сырдарьи в древности*, II: *Джетыясарская культура*. Вып. 2. М., 19–20.
- Маргулан, А.Х., Акишев, К.А., Кадырбаев, А.М., Оразбаев, А.М. 1966: *Древняя культура Центрального Казахстана*. Алма-Ата.
- Молодин, В.И. 1998: Находки керамики бегазы-дандыбаевской культуры в Синьцзяне и их значимость для понимания культурно-исторических процессов в западных районах Центральной Азии. В сб.: А.П. Деревянко, В.И. Молодин (ред.), *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь, 1998 г.* Новосибирск, 286–289.
- Молодин, В.И. 2000: Пазырыкская культура: проблемы этногенеза, этнической истории и исторических судеб. *Археология, этнография и антропология Евразии* 4 (4), 131–142.
- Мордкович, В.Г. 1982: *Степные экосистемы*. Новосибирск.
- Неверов, С.В., Степанова, Н.Ф. 1990: Могильник скифского времени Кайнду в горном Алтае. В кн.: *Археологические исследования Катунь*. Новосибирск, 242–270.
- Новгородова Э.А. 1989: *Древняя Монголия (некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории)*. М.
- Полосьмак, Н.В. 1990: Некоторые аналогии погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблемы происхождения сюннской культуры. В кн.: В.Е. Ларичев (ред.), *Китай в эпоху древности*. Новосибирск, 101–107.
- Синьцзян Куэрайши Шанху гу муцзан (Древнее захоронение у деревни Шанхусян у г. Куэрай, Синьцзян), 1999. *Вэньу* 2, 32–37. [на кит. яз.].
- Синьцзян Луньтайсянь Цюнь Бакэ муцзан диэр сань цы фауэюэ цзянь бао (Бюллетень проведения раскопок во 2-й и 3-й сезон захоронений Цюньбакэ, уезд Луньтай, Синьцзян), 1991. *Каогу* 8, 684–693. [на кит. яз.].
- Синьцзян Синьюань Тэмуликэ гуму уюнь (Древнее захоронение у д. Темуликэ уезда Синьюань, Синьцзян), 1988. *Вэньу* 8, 59–65. [на кит. яз.].
- Синьцзян Хэузин сянь Чауху гоу коу эрхао муди фауэюэ цзянь бао (Раскопки двух погребений у д. Чаухугоукоу, уезд Хэцзин, Синьцзян), 1990. *Каогу* 6, 511–517.
- Синьцзян Шаньшань Субаши гумуцзан (Древнее захоронение Субаши, уезда Шаньшань, Синьцзян), 1984. *Каогу* 1, 41–45. [на кит. яз.].
- Таиров, А.Д. 2003: *Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II – I тыс. до н.э.: Материалы к историческим реконструкциям*. Челябинск.
- Таиров, А. 2017: *Ранние кочевники Жайык-Иртышского междуречья в VIII–VI вв. до н. э.* Астана.

- Толстов, С.П. 1949: Периодизация древней истории Средней Азии. *КСИИМК XXVIII*, 18–29.
- Толстов, С.П. 1962: *По древним дельтам Окса и Яксарта*. М.
- Хаврин, С.В. 1994: Карасукская проблема? *Петербургский археологический вестник* 8, 104–113.
- Худяков, Ю.С., Комиссаров, С.А., 2002. *Кочевая цивилизация Восточного Туркестана*. Новосибирск.
- Цыбиктаров, А.Д. 1996: К вопросу об участии населения культуры плиточных могил Монголии и Забайкалья в формировании культуры хунну. В сб.: С.В. Данилов (ред.), *100 гуннской археологии. Номадизм. Прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе: Гуннский феномен*. Улан-Удэ, 16–20.
- Цыбиктаров, А.Д. 1998: *Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья*. Улан-Удэ.
- Чибилев, А.А. 1990: *Лик степи*. Ленинград.
- Членова, Н.Л. 1972: *Хронология памятников карасукской эпохи*. М.
- Шульга, П.И. 1998: Раннескифская упряжь VII – начала VI вв. до н.э. по материалам погребения на р. Чарыш. В кн.: В.И. Молодин и др. (ред.), *Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье*. Барнаул, 25–49.
- Шульга, П.И., Казаков, А.А., Ведянин, С.Д., Семибратов, В.П., Ситников, С.М. 1997: Аварийные работы на р. Чарыш. *Сохранение и изучение наследия Алтайского края*. Барнаул VIII, 124–128.
- McGovern, W.M. 1939: *The Early Empires of Central Asia: A study of the Scythian and the Huns and the part they played in world History*. New York.

REFERENCES

- Akishev, K.A. 1973: Saki aziatskie i skify evropeiskie (Obshee i osobennoe v kul'ture [Asian Saki and European Scythians (General and special in culture)]. In: K.A. Akishev (ed.), *Arkheologicheskie issledovaniya v Kazakhstane [Archaeological Studies in Kazakhstan]*. Alma-Ata, 43–58.
- Akishev, K.A. 1987: Konnye nomady drevnego Kazakhstana [Horse nomads of ancient Kazakhstan]. In: V.M. Masson (ed.), *Vzaimodeistvie kочеvykh kul'tur i drevnikh tsivilizatsii. Tezisy dokladov sovetско-frantsuzskogo simpoziuma po arkheologii Thentral'noy Azii i sosednikh regionov [The interaction of nomadic cultures and ancient civilizations: Abstracts of reports of the Soviet-French Symposium on archeology of Central Asia and neighboring regions]*. Alma-Ata, October 19–24, 1987, 11–12.
- Akishev, K.A., Kushaev, G.A. 1963: *Saki i usuni doliny reki Ili [Saki and Usuni Valley of the Ili River]*. Alma-Ata.
- Borovkova, L.A. 1989: *Zapad Tsentral'noy Azii vo II v. do n.e. – VII v. n.e. [West Central Asia in the 2nd century BC to 7th century AD]*. Moscow.
- Borovkova, L.A. 1992: Problema mestonakhovdeniya tsarstva Gao Chan [The problem of the location of the kingdom of Gao Chang]. Moscow.
- Chibilev, A.A. 1990: *Lik stepi [The Face of the Steppe]*. Leningrad.
- Chlenova, N.L. 1972: *Khonologiya pamyatnikov karasukskoy epokhi [Chronology of monuments of the Karasuk era]*. Moscow.
- Deben-Frankfort, K. 1989: Saki v provintsii Sin'tsyana do perioda Khan'. Kriterii identifikatsii [Saki in Xinjiang before the Han period. Identification criterion]. In: V.M. Masson (ed.), *Vzaimodeistvie kочеvykh kul'tur i drevnikh tsivilizatsiy [Interaction of nomadic cultures and ancient civilizations]*. Alma-Ata, 246–256.
- Demkin, V.A., Ryskov, L.G. 1996: Dinamika paleoekologicheskikh usloviy v Volgo-Uralskikh stepyakh [Dynamics of paleoecological conditions in the Volga-Ural steppes: the problem

- of early nomad migrations]. In: S.V. Danilov (ed.), *100 let gunnskoj arkheologii: Nomadizm – proshloe, nastoyashchee v global'nom kontekste i istoricheskoy perspective: Gunnskiy fenomen* [100 years of Hun archeology: Nomadism – the past, present in the global context and historical perspective: The Hun phenomenon]. Ulan-Ude, 16–24.
- Dikov, N.P. 1958: *Bronzovyy vek Zabaikal'ya* [Bronze Age of Transbaikalia]. Ulan-Ude.
- Dyakonov, I.M., Neronova, V.D., Svetsitskaya, I.S. (eds.) 1983: *Istoriya drevnego mira*. Vol. 2. *Rastsvet drevnikh obshchestv* [Ancient World history. Vol. II. The Dawn of Ancient Societies]. Moscow.
- Gryaznov, M.P. 1956: K voprosu o kulturakh epokhi pozdney bronzy v Sibiri [On the issue of Late Bronze Age Cultures in Siberia]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Communications from the Institute of the History of Material Culture] 64, 27–42.
- Ismagil, R. 1998: Begazy-dandybaevskiy fenomen i ego tipologicheskie paralleli [Begazy-Dandybaev phenomenon and its typological parallels]. *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik* [Ufa Archaeological Bulletin] 1, 3–7.
- Itina, M.A., Yablonsky, L.T. 2001: *Mavzolei Severnogo Tagiskena. Pozdnyy bronzovyy vek Nizhney Syrdar'ya* [Mausoleums of Northern Tagisken. Late Bronze Age of the Lower Syr Darya]. Moscow.
- Karpyuk, S.G. 2007: Klimaticheskii determinizm i istoriya klimata v rabotakh V.V. Karpenko [Climatic determinism and climate history in the works of V.V. Karpenko]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history] 1, 244–257.
- Khavrin, S.V. 1994: Karasukskaya problema? [The Karasuk issue?] In: *Peterburgskiy arkheologicheskii vestnik* [Petersburg Archaeological Bulletin] 8, 104–113.
- Khudyakov, Yu.S., Komissarov, S.A. 2002. *Kochevaya tsivilizatsiya Vostochnogo Turkestana* [Nomadic civilization of East Turkestan]. Novosibirsk.
- Kiselev, S.V. 1960: Neolit i bronzovyy vek [Neolithic and Bronze Age of China]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 4, 224–266.
- Klimenko, V.V. 1998: Klimat i istoriya v epokhu pervykh vysokikh kul'tur (3500 – 500 gg do n.e.) [Climate and history in the era of the first high cultures (3500–500 BC)]. *Vostok* [East] 4, 5–24.
- Klimenko, V.V. 2000: Klimat i istoriya ot Konfutsiya do Mukhammada [Climate and history from Confucius to Muhammad]. *Vostok* [East] 1, 5–31.
- Klimenko, V.V. 2004: Kholodnyy klimat ranney subatlanticheskoy epokhi v Severnom polusharii [Cold climate of the early sub-Atlantic era in the Northern Hemisphere]. Moscow.
- Klyashtorny, S.G. 1982: Gunnskaya derzhava na vostoke (III v. do n.e. – IV v. n.e.) [Hun power in the east (the 3rd century BC to 4th century AD)]. In: I.M. Dyakonov, V.D. Neronova, I.S. Svetsitskaya (eds.), *Istoriya drevnego mira*. Vol. III. *Upadok drevnikh obshchestv* [Ancient World history. Vol. III. The decline of ancient societies]. Moscow, 166–177.
- Komissarov, S.A. 1987: Kompleks vooruzheniya kul'tury verkhego sloya Sintzyana [Xiangjian upper layer culture weapons complex]. In: *Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoy Azii* [Military Affairs of the Ancient Population of North Asia]. Novosibirsk, 39–53.
- Kononov, P.B. 1996: O proiskhozhdenii i ranney istorii khunnu [On the Origin and Early History of the Hunnu]. In: S.V. Danilov (ed.), *100 let gunnskoj arkheologii: Nomadizm – proshloe, nastoyashchee v global'nom kontekste i istoricheskoy perspective: Gunnskiy fenomen* [100 years of Hun archeology: Nomadism – the past, present in the global context and historical perspective: The Hun phenomenon]. Ulan-Ude, 58–63.
- Kovalev, A.A. 1987: O datirovke olenego kamnya iz kurgana Arzhan [On the dating of deer stone from Arzhan kurgan]. In: V.I. Molodin (ed.), *Skifo-sibirskiy mir* [Scythian-Siberian world]. Novosibirsk, 93–98.
- Kradin, N.N. 2001: *Imperiya Khunnu* [The Hunnu Empire]. Moscow.

- Kyzlasov, L.R. 1977: Uyukskiy kurgan Arzhan i vopros proiskhozhdeniya sakskey kul'tury [Uyuk mound Arzhan and the issue of the origin of Saki culture]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 2, 69–86.
- Kyzlasov, L.R. 1979: *Drevnyaya Tuva* [Ancient Tuva]. Moscow.
- Levina, L.M., Galieva, Z.S. 1993: Arkheologo-landshaftnye issledovaniya s primeneniem distantsionnykh metodov [Archaeological and landscape research using remote sensing]. In: *Nizov'ya Syrdar'i v drevnosty. Vyp. II. Dzhetyasarskaya kul'tura* [The Lower Syr Darya in Antiquity, II: Dzhetyasar Culture] 2. Moscow, 19–20.
- Margulan, A.Kh., Akishev, K.A., Kadyrbaev, A.M., Orazbaev, A.M. 1966: *Drevnyaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana* [The ancient culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata.
- McGovern, W.M. 1939: *The Early Empires of Central Asia: A study of the Scythian and the Huns and the past they played in world History*. New York.
- Molodin, V.I. 1998: Nakhodki keramiki begazy-dandybaevskoy kul'tury v Sin'tsyane i ikh znachimost' dlya ponimaniya kul'turno-istoricheskikh protsessov v zapadnykh rayonakh Tsentral'noy Azii [Findings of ceramics by Begaza-Dandybaev culture in Xinjiang and their significance for understanding cultural and historical processes in the western regions of Central Asia]. In: A.P. Derevyanko, V.I. Molodin (eds.), *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii: Materialy VI godovoy itogovoy sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN. Dekabr', 1998 g.* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories: Materials of the VI Annual Final Session of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS. December 1998]. Novosibirsk, 286–289.
- Molodin, V.I. 2000: Pazyrykskaya kul'tura: problem etnogeneza, etnicheskoy istorii i istoricheskikh sudeb [Pazyryk culture: problems of ethnogenesis, ethnic history and historical destinies]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia] 4 (4). Novosibirsk, 131–142.
- Mordkovich, V.G. 1982: *Stepnye ekosistemy* [Steppe ecosystems]. Novosibirsk.
- Neverov, S.V., Stepanova, N.F. 1990: Mogil'nik skifskogo vremeni Kaindu v gornom Altae [Scythian burial ground of Kaindu in the Altai mountains]. In: *Arkheologicheskie issledovaniya Katuni* [Archaeological Studies of Katun]. Novosibirsk, 242–270.
- Novgorodova E.A. 1989: *Drevnyaya Mongoliya (nekotorye problemy khronologii i etnokul'turnoy istorii* [Ancient Mongolia (some problems of chronology and ethnocultural history)]. Moscow.
- Polosmak, N.V. 1990: Nekotorye analogii pogrebeniyam v mogilnike u derevni Daodun'tsy i problem proiskhozhdeniya sunnskoy kul'tury [Some analogies to burials in the burial ground near the village of Daodunzi and problems of the origin of the Hun culture]. In: *Kitay v epokhu drevnosti* [China in the Antiquity]. Novosibirsk, 101–107.
- Sintsyan Kueraishi Shanku gu mutsan (Drevnee zakhoronenie u derevni Shankusyan u g. Kueraen, Sintsyan) [Xinjiang Querishi Shanghai gu muzan (Ancient burial near the village of Shanghai in Xuejiang City, Kueraei)]. 1999. *Ven'u [Wenu]* 2, 32–37. [In Chinese]
- Sintsyan Lun'taisyan' Tsun' Bake mutszan dier can' tsy fauzue tsyan' bao (Bulletin provedeniya raskopok vo 2-1 i 3-1 sezon zakhoroninii Tsun'bake, uezd Lun'tai, Sin'tsyany) [Xinjiang Luntai County Qun Bake Muzan Dier San Tzu Fauzue Jian Bao (Bulletin of excavation during the 2-1 and 3-1 burial season of Qunbake, Luntai County, Xinjiang)]. 1991. *Kaogu* [Kaogu] 8, 684–693. [In Chinese]
- Sintsyan Sin'uan' Temulike gumu uyun' (Drevnee zakhoronenie u d. Temulike uезда Sin'yuan', Sin'tsyany) [Xinjiang Xinyuan Temulike gumu uyun (Ancient burial near the village of Temulike, Xinyuan County, Xinjiang)]. 1988. *Ven'u [Wenu]* 8, 59–65. [In Chinese]
- Sintsyan Kheuzin syan' Chauku gou koy erkhaou mudi fauzuyue tsyan' bao (Raskopki dvukh pogrebeniy u d. Chaukhugoukou, uезд Khetsin, Sin'tsyany) [Xinjiang Hauzin xian Chauhu

- go kou erhao mudi fauzue jian bao (Excavations of two burials near Chauhugoukou village, Hejin county, Xinjiang)], 1990. *Kaogu* [Kaogu] 6, 511–517. [In Chinese]
- Sintsyan Shan'shan' Subashi gumutszan (Drevnee zakhoronenie Subashi, uezda Shan'shan', Sin'tszyan) [Xinjiang Shanshan Subashi humuzang (Ancient burial of Subashi, Shanshan County, Xinjiang)], 1984. *Kaogu* [Kaogu] 1, 41–45. [In Chinese]
- Shulga, P.I. 1998: Ranneskifskaya upryazh VII – nachala VI vv. do n.e. po materialam pogrebeniya nap eke Charysh [Early Scythian harness in the 7th to early 6th centuries BC based on burial materials on the River Charysh]. In: V.I. Molodin (ed.), *Snaryazhenie verkhovogo konya na Altae v rannem zheleznom veke i srednevekov'e* [Equipment of the riding horse in Altai in the early Iron Age and the Middle Ages]. Barnaul, 25–49.
- Shulga, P.I., Kazakov, A.A., Vedyanin, S.D., Semibratov, V.P., Sitnikov, S.M. 1997: Avaryynye raboty na reke Charysh [Emergency work on the River Charysh]. In: *Sokhranenie i izucheniye naslediya Altayskogo kraya* [Preservation and study of the heritage of the Altai Territory]. Barnaul, 124–128.
- Tairov, A. 2017: *Rannie kochevniki Zhayik-Irtyshskogo mezhdurech'ya v VIII – VI vv. do n.e.* [Early nomads of the Zhayik-Irtysh interfluvium in the 8th – 6th centuries BC]. Astana
- Tairov, A.D. 2003: *Izmeneniya klimata stepey i lesostepey Tsentralnoy evrazii vo II – I tys. do n.e.: Materialy k istoricheskim rekonstruktsiyam* [Climate changes in the steppes and forest-steppes of Central Eurasia in the 2nd and 1st millenniums BC: Materials for historical reconstructions]. Chelyabinsk.
- Tolstov, S.P. 1949: Periodizatsiya drevney istorii Sredney Azii [Periodization of the ancient history of Central Asia]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Communications from the Institute of the History of Material Culture] XXVIII, 18–29.
- Tolstov, S.P. 1962: *Po drevnim del'tam Oksa i Yaksarta* [Along the ancient deltas of Oks and Yaksart]. Moscow.
- Tsybiktarov, A.D. 1996: K voprosu ob utsastii naseleniya kul'tury plitochykh mogil Mongolii i Zabaikal'ya v formirovaniy kul'tury khunnu [On the issue of the participation of the population of the tiled grave culture of Mongolia and Transbaikalia in the formation of the Hunnu culture]. In: S.V. Danilov (ed.), *100 let gunnskoj arkheologii: Nomadizm – proshloe, nastoyashchee v global'nom kontekste i istoricheskoy perspective: Gunnskii fenomen* [100 years of Hun archaeology: Nomadism – the past, present in the global context and historical perspective: The Hun phenomenon]. Ulan-Ude, 16–20.
- Tsybiktarov, A.D. 1998: *Kul'tura plitochykh mogil Mongolii i Zabaikal'ya* [Tiled grave culture of Mongolia and Transbaikalia]. Ulan-Ude.
- Varenov, A.V. 1990: Rekonstruktsiya in'skogo zashchitnogo vooruzheniya i taktika armii po danyam oruzheinykh kladov [Reconstruction of the Yin defensive weapons and army tactics according to weapons treasures]. In: V.E. Larichev (ed.), *Kitay v epokhu drevnosti* [China in the Antiquity]. Novosibirsk, 42–51.
- Varenov, A.V. 1998: Uzhnosibirskie kultury epokhi ranney i pozdney bronzy v Vostochnom Turkestane [South Siberian cultures of the Early and Late Bronze Age in East Turkestan]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [The Humanities in Siberia] 3, 60–72.
- Volkov, V.V. 1967: *Bronzovyy i ranniy zheleznyy vek Severnoy Mongolii* [Bronze and Early Iron Age of Northern Mongolia]. Ulaanbaatar.
- Weinberg, B.I. 1999: *Etnografiya Turana v drevnosti VII v. do n.e. – VIII v. n.e.* [Ethnography of Turan in the Antiquity from the 7th century BC to 8th century AD]. Moscow.
- Weinberg, B.I., Levina, L.M. 1993: *Chirikrabatskaya kul'tura / Nizov'ya Cyrdar'ya v drevnosti* [Chirikrabat culture / Lower Syr Darya in the Antiquity], 1. Moscow.

CLIMATIC DETERMINANT IN THE MIGRATION PROCESSES OF THE
NUMBER OF EURASIA'S NOMINAL CIVILIZATION

Sergey G. Botalov

*Institute of History and Archaeology Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg; South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
grig@csc.ac.ru*

Abstract. The process of translational migration, which began in the 8th century BC, continues until about the 3rd century BC, when the climatic determinant acquires not a direct, but an indirect principle of influence. Most likely, this is due to the fact that due to global climatic progressive fluctuations occurring within the framework of continental macroregions as a result of prolonged sociocultural and economic adaptation, the world of a nomadic and settled agricultural civilization, as well as the main algorithm for their interaction, has finally formed. The adaptation of the steppe community was aimed at the socio-cultural integration of large tribal associations, the creation of balanced routes for cyclic seasonal nomadic movements and the formation of the borders of pastoral nomadic provinces. The intensity of these processes was directly proportional not only to negative climatic changes (cooling and aridization), but also to the foreign policy centralization process taking place in the neighboring Chinese-agricultural civilization. The most effective in this regard was the nomadic confederation of the Huns-Huns, which the Great Shanuy Mode transformed into the first centralized nomadic empire.

Keywords: nomadic civilization, migrations, nomads, climate, determinism

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2020), 24–40
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2020), 24–40
© Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-4-70-24–40

ЗАМЕТКИ О ТЕКСТОЛОГИИ И ДАТИРОВАНИИ НОВОИЗДАННЫХ НАГОВОРОВ ИЗ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ОЛЬВИИ

В.П. Яйленко

Независимый исследователь, Москва, Россия
valeryjailenko@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрено четыре надписи из Ольвии (три на свинцовых пластинках, одна на черепке), опубликованные в 1998, 2000, 2015 гг. Издатели сочли их наговорами, все датировали второй половиной IV в. По мнению автора, требуется уточнение текста этих надписей и их датировки. Он предлагает существенно иную текстологию надписей, так что надпись № 3 оказывается не наговором, а целительным филактерием для женщины. Автор также меняет их даты: надпись № 1 он датировал поздним III–I вв., № 2 – II–I вв., № 3, 4 относятся к III в.

Ключевые слова: эллинистическая Ольвия, наговоры филактерий, текстология, датировки

В настоящей статье рассматриваются четыре надписи из Ольвии (три на свинцовых пластинках, одна – на черепке), опубликованные в 1998, 2000, 2015 гг. Издатели сочли их наговорами, датируя все второй половиной IV в.¹ Однако, по моему мнению, требуется уточнение текста этих надписей и их датировки.

№ 1. Свинцовая пластина-опистогрф со списком прокливаемых, направление письма ретроградное, на каждой стороне по два столбца². Палеографическая дата издателей «вторая половина IV в.», затем по рассмотрении языка надписи уточнили: конец IV – начало III в. Что до палеографии, то изложили обоснование даты так (цитируем все): «Несмотря на особенность материала и не очень аккуратный почерк, формы основных литер вполне правильны, а угловатая форма омеги, лунарная сигма и отсутствие вертикали у кси в имени Аристоксен (стр. 8) в целом согласуются с нашими данными относительно письма этого времени, в том числе с палеографией ольвийских заклятий», со ссылкой на упомянутые буквы в наговорах, изданных С.Р. Тохтасьевым и Ю.Г. Виноградовым³. Имеется несколько неточностей. Во-первых, «особенность материала» вообще ни при чем,

Данные об авторе: Яйленко Валерий Петрович – доктор исторических наук, профессор, независимый исследователь.

¹ Все даты в статье – до н.э.

² Белоусов, Дана, Николаев 2015, 170–179 (воспроизводим их прорись – рис. 1).

³ Тохтасьев 2000, № 3; Vinogradov 1994, № 1.

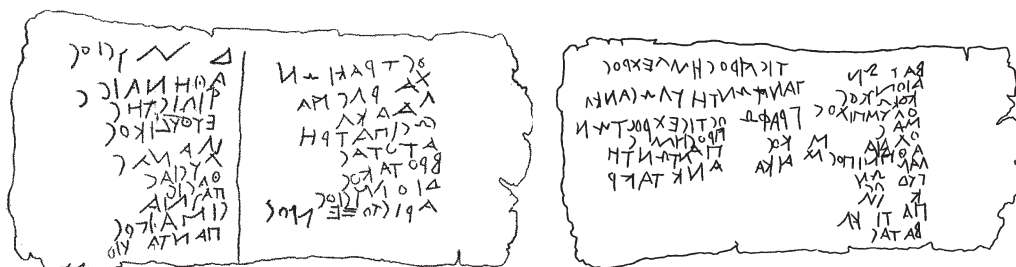

Рис. 1. Прорись надписи № 1
Fig. 1. Drawing of the inscription №1

ибо от свинца характер письма особенно не зависит – из двух надписей их статьи одна исполнена правильным шрифтом, другая хаотичным. Во-вторых, кси без вертикали идет в лапидарных ольвийских и боспорских надписях с III в. и далее, но в граффити с VI–V вв. и далее,⁴ так что отсутствие вертикали в данном случае не является датирующим признаком. Что до угольчатой омеги, то отсылка к аналогиям в заклетах С.Р. Тохтасьева и Ю.Г. Виноградова, которые датировали их второй половиной IV в., теперь не работает, ибо мы показали их принадлежность к позднему времени⁵. Издатели могут не согласиться с этим, в связи с чем отметим, что угольчатая омега есть в ряде надписей от раннего IV в. (ГЛБО II, № 67a) до II–I в.,⁶ посему апелляция издателей к угольчатой омеге в любом случае требует дополнительной аргументации. Если же не мудрствовать лукаво, то сравнение обеих надписей статьи трех авторов, одна из которых определено второй половины IV в., без тени сомнения указывает на позднешее время другой, рассматриваемой здесь. У нее вовсе иной палеографический облик (см. рис. 1) – это позднеэллинистическое письмо со всеми его декоративными начертаниями да прикрасами. Перечислять все нет смысла (ломиться в открытую дверь), потому ограничимся аргументом от противного: в шрифте нет ни одной позднеклассической формы. Приведем и действенное сравнение. Написание имени Βρότακος по характеру аналогично начертанию имени Κλεόμβροτος в НО 125 конца III–II в. (датировка издателя): там и там буквы ΒΡ по размеру вдвое больше других и одинаковым образом их нижние половинки опущены ниже линейки строки. Это один и тот же пошиб письма. У составителя данного наговора опыт позднеэллинистического письма, – того, что представлен у нас здесь и далее в граффити второй половины III – II вв.

В качестве аргумента для своей датировки издатели апеллировали к языку надписи – он «являет собой интересный пример смешения диалектных ионийских форм и постепенно проникающего в Северное Причерноморье койне. С одной стороны, встречаются ионийские формы Σωσιπάτρη, Φίλιστῆς, а с другой – уже

⁴ Болтунова, Книпович 1962, 9 сл.; Книпович 1966, 9; о граффити: Емец 1995, 53 сл.

⁵ Яйленко 2021, надписи № 37 г, 38. Поясню, что для подготавливаемой к печати книги по истории и эпиграфике античного Северного Причерноморья я написал главу «Датирование и интерпретация надписей Северного Причерноморья IV–I вв., преимущественно наговоров и писем», нижележащие заметки извлечены из нее; далее мы несколько раз ссылаемся на материалы этой главы. Все даты до новой эры. Сокращение ОХБ = Яйленко 2017.

⁶ Шкорпил 1908, 70–71: ольвийский наговор.

койнизированные Ατοτας, Εὐθύδικος, Λυσίας, Ὀλβία» (следует перечень и других признаков языка койне). К его данным можно добавить и другие элементы койне, так что очевидна неточная характеристика А.В. Белоусовым языка надписи – это отнюдь не смешение ионийских форм и койне, не постепенное проникновение койне в Северное Причерноморье, а вполне кондовый язык койне, в который инкорпорированы один-два ионизма – имена Σωσιπάτρη и, может быть, Φιλίστης⁷. Для столь большого текста на койне присутствие 1-2-х ионизмов никак не может служить указанием на принадлежность его к концу IV– началу III в., ибо черты ионийского языка существуют и в позднем эллинизме: III в. – финальная стадия ионийского диалекта, надписей еще немало,⁸ со II в. по римское время включительно встречаются уже отдельные ионизмы⁹.

Нашу датировку надписи поздним III–II в. подтверждает и единственная просопографическая «зацепка» – имя Πα[v]τακλ[ῆς], употребительное в роду ольвийских стеностроителей III–II вв. (см. ниже).

Издатели в целом хорошо прочли обе надписи, но требуется немало уточнений. *Лицевая сторона, левый столбец.* Стк. 5: у них Ναυῶ[ς], но достаточно ясно написано Νάνας, лишь во второй альфе нет поперечины, однако в курсивном маюсклярном письме она часто и не ставится с III в.¹⁰; такая же форма альфы и в остальном тексте – в имени Харάστα, в κα(τα)γράφω и пр. (разумеется, если это не утраты). Стк. 8: ΠΑΙΝΑ, ничего не остается, кроме как признать туземное имя Παίνα, скорее женское. Стк. 10: у издателей πάντα[ς] αὐ[τοῦς], но за πάντα следует лакуна на 2 буквы и далее ΥΙΟ, так что читается πάντα[ς α]ὐ(τ)ο[ύς], – написана вертикаль тау, но крышка не проставлена. *Правый столбец.* Стк. 3: ΛΑΔΚΑ; предложенное Белоусовым чтение Λ(α)δίκα неточно – иоты на прориси нет (возможно, в статье издателей скобки ошибочно поставлены не на ней, а на альфе); само предложение, может иметь смысл (Геродот [II, 181] привел имя жены Амасиса из Кирены Λαδίκη, сокращение от Λαοδίκη), но приходится дополнять иоту. Полагаем, при наличии в наговоре малоазийских имен можно думать о таком же происхождении имени *Λάδκα, в основе которого ликийское lada «женщина, жена» + суф.

⁷ Можно акцентировать и Φιλίστης, тогда речи об ионизме нет. А.В. Белоусов счел ионийским также имя Βρότακος, апеллируя к указанию Геродиана, что βάτραχος «лягушка» по ионийски βρόταχος, откуда личное имя IV в. Βρόταχος в Эфесе и Пантикапее, от него по диссимиляции Βρότακος. Тут не все ладно. Я уж не стану спрашивать про диссимиляцию – откуда ей взяться? Не буду цепляться и за то, что имя Βρόταχος лишь отчасти ионийское, ибо критский гортинец этого имени, упомянутый Симонидом в эпитафии ему (fr. 182 Bergk = Anth. Graeca, VII, 254b), указывает и на дорийский источник. Но отмечу, что суть вопроса заключается в природе мены χ–к в паре Βρόταχος – Βρότακος, которая никак не связана с ионийским диалектом. А.И. Доватур привел единственный пример написания κ вместо χ в боспорских надписях (КБН, с. 808, § I, 3): Ἐσκίνης вместо Αἰσχίνης в надписи I в. н. э. КБН 408. Но это, во-первых, уже римское время, когда греческая фонетика существенно перестроилась сравнительно с классическим и раннеэллинистическим временем; во-вторых, само производство формы Ἐσκίνης от Αἰσχίνης предположительно. Посему и мнение о Βρότακος как оглушенной форме Βρόταχος, может быть, и верно, но остается лишь предположением. Что до форм Ἀγάθαρκος – Ἀγάθαρχος в ольвийских граффити V–IV вв., на которые А.В. Белоусов указал как на параллель такой мене, то мы не раз показали, что это этимологически разные имена (ОХБ, 240).

⁸ Cauer, Schwyzer 1960, № 698, 709, 751–9, 10, 756g, 767g, 775 etc.

⁹ Thumb, Scherer 1959, S. 249; Cauer, Schwyzer 1960, № 738, 743 etc.

¹⁰ Gardthausen 1913, Taf. 4a.

-к- (к такой суффиксации ср. имя Λάδικο¹¹). От лик. lada образованы теонимы Λατώ, Λήδη, ср. и малоазийское имя Λαδαμο¹².

Оборотная сторона, правая колонка. Стк. 3: у издателей мудреное Кок[ι] φ[v], но напрасно, ибо ясно читается женское имя Кокώ¹³; это извечное и повсеместное прозвище легких женщин, образуемое удвоением основы, состоящей из одного открытого слога – типа малоаз. Λάλα (у нас Лулу, Мими и пр.)¹⁴. Есть и малоазийское имя Кокώ¹⁵. Стк. 5: странным образом вычитано МА.Ο, хотя четко написано малоазийское женское имя Μας (есть и мужское)¹⁶. Стк. 8: у издателей ΛΑΜ[Π]ΡΩΝ (?), но между Μ и Ω утрачена всего одна буква, так что вполне читается известное имя Λάμ[π]ων¹⁷. В стк. 9 издатели хорошо сориентировались по остаткам: Εῤῥικος. Стк. 10: у издателей ΚΙ..Ν, но разура больше, чем на 2 буквы, поэтому предположительно можно читать имя Κ[ελεβ]iv или Κ[ερεβ]iv¹⁸. *Средняя колонка:* здесь издатели показали 4 имени, я вижу на прориси лишь 2 первых (видимо, издатели случайно опустили их). После Μ[ι]κος они прочли Μ.ΛΙΚΑ, но полагаем возможным чтение Α.Β. Белоусовым вполне мыслимого имени Μαῖκα, производного с суффиксом -к- от широко распространенного женского Μαῖα.

В ономастическом комментарии много интересного, коснемся лишь имени Ὀλβία: оно впервые засвидетельствовано в Ольвии в полной форме, но его можно усматривать, наряду с мужским Ὀλβος, и в сокращениях Ὀλβι, Ὀλ (трижды) на доньях сосудов с Березани в архивных материалах Э.Р. Штерна в ОАМ (см. и ГЛБО I, № 43). Список имен данного заклатья важен и в историческом аспекте, которого издатели, к сожалению, не затронули. Его 16 впервые засвидетельствованных в Ольвии имен, в том числе 7 женских (Κοκώ, Λάδκα, Μαῖκα, Μας, Παῖνα, Σωσιπάτρη, Χαράσπα) и 6 туземных (те же Κοκώ, Λάδκα, Μας, Παῖνα, Χαράσπα + Κ[ελ/ρεβ]iv) свидетельствуют, что ввиду выселения части жителей из города во II в. (ОХБ, 574–575) пришли новые насельники, и можно думать, что в какой-то мере благодаря им Ольвия смогла функционировать до середины I в., когда уже полностью опустела ввиду нашествия гетов. Поскольку в числе новых пришельцев 3 малоазийских имени (Ἀτότας, Λάδκα, Μας, вероятно, и Κοκώ), можно думать о прибытии части их из Анатолии (подобным образом поступление рабов оттуда явствует из эпитафии II в. н.э. НО 170: ОХБ, 624–626). Обратим также внимание на употребительность в туземной антропонимике наговора имен с суффиксом -к-: Λάδκα, Βρότακος, Μαῖκα (такое явление есть и в наговоре с Чайки, в котором из 6 упомянутых имен 4 такого типа – Ουζακος, Ἀζεακος, Αγουζακος, Λαυθιακος, – и мы связали их этнически с неким туземным народом Крыма¹⁹. Посему, возможно, часть новых насельников Ольвии II в. прибыла и из Западного Крыма.

¹¹ Pape, Benseler 1884, 760.

¹² Zgusta 1964, 610.

¹³ Hansen 1958, 318.

¹⁴ И само понятие «легкие женщины» извечно; к примеру, оно есть в анонимном французском «Романе о Фивах» XII в., построенном на «Фиваиде» Публия Стация: стих 4170 – fames legieres.

¹⁵ Zgusta 1964, 240.

¹⁶ Zgusta 1964, 277; LGPN VA, 284.

¹⁷ Pape, Benseler 1884, 769.

¹⁸ Hansen 1958, 93.

¹⁹ Яйленко 2021, № 6а.

Среди пришлых людей, имена которых до сего наговора не встречались в Ольвии, немало носителей обычных, употребительных имен (Атенипп, Филист, Лампон и др.), т.е. рядовых людей да имен-прозвищ простолюдинов – Ὀστρακίων «Черепок», Σίμακος «Курносый», Μ[ι]κός «Малыш». В связи с этим обратим внимание и на форму Διονύσος оборотной стороны при двух Διονύσιος лицевой: издатели вроде бы правильно исправили ее на Διονύσ(ι)ος, однако мы снова сошлемся на эпитафию II в. н.э. NO 170, где подобное исправление оказалось излишним – это обычное теофорное имя раба Дионис (ОХБ, 624–625); усматриваем такой же случай и здесь. Практика показывает, что появление нового населения в городе сопровождается неурядицами со старым населением (так знакомое всем жителям крупных городов России «понаехали»), скорее всего, такова причина составления и данного заклатья. Автор его желает новоприбывшим и тем старым насельникам, с которыми они заодно, «заткнуть рты» (πάντων τὴν γλῶσσαν κα[τα] γράφω); поскольку очень уж много проклинаемых людей, скорее подразумевается не судебное дело, как предположили издатели, а бытовой конфликт, возможно, материального свойства – конкуренция и пр. Ведь автор наговора не один, он выступает от группы людей: [ὅς]τις πρὸς ἡμᾶς ἐχθρός, πάντων τὴν γλῶσσαν κα[τα] γράφω, – «который против нас враг – у всех связываю язык»; дословно καταγράφω означает «вношу в список» (для подземных демонов). Именно групповой характер конфликта обусловил необычно большое число проклятых – 33!

При трех десятках имен надписи практически не за кого «зацепиться» для просопографического уточнения ее времени, есть лишь один, но важный – Πα[v]τακλ[ῆς], он вполне вписывается в нашу датировку надписи поздним III–II вв., ибо в Ольвии этого времени известны 4 Пантакла, они принадлежат к славному роду стеностроителей Пантакловых-Клеомбротовых. Это Клеомброт Пантаклов да Пантакл Клеомбротов IOSPE I² 180 III в., в конце III–II вв. действовали два Пантакла Клеомбровых IOSPE I² 188, 201 (ОХБ, 489). Таким образом, Пантакл наговора принадлежал к роду стеностроителей, и это позволяет предположить, что проклятая группа из трех десятков людей – строительные рабочие, так что причина конфликта, вероятно, производственная.

В завершение даем следующий текст:

<i>Recto, col. 1:</i>	<i>Recto, col. 2:</i>	<i>Tergo, col. 3:</i>	<i>Tergo, col. 4:</i>	<i>Tergo, col. 5:</i>
Ὀστρακίων,	Δ(ι)ονύσιος,	Βάτων,	4:	[ὅς]τις πρὸς ἡμᾶς
Χαράσπα,	Ἀθηναῖος,	Διονύσος,		ἐχθρός, /
Λάδκα,	Φιλίστης,	Κοκά,		πάντων τὴν
Σωσιπάτρη,	Εὐθύδικος,	Ὀλύμπιχος,		γλῶσσαν κα[τα]- /
Ἀτότας,	Νάνας,	Μας,		γράφω, vac. ὅστις
Βρότακος,	Λυσίας,	Ὀλβία,		ἐχθρὸς τῶν / πρὸς
Διονύσιος,	Θάσιος,	Ἀθήνιος,	Μ[ι]κός,	ἡμ[ᾶ]ς /
Ἀριστόξενος,	Παινα,	Λάμ[π]ων,	Μαῖκα·	πάντων τὴν
	Σίμακος,	Εὐδ[ικ]ος,		γλῶσ]/αν κ(α)
	πάντα[ς α]ὐ(τ)	Κ[ε]λ[ρ]εβ[?]ιν,		ταγρ[ά]φω]
	ο[ὗς].	Πα[v]τακλ[ῆς],		
		Βάτας,		

«(кол. 1) Остракион, Хараспа, Ладка, Сосипатра, Атотас, Бротак, Дионисий, Аристоксен, (2) Дионисий, Атений, Филист, Евтидик, Нанас, Люсиас, Тасий, Пайна,

Симак, – всех их *проклинаяю*. (3) Батон, Дионис, Коко, Олимпих, Мас, Ольбия, Атенип, Лампон, Евдик, К(ел/реб?)ин, Пантакл, Батас, (4) Мик, Майка: (5) который против нас враг из всех – связываю язык; который враг из всех, кто против нас, – связываю язык».

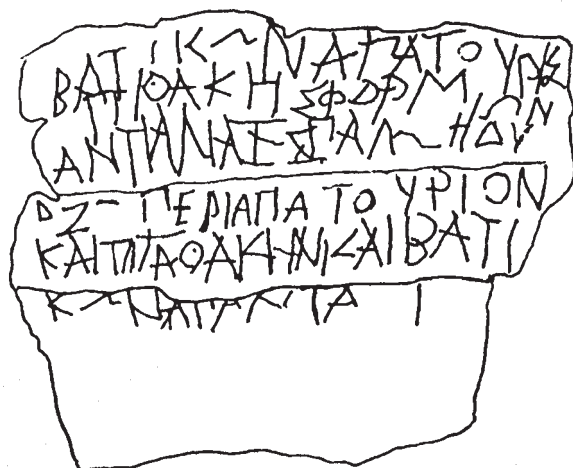

Рис. 2. Прорись надписи № 2
Fig. 2. Drawing of the inscription №2

№ 2. Свинцовая пластинка со списком имен проклинаемых лиц, издал С.Р. Тохтасьев²⁰. Датировка издателя, как всегда, краткая, цитируем все: «Судя по общему облику шрифта и написанию имени Апатурия в стк. 1 и 4 через диграф *ou*, этот текст тоже относится ко второй половине IV в. Автор, выведенный непростыми жизненными обстоятельствами из душевного равновесия, писал нервной скорописью, это затрудняет уточнение датировки. За исключением четырехчленной сигмы буквы в известной мере схожи с письмом нашего № 1 и Vinogradov, 1994, №> 1». Оставив в стороне ничего не значащие выражения «общий облик шрифта» и «душевное равновесие», получаем в остатке диграф *ou* да сравнение с надписями под № 1 статей С.Р. Тохтасьева и Ю.Г. Виноградова. Что до диграфа *ou*, то он благополучно существовал в ольвийской да ионийской эпиграфике не только во второй половине IV в., но и в VI–V вв. (ОХБ, 37, 40, 41, 43, 259), и с IV в. поныне. А увидеть что-либо общее в палеографии надписей № 1 и 2 своей публикации мог лишь сам Тохтасьев, ибо, на наш взгляд, у них ничего общего. Больше сходства у рассматриваемой надписи с упомянутым выше наговором Виноградова № 1, но скорее лишь по тесноте букв и их подвышенным пропорциям. Надписи № 1 статей Тохтасьева и Виноградова резаны более или менее аккуратно, автор же рассматриваемого наговора, будучи грамотен, чертил буквы наскоро, плотно тесня одну к другой, он явно экономил место, но в результате перестарался – оно еще осталось. Может быть, способ письма с наездом соседних букв друг на друга тоже способ графической магии. Шрифт данной надписи настолько

²⁰ Тохтасьев 2000, 299–308, № 2 (воспроизводим прорись издателя).

переполнен декоративностью, что ни о каком доэллинистическом времени нельзя и заикнуться. На полтора десятка альф – десяток форм, в том числе с выходом одной боковины вверх за пересечение с другой, отчасти и с их перекрещиванием, поперечина причудливо пляшет в разных направлениях, обязательно выходя за одну или обе боковины; это разнообразие форм папирусного унциала. На 7 N пять форм, причем почти у всех боковые гасты равной величины, а в начале стк. 3 еще и изогнуты. Шесть пи на все вкусы и времена: в стк. 3, 6 правая гаста короткая, в стк. 4 немного удлинена, эту форму можно бы назвать классической, не будь она писана коряво. У пи стк. 2, 5 крышка выходит за пересечение с вертикалью влево или вправо, в стк. 2 правая гаста немного укорочена, в стк. 5 обе вертикали равновеликие; наконец, в стк. 1 форма л. Последняя форма хоть известна папирусному письму с конца IV в.,²¹ обычна в эпиграфике Северного Причерноморья преимущественно позднеэллинистического времени: в Протогеновском декрете 180-х – 170-х гг. (IOSPE I² 32), в граффити нимфейского святилища Афродиты второй половины III – II вв.²² Из трех сигм наиболее показательна в стк. 3: основание и верх у нее горизонтальны, внутренние линии перекрещены, – это форма II–I вв., которую мы назвали позднемонументальной и о которой подробно ведем речь²³. Позднеэллинистический набор форм, словно печать официального документа, удостоверяет омега в виде загогулины с одной лапкой, то левой, то правой, как в папирусном письме указанного времени. Ввиду изложенного данный наговор относится ко II–I в. Примерно в середине I в. Ольвия подверглась нашествию гетов и была оставлена жителями до времени Августа, но исход их начался еще во II в. (ОХБ, 574-575, лит.). По этой причине надписей II–I вв. мало, тем более ценен каждый памятник.

Теперь о текстологии. Чтение Тохтасьева: Βατίκων, Ἀλατούριος, | Π<ι>τθάκης, Φορμίων, | Αντιάναξ, Σπαλω<v>, Ἦδυ- v. | [---] Δ (?) Ζ ᾽ περὶ Ἀλατούριον | καὶ Πιτ {α} θάκηv καὶ Βατικῶνα πάντα<ς> vας. | vας. Хотя надпись хорошей сохранности и буквы резаны удовлетворительно, текст издателя в некоторых местах странен и нуждается в правке соответственно подлиннику. В стк. 2 вопреки навороченному им Π<ι>τθάκης ясно читается правильно написанное имя Πιθάκης. Тохтасев безосновательно принял кончик вышестоящей Α, по которому резана крышка Π, за правую короткую гасту пи, а ее правую боковину за иоту, не увидев странным образом, что в результате над его | возникает вовсе неуместная полочка, так что получается Т. Форма Πιθάκης – нормальный вариант личного имени, лучше сказать «обезьяньего» прозвища, от πίθηκος «обезьяна», подобно именам-прозвищам Πίθηκος, Πιθακίων²⁴. Также в стк. 5, где резчик по описке упреждающим образом написал альфу перед тетой (увидев это, перечеркнул ее сверху, поскольку посередине она уже была как бы перечеркнута перекладиной буквы), следует читать Πι{α}θάκηv. Серьезная текстологическая проблема ожидает нас в конце стк. 3 и начале стк. 4: ΣΠΑΛΩΝΔΥ | Δ⁰Ζ ᾽. По Тохтасеву, тут два имени: мужское, не засвидетельствованное Σπαλω<v>, или женское Σπαλώ, и какое-либо на ἦδυ-. Однако в начале стк. 4 стоит мелкий омикрон или дельта, за ним Ζ и явный детер-

²¹ Gardthausen 1913, Taf. 1.

²² Яйленко 1995, 232, 258 (рисунки).

²³ Яйленко 2021, № 7, 54.

²⁴ Pape, Benseler 1884, 1196.

минант цифровой записи или сокращения в виде горизонтального прочерка, т.е. читается ΔZ^- или $^O Z$. Как видно, личного имени тут быть не может, это цифирь или нарративный текст со знаком сокращения, следовательно, он же и в конце стк. 3.

В цифровых записях ΔZ^- или $^O Z^-$ означает $\delta(\rho\alpha\chi\mu\tilde{\omega}\nu)$ $\zeta' = \langle 7 \text{ драхм} \rangle$ или $\delta(\beta\omicron\lambda\tilde{\omega}\nu)$ $\zeta' = \langle 7 \text{ оболон} \rangle$, но денежная сумма, да еще точная, наговорам не свойственна. Очень предположительно можно бы счесть Δ сокращением слова $\delta\alpha\iota\mu\omega\nu$, как в ближневосточной эпиграфике,²⁵ $\zeta = 7$, в целом, быть может, $\delta(\alpha\iota\mu\omega\nu\epsilon\varsigma)$ $\zeta' = \langle \text{д(е)монов} \rangle 7$.²⁶ Однако трудно связать такое сокращение с предшествующим текстом конца стк. 3, который поддается прочтению и вполне соответствует контексту наговора: $\sigma\pi\acute{\alpha}\lambda\omega \text{ ἥδὺ}$ («потрясаю с удовольствием»), причем далее следуют ожидаемые винительные падежи имен тех лиц, на которых пал гнев составителя наговора. Оба слова написаны четко, так что прочтение их точное, необходимо лишь разъяснить форму $\sigma\pi\acute{\alpha}\lambda\omega$, поскольку она гапакс. В основе глагол $\pi\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega$ «трясти, потрясать, размахивать», его упрощенную форму $\pi\acute{\alpha}\lambda\omega$ дают схолии к Аристофану (*Nubes*, 262d 1). Начальная сигма разъясняется через глагол того же значения $\sigma\pi\alpha\lambda\acute{\upsilon}\sigma\sigma\omicron\mu\alpha\iota$, упоминаемый Гесихием ($\sigma\pi\alpha\lambda\acute{\upsilon}\sigma\sigma\epsilon\tau\alpha\iota$ $\sigma\pi\alpha\rho\acute{\alpha}\sigma\sigma\epsilon\tau\alpha\iota$, $\tau\alpha\rho\acute{\alpha}\sigma\sigma\epsilon\tau\alpha\iota$, где $\tau\alpha\rho\acute{\alpha}\sigma\sigma\omega$ «потрясать, сокрушать»), с которым по суффиксации и значению аналогична производная от $\pi\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega$ форма $\pi\alpha\lambda\acute{\alpha}\sigma\sigma\omicron\mu\alpha\iota$.²⁷ Эти данные указывают на куст глаголов с основой (σ)παλ- «трясти» и пр., в котором находит свое место и $\sigma\pi\acute{\alpha}\lambda\omega$ ольвийского наговора. Обратим внимание на мелкий масштаб сигмы, который может указывать, что она была дописана, тогда читается $\pi\acute{\alpha}\lambda\omega$, не требующее разъяснения. Далее в начале стк. 4 видим цифру: $\omicron\zeta' = 77$; примем во внимание сакральный характер цифры 7 у греков; к примеру, семерка обыграна в оракуле с Березани: 7, 70, 700, 7000 (ОХБ, 33). Выше, в наговоре № 1, преданы проклятию 33 человека. В последней строке С.Р. Тохтасьев дополнил $\lambda\acute{\alpha}\nu\tau\alpha<\zeta>$, обычное после перечня имен. Однако в данном наговоре наряду с перечнем есть нарративный текст, и как бы его не понимать, оно означает нечто, относящееся к проклинаемым лицам, поэтому $\lambda\acute{\alpha}\nu\tau\alpha$ «все» подлинника не нуждается в исправлении.

Итак, без надуманных издателем поправок нормально, в соответствии с подлинником, читается следующий текст: Βατίκων, Ἀπατούριος, | Πιθάκης, Φορμίων, | Ἀντιάναξ, $\sigma\pi\acute{\alpha}\lambda\omega \text{ ἥδὺ}$ | $\omicron\zeta'$ περὶ Ἀπατούριον | καὶ Πιθᾶκην καὶ Βατίκωνα πάντα «Батикон, Апатурий, Питак, Формион, Антианакт, потрясаю с удовольствием 77 раз всё у Апатурия и Питака, и Батикона». Вертикаль | в конце стк. 6 – обычный в эпиграфике и папирусном письме знак окончания текста, так что $\nu\alpha\varsigma$. | $\nu\alpha\varsigma$. Тохтасьева неуместно. Как видно, автор наговора не ограничился обычным в Ольвии перечнем имен своих недругов, но внес в него и свою угрозу «потрясти» их. Такому текстуальному своеобразию наговора соответствует и его письмо, отличающееся динамикой порывистых форм. В числе задач, стоящих перед предстоящим сводом наговоров – выявление по возможности психологических аспектов. Тох-

²⁵ Avi-Yonah 1940, 46 (ΑΔ), 57.

²⁶ Подобное сокращение есть в филактерии женщины Абрагадзы из Пантикапея V в. н.э. (Яйленко 2005, 491–493, 514, рис. 17, 17а): в стк. 3 наряду с обычной абракадаброй есть и понятный текст, она начинается альфой, завершается омегой – обычная христианская формула; текст в конце строки: $\pi\epsilon\epsilon\text{-}\zeta\text{-}\delta\text{-}\omega$, смысл того, что до омеги, неясен.

²⁷ Chantraine 1974, 854.

Рис. 3. Прорись надписи № 3

Fig. 3. Drawing of the inscription №3

тасьев вроде бы усмотрел нечто подобное в сем заклятии, полагая, что автор его, будучи «выведен непростыми жизненными обстоятельствами из душевного равновесия, писал нервной скорописью». Может и так, но мы обратим внимание на весьма показательную в отношении письма омегу в виде простой загогулины с лапкой слева или справа. Это скорописная форма²⁸, автор наговора явным образом имел навык письма кисточкой, стало быть, в этом заключена природа столь необычного палеографического облика данного документа: он чертил буквы острием, словно водил кистью.

№ 3. Свинцовая пластинка «в форме бублика» (рис. 3), на части ее трехстрочная надпись, «полностью читаемый текст остается непонятным»²⁹.

Его текст: ΒΑΔΩΠΙΣΟΣ ΕΠΙΚΑΙΛΗΣ | ΝΙΓΕΣΩΝ ΚΑΡΤΕΟΣ | ΒΑΔΕΓΘΣΑΓΙΩΝ. В подтверждение магического характера надписи Тохтасьев привел два исковерканных слова из заклятий Греции, чего совсем недостаточно для такой интерпретации ольвийской надписи. В стк. 1, предположил он, не исключено чтение ΕΠΙΚΑΙΛΗΣ в качестве личного имени Ἐπικλής, и он потому не показал нужное Ἐπικ<αι>λής, что оно явно высвечивает неуместность такого прочтения. Полагаем, что при правильной в целом передаче текста подлинника у издателя неточны два места. Во-первых, чтение в стк. 2 графемы τσ — она византийского времени (например, τσάκιζειν, χαρισίοι Historiae Alexandri), поэтому тут скорее следует читать ε, а не с, либо видеть Π; в первом случае читается не дающее смысла καρτεος, во втором — императив κάρτε (= κάρτει). Во-вторых, ΝΙΓΕ начала стк. 2 ничего не означает, поэтому, полагаем, внизу тоже была черточка, т.е. читается не Γ, а Ζ — дзета с горизонтальными лапками (вверху направо, внизу налево) и прямой вертикалью, как в папирусном унциале с конца IV в.³⁰, что позволяет читать императив νίξε «мой, очищай». С учетом сих поправок читаем: βᾶ δ' ὀπίσω σ' ἐπὶ καὶ λῆς, | νίξε σῶν, κάρτε ὅς, | βᾶ δὲ, γ' ὅς' ἀγίων «о царь же, снова *взываю* к тебе, и *коли* ты желаешь — очищай здоровое; обильно наполняй их, о царь же, настолько, насколько можно чистыми *свойствами*».

Как видно, типологически данная надпись не наговор, а заговор на свинцовом кружке, который представляет собой охранительный филактерий; через его отверстие пропускали бечевку, чтобы носить. По форме он не бублик С.Р. Тохтасьева, а символическое изображение женской вульвы, на очищение и плодородие которой направлен заговор³¹. Обоснуем наше чтение. Над Α начала стк. 1 надписан знак

²⁸ Ср. Gardthausen 1913, Taf. 12.

²⁹ Тохтасьев 2000, 296–299, № 1 (воспроизводим прорись издателя).

³⁰ Gardthausen 1913, Taf. 1.

³¹ С.Р. Тохтасьев апеллировал также к обнаружению свинчатки с этой надписью на некрополе. Действительно, большинство наговоров на свинце происходит с кладбищ, но это не обязательный аргумент, поскольку там находят и свинцовые гири, апотропеи, письма на свинце (Яйленко 2005, 469–470). Также письмо на свинцовой пластине эллинистического времени зарыто в могилу на ольвийском кладбище римского времени (Шкорпил 1908, 71–74); оно найдено Б.В. Фармаковским в мо-

сокращения в виде тильды – $\tilde{\Lambda}$.³² У Эсхила (Supp. 892), $\beta\tilde{\alpha}$ – сокращение вокатива βασιλεῦ «о царь!». В лапидарных надписях известны сокращения β(ασίλεια), β(ασιλικός), βασι(λεύς), βασι(λεύς), βασι(λεις), βασι(λεις), βασι(λεις) и т.д.³³ Обращение к царю в начале магического текста обычно. Например, в гимнах, заговорах, призывах к Аполлону, Гелиосу и прочим богам магических папирусов часто обращение к ним как царям тут же находим императивные формы глаголов, местоимение σέ,³⁴ – все то, что содержит и ольвийский заговор. Далее в нем частица δέ («о царь же!») и наречие ὀπίσω «сзади, опять, потом» с переставленными взаимно в магических целях омегой и омикроном, т.е. вместо ὀπίσω (впрочем, это может быть связано и утрате различий между гласными по долготе-краткости, шедшей с III в.). Следующие СЕΠ = σ' ἐπὶ, опять-таки с магической инверсией вместо должного ἐπὶ σέ (или σοί) «к / при тебе». Дальнейшее ΚΑΙΛΗΣ = καὶ λῆς «и ты хочешь, желаешь»; λῆς – форма 2 лица наст. времени дорийского глагола λάω, но именно эта форма стала расхожей: у Аристофана спартанка Лампо говорит на аттическом языке, но употребляет и λῆς (Lysistr. 95); то же и в речи мегарца (Acharn. 766); это же λῆς и у аттического комика V в. Кратеса (fr. 41). В III в. находим λῆς у Каллимаха (Hymni, III, 19). Судя по присутствию его в ольвийском заговоре, в эпоху эллинизма словечко растеклось вширь³⁵. Далее следуют два императива: νίξε σῶν, κάρτε ὅς «очищай здоровое; обильно наполняй их». О чтении νίξε уже сказано; у прилагательного среднего рода σῶν значение «здоровое, целое, неповрежденное, находящееся в полной сохранности», это то, что божество («царь») призывается «очищать, орошать». Исходя из очистительного контекста филактерии, можно догадываться, что σῶν как neutr. sg. может подразумевать тут, к примеру, слово οὔρον «урина», т.е. общий смысл заключается в очищении или омовении «здоровой урины». Омовения в критические дни были для гречанок того времени намного важнее, нежели для нынешних женщин, поскольку по мужским понятиям – а именно они составляли общественное мнение в древности – женщина считалась нечистой не три дня, как в обычной реальности, а целых семь дней, только после этого срока она мнилась очистившейся³⁶. Отсюда и тема очищения в ольвийском филактерии.

гиле к северу от Зевсова кургана. Казалось бы, это важный довод в пользу аттестации его наговором (Б. Браво и др.), но археологическая реальность показывает, что это не так. Документ относится к III в. до н.э., а могильник датируется послегетским временем, причем он накрыл жилую территорию города эллинистического времени. Известно, что для совершения заклания можно было зарыть в чужую могилу любой кусок свинца, с надписью или без нее. Наиболее забавный пример этого – свинцовые бирки от амфор с вином для Митридата Евпатора и Фарнака, которые найдены в одной из могил на Митридате на груди костяка (Яйленко 2010, 212–213). Папирусные наставления в магии из Египта обычно рекомендуют писать на свинце наговоры, но изредка и целительные апотропеи, заговоры, формулы (PGM II, S. 168). См. такие образцы: Delatte, Derchain 1968, № 458; Bonner 1950, 132.

³² Avi-Yonah 1940, 38. Таков и знак обремененного ударения, циркумфлекс, но сия форма его и в византийское время поздняя (Gardthausen 1913, 393).

³³ Avi-Yonah 1940, 53.

³⁴ PGM I, № I sq. ; Bonner 1950, 23.

³⁵ Разумеется, вычитывать доризм в ольвийской надписи эллинистического времени не вполне уместно, однако лучшего чтения не видим. Можно усмотреть в λῆς конъюнктивную форму от λάω «видеть» или омонима λάω «хватать, держать», но эти глаголы эпические, в обыденном языке не значатся (LSJ, s. vv.). Но см. далее о возможном синопском происхождении филактерии, что объясняет доризм в нем.

³⁶ Dillon 2002, 249.

Но не только она, как следует из смысла императива *κάρτε* (окончание *ε* вместо *ει* обязано начавшемуся в III–II вв. процессу монофтонгизации дифтонгов,³⁷ оно явно подстроено под предшествующий императив *víζε*)³⁸. Это императив от глагола *καρπεῖν*, упомянутого Гесихием (s.v.), который пояснил его значение смысловым аналогом *πληώττειν*. Оба инфинитива гапаксы, но суть их понятна: *καρπεῖν* – инфинитив к *καρπέω*, параллельной форме к *καρπόω* «давать плоды, порождать» (как пары *ποιέω* – *ποιόω* и пр.); *πληώττειν* – инфинитив из числа производных от основы *πλη-*, как *πίμπλημι* «полнить, наполнять», отсюда примерное значение *καρπεῖν* «обильно (по)рождать, плодоносить, наполнять». Это тоже функция женской вульвы, поэтому она логически следует за текстом филактерия о ее очищении. Следующее *ὅς* не может быть номинативной формой ед. числа, ибо по контексту ее не с чем связать; поэтому видим тут форму асс. pl. *ὅς* = *ὅυς*, обусловленную только что упомянутой монофтонгизацией дифтонгов, в том числе сокращением *ου* > *ο* с III и особенно со II в.³⁹ Общий смысл выражения *κάρτε ὅς* «обильно наполняй их»; тут masc. асс. pl. *ὅς* (= *ὅυς*), подобно предшествующему *σῶν*, может подразумевать остальные части вульвы в целом, в том числе связанные с деторождением, которые обозначаются словом мужского рода, к примеру, *κόλλος* (у медиков времени Траяна Руфа, Сорана, у лексикографов: LSJ, s.v., 2). Этот период фразы продолжается в стк. 3 повторным обращением к божеству – *βᾶ δὲ* – и дальнейшим текстом: *γ' ὅς' ἀγίων* (= *γέ ὅσα ἀγίων*), так что в целом сей заключительный период означает: «обильно наполняй их, о царь же, настолько, насколько можно чистыми *свойствами*». Глаголы наполнения (*πίμπλημι* и пр.) требуют род. падежа,⁴⁰ отсюда *ἀγίων*. У прилагательного *ἄγιος* нематериальные, отвлеченные значения: «чистый, незапятнанный, неприкосновенный, священный, безукоризненный», так что после призыва к божеству о физическом омоложении / очищении вульвы далее в филактерии следует пожелание, чтобы он озаботился и об ее символической чистоте.

В числе греко-египетских амулетов есть относящиеся к женской вульве, порой она изображена в виде овала – примерно той же формы, что и ольвийский филактерий. При них есть разъясняющие суть магического действия надписи. К примеру, одна гласит: *τάσσον τὴν μήτραν τῆς θεῖνα εἰς τὸν ἴδιον τόπον ὁ τὸν κύκλον τοῦ ἡλείου* «вправь матку такой-то *женщины* на свое место, которое соответствует солнечному циклу», при этом *τῆς θεῖνα* указывает, что продавец мог подставить личное имя любой покупательницы. Надпись на другом амулете предназначена для налаживания нормального менструального цикла: *στάλητι μήτρα* «истекай, вульва, каплями» (интерпретация наша). На амулетах действует и специальное божество Орориут, *μήτρας γυναικῶν κύριος* – «владыка *проблем* женской вульвы»; конечно, в их числе деторождение, к примеру: *κατάσχεσ τὴν μήτραν Μαξείμας ἥς ἔτεκεν* «сохрани матку роженицы Максимы»⁴¹.

³⁷ Crönert 1903, 107–115; Mayser 1923, 67–69.

³⁸ Вокатив *κάρτε* слова *καρπός* («о плод!») по смыслу текста мало уместен.

³⁹ Crönert 1903, 129–130; Mayser 1923, 116–117.

⁴⁰ Нидерле 1880, 59–60.

⁴¹ Bonner 1950, 79–82, 84–86.

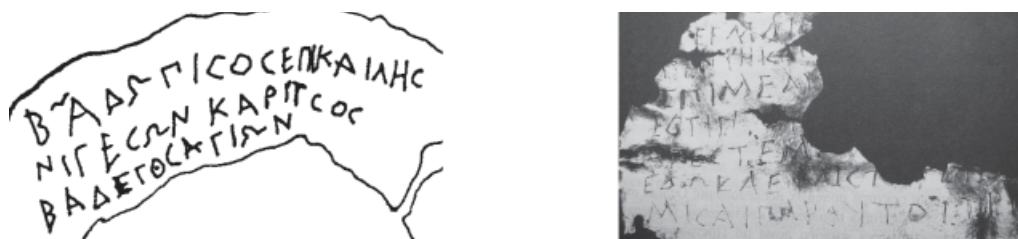

Рис. 4. Надпись № 3 и фото письма с Митридата (Сапрыкин, Куликов 1999)

Fig. 4. The inscription № 3, and a photo of the letter with Mithridates (Saprykin, Kulikov 1999)

Теперь о дате заговора. По С.Р. Тохтасьеву, это вторая половина IV в. с отсылкой к «ближайшим аналогиям» из Ольвии у Л. Дюбуа,⁴² но на проверку там мало чего общего. Третья ближайшая аналогия, по Тохтасьеву, – письмо с Митридата (рис. 4), датированное издателями первой половиной – серединой IV в.⁴³ Специально помещаем фото письма рядом с ольвийской надписью, чтобы нагляднее было видно: между ними вообще нет ничего общего. Зато видно, что убогая публикация текста Тохтасьевым закономерно сопровождается халтурной датировкой. Рассмотрим палеографию ольвийского заговора, заодно и письма с Митридата.

Прежде всего отметим необычность ольвийского изделия и по форме и по тексту, подобных в Северном Причерноморье нет, и это наводит на мысль о его поступлении откуда-то извне, что в общем свойственно филактериям. Точно так же привозной, из Египта, замечательный филактерий II–III вв. н.э., найденный под Анапой, и точно так же он отличается своеобразием формы изделия и текста сравнительно с множеством египетских целительных филактериев на папирусе, так что издатель справедливо отметила индивидуальность его изготовления⁴⁴. Но ольвийский заговор лишен каких-либо признаков египетско-ближневосточной магии, например, в нем нет формул, принятых в тамошних филактериях,⁴⁵ поэтому можно думать о другом очаге распространения магических верований – малоазийском. Обратим внимание и на сопровождение вокатива βᾱ «о царь» в обоих случаях частицей δέ, по-гречески вовсе не обязательной («о царь же»); видимо, это калька формулы обращения к царю, принятой в каком-то малоазийском или иного происхождения языке. Тут самое время вспомнить о доризме λῆς в ольвийском филактерии, а также о доризмах в языке синопских клейм IV–III вв., ионийском по облику и происхождению (Синопа – выселок Милета)⁴⁶. Ольвия IV–III вв. имела широкие торговые связи с Синопой, получая оттуда строительную керамику, лутерии, вино и масло в амфорной таре⁴⁷. Для нас существенно, что через возможное синопское происхождение филактерия мы получаем объяснение доризму λῆς в его тексте.

⁴² Dubois, 1996, № 106, 107.

⁴³ Сапрыкин, Куликов 1999, 202.

⁴⁴ Блаватская 1958, 231–239.

⁴⁵ См. их: Bonner 1950, 45 f.

⁴⁶ Граков 1928, 30, 53, 60–61.

⁴⁷ Лейпунская 1981, 66–67, лит.

Графика надписи отчасти, но явным образом обусловлена ее магическим характером: написано 5 альф и ни одна не похожа на другую, их формы из разных эпох – архаической (стк. 1–2), классической (первая в стк. 1), эллинистической (стк. 3). Также три Е и все разной формы: архаической в стк. 1, классической в стк. 3, эллинистической в стк. 2. Из одной этой мешанины форм следует, что надпись эллинистического времени, причем точку над *i* ставят формы *пи*: первая в стк. 1 классическая, вторая в стк. 1 и в стк. 2 эллинистическая, с равновеликими гастами⁴⁸. В то же время отметим вполне сдержанные формы двух капп – с короткими и средней длины усиками, которые примыкают друг к другу под прямым углом: это формы V–IV вв.; три омеги однотипны – их лапки на разных уровнях, это папирусная форма конца IV в.⁴⁹. Эти начертания не позволяют отодвигать надпись вглубь эллинистического времени, так что в целом все изложенное указывает на III в., скорее его первую половину. С такой палеографической датой согласны и отмеченные данные языка – монофтонгизация дифтонгов (*ei* > *e*, *ou* > *o*), шедшая с III и особенно со II вв.; сюда и опущение иоты во флексии 2 лица *λης*. Заметим также, что употребление тильды над буквой в ближневосточных надписях, судя по своду М. Ави-Йонаха, засвидетельствовано с 78 г. н.э.,⁵⁰ что в какой-то мере тоже препятствует датировке надписи доэллинистическим временем.

№ 4. Обколотое дно чл. сосуда с наговором, издали в качестве *magisch-votiv* надписи Ю.Г. Виноградов, А.С. Русяева: Ἐργασίων|ος ἑτερον χαῖρε, | ἑτερον Προτέας μῆ | μῆ χαῖρε⁵¹. Перевода они не дали, и это не случайность, а закономер-

⁴⁸ Кстати, это разнообразие форм поясняет, почему в стк. 1, 3 эпсилон прямой (Ε), а в стк. 2, где мы читаем *карте*, курсивный.

⁴⁹ Gardthausen 1913, Taf. 1.

⁵⁰ Avi-Yonah 1940, 38.

⁵¹ Vinogradov, Rusjaeva 1998, 157 (воспроизводим их фото).

ное следствие невразумительного понимания надписи как «магическо-вотивной», – qu' est ceci? Вряд ли оправдано вычитывание имени Эргасион: оно, во-первых, редкое, во-вторых, в наговорах употребительно слово ἐργασία «работа, труд; занятие, ремесло, промысел; результаты труда – изделия, выработка, доход». Так, в наговоре из Пантикапея проклятию предана ἐργασίη «производственная выработка», в аттическом наговоре III–II вв. катаδῶ ... τὴν ἐργασίαν αὐτοῦ «связываю / проклиная ... труд / выработку его», в ряде иных аттических наговоров тоже навлекается зло на производство товаров, на торговлю и прочую экономическую деятельность проклиняемого, в том числе ἐργασία⁵². Нет в тексте и никакого μῆ | μῆ, есть ΜΙ|ΜΗ. Так что на самом деле ольвийская надпись – обычный наговор, пожелание некому Протеасу, чтобы все его труды были втуне: ἐργασίων| ὅς | ἔτερον, χαῖρε, | ἔτερον Πρωτέας μί|μῆ, χαῖρε «из трудов – чтобы одно зло, прощай; другое зло, Протеас – чтобы ты был разыгран, прощай»⁵³. Дату и этой надписи Виноградов, по своему обыкновению (примеров несть числа – ОХБ, 43, 45, 200–206, 266–268, 296–297 и т.д.), удревил – третья четв. IV в. Стоит присмотреться к формам одной только альфы, по-эллинистически вычурным, чтобы убедиться в принадлежности наговора к III в. Хаотичность письма – это настоящее броуновское движение – из того же времени. Разный формат букв во всех строках, разные масштабы букв, в том числе соседних, – вероятный элемент рисуночной магии, но это возможно в тех условиях, когда прочно утеряна сама традиция регулярного письма. Приемом магии может быть и написание слова ὅς (или ἔως) не в следующей стк. 2, а над ἐργασίων. Впрочем, ὅς (ἔως?) могло быть надписано и в качестве дополнения к уже начертанному тексту стк. 1–2.

ЛИТЕРАТУРА

- Белоусов, А.В., Дана, М., Николаев, Н.И. 2015: Два новых заклятия с ольвийской хоры. *Аристей* 12, 170–191.
- Блаватская, Т.В. 1958: Амулет из окрестностей Горгиппии. В сб.: И. Бешевлиев, В.Л. Георгиев (ред.), *Изследования в чест на акад. Д. Дечев*. София, 231–239.
- Болтунова, А.И., Книпович, Т.Н. 1962. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре. *НЭ* III, 3–31.
- Граков, Б.Н. 1928: *Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов*. М.
- Емец, И.А. 1995: Классификация и шрифт боспорских граффити и дипинти. *Эпиграфический вестник* 2, 40–60.
- Книпович, Т.Н. 1966: Греческое лапидарное письмо в памятниках Ольвии. *НЭ* VI, 3–30.
- Лейпунская, Н.А. 1981: *Керамическая тара из Ольвии*. Киев.
- Нидерле, Г. 1880: *Синтаксис греческого языка*. Ч.2. М.
- Сапрыкин, С.Ю., Куликов, А.В. 1999. Новые эпиграфические находки в Пантикапее. В кн.: *Древнейшие государства Восточной Европы, 1996–1997*. М., 201–218.

⁵² Wunsch 1897, № 5, 30, 68 etc.; Audollent 1904, № 52; Яйленко 2005, 476; Dufault 2017, 13.

⁵³ Принимаем у ὅς финальное значение «чтобы» (LSJ, s. v., B IV, 4). Слово ἔτερος в числе прочего употребляется и как эвфемистический заменитель слова κακός «дурное, зло» (LSJ, s. v. ἔτερος, III, 2), так что тут ἔτερον – ἔτερον «одно зло, другое зло»; χαῖρε может употребляться как разговорная прощальная формула, типа нашего «пока, пока!»; μί|μῆ – 2 лицо praes. conj. pass. глагола μιμέομαι «представлять, разыгрывать», т.е. «чтобы ты был разыгран!». Не видев подлинника, не можем утверждать наверняка, но над ΩN конца стк. 1 скорее читается не ΟΣ издателей, а ΕΩΣ, в таком случае по контексту у этого ἔως наречное значение «всегда», которое хорошо вписывается в наш текст наговора.

- Тохтасьев, С.Р. 2000: Новые tabellae defixionum из Ольвии. *Hyperboreus* VI.2, 296–308.
- Шкорпил, В.В. 1908: Три свинцовые пластинки с надписями из Ольвии. *ИАК* 27, 68–74.
- Яйленко, В.П. 1995: Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях. В кн.: Л.П. Маринович, С.Ю. Сапрыкин (ред.), *Женщина в античном мире*. М., 204–272.
- Яйленко, В.П. 2005: Магические надписи Боспора. *ДБ* 8, 459–508.
- Яйленко, В.П. 2010: *Тысячелетний Боспорский реи́х. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э.* М.
- Яйленко, В.П. 2017: *История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н.э. – VII в. н.э.* СПб.
- Яйленко, В.П. 2021: Датирование и интерпретация надписей Северного Причерноморья IV–I вв. до н. э., преимущественно наговоров и писем (в печати).
- Audollent, A. 1904: *Defixionum tabellae quotquot innotuerunt*. Paris.
- Avi-Yonach, M. 1940: *Abbreviations in Greek Inscriptions*. London.
- Bonner, C. 1950: *Studies in Magical Amulets*. Ann Arbor.
- Cauer, P., Schwyzler, E. 1960: *Dialectorum Graecarum exempla epigraphica potiora*. Hildesheim. (Репринт).
- Chantraine, P. 1974: *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. T. III. Paris.
- Crönert, G. 1903: *Memoria Graeca Herculanensis*. Lipsiae.
- Delatte, A., Derchain, Ph. 1964: *Les intailles magiques greco-égyptiennes*. Paris.
- Dillon, M. 2002: *Girls and Women in Classical Greek Religion*. London–New York.
- Dubois, L. 1996: *Inscriptions grecques dialectales d’Olbia du Pont*. Genève.
- Dufault, O. 2017: Who Wrote Greek Curse Tablets? *Humanities Commons*, hcommons.org/deposits.
- Gardthausen, V. 1913: *Griechische Palaeographie*. Bd. 2. Leipzig.
- Hansen, B. 1958: *Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Berlin.
- Mayser, E. 1923: *Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit*. Lipsiae.
- Pape, W., Benseler, G.E. 1884: *Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Braunschweig.
- Thumb, A., Scherer, A. 1959: *Handbuch der griechischen Dialekte*. Bd. 2. Heidelberg.
- Vinogradov, Ju.G. 1994: New Inscriptions on Lead from Olbia. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 1.1, 103–111.
- Vinogradov, Ju.G., Rusjaeva, A.S. 1998: Phantasmomagica Olbiopolitana. *ZPE* 121, 153–164.
- Wünsch, R. 1897: *Defixionum tabellae in Attica regionem repertae*. (Corpus inscriptionum Atticarum. Vol. III/3. Appendix). Berolini.
- Zgusta, L. 1964. *Kleinasiatische Personennamen*. Prag.

REFERENCES

- Audollent, A. 1904: *Defixionum tabellae quotquot innotuerunt*. Paris.
- Avi-Yonach, M. 1940: *Abbreviations in Greek Inscriptions*. London.
- Belousov, A.V., Dana, M., Nikolaev, N.I. 2015: Dva novykh zakliatiya s olviyskoy khory [Two new curse tablets from the Olbian chora]. *Aristey [Aristaeas]* 12, 170–191.
- Blavatskaya, T.V. 1958: Amulet iz okrestnostey Gorgippii [Amulet from the environs of Gorgippia]. In: V. Beshevliev, V. Georgiev (eds.), *Izledvaniya v chest na akad. D. Dechev [The Studies in Honour of Academician D. Dechev]*. Sofia, 231–239.
- Boltunova, A.I., Knipovich, T.N. 1962: Ocherk istorii grecheskogo lapidarnogo pis'ma na Bospore [A short view on the history of Greek lapidary writing in the Bosphorus]. *Numizmatika i epigrafika [Numismatics and Epigraphy]* III, 3–31.
- Bonner, C. 1950: *Studies in Magical Amulets*. Ann Arbor.

- Cauer, P., Schwyzer, E. 1960: *Dialectorum Graecarum exempla epigraphica potiora*. Hildesheim.
- Chantraine, P. 1974: *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. T. III. Paris.
- Crönert, G. 1903: *Memoria Graeca Herculanensis*. Lipsiae.
- Delatte, A., Derchain, Ph. 1964: *Les intailles magiques greco-égyptiennes*. Paris.
- Dillon, M. 2002: *Girls and Women in Classical Greek Religion*. London–New York.
- Dubois, L. 1996: *Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont*. Genève.
- Dufault, O. 2017: Who Wrote Greek Curse Tablets? *Humanities Commons*, hcommons.org/deposits.
- Emetz, I. A. 1995: Klassifikatsiya i shrift bosporskikh graffiti i dipinti [Classification and type of the Bosporan graffiti and dipinti]. *Epigraficheskiy vestnik* 2, 40–60.
- Gardthausen, V. 1913: *Griechische Palaeographie*. Bd. 2. Leipzig.
- Grakov, B.N. 1928: *Drevnegrecheskie keramicheskie kleyma s imenami astinomov* [The Old Greek ceramic stamps with the astynom's names]. Moscow.
- Hansen, B. 1958: *Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Berlin.
- Knipovich, T.N. 1966: Grecheskoe lapidarnoe pismo v pamiatnikakh Olvii [A Greek lapidary writing in the Olbian monuments]. *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and Epigraphy] VI, 3–30.
- Leipunskaya, N.A. *Keramicheskaya tara iz Olvii* [The ceramic amphorae tare from Olbia]. Kiev.
- Mayser, E. 1923. *Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit*. Lipsiae.
- Niderle, G. 1880: *Sintaksis grecheskogo yazyka* [A Syntax of Greek language]. Pt. 2. Moscow.
- Pape, W., Benseler, G.E. 1884: *Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Braunschweig.
- Saprykin, S.Yu., Kulikov, A.V. 1999: Novye epigraficheskie nakhodki v Pantikapee [The new epigraphical findings in Panticapaeum]. In: A.V. Podosinov (ed.), *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy 1996–1997* [The Most Ancient States of Eastern Europe 1996–1997]. Moscow, 201–208.
- Shkorpil, V.V. 1908: Tri svintsovye plastinki s nadpisyami iz Olvii [Three inscribed lead plaques from Olbia]. *Izvestiya Arkheologicheskoy komissii* [Proceedings of Archaeological Commission] 27, 68–74.
- Thumb, A., Scherer, A. 1959: *Handbuch der griechischen Dialekte*. Bd. 2. Heidelberg.
- Tokhtasiev, S.R. 2000: Novye tabellae defixionum iz Olvii [The new tabellae defixionum from Olbia]. *Hyperboreus* VI/2, 296–316.
- Vinogradov, Ju.G. 1994: New Inscriptions on Lead from Olbia. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 1.1, 103–111.
- Vinogradov, Ju.G., Rusjaeva, A.S. 1998: Phantasmomagica Olbiopolitana. *ZPE* 121, 153–164.
- Wünsch, R. 1897: *Defixionum tabellae in Attica regionem repertae*. (Corpus inscriptionum Atticarum. Vol. III/3. Appendix). Berolini.
- Yailenko, V.P. 1995: Zhenschiny, Afrodita i zhritsa Spartokidov v novykh bosporskikh nadpisyakh [The women, Aphrodite and priestess of the Spartokids in the new Bosporan inscriptions] In: L.P. Marinovich, S.Yu. Saprykin (eds.), *Zhenschina v antichnom mire* [A Woman in the Ancient World]. Moscow, 204–272.
- Yailenko, V.P. 2005: Magicheskie nadpisi Bospora [The magical inscriptions of the Bosphorus]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 8, 459–508.
- Yailenko, V.P. 2010: *Tysyacheletniy bosporskiy reikh. Istoriia i epigrafika Bospora VI v. do n.e. – V v. n.e.* [The Bosporan thousand-year “Reich”. History and epigraphy of the Bosporan Kingdom from the 6th century BC to 5th century AD]. Moscow.
- Yailenko, V.P. 2017: *Istoriya i Epigrafika Ol'vii, Khersonesa i Bospora VII v. do n.e. – VII v. n.e.* [History and Epigraphy of Olbia, Chersonese and the Bosphorus from 7th c. BC to 7th c. AD]. Saint Petersburg.

- Yailenko, V.P. 2021: *Datirovanie i interpretatsia nadpisey Severnogo Prichernomoriya IV–I vekov do n. e., preimushchestvenno nagovorov i pisem* [Dating and interpretation of the 4th – 1st centuries BC inscriptions from the North Pontic Region, mainly the curse tablets and private letters] (forthcoming).
- Zgusta, L. 1964. *Kleinasiatische Personennamen*. Prag.

NOTES TO TEXTOLOGY AND DATING OF THE NEW-PUBLISHED CURSE INSCRIPTIONS FROM HELLENISTIC OLBIA

Valery P. Yailenko

Independent Researcher, Moscow, Russia
valeryjailenko@gmail.com

Abstract. In this article, the author gives the critical analysis of four new-published at 1998, 2000, 2015 curse inscriptions from Olbia, especially their textology and dating. Three items are engraved on the lead plates, one on ceramic sherd. The publishers have interpreted all them as curse inscriptions and have dated from the second half of the 4th century BC. The author suggests, that it is demanded to give a more precise text and dates of the inscriptions, he gives essentially new textology and dating. As the result inscription No. 3 isn't the curse inscription, but healing phylactery for woman. The author has also argued more late dates of the inscriptions: No. 1 pertains to late 3rd – 2nd century BC, No. 2 to 2nd – 1st centuries BC, Nos. 3-4 are of the 3rd century BC.

Keywords: Hellenistic Olbian curse inscriptions, phylactery, textology, dating

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-4-70-41–109

БРОНЗОВЫЕ СОСУДЫ ПОЗДНЕРЕСПУБЛИКАНСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ КОЧЕВНИКОВ АЗИАТСКОЙ САРМАТИИ

М.Ю. Трейстер

Германский археологический институт, Берлин, Германия
mikhail.treister@dainst.de, mikhailtreister@yahoo.de

Аннотация. В статье рассматриваются редкие бронзовые сосуды последней четверти II – третьей четверти I в. до н.э. из погребений кочевников Азиатской Сарматии. К ним относятся черпаки с горизонтальными (типа Песчате) и вертикальными ручками, кружка типа Идрия, кувшин типа Галларате, сковороды типа Айлесфорд, некоторые типы тазов и асков, кратер (тип Eggers 94), всего чуть более десятка сосудов. Бронзовые сосуды поздне-республиканских типов преобладают в Нижнем Подонье, где их концентрация сопоставима с концентрацией находок таких сосудов на правом берегу Кубани в ее дельте. Особого внимания заслуживает тот факт, что значительная часть их находок в Азиатской Сарматии происходит не из Нижнего Подонья, а из двух погребальных комплексов в Нижнем Поволжье: погребения № 8 кургана № 55/1954 Калиновского могильника и погребения № 1/1984 у с. Косики. Не будем забывать и находку сковороды типа Айлесфорд в соседней могиле № 2. Далее на восток, в Заволжье и в Южном Приуралье бронзовые поздне-республиканские сосуды не известны. По концентрации бронзовых сосудов поздне-республиканских типов в одном погребении комплексы из Калиновки и Косики могут быть сопоставлены с разрушенным погребением в кургане у хут. Элитный в Прикубанье и обнаруживают сильное сходство с концентрацией находок этих же типов в некоторых погребениях (особенно № 3, 4, 6, 7) могильника Орнавассо-Сан Бернардо в Северной Италии. Далее приводятся данные о том, что в Закавказье, на Северном Кавказе, в Центральном Предкавказье и в Прикубанье известно уже 4 экземпляра кувшинов типа Пьятра Нямц и один – типа Орнавассо-Керумгаард. Делается попытка интерпретации появления сосудов поздне-республиканских типов в Прикубанье, на Нижнем Дону и Нижнем Поволжье. Хотя, учитывая распределение таких сосудов в Сарматии, нельзя исключать возможность их поступления через Танаис и центры Азиатского Боспора во время пребывания Митридата VI на Боспоре, тем не менее уже неоднократно высказывающееся предположение о распространении

Данные об авторе: Михаил Юрьевич Трейстер – доктор исторических наук, научный сотрудник Германского археологического института.

Представленная публикация выполнена в рамках проекта, финансируемого DFG и РФФИ, «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н. э. – III в. н. э.» (FL-334/15-1). Партнер проекта с российской стороны – Б.А. Раев. Соответственно данная статья проиллюстрирована материалами из погребений с территории Азиатской Сарматии. Автор выражает искреннюю признательность за предоставленную нам возможность работать в экспозиции и фондах музеев, фотографии предметов из которых представлены здесь: О.В. Григоренко (Аксай, АВМ), Д.В. Васильеву (Астрахань, АГОИАМЗ), В.В. Науменко (Новочеркасск, МИДК), А.Г. Язовских (Ростов-на-Дону, РОМК), И.П. Засецкой, Е.Ф. Корольковой, С.В. Воронятову (Санкт-Петербург, ГЭ), К.Ю. Моржерину (Саратов, СОМК), М.В. Герасименко (Таганрог, ГЛИАМЗ), С.А. Науменко и Н.С. Щербаковой (Танаис, АМЗТ).

бронзовой посуды позднереспубликанского времени в связи с участием сарматов в составе войск Митридата VI и Фарнака II в походах в Малую Азию представляется не менее вероятным. Определенная часть сосудов позднереспубликанских типов могла попасть к сарматам в результате военных столкновений с германскими дружинами, проникавшими глубоко на территорию Восточной Европы во второй половине I в. до н.э.

Ключевые слова: бронзовые сосуды позднереспубликанских типов Песчате, Галларате, Идрия, Айлесфорд, Пятра Нямец, Орнавассо-Керумгаард, Азиатская Сарматия, Подонье, Прикубанье, Нижнее Поволжье, Центральное Предкавказье, Закавказье, Митридат VI, Фарнак II

Введение

Более четверти века назад Б.А. Раев опубликовал исследования, посвященные находкам бронзовых сосудов позднелатенских типов в Сарматии, основу которых составили находки из Прикубанья¹. В данной статье на основании современного состояния исследования бронзовых сосудов позднереспубликанского времени рассматриваются изделия последней четверти II – третьей четверти I в. до н.э. из погребений кочевников Азиатской Сарматии. К ним относятся черпаки с горизонтальными (типа Песчате) и вертикальными ручками, кружка типа Идрия, кувшин типа Галларате, сковороды типа Айлесфорд, некоторые типы тазов и асков, кратер (тип Eggers 94), всего чуть более десятка сосудов.

1. Ковши типа Песчате

Бронзовые ковши итальянской работы типа Песчате были найдены в кургане № 13/1996 на землях колхоза им. С.Г. Шаумяна у ю-з окраины с. Чалтырь недалеко от Танаиса (рис. 1)² и в погребении № 1/1984 в Косике в Нижнем Поволжье (рис. 2; 3, 1)³. На территории Северного Причерноморья известна еще одна находка – в святилище на перевале Гурзуфское седло⁴.

Ковши типа Песчате получили широкое распространение от Португалии⁵ и Испании⁶ – на западе до Подунавья⁷, Северного Причерноморья и Ближнего Востока⁸ – на востоке.

¹ Раев 1993, 160–175 = Raev 1994, 347–353.

² Глебов 2002, 31, № 7, рис. 2, 4; 2004, 130; 2006, 63; Treister 2005, 233; Сергацков 2006, 40, 56, рис. 4, 4; Раев 2006б, 96–97.

³ Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993, 151; 153–154, рис. 7–8 (ручка и вместилище атрибутированы как два разных сосуда; обломанные стержни ухвата описаны как дуговидная ручка «котелка»); Трейстер 1994, 198, прим. 183; 2005, 323; Treister 1997, 49–51, 83, fig. 14; 2005, 230, 233, 235, fig. 11, 1; Белоусов, Трейстер 2018, 99, 100, рис. 6.

⁴ Новиченкова 2002, 99, 101, рис. 63, 12; 2015, 91, рис. 180; 115, рис. 215, 12; Novichenkova 2016, 221; Новиченкова 2017, 242, прим. 3; 245, рис. 3, 1; 2018, 101; Novichenkova, Novichenkova 2017, 225.

⁵ Fabião 1999, 175, 176, fig. 2; Gomes 2017, 1140–1141, 1148, fig. 4 (карта распространения в Испании и Португалии).

⁶ Mansel 2000, 198–208, Abb. 1–7; 2017, 483–487, 530–533, Anh. 2; Pozo 2004, 96, fig. 6; Méndez Madrid 2015, 95–96; Prevosti Monclús et al 2017, 264, 268, fig. 12, 89; Pozo, Ruig 2018, 263–274, figs. 2–5. См. карты их распространения в Испании: Mansel 2000, 207, Abb. 7; 219–221; Méndez Madrid 2015, 96, fig. 5.

⁷ На территории Дакии: Rustoiu 1994, 231–237; 2005, 64–66, fig. 7. На территории к северу от Дравы (Transdanubia): Szabó 1995, 278; Dizdar, Radman-Livaja 2004, 51, pl. I, 5; Ratković 2005, 107, no. 46; 167.

⁸ Кораблекрушение у Ашкелона: Galili et al. 2010, 136, fig. 20, внизу; 138.

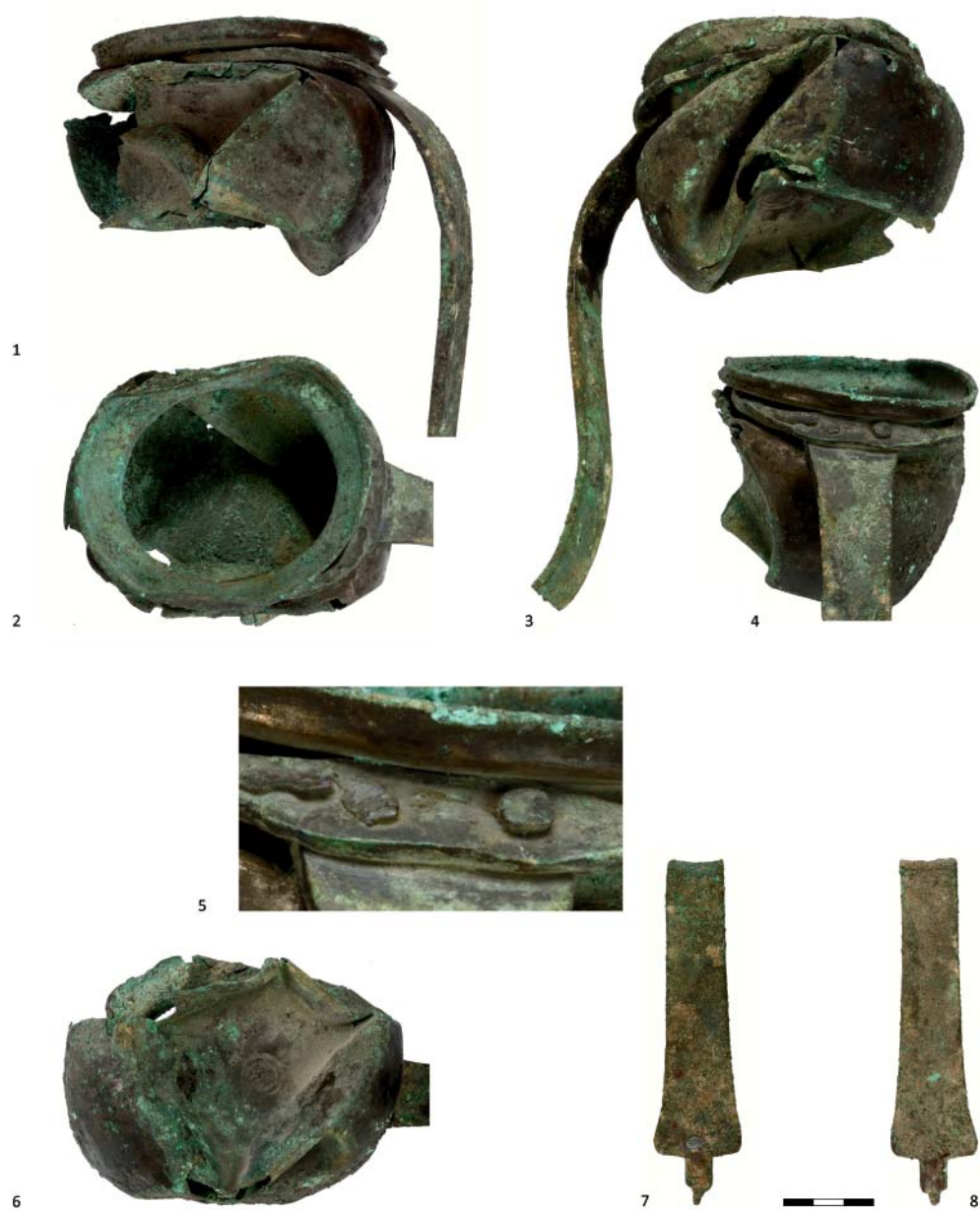

Рис. 1. Колхоз им. С.Г. Шаумяна. Кургan № 13/1996. Погребение № 1. Бронзовый ковш. Танаис, АМЗТ, инв. № 333. АО 17. Фото М.Ю. Трейстера, 2015

Fig. 1. Collective Farm named after S.G. Shaumyan. Burial-mound no. 13/1996. Burial no. 1. Bronze ladle. Tanais, Archaeological Museum-Reserve, inv.-no. 333. AO 17. Photos by M. Treister, 2015

Рис. 2. Косика. Погребение № 1/1984. Бронзовый ковш. Астрахань, ГОИАМЗ, инв. № ВХ 1133/20. Фото М.Ю. Трейстера, 2015 г

Fig. 2. Kosika. Burial no. 1/1984. Bronze ladle. Astrakhan, State Joint Historical and Architectural Museum-Reserve, inv.-no. BX 1133/20. Photos by M.Yu. Treister, 2015

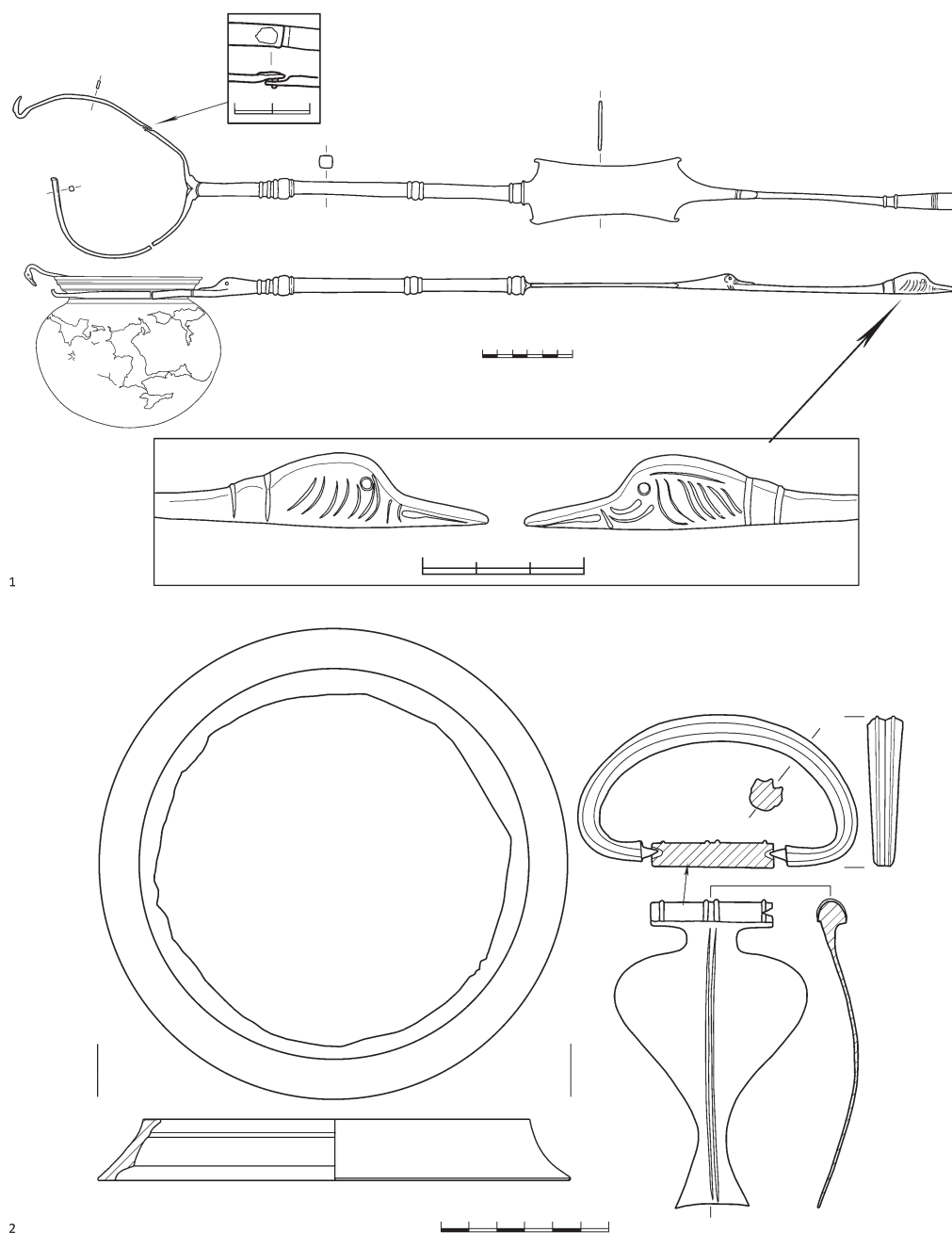

Рис. 3. Косика. Погребение № 1/1984. Бронзовые сосуды. Астрахань, ГОИАМЗ. 1 – ковш, инв. № ВХ 1133/20, 2 – ручка с атташем и поддон таза, инв. № 35580. Рисунки Н.Е. Беспалой, 2015

Fig. 3. Kosika. Burial no. 1/1984. Bronze vessels. Astrakhan, State Joint Historical and Architectural Museum-Reserve. 1 – ladle, inv.- no. ВХ 1133/20, 2 – basin handle with attachment and a foot-ring, inv.-no. 35580. Drawings by N.E. Bepalaya, 2015

В основополагающей классификации ковшей типа Песчате, опубликованной в 1991 г., были выделены четыре варианта ковшей 1A–D⁹, при этом вариант 1B (*manico a doppia articolazione con un elemento a „remo“ e uno o due elementi a bastoncello lisci*“), к которому относится ковш из Косики с плоской с вогнутыми сторонами и выступами-завитками в углах пластиной рукояти¹⁰, и ручка ковша из Гурзуфского седла, по предложению исследователей, относится к довольно широкому хронологическому диапазону от 120 до 30 г. до н.э.¹¹

Серия ковшей варианта 1B происходит из погребений некрополя Орнавассо, Сан Бернардо¹², которые в настоящее время относят к этапу 2а, или 90–80 гг. до н.э.¹³ Другая серия ковшей типа 1B происходит с территории Иберийского полуострова¹⁴. К. Мансель в качестве *terminus ante quem* ковшей типа 1B указывает на находку из поселения Кабезо де Алкалья де Азйала, разрушенного в период Серторианских войн ок. 80–75 гг. до н.э.¹⁵ Это важное обстоятельство, т.к. ранее практически единственной хорошо датированной находкой являлся ковш из кораблекрушения в районе Спарги у берегов Сардинии, датирующегося ок. 100 г. до н.э.¹⁶ Следует также отметить находки ковшей типа Песчате 1А и В, а также ручек кружек типа Идрия на акрополе Теламона в Этрурии, который был разрушен Суллой в ходе Гражданских войн в 87 г. до н.э.¹⁷ Еще один недавно опубликованный комплекс происходит из одного из кораблекрушений у побережья Тирренского моря в Тоскане, где в надежно датированном керамикой, амфорным материалом и свинцовыми слитками с клеймами первой четвертью I в. до н.э. комплексе были найдены многочисленные бронзовые сосуды позднереспубликанского времени, в том числе черпак типа Песчате 1В, целые и фрагментированные кружки типа Идрия, кувшины типа Галларате и Орнавассо-Керумгаард, сковороды типа Айлесфорд, кольцевой поддон кратера типа Eggers 94¹⁸.

Аргументы сторонников бытования черпаков типа Песчате вплоть до середины – третьей четверти I в. н.э.¹⁹ основаны на находке в Помпеях черпака типа В²⁰. При этом в публикациях он-лайн М. Фежер, как отмечено выше, датирует черпаки типа А – 120–50 гг. до н.э., а типа В – 120–30 гг. до н.э. Впрочем, оформление края вместилища черпака из Помпей ионийским киматием отличает его от всех других

⁹ Castoldi, Feugère 1991, 64–65.

¹⁰ Ср. ковш без сведения о происхождении, хранящийся в Берлине: Castoldi, Feugère 1991, 65, fig. 5; 69, no. 7. – Ковши из Касатеонуова и Кавриана: Castoldi, Feugère 1991, 66, fig. 6; 71, nos. 48–49. – Из Ново место в Словении: Breščak 1982, 48, no. 66, tab. 8; Božič 2008, 170–171, no. 17; pl. XXI, 15. – Из коллекции Горга: Lodovizi 1999, 46, no. 7.

¹¹ Castoldi, Feugère 1991, 66–67; ср. <http://artefacts.mom.fr>. SPL-3006 (М. Feugère).

¹² Graue 1974, 214, Taf. 5, 7 (Сан Бернардо, погребение № 4); 214–215, Taf. 7, 2 (Сан Бернардо, погребение № 6); 228, Taf. 30, 6 (Сан Бернардо, погребение № 84); 244, Taf. 45, 1–3 (из разрушенных гробниц)

¹³ Martin-Kilcher 1998, 196, Abb. 5; 243, Abb. 31; 248.

¹⁴ Mansel 2000, 204, Abb. 4; 2004, 20–21, fig. 1; Pozo, Ruig 2018, 271–272, nos. 5–8, figs. 3–4.

¹⁵ Mansel 2000, 206; 2004, 20; 2017, 486, 531–532, Anh. 2, Nr. 9.

¹⁶ Castoldi, Feugère 1991, 71, no. 62; Mansel 2000, 203.

¹⁷ Ciampoltrini 1994, 374–376, fig. 4.

¹⁸ Genovesi et al. 2013, 77, tav. IV; 81–87, figs. 4–16. – Ковш типа Песчате: Genovesi et al. 2013, 77, tav. IV, c; 81, fig. 4.

¹⁹ Castoldi, Feugère 1991, 67; Petrowszky 1993, 27–28, тип XI,1 (первая половина I в. до н.э. – 10/20 гг. н.э.); Sueur 2018, 174, 180 (начало I в. до н.э. – 20/50 гг. н.э.).

²⁰ Castoldi, Feugère 1991, 67, fig. 8; 71, no. 67; Tassinari 1993, I, 66, K1111; II, 154, no. 13442.

известных черпаков данного типа. Находки в двух погребениях некрополя Джиу-биаско черпаков типа В происходят из комплексов («гробницы» 7 и 32), которые сами издатели определяют как «недостовверные» и вряд ли могут служить основанием для каких-либо датировок – сами издатели датируют эти комплексы, исходя из находки в Помпеях, отмечая при этом, что бронзовые сосуды относятся к позднереспубликанским типам²¹. Находка не учтенного ни в сводке М. Кастольди и М. Фежера, ни в он-лайн версии фрагмента ручки черпака типа В (по определению Х. Зедльмайер) в слое 2 в Магдаленсберге²² также не может служить каким-то поздним хронологическим репером, т.к., во-первых, поселение хотя и существовало до 40-х гг. н.э., но было основано в середине I в. до н.э.²³, во-вторых, есть серьезные основания сомневаться в атрибуции – мне кажется М. Даймель, определившая фрагмент как часть шпателя, имела для этого все основания.

В ряде современных работ не делается разницы в хронологии указанных типов, а отмечается их датировка в рамках последней четверти II – первой²⁴ и второй трети I в. до н.э.²⁵ Д. Божич относит ковши типов 1А–В определенно к этапу Мокроног IIIа или Латен D1, в абсолютной хронологии – к 130–70 гг. до н.э.²⁶ Важно отметить, что это касается и погребений могильника Карабурма в Белграде, где было найдено 8 (!) целых и фрагментированных черпаков типа Песчате, в том числе, по крайней мере, четыре – типа В, в погребениях, которые были датированы Й. Тодоровичем последней фазой существования могильника (Латен D2), около рубежа н.э.²⁷ В дальнейшем, однако, Д. Божич пересмотрел хронологию могильника и отнес погребения последней его фазы к периоду D1²⁸. Здесь следует отметить, что в настоящее время окончание периода Латен D1 датируют, во всяком случае, не позднее 50/40 гг. до н.э.²⁹ или, особенно в последнее время, даже около 85–80 гг. до н.э.³⁰ (предлагалось и промежуточное решение – ок. 60 г. до н.э.³¹). Таким образом, с наибольшей вероятностью черпаки типа Песчате 1В, в том числе и находка из Косики (рис. 2; 3, 1), датируются все же не позднее второй четверти I в. до н.э.

Сложнее обстоит дело с атрибуцией находки из могильника Шаумяна (рис. 1), которая была отнесена Б.А. Раевым к типу D³², к которому авторы классификации отнесли один-единственный черпак из Пармы, к которому в настоящее время можно добавить два фрагментированных, происходящих предположительно

²¹ Carlevaro et al. 2006, 169, 179, 380, 6; 392, 8.

²² Deimel 1987, 370, Taf. 100, 3; Sedlmayer 1999, 75.

²³ Gorecki 2016, 205–206.

²⁴ Ciampoltrini 1994, 374–376, fig. 4, 1–3; Mansel 2000, 198–208, Abb. 1–7; 219–221, Liste 1.

²⁵ Pozo 2004, 96, fig. 6; Mansel 2004, 20; Méndez Madrid 2015, 95–96; Gomez 2017, 1141.

²⁶ Božić 1999, 199, 200; 2008, 115, 121.

²⁷ Todorović 1972, 92, 95. См. находки, полностью сохранившиеся экземпляры: Todorović 1972, 13–14, 30–31, tab. III, 8; IV, 7; XXVIII, 15), фрагментированные: Todorović 1972, 21, 32, 34, 36–39, tab. XIV, 2; XXIX, 1; XXXII, 8; XXXVI, 2–3; XXXVIII, 3; Castoldi, Feugère 1991, 71, no. 73; Drnić 2009, 308–309; Tapavički-Ilić, Filipović 2012, 455; Dizdar, Tonc 2014, 588–589.

²⁸ Božić 2008, 146; Drnić 2009, 308–309; Dizdar, Tonc 2014, 588–589.

²⁹ Haffner 1974, 69; Karwowski 2004, 64–65; Rieckhoff 2008, 5–7; 2018, 173–198; Stöckli 2018, 209; все с лит.

³⁰ Rieckhoff 2008, 7–10, Abb. 7; 2018, 187–190, Abb. 4–5; Metzler, Gaeng 2009, 456–458, figs. 402–403; Stöckli 2018, 209–233.

³¹ Brandt 2001, 66–67.

³² Раев 2006, 97.

из Вероны³³ и один целый и три фрагмента – из Каталонии³⁴. В данном случае при отсутствии находок в комплексах соображения о хронологии черпака типа D, высказанные М. Кастольди и М. Фежером³⁵, несущественны, что отмечает и Б.А. Раев, тем более что и сходство ручек черпаков из Пармы и могильника Шаумяна весьма относительное – их объединяет лишь наличие кольца на конце и прямоугольное сечение ручки, которая у черпака из Пармы профилирована группами валиков, а на конце оформлена головкой животного, в которую вставлено кольцо. Ручка же черпака из могильника Шаумяна хоть и имеет прямоугольное сечение, но не украшена, а на конце слегка расширяется, переходит в цилиндрический выступ с кольцом. Оформление конца ручки с кольцом в большей степени соответствует ручкам двух фрагментированных ковшей, предположительно происходящих из Вероны, но и у них сами ручки оформлены тремя орнаментальными группами из валиков и косых насечек³⁶. Впрочем, если учесть, что ручка черпака из могильника Шаумяна приклепана к обручу двумя заклепками, и, очевидно, подверглась ремонту в древности, нет никаких гарантий того, что она изначально относилась к этому черпаку. Таким образом, точная датировка черпака из могильника Шаумяна затруднена.

2. *Ковши с вертикальной ручкой и полукруглым вместилищем с двумя симметричными подтреугольными выступами по краю (Castoldi – Feugère 1991, type 3, 4 или 5 / Bienert, Form 89)*

Ковши типов 3–5, по классификации М. Кастольди и М. Фежера, с вертикальной ручкой и полукруглым вместилищем с двумя симметричными подтреугольными выступами по краю могли иметь загнутое окончание ручки, оформленное в виде птичьей головки. Такие ковши относятся к позднеереспубликанскому типу и восходят к этрусским ковшам V в. до н.э. Известно около 60 находок таких ковшей, происходящих преимущественно с территории Франции, Испании и Северной Италии (на Восток эти черпаки также попадали, о чем свидетельствуют находки бронзовых черпаков в Малой Азии), датирующихся последними десятилетиями II – первой и второй третью I в. до н.э.³⁷, и на территории Израиля (Телль-Анафа³⁸). Впрочем, в употреблении некоторые из них находились вплоть до эпохи Флавиев³⁹. Известны также черпаки подобной формы, выполненные из серебра⁴⁰.

³³ Парма: D'Andria 1970, 124, no. 205, tav. XLII; Castoldi, Feugère 1991, 65, 71, no. 60. – Верона (?): Bolla, Castoldi 2016, 144, 149–150, nos. XIV/1–2; 173, tav. 3.

³⁴ Pozo, Ruig 2018, 265–266, 272–274, nos. 9–12, fig. 5.

³⁵ Castoldi, Feugère 1991, 67.

³⁶ Bolla, Castoldi 2016, 149–150, nos. XIV/1–2; 173, tav. 3.

³⁷ Castoldi, Feugère 1991, 78–81; Metzler 1995, 334, fig. 174 (карта распространения); Bienert 2007, 217–218, Form 89; Gorecki 2016, 187–190, Abb. 2–4; Giovannini, Tasca 2016, 93–95, no. 10.A.13; Pozo, Ruig 2018, 266–267, 275–276, nos. 15–20, fig. 7. Feugère (M.), coll. Bourrieau (Y.), Gilles (A.), Roca (Y.), Carbone (A.), Defaix (P.), Simpulium italique à manche vertical, anatidé (Artefacts: SPL-3002) (<http://artefacts.mom.fr/result.php?id=SPL-3002>), дата обращения 25.12.2017.

³⁸ Merker 2012, 248, no. M 140, pl. 29.

³⁹ Bienert 2007, 217.

⁴⁰ Bienert 2007, 217, Anm. 1305; Gorecki 2016, 188, Abb. 1; Feugère 2018, 267–270, no. 1, figs. 400a, 401a. Feugère (M.), Simpulium italique à manche vertical, anatidé (Artefacts: SPL-3004). (<http://artefacts.mom.fr/result.php?id=SPL-3004>), дата обращения 25.12.2017.

Рис. 4. Новый. Курган № 20/1982. Погребение № 2. Фрагмент ковша бронзового. Аксай, ВИМ, инв. № 17910/598. Фото М.Ю. Трейстера, 2015

Fig. 4. Novyy. Burial-mound no. 20/1982. Burial no. 2. Fragmentary bronze ladle. Aksay, Military-Historical Museum, inv.-no. 17910/598. Photos by M.Yu. Treister, 2015

Единственная находка черпака этого типа происходит из погребения № 2 кургана № 20/1982 у хут. Новый – сохранилось лишь вместилище с нижней частью ручки (рис. 4). Соответственно, данный ковш мог иметь другое завершение ручки, прямое с округлым окончанием. Черпаки этого типа, выделенные А. Радноти в тип 39 (тип 5 по классификации *Castoldi – Feugère*), датируют 50–20 гг. до н.э. и считают изделиями италийских мастерских, а их находки сконцентрированы на юге Франции, севере Италии, а также в Иллирии и Паннонии⁴¹.

В Сарматии черпаков этих типов до сих пор не было найдено, при этом в раскопках святилища на Гурзуфском седле были найдены фрагменты двух бронзовых черпаков, которые М.В. Новиченкова относит к типу 3⁴². Здесь же найдены следующие хронологические варианты симпулов, датирующихся августовским временем: две ручки и вместилище серебряных черпаков типа 4⁴³ и бронзовый – Радноти 40⁴⁴, с плоским дном вместилища и отверстиями на круглом навершии ручки⁴⁵.

3. Кружка типа Идрия

Единственная находка кружки типа Идрия в памятниках Азиатской Сарматии происходит из комплекса, случайно найденного у хут. Виноградный на Нижнем Дону (рис. 5–6)⁴⁶. Издатели комплекса и некоторые другие исследователи на основании находки в нем бронзовой кружки типа Идрия, которые якобы известны в Помпеях, настаивают, что погребение из Виноградного датируется I в. н.э.⁴⁷ На самом деле кружку из Помпей при том, что ее форма близка форме кружек типа Идрия, нельзя относить к этому типу – кружки типа Идрия отличаются и характерная форма ручек, а ручка помпейской кружки отличается от них⁴⁸.

Отрицать тот факт, что кружки типа Идрия представляют собой форму, характерную для позднеереспубликанского времени (120–75/50 гг. до н.э.)⁴⁹ или в более широкой хронологии – 150–30 гг. до н.э.⁵⁰ и представленную находками на Ибе-

⁴¹ Radnóti 1938, 98–99, Taf. VIII, 39; Castoldi, Feugère 1991, 83–85, fig. 21; Božič 2002, 422–424, figs. 4–5; fig. 6 (карта распространения); Bienert 2007, 219, Typ E; Bolla, Castoldi 2016, 135; Sueur 2018, 182.

⁴² Новиченкова 2015, 90, рис. 179; Новиченкова 2017, 242, прим. 3; 245, рис. 3, 2–3.

⁴³ Новиченкова 2017, 242–244, № 1–3, рис. 1; 245, рис. 3, 4–6.

⁴⁴ Cat. Rimini 1995, 131–132, no. 29; Новиченкова 2017, 243, рис. 2, 1; 244, 246, № 4, рис. 3, 7.

⁴⁵ Radnóti 1938, 99–100, Taf. VIII, 40; Castoldi, Feugère 1991, 85–86, fig. 21; Breščak 1995, 18, 20, fig. 4, 5–6; Müller 1997, 20, 23, Abb. 15; 38, Nr. 55–58; Božič 2002, 422, 424–425, figs. 7; Müller 2006, 307, 308, Abb. 2; 313, Nr. 8–11; Bienert 2007, 220, Typ F; Jovanović 2010, 208, 224, pl. 6; 227, no. 56; Bolla, Castoldi 2016, 136, fig. 17.

⁴⁶ Косяненко, Максименко 1989, 265, рис. 1, 2; Feugère 1991b, 58, no. 46, fig. 3; Cat. Daoulas 1995, 92, 94, no. 115; Cat. Paris 2001, 146, no. 137; Kat. Frankfurt 2003, 103, Nr. 65; Трейстер 2018, 161, 163, рис. 4, 1–4.

⁴⁷ Скрипкин 2002, 389; 2003, 201; 2010, 106; 2017, 10.

⁴⁸ См. подробно: Трейстер 2018, 161–162.

⁴⁹ Werner 1954, 54–56, 69, Liste D; Feugère 1991b, 55–58. Feugère (M.), coll. Bourrieau (Y.), Roca (Y.), Wollensack (P.) Gobelet de type Idria (Artefacts: GOB-3001). (<http://artefacts.mom.fr/result.php?id=GOB-3001>), дата обращения 30.10.2019. А.В. Симоненко (2011, 48) ошибочно называет кружки типа Идрия «кружками типа Орнавассо».

⁵⁰ Sueur 2018, 90–99.

рийском полуострове⁵¹, в Галлии⁵², Италии⁵³, Центральной Европе⁵⁴, Нижнем Подунавье⁵⁵ и в Восточном Средиземноморье (о. Делос⁵⁶), вряд ли возьмется кто-нибудь. Действительно, как показывают находки из римских лагерей августовского времени, эти кружки доживают примерно до рубежа н.э.⁵⁷, но в более позднее время они не известны.

Такие кружки известны и в памятниках Прикубанья⁵⁸, при этом они встречаются в контекстах I в. до н.э. вместе с другими находками, характерными для I в. до н.э., в частности, в погребениях курганов у хут. Зубова⁵⁹, Элитный⁶⁰ и в недавно открытом комплексе в погребении № 11 кургана № 2/2015 могильника Дядьковский 45⁶¹. Ручка кружки типа Идрия была найдена при раскопках святилища на Гурзуфском седле⁶².

⁵¹ Feugère 1991b, 57, nos. 18–31; Fabião 1999, 166, fig. 1, 1–3; 169; Mansel 2004, 22–23, fig. 2; Erice Lacabe 2007, 202, fig. 2; 203; Azcárraga Cámara et al. 2014, 112, fig. 3, 5; 114.

⁵² Feugère 1991b, 56–57, nos. 14–17; Perrin, Schönfelder (eds.) 2003, 46–47, no. 4, fig. 17; 74; Božič 2003, 261, fig. 2; Metzler et al. 2016, 234–235, no. 4.8.1, fig. 241; 613, no. 8.6.1, fig. 452, 1–3.

⁵³ Feugère 1991b, 57, nos. 18–31; Ciampoltrini 1994, 374–376, fig. 4, 4–5; Salzani 1995, 14, no. 6; tav. IV, 6; Genovesi et al. 2013, tav. IV, d; 82, figs. 5, 6a.

⁵⁴ Feugère 1991b, 57–58, nos. 32–35; Kysela et al. 2014, 571, nos. 27–28; 576, obr. 2; 579–580, 591, 600, note 22.

⁵⁵ Feugère 1991b, 57, nos. 36–39; Popović 1992, 66–67, Abb. 5; Ratković 2005, 95, 102–104, nos. 42–43; 165–166; Rustoiu 2005, 63–64, fig. 6, 2.

⁵⁶ Hadjidakis 2003, 110, no. 448 (2 экз.). М. Фежер упоминает одну кружку и отдельную ручку (Feugère 1991b, 58, no. 41), приводя данные, опубликованные Ж. Зибером (Siebert 1973, 575–577, nos. 11, 17; fig. 23–24, 25, внизу в центре). Между тем еще одна кружка типа Идрия была найдена в 1991 г. при раскопках «маленькой таверны» (Hatzidakis 1997, 296, pl. 217, δ; Hadjidakis 2003, 110, no. 448; 2017, 338, no. 230), погибшей при разрушении Делоса в 69 г. до н.э. (Trümper 2016, 103–104).

⁵⁷ Bienert 2007, 56; Gorecki 2016, 194, 196, Abb. 8. Впрочем, и в Дангштеттене, и в Тительберге были найдены только ручки, поэтому с уверенностью говорить о том, что это форма доживает до августовского времени, нельзя (Sueur 2018, 93, 94, fig. 62; 97–98).

⁵⁸ Раев 1993, 163–165; Раев 1994, 348–349, figs. 2–3; Марченко 1996, 36; Marčenko, Limberis 2008, 285–286.

⁵⁹ Гущина, Засецкая 1989, 118, № 126; Щукин 1992, 105–106; Раев 1993, 164–165, рис. 2, 1; Раев 1994, 348, fig. 2; Treister 2005, 241, fig. 16, 1–4; Marčenko, Limberis 2008, 286, Abb. 5; 336, Nr. 5.4, Taf. 8, 2. О датировке погребения третьей четвертью I в. до н.э., во всяком случае, не позднее второй половины I в. до н.э. см. Гущина, Засецкая 1989, 87; Щукин 1992, 108; Brosseder 2015, 240, note 98.

⁶⁰ Анфимов 1986, 193, рис. 2, 3; Раев 1994, 348, fig. 3; Marčenko, Limberis 2008, 285, 341, Nr. 19.1, Taf. 34, 3. Датировка комплекса: не позднее последней четверти II в. до н.э. (Анфимов 1986, 197; Засецкая, Марченко 1995, 95); первая четверть I в. до н.э. (Марченко 1996, 29, комплекс № 301), вторая четверть I в. до н.э. (Marčenko, Limberis 2008, 285). См. также: Brosseder 2015, 240, note 98.

⁶¹ Глебов, Гордин 2016, 286, рис. 3, 2; 287. Датировка комплекса: I в. до н.э. (Глебов, Гордин 2016, 289).

⁶² Новиченкова 2015, 90, рис. 176, 4; 91, рис. 181; 115, рис. 215, 10; Новиченкова 2018, 101.

Рис. 5. Хут. Виноградный. Разрушенное погребение, 1978 г. Кружка бронзовая. Ростов-на-Дону, РОМК, инв. № 4441/2. Фото М.Ю. Трейстера, 2015

Fig. 5. Vinogradnyi Farmstead. Destroyed burial, 1978. Bronze jar. Rostov-on-Don, Rostov-on-Don Regional Local Lore Museum, inv. no. 4441/2. Photos by M.Yu. Treister, 2015

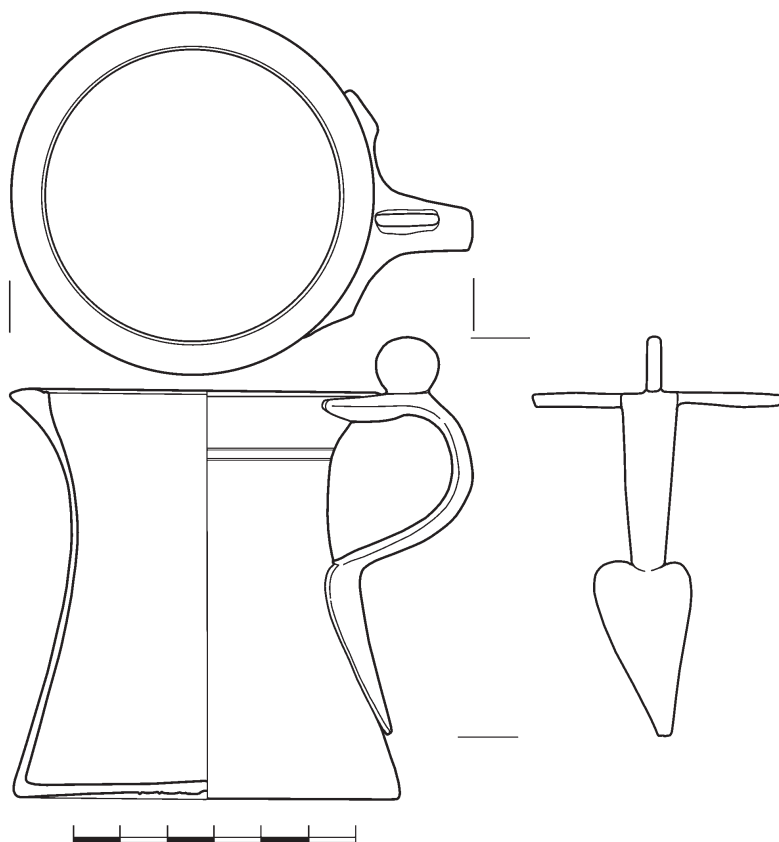

Рис. 6. Хут. Виноградный. Разрушенное погребение, 1978 г. Кружка бронзовая. Ростов-на-Дону, РОМК, инв. № 4441/2. Рисунки Н.Е. Беспалой, 2015

Fig. 6. Vinogradnyi Farmstead. Destroyed burial, 1978. Bronze jar. Rostov-on-Don, Rostov-on-Don Regional Local Lore Museum, inv. no. 4441/2. Drawings by N.E. Besspalaya, 2015

4. Сковороды типа Айлесфорд

Сковороды типа Айлесфорд⁶³ в погребениях кочевников Азиатской Сарматии представлены двумя экземплярами, происходящими из погребения № 20 кургана № 3/1962 у хут. Алитуб (рис. 7–8)⁶⁴ и погребения № 2/1984 у с. Косика⁶⁵.

Сковороды типа Айлесфорд, которые предположительно изготавливались в Северной Италии, получили широкое распространение от Иберийского полуострова

⁶³ Eggers 1951, 40–41, Beil 12, 130; Werner 1954, 52–54, 68, Fundliste B; Werner 1978, 17–18, Fundliste III; Kunow 1983, 25, 62, 74; Wielowiejski 1985, 170–171; Karwowski 2017, 264–265, Abb. 1.

⁶⁴ Кропоткин 1970, 92, № 787 (II в. до н.э.); Raev 1986, 16–17; 40–41; ср. Раев 1993, 160, 162–163, рис. 1, 1; Раев 1994, 347–348, fig. 1; Скрипкин 1997, 118; 2006, 19, 29, рис. 2, 5; Захаров 2000, 32–33, 38, рис. 1, 11; Глебов 2004, 129; 2005, 39, рис. 2, 14; Глебов, Толочко 2016, 57, № 7, рис. 16, 25.

⁶⁵ Дворниченко, Федоров-Давыдов 1989, 11; Демиденко 1997, 125; Скрипкин 1997, 118; 2006, 19, 29, рис. 2, 5.

Рис. 7. Алитуб. Курган № 3/1962. Погребение № 20. Сковорода бронзовая. Ростов-на-Дону, РОМК, инв. № 2571/15. Фото М.Ю. Трейстера, 2015

Fig. 7. Alitub. Burial-mound no. 3/1962. Burial no. 20. Bronze pan. Rostov-on-Don, Rostov-on-Don Regional Local Lore Museum, inv. no. 2571/15. Photos by M. Yu. Treister, 2015

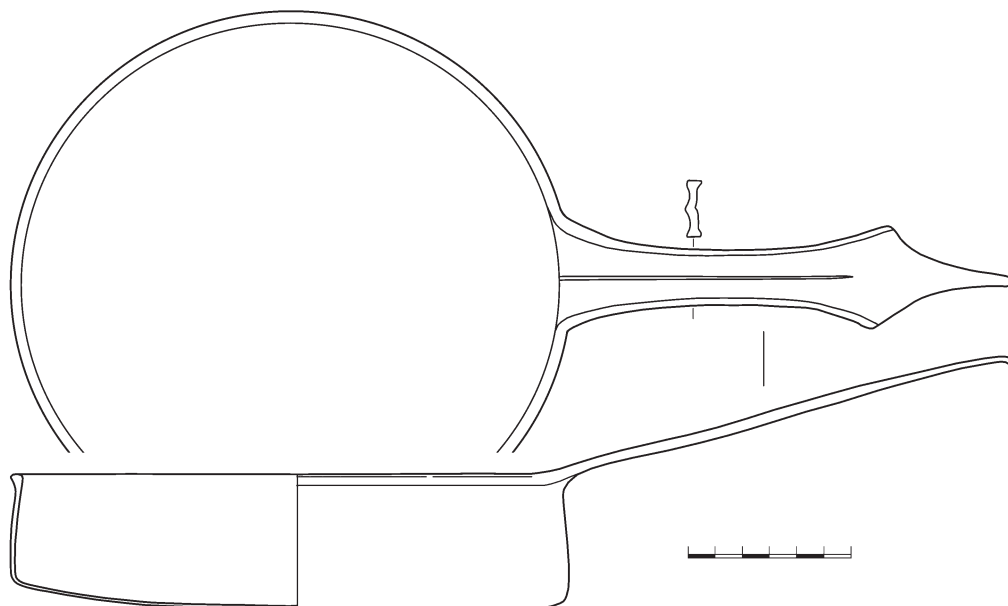

Рис. 8. Алитуб. Курган № 3/1962. Погребение № 20. Сковорода бронзовая. Ростов-на-Дону, РОМК, инв. № 2571/15. Рисунки Н.Е. Беспалой, 2015

Fig. 8. Alitub. Burial-mound no. 3/1962. Burial no. 20. Bronze pan. Rostov-on-Don, Rostov-on-Don Regional Local Lore Museum, inv. no. 2571/15. Drawings by N.E. Bepalaya, 2015

ва⁶⁶ и Галлии⁶⁷ на западе, от Италии⁶⁸ до Центральной Европы⁶⁹, Подунавья⁷⁰ и Сарматии на востоке. Если в первой обобщающей работе было учтено 49 находок⁷¹, то в настоящее время их известно около полутора сотен⁷². В первой работе сковороды типа Айлесфорд датировались около 125–70 гг. до н.э.⁷³, а Р. Петровски отнес их к первой половине I в. до н.э. (90–50 гг. до н.э.), указывая, что в основном они производились во второй трети I в. до н.э., но бытовали и позднее, до конца I в. до н.э.⁷⁴ В публикации погребения августовского времени с такой

⁶⁶ Mansel 2000, 215–218, Abb. 12; Erice Lacabe 2007, 202, fig. 2; 203.

⁶⁷ Feugère, De Marinis 1991, 109–111, nos. 18–31; Ferdière, Villard 1993, 100–102, fig. 2-8,9; Perrin, Schönfelder 2003, 51–52, nos. 7–8, fig. 20; 58, 74.

⁶⁸ Feugère, De Marinis 1991, 101–102, nos. C/1–26; 111–112, nos. 35–80; Bini et al. 1995, 189–191, nos. 238–243, tav. LXXV; Jurgait 1999, 294–297, Nr. 494, Taf. 150; Scarcelli 1999, 33, no. 15; Bolla 2002, 205, 206, fig. 1, 5; Genovesi et al. 2013, 83, 85, tav. VI, d–e; Bolla, Castoldi 2016, 140, fig. 21, 5; 144; 153–154, nos. 1–7; 164–165.

⁶⁹ Feugère, De Marinis 1991, 111–112, nos. 32–34, 82–83; Wehrberger, Wieland 1999, 243–245, Abb. 4; Kysela et al. 2014, 571, no. 24; 577, 585, 586, 600, notes 21–22.

⁷⁰ Feugère, De Marinis 1991, 112, nos. 84–87; Popović 1992, 63–64, Abb. 2; Rustoiu 2005, 68–70, fig. 9.

⁷¹ Feugère, De Marinis 1991, 107–108.

⁷² Feugère et al., <http://artefacts.mom.fr/result.php?id=PAT-3004> (данные о 147 находках на территории Западной Европы с общей датировкой второй половиной II – I вв. до н.э.)

⁷³ Feugère, De Marinis 1991, 101–102, 108–112.

⁷⁴ Petrovsky 1993, 25; Bienert 2007, 69–71.

сковородой из Флер-ля-Ривьер авторы предлагают датировку от первой четверти до конца I в. до н.э., ок. 80/70 – 15/10 гг. до н.э.⁷⁵, высказываются и мнения об их производстве и во второй половине I в. до н.э.⁷⁶. В новейшем исследовании таких сковород предлагается их широкая датировка – 125/100 – 15/1 гг. до н.э.⁷⁷ Известные в Прикубанье три сарматских погребения со сковородами этого типа датируют в пределах второй – третьей четвертей I в. до н.э.⁷⁸

5. Кувшины типа Галларате

Кувшины типа Галларате⁷⁹ в погребениях кочевников Азиатской Сарматии представлены одним экземпляром из погребения № 8 кургана № 55/1954 могильника Калиновский в Нижнем Поволжье (рис. 9; 10, 1)⁸⁰. Эти кувшины с туловом биконической формы, получившие особенно широкое распространение в Северной Италии⁸¹, а также в Нижнем Подунавье⁸², большинство исследователей датировали в рамках периода Латен D1, хотя в последнее время стали известны и находки в комплексах августовского времени⁸³, тем не менее в новейшем исследовании сосудов предлагается их датировка в широких рамках II и первой половины I в. до н.э.⁸⁴

Высказывавшиеся предположения о том, что кувшины типа Галларате продолжали использоваться и в I в. н.э. со ссылками на находки таких сосудов в Помпеях⁸⁵ (имеются в виду кувшины типов B2200, B2210 и B 2220, по классификации С. Тассинари), на мой взгляд, не верны на том основании, что у этих биконических кувшинов ручки имеют атташи другой формы, а края устья во многих случаях оформлены ионийским киматием (подобно оформлению вместилища черпака «типа Песчате В» из Помпей), не говоря уже об их значительно более крупных размерах (высота от 13 до 23 см)⁸⁶.

Появление кувшинов типа Галларате на Балканах Д. Шпану на основании анализа комплексов уверенно датирует временем около 70 г. до н.э.⁸⁷. Если это так, а датировка основана на комплексном исследовании кладов с монетами, то у нас появляется вероятный *terminus post quem* для распространения таких сосу-

⁷⁵ Ferdière, Villard 1993, 100–102.

⁷⁶ Karwowsky 2017, 265.

⁷⁷ Sueur 2018, 30, 39–43.

⁷⁸ Лимберис, Марченко 2019, 180.

⁷⁹ Fitzpatrick 1989, 300–302; Boube 1991, 30–32, liste 2, fig. 9; Raev 1994, 349–350; Finaroli 1999, 39, 43, nos. 15–16; Bolla 2002, 205, 206, fig. 1, 2; Castoldi 2004, 87–88, notes 20–23, fig. 5; 2012, 3, fig. 2; Azcárraga Cámara et al. 2014, 112, fig. 3, 4; Bolla, Castoldi 2016, 137, 140, fig. 21, 2; 22, 2; 144, 152; 164–165; 114.

⁸⁰ Кропоткин 1970, 91, № 789, рис. 60, 5; Moser 1975, 135, Taf. 43, 2; Fitzpatrick 1989, 301, 302; Boube 1991, 31–32, no. 23; Раев 1993, 176, рис. 3; Raev 1994, 349, fig. 5; 350; Трейстер 2020, 167–169, рис. 3, 1; 4, 2.

⁸¹ Boube 1991, 30–31, nos. 1–15. См. также выше прим. 79. См. также находки таких кувшинов из кораблекрушения первой четверти I в. до н.э. у побережья Тосканы: Genovesi et al. 2013, 82–84, tav. V; figs. 6b, 7–8.

⁸² Popović 1992, 67–74, Abb. 7; 9, 1; Spânu 2019, 176, fig. 4; 179–180.

⁸³ Bolla, Castoldi 2016, 137, 140, 152, fig. 22, 2; 144; 164–165; Spânu 2019, 178–179.

⁸⁴ Sueur 2018, 68, 79–80 – 200–50 гг. до н.э.

⁸⁵ Сергацков 2004, 110; Bienert 2007, 71, Anm. 415.

⁸⁶ Tassinari 1993, I, 35; II, 48–50.

⁸⁷ Spânu 2019, 176, fig. 4; 179–180.

Рис. 9. Калиновский могильник. Курган № 55/1954. Погребение № 8. Бронзовый кувшин. Санкт-Петербург, ГЭ, инв. № 2206/67. Фото М.Ю. Трейстера, 2015
Fig. 9. Kalinovka necropolis. Burial-mound no. 55/1954. Burial no. 8. Bronze jug. St. Petersburg, State Hermitage, inv.-no. 2206/67. Photos by M.Yu. Treister, 2015

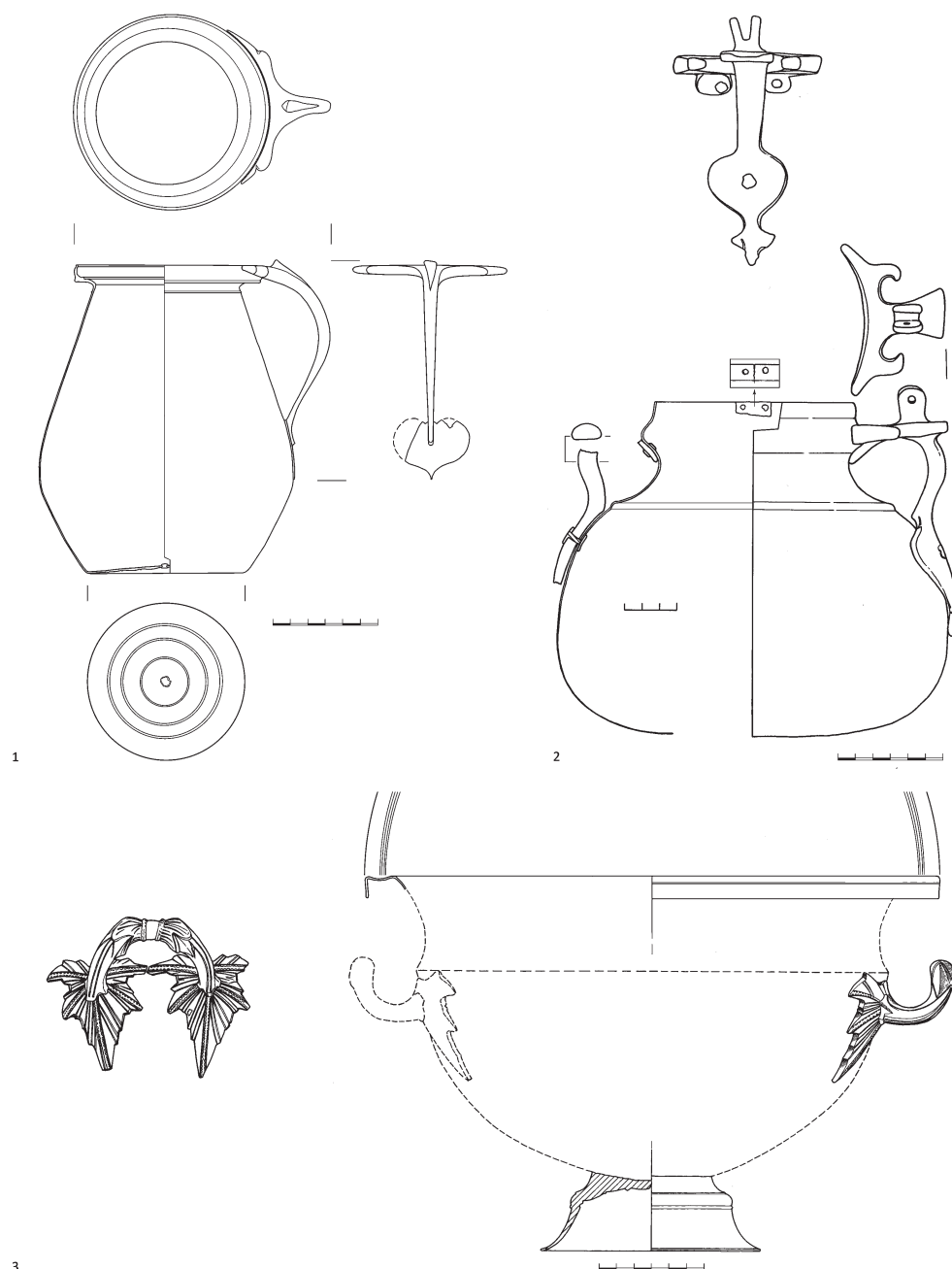

Рис. 10. Могильник Калиновский. Курган 55/1954. Погребение 8. Бронзовые сосуды. Санкт-Петербург, ГЭ. Бронзовые сосуды. 1 – кувшин, инв. № 2206/67, 2 – сосуд, инв. № 2206/68; 3 – таз, инв. № 2206/68. Рисунки Н.Е. Беспалой, 2015

Fig. 10. Kalinovka necropolis. Burial-mound 55/1954. Burial 8. Bronze vessels. St. Petersburg, State Hermitage. Bronze vessels. 1 – jug, inv.-no. 2206/67, 2 – vessel, inv.-no. 2206/68; 3 – basin, inv.-no. 2206/68. Drawings by N.E. Bepalaya, 2015

дов и на юге Восточной Европы. Он подтверждается косвенно и находкой такого бронзового кувшина, с утраченным нижним атташем ручки, из материалов кораблекрушения у расположенного между Пелопоннесом и северо-западным побережьем Крита о. Антикитеры⁸⁸: комплекс находок различных категорий, в том числе амфоры с клеймами (Родос, Эфес, Кос)⁸⁹ и монеты⁹⁰ датируют кораблекрушение временем не позднее середины I в. до н.э., с большой долей вероятности (по монетам): 70–60-ми гг. до н.э.). Аналогичный кувшин, не вошедший в сводки Ж. Зибера и К. Буб, происходит с о. Делос⁹¹, где он был найден в так называемом Доме печатей (*Maison des Sceaux*), погибшем при разграблении Делоса пиратами Атенадора, союзника Митридата VI, – соответственно, *terminus ante quem* – 69 г. до н.э.⁹²

6. Ситулы *muna* Eggers 20–22

Выделение Х.-Ю. Эггерсом типов ситул 18–23⁹³ уже неоднократно подвергалось критике – оно было основано прежде всего на форме атташей, и использование этой классификации чрезвычайно затруднено⁹⁴. Особенно это касается ситул типа 20, для которых характерно четыре различных типа атташей⁹⁵.

Бронзовая ситула типа, который разные исследователи сопоставляли с ситулами Eggers 20, или Eggers 20–22, Eggers 22, или Eggers 23 или отмечали, что таких ситул в Свободной Германии не было⁹⁶, неизвестного происхождения, она хранится в Музее истории донского казачества в Новочеркасске. Судя по отсутствию атташей и отверстий для их крепления, ручка ситула крепилась на железном обруче, надетом на горло (рис. 11, 1–4; 12, 2)⁹⁷.

В последнее время еще две ситулы были найдены в составе ритуальных кладов в Нижнем Подонье. Одна (с признаками ритуальной порчи) происходит из клада, предположительно найденного в 2011 г. в окрестностях х. Недвиговка (рис. 11, 5–6; 12, 3)⁹⁸, вторая – из клада, обнаруженного в 2018 г. в межкурганном пространстве могильника Турбута III в окрестностях г. Шахты⁹⁹.

Ситулы, подобные новочеркасской (с железным обручем на горле, к которому крепилась железная ручка), получили значительно более широкое распространение в Северо-Западном Причерноморье и в Крыму, в том числе в составе воитивных кладов¹⁰⁰; известны их довольно многочисленные находки в Галлии¹⁰¹, в

⁸⁸ Palaiokrassa 2012, 128, no. 79.

⁸⁹ Kourkoumelis 2012, 211.

⁹⁰ Tselekas 2012, 218.

⁹¹ Hadjidakis 2003, 110, no. 448, слева вверху; 443 (B.13879).

⁹² Siebert 2001, 85–98; Trümper 2005, 394–395; Zarmakoupi 2014, 565.

⁹³ Eggers 1951, 160–161, Beil. 8–12, Taf. 4.

⁹⁴ См., например, Wielowiejski 1985, 157–159; Bolla et al. 1991, 7–18; Brestel 2020, 10–14.

⁹⁵ Brestel 2017, 201–207, Abb. 149–151; 2020, 10–11, fig. 3.

⁹⁶ См. по этому поводу Симоненко 2011, 46; Tentuic et al. 2015, 230; 2016, 46–47; Bochnak, Opielowska-Nowak 2017, 160–161; Sueur 2018, 255–267; Spânu 2019, 179–180.

⁹⁷ Raev 1994, 350, fig. 6; Симоненко 2011, 46; Bochnak, Opielowska-Nowak 2017, 168, fig. 12, 2; 177, App. 1, no. 17; Bochnak 2020, 146, no. 17.

⁹⁸ Глебов и др. 2020, 368, № 1; 370–371, рис. 9, 7, 9; 10, 4.

⁹⁹ Доклад В.П. Глебова и А.В. Дедюлькина на конференции в честь М.Г. Мошковой в Москве в ноябре 2019 г.

¹⁰⁰ Симоненко 2011, 46–49, рис. 23–24; Tentuic et al. 2015, 230–231; 2016, 39–52.

¹⁰¹ Perrin, Schönfelder (eds.) 2003, 44–46, fig. 16.

Центральной Европе¹⁰², Подунавье¹⁰³, а также в римском лагере III в Раньеблас, в районе Нуманции в Испании, датированном ок. 157–146 гг. до н.э.¹⁰⁴ Их распространение в Подунавье относят к периоду Латен D1¹⁰⁵. Хотя есть основания предполагать, что их изготовление прекращается уже в августовское время, отдельные экземпляры встречаются в комплексах вплоть до середины III в. н.э.¹⁰⁶ Очевидно, что к этой же группе принадлежит и бронзовая ситула из богатого и хорошо датированного I в. до н.э. погребения № 9 в кургане № 1/1980 у хут. Северный в Прикубанье, по непонятным для меня основаниям отнесенная И.И. Марченко и Н.Ю. Лимберис к типу Eggers 19¹⁰⁷.

Недавно эта атрибуция ситул из Северо-Западного Причерноморья¹⁰⁸ была подвергнута сомнению группой исследователей из Молдавии и Румынии, которые отметили отсутствие атташей и следов их креплений на этих ситулах и более приземистые пропорции последних, предложив новые обозначения типов для находок, сделанных к востоку от Карпатского бассейна: тип Ману – для сосудов без ручек и атташей и тип Бадражий-Ной – для ситул с железными обручами под венчиком и железными ручками. Если следовать этой классификации, то ситула из Новочеркасского музея неизвестного происхождения (рис. 11, 1–4; 12, 2) будет относиться к первому из указанных типов¹⁰⁹. В недавно вышедшей статье Т. Бочнака и С. Опиловски-Новак учтено всего 48 экземпляров ситул с железным обручем на горле, которые разделены на четыре группы, среди которых выделяется так называемая «сарматская», включающая находки из сарматских погребений, в основном – Северо-Западного Причерноморья, а также Крыма и Прикубанья. По мнению исследователей, они были получены сарматскими воинами, воевавшими на стороне Митридата VI с Римом¹¹⁰.

Ситулу из окрестностей Недвиговки с бронзовой дуговидной ручкой и остатками железных атташей (рис. 11, 5–6; 12, 3) издатели отнесли к типу Eggers 22 (Баргфельд)¹¹¹, сопоставив с ситулами из «ритуального клада» в Кореновске в Прикубанье¹¹² и из трупосожжений германских воинов второй половины I в. до

¹⁰² Ситула из Зубице в Польше: Wielowiejski 1985, 158, Abb. 2; Luik 2002, 57, Abb. 35, 1; Bochnak, Opielowska-Nowak 2017, 155–170, figs. 1–3; 177–178, App. 1.

¹⁰³ Ситулы из Сербии и Хорватии: Dizdar, Potrebica 2014, 366–367, fig. 8.

¹⁰⁴ Luik 2002, 56–58, 171–172, 224, Nr. R76, Abb. 173.

¹⁰⁵ Spânu 2019, 179–180.

¹⁰⁶ Erdrich 2001, 41–42; Bienert 2007, 140. См., в частности, целую серию атташей ручек таких ситул из Дангштетена (Fingerlin 1986, 104, 318, Fundstelle 290, Nr. 1; 119, Fundstelle 333, Nr. 6; Gorecki 2016, 194, 195, Abb. 7; Sueur 2018, 255, 262).

¹⁰⁷ Скрипкин 1984, 221, 222, рис. 3, III; 223; Marčenko, Limberis 2008, 278, 342, Nr. 23.1, Taf. 42; Bochnak, Opielowska-Nowak 2017, 177, no. 22; Bochnak 2020, 136, 146, no. 24, fig. 3, 2.

¹⁰⁸ См. карту распространения: Tentiuc et al. 2016, 50, fig. 10.

¹⁰⁹ Tentiuc et al. 2016, 39–74.

¹¹⁰ Bochnak, Opielowska-Nowak 175, fig. 16 (карта распространения); 176–177. См. также Bochnak 2020, 133–159.

¹¹¹ Willers 1907, 4, Nr. 9, Taf. 3, 1; 11, Nr. 46, Taf. 4, 4; Radnoti 1938, 112–113, Taf. IX, 48; XXXII, 3; Eggers 1951, 161, Beilage 11, Taf. 4, 22; Breščak 1982, 17, 45–46, nos. 43–49, pls. 5–6; Kunow 1983, 18, 58, 70; Wielowiejski 1985, 157–167; Bolla et al. 1986, 207–209, no. 3; 1991, 17–21; Ratković 2005, 15, 48–49, no. 3; Bienert 2007, 139–140, Form 48.

¹¹² Marčenko, Limberis 2008, 340, Nr. 15.1, Taf. 27; Глебов и др. 2020, 368, 371, рис. 10, 6.

Рис. 11. Ситулы бронзовые. 1–4 – Нижнее Подонье (?). Точное место находки неизвестно. Новочеркасск, Музей истории донского казачества, инв. № 3813; 5–6 – окрестности х. Недвиговка. Азов, АИАПМЗ, инв. № не известен. Фото М.Ю. Трейстера, 2015 (1–4), А.В. Дедюлькина (5–6)

Fig. 11. Bronze situlas. 1–4 – Lower Don region (?). Findspot unknown. Novocherkassk, Museum of History of Don Cossaks, inv.-no. 3813; 5–6 – vicinities of Nedvigovka Farmstead. Azov, Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv.-no. unknown. Photos by M.Yu. Treister, 2015 (1–4); A.V. Dedyul'kin (5–6)

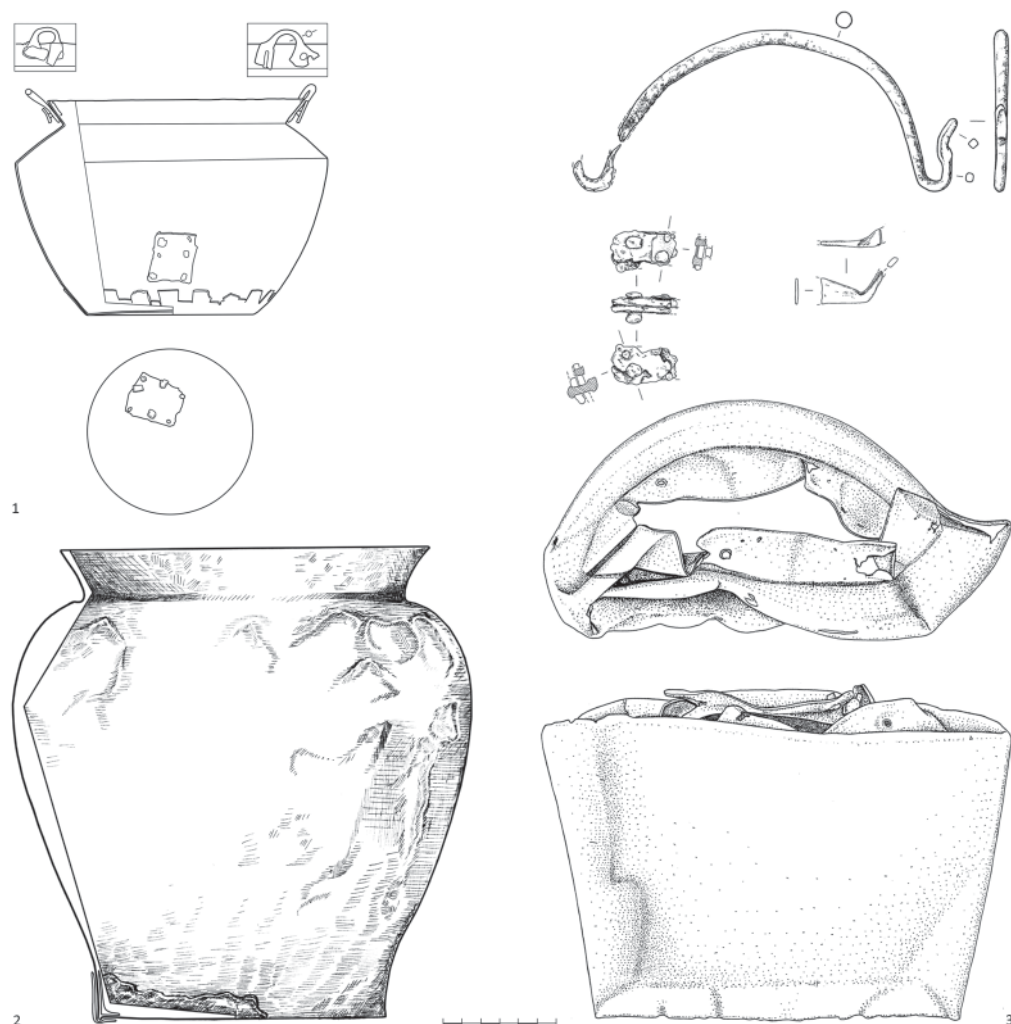

Рис. 12. Ситулы бронзовые. 1 – Большая Дмитриевка. Кургan № 96/1887. Саратов, СОМК, инв. № 47795; 2 – Нижнее Подонье (?). Точное место находки неизвестно. Новочеркасск, Музей истории донского казачества, инв. № 3813; 3 – окрестности х. Недвиговка. Азов, АИАПМЗ, инв. № не известен. Рисунки Н.Е. Беспалой, 2015 (1–2), А.В. Дедюлькина (3)
 Fig. 12. Bronze situlas. 1 – Bol'shaya Dmitrievka. Burial-mound no. 96/1887. Saratov, Regional Local Lore Museum. inv.-no. 47795; 2 – Lower Don region (?). Findspot unknown. Novocherkassk, Museum of History of Don Cossaks, inv.-no. 3813; 3 – vicinities of Nedvigovka Farmstead. Azov, Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve, inv.-no. unknown. Drawings by N.E. Bespalaya, 2015 (1–2); A.V. Dedyul'kin (3)

н.э. – рубежа эр, могильника, обнаруженного в районе с. Мутин и Камень на Сейме в Сумской области Украины¹¹³.

К этому же типу Eggers 22 В.П. Шилов¹¹⁴ отнес ситулу из датированного не ранее второй половины I – начала II в. н.э. погребения в кургане № 96/1887 у с. Большая Дмитриевка в Саратовском Поволжье (рис. 12, I; 13)¹¹⁵. Форма сосуда с ребром, отделяющим тулово от плечиков, воронковидное горло действительно характерны для ситул типа Eggers 22 (Баргфельд), однако атташи ручек не железные, как у них, а бронзовые.

Что еще отличает сосуд из Большой Дмитриевки от известных мне ситул этого типа – это размеры и более приземистые пропорции (в. 11,4 см, дм. дна 8,8 см, дм. по краю 13,6 см). Как правило, ситулы рассматриваемого типа имеют высоту от 17 до 23 см¹¹⁶, ситула же из Большой Дмитриевки значительно меньше. Однако, учитывая тот факт, что среди известных ситул типа Баргфельд есть и довольно крупные экземпляры, высота которых составляет 34,2–34,7 см¹¹⁷, вряд ли на основании этого можно отказаться от атрибуции. Учитывая тот факт, что изначально дно сосуда было утрачено и полностью заменено в процессе одного из древних ремонтов, есть все основания предполагать, что первоначально сосуд мог быть более высоким, хотя даже в этом случае, учитывая диаметр сосуда по краям и диаметр его дна, он был ниже ситул данного типа.

Края пластины, образующей дно, имели вырезы, формирующие прямоугольные выступы. Эти выступы, в свою очередь, были через один загнуты на внешнюю и внутреннюю стороны нижнего края тулова. Такую технику ремонта обозначают как ‘zinnenartige Naht’. До сих пор считалось, что она не встречалась ранее III в. н.э. и была использована для ремонта бронзовых сосудов из Подунавья¹¹⁸.

Таким образом, хотя по своим пропорциям, размерам и материалу атташей ситула из Большой Дмитриевки отличается от ситул типа Eggers 22, форма ее тулова с ярко выраженным ребром определенным образом связывает ее с ними и, возможно, это позволяет рассматривать данный сосуд в качестве подражания ситулам типа Eggers 22.

7. Бронзовый сосуд с шаровидным туловом

Единственная находка бронзового сосуда такой формы происходит из погребения № 8 кургана № 55/1954 Калиновского могильника (рис. 10, 2; 14)¹¹⁹. По мнению Е. Мозера, сосуд из Калиновки можно сопоставить с позднелатенскими

¹¹³ Терпиловский, Билинская 2010, 46, № 2; 47, рис. 2, 5; 50; Терпиловский, Жаров 2013, 37–39, рис. 1, 1–2. 5–6; Глебов и др. 2020, 368, 371, рис. 10, 5. См. также: Terpilovskij 2014, 332, fig. 2; 3, 5; 5, 2.

¹¹⁴ Шилов 1975, 154–155.

¹¹⁵ Максимов 1957, 158, рис. 2, 1–2; 159, № 2; Шелов 1965, 267, 270, рис. 9, 3; Кропоткин 1970, 93, № 802; Шилов 1973, 253, № 2, рис. 2; 1975, 154, № 1; Treister 2019a, 319, fig. 7, 1–3; 2019b, 180, fig. 19.6, 1–3; 181.

¹¹⁶ Breščak 1982, 17, 45–46, nos. 43–49, pls. 5–6; den Boesterd 1956, 39, no. 115, pl. V; Solier et al. 1981, 198, 200, no. 13, fig. 74; Терпиловский, Жаров 2013, 36–39, рис. 1–2.

¹¹⁷ Ratković 2005, 15, 48–49, no. 3; Marčenko, Limberis 2008, 340, Nr. 15.1, Taf. 27.

¹¹⁸ См. подробно, Treister 2019a, 319 с лит.; 2019b, 180–181 с лит.

¹¹⁹ Кропоткин 1970, 91, № 789, рис. 60, 1–2; Moser 1975, 1353–136, Taf. 43, 3; Раев 1993, 171, рис. 6; Раев 1994, 352, fig. 9; Banghard, Gorecki 2004, 144, Abb. 13; Трейстер 2020, 167–169, рис. 3, 2; 4, 1.

Рис. 13. Большая Дмитриевка. Кургan № 96/1887. Ситула бронзовая. Саратов, СОМК, инв. № 47795. Фото М.Ю. Трейстера, 2015

Fig. 13. Bol'shaya Dmitrievka. Burial-mound 96/1887. Saratov, Regional Local Lore Museum. inv.-no. 47795. Photos by M.Yu. Treister, 2015

Рис. 14. Калиновский могильник. Курган № 55/1954. Погребение № 8. Бронзовый сосуд. Санкт-Петербург, ГЭ, инв. № 2206/68. Фото М.Ю. Трейстера, 2015
Fig. 14. Kalinovka necropolis. Burial-mound no. 55/1954. Burial no. 8. Bronze vessel. St. Petersburg, State Hermitage, inv.-no. 2206/68. Photos by M. Yu. Treister, 2015

сосудами близкой формы, но без ручек, происходящими из Шпайера и Берна, – в целом он определяет сосуд из Калиновки как изделие позднелатенского времени, выполненное, вероятно, в северо-италийской мастерской. Как справедливо отметил Б.А. Раев, на близость нашего экземпляра позднелатенским образцам кельтского круга из Северной Италии указывает и форма атташа, аналогичная атташам кружек типа Идриа и кувшинов Галларате¹²⁰.

Наличие двух параллельных вертикальных петель на верхнем атташе ручки предполагает шарнирное крепление крышки сосуда, вертикальный край которой, вероятно, либо входил в горло, верхняя часть которого оформлена в виде цилиндрического выступа, либо, наоборот, перекрывал его. Близкой параллелью конструкции крепления крышки на шарнире является серебряный фимиатерий из кургана Хохлач, который я датировал концом II – началом I в. до н.э.¹²¹ К выводу о датировке фимиатерия не позднее I в. до н.э. (на основании близкого сходства подставок его и аска из Хохлача) и о возможности изготовления всего набора серебряных сосудов из Хохлача в мастерской понтийско-малоазийского региона в конце I в. до н.э. приходит и Й. Горецки¹²².

К первой половине I в. до н.э. относится серия бронзовых кувшинов с крышками на шарнирах, находки которых известны в Помпеях, в погребении в Антране, на Нижнем Рейне, в Норике и Реции¹²³ (в эту же группу находок Х. Зедльмайер включает и опубликованную Б.А. Раевым крышку сосуда из Песчаного¹²⁴). Отмечая единичность сосуда из Калиновки, Й. Горецки¹²⁵ указывает на близкую конструкцию шарнирного крепления у двух сосудов уже императорского времени – серебряного из Виташевице в Польше¹²⁶ и бронзового – из погребения в Вольпертсведе-Мохенванген в Баден-Вюртемберге¹²⁷.

8. Тазы

8.1. Таз из Косики

Фрагментарно сохранившийся таз на поддоне¹²⁸, по мнению исследователей, предположительно относится к типу Eggers 92¹²⁹. Если учитывать тот факт, что форма таза неизвестна (от таза в Астраханском музее нам удалось найти лишь атташ с подвижной ручкой) (рис. 3, 2; 15), особого внимания заслуживает эта деталь.

Аналогичной формы атташи в форме листа, расширяющегося в нижней части и образующего подтреугольной формы выступ с прямым нижним торцом,

¹²⁰ Раев 1993, 171; Раев 1994, 352.

¹²¹ Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 134, № В45.5 с лит., табл. 58; Трейстер 2007а, 40–41; Засецкая 2011, 222, 224–226, ил. 118–119; 266–267, № 24.

¹²² Banghard, Gorecki 2004, 143–144.

¹²³ См. подробно: Sedlmayer 1999, 24–26, Karte 4, Taf. 8. См. также Castoldi 2004, 87–88, fig. 5.

¹²⁴ Раев 1993, 171; Раев 1994, 352, 353, fig. 11.

¹²⁵ Banghard, Gorecki 2004, 144.

¹²⁶ Wielowiejski 1989, 231, Nr. 8, Taf. 71, a–b.

¹²⁷ Kat. Freiburg 1988, Abb. 46; 102.

¹²⁸ Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993, 151–153, рис. 6; Глухов 2005, 17, рис. 13, 8; Treister 2005, fig. 11, 2–4.

¹²⁹ Дворниченко, Федоров-Давыдов 1993, 151; Глухов 2005, 17.

Рис. 15. Косика. Погребение № 1/1984. Бронзовая ручка таза с атташем. Астрахань, ГОИАМЗ, инв. № 35580. Фото М.Ю. Трейстера, 2015

Fig. 15. Kosika. Burial no. 1/1984. Bronze basin handle with attachment. Astrakhan, State Joint Historical and Architectural Museum-Reserve, inv.-no. 35580. Photos by M.Yu. Treister, 2015

Рис. 16. Калиновский могильник. Курган № 55/1954. Погребение № 8. Ручка бронзового таза. Санкт-Петербург, ГЭ, инв. № 2206/69. Фото М.Ю. Трейстера, 2015
Fig. 16. Kalinovka necropolis. Burial-mound no. 55/1954. Burial no. 8. Bronze basin handle. St. Petersburg, State Hermitage, inv.-no. 2206/69. Photos by M. Yu. Treister, 2015

имеются на итальянских амфорах типа Агде, датирующихся второй половиной II – первой четвертью I в. до н.э.¹³⁰, например, из Кьюзи¹³¹ и кораблекрушения у берегов Тосканы¹³² в Италии; из Цацерес эль Вьехо¹³³ – в Испании. Атташ такой же формы с припаянной к нему маской актера украшает бронзовую патеру из погребения № 21 кургана Журавка-7 у ст. Журавской в Прикубанье – погребение датируется многочисленными материалами последней четвертью II – началом I в. до н.э.¹³⁴ Близкую конфигурацию имеет и атташ с подвижной ручкой бронзового таза № 8184 из Помпей на ножках в форме колец¹³⁵; такие тазы датируют I в. до н.э.¹³⁶ Еще одной близкой параллелью является фрагментарно сохранившийся атташ из урнового погребения, открытого в Вемингене в районе Ганновера и предположительно связываемый с тазом типа Eggers 92¹³⁷. Не только форма частично утраченного атташа, но и особенности оформления ручки и втулки чрезвычайно близки.

На мой взгляд, судя по форме атташа, таз из Косики можно скорее рассматривать как форму, предшествующую тазам типа Eggers 91 второй половины I в. до н.э. (Х.-Ю. Эггерс рассматривал их вместе с тазами типа 92), поскольку атташи этих тазов имеют совершенно другой вид – они массивные, прямоугольной формы с горизонтальными валиками, образующими ступеньки (*getreppter Attasche*). Верхняя часть таких атташей отогнута под углом и загнута, образуя паз для подвижной ручки под краем таза¹³⁸. У тазов типа Eggers 92 ниже такого атташа находилась припаянная к тулову ажурная пальметта¹³⁹ и, соответственно, никакого отношения к тазам типов Eggers 91–92 ручка таза из Косики иметь не может.

Раннюю датировку таза косвенно подтверждает и изображение атташа аналогичной формы на терракотовой архитектурной детали из раскопок бактрийской крепости Узундара III – первой половины II в. до н.э.¹⁴⁰

¹³⁰ Feugère 1991a, 51, nos. 1–10; Fabião 1999, 169; Banghard, Gorecki 2004, 139–140, Abb. 8, 1; Erice Lacabe 2007, 197–198, 202, fig. 2. (<http://cchum-kvm-syslat.in2p3.fr/SLC/DICOBJ/d.index.html>). См. также ручку с атташем такого сосуда из Вероны (?): Bolla, Castoldi 2016, 134, 151, no. XVIII/3, tav. 4.

¹³¹ Feugère 1991a, 49, fig. 3; 51, no. 8.

¹³² Genovesi et al. 2013, 83–85, figs. 10, 12, tav. VI, a.

¹³³ Контекст находки дает *terminus post quem* – 80/79 гг. до н.э.: Ulbert 1984, 218, Taf. 13, 60, Nr. 77; Feugère 1991a, 48, fig. 2; 51, no. 2; Gorecki 2016, 187; 188, Abb. 2.

¹³⁴ Левин и др. 2014, 258–259.

¹³⁵ Tassinari 1993, 206, S1120, no. 8184; 383 (I, 9, 2); tav. CLXXIII.

¹³⁶ Božič 2002, 420–422, figs. 1; 2, 1–4; 3.

¹³⁷ Cosack 1973, 151–153, Nr. 1, Abb. 1, 1–2; Taf. 1, 1; Erdrich 2002, 80, XX-04.8/1.1, Taf. 35, 3.

¹³⁸ Eggers 1951, 168, Beil. 35, Taf. 9; Kunow 1983, 21, 60, 72; Известно несколько экземпляров тазов типа Eggers 91 – из Рздца в Польше (Kurzyńska 2006, 11–22 с лит.) и Лилла Сойвиде на о. Готланд (Lindeberg 1973, 8–9, Abb. 2, 61, Nr. 41; Lund Hansen 1987, 45). Такой же атташ сохранился и на бронзовом тазе из Андреевского кургана в Мордовии (Кропоткин 1969, 32, 33, рис. 15; 1970, 24, № 36; 93–94, № 807, рис. 66, 3; Степанов 1980, 42, рис. 11). См. также отдельные находки атташей: например, Rustoiu 2005, 79–80, fig. 22.

¹³⁹ Eggers 1951, 168, Beilage 35, Taf. 9, 92; Werner 1954, 57–64, 70–71, Liste H.

¹⁴⁰ Двуреченская 2015, 64, рис. 2.

8.2. Тазы из кургана № 1 могильника Октябрьский-V

В погребении было найдено два таза, которым посвящена наша специальная публикация¹⁴¹, поэтому здесь мы изложим лишь ее выводы. Есть все основания для датировки и ножек-подставок, и атташей, а, соответственно, и одного из тазов в рамках I в. до н.э. и для того, чтобы рассматривать их как элементы парадного бронзового сосуда (-ов) позднеэллинистического времени. Тот факт, что они определенное время использовались, прежде чем попали в погребение, косвенно подтверждают и неаккуратно пробитые отверстия на одном из атташей, которые, вероятно, использовались для его прикрепления заклепками. Датировать эти тазы I в. н.э. на том основании, что «раньше I в. н.э. бронзовые тазы <...> в сарматских и других комплексах неизвестны»¹⁴², неверно с точки зрения методической и абсолютно противоречит приведенному нами анализу аналогий.

8.3. Таз (кратер) типа Eggers 94

Бронзовый кратер (тип Eggers 94) с ручкой (вторая ручка утрачена) с атташами в форме виноградных листьев (ствол ее оформлен в виде переплетающихся лоз) (рис. 10, 3; 16) был найден в погребении № 8 кургана № 55/1954 Калиновского могильника, датированном второй половиной I в. до н.э. – рубежом н.э.¹⁴³. Параллели сосуду и ручкам с такими атташами происходят из Северной Италии, Галлии, Германии и Британии¹⁴⁴. К началу 1990-х гг. было учтено 20 таких находок. Наибольшая концентрация их приходится на Северную Италию и Галлию; отдельные находки происходят также из Фессалии, с Делоса (*terminus ante quem* 69 г. до н.э.) и из Египта¹⁴⁵. Учитывая в том числе тот факт, что наиболее (как считалось ранее) ранняя находка происходит с Делоса, можно было бы предполагать происхождение сосудов этой формы в Восточном Средиземноморье¹⁴⁶ или в Греции¹⁴⁷. Атташи в форме листьев винограда имеют и ручки других форм из Галлии, также датирующиеся второй половиной I в. до н.э.¹⁴⁸ Однако находка поддона такого кратера в кораблекрушении первой четверти I в. до н.э. у берегов Тосканы¹⁴⁹ позволяет предполагать и более раннюю дату их появления и возможность изготовления в Италии.

¹⁴¹ Трейстер 2019в, 379–394.

¹⁴² Мыськов и др. 1999, 156; Скрипкин, Мыськов 2009, 254.

¹⁴³ Кропоткин 1970, 91, № 779, рис. 60, 3–4; Moser 1975, 133–135, Taf. 43, 1; Шилов 1975, 142–143; Schelow 1982, 67; Fitzpatrick 1989, 319; Сергацков 1994, 20; Трейстер 2020, 167–168, рис. 3, 3.

¹⁴⁴ См. в целом: Willers 1907, 19, Abb. 13; Werner 1954, 55–56, 70, Liste G; Шилов 1975, 142–143; Moser 1975, 133–135; Kunow 1983, 21–22, 60; Fitzpatrick 1989, 318–319; Bolla 1991, 113–120; Voss 1998, 50, Nr. II–03–2/1.1, Taf. 7, 1; Sedlmayer 1999, 57; Erdrich 2002, 188, Nr. XXII–10–2/2.1, Taf. 44, 2; Erice Lacabe 2007, 200, 203, fig. 2.

¹⁴⁵ Bolla 1991, 118, fig. 6; 119–120 с литературой. См. о новых находках: Bolla, Castoldi 2016, 134. Кратер из Калиновки датируют не ранее середины I в. до н.э., возможно, второй половиной столетия: см. Sedlmayer 1999, 57.

¹⁴⁶ Bolla 1991, 118; Sedlmayer 1999, 57.

¹⁴⁷ Bolla, Castoldi 2016, 134.

¹⁴⁸ Cavallier 1988, 77–78, no. 28; Boucher, Oggiano-Bittar 1993, 130, no. 207.

¹⁴⁹ Genovesi et al. 2013, 77, tav. IV, e; 86, fig. 16.

9. Аски

От бронзового аска из Багаевского кургана № 13/1961¹⁵⁰ сохранилась только часть тулова на подставке (большая часть горла и ручка аска утрачены) (рис. 17). Подставка аска в форме кольцевого поддона, сужающегося кверху и переходящего в горизонтальную площадку, в центре которой она переходит в короткую цилиндрическую ножку, очень напоминает подставку бронзового аска из гробницы № 115 в Гамай (Мероэ), хранящегося в Бостоне и, вероятнее всего, датирующегося II–I вв. до н.э.¹⁵¹ Более того, аски первых веков н.э. (см. ниже) таких подставок не имеют, а снабжены низкими кольцевыми поддонами. Учитывая тот факт, что бронзовые аски раннеэллинистического времени, в частности, аск из Голяма Косматки¹⁵², имеют подобные подставки, следует рассматривать этот элемент сосуда как ранний признак. Сходство сосудов из Багаевского кургана и Мероэ заключается и в том, что у обоих на тулове нет декоративных ребер, являющихся продолжениями граней горла, которые имеются у большинства известных бронзовых асков I в. н.э.

Ручка сосуда из тризны кургана № 10/1987 в Кобяково¹⁵³ – это ручка аска (рис. 18). У большинства известных бронзовых асков I в. до н.э. – I в. н.э. ручки либо фигурные, богато украшенные и имеющие практически S-видную форму¹⁵⁴ (эти аски предположительно итальянского производства эпохи Ранней империи – тип Z1000, по классификации Ф. Прото¹⁵⁵), либо более простые, но с прогибом и перехватом в центральной части (тип Radnoti 70)¹⁵⁶ – по мнению Дж. Хейеса, это аски римского типа республиканского времени, которые он датирует I в. до н.э.¹⁵⁷

¹⁵⁰ Кропоткин 1970, 24, № 42; 92, № 788; Raev 1977a, 624, Anm. 111; Трейстер 2019a, 149–150, рис. 3.

¹⁵¹ Bates, Dunham 1927, 42, no. 16, pls. 32, 2, 4; Comstock, Vermeule 1971, 334, 335, no. 471; Proto 2009, 151, 153, note 33. О комплексе погребения см.: Bates, Dunham 1927, 39–43. О датировке см. Hayes 1984, 65.

¹⁵² Димитрова 2015, 200–201, рис. 160; 286–289, № 42, рис. 224–227.

¹⁵³ Прохорова, Гугуев 1992, 145, рис. 3, 3; Трейстер 2019a, 148–150, рис. 2; 4.

¹⁵⁴ Из Геркуланума: Collezione Napoli 1986, 178–179, nos. 43–44; Stefanelli 1990, 240–241, figs. 226–227; 282, nos. 111–112; Proto 2002, 381, fig. 8. – Из Боскореале: Pernice 1900, 184, Abb. 11; Oettel 1991, 25, 46, Nr. 15, Taf. 15. – Из Словении: Breščak 1982, 24, nos. 105–106, pls. XI, XXV; Bolla 1991–1992, 142. – Из Бейрута: de Ridder 1915, 128, no. 2930, pl. 103. – Из виллы Фишбурн недалеко от Чичестера (ручка): Down, Henig 1988, 308–310. – Из Смочан у Ловеча в Болгарии: Raev 1977a, 624, 639, Nr. 68, Taf. 34, 6; Bolla 1991–1992, 142–143, fig. 6. – Из погребения в Тинен-Авендорен (Тирлемон) в Бельгии, открытого в 1951 г.: Mertens 1952, 50–51, no. 4, fig. 5, pl. III, 2; Faider-Feytmanns 1979, 180, no. 370, pl. 149. – Из погребения в Локарно: Silvestrini 1939, 221–222; Simonett 1941, 21, Taf. 13, 5; Bolla 1991–1992, 142. Ручка аска I в. н.э. (?) из погребения III в. н.э. № 3 в кургане № 3 у Оверхеспене в Бельгии также двойная, ее нижний атташ украшен маской Медузы: Mariën 1994, 85–87, fig. 38; De Decker 2009, 55, fig. 20. – Из Амьена: Lebech 2010, 402, fig. 1; 403, figs. 3–4; 405, 407. – Музей Вероны: Bolla 1991–1992, 139–145, no. 2, figs. 3–4.

¹⁵⁵ Proto 2009, 141–142, 154–166, nos. 1–15.

¹⁵⁶ Интерцисса: Radnoti 1938, 144–145, Taf. XIII, 70; LII, 1; Ниймерген, Музей Г. Кама: den Boesterd 1956, 64, no. 223, pl. X (ручка). Бостон, музей изящных искусств: Comstock, Vermeule 1971, 334, 335, no. 470. – Шербур: Tassinari 1975, 59–60, no. 151, pl. XXIX. Вьенн: Boucher 1971, 136, no. 252. – Metropolitan Museum of Art, Gift of Henry G. Marquand, 1897, acc. no. 97.22.19, <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/246695>. – Baltimore, Thee Walters Art Gallery, acc. no. 54.182, <http://art.thewalters.org/detail/14687/askos/>. – Торонто, Королевский музей Онтарио: Hayes 1984, 70–71, no. 114 (ручка).

¹⁵⁷ Hayes 1984, 70–71, nos. 112–114.

Рис. 17. Кудинов (Багаевский). Кургan № 13/1960. Аск бронзовый. Ростов-на-Дону, РОМК, инв. № 2170/5. Фото М.Ю. Трейстера, 2015

Fig. 17. Kudinov (Bagaeveskiy). Burial-mound no. 13/1960. Bronze askos. Rostov-on-Don, Rostov-on-Don Regional Local Lore Museum, inv.-no. 2170/5. Photos by M.Yu. Treister, 2015

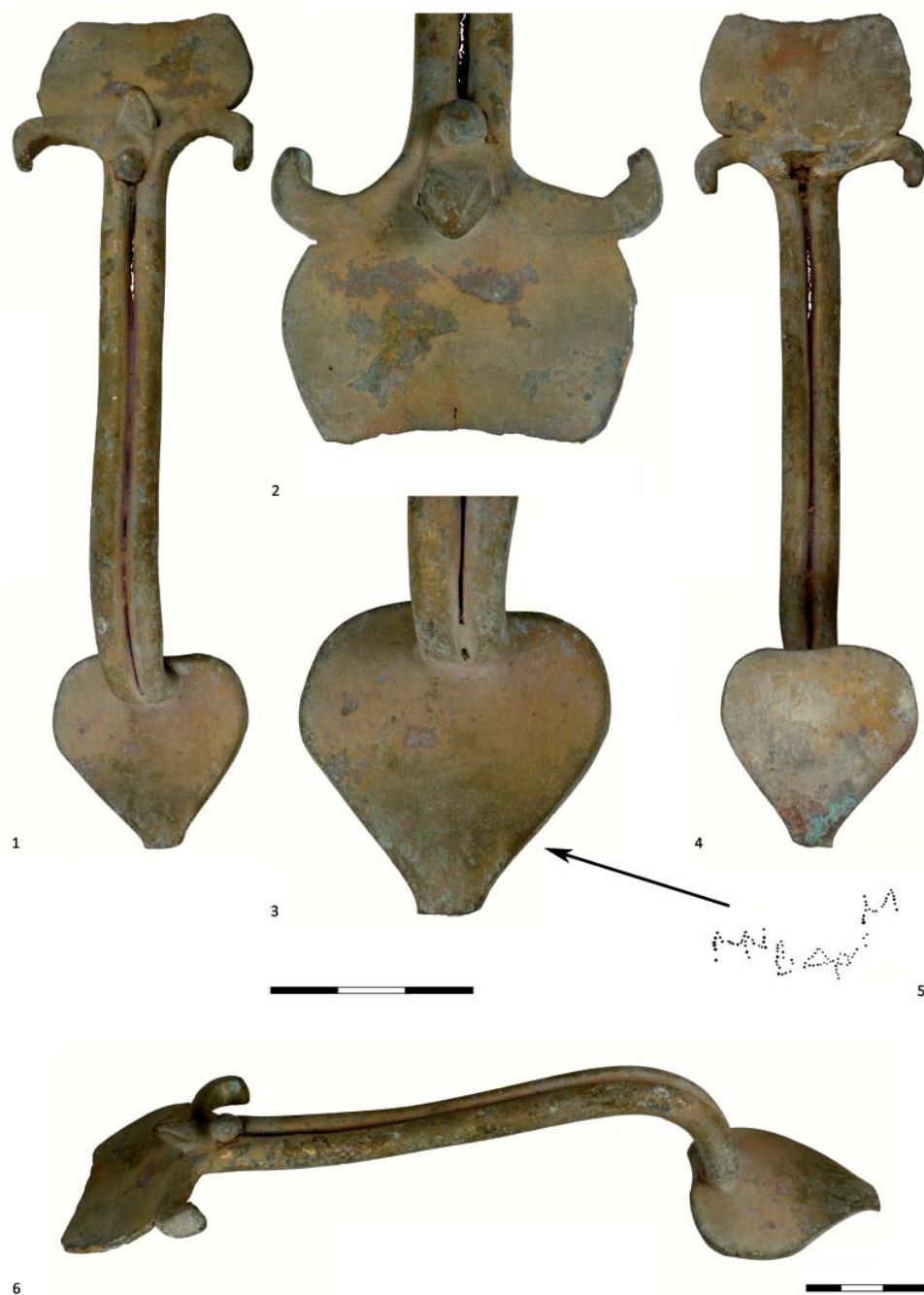

Рис. 18. Кобяковский могильник. Курган № 10/1987. Ручка аска бронзового. Таганрог, ГЛИАМЗ, инв. № 12117/29. Фото М.Ю. Трейстера, 2015

Fig. 18. Kobyakovskiy necropolis. Burial-mound no. 10/1987. Bronze askos handle. Taganrog, State Literary and Historical-Architectural Museum-Reserve, inv.-no. 12117/29. Photos by M.Yu. Treister, 2015

Для некоторых бронзовых асков характерны ручки такой конфигурации со стволом, образованным двумя стержнями и двумя атташами в форме листьев, один из которых припаивался непосредственно у устья, а второй – на конце аска.

По форме ствола ручки и углам изгиба атташей наиболее близкую параллель представляет упомянутый выше аск из гробницы № 115 в Гамай в Мерое¹⁵⁸. В отличие от кобяковской ручки, ручка аска из Мерое в задней части раздваивается и крепится к тулову сосуда при помощи двух листовидных атташей с завитками у концов. Ручка из коллекции Музея в Торонто, которая предположительно определяется как ручка аска, также двойная, имеет близкую профилировку, заканчивается с одной стороны пальцем, а атташ с другой стороны ручки имеет форму листа с подтреугольным расширением на конце¹⁵⁹. В коллекции того же Музея хранится еще целая серия ручек бронзовых асков, оформленных «Геракловым узлом», раздваивающихся и заканчивающихся листовидными атташами с завитками на концах, происходящих из Верхнего Египта и датирующихся II–I вв. до н.э., как по аналогии с аском из Мерое, так и на основании форм атташей¹⁶⁰. Атташи близкой формы украшают ручки сосудов различных типов позднеереспубликанского времени, датирующихся в рамках последней четверти II – первой половины I в. до н.э.¹⁶¹

Таким образом, есть основания для датировки и фрагментированного аска из Багаевского кургана № 13/1961 (рис. 17), и ручки аска из Кобяковского кургана № 10/1987 (рис. 18) не позднее I в. до н.э. Приведенные параллели дают также основания предполагать их изготовление в Египте. Интересно, что и в Багаевском кургане № 13/1961 бронзовый аск вместе с бронзовой амфорой¹⁶² был найден в насыпи кургана и, вероятнее всего, так же, как и в Кобяковском кургане № 10, относился к тризне¹⁶³, тогда как серебряный аск в кургане Хохлач был найден в одном из тайников¹⁶⁴. Обращает на себя внимание и тот факт, что и в Багаевском кургане № 13, и в Кобяковском кургане № 10 аски входили в наборы бронзовых сосудов с более поздними образцами.

Из предложенных А.В. Белоусовым версий интерпретации надписи на атташе ручки из Кобяковского могильника, выполненной пуансоном, наиболее вероятной мне представляется последняя, а именно обозначение стоимости содержания сосуда¹⁶⁵. Бронзовые сосуды, в которых хранились монеты, и в Северном Причерноморье, и за его пределами хорошо известны¹⁶⁶. Приведем в качестве примера находку в Мирмекии под стеной здания, интерпретированного как святилище Деметры, бронзовой ольпы V в. до н.э.¹⁶⁷, в которой находилось 99 электровых

¹⁵⁸ Comstock, Vermeule 1971, 334, 335, no. 471.

¹⁵⁹ Hayes 1984, 85, no. 132.

¹⁶⁰ Hayes 1984, 65–66, nos. 101–108.

¹⁶¹ Подобные атташи у ручек кружек типа Идриа, кувшинов типа Галларате. См. также атташ ручки кувшина из Падуи с завитками по сторонам в основании листа: D'Andria 1970, 129, no. 218, tav. XLIII.

¹⁶² Капошина 1967, 209, 210, рис. 1, 1; 2, 1; Кропоткин 1970, 23, № 3; 92, № 788; Raev 1977b, 144, 145, fig. 7; 1986, 35, pl. 26, 1–2; Шелов 1983, 59–60, рис. 1, 1.

¹⁶³ Капошина 1960, 96–97.

¹⁶⁴ Засецкая 2011, 12.

¹⁶⁵ Белоусов 2019, 151.

¹⁶⁶ Butyagin, Treister 2006, 143–144; Бутягин, Трейстер 2010, 242–243.

¹⁶⁷ Butyagin, Treister 2006, 131–144; Бутягин, Трейстер 2010, 238–246.

кизикинов, спрятанной во второй четверти IV в. до н.э.¹⁶⁸ Если учесть, что в позднеэллинистическую эпоху, в частности в 90–80 гг. до н.э., на Боспоре чеканились как драхмы, так и дидрахмы, представленные в Фанталовском кладе из по крайней мере 485 дидрахм, то 120 дидрахм, которые были меньше и легче кизикинов, или даже 240 серебряных драхм вполне могли поместиться в бронзовый сосуд¹⁶⁹. Не исключено, что и кобьяковский аск мог изначально быть контейнером для хранения такой казны¹⁷⁰.

Выводы

Распространение и распределение в комплексах

Бронзовые сосуды позднеереспубликанских типов, датируемые преимущественно в рамках последней четверти II – первой четверти (половины) I в. до н.э., встречаются в погребениях кочевников Азиатской Сарматии редко, преобладая в Нижнем Подонье (рис. 19), где их концентрация сопоставима с концентрацией находок таких сосудов на правом берегу Кубани в ее дельте¹⁷¹. Особого внимания заслуживает тот факт, что значительная часть их находок в Азиатской Сарматии происходит не из Нижнего Подонья, а из двух погребальных комплексов в Нижнем Поволжье: погребения № 8 кургана № 55/1954 Калиновского могильника (рис. 10) и погребения № 1/1984 у с. Косики (рис. 3). Не будем забывать и находку сковороды типа Айлесфорд в соседней могиле № 2¹⁷². Далее на восток, в Заволжье и в Южном Приуралье бронзовые позднеереспубликанские сосуды не известны.

По концентрации бронзовых сосудов позднеереспубликанских типов в одном погребении комплексы из Калиновки и Косики могут быть сопоставлены с находками из разрушенного погребения в кургане у хут. Элитный в Прикубанье (где были найдены кружка типа Идриа, а также фрагменты сковороды типы Айлесфорд и, возможно, рукоять ковша Песчате вместе со стеклянным канфаром и фрагментами мегарской чаши¹⁷³) и обнаруживают сильное сходство с концентрацией находок этих же типов в некоторых погребениях (особенно № 3, 4, 6, 7) могильника Орнавассо-Сан Бернардо¹⁷⁴, могильника в Валледжио суль Минцио (погребение № 4)¹⁷⁵, а также в одном из кораблекрушений у берегов Тосканы, надежно датируемом первой четвертью I в. до н.э.¹⁷⁶

Другие типы позднеереспубликанских бронзовых сосудов в Закавказье, на Северном Кавказе, в Центральном Предкавказье и в Прикубанье

¹⁶⁸ Butyagin, Chistov 2006, 77–132; Karatas 2018, 60–62, 84.

¹⁶⁹ Автор выражает искреннюю признательность М.Г. Абрамзону за подробную консультацию.

¹⁷⁰ Трейстер 2019а, 150.

¹⁷¹ Marčenko, Limberis 2008, 276, Karte 3.

¹⁷² Клепиков, Скрипкин 2002, 63, № 38; Скрипкин 2006, 19, 29, рис. 2, 5.

¹⁷³ Анфимов 1986, 190–197; Marčenko, Limberis 2008, 341, Nr. 19, Taf. 34–35.

¹⁷⁴ Погребение № 3: Graue 1974, 213–214, Taf. 2–4. – Погребение № 4: Graue 1974, 214, Taf. 5. – Погребение № 6: Graue 1974, 214–215, Taf. 6–9; Ulbert 1984, 84–86, Abb. 23; Luik 2002, 62–63, Abb. 38a–b. – Погребение № 7: Graue 1974, 215, Taf. 10–12.

¹⁷⁵ Salzani 1995, 14–17, tav. IV–VI.

¹⁷⁶ Genovesi et al. 2013, 77, tav. IV; 81–87, figs. 4–16.

Рис. 19. Бронзовые сосуды позднеереспубликанских / позднеэллинистических типов в Азиатской Сарматии. 1 – Недвиговка (?), 2 – Шаумян, 3 – Нижнее Подонье (?), 4 – Кобяковский, 5 – Алитуб, 6 – Кудинов, 7 – Турбута-III, 8 – Виноградный, 9 – Новый, 10 – Октябрьский-V, 11 – Большая Дмитриевка, 12 – Калиновка, 13 – Косика, 14 – Элитный, 15 – Калининская, 16 – Новоджерелиевская, 17 – курган Овальный, 18 – Северный, 19 – Кореновск, 20 – Журавка-7, 21 – Воронежская, 22 – Даховская, 23 – Зубовский, 24 – Чегем / Баксан, 25 – Старогладковская, 26 – Кобань, 27 – Армавир, 28 – Сисиан. Условные обозначения: черпаки типа Песчате – круг, черпаки типа Castoldi-Feugere 5 – верхний полукруг, кружки Идриа – нижний полукруг, сковороды типа Айлесфорд – квадрат, кувшин типа Галларате / Пятра Нямец / Орнавассо-Керумгаард – прямоугольник, сосуд с шаровидным туловом – круг с белым центром, тазы с ручками с атташами позднеереспубликанских и позднеэллинистических типов – треугольник вершиной вверх, таз типа Eggers 94 – треугольник вершиной вниз, ситилы типов Eggers 19–22 – ромб, аски – пятиугольник. Карта, М.Ю. Трейстер, 2020

Fig. 19. Bronze vessels of the Late Republican /Late Hellenistic types in Asian Sarmatia. 1 – Nedvigovka (?), 2 – Shaumyan, 3 – Lower Don area (?), 4 – Kobyakovskij, 5 – Alitub, 6 – Kudinov, 7 – Turbuta-III, 8 – Vinogradnyj, 9 – Novyy, 10 – Oktyabr'skiy-V, 11 – Bol'shaya Dmitrievka, 12 – Kalinovka, 13 – Kosika, 14 – Elitnyy, 15 – Kalininskaya, 16 – Novodzherelievskaya, 17 – Oval'nyy Burial-mound, 18 – Severnyy, 19 – Korenovsk, 20 – Zhuravka-7 Burial-mound, 21 – Voronezhskaya, 22 – Dakhovskaya, 23 – Zubovskiy, 24 – Chegem / Baksan, 25 – Starogladkovskaya, 26 – Koban', 27 – Armavir, 28 – Sisian. Legend: ladles of Peschate type – circle, ladles of Castoldi-Feugere type 5 – upper semi-circle, goblets of Idrija type – lower semi-circle, pans of Aylesford type – square, jugs of Gallarate / Piatra Neamt / Ornavasso-Kerumgaard types – rectangular, vessel withn a spherical body – circle with white center, basins with handles with attachments of the Late Republican /Late Hellenistic types – triangle, basin (krater) of Eggers 94 type – inverted triangle, situlas of Eggers 19–22 types – rhombus, askoi – pentagon. Map, M.Yu. Treister, 2020

Датируемые на основании хорошо датированных контекстов в Испании в рамках конца II – первой трети I в. до н.э.¹⁷⁷ бронзовые кувшины типа *Piatra Neamț* (Пьятра Нямец), находки которых концентрируются в Испании¹⁷⁸, на юге Франции и в Марокко¹⁷⁹, но известны и в Италии¹⁸⁰, и в Подунавье¹⁸¹, были найдены: в открытом Г.Д. Филимоновом погребении № 1 Кобанского могильника на Северном Кавказе¹⁸², в гробнице третьей четверти I в. до н.э. в Сисиане¹⁸³ и в верхнем слое западного квартала в Армавире¹⁸⁴ в Армении. Интересно, что недавно в Прикубанье был найден еще один кувшин типа Пьятра Нямец – в датирующемся последней четвертью II – началом I в. до н.э. погребении № 21 кургана Журавка-7¹⁸⁵.

Таким образом, в Закавказье, на Северном Кавказе, в Центральном Предкавказье и в Прикубанье известно уже 4 экземпляра кувшинов типа Пьятра Нямец. Среди фрагментов бронзовых сосудов, найденных в конце XIX в. в районе Чегемской и Баксанской долин и поступивших в коллекцию графа Е. Зичи в Будапеште, имеется ручка, которая по форме могла относиться как к кувшинам типа Галларате, так и к кружкам типа Идрия, однако, судя по размерам (в. 6,2 см)¹⁸⁶, ее следует относить к кружкам типа Идрия.

В этой связи укажем на находку бронзовых кувшинов типа Орнавассо-Керумгаард¹⁸⁷ в некрополе Талль Шех Хамад /Магдала в Северной Месопотамии¹⁸⁸ и в разрушенном кургане у ст. Старогладковской на Нижнем Тереке (поступившего в 1867 г. в Кавказский музей в Тифлисе)¹⁸⁹. К. Буб считала кувшины этого типа дальнейшим развитием кувшинов типа Галларате и Пьятра Нямец и датировала их в рамках 25 г. до н.э. – 25 г. н.э.¹⁹⁰ Такой сосуд был найден в гробнице В в

¹⁷⁷ Mansel 2017, 478–481.

¹⁷⁸ Mansel 2017, 529–530, Anh. 1.

¹⁷⁹ Boube 1991, 30, nos. 11–30, figs. 3–4; 8; Mansel 2000, 208–214, Abb. 8–10; 321–322, Liste 2; 2004, 23–24, fig. 3; Izquierdo 2005, 407–413; Erice Lacabe 2007, 200–201, fig. 2; Benedito Nuez 2013, 175.

¹⁸⁰ Boube 1991, 27, nos. 1–4; Caravale 2006, 29, no. 13.

¹⁸¹ Boube 1991, 27, nos. 6–9; Отдельные находки происходят из Словении, Сербии и Дакии (Beldiman 1988, 79–80, fig. 3, 5; Popović 1992, 68–69, Abb. 6; Ratković 2005, 66–69, nos. 16–17; 73, no. 20; 159–160; Rustoiu 2005, 60, fig. 5, 1; Roman 2015, 265–284). *ср.* <http://artefacts.mom.fr>. CRU-3002 с неполной картой распространения и списков, в которых не учтены не только находки в Закавказье и на Кавказе, но и Нижнем Подунавье.

¹⁸² МАК VIII, 1900, 85, рис. 81; Кропоткин 1970, 94, № 808, рис. 57, 3; 60, 6; Абрамова 1974, 15–16, рис. III, 32; XII; Boube 1991, 30, no. 10; Раев 1993, 166: с ошибочным определением как тип Галларате; Прокопенко 2014, ч. I, 427.

¹⁸³ Khachatryan 2011, 51–52, fig. 12, 1–2.

¹⁸⁴ Тирацян, Карапетян 1985, 225, рис. 7; 226; Khachatryan 2011, 51.

¹⁸⁵ Левин и др. 2014, 257, № 1.

¹⁸⁶ Zichy 1897, 460, no. 696, pl. XXI, 8.

¹⁸⁷ Ulbert 1984, 83; Boube 1991, 38; *ср.* <http://artefacts.mom.fr>. CRU-3001 с неполной картой (учтены только находки на территории Западной и Центральной Европы, и то не все). *См.* сосуд с аналогичным нижним атташем ручки: Werner 1978, 2, 3, Abb. 1, 2; Boube 1991, 33, fig. 10, вверху справа. *Ср.* Graue 1974, 214–215, Taf. 6, 3 (Сан Бернардо, погребение № 6); 251–252, Taf. 98, 1 (Персона, погребение № 33); из гробницы В в Гебланж-Носпельт к западу от Люксембурга (Metzler, Gaeng 2009, 80, no. 19; 86, fig. 67, 273, fig. 237).

¹⁸⁸ Wehry 2013, 174–176, Abb. 278–280.

¹⁸⁹ Раев 1993, 166, рис. 4; 2000, 198; Raev 1994, 349, fig. 4; Прокопенко 2014, ч. I, 35, 130, 427; 2015, 119. Спиральные завитки в нижней части атташа относятся к варианту 3, по классификации К. Буб (Boube 1991, 24).

¹⁹⁰ Boube 1991, 38.

Гебланж-Носпельт, которую в настоящее время датируют в рамках галло-римского периода 1 или 30–15 гг. до н.э.¹⁹¹, при этом в настоящее время кувшины типа Орнавассо-Керумгаард датируют ок. 75–30 гг. до н.э., а находка атташей ручек таких кувшинов в кораблекрушении у берегов Тосканы¹⁹² дает основание утверждать, что они были распространены одновременно с кувшинами типа Галларате и появились не позднее первой четверти I в. до н.э.

Хронология комплексов с бронзовыми сосудами позднеереспубликанских типов

Я не буду отрицать тот факт, что между изготовлением бронзовых сосудов позднеереспубликанских типов в Северной Италии или Галлии и их попаданием в погребения кочевников Азиатской Сарматии проходило определенное время, которое во многих случаях очень сложно установить. Более того, часть из публикуемых здесь сосудов имеет или следы ремонта¹⁹³ (к ним относятся, в частности, оба черпака типа Песчате из Косики (рис. 2; 3, 1) и могильника Шаумяна (рис. 1), у которых заклепками был починен ободок или место крепления ручки к нему), или утраты (одна из ручек кратера, крышка и часть одной из ручек сосуда с шаровидным туловом из Калиновки (рис. 10, 2–3; 14; 16).

Тем не менее, если учесть время бытования этих сосудов в ареалах их изготовления, очень трудно предположить, что они вдруг стали импортироваться через десятки лет после того, как перестали там производиться и вышли из обращения. Таким образом, можно говорить скорее о том, что эти сосуды могли находиться определенное время в использовании у кочевников и о том, что в каких-то случаях это могло быть длительное использование. Имеются совершенно определенные свидетельства того, что такие сосуды могли быть у кочевников в употреблении вплоть до второй половины I – первой половины II в. н.э., как в случае с ситулой из Большой Дмитриевки или асками из Нижнего Подонья. О том, что такое использование необязательно было очень длительным, говорит тот факт, что в некоторых погребениях и в Прикубанье, и на Нижней Волге были найдены *наборы* сосудов позднеереспубликанских типов (Элитный, Калиновка, Косика).

Даже на далекой периферии (по отношению к Северной Италии и Галлии) – и в Северном Причерноморье, и в Закавказье в комплексах с находками бронзовых сосудов позднеереспубликанских типов не отмечается существенный временной лаг. Так, в надежно датированном различными видами погребального инвентаря княжеском погребении в Сисиане с находкой кувшина типа Галларате, датировка которого была определена издателем в широких рамках второй половины I в. до н.э.¹⁹⁴, найдено 15 монет различных центров чеканки (от Афин до Парфии), датирующихся от второй половины II в. до н.э., причем среди них выделяются самые поздние монеты чеканки Орода II, датируемые в целом 57–38 гг. до н.э.¹⁹⁵ В данном случае вряд ли могут быть применены аргументы о длительности быто-

¹⁹¹ Metzler, Gaeng 2009, 456–458, figs. 402–403.

¹⁹² Genovesi et al. 2013, 82, tav. V, слева; 83–84, fig. 10.

¹⁹³ Об импортных бронзовых сосудах со следами ремонта, найденных в сарматских погребениях, см.: Treister 2019a, 313–345; 2019b, 177–187.

¹⁹⁴ Khachatrian 2011, 72.

¹⁹⁵ Khachatrian 2011, 67–71, fig. 16.

вания монет после их чеканки, которые высказываются по отношению к монетам из погребения в могильнике Шаумяна¹⁹⁶. На мой взгляд, можно даже говорить о датировке погребения не позднее третьей четверти I в. до н.э. Еще более показателен контекст находки черпака типа Песчате и ручки кружки типа Идриа в варварском святилище на перевале Гурзуфское седло в Горном Крыму, которые были найдены в слое светлой глины (первый период существования святилища) вместе с материалом второй половины II – первой половины I в. до н.э.: фрагментами амфор, керамики, стеклянными сосудами, римскими республиканскими монетами и монетами Понта чеканки времени Митридата VI¹⁹⁷.

Историческая интерпретация находок

До того, как Б.А. Раев начал скептически высказываться о возможностях датировки погребальных комплексов кочевников по импортной бронзовой посуде¹⁹⁸, исследователь связывал распространение бронзовой посуды позднеереспубликанского времени с участием сарматов в составе войск Митридата VI в походах в Малую Азию¹⁹⁹. С этими же событиями связывает распространение сковород типа Айлесфорд в Прикубанье и И.И. Марченко²⁰⁰. Не учтенные ни Б.А. Раевым, ни И.И. Марченко находки из Армавира и Сисиана, а также известный им сосуд из Кобани косвенно подтверждают возможность такого пути позднеереспубликанских бронзовых сосудов в Сарматия вне зависимости от того, связывать ли их с участием кочевников в походах Митридата VI или Фарнака II²⁰¹ – едва ли на археологическом материале можно разделить импорты, связанные с событиями, которые отделяют два десятилетия.

Что же касается кувшина типа Орнавассо-Керумгаард из Старогладковской, то, вероятно, относительно позднюю датировку этого комплекса подтверждает факт находки в нем бронзового таза типа Eggers 96²⁰², что, однако, не исключает более раннего попадания этого кувшина к кочевникам.

Широкий географический спектр происхождения вещей, прежде всего сочетание изделий центрально-азиатского, италийского позднеереспубликанского и прикубанского происхождения, характеризует комплексы из Косики и Калиновки в Нижнем Поволжье. Очевидна и хронологическая близость этих двух погребений

¹⁹⁶ Раев 2006б, 97; Сергацков 2006, 40.

¹⁹⁷ Новиченкова 2015, 115–116, рис. 215; Novichenkova 2016, 221; Novichenkova, Novichenkova 2017, 225; Новиченкова 2018, 101.

¹⁹⁸ Раев 2006а, 88–90; 2006б, 97–99.

¹⁹⁹ Раев 1993, 174–175; 2000, 198; Raev 1994, 352, fig. 10; 353. В данном случае мне кажется не очень принципиальным, получили ли они эти сосуды от воинов Митридата VI, добывших их в сражениях с азиатскими галатами, которые получили эту посуду от европейских кельтов, как считал Б.А. Раев, за что подвергся критике со стороны А.В. Дедюлькина (см. Глебов и др. 2020, 368).

²⁰⁰ Марченко 1996, 35–36; Marčenko, Limberis 2008, 325.

²⁰¹ Не очень понятно, к какой волне поступления относится, по мнению И.И. Марченко и Н.Ю. Лимберис, единственная на момент публикации находка кружки Идриа в Прикубанье, т.к. ее появление связывается и со второй волной (события времени Митридата VI Евпатора), и одновременно с третьей волной – походом Фарнака Боспорского в Малую Азию (ср. Marčenko, Limberis 2008, 325).

²⁰² Раев 2000, 198; Прокопенко 2014, ч. I, 35, 130, 427; 2015, 119.

представителей сарматской элиты²⁰³. Появление в погребении в Калиновке массивных золотых украшений с утратами и со следами древнего кустарного ремонта, вероятно, доставшихся погребенной по наследству, можно предположительно связывать с миграцией какой-то группы (групп) кочевников из Центральной Азии в степи Нижнего Поволжья и их возможным участием в событиях, связанных с падением Греко-бактрийского царства, хотя нельзя исключать и роль межплеменных браков элиты кочевников в распространении таких вещей, тем более что данное погребение – женское. Вероятно также, что более современные находки из этой могилы, как я и предполагал ранее по отношению к погребению в Косике²⁰⁴, отражают участие кочевников в малоазийском походе Фарнака II 47–46 гг. до н.э.

Проблемой является, однако, то обстоятельство, что в Малой Азии из всего спектра бронзовых сосудов позднеереспубликанских типов известна лишь одна находка черпака типа Песчате А в Приене²⁰⁵. Тем не менее находки двух кувшинов типа Галларате на Делосе и среди кораблекрушения у о. Антикитера²⁰⁶ и двух кружек типа Идрия на Делосе²⁰⁷ свидетельствуют о том, что к 70-м гг. до н.э. такие сосуды попадали на острова восточной части Средиземноморья. Впрочем, находки из Армении кувшинов типа Пятра Нямц снимают все вопросы – как еще они могли попасть в Армению, если не через Малую Азию?

В качестве альтернативного объяснения можно было бы подумать о возможности поступления рассмотренных сосудов через центры Западного и Северного Причерноморья, тем более что и на территории Нижнего Подунавья, и Северо-Западного Причерноморья, и в Северном Причерноморье (Гурзуфское седло) бронзовые сосуды позднеереспубликанских типов представлены довольно широко (правда, в сарматских погребениях между Дунаем и Доном известны лишь ситулы типов Eggers 20–22). В таком случае, учитывая распределение таких сосудов в Сарматии (рис. 19), было бы логично предположить, что они попадали к кочевникам через Танаис и центры Азиатского Боспора и, соответственно, через Нижнее Подонье и Прикубанье могли попадать как на северо-восток – в Нижнее Поволжье, так и на юго-восток – в Предкавказье, на Северный Кавказ и в Закавказье. Такой вариант представляется также возможным и дает основания для исторической интерпретации. Очевидно, что и в этом случае попадание сосудов позднеереспубликанских типов к кочевникам Азиатской Сарматии и Прикубанья следует связывать с событиями эпохи Митридата VI и его пребыванием на Боспоре²⁰⁸. Косвенно возможность такой интерпретации подтверждают находки малоазийских монет чеканки Митридата VI в том же слое святилища на перевале Гурзуфское седло, в котором были найдены фрагменты сосудов позднеереспубликанских типов²⁰⁹. Эта интерпретация, однако, с трудом объясняет появление кувшинов типа Пятра Нямц в Закавказье.

²⁰³ Трейстер 2020, 174–175.

²⁰⁴ Treister 2005, 223–240.

²⁰⁵ Castoldi, Feugère 1991, 72, no. 80.

²⁰⁶ См. выше прим. 88, 91.

²⁰⁷ См. выше прим. 56.

²⁰⁸ Ср. подобный вывод, сделанный при анализе «ритуальных кладов» из окрестностей Танаиса: Глебов и др. 2020, 375–376.

²⁰⁹ См. выше прим. 196.

Приложение 1. Результаты рентгено-флуоресцентного анализа (%) бронзовых сосудов позднереспубликанских типов из погребений кочевников Азиатской Сарматии. Анализ на спектрометре Brüker (аналитик С.В. Хаврин, 2016).

№ пробы	Место проб	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Ag	Zn	Fe	Ni	Прочие	Рис.
Калиновский могильник, курган № 55/1954, погребение № 8. Государственный Эрмитаж												
<i>Кувшины типа Галларате, инв. № 2206/67</i>												
07-1	Ручка	Осп.	Сл.	9-12	4-6	—	Сл.	—	<0,3	—	Bi	Рис. 9
07-2	Дно	Осп.	?	8-11	<0,2	—	Сл.	—	<0,3	—		
07-3	Тулово	Осп.	?	7-10	Сл.	Сл.	Сл.	—	Сл.	—		
07-4	Заплата дна	Осп.	?	~1	~1	Сл.	<0,3	—	<0,3	—		
<i>Сосуд с шаровидным туловом, инв. № 2206/68</i>												
08-1	Ручка	Осп.	—	4-6	9-12	Сл.	Сл.	—	<0,2	—		Рис. 14
08-2	Горло	Осп.	<0,3	—	—	—	—	—	<0,9	Сл.		
08-3	Стенка	Осп.	<0,3	—	—	—	—	—	<0,5	Сл.		
<i>Таз, инв. № 2206/69</i>												
09-1	Ручка	Осп.	—	3-5	8-10	<0,3	Сл.	—	Сл.	—		Рис. 16
09-2	Венчик	Осп.	—	7-9	Сл.	—	—	—	<0,2	—		
09-3	Стенка	Осп.	?	4-6	Сл.	—	—	—	<0,2	—		
09-4	Поддон	Осп.	<1	7-9	>20	—	Сл.	—	<0,2	—		
Колхоз им. С.Г. Шаумяна. Курган № 13/1996. Погребение № 1. Тананис, АМЗ												
<i>Бронзовый ковш, инв. № 333. АО 17</i>												
BR6		Осп.	<0,3	8-10	—	—	Сл.	—	<0,3	—		Рис. 1
Новый. Курган № 20/1982. Погребение № 2. Аксай, ВИМ												
<i>Фрагмент ковша бронзового, инв. № 17910/598</i>												
BR17		Осп.	<0,4	12-15	?	—	Сл.	?	<0,3	—		Рис. 3
Косика. Погребение № 1/1984. Астрахань, ГОИАМЗ												
<i>Бронзовый ковш, инв. № ВХ 1133/20</i>												
		Осп.	<0,2	7-9	<0,3	—	—	Сл.	<0,3	—		Рис. 2
<i>Бронзовая ручка таза с атташем, инв. № 35580</i>												
BR26	Втулка атташа	Осп.	—	3-5	15-20	—	—	—	<0,3	—		Рис. 15
BR26a	Ручка, основание острого кончика	Осп.	—	3-4	20-24	—	—	—	Сл.	—		
Большая Дмитриевка. Курган № 96/1887. Саратов, СОМК												
<i>Ситула бронзовая, инв. № 47795</i>												
BR28		Осп.	—	1-3	—	—	Сл.	—	<0,5	—		Рис. 13

Таким образом, вероятнее всего, основной приток сосудов позднеереспубликанских типов был связан с событиями времени Митридата VI и они могли попадать к кочевникам Азиатской Сарматии как в результате участия сарматов в военных кампаниях в Малой Азии, так и в связи с пребыванием войск Митридата VI на Боспоре в 80–60-х гг. до н.э. Определенная часть сосудов могла попасть к кочевникам и в результате их участия в малоазийском походе Фарнака II 47–46 гг. до н.э.

Какая-то часть сосудов позднеереспубликанских типов, в частности ситула из Большой Дмитриевки, могла попасть к сарматам в результате военных столкновений с германскими дружинами, проникавшими глубоко на территорию Восточной Европы в последние десятилетия I в. до н.э., соображения в пользу которых на основании находок железного умбона щита²¹⁰ и бронзового котла²¹¹ из Садового кургана уже высказывались.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова, М.П. 1974: Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков н.э. (по материалам Северной Осетии и Кабардино-Балкарии). В кн.: *Археологические исследования на юге Восточной Европы*. М., 3–31.
- Анфимов, И.Н. 1986: Погребальный комплекс II в. до н.э. у хут. Элитный (Краснодарский край). В кн.: В.И. Марковин (ред.), *Новое в археологии Северного Кавказа*. М., 190–197.
- Белоусов, А.В. 2019: Надпись на ручке бронзового аска из кургана № 10 Кобяковского могильника (приложение к статье М.Ю. Трейстера). *Вестник Танаиса*. Вып. 5. Том 2. Ростов-на-Дону, 151.
- Белоусов, А.В., Трейстер, М.Ю. 2018: Парадный кинжал с надписью из княжеского сарматского погребения у с. Косика в Нижнем Поволжье. *Аристей XVIII*, 92–128.
- Бутягин, А.М., Трейстер, М.Ю. 2010: Бронзовая ольпа Мирмекийского клада. *АМА* 14, 238–246.
- Глебов, В.П. 2002: Погребение с монетами из могильника Шаумяна и вопросы хронологии среднесарматской культуры. *Донская археология* 1–2, 28–41.
- Глебов, В.П. 2004: Хронология раннесарматской и среднесарматской культур Нижнего Подонья. В кн.: *Сарматские культуры Евразии*, 127–133.
- Глебов, В.П. 2005: О некоторых проблемах хронологии раннесарматской культуры Нижнего Подонья. *НАВ* 7, 34–50.
- Глебов, В.П. 2006: К полемике о проблемах становления среднесарматской культуры. В кн.: *Раннесарматская и среднесарматская культуры*, 59–68.
- Глебов, В.П., Гордин, И.А. 2016: Богатое сарматское погребение из могильника Дядьковский 45 в Краснодарском крае. В кн.: В.Ю. Зуев, В.А. Хршановский (ред.), *Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2016 г.)*. СПб., 282–292.
- Глебов, В.П., Гордин, И.А., Дедюлькин, А.В. 2020: Новые находки «ритуальных кладов» в Нижнем Подонье. В кн.: О. Радюш, А. Блюэнэ, М. Любичев (ред.), *Германия–Сарматия*. Вып. III. М., 354–385.
- Глебов, В.П., Толочко, И.В. 2016: Женские погребения с оружием на Нижнем Дону в эпоху позднего эллинизма: Танаис и сарматы. В кн.: С.И. Лукьяшко (ред.), *Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона. Материалы Всероссийской*

²¹⁰ Шукин 1987, 49–51; 2004, 447–452, рис. 1; 2011, 168–169, рис. 1; Shchukin 1994, 490–491.

²¹¹ Трейстер 2019б, 176–178.

научной конференции с международным участием, посвященной 70-летию юбилею Б.А. Раева. Кагальник, 20–21 октября 2016 г. Ростов-на-Дону, 44–84.

- Глухов, А.А. 2005: *Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н.э.* Волгоград.
- Гущина, И.И., Засецкая, И.П. 1989: Погребения зубовско-воздвиженской группы из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – II в. н.э.). В кн.: М.П. Абрамова (ред.), *Археологические исследования на юге Восточной Европы* (Труды ГИМ 70). М., 71–141.
- Дворниченко, В.В., Федоров-Давыдов, Г.А. 1989: Памятники сарматской аристократии в Нижнем Поволжье. В кн.: К.А. Смирнов (ред.), *Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья*. М., 5–13.
- Дворниченко, В.В., Федоров-Давыдов, Г.А. 1993: Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области. *ВДИ* 3, 141–179.
- Двуреченская, Н.Д. 2015: Эллинистические крепости Бактрии. В кн.: Н.А. Макаров (ред.), *Институт археологии. Новые экспедиции и проекты*. М., 64–65.
- Демиденко, С.В. 1997: Типология литых котлов савромато-сарматского времени с территории Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа. В кн.: С.В. Демиденко, Д.В. Журавлев (ред.), *Древности Евразии*. М., 120–159.
- Димитрова, Д. 2015: *Гробницата на цар Севт II в могила Голяма Косматка / The Tomb of King Seuthes III in Golyama Kosmatka Tumulus*. София.
- Засецкая, И.П. 2011: *Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад*. СПб.
- Засецкая, И.П., Марченко, И.И. 1995: Классификация стеклянных канфаров позднеэллинистического и раннеримского времени. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа* 32, 90–104.
- Захаров, А.В. 2000: Сарматское погребение в кургане «Крестовый». В кн.: Ю.К. Гугуев (ред.), *Сарматы и их соседи на Дону* (Материалы и исследования по археологии Дона 1). Ростов-на-Дону, 27–45.
- Капошина, С.И. 1960: *Кобяковская археологическая экспедиция Ростовского ГУ, Ростовского областного музея краеведения, Новочеркасского музея истории Донского казачества, ЛОИА АН СССР. Отчет о работе 1960 г.* Архив ИА РАН, Р-1, № 2226.
- Капошина, С.И. 1967: Итальянский импорт на Нижнем Дону. *Записки Одесского Археологического Общества* II (35), 208–213.
- Клепиков, В.М., Скрипкин, А.С. 2002: Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья. *НАВ* 5, 47–81.
- Косяненко, В.М., Максименко, В.Е. 1989: Комплекс вещей из сарматского погребения у хутора Виноградный. *СА* 1, 264–267.
- Кропоткин, В.В. 1969: Римские импорты Андреевского кургана в Мордовской АССР. *КСИА* 119, 32–36.
- Кропоткин, В.В. 1970: *Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.)* (САИ. – Д1-27). М.
- Левин, Е.С., Короткий, Д.В., Лунев, М.Ю. 2014: Новое сарматское погребение с римскими импортами из Прикубанья. В кн.: Д.С. Коробов (ред.), *Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции Москва, 21–25 апреля 2014 г.* М., 258–259.
- Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И. 2019: Сарматское погребение из кургана «Кирпичный» в Прикубанье. *НАВ* 18.1, 178–191.
- Максимов, Е.К. 1957: Сарматское погребение из кургана у с. Большая Дмитриевка Саратовской области. *СА* 4, 157–161.
- Марченко, И.И. 1996: *Сираки Кубани*. Краснодар.
- Мордвинцева, В.И., Трейстер, М.Ю. 2007: *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э.* Симферополь–Бонн.

- Мыськов, Е.П., Кияшко, А.В., Скрипкин, А.С. 1999: Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая. *НАВ* 2, 149–167.
- Новиченкова, М.В. 2017: Римские металлические черпаки (*simpula*) раннего принципата из святилища у перевала Гурзуфское Седло. В кн.: *Північне Причорномор'я за античної доби (на пошану С.Д. Крижицького)*. Киев, 242–249.
- Новиченкова, М.В. 2018: О деталях латенских бронзовых ситул из святилища у перевала Гурзуфское Седло. В кн.: О.И. Смирнов (ред.), *FORUM OLBICUM II: Пам'яті В.В. Крапівіної (до 150-річчя дослідження Ольвії), 4–6 травня 2018 р.* Миколаїв, 101.
- Новиченкова, Н.Г. 2002: *Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло*. Ялта.
- Новиченкова, Н.Г. 2015: *Горный Крым II в. до н.э. – II в. н.э. По материалам раскопок святилища Гурзуфское Седло*. Симферополь.
- Проккопенко, Ю.А. 2014: Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э. Ч. 1–2. Ставрополь.
- Проккопенко, Ю.А. 2015: Сираки, тохары и другие племена Центрального Предкавказья в политических событиях II в. до н.э. – нач. I в. н.э. по письменным источникам, археологическим и нумизматическим данным. В кн.: Б.Х. Бгажноков, В.А. Фоменко (ред.), *Археология и этнология Северного Кавказа*. Вып. 4. Нальчик, 107–127.
- Прохорова, Т.А., Гугуев, В.К. 1992: Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника. *СА* 1, 142–161.
- Раев, Б.А. 1993: Бронзовая посуда эпохи позднего латена в Сарматии. *АМА* 9, 160–175.
- Раев, Б.А. 2000: Северокавказские древности римского времени в коллекции музея Грузии (Тбилиси) (о времени и путях проникновения ранних алан на Северный Кавказ). В кн.: *История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время. Тезисы конференции 30–31 мая 2000 года*. Пятигорск, 197–199.
- Раев, Б.А. 2006а: К абсолютной хронологии римского импорта в Азиатской Сарматии (методологические заметки). В кн.: А.П. Деревянко, В.И. Молодин (ред.), *Современные проблемы археологии России: материалы Всероссийского археологического съезда (Новосибирск, 23–28 октября 2006 г.)*. Т. 2. Новосибирск, 88–90.
- Раев, Б.А. 2006б: О новых датировках и старых проблемах, спорных моментах и бесспорных истинах. В кн.: *Раннесарматская и среднесарматская культуры*, 91–100.
- Сергацков, И.В. 1994: Сарматы Волго-Донских степей и Рим в первых веках нашей эры. В кн.: Д.М. Туган-Барановский (ред.), *Проблемы всеобщей истории. Материалы научной конференции. Волгоград, сентябрь 1993*. Волгоград, 19–29.
- Сергацков, И.В. 2004: К хронологии среднесарматской культуры Нижнего Поволжья. В кн.: *Сарматские культуры Евразии*, 107–116.
- Сергацков, И.В. 2006: Проблема становления среднесарматской культуры. В кн.: *Раннесарматская и среднесарматская культуры*, 37–58.
- Симоненко, А.В. 2011: *Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья*. СПб.
- Скрипкин, А.С. 1984: Два комплекса раннего железного века из Прикубанья. В кн.: А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова, В.Г. Петренко (ред.), *Древности Евразии в скифо-сарматское время*. М., 218–224.
- Скрипкин, А.С. 1997: Об одном полемическом эпизоде в книге М.Б. Щукина «На рубеже эр» (Санкт-Петербург, 1994). *Stratum + НАВ*, 116–120.
- Скрипкин, А.С. 2002: О времени включения Нижнего Поволжья в систему Великого шелкового пути. *НАВ* 5, 388–393.
- Скрипкин, А.С. 2003: К критике источников исследований, посвященных реконструкции торговых путей в скифо-сарматское время. *ВДИ* 3, 194–203.
- Скрипкин, А.С. 2005: Сарматские мечи с кольцевидным навершием. В сб.: *II Городцовские чтения. Материалы научной конференции посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ*. М., 171–185.

- Скрипкин, А.С. 2006: К проблеме соотношения ранне- и среднесарматской культур. В кн.: В.М. Клепиков (ред.), *Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения*. Вып. 1. Волгоград, 5–27.
- Скрипкин, А.С. 2010: Сарматские мечи с кольцевидным навершием. В кн.: Скрипкин, А.С. *Сарматы и Восток. Избранные труды*. Волгоград, 335–358.
- Скрипкин, А.С. 2017: О некоторых особенностях северного ответвления Великого шелкового пути. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения* 22.2, 6–14.
- Скрипкин, А.С., Мыськов, Е.П. 2009: Погребение сарматской знати из Волгоградского Подонья. В кн.: Н.А. Макаров (ред.), *Археологические открытия. 1991–2004. Европейская Россия*. М., 245–255.
- Степанов, П.Д. 1980: *Андреевский курган. К истории мордовских племен на рубеже нашей эры*. Саранск.
- Терпиловский, Р.В., Билинская, Л.И. 2010: Трупосожжение знатного воина рубежа эр на Сейме. В кн.: О. Щеглова, М. Казански, В. Новаковский (ред.), *Германия-Сарматия*. Вып. II. Курск, Калининград, 45–55.
- Терпиловский, Р.В., Жаров, Г.В. 2013: Металлические сосуды Мутинского могильника на Сейме. *Stratum plus* 4, 35–41.
- Тирацян, Г.А., Карапетян, И.А. 1985: Раскопки Армавира 1983–1984 гг. *Историко-филологический журнал* 4, 219–226 (на арм. яз.), <http://hpj.asj-oa.am/4326/>
- Трейстер, М.Ю. 1994: Сарматская школа художественной торевтики (К открытию сервиза из Косики). *ВДИ* 3, 172–203.
- Трейстер, М.Ю. 2005: Сарматские воины Фарнака Боспорского (к вопросу об исторической интерпретации погребения в Косике). В кн.: М.Ю. Вахтина, В.Ю. Зуев, С.В. Кашаев, О.Ю. Соколова, В.А. Хршановский (ред.), *Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников*. СПб., 322–330.
- Трейстер, М.Ю. 2007: Торевтика и ювелирное дело в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э. (эллинистическая традиция). В кн.: В.И. Мордвинцева, М.Ю. Трейстер (ред.), *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э. Т. 1*. Симферополь–Бонн, 15–194.
- Трейстер, М.Ю. 2018: Китайские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы во второй половине I тыс. до н. э. – первых веках нашей эры. *Stratum plus* 4, 153–200.
- Трейстер, М.Ю. 2019а: Бронзовые сосуды из тризны Кобяковского кургана № 10/1987. *Вестник Танаиса*. Вып. 5. Т. 2. Ростов-на-Дону, 146–159.
- Трейстер, М.Ю. 2019б: Импортные бронзовые кованые котлы Азиатской Сарматии. *Scripta antiqua* VIII, 147–208.
- Трейстер, М.Ю. 2019в: Таз(-ы) из кургана № 1 могильника Октябрьский-V (к вопросу о времени и историческом контексте формирования центра погребальных памятников кочевой элиты в междуречье Дона и Волги). *ВДИ* 2, 379–415.
- Трейстер, М.Ю. 2020: Богатое сарматское погребение Калиновского могильника в Нижнем Поволжье и возможности его интерпретации. *Stratum plus* 4, 163–178.
- Шелов, Д.Б. 1965: Итальянские и западноримские изделия в торговле Танаиса первых веков н.э. *Acta archaeologica Academiae scientiarum hungaricae* XXV, 251–274.
- Шелов, Д.Б. 1983: Римские бронзовые кувшины и амфоры в Восточной Европе. *СА* 4, 57–69.
- Шилов, В.П. 1973: Металлические сосуды из кургана у с. Большая Дмитриевка. *СА* 4, 252–255.
- Шилов, В.П. 1975: *Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья*. Л.

- Щукин, М.Б. 1987: Умбон щита из кургана «Садовый» (к вопросу о сармато-германских контактах). В кн.: Б.А. Раев (ред.), *Античная цивилизация и варварский мир в Подонье - Приазовье. Тезисы докладов к семинару*. Новочеркасск, 49–51.
- Щукин, М.Б. 1992: Некоторые замечания к вопросу о хронологии зубовско-воздвиженской группы и проблема ранних алан. В кн.: Б.А. Раев (ред.), *Античная цивилизация и варварский мир. Материалы III археологического семинара*. Ч. 1. Новочеркасск, 104–112.
- Щукин, М.Б. 2004: Умбон из кургана «Садовый» под Новочеркасском. В кн.: Л.Б. Вишняцкий, А.А. Ковалев, О.А. Щеглова (ред.), *Археолог: детектив и мыслитель. Сб. статей, посвящённых 77-летию Льва Самойловича Клейна*. СПб., 445–463.
- Щукин, М.Б. 2011: О военных контактах между сарматами и германцами в римское время (по материалам вооружения). *Stratum plus* 4, 165–178.
- Azcárraga, S., Baquedano, E., Märtens, G., Contreras, M., Ruiz, Y.G. 2014: Vajilla broncea tardorrepública en El Llano de la Horca (Santorcaz, Madrid). *Archivo Español de Arqueología* 87, 109–121.
- Banghard, K., Gorecki, J. 2004: Bronzener Doppelhenkelkrug aus Dettenheim-Liedolsheim (Lkr. Karlsruhe). Ein Beitrag zum spätrepublikanischen Metallgeschirr. *Saalburg-Jahrbuch* 54, 119–150.
- Bates, O., Dunham, D. 1927: Excavations at Gammai. *Varia Africana IV. Harvard African Studies*, 1–121.
- Beldiman, C. 1988: Cu privire la difuziunea produselor de bronz italice în Dacia preromană (descoperirea de la Țigănești, jud. Teleorman). *Thraco-Dacica* 9, 75–82.
- Benedito Nuez, J. 2013: Redes de distribución y comercio de época romana en el territorio de la provincia de Castellón a través de los testimonios de arte suntuuario y de *instrumentum domesticum* decorado. *Revista Millars. Espai i història* 36, 169–199.
- Bienert, B. 2007: *Die römischen Bronzegefäße im Rheinischen Landesmuseum Trier*. Trier.
- Bini, M.P., Caramella, G., Buccioli, S. 1995: *I bronzi etruschi e romani* (Materiali del Museo Archeologico Nazionale di Tarquinia, 13). Roma.
- Bochnak, T. 2020: Between Rome and the Celts, Germans, and Sarmatians: Bronze Situlae without Suspension Loops as the Testimony of the Mithridatic Wars? In: I. Cîndea (ed.), *Tracii și vecinii lor în antichitate: arheologie și istorie = The Thracians and their Neighbours in Antiquity: Archaeology and History. Studies in Honor of Valeriu Sîrbu at his 70th Anniversary*, Brăila, 133–159.
- Bochnak, T., Opielowska-Nowak, Z. 2017: Zubowice, pow. zamojski, stan. 1 – brązowa situla z grobu kultury przeworskiej świadectwem kontaktów wzdłuż tzw. „szlaku bastarneńskiego”? *Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego XXXVIII*, 155–184.
- Bolla, M. 1991: Les bassins. In: *La vaisselle tardo-républicaine*, 113–120.
- Bolla, M. 1991–1992: Due askoi in bronzo del Museo Archeologico di Verona. *Annuario storico della Valpolicella*, 135–146.
- Bolla, M. 2002: Vasellame bronzeo da tombe celtiche. In: A. Aspes (ed.), *Preistoria veronese. Contributi e aggiornamenti* (Memorie del Museo Civico di Storia Naturale di Verona, II S., Sezione Scienze dell'uomo, 5). Verona, 205–207.
- Bolla, M., Boube, C., Guillaumet, J.-P. 1991: Les situles. In: *La vaisselle tardo-républicaine*, 7–22.
- Bolla, M., Castoldi, M. 2016: I recipienti di bronzo in Italia settentrionale tra IV e I secolo a.C. e il caso del territorio Veronese. *AV* 67, 121–175.
- Bolla, M., Castoldi, M., Terenziani, L. 1986: Recipienti in bronzo d'età romana in Lombardia. In: R. La Guardia (ed.), *Scritti in ricordo di Graziella Massari Gaballo e Umberto Tocchetti Pollini*. Milano, 195–209.
- Boube, C. 1991: Les cruches. In: *La vaisselle tardo-républicaine*, 23–46.
- Boucher, S. 1971: *Vienne. Bronzes antiques* (Inventaire des collections publiques françaises 17). P.

- Boucher, S., Oggiano-Bitar, H. 1993: *Le trésor des bronzes de Bavay* (Revue du Nord, Horse Série, Coll. Archéologique 3). Lille.
- Božič, D. 1999: Die Erforschung der Latenezeit in Slowenien seit Jahr 1964 (Raziskovanje latenske dobe na Slovenskem po letu 1964). *AV* 50, 189–213.
- Božič, D. 2002: Il vasellame bronzeo romano: grandi bacili e piccoli mestoli-colini. In: *I Bronzi antichi*, 419–428.
- Božič, D. 2003: L'aiguère en bronze de la tombe à char de Verna (Isère): une composition tripartite. *AV* 54, 259–269.
- Božič, D. 2008: *Late La Tène-Roman cemetery in Novo mesto. Ljubljanska cesta and Okrajno glavarstvo / Poznolatensko-rimsko grobišče v Novem mestu. Ljubljanska cesta in Okrajno glavarstvo* (Katalogi in monografije / Catalogi et Monographiae 39). Ljubljana.
- Brandt, J. 2001: *Jastorf und Latène. Kultureller Austausch und seine Auswirkungen auf sozialpolitische Entwicklungen in der vorrömischen Eisenzeit* (Internationale Archäologie 66). Rahden / Westf.
- Breščak, D. 1982: *Roman Bronze Vessels in Slovenia* (Situla, 22/1). Ljubljana.
- Breščak, D. 1995: Roman Bronze Vessels in Slovenia, New Finds 1982–1991. In: S.T.A.M. Mols, A.M. Gerhartl-Witteveen, H. Kars, A. Koster, W.J.Th. Peters, W.J.H. Willems (eds.), *Acta of the 12th International Congress on Ancient Bronzes, Nijmegen 1992* (Nederlandse archeologische Rapporten, 18). Nijmegen, 15–21.
- Brestel, T. 2017: *Die Ausgrabungen in Manching-Süd von 1990-2009. Studien zur Siedlungsstruktur und Befestigungsanlage des Oppidums* (Die Ausgrabungen in Manching 21). Wiesbaden.
- Brestel, T. 2020: A Bronze Situla from Manching and Some Thoughts on the Typology of H.J. Eggers. *Later Prehistoric Finds Group* 15, 10–14.
- Brosseder, U. 2015: A Study on the Complexity and Dynamics of Inter-Action and Exchange in Late Iron Age Eurasia. In: J. Bemann, M. Schmauder (eds.), *Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the First Millennium CE* (Bonn Contributions to Asian Archaeology 7). Bonn, 199–332.
- Butyagin, A.M., Chistov, D.E. 2006: The Hoard of Cyzicenes and Shrine of Demeter at Myrmekion. *ACSS* 12.1–2, 77–131.
- Butyagin, A.M., Treister M. 2006: A Bronze Olpe from the Myrmekion Hoard. *ACSS* 12.1–2, 131–144.
- Caravale, A. 2006: *Museo Claudio Faina di Orvieto: Vasellame*. Milano.
- Carlevaro, E. Pernet, L., Tori, L., Vietti, G., Della Casa, P., Schmid-Sikimić, B. 2006: *La necropolis di Giubiasco (TI). Vol. II. Les tombes de La Tène finale et d'époque romaine*. Zürich.
- Castoldi, M. 2004: Recipienti in bronzo dal territorio dell'antica Brixia tra età tardorepubblicana ed età augustea. In: C. Mușeteanu (ed.), *The Antique Bronzes: Typology, Chronology, Authenticity. The Acta of the 16th International Congress of Antique Bronzes, organized by The Romanian National History Museum, Bucharest, May 26th–31st, 2003*. Bucharest, 85–95.
- Castoldi, M. 2012: Recipienti di bronzo dalla *domus* di piazza Marconi, a Cremona (Regio X). In: M. Denoyelle, S. Descamps-Lequime, B. Mille, S. Verger (eds.), «*Bronzes grecs et romains, recherches récentes*» — *Hommage à Claude Rolley / INHA* («Actes de colloques»), 2012[Online], Online since 04 July 2016, connection on 02 February 2017, <http://inha.revues.org/3939>
- Castoldi, M., Feugère, M. 1991: Les simpulums. In: *La vaisselle tardo-républicaine*, 61–88.
- Cat. Athens 2012: N. Kaltsas, E. Vlachogianni, P. Bouyia (eds.), *The Antikythera Shipwreck: the Ship, the Treasures, the Mechanism*. Athens.
- Cat. Daoulas 1995: *Entre Asie et Europe. L'or des Sarmates. Nomades des steppes dans l'antiquité. 17 juin – 29 octobre 1995*. Abbaye de Daoulas.
- Cat. Paris 2001: V. Schiltz (ed.), *L'or des Amazones*. Paris.

- Cat. Rimini 1995: *Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal mar Nero. Rimini, 5 marzo – 25 giugno 1995*. Milan.
- Cavalier, O. 1988: *Le trésor d'Apt. Un ensemble de vaiselle métallique gallo-romaine. Musée Calvet*. Avignon.
- Ciampoltrini, G. 1994: La nave “dei Colini”: Un contributo per l'instrumentum in bronzo tardo-republicano. *Archeologia Classica* 46, 369–377.
- Collezioni Napoli 1986: Borriello, M.R., Lista, M., Pappalardo, U., Sampaolo, V., Ziviello, C. *Le Collezioni del Museo Nazionale di Napoli*. I.1. Roma.
- Comstock, M., Vermeule, C.C. 1971: *Greek, Etruscan and Roman Bronzes in the Museum of Fine Arts Boston*. Boston.
- Cosack, E. 1973: Drei “neue” Bronzegefäße der Römischen Kaiserzeit aus Niedersachsen. *Die Kunde. Zeitschrift für niedersächsische Archäologie*. NF 24, 151–155.
- D'Andria, F. 1970: I bronzi romani di Veleia, Parma e del territorio parmense. *Contributi dell'Istituto di archeologia. Pubblicazioni dell'Università cattolica del Sacro Cuore, Milano* 3, 3–142.
- De Decker, K. 2009: Askos en céramique d'époque hellénistique tardive. *Bulletin des Musées royaux d'Art et d'Histoire* 80, 51–75.
- Deimel, M. 1987: *Die Bronzekleinfunde vom Magdalensberg* (Kärntner Museumsschriften 71, Archäologische Forschungen zu den Grabungen auf dem Magdalensberg 9). Klagenfurt.
- den Boesterd, M.P.H. 1956: *The Bronze Vessels* (Description of the Collection in the Rijksmuseum G.M. Kam at Nijmegen. V.). Nijmegen.
- de Ridder, A. 1915: *Les bronzes antiques du Louvre*. T. II. *Les instruments*. Paris.
- Dizdar, M., Radman-Livaja, I. 2004: Finds of Roman Bronze Ware on Celtic Sites in Eastern Slavonia. In: Le Secrétariat du Congrès (ed.), *Actes du XIVème Congrès UISPP, Université de Liège, Belgique, 2–8 septembre 2001, Section 13, The Roman Age, General Sessions and Posters* (BAR Intern. Ser. 1312). Oxford, 49–53.
- Dizdar, M., Potrebica, H. 2014: Kasnolatenski ratnički grob iz Maloga Bilača (Požeška kotlina, Hrvatska) (Povzetek). In: S. Tecco Hvala (ed.), *Studia praehistorica in honorem Janez Dular* (Opera Instituti Archaeologici Sloveniae 30). Ljubljana, 355–376.
- Dizdar, M., Tonc, A. 2014: Nuovi ritrovamenti di vasellame bronzeo tardo-repubblicano a blato in Slavonia (Croazia): contatti tra scordisci e l'Italia durante il tardo La Tène. In: *Les Celtes et le Nord de l'Italie (Premier et Second Âges du fer). Actes du XXXVIe colloque international de l'A.F.E.A.F. (Vérone, 17-20 mai 2012)* (36 suppl. à Revue Archéologique de l'Est). Dijon, 585–594.
- Down, A., Henig, M. 1988: A Roman Askos Handle from Fishbourne. *The Antiquaries Journal* LXVIII, 308–310.
- Drnić, I. 2009: Dvije pojasne kopče tipa Laminci iz Dalja. *Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu*, 3.s., XLII, 305–319.
- Eggers, H.J. 1951: *Der römische Import im freien Germanien* (Atlas der Urgeschichte, 1). Hamburg.
- Erdrich, M. 2001: *Rom und die Barbaren* (Römisch-Germanische Forschungen 58). Mainz.
- Erdrich, M. 2002: *Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum, Deutschland. Bd. 4: Hansestadt Bremen und Bundesland Niedersachsen*. Bonn.
- Erice Lacabe, R. 2007: La vajilla de bronce en Hispania. *Sautuola* XIII, 197–215.
- Fabião, C. 1999: A propósito do depósito de Moldes, Castelo de Neiva, Viana do Castelo: a baixela romana tardo-republicana em bronze no extremo ocidente peninsular. *Revista Portuguesa de Arqueologia* 2.1, 163–198.
- Faider-Feytmans, G. 1979: *Les bronzes romains de Belgique*. Mainz.
- Ferdière, A., Villard, A. 1993: *La tombe augustéenne de Fléré-la-Rivière (Indre) et les sépultures aristocratiques de la cité des Bituriges. En Berry au début de l'époque gallo-romaine:*

- le fer, le vin, le pouvoir et la mort* (Supplément à la Revue archéologique du centre de la France 7). Tours.
- Feugère, M. 1991a: Les amphores. In: *La vaisselle tardo-républicaine*, 47–52.
- Feugère, M. 1991b: Les gobelets. In: *La vaisselle tardo-républicaine*, 53–59.
- Feugère, M. 2018: Le trésor d'argenterie. In: H. Tréziny, *La ville classique, hellénistique et romaine* (Mégara Hyblaea 7). Rome, 267–271.
- Feugère, M., de Marinis, R. 1991: Les poêlons. In: *La vaisselle tardo-républicaine*, 97–112.
- Finaroli, P. 1999: Il vasellame: le forme chiuse. In: M. Barbera (ed.), *La collezione Gorga*. Milano, 37–40.
- Fingerlin, G. 1986: *Dangstetten I. Katalog der Funde (Fundstellen 1 bis 603)* (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg 22). Stuttgart.
- Fitzpatrick, A.P. 1989: *Cross Channel relations in the British later Iron Age*. Durham theses, Durham University. Available at Durham E-Theses Online, <http://etheses.dur.ac.uk/949/>
- Galili, E., Sussman, V., Stiebel, G., Rosen, B. 2010. A Hellenistic/Early Roman Shipwreck off Ashkelon, Israel. *The International Journal of Nautical Archaeology* 39.1, 125–145.
- Genovesi, S., Giorgio, M., Palleschi, V., Rizzitelli, C. 2013: Rotte e commerci lungo la costa volterrana tra II e I sec. a.C.: materiali inediti da relitti e rinvenimenti sporadici del tratto costiero tra il Fine e il Cecina. *Notiziario della Soprintendenza per i Beni Archeologici della Toscana* 9, 69–106.
- Giovannini, A., Tasca, G. 2016: *Metalli antichi del Museo di San Vito al Tagliamento. L'età romana e altomedievale*. San Vito al Tagliamento. Pordenone.
- Gomes, F.B. 2017: Novos dados sobre a ocupação de época romana republicana da necrópole do Olival dos Senhor dos Mártires (Alcácer do Sal): o espólio metálico. In: J.M. Arnaud & A. Martins (eds.), *Arqueologia em Portugal / 2017 – Estado da Questão*. Lisboa, 1137–1148.
- Gorecki, J. 2016: Römische Metallgefäßspektren aus ausgewählten militärischen Fundkomplexen diesseits und jenseits von Rhein von der Zeit der späten Republik bis zum Beginn des 2. Jahrhunderts. In: H.-U. Voß/N. Müller-Schneefel (Hrsg.), *Archäologie zwischen Römern und Barbaren. Zur Datierung und Verbreitung römischer Metallarbeiten des 2. und 3. Jahrhunderts n. Chr. im Reich und im Barbaricum – ausgewählte Beispiele (Gefäße, Fibeln, Bestandteile militärischer Ausrüstung, Kleingerät, Münzen)*. Internationales Kolloquium. Frankfurt am Main, 19.–22. März 2009. Bd. 1. Bonn, 177–214.
- Graue, J. 1974: *Die Gräberfelder von Ornavasso: eine Studie zur Chronologie der späten Latène- und frühen Kaiserzeit*. Hamburg.
- Hatzidakis, P. 1997: “Κτίριο νότια του ‘Ιερού του Προμαχώνος’: Μία taberna vinaria στη Δήλο”. In: Δ’ Επιστημονική συνάντηση για την ελληνιστική κεραμική: Χρονολογικά προβλήματα, κλειστά σύνολα – εργαστήρια, Πρακτικά. [Μυτιλήνη, Μάρτιος 1994]. Athens, 291–307.
- Hadjidakis, P.J. 2003: *Delos*. Athens.
- Hadjidakis, P.J. 2017: A small Tavern on Delos. In: N.Ch. Stampolidis, D. Tsangari, Y. Tassoulas (eds.), *Money. Tangible Symbols in Ancient Greece*. Athens, 323–349.
- Haffner, A. 1974: Zum Ende der Latènezeit im Mittelrheingebiet unter besonderer Berücksichtigung des Trierer Landes. *AKorr* 4, 59–72.
- Hayes, J.W. 1984: *Greek, Roman and Related Metalware in the Royal Ontario Museum*. Toronto.
- Izquierdo, A.F. 2005: Asa de bronce tipo “Piatra Neamt”, hallada en el yacimiento ibero-romano de Torre de la Sal, la Plana Alta. *Quaderns de Prehistòria i Arqueologia de Castelló* 24, 407–413.
- Jovanović, J. 2010: Rimsko broncano posude iz Arheološkog muzeja u Splitu / Roman bronze vessels from the Archaeological Museum in Split, hrcak.srce.hr/file/93252.
- Jurget, F. 1999: *Die etruskischen und italischen Bronzen sowie Gegenstände aus Eisen, Blei und Leder im Badischen Landesmuseum Karlsruhe* (Terra Italia, 5). Pisa–Rom.
- Karatas, A.-M.-S., 2018: The Significance of Money for the Cults and Sanctuaries of Demeter and Kore: The Shaping of the Cults by Commercial Transactions. *Mythos* [Online], 12 |

- 2018, Online since 24 September 2019, connection on 28 September 2019, <http://journals.openedition.org/mythos/297>.
- Karwowski, M. 2004: *Latènezeitlicher Glasringschmuck aus Ostösterreich*. Wien.
- Karwowski, M. 2017: Die Bronzegefäße der Latènezeit vom Oberleiserberg. In: F. Pieler, P. Trebsche (Hrsg.), *Beiträge zum Tag der Niederösterreichischen Landesarchäologie 2017. Festschrift für Ernst Lauerer*. Zaya, 262–279.
- Kat. Frankfurt 2003: B. Gossel-Raeck, D. Stutzinger (Hrsg.), *Steppengold. Grabschätze der Skythen und Sarmaten am unteren Don*. Frankfurt.
- Kat. Freiburg 1988: H.-U. Nuber, *Antike Bronzen aus Baden-Württemberg* (Schriften des Limesmuseums Aalen 40). Stuttgart.
- Khachatryan, Z. 2011: The tomb of Sisian (second half of the 1st century B.C.). *Parthica: incontri di culture nel mondo antico* 13, 9–86.
- Kourkoumelis, D. 2012: Transport Amphorae. In: Cat. Athens 2012, 208–215.
- Kunow, J. 1983: *Der römische Import in der Germania libera bis zu den Markomannenkriegen. Studien zu Bronze- und Glasgefäßen* (Göttinger Schriften zur Vor- und Frühgeschichte, Band 21). Neumünster.
- Kurzyńska, M. 2006: Zachowana misa E 91 z cmentarzyska w Grudziądzu-Rządzu, pow: grudziądzki. In: *Korpus znalezisk rzymskich z europejskiego Barbaricum. Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum. Polska, Suplement, Tom 3, Nowe znaleziska importów rzymskich z ziem Polski III = Polen, Supplement, Band 3, Neue Funde römischer Importe aus Polen III* / A. Bursche, R. Ciolek (Hrsg.). Warszawa, 11–22.
- Kysela, J., Danielisová, A., Militký, J. 2014: Středomořské importy z oppida Trisov. Nálezy z povrchové prospekce s detektory kovů z let 2007–2013 / Mediterranean imports at the Trisov oppidum. Finds from surface surveys with metal detectors, conducted in 2007–2013. *Archeologické rozhledy* LXVI, 567–608.
- Lebech, C. 2010: L'askos et la situle de la cave de la maison 3. *Revue archéologique de Picardie* Numéro spécial 27, 401–408.
- Lindeberg, I. 1973: Die Einfuhr römischer Bronzegefäße nach Gotland. *Saaleborg Jahrbuch* 30, 5–69.
- Lodovizi, F. 1999: Il vasellame: *l'instrumentum domesticum*. In: M. Barbera (ed.), *La collezione Gorga*. Milano, 45–50.
- Luik, M. 2002: *Die Funde aus den römischen Lagern um Numantia in Römisch-Germanischen Zentralmuseum* (Kataloge Vor- und Frühgeschichtlicher Altertümer 31). Mainz.
- Lund Hansen, U. 1987: Römischer Import im Norden. *Warenaustausch zwischen dem Römischen Reich und dem freien Germanien* (Nordiske Fortidsminder, B/10). København.
- Mansel, K. 2000: Spätrepublikanisches Bronzegeschirr aus der Siedlung vom Morro de Mezquitilla (Algarrobo, Málaga). *Madridrer Mitteilungen* 41, 197–225.
- Mansel, K. 2004: Vajilla de bronce en la Hispania republicana. In: R.O. Romera, P. Rouillard (eds.), *La vajilla ibérica en época helenística (siglos IV–III al cambio de era). Seminario celebrado en la Casa de Velázquez (22–23 de enero de 2001)*. Madrid, 19–30.
- Mansel, K. 2017: Die Metallfunde. In: H. Schubart, G. Maaß-Lindemann (Hrsg.), *Morro de Mezquitilla. Die phönizisch-punische Niederlassung an der Algarrobo-Mündung* (Madridrer Beiträge 33). Wiesbaden, 431–533.
- Marčenko, I.I., Limberis, N.J. 2008: Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis, *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien 25). Mainz, 267–400.
- Mariën M.-E., 1994: *Quatre tombes romaines du IIIe siècle: Thorembais-Saint-Trond et Overhespen* (Monographies d'archéologie nationale, 8). Bruxelles.
- Martin-Kilcher, S. 1998: Gräber der späten Republik und der frühen Kaiserzeit am Lago Maggiore: Tradition und Romanisierung. In: P. Fassold, Th. Fischer, H. von Hesberg,

- M. Witteyer (Hrsg.), *Bestattungssitte und kulturelle Identität. Grabanlagen und Grabbeigaben der frühen römischen Kaiserzeit in Italien und den Nordwest-Provinzen*. (Xantener Berichte 7). Köln, 191–252.
- Méndez Madrid, J.K. 2015: El *simpulum* itálico de Fuente de la Mora (Leganés, Madrid). *ArqueoWeb* 16, 90–101.
- Merker, G.S. 2012: The Objects of Metal. In: A.M. Berlin and S.C. Herbert (eds.), *Tel Anafa II, ii: Glass Vessels, Lamps, Objects of Metal, and Groundstone and Other Stone Tools and Vessels*. Ann Arbor, 213–280.
- Mertens, J. 1952: Une riche tombe gallo-romaine découverte à Tirlemont (Belgique). *L'antiquité classique* 21, fasc. 1, 39–73.
- Metzler, J. 1995: *Das Treverische Oppidum auf dem Titelberg. Zur Kontinuität zwischen der spätkeltischen und der frühromischen Zeit in Nord-Gallien* (Dossiers d'archéologie du Musée d'histoire et d'art III). Luxembourg.
- Metzler, J., Gaeng, C. 2009: *Goeblange-Nospelt – une nécropole aristocratique trévire* (Dossiers d'archéologie du Musée national d'histoire et d'art 13). Luxembourg.
- Metzler, J., Gaeng, C., Méniel, P., Darblade-Audoin, M.P. 2016: *L'espace public du Titelberg* (Dossiers d'archéologie du Centre National de Recherche Archéologique 17). Luxembourg.
- Moser, E. 1975: Italische Bronzegefäße in Kalinovka, Wolgograd. *AKorr* 5, 133–138.
- Müller, M. 1997: Die römischen Bronzegefäße von Haltern. *Ausgrabungen und Funde in Westfalen-Lippe* 9/A, 5–40.
- Müller, M. 2006: Die römischen Buntmetallgefäße von Oberaden. In: K. Roth-Rubi, B. Rudnick, G. Schneider, Ch. Ellinghaus, B. Tremmel, M. Müller (Hrsg.), *Varia Castrensia. Haltern, Oberaden, Anreppen* (Bodenaltertümer Westfalens 42). Mainz, 305–315.
- Novichenkova, M. 2016: A Late Republican signum from the sanctuary Gurzufskoe Sedlo at the Crimea. *JRMES* XVII, 219–222.
- Novichenkova, N., Novichenkova, M. 2017: Roman Republican and Provincial coins from the archaeological excavations of the sanctuary near the pass Gurzufskoe Sedlo in the Crimean Mountains. In: M. Matera, R. Karasiewicz-Szczypiorski (eds.), *Krym i północne wybrzeża Morza Czarnego w badaniach archeologicznych 1956–2013 / The Crimea and the Northern Black Sea Coast in Archaeological Research 1956–2013 / Крым и Северное Причерноморье в археологических исследованиях 1956–2013 гг.* (Światowit Supplement Series C: Pontica et Caucasica I). Warszawa, 223–236.
- Oettel, A. 1991: *Bronzen aus Boscoreale in Berlin*. B.
- Palaiokrassa, N. 2012: Small Metal Objects and Utensils. In: Cat. Athens 2012, 116–131.
- Pernice, E. 1900: Bronzen aus Boscoreale. *Archäologischer Anzeiger*, 177–198.
- Perrin, F., Schönfelder, M. (eds.) 2003: *La tombe à char de Verna (Isère): Témoignage de l'aristocratie celtique en territoire allobroge*. Nouvelle édition [en ligne]. Lyon (généré le 06 juin 2016). Disponible sur Internet: <<http://books.openedition.org/alpara/1921>>.
- Petrovsky, R. 1993: *Studien zu römischen Bronzegefäßen mit Meisterstempeln* (Kölner Studien zur Archäologie der Römischen Provinzen, 1). Buch am Erlbach.
- Popović, P. 1992: Italische Bronzegefäße im Skordiskergebiet. *Germania* 70, 61–74.
- Pozo, S.F. 2004: Apuntes de arqueología bética. Bronces romanos: Un asa de calix de la villa “El Ruedo” (Almedinilla, Córdoba). Fragmento de asa de jarro tipo Kelheim de Castellar de Santiesteban (Jaén). Dos mangos de *simpula* tipo 4 Feugère/A-B Castoldi de Moraleda de Zafayona (Granada) y Gades (Cádiz). *Antiquitas* 16, 89–97.
- Pozo, S.F., Ruig, J.F. 2018: *Simpula* de bronce romanos -tardorrepublicanos- del *Conventus Tarraconensis*. *Sautuola* XXIII, 261–284.
- Prevosti Monclús, M., Coll Monteagudo, R., Clariana Roig, J.C. 2017: Can Llinàs o Cal Mallorquí (Alella, el Maresme). Noves dades sobre un establiment rural de tradició ibèrica, amb elements de culte domèstic d'època romana i un important conjunt de terra sigillata. *Sessió d'Estudis Mataronins. Mataró XXXIII* (2016), 63–66, 255–286.

- Proto, F. 2002: I vasi a paniere e gli askoi dell'area vesuviana e la loro eventuale destinazione d'uso. In: *I Bronzi antichi*, 378–383.
- Proto F., 2009, Gli askoi: categoria Z. In: S. Tassinari (ed.), *Vasi in bronzo: brocche, akoi, vasi a paniere*. Napoli, 141–175.
- Radnóti, A. 1938: *Die römischen Bronzegefäße von Pannonien* (Dissertationes Pannonicae, II/6). Budapest.
- Raev, B.A. 1977a: Die Bronzegefäße der römischen Kaiserzeit in Thrakien und Mösien. *BerRGK* 58.II, 605–643.
- Raev, B.A. 1977b: Vaisselle de bronze italique dans les tombes de la noblesse sarmate sur le Bas-Don. In: *Actes des IIIes journées internationales consacrées à l'étude des bronzes romains* (Bulletin des Musées Royaux d'Art et d'Histoire 46). Bruxelles, 139–149.
- Raev, B.A. 1986: *Roman Imports in the Lower Don Basin* (BAR Intern. ser. 278). Oxford.
- Raev, B.A. 1994: Bronze Vessels of the Late La-Tène-Period from Sarmatia. In: *Akten der 10. Internationalen Tagung über antike Bronzen, Freiburg, 18.–22. Juli 1988* (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg). Stuttgart, 347–353.
- Ratković, D. 2005: *Bronzane posude: iz rimske zbirke Narodnog Muzeja u Beogradu / Roman Bronze Vessels in the Roman Collection of the National Museum in Belgrade* (Антика / Antiquity IX). Beograd.
- Rieckhoff, S. 2008: Geschichte der Chronologie der späten Eisenzeit in Mitteleuropa und das Paradigma der Kontinuität. In: S. Rieckhoff & W.-R. Teegen (Hrsg.), *Leipziger online-Beiträge zur Ur- und Frühgeschichtlichen Archäologie 30*: https://www.gko.uni-leipzig.de/fileadmin/user_upload/historisches_seminar/02urundfruehgeschichte/Online_Beitraege/OnlBei30.pdf
- Rieckhoff, S. 2018: Wissen und Macht im archäologischen Diskurs. Die Chronologie der Oppidazeit. *Archäologische Informationen* 41, 173–198.
- Roman, C.-C. 2015: Observations Concerning a Roman Bronze Import Discovered in the Dacian Fortress from Piatra Neamț-”Băta Doamnei”. *Acta Terrae Septemcastrensis* XIV, 265–285.
- Rustoiu, A. 1994: Două simpula de tip Pescate din Dacia preromană [summary: Deux simpula de type Pescate en Dacie préromaine]. *Analele Banatului* III. Timișoara, 231–237.
- Rustoiu, A. 2005: Dacia si Italia in sec. I a. Chr. Comertul cu vase de bronz in perioada republicana tarzie (Studiu preliminar). In: C. Cosma, A. Rustoiu (eds.), *Comert și civilizație. Transilvania în contextul schimburilor comerciale și culturale în antichitate*. Cluj-Napoca, 53–117.
- Salzani, L. 1995: *La necropoli gallica di Valeggio sul Mincio* (Documenti di archeologia 5). Mantova.
- Scarcelli, M.R. 1999: Il vasellame: le forme aperte. In: M. Barbera (ed.), *La collezione Gorga*. Milano, 31–36.
- Schelow, D.B. 1982: Römische Bronzegefäße in Osteuropa. *Eirene* 18, 61–76.
- Sedlmayer, H. 1999: *Die römischen Bronzegefäße in Noricum* (Monographien Instrumentum 10). Montagnac.
- Shchukin, M.B. 1994: Shields, Swords and Spears as Evidence of Germanic-Sarmatian Contacts and Barbarian-Roman Relations. In: C. von Carnap-Bornheim (Hrsg.), *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*. Lublin–Marburg, 485–495.
- Siebert, G. 1973: Mobilier délien en bronze. In: *Études déliennes* (Bulletin de correspondance hellénique. Suppl. I). Athènes–Paris, 555–587.
- Siebert, G. 2001: *L'îlot des bijoux, l'îlot des bronzes, la Maison des sceaux* (Exploration archéologique de Délos, 38). Athènes.
- Silvestrini, D. 1939: Askos bronzeo di Locamo. *Rivista Storica Ticinese* 10, 221–222.
- Simonett, C. 1941: *Tessiner Gräberfelder* (Monographien zur Ur- und Frühgeschichte der Schweiz 3). Basel.

- Solier, Y., Guy, M., Lavagne, G.F., Morrisson, C., Chevalier, Y., Sabrié, M., Sabrié, R., Bouscaras, A., Depeyrot, G., Marichal, R. 1981: Les épaves de Gruissan. *Archaeonautica* 3, 7–264.
- Spănu, D. 2019: Core issues of Late La Tène Periodization in Romania. *Peuce* XVII, 167–206.
- Stefanelli, L.P.B. 1990: *Il bronzo dei Romani*. Roma.
- Stöckli, W.E. 2018: Spätlatènezeitliche Germanen in Süddeutschland. *Archäologische Informationen* 41, 199–238.
- Sueur, Q. 2018: *La vaisselle métallique de Gaule septentrionale à la veille de la conquête: typologie, fonction et diffusion* (Monographies Instrumentum 55). Montagnac.
- Szabó, K. 1995: Italian bronze vessels in Transdanubia before the Roman conquest. In: J. Swaddling, S. Walker, P. Roberts (eds.), *Italy in Europe: Economic Relations 700 BC – AD 50* (British Museum Occasional Paper 97). L., 273–289.
- Tapavički-Ilić, M., Filipović, V. 2012: A Late Iron Age Grave Find from Syrmia. In: S. Berecki (ed.), *Iron Age Rites and Rituals in the Carpathian Basin. Proceedings of the International Colloquium from Târgu Mureș. 7–9 October 2011*. Târgu Mureș, 453–460.
- Tassinari, S. 1975: *La vaisselle de bronze, romaine et provinciale, au Musée des Antiquités nationales* (XXIXe suppl. à Gallia). Paris.
- Tassinari, S. 1993: *Il vasellame bronzeo di Pompei*. Roma.
- Tentiuc, I., Bubulici, V., Simalsik, A. 2015: A cremation burial of a horseman near the village of Mana (the Orhei district) (Un mormânt de incinerare al unui călăreț războinic descoperit lângă satul Mana (Orhei). *Tyragetia* IX (XXIV) 1, 221–248.
- Tentiuc, I., Bubulici, V., Simalsik, A. 2016: Despre mormântul de incinerare în situl de bronz de la Sipoteni (sec. II-I a. Chr.). *Tyragetia* X (XXV).1, 39–74.
- Todorović, J. 1972: *Praistorijska Karaburma I. Nekropola mlađeg gvozdenog doba* (Dissertationes et Monographiae, 13). Beograd.
- Treister, M.Y. 1997: New Discoveries of Sarmatian Complexes of the 1st Century AD. A Survey of Publications in VDI. *ACSS* 4, 35–100.
- Treister, M. 2005: On a Vessel with Figured Friezes from a Private Collection, on Burials in Kosika and Once More on the “Ampsalakos School”. *ACSS* 11.3–4, 199–255.
- Treister, M. 2019a: Second-Hand for the Barbarians? Greek and Roman Metalware with the Signs of Repair from the Nomadic burials of Scythia and Sarmatia. In: V. Cojocaru, L. Ruscu, T. Castelli, A.-I. Pázsint (eds.), *Advances in Ancient Black Sea Studies: Historiography, Archaeology and Religion. The Proceedings of the International Symposium, Constanța, August 20-24, 2018*, Mega Publishing House: Cluj-Napoca 2019 (Pontica et Mediterranea VIII), 313–345.
- Treister, M. 2019b: Roman bronze vessels with signs of repair from Sarmatia. In: P. Baas (ed.), *Proceedings of the XXth International Congress on Ancient Bronzes: resource, reconstruction, representation, role* (BAR Intern. Ser. 2958). Oxford, 177–187.
- Trümper, M. 2005: Die *MAISON DES SCEAUX* in Delos – ein ‘versiegelter’ Fundkomplex? Untersuchungen zur Aussagekraft und Interpretation der Funde eines durch Brand zerstörten späthellenistischen Wohnhauses. *AM* 120, 317–416.
- Trümper, M. 2016: Brothels and Taverns in Late Hellenistic Delos. In: B. Tsakirgis, A. Glazebrook (eds.), *Houses of Ill repute: the Archaeology of Brothels, Houses, and Taverns in the Greek World*. Philadelphia, 103–128.
- Tselekas, P. 2012: The Coins. In: Cat. Athens 2012, 216–226.
- Ulbert, G. 1984: *Cáceres el Viejo. Ein spätrepublikanisches Legionslager in Spanisch-Extremadura* (Madrider Beiträge 11). Mainz.
- Voss, H. 1998: *Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum, Deutschland. Bd. 3: Bundesland Mecklenburg-Vorpommern*. Bonn.
- Wehrberger, K., Wieland, G. 1999: Ein weiteres Knollenknaufschwert und eine Aylesford-Pfanne aus der Donau bei Ulm. Überlegungen zu spätkeltischen und frühromischen Gewässerfunden von der oberen Donau. *AKorr* 29.2, 237–256.

- Wehry, B. 2013: *Zwischen Orient und Okzident. Das arsakidenzeitliche Gräberfeld von Tall Šēḥ Hamad/Magdala*. Diss. Freie Universität Berlin. B.
- Werner, J. 1954: Die Bronzekanne von Kelheim. *BayVgBl* 20, 43–73.
- Werner, J. 1978: Zur Bronzekanne von Kelheim. *BayVgBl* 43, 1–18.
- Wielowiejski, J. 1985: Die spätkeltischen und römischen Bronzegefäße in Polen. *BerRGK* 66, 123–320.
- Wielowiejski, J. 1989: Die römischen Silbergefäße in Polen. *BerRGK* 70, 191–241.
- Willers, H. 1907: *Neue Untersuchungen über die römische Bronzeindustrie von Capua und von Niedergermanien*. Hannover–Leipzig.
- Zarmakoupi, M. 2014: Die Hafenstadt Delos. In: S. Ladstätter, F. Pirson, T. Schmidts (Hrsg.), *Häfen und Hafenstädte im östlichen Mittelmeerraum von der Antike bis in byzantinische Zeit. Neue Entdeckungen und aktuelle Forschungsansätze von der Antike bis in byzantinische Zeit. Neue Entdeckungen und aktuelle Forschungsansätze* (BYZAS 19). Istanbul, 553–570.
- Zichy, J. 1897: *Kaukazusi és középázsiai utazásai / Voyages au Caucase et en Asie centrale. La migration de la race hongroise, par le comte Eugène de Zichy. La description des collections par les docteurs Jean Jankó et Béla de Pósta*. Budapest.

REFERENCES

- Abramova, M.P. 1974: Pamyatniki gornyykh rayonov Tsentral'nogo Kavkaza rubezha i pervykh vekov n.e. (po materialam Severnoy Osetii i Kabardino-Balkarii) [Monuments of the Mountainous Regions of the Central Caucasus of the Turn of the Eras and the First Centuries AD (after the Materials from North Ossetia and Kabardino-Balkaria)]. In: *Arkheologicheskie issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy* [Archaeological Investigations in the South of Eastern Europe]. Moscow, 3–31.
- Anfimov, I.N. 1986: Pogrebal'nyy kompleks II v. do n.e. u khut. Elitnyy (Krasnodarskiy kray) [A Burial Complex of the 2nd Century BC near Elitnyy Farmstead (Krasnodar Region)]. In: V.I. Markovin (ed.), *Novoe v arkheologii Severnogo Kavkaza* [New in the Archaeology of the North Caucasus]. Moscow, 190–197.
- Azcárraga, S., Baquedano, E., Märten, G., Contreras, M., Ruiz, Y.G. 2014: Vajilla broncea tardorrepública en El Llano de la Horca (Santorcaz, Madrid). *Archivo Español de Arqueología* 87, 109–121.
- Banghard, K., Gorecki, J. 2004: Bronzener Doppelhenkelkrug aus Dettenheim-Liedolsheim (Lkr. Karlsruhe). Ein Beitrag zum spätrepublikanischen Metallgeschirr. *Saalburg-Jahrbuch* 54, 119–150.
- Bates, O., Dunham, D. 1927: Excavations at Gammai. *Varia Africana* IV. *Harvard African Studies*, 1–121.
- Beldiman, C. 1988: Cu privire la difuziunea produselor de bronz italice în Dacia preromană (descoperirea de la Țigănești, jud. Teleorman). *Thraco-Dacica* 9, 75–82.
- Belousov, A.V. 2019: Nadpis' na ruchke bronzovogo aska iz kurgana № 10 Kobaykovskogo mogil'nika (prilozhenie k stat'e M.Yu. Treistera) [The Inscription on the Handle of a Bronze Askos from Burial-mound No. 10 of Kobaykovo Necropolis (Appendix to the Article by M.Yu. Treister)]. *Vestnik Tanaisa* [Tanais Herold]. Iss. 5. Vol. 2. Rostov-on-Don, 151.
- Belousov, A.V., Treister, M.Yu. 2018: Paradnyy kinzhal s nadpis'yu iz knyazheskogo sarmatskogo pogrebeniya u s. Kosika v Nizhnem Povolzh'e [A Ceremonial Dagger with Inscription from a Princely Sarmatian Burial near the Village of Kosika in the Lower Volga Region]. *Aristaios* XVIII, 92–128.
- Benedito Nuez, J. 2013: Redes de distribución y comercio de época romana en el territorio de la provincia de Castellón a través de los testimonios de arte suntuario y de *instrumentum domesticum* decorado. *Revista Millars. Espai i història* 36, 169–199.

- Bienert, B. 2007: *Die römischen Bronzegefäße im Rheinischen Landesmuseum Trier*. Trier.
- Bini, M.P., Caramella, G., Bucciol, S. 1995: *I bronzi etruschi e romani* (Materiali del Museo Archeologico Nazionale di Tarquinia, 13). Roma.
- Bochnak, T. 2020: Between Rome and the Celts, Germans, and Sarmatians: Bronze Situlae without Suspension Loops as the Testimony of the Mithridatic Wars? In: I. Cădea (ed.), *Tracii și vecinii lor în antichitate: arheologie și istorie = The Thracians and their Neighbours in Antiquity: Archaeology and History. Studies in Honor of Valeriu Sîrbu at his 70th Anniversary*, Brăila, 133–159.
- Bochnak, T., Opielowska-Nowak, Z. 2017: Zubowice, pow. zamojski, stan. 1 – brązowa situla z grobu kultury przeworskiej świadectwem kontaktów wzdłuż tzw. „szlaku bastarneńskiego”? *Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego XXXVIII*, 155–184.
- Bolla, M. 1991: Les bassins. In: *La vaisselle tardo-républicaine*, 113–120.
- Bolla, M. 1991–1992: Due askoi in bronzo del Museo Archeologico di Verona. *Annuario storico della Valpolicella*, 135–146.
- Bolla, M. 2002: Vasellame bronzeo da tombe celtiche. In: A. Aspes (ed.), *Preistoria veronese. Contributi e aggiornamenti* (Memorie del Museo Civico di Storia Naturale di Verona, II S., Sezione Scienze dell'uomo, 5). Verona, 205–207.
- Bolla, M., Boube, C., Guillaumet, J.-P. 1991: Les situles. In: *La vaisselle tardo-républicaine*, 7–22.
- Bolla, M., Castoldi, M. 2016: I recipienti di bronzo in Italia settentrionale tra IV e I secolo a.C. e il caso del territorio Veronese. *AV* 67, 121–175.
- Bolla, M., Castoldi, M., Terenziani, L. 1986: Recipienti in bronzo d'età romana in Lombardia. In: R. La Guardia (ed.), *Scritti in ricordo di Graziella Massari Gaballo e Umberto Tocchetti Pollini*. Milano, 195–209.
- Boube, C. 1991: Les cruches. In: *La vaisselle tardo-républicaine*, 23–46.
- Boucher, S. 1971: *Vienne. Bronzes antiques* (Inventaire des collections publiques françaises 17). P.
- Boucher, S., Oggiano-Bitar, H. 1993: *Le trésor des bronzes de Bavay* (Revue du Nord, Hors Série, Coll. Archéologique 3). Lille.
- Božič, D. 1999: Die Erforschung der Latenezeit in Slowenien seit Jahr 1964 (Raziskovanje latenske dobe na Slovenskem po letu 1964). *AV* 50, 189–213.
- Božič, D. 2002: Il vasellame bronzeo romano: grandi bacili e piccoli mestoli-colini. In: *I Bronzi antichi*, 419–428.
- Božič, D. 2003: L'aiguière en bronze de la tombe à char de Verna (Isère): une composition tripartite. *AV* 54, 259–269.
- Božič, D. 2008: *Late La Tene-Roman cemetery in Novo mesto. Ljubljanska cesta and Okrajno glavarstvo / Poznolatensko-rimsko grobišče v Novem mestu. Ljubljanska cesta in Okrajno glavarstvo* (Katalogi in monografije / Catalogi et Monographiae 39). Ljubljana.
- Brandt, J. 2001: *Jastorf und Latène. Kultureller Austausch und seine Auswirkungen auf sozio-politische Entwicklungen in der vorrömischen Eisenzeit* (Internationale Archäologie 66). Rahden / Westf.
- Breščak, D. 1982: *Roman Bronze Vessels in Slovenia* (Situla, 22/1). Ljubljana.
- Breščak, D. 1995: Roman Bronze Vessels in Slovenia, New Finds 1982–1991. In: S.T.A.M. Mols, A.M. Gerhartl-Witteveen, H. Kars, A. Koster, W.J.Th. Peters, W.J.H. Willems (eds.), *Acta of the 12th International Congress on Ancient Bronzes, Nijmegen 1992* (Nederlandse archeologische Rapporten, 18). Nijmegen, 15–21.
- Brestel, T. 2017: *Die Ausgrabungen in Manching-Süd von 1990–2009. Studien zur Siedlungsstruktur und Befestigungsanlage des Oppidums* (Die Ausgrabungen in Manching 21). Wiesbaden.
- Brestel, T. 2020: A Bronze Situla from Manching and Some Thoughts on the Typology of H.J. Eggers. *Later Prehistoric Finds Group* 15, 10–14.

- Brosseder, U. 2015: A Study on the Complexity and Dynamics of Inter-Action and Exchange in Late Iron Age Eurasia. In: J. Bemmann, M. Schmauder (eds.), *Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the First Millennium CE* (Bonn Contributions to Asian Archaeology 7). Bonn, 199–332.
- Butyagin, A.M., Chistov, D.E. 2006: The Hoard of Cyzicenes and Shrine of Demeter at Myrmekion. *ACSS* 12.1–2, 77–131.
- Butyagin, A.M., Treister M. 2006: A Bronze Olpe from the Myrmekion Hoard. *ACSS* 12.1–2, 131–144.
- Butyagin, A.M., Treister, M.Yu. 2010: Bronzovaya ol'pa Mirmekiyskogo klada [A Bronze Olpe from the Myrmekion Hoard]. *Antichmy mir i arkeologiya* [Ancient World and Archaeology] 14, 238–246.
- Caravale, A. 2006: *Museo Claudio Faina di Orvieto: Vasellame*. Milano.
- Carlevaro, E. Pernet, L., Tori, L., Vietti, G., Della Casa, P., Schmid-Sikimić, B. 2006: *La necropolis di Giubiasco (TI)*. Vol. II. *Les tombes de La Tène finale et d'époque romaine*. Zürich.
- Castoldi, M. 2004: Recipienti in bronzo dal territorio dell'antica Brixia tra età tardorepubblicana ed età augustea. In: C. Mușețeanu (ed.), *The Antique Bronzes: Typology, Chronology, Authenticity. The Acta of the 16th International Congress of Antique Bronzes, organized by The Romanian National History Museum, Bucharest, May 26th–31st, 2003*. Bucharest, 85–95.
- Castoldi, M. 2012: Recipienti di bronzo dalla *domus* di piazza Marconi, a Cremona (Regio X). In: M. Denoyelle, S. Descamps-Lequime, B. Mille, S. Verger (eds.), «*Bronzes grecs et romains, recherches récentes*» — *Hommage à Claude Rolley / INHA* («*Actes de colloques*»), 2012[Online], Online since 04 July 2016, connection on 02 February 2017, <http://inha.revues.org/3939>
- Castoldi, M., Feugère, M. 1991: Les simpulums. In: *La vaisselle tardo-républicaine*, 61–88.
- Cat. Athens 2012: N. Kaltsas, E. Vlachogianni, P. Bouyia (eds.), *The Antikythera Shipwreck: the Ship, the Treasures, the Mechanism*. Athens.
- Cat. Daoulas 1995: *Entre Asie et Europe. L'or des Sarmates. Nomades des steppes dans l'antiquité. 17 juin – 29 octobre 1995*. Abbaye de Daoulas.
- Cat. Paris 2001: V. Schiltz (ed.), *L'or des Amazones*. Paris.
- Cat. Rimini 1995: *Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal mar Nero. Rimini, 5 marzo – 25 giugno 1995*. Milan.
- Cavalier, O. 1988: *Le trésor d'Apt. Un ensemble de vaisselle métallique gallo-romaine*. Musée Calvet. Avignon.
- Ciampoltrini, G. 1994: La nave “dei Colini”: Un contributo per l'instrumentum in bronzo tardorepubblicano. *Archeologia Classica* 46, 369–377.
- Collezioni Napoli 1986: Borriello, M.R., Lista, M., Pappalardo, U., Sampaolo, V., Ziviello, C. *Le Collezioni del Museo Nazionale di Napoli*. I.1. Roma.
- Comstock, M., Vermeule, C.C. 1971: *Greek, Etruscan and Roman Bronzes in the Museum of Fine Arts Boston*. Boston.
- Cosack, E. 1973: Drei “neue” Bronzegefäße der Römischen Kaiserzeit aus Niedersachsen. *Die Kunde. Zeitschrift für niedersächsische Archäologie*. NF 24, 151–155.
- D'Andria, F. 1970: I bronzi romani di Veleia, Parma e del territorio parmense. *Contributi dell'Istituto di archeologia. Pubblicazioni dell'Università cattolica del Sacro Cuore, Milano* 3, 3–142.
- De Decker, K. 2009: Askos en céramique d'époque hellénistique tardive. *Bulletin des Musées royaux d'Art et d'Histoire* 80, 51–75.
- Deimel, M. 1987: *Die Bronzekleinfunde vom Magdalensberg* (Kärntner Museumsschriften 71, Archäologische Forschungen zu den Grabungen auf dem Magdalensberg 9). Klagenfurt.
- Demidenko, S.V. 1997: Tipologiya litykh kotlov savromato-sarmatskogo vremeni s territorii Nizhnego Povolzh'ya, Podon'ya i Severnogo Kavkaza [The Typology of Cast Cauldrons

- of Sauromatian-Sarmatian Period from the Territory of the Lower Volga, Don and North Caucasus]. In: S.V. Demidenko, D.V. Zhuravlev (eds.), *Drevnosti Evrazii [Antiquities of Eurasia]*. Moscow, 120–159.
- den Boesterd, M.P.H. 1956: *The Bronze Vessels* (Description of the Collection in the Rijksmuseum G.M. Kam at Nijmegen. V.). Nijmegen.
- de Ridder, A. 1915: *Les bronzes antiques du Louvre. T. II. Les instruments*. Paris.
- Dimitrova, D. 2015: *Grobnišata na tsar Sevt II v mogila Golyama Kosmatka / The Tomb of King Seuthes III in Golyama Kosmatka Tumulus*. Sofia.
- Dizdar, M., Radman-Livaja, I. 2004: Finds of Roman Bronze Ware on Celtic Sites in Eastern Slavonia. In: Le Secrétariat du Congrès (ed.), *Actes du XIVème Congrès UISPP, Université de Liège, Belgique, 2–8 septembre 2001, Section 13, The Roman Age, General Sessions and Posters* (BAR Intern. Ser. 1312). Oxford, 49–53.
- Dizdar, M., Potrebica, H. 2014: Kasnolatenski ratnički grob iz Maloga Bilača (Požeška kotlina, Hrvatska) (*Povzetek*). In: S. Tecco Hvala (ed.), *Studia praehistorica in honorem Janez Dular* (Opera Instituti Archaeologici Sloveniae 30). Ljubljana, 355–376.
- Dizdar, M., Tonc, A. 2014: Nuovi ritrovamenti di vasellame bronzeo tardorepubblicano a blato in Slavonia (Croazia): contatti tra scordisci e l'Italia durante il tardo La Tène. In: *Les Celtes et le Nord de l'Italie (Premier et Second Âges du fer). Actes du XXXVIe colloque international de l'A.F.E.A.F. (Vérone, 17–20 mai 2012)* (36 suppl. à Revue Archéologique de l'Est). Dijon, 585–594.
- Down, A., Henig, M. 1988: A Roman Askos Handle from Fishbourne. *The Antiquaries Journal* LXVIII, 308–310.
- Drnić, I. 2009: Dvije pojasne kopče tipa Laminci iz Dalja. *Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu*, 3.s., XLII, 305–319.
- Dvornichesko, V.V., Fedorov-Davydov, G.A. 1989: Pamyatniki sarmatskoy aristokratii v Nizhnem Povolzh'e [Monuments of the Sarmatian Aristocracy in the Lower Volga Area]. In: K.A. Smirnov (ed.), *Sokrovishcha sarmatskikh vozhdey i drevnie goroda Povolzh'ya [The Treasures of Sarmatian Chieftains and Ancient Cities of the Volga Area]*. Moscow, 5–13.
- Dvornichesko, V.V., Fedorov-Davydov, G.A. 1993: Sarmatskoe pogrebenie skeptukha I v. n.e. u s. Kosika Astrakhanskoy oblasti [A Sarmatian Burial of the 1st Century AD Skeptuchos near the Village Kosika in the Astrakhan Region]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 141–179.
- Dvurechenskaya, N.D. 2015: Ellenisticheskie kreposti Baktrii [Hellenistic Fortresses of Bactria]. In: N.A. Makarov (ed.), *Institut arkheologii. Novye ekspeditsii i proekty [The Institute of Archaeology. New Expeditions and Projects]*. Moscow, 64–65.
- Eggers, H.J. 1951: *Der römische Import im freien Germanien* (Atlas der Urgeschichte, 1). Hamburg.
- Erdrich, M. 2001: *Rom und die Barbaren* (Römisch-Germanische Forschungen 58). Mainz.
- Erdrich, M. 2002: *Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum, Deutschland. Bd. 4: Hansestadt Bremen und Bundesland Niedersachsen*. Bonn.
- Erice Lacabe, R. 2007: La vajilla de bronce en Hispania. *Sautuola* XIII, 197–215.
- Fabião, C. 1999: A propósito do depósito de Moldes, Castelo de Neiva, Viana do Castelo: a baixela romana tardo-republicana em bronze no extreme ocidente peninsular. *Revista Portuguesa de Arqueologia* 2.1, 163–198.
- Faider-Feytmans, G. 1979: *Les bronzes romains de Belgique*. Mainz.
- Ferdière, A., Villard, A. 1993: *La tombe augustéenne de Fléré-la-Rivière (Indre) et les sépultures aristocratiques de la cité des Bituriges. En Berry au début de l'époque gallo-romaine: le fer, le vin, le pouvoir et la mort* (Supplément à la Revue archéologique du centre de la France 7). Tours.
- Feugère, M. 1991a: Les amphores. In: *La vaisselle tardo-républicaine*, 47–52.
- Feugère, M. 1991b: Les gobelets. In: *La vaisselle tardo-républicaine*, 53–59.

- Feugère, M. 2018: Le trésor d'argenterie. In: H. Tréziny, *La ville classique, hellénistique et romaine* (Mégara Hyblaea 7). Rome, 267–271.
- Feugère, M., de Marinis, R. 1991: Les poêlons. In: *La vaisselle tardo-républicaine*, 97–112.
- Finaroli, P. 1999: Il vasellame: le forme chiuse. In: M. Barbera (ed.), *La collezione Gorga*. Milano, 37–40.
- Fingerlin, G. 1986: *Dangstetten I. Katalog der Funde (Fundstellen 1 bis 603)* (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg 22). Stuttgart.
- Fitzpatrick, A.P. 1989: *Cross Channel relations in the British later Iron Age*. Durham theses, Durham University. Available at Durham E-Theses Online, <http://etheses.dur.ac.uk/949/>
- Galili, E., Sussman, V., Stiebel, G., Rosen, B. 2010. A Hellenistic/Early Roman Shipwreck off Ashkelon, Israel. *The International Journal of Nautical Archaeology* 39.1, 125–145.
- Genovesi, S., Giorgio, M., Palleschi, V., Rizzitelli, C. 2013: Rotte e commerci lungo la costa volterrana tra II e I sec. a.C.: materiali inediti da relitti e rinvenimenti sporadici del tratto costiero tra il Fiume e il Cecina. *Notiziario della Soprintendenza per i Beni Archeologici della Toscana* 9, 69–106.
- Giovannini, A., Tasca, G. 2016: *Metalli antichi del Museo di San Vito al Tagliamento. L'età romana e altomedievale*. San Vito al Tagliamento. Pordenone.
- Glebov, V.P. 2002: Pogrebenie s monetami iz mogil'nika Shaumyana i voprosy khronologii srednesarmatskoy kul'tury [A Burial with Coins from the Shaumyan Necropolis and the Questions of Chronology of the Middle Sarmatian Culture]. *Donskaya arkheologiya [Archaeology of the Don Area]* 1–2, 28–41.
- Glebov, V.P. 2004: Khronologiya rannesarmatskoy i srednesarmatskoy kul'tur Nizhnego Podon'ya [The Chronology of Early Sarmatian and Middle Sarmatian Cultures of the Lower Don]. In: B.A. Raev (ed.), *Sarmatskie kul'tury Evrazii: Problemy regional'noy khronologii. Doklady k 5 mezhdunarodnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii» [The Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology. Papers for the 5th International Conference “Problems of Sarmatian Archeology and History”]*. Krasnodar, 127–133.
- Glebov, V.P. 2005: O nekotorykh problemakh khronologii rannesarmatskoy kul'tury Nizhnego Podon'ya [On Some Problems of the Chronology of the Early Sarmatian Culture of the Lower Don Area]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik [Lower Volga Archaeological Bulletin]* 7, 34–50.
- Glebov, V.P. 2006: K polemike o problemakh stanovleniya srednesarmatskoy kul'tury [To the Controversy on the Problem of Formation of the Middle Sarmatian Culture]. In: V.M. Klepikov (ed.), *Rannesarmatskaya i srednesarmatskaya kul'tury: problemy sootnosheniya [Early Sarmatian and Middle Sarmatian Cultures. Problems of Correlation]* 1. Volgograd, 59–68.
- Glebov, V.P., Gordin, I.A. 2016: Bogatoye sarmatskoe pogrebenie iz mogil'nika Dyad'kovskiy 45 v Krasnodarskom krae [A Rich Sarmatian Burial from the Dyad'kovskiy 45 Burial-ground in the Krasnodar Region]. In: V.Yu. Zuev, V.A. Khrshanovskiy (eds.), *Elita Bospora i bosporskaya elitarnaya kul'tura. Materialy mezhdunarodnogo kruglo stola [The Elite of the Bosphoros and the Bosporan Elitist Culture. Materials of the International Round Table. St. Petersburg, 22–25 November 2016]*. Saint Petersburg, 282–292.
- Glebov, V.P., Gordin, I.A., Dedyul'kin, A.V. 2020: Novye nakhodki «ritual'nykh kladov» v Nizhnem Podon'e [New Finds of “Ritual Treasures” in the Lower Don Basin]. In: O. Radyush, A. Blyuene, M. Lyubichev (eds.), *Germaniya–Sarmatiya [Germany – Sarmatia]*. Iss. III. Moscow, 354–385.
- Glebov, V.P., Tolochko, I.V. 2016: Zhenskoe pogrebenie s oruzhiem na Nizhnem Donu v epokhu pozdnego ellenizma: Tanais i sarmaty [Female Burials with Arms in the Lower Don Area in the Late Hellenistic Period: Tanais and the Sarmatians]. In: S.I. Luk'yashko (ed.), *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskii mir Ponto-Kaspiiskogo regiona. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 70-letnemu yubi-*

- leyu B.A. Raeva. *Kagal'nik, 20-21 oktyabrya 2016 g. [Ancient Civilization and Barbarian World of the Ponto-Caspian region. Materials of the All-Russian Scientific Conference with International Participation, dedicated to the 70th anniversary of B.A. Raev. Kagal'nik, 20-21 October 2016]*. Rostov-on-Don, 44–84.
- Glukhov, A.A. 2005: *Sarmaty mezhdurech'ya Volgi i Dona v I – pervoy polovine II v. n.e. [The Sarmatians of the Interfluvium of Volga and Don in the 1st – First Half of the 2nd Centuries AD]*. Volgograd.
- Gomes, F.B. 2017: *Novos dados sobre a ocupação de época romana republicana da necrópole do Olival dos Senhor dos Mártires (Alcácer do Sal): o espólio metálico*. In: J.M. Arnaud & A. Martins (eds.), *Arqueologia em Portugal / 2017 – Estado da Questão*. Lisboa, 1137–1148.
- Gorecki, J. 2016: *Römische Metallgefäßspektren aus ausgewählten militärischen Fundkomplexen diesseits und jenseits von Rhein von der Zeit der späten Republik bis zum Beginn des 2. Jahrhunderts*. In: H.-U. Voß/N. Müller-Schneefel (Hrsg.), *Archäologie zwischen Römern und Barbaren. Zur Datierung und Verbreitung römischer Metallarbeiten des 2. und 3. Jahrhunderts n. Chr. im Reich und im Barbaricum – ausgewählte Beispiele (Gefäße, Fibeln, Bestandteile militärischer Ausrüstung, Kleingerät, Münzen)*. Internationales Kolloquium. Frankfurt am Main, 19.–22. März 2009. Bd. 1. Bonn, 177–214.
- Graue, J. 1974: *Die Gräberfelder von Ornavasso: eine Studie zur Chronologie der späten Latène- und frühen Kaiserzeit*. Hamburg.
- Gushchina, I.I., Zasedskaya, I.P. 1989: *Pogrebeniya zubovsko-vozdvizhenskoy gruppy iz raskopok N.I. Veselovskogo v Prikuban'e (I v. do n.e. – II v. n.e.) [The Burials of the Zubovsko-Vozdvizhenskaya Group from the Excavations of N.I. Veselovskiy in the Kuban region (1st Century BC – 2nd Century AD)]*. In: M.P. Abramova (ed.), *Arkheologicheskie issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy [Archaeological Investigations in the South of Eastern Europe]* (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum] 70). Moscow, 71–141.
- Hatzidakis, P. 1997: “Κτίριο νότια του ‘Ιεροῦ του Προμαχώνος’: Μία taberna vinaria στη Δήλο”. In: Δ' Επιστημονική συνάντηση για την ελληνιστική κεραμική: Χρονολογικά προβλήματα, κλειστά σύνολα – εργαστήρια, Πρακτικά. [Μυτιλήνη, Μάρτιος 1994]. Athens, 291–307.
- Hadjidakis, P.J. 2003: *Delos*. Athens.
- Hadjidakis, P.J. 2017: *A small Tavern on Delos*. In: N.Ch. Stampolidis, D. Tsangari, Y. Tassoulas (eds.), *Money. Tangible Symbols in Ancient Greece*. Athens, 323–349.
- Haffner, A. 1974: *Zum Ende der Latènezeit im Mittelrheingebiet unter besonderer Berücksichtigung des Trierer Landes*. *AKorr* 4, 59–72.
- Hayes, J.W. 1984: *Greek, Roman and Related Metalware in the Royal Ontario Museum*. Toronto.
- Izquierdo, A.F. 2005: *Asa de bronce tipo “Piatra Neamt”, hallada en el yacimiento ibero-romano de Torre de la Sal, la Plana Alta*. *Quaderns de Prehistòria i Arqueologia de Castelló* 24, 407–413.
- Jovanović, J. 2010: *Rimsko broncano posude iz Arheološkog muzeja u Splitu / Roman bronze vessels from the Archaeological Museum in Split*, hrcak.srce.hr/file/93252
- Jurget, F. 1999: *Die etruskischen und italischen Bronzen sowie Gegenstände aus Eisen, Blei und Leder im Badischen Landesmuseum Karlsruhe* (Terra Italia, 5). Pisa–Rom.
- Kaposhina, S.I. 1960: *Kobyakovskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya Rostovskogo GU, Rostovskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya, Novocherkasskogo muzeya istorii Donskogo kazachestva, LOIA AN SSSR. Otchet o rabote 1960 g. [Kobyakovo Archaeological expedition of the Rostov State University, Rostov Regional Museum of Local Lore, Novocherkassk Museum of the History of the Don Cossacks, Leningrad Department of the Institute of Archaeology of Academy of Sciences of the USSR. Report of Works in 1960]*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, P-1, № 2226.
- Kaposhina, S.I. 1967: *Italiyskiy import na Nizhnem Donu [Italic Import in the Lower Don Area]*. *Zapiski Odesskogo Arkheologicheskogo Obshchestva [Notes of the Odessa Archaeological Society]* II (35), 208–213.

- Karatas, A.-M.-S., 2018: The Significance of Money for the Cults and Sanctuaries of Demeter and Kore: The Shaping of the Cults by Commercial Transactions. *Mythos* [Online], 12 | 2018, Online since 24 September 2019, connection on 28 September 2019. URL: <http://journals.openedition.org/mythos/297>.
- Karwowski, M. 2004: *Latènezeitlicher Glasringschmuck aus Ostösterreich*. Wien.
- Karwowski, M. 2017: Die Bronzegefäße der Latènezeit vom Oberleiserberg. In: F. Pieler, P. Trebsche (Hrsg.), *Beiträge zum Tag der Niederösterreichischen Landesarchäologie 2017. Festschrift für Ernst Lauermann*. Zaya, 262–279.
- Kat. Frankfurt 2003: B. Gossel-Raeck, D. Stutzinger (Hrsg.), *Steppengold. Grabschätze der Skythen und Sarmaten am unteren Don*. Frankfurt.
- Kat. Freiburg 1988: H.-U. Nuber, *Antike Bronzen aus Baden-Württemberg* (Schriften des Limesmuseums Aalen 40). Stuttgart.
- Khachatryan, Z. 2011: The tomb of Sisian (second half of the 1st century B.C.). *Parthica: incontri di culture nel mondo antico* 13, 9–86.
- Klepikov, V.M., Skripkin, A.S. 2002: Khronologiya rannesarmatskikh pamyatnikov Nizhnego Povolzh'ya (The Chronology of Early Sarmatian Monuments of the Lower Volga Region). *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [Lower Volga Archaeological Bulletin] 5, 47–81.
- Kosyanenko, V.M., Maksimenko, V.E. 1989: Kompleks veshchey iz sarmatskogo pogrebeniya u khutora Vinogradnyy [The Complex of Objects from the Sarmatian Burial near Vinogradnyy Farmstead]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 1, 264–267.
- Kourkoumelis, D. 2012: Transport Amphorae. In: Cat. Athens 2012, 208–215.
- Kropotkin, V.V. 1969: Rimskie importy Andreevskogo kurgana v Mordovskoy ASSR [Roman Imports of the Andreevskiy Burial-mound in Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Reports of the Institute of Archaeology] 119, 32–36.
- Kropotkin, V.V. 1970: Rimskie importnye izdeliya v Vostochnoi Evrope (II v. do n.e. – V v. n.e.) [Roman Imports in the Eastern Europe (the 2nd Century BC – 5th Century AD)] (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources]. – D1-27). Moscow.
- Kunow, J. 1983: *Der römische Import in der Germania libera bis zu den Markomannenkriegen. Studien zu Bronze- und Glasgefäßen* (Göttinger Schriften zur Vor- und Frühgeschichte, Band 21). Neumünster.
- Kurzyńska, M. 2006: Zachowana misa E 91 z cmentarzyska w Grudziądzu-Rządzu, pow: grudziądzki. In: A. Bursche, R. Ciołek (Hrsg.), *Korpus znalezisk rzymskich z europejskiego Barbaricum. Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum. Polska, Suplement, Tom 3, Nowe znaleziska importów rzymskich z ziem Polski III = Polen, Supplement, Band 3, Neue Funde römischer Importe aus Polen III*. Warszawa, 11–22.
- Kysela, J., Danielisová, A., Militký, J. 2014: Středomořské importy z oppida Trísov. Nálezy z povrchové prospekce s detektory kovů z let 2007–2013 / Mediterranean imports at the Trísov oppidum. Finds from surface surveys with metal detectors, conducted in 2007–2013. *Archeologické rozhledy* LXVI, 567–608.
- Lebech, C. 2010: L'askos et la situle de la cave de la maison 3. *Revue archéologique de Picardie* Numéro spécial 27, 401–408.
- Levin, E.S., Korotkiy, D.V., Lunev, M.Yu. 2014: Novoe sarmatskoe pogrebenie s rimskimi importami iz Prikubanya [A New Sarmatian Burial with Roman Imports from Kuban Area]. In: D.S. Korobov (ed.), *E.I. Krupnov i razvitie arkheologii Severnogo Kavkaza. XXVIII Krupnovskie chteniya. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii Moskva, 21–25 aprelya 2014 g. [E.I. Krupnov and the Development of Archaeology of North Caucasus. XXXVIII Krupnov Readings. Materials of the International Scientific Conference, Moscow, 21–25 April 2014]*. Moscow, 258–259.
- Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 2019: Sarmatskoe pogrebenie iz kurgana «Kirpichnyy» v Prikuban'e [A Sarmatian Burial from the Burial-mound «Kirpichnyy» in the Kuban Area].

- Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [Lower Volga Archaeological Bulletin] 18.1, 178–191.
- Lindeberg, I. 1973: Die Einfuhr römischer Bronzegefäße nach Gotland. *Saaleborg Jahrbuch* 30, 5–69.
- Lodovizi, F. 1999: Il vasellame: *l'instrumentum domesticum*. In: M. Barbera (ed.), *La collezione Gorga*. Milano, 45–50.
- Luik, M. 2002: *Die Funde aus den römischen Lagern um Numantia in Römisch-Germanischen Zentralmuseum* (Kataloge Vor- und Frühgeschichtlicher Altertümer 31). Mainz.
- Lund Hansen, U. 1987: Römischer Import im Norden. *Warenaustausch zwischen dem Römischen Reich und dem freien Germanien* (Nordiske Fortidsminder, B/10). København.
- Maksimov, E.K. 1957: Sarmatskoe pogrebenie iz kurgana u s. Bol'shaya Dmitrievka Saratovskoy oblasti [A Sarmatian Burial from the Burial-mound near the Village of Bol'shaya Dmitrievka in the Saratov Region]. *Sovetskaya Arkheologiya* [Soviet Archaeology] 4, 157–161.
- Mansel, K. 2000: Spätrepublikanisches Bronzegergeschirr aus der Siedlung vom Morro de Mezquitilla (Algarrobo, Málaga). *Madrid Mitteilungen* 41, 197–225.
- Mansel, K. 2004: Vajilla de bronce en la Hispania republicana. In: R.O. Romera, P. Rouillard (eds.), *La vajilla ibérica en época helenística (siglos IV–III al cambio de era). Seminario celebrado en la Casa de Velázquez (22–23 de enero de 2001)*. Madrid, 19–30.
- Mansel, K. 2017: Die Metallfunde. In: H. Schubart, G. Maaß-Lindemann (Hrsg.), *Morro de Mezquitilla. Die phönizisch-punische Niederlassung an der Algarrobo-Mündung* (Madrid Beiträge 33). Wiesbaden, 431–533.
- Marchenko, I.I. 1996: *Siraki Kubani* [The Siraces of the Kuban Area]. Krasnodar.
- Marčenko, I.I., Limberis, N.J. 2008: Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. In: A. Simonenko, I.I. Marčenko, N.J. Limberis, *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern* (Archäologie in Eurasien 25). Mainz, 267–400.
- Mariën M.-E., 1994: *Quatre tombes romaines du IIIe siècle: Thorembais-Saint-Trond et Overhespen* (Monographies d'archéologie nationale, 8). Bruxelles.
- Martin-Kilcher, S. 1998: Gräber der späten Republik und der frühen Kaiserzeit am Lago Maggiore: Tradition und Romanisierung. In: P. Fassold, Th. Fischer, H. von Hesberg, M. Wittayer (Hrsg.), *Bestattungssitte und kulturelle Identität. Grabanlagen und Grabbeigaben der frühen römischen Kaiserzeit in Italien und den Nordwest-Provinzen*. (Xantener Berichte 7). Köln, 191–252.
- Méndez Madrid, J.K. 2015: El *simpulum* itálico de Fuente de la Mora (Leganés, Madrid). *ArqueoWeb* 16, 90–101.
- Merker, G.S. 2012: The Objects of Metal. In: A.M. Berlin and S.C. Herbert (eds.), *Tel Anafa II, ii: Glass Vessels, Lamps, Objects of Metal, and Groundstone and Other Stone Tools and Vessels*. Ann Arbor, 213–280.
- Mertens, J. 1952: Une riche tombe gallo-romaine découverte à Tirlemont (Belgique). *L'antiquité classique* 21, fasc. 1, 39–73.
- Metzler, J. 1995: *Das Treverische Oppidum auf dem Titelberg. Zur Kontinuität zwischen der spätkeltischen und der frühromischen Zeit in Nord-Gallien* (Dossiers d'archéologie du Musée d'histoire et d'art III). Luxembourg.
- Metzler, J., Gaeng, C. 2009: *Goeblange-Nospelt – une nécropole aristocratique trévire* (Dossiers d'archéologie du Musée national d'histoire et d'art 13). Luxembourg.
- Metzler, J., Gaeng, C., Méniel, P., Darblade-Audoin, M.P. 2016: *L'espace public du Titelberg* (Dossiers d'archéologie du Centre National de Recherche Archéologique 17). Luxembourg.
- Mordvintseva, V.I., Treister, M.Yu. 2007: *Proizvedeniya toreutiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. – II v. n.e.* [The Items of Toreutics and Jewellery Art in the North Pontic Area. 2nd Century BC – 2nd Century AD]. Simferopol–Bonn.
- Moser, E. 1975: Italische Bronzegefäße in Kalinovka, Wolgograd. *AKorr* 5, 133–138.

- Müller, M. 1997: Die römischen Bronzegefäße von Haltern. *Ausgrabungen und Funde in Westfalen-Lippe* 9/A, 5–40.
- Müller, M. 2006: Die römischen Buntmetallgefäße von Oberaden. In: K. Roth-Rubi, B. Rudnick, G. Schneider, Ch. Ellinghaus, B. Tremmel, M. Müller (Hrsg.), *Varia Castrensia. Haltern, Oberaden, Anreppen* (Bodenaltertümer Westfalens 42). Mainz, 305–315.
- Mys'kov, E.P., Kiyashko, A.V., Skripkin, A.S. 1999: Pogrebenie sarmatskoy znati s Esaulovskogo Aksaya [The burial of Sarmatian from the Yesaulovsky Aksaj river]. *Nizhnevolzhskiy arkhologicheskij vestnik* [Lower Volga Archaeological Bulletin] 2, 149–167.
- Novichenkova, M.V. 2017: Rimskie metallicheskie cherpaki (simpula) rannego printsipata iz svyatilishcha u perevala Gurzufskoe Sedlo [Roman Metal Ladles (simpula) of the Early Principate from the Sanctuary near Gurzuf Pass]. In: *Pivnichne Prichornomor'ya za antichnoi dobi (na poshanu S.D. Krizhits'kogo)* [The North Pontic Area in Antiquity (in Honor of S.D. Kryzhitskiy)]. Kiev, 242–249.
- Novichenkova, M.V. 2018: O detalyakh latenskikh bronzovykh situl iz svyatilishcha u perevala Gurzufskoe Sedlo [On the Details of the Latène Bronze Situlae from the Sanctuary near the Gurzuf Pass]. In: O.I. Smirnov (ed.), *FORUM OLBICUM II: Pam'yati V.V. Krapivinoi (do 150-richchya doslidzhennya Ol'vi), 4–6 travnya 2018 r.* [FORUM OLBICUM II: To the Memory of V.V. Krapivina (to the 150- anniversary of the Investigation of Olbia), 4–6 May 2018]. Nikolaev, 101.
- Novichenkova, N.G. 2002: *Ustroystvo i obryadnost' svyatilishcha u perevala Gurzufskoe Sedlo* [The Structure and the Ritual of the sanctuary at the Gurzuf Pass]. Yalta.
- Novichenkova, N.G. 2015: *Gornyy Krym II v. do n.e. – II v. n.e. Po materialam raskopok svyatilishcha Gurzufskoe Sedlo* [Mountaineous Crimea in the 2nd century BC–2nd Century AD. After the Materials of Excavations of the Sanctuary Gurzuf Pass]. Simferopol.
- Novichenkova, M. 2016: A Late Republican signum from the sanctuary Gurzufskoe Sedlo at the Crimea. *Journal of Roman Military Equipment Seminar* XVII, 219–222.
- Novichenkova, N., Novichenkova, M. 2017: Roman Republican and Provincial coins from the archaeological excavations of the sanctuary near the pass Gurzufskoe Sedlo in the Crimean Mountains. In: M. Matera, R. Karasiewicz-Szczypiorski (eds.), *Krym i północne wybrzeża Morza Czarnego w badaniach archeologicznych 1956–2013 / The Crimea and the Northern Black Sea Coast in Archaeological Research 1956–2013 / Крым и Северное Причерноморье в археологических исследованиях 1956–2013 гг.* (Światowit Supplement Series C: Pontica et Caucasica I). Warszawa, 223–236.
- Oettel, A. 1991: *Bronzen aus Boscoreale in Berlin*. B.
- Palaokrassa, N. 2012: Small Metal Objects and Utensils. In: *Cat. Athens 2012*, 116–131.
- Pernice, E. 1900: Bronzen aus Boscoreale. *Archäologischer Anzeiger*, 177–198.
- Perrin, F., Schönfelder, M. (eds.) 2003: *La tombe à char de Verna (Isère): Témoignage de l'aristocratie celtique en territoire allobroge*. Nouvelle édition [en ligne]. Lyon (généré le 06 juin 2016). Disponible sur Internet: <http://books.openedition.org/alpara/1921/>
- Petrovsky, R. 1993: *Studien zu römischen Bronzegefäßen mit Meisterstempeln* (Kölner Studien zur Archäologie der Römischen Provinzen, 1). Buch am Erlbach.
- Pozo, S.F. 2004: Apuntes de arqueología bética. Bronces romanos: Un asa de calix de la villa “El Ruedo” (Almedinilla, Córdoba). Fragmento de asa de jarro tipo Kelheim de Castellar de Santiesteban (Jaén). Dos mangos de *simpula* tipo 4 Feugère/A-B Castoldi de Moraleda de Zafayona (Granada) y Gades (Cádiz). *Antiquitas* 16, 89–97.
- Pozo, S.F., Ruig, J.F. 2018: *Simpula* de bronce romanos -tardorrepublicanos- del *Conventus Tarraconensis*. *Sautuola* XXIII, 261–284.
- Prevosti Monclús, M., Coll Monteagudo, R., Clariana Roig, J.C. 2017: Can Llinàs o Cal Mal-lorquí (Alella, el Maresme). Noves dades sobre un establiment rural de tradició ibèrica, amb elements de culte domèstic d'època romana i un important conjunt de terra sigillata. *Sessió d'Estudis Mataronins. Mataró* XXXIII (2016), 63–66, 255–286.

- Prokhorova, T.A., Guguev, V.K. 1992: Bogatoye sarmatskoye pogrebenie v kurgane 10 Kobyakovskogo mogil'nika [A Rich Sarmatian Burial in the Kurgan 10 of the Kobyakovo Necropolis]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 1, 142–161.
- Prokopenko, Yu.A. 2014: *Skify, sarmaty i plemena kobanskoy kul'tury v Tsentral'nom Predkavkaz'e vo vtoroy polovine I tys. do n.e.* [Scythians, Sarmatians and the tribes of Koban culture in the Central Ciscaucasia in the second half of the 1st millennium BC]. Pts. 1–2. Stavropol'.
- Prokopenko, Yu.A. 2015: Siraki, tokhary i drugie plemena Tsentral'nogo Predkavkaz'ya v politicheskikh sobytiyakh II v. do n.e. – nach. I v. n.e. po pis'mennym istochnikam, arkheologicheskim i numizmaticheskim dannym [The Siraces, Tocharians and other Tribes of Central Ciscaucasia in Political Events of the 2nd Century BC – Early 1st Century AD according to the Written Sources, Archaeological and Numismatic Data]. In: B.Kh. Bgazhnokov, V.A. Fomenko (ed.), *Arkheologiya i etnologiya Severnogo Kavkaza* [Archaeology and Ethnology of the North Caucasus]. Iss. 4. Nalchik, 107–127.
- Proto, F. 2002: I vasi a paniere e gli askoi dell'area vesuviana e la loro eventuale destinazione d'uso. In: *I Bronzi antichi*, 378–383.
- Proto F., 2009, Gli askoi: categoria Z. In: S. Tassinari (ed.), *Vasi in bronzo: brocche, akoi, vasi a paniere*. Napoli, 141–175.
- Radnóti, A. 1938: *Die römischen Bronzegefäße von Pannonien* (Dissertationes Pannonicae, II/6). Budapest.
- Raev, B.A. 1977a: Die Bronzegefäße der römischen Kaiserzeit in Thrakien und Mösien. *BerRGK* 58.II, 605–643.
- Raev, B.A. 1977b: Vaisselle de bronze italique dans les tombes de la noblesse sarmate sur le Bas-Don. In: *Actes des IIIes journées internationales consacrées à l'étude des bronzes romains* (Bulletin des Musées Royaux d'Art et d'Histoire 46). Bruxelles, 139–149.
- Raev, B.A. 1986: *Roman Imports in the Lower Don Basin* (BAR Intern. ser. 278). Oxford.
- Raev, B.A. 1993: Bronzovaya posuda epokhi pozdnego latena v Sarmatii [Bronzeware of the Late La-Tène in Sarmatia]. *Antichnyy mir i arkheologiya* [Ancient World and Archaeology] 9, 160–175.
- Raev, B.A. 1994: Bronze Vessels of the Late La-Tène-Period from Sarmatia. In: *Akten der 10. Internationalen Tagung über antike Bronzen, Freiburg, 18.–22.Juli 1988* (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg). Stuttgart, 347–353.
- Raev, B.A. 2000: Severokavkazskie drevnosti rimskogo vremeni v kolleksii muzeya Gruzii (Tbilisi) (o vremeni i putyakh proniknoveniya rannikh alan na Severnyy Kavkaz) [North Caucasian Antiquities of the Roman Period in the Collection of the Museum of Georgia (on the Chronology and Ways of Penetration of the Early Alans in the North Caucasus)]. In: *Istoriya Severnogo Kavkaza s drevneyshikh vremen po nastoyashchee vremya. Tezisy konferentsii 30–31 maya 2000 goda* [The History of North Caucasus from the Antiquity to Present. Abstracts of the Conference held on May 30–31, 2000]. Pyatigorsk, 197–199.
- Raev, B.A. 2006a: K absolyutnoy khronologii rimskogo importa v Aziatskoy Sarmatii (metodologicheskie zametki) [To the Absolute Chronology of Roman Import in Asian Sarmatia (Methodological Notes)]. In: A.P. Derevyanko, V.I. Molodin (eds.), *Sovremennye problemy arkheologii Rossii: materialy Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda* (Novosibirsk, 23–28 oktyabrya 2006 g.) [Modern Problems of Russian Archaeology: Materials of the All-Russian Archaeological Congress (Novosibirsk, 23–28 October 2006)]. Vol. 2. Novosibirsk, 88–90.
- Raev, B.A. 2006b: O novykh datirovkakh i starykh problemakh, spornykh momentakh i bes-spornykh istinakh [On the New Datings and Old Problems, Controversial Moments and Indisputable Truths]. In: V.M. Klepikov (ed.), *Rannesarmatskaya i srednesarmatskaya kul'tury: problemy sootnosheniya* [Early Sarmatian and Middle Sarmatian Cultures. Problems of Correlation] 1. Volgograd, 91–100.

- Ratković, D. 2005: *Bronzane posude: iz rimske zbirke Narodnog Muzeja u Beogradu* / *Roman Bronze Vessels in the Roman Collection of the National Museum in Belgrade* (Антика / Antiquity IX). Beograd.
- Rieckhoff, S. 2008: Geschichte der Chronologie der späten Eisenzeit in Mitteleuropa und das Paradigma der Kontinuität. In: S. Rieckhoff & W.-R. Teegen (Hrsg.), *Leipziger online-Beiträge zur Ur-und Frühgeschichtlichen Archäologie 30*: https://www.gko.uni-leipzig.de/fileadmin/user_upload/historisches_seminar/02urundfruehgeschichte/Online_Beitraege/OnlBei30.
- Rieckhoff, S. 2018: Wissen und Macht im archäologischen Diskurs. Die Chronologie der Oppidazeit. *Archäologische Informationen* 41, 173–198.
- Roman, C.-C. 2015: Observations Concerning a Roman Bronze Import Discovered in the Dacian Fortress from Piatra Neamț-”Bâta Doamnei”. *Acta Terrae Septemcastrensensis* XIV, 265–285.
- Rustoiu, A. 1994: Două simpula de tip Pescate din Dacia preromană [summary: Deux simpula de type Pescate en Dacie préromaine]. *Analele Banatului* III. Timișoara, 231–237.
- Rustoiu, A. 2005: Dacia si Italia in sec. I a. Chr. Comertul cu vase de bronz in perioada republicana tarzie (Studiu preliminar). In: C. Cosma, A. Rustoiu (eds.), *Comert și civilizație. Transilvania în contextul schimburilor comerciale și culturale în antichitate*. Cluj-Napoca, 53–117.
- Salzani, L. 1995: *La necropoli gallica di Valeggio sul Mincio* (Documenti di archeologia 5). Mantova.
- Scarcelli, M.R. 1999: Il vasellame: le forme aperte. In: M. Barbera (ed.), *La collezione Gorga*. Milano, 31–36.
- Schelow, D.B. 1982: Römische Bronzegefäße in Osteuropa. *Eirene* 18, 61–76.
- Sedlmayer, H. 1999: *Die römischen Bronzegefäße in Noricum* (Monographies Instrumentum 10). Montagnac.
- Sergatskov, I.V. 1994: Sarmaty Volgo-Donskikh stepy i Rim v pervykh vekakh nashey ery [The Sarmatians of the Volga-Don Steppes and Rome in the First Centuries AD]. In: D.M. Tugan-Baranovskii (ed.), *Problemy vseobshchey istorii. Materialy nauchnoy konferentsii. Volgograd, sentyabr' 1993* [Problems of World History. Materials of the scientific conference. Volgograd, September 1993]. Volgograd, 19–29.
- Sergatskov, I.V. 2004: K khronologii srednesarmatskoy kul'tury Nizhnego Povolzh'ya [To the Chronology of the Middle Sarmatian Culture of the Lower Volga]. In: B.A. Raev (ed.), *Sarmatskie kul'tury Evrazii: Problemy regional'noy khronologii. Doklady k 5 mezhdunarodnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [The Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology. Papers for the 5th International Conference “Problems of Sarmatian Archeology and History”]. Krasnodar, 107–116.
- Sergatskov, I.V. 2006: Problema stanovleniya srednesarmatskoy kul'tury [The Problem of the Formation of the Middle Sarmatian Culture]. In: V.M. Klepikov (ed.), *Rannesarmatskaya i srednesarmatskaya kul'tury: problemy sootnosheniya* [Early Sarmatian and Middle Sarmatian Cultures. Problems of Correlation] 1. Volgograd, 37–58.
- Shchukin, M.B. 1987: Umbon shchita iz kurgana «Sadovyy» (k voprosu o sarmato-germanskikh kontaktakh) [The Shield Umbo from the Sadovyy Burial-mound (to the Question of the Sarmatian-German Contacts)]. In: B.A. Raev (ed.), *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir. Tezisy dokladov k seminaru* [Ancient Civilization and Barbarian World. Abstracts of the Reports to the Seminar]. Novocherkassk, 49–51.
- Shchukin, M.B. 1992: Nekotorye zamechaniya k voprosu o khronologii zubovsko-vozdvizhenskoy gruppy i problema rannikh alan [Some Remarks to the Question of Chronology of the Zubovsko-Vozdvizhenskaya Group and the Problem of the Early Alans]. In: B.A. Raev (ed.), *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir. Materialy III arkheologicheskogo seminar* [Ancient Civilization and Barbarian World. The Materials of the 3rd archaeological Seminar]. Pt. 1. Novocherkassk, 104–112.

- Shchukin, M.B. 1994: Shields, Swords and Spears as Evidence of Germanic-Sarmatian Contacts and Barbarian-Roman Relations. In: C. von Carnap-Bornheim (Hrsg.), *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*. Lublin–Marburg, 485–495.
- Shchukin, M.B. 2004: Umbon iz kurgana „Sadovyy“ pod Novochoerkasskom [The Shiled Umbo from Sadovyy Burial-Mound near Novochoerkassk]. In: L.B. Vishnyackiy, A.A. Kovalev, O.A. Shcheglova (eds.), *Arkheolog: detektiv i myslitel'. Sbornik statey, posvyashchyonnykh 77-letiyu L'va Samoylovicha Kleyna* [Archaeologist, Detective and Thinker. To the 77th Anniversary of Lev Samoylovich Kleyn]. Saint Petersburg, 445–463.
- Shchukin, M.B. 2011: O voennykh kontaktakh mezhdru sarmatami i germantsami v rimskoe vremya (po materialam vooruzheniya) [On the Military Contacts of the Sarmatians and Germans in the Roman Period (basing on Arms and Armament)]. *Stratum plus* 4, 165–178.
- Shelov, D.B. 1965: Italiiskie i zapadnorimskie izdeliya v torgovle Tanaisa pervykh vekov n.e. [Italic and Western-Roman Items in the Trade of Tanais in the First Centuries AD]. *Acta archaeologica Academiae scientiarum hungaricae* XXV, 251–274.
- Shelov, D.B. 1983: Rimskie bronzovye kuvshiny i amfory v Vostochnoy Evrope [Roman Bronze Jugs and Amphoras in Eastern Europe]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 4, 57–69.
- Shilov, V.P. 1973: Metallicheskie sosudy iz kurgana u s. Bol'shaya Dmitrievka [Metal Vessels from the Burial-mound near the Village of Bol'shaya Dmitrievka]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 4, 252–255.
- Shilov, V.P. 1975: *Ocherki po istorii drevnikh plemen Nizhnego Povolzh'ya* [Essays on the History of Ancient Tribes of the Lower Volga Basin]. Leningrad.
- Siebert, G. 1973: Mobilier délien en bronze. In: *Études déliennes* (Bulletin de correspondance hellénique. Suppl. I). Athènes–Paris, 555–587.
- Siebert, G. 2001: *L'îlot des bijoux, l'îlot des bronzes, la Maison des sceaux* (Exploration archéologique de Délos, 38). Athènes.
- Silvestrini, D. 1939: Askos bronzeo di Locamo. *Rivista Storica Ticinese* 10, 221–222.
- Simonenko, A.V. 2011: *Rimskiy import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ya* [Roman Import by the Sarmatians of the North Pontic Area]. Saint Petersburg.
- Simonett, C. 1941: *Tessiner Gräberfelder* (Monographien zur Ur- und Frühgeschichte der Schweiz 3). Basel.
- Skipkin, A.S. 1984: Dva kompleksa rannego zheleznogo veka iz Prikuban'ya [Two Early Iron Age Complexes from the Kuban region]. In: A.I. Melyukova, M.G. Moshkova, V.G. Petrenko (eds.), *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya* [Antiquities of Eurasia in the Scytho-Sarmatian Period]. Moscow, 218–224.
- Skipkin, A.S. 1997: Ob odnom polemicheskom epizode v knige M.B. Shchukina «Na rubezhe er» (Sankt-Peterburg, 1994) [On One Polemic Episode in the Book by M.B. Shchukin „Na rubezhe er“ (Saint Petersburg, 1994)]. *Stratum + PAV* [Stratum + Petersburg Archaeological Herald], 116–120.
- Skipkin, A.S. 2002: O vremeni vkluycheniya Nizhnego Povolzh'ya v sistemu Velikogo shelkovogo puti [On the Time of the Inclusion of the Lower Volga Area in the System of the Great Silk Road]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik* [Lower Volga Archaeological Bulletin] 5, 388–393.
- Skipkin, A.S. 2003: K kritike istochnikov issledovaniy, posvyashchennykh rekonstruktsii torgovykh putey v skifo-sarmatskoe vremya [To the Critic of the Sources of the Studies devoted to the Reconstruction of the Trade Routes in the Scytho-Sarmatian Period]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 194–203.
- Skipkin, A.S. 2005: Sarmatskie mechi s kol'tsevidnym navershiem [Sarmatian Swords with Ring-Shaped Finial]. In: *II Gorodtsovskie chteniya. Materialy nauchnoy konferentsii posvyashchennoy 100-letiyu deyatel'nosti V.A. Gorodtsova v GIM* [The 2nd Gorodtsov Rea-

- dings. Materials of the Scientific Conference dedicated to 100-Anniversary of Activity of V.A. Gorodtsov in the State Historical Museum*]. Moscow, 171–185.
- Skripkin, A.S. 2006: K probleme sootnosheniya ranne- i srednesarmatskoy kul'tur [To the Problem of Correlation of the Early and Middle Sarmatian Cultures]. In: V.M. Klepikov (ed.), *Rannesarmatskaya i srednesarmatskaya kul'tury: problemy sootnosheniya* [Early Sarmatian and Middle Sarmatian Cultures. Problems of Correlation] 1. Volgograd, 5–27.
- Skripkin, A.S. 2010: Sarmatskie mechi s kol'tsevidnym navershiem [Sarmatian Swords with Ring-Shaped Finial]. In: A.S. Skripkin (red.), *Sarmaty i Vostok. Izbrannye trudy* [The Sarmatian and the East. Selected Works]. Volgograd, 335–358.
- Skripkin, A.S. 2017: O nekotorykh osobennostyakh severnogo otvetvleniya Velikogo shelkovogo puti [On Some Peculiarities of the North Branch of the Great Silk Route]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorii. Regionovedenie. Mezh-dunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 4: History, Regional Studies, and International Relations] 22 (2), 6–14.
- Skripkin, A.S., Mys'kov, E.P. 2009: Pogrebenie sarmatskoy znati iz Volgogradskogo Podon'ya [The Sarmatian elite burial from the Volgograd part of the Don basin]. In: N.A. Makarov (ed.), *Arkheologicheskie otkrytiya. 1991–2004. Evropeyskaya Rossiya* [Archaeological Discoveries. 1991–2004. European Russia]. Moscow, 245–255.
- Solier, Y., Guy, M., Lavagne, G.F., Morrisson, C., Chevalier, Y., Sabrié M., Sabrié, R., Bouscaras, A., Depeyrot, G., Marichal, R. 1981: Les épaves de Gruissan. *Archaeonautica* 3, 7–264.
- Spânu, D. 2019: Core issues of Late La Tène Periodization in Romania. *Peuce* XVII, 167–206.
- Stefanelli, L.P.B. 1990: *Il bronzo dei Romani*. Roma.
- Stepanov, P.D. 1980: *Andreevskij kurgan. K istorii mordovskikh plemen na rubezhe nashey ery* [Andreevskiy Burial-mound. To the History of the Mordovian Tribes at the Turn of the Eras]. Saransk.
- Stöckli, W.E. 2018: Spätlatènezeitliche Germanen in Süddeutschland. *Archäologische Informationen* 41, 199–238.
- Sueur, Q. 2018: *La vaisselle métallique de Gaule septentrionale à la veille de la conquête: typologie, fonction et diffusion* (Monographies Instrumentum 55). Montagnac.
- Szabó, K. 1995: Italian bronze vessels in Transdanubia before the Roman conquest. In: J. Swaddling, S. Walker, P. Roberts (eds.), *Italy in Europe: Economic Relations 700 BC – AD 50* (British Museum Occasional Paper 97). L., 273–289.
- Tapavički-Ilić, M., Filipović, V. 2012: A Late Iron Age Grave Find from Syrmia. In: S. Berecki (ed.), *Iron Age Rites and Rituals in the Carpathian Basin. Proceedings of the International Colloquium from Târgu Mureș. 7–9 October 2011*. Târgu Mureș, 453–460.
- Tassinari, S. 1975: *La vaisselle de bronze, romaine et provinciale, au Musée des Antiquités nationales* (XXIXe suppl. à Gallia). Paris.
- Tassinari, S. 1993: *Il vasellame bronzeo di Pompei*. Roma.
- Tentiuc, I., Bubulici, V., Simalcsik, A. 2015: A cremation burial of a horseman near the village of Mana (the Orhei district) (Un mormânt de incinerare al unui călăreț războinic descoperit lângă satul Mana (Orhei). *Tyragetia* IX (XXIV). 1, 221–248.
- Tentiuc, I., Bubulici, V., Simalcsik, A. 2016: Despre mormântul de incinerare în situlă de bronz de la Sipoteni (sec. II-I a. Chr.). *Tyragetia* X (XXV). 1, 39–74.
- Terpilovskiy, R.V., Bilinskaya, L.I. 2010: Truposozhzhenie znatnogo voina rubezha er na Seyme [The Cremation of the Noble Warrior of the Turn of the Eras from the Valley of Seim River]. In: O. Shcheglova, M. Kazanski, V. Novakovskiy (eds.), *Germaniya-Sarmatiya* [Germany – Sarmatia]. Iss. II. Kursk, Kaliningrad, 45–55.
- Terpilovskiy, R.V., Zharov, G.V. 2013: Metallicheskie sosudy Mutinskogo mogil'nika na Seyme [Metal Vessels of the Mutin Burial-ground on the Seim River]. *Stratum plus* 4, 35–41.

- Tiratsyan, G.A., Karapetyan, I.A. 1985: Արմավիրի 1983–1984 թթ. պեղումները [Excavations of Armavir in 1983–1984]. Պատմա-քանասիրական հանդես [Historical-Philological Journal] 4, 219–226 (на арм. яз.), <http://hpj.asj-oa.am/4326/>
- Todorović, J. 1972: *Praistorijska Karaburma I. Nekropola mlađeg gvoźdenog doba* (Dissertationes et Monographiae, 13). Beograd.
- Treister, M.Yu. 1994: Sarmatskaya shkola khudozhestvennoy torevniki (K otkrytiyu serviza iz Kosiki) [Sarmatian toreutic school (A tableware set from Kosika)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 172–203.
- Treister, M.Y. 1997: New Discoveries of Sarmatian Complexes of the 1st Century AD. A Survey of Publications in VDI. *ACSS* 4, 35–100.
- Treister, M. 2005: On a Vessel with Figured Friezes from a Private Collection, on Burials in Kosika and Once More on the “Ampsalakos School”. *ACSS* 11.3–4, 199–255.
- Treister, M.Yu. 2005: Sarmatskie voyny Farnaka Bosporskogo (k voprosu ob istoricheskoy interpretatsii pogrebeniya v Kosike) [Sarmatian Warriors of Pharnaces of Bosphorus (to the Question of the Historical Interpretation of the Burial in Kosika)]. In: M.Yu. Vakhtina, V.V. Zuev, S.V. Kashae, O.Yu. Sokolova, V.A. Khrshanovskiy (eds.), *Bosporskiy fenomen. Problema sootnosheniya pis'mennykh i arkheologicheskikh istochnikov. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Bosporan Phaenomenon. The Problem of Correlation of Written and Archaeological Sources. The Materials of the International Scientific Conference]. Saint Petersburg, 322–330.
- Treister, M.Yu. 2007: Torevtika i yuvelirnoe delo v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. – II v. n.e. (ellinisticheskaya traditsiya) [The toreutics and jewelry in North Pontic area. 2nd century BC – 2nd century AD (Hellenistic tradition)]. In: V.I. Mordvintseva, M.Yu. Treister, *Proizvedeniya torevniki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. – II v. n.e.* [Toreutics and Jewelry Objects from the North Pontic Area. 2nd Century BC – 2nd Century AD] Vol. I. Simferopol–Bonn, 15–194.
- Treister, M.Yu. 2018: Kitayskie «importy» v pogrebeniyakh kochevnikov Vostochnoy Evropy vo vtoroy polovine I tys. do n. e. – pervykh vekakh nashey ery [Chinese “Imports” in the Burials of the Nomads of Eastern Europe in the Second Half of the 1st Millennium BC – First Centuries AD]. *Stratum plus* 4, 153–200.
- Treister, M. 2019a: Second-Hand for the Barbarians? Greek and Roman Metalware with the Signs of Repair from the Nomadic burials of Scythia and Sarmatia. In: V. Cojocaru, L. Ruscu, T. Castelli, A.-I. Pázsint (eds.), *Advances in Ancient Black Sea Studies: Historiography, Archaeology and Religion. The Proceedings of the International Symposium, Constanța, August 20-24, 2018*, Mega Publishing House: Cluj-Napoca 2019 (Pontica et Mediterranea VIII), 313–345.
- Treister, M. 2019b: Roman bronze vessels with signs of repair from Sarmatia. In: P. Baas (ed.), *Proceedings of the XXth International Congress on Ancient Bronzes: resource, reconstruction, representation, role* (BAR Intern. Ser. 2958). Oxford, 2019, 177–187.
- Treister, M. 2019c: Bronzovye sosudy iz trizny Kobaykovskogo kurgana no. 10/1987 [Bronze Vessels from the Funeral Feast in the Burial-mound no.10/1987 of the Kobaykovo Necropolis]. *Vestnik Tanaisa* [Tanais Herald]. Iss. 5. Vol. 2. Rostov-on-Don, 146–159.
- Treister, M. 2019d: Importnye bronzovye kovanye kotly Aziatskoy Sarmatii [Imported Bronze Hammered Cauldrons of Asian Sarmatia]. *Scripta antiqua* VIII, 147–208.
- Treister, M.Yu. 2019e: Taz(-y) iz kurgana № 1 mogil'nika Oktyabr'skiy-V (o tsentre pogrebal'nykh pamyatnikov kochevoy elity v mezhdurech'e Dona i Volgi). Basin (s) from the Burial-mound no. 1 of the Oktyab'skiy Necropolis (On the Center of Nomadic Elite Burials in the Don-Volga Interfluvium). *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 379–415.
- Treister, M.Yu. 2020: Bogatoye sarmatskoye pogrebeniye Kalinovskogo mogil'nika v Nizhnem Povolzh'e i vozmozhnosti ego interpretatsii [A Rich Sarmatian burial of the Kalinovka Ne-

- ropolis in the Lower Volga area and the Possibilities of its Interpretation]. *Stratum plus* 4, 163–178.
- Trümper, M. 2005: Die *MAISON DES SCEAUX* in Delos – ein ‘versiegelter’ Fundkomplex? Untersuchungen zur Aussagekraft und Interpretation der Funde eines durch Brand zerstörten späthellenistischen Wohnhauses. *AM* 120, 317–416.
- Trümper, M. 2016: Brothels and Taverns in Late Hellenistic Delos. In: B. Tsakirgis, A. Glazebrook (eds.), *Houses of Ill repute: the Archaeology of Brothels, Houses, and Taverns in the Greek World*. Philadelphia, 103–128.
- Tselekas, P. 2012: *The Coins*. In: Cat. Athens 2012, 216–226.
- Ulbert, G. 1984: *Cáceres el Viejo. Ein spätrepublikanisches Legionslager in Spanisch-Extremadura* (Madrider Beiträge 11). Mainz.
- Voss, H. 1998: *Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum, Deutschland. Bd. 3: Bundesland Mecklenburg-Vorpommern*. Bonn.
- Wehrberger, K., Wieland, G. 1999: Ein weiteres Knollenknaufschwert und eine Aylesford-Pfanne aus der Donau bei Ulm. Überlegungen zu spätkeltischen und frührömischen Gewässerfunden von der oberen Donau. *AKorr* 29.2, 237–256.
- Wehry, B. 2013: *Zwischen Orient und Okzident. Das arsakidenzeitliche Gräberfeld von Tall Šēḥ Hamad/Magdala*. Diss. Freie Universität Berlin. Berlin.
- Werner, J. 1954: Die Bronzekanne von Kelheim. *BayVgBl* 20, 43–73.
- Werner, J. 1978: Zur Bronzekanne von Kelheim. *BayVgBl* 43, 1–18.
- Wielowiejski, J. 1985: Die spätkeltischen und römischen Bronzegefäße in Polen. *BerRGK* 66, 123–320.
- Wielowiejski, J. 1989: Die römerzeitlichen Silbergefäße in Polen. *BerRGK* 70, 191–241.
- Willers, H. 1907: *Neue Untersuchungen über die römische Bronzeindustrie von Capua und von Niedergermanien*. Hannover–Leipzig.
- Zakharov, A.V. 2000: Sarmatskoe pogrebenie v kurgane „Krestovyy“ [A Sarmatian Burial in the Burial-mound “Krestovyy”]. In: Yu.K. Guguev (ed.), *Sarmaty i ikh sosedi na Donu [Sarmatians and their Neighbors on the Don]* (Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona [Materials and Studies in the Archaeology of the Don Area] 1). Rostov-on-Don, 27–45.
- Zarmakoupi, M. 2014: Die Hafenstadt Delos. In: S. Ladstätter, F. Pirson, T. Schmidts (Hrsg.), *Häfen und Hafenstädte im östlichen Mittelmeerraum von der Antike bis in byzantinische Zeit. Neue Entdeckungen und aktuelle Forschungsansätze von der Antike bis in byzantinische Zeit. Neue Entdeckungen und aktuelle Forschungsansätze* (BYZAS 19). Istanbul, 553–570.
- Zasetskaya, I.P. 2011: *Sokrovishcha kurgana Khokhlach. Novocherkasskiy klad [The Treasures of the Khokhlach Burial-mound. The Novocherkassk Hoard]*. Saint Petersburg.
- Zasetskaya, I.P., Marchenko, I.I. 1995: Klassifikatsiya steklyannykh kanfarov pozdneellinitscheskogo i rannerimskogo vremeni [The classification of the glass kantharoi of the late Hellenistic and early Roman period]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [The State Hermitage Collection of Articles on Archaeology]* 32, 90–104.
- Zichy, J. 1897: *Kaukazusi és középázsiai utazásai / Voyages au Caucase et en Asie centrale. La migration de la race hongroise, par le comte Eugène de Zichy. La description des collections par les docteurs Jean Jankó et Béla de Pósta*. Budapest.

BRONZE VESSELS OF THE LATE REPUBLICAN PERIOD FROM THE
BURIALS OF NOMADS OF ASIAN SARMATIA

Mikhail Yu. Treister

German Archaeological Institute, Berlin, Germany
mikhail.treister@dainst.de, mikhailtreister@yahoo.de

Abstract. The article deals with rare bronze vessels of the last quarter of the 2nd – third quarter of the 1st century BC from the burials of the nomads of Asian Sarmatia. These include ladles with horizontal (Peschate type) and vertical handles, a beaker of the Idrija type, a jug of Gallarate type, pans of Aylesford types, some types of basins and askoi, a crater (Eggers 94 type), just about a dozen vessels. Bronze vessels of the Late Republican types prevail in the Lower Don region, where their concentration is comparable to the concentration of finds of such vessels on the right bank of the Kuban in its delta. Particularly noteworthy is the fact that a significant part of their finds in Asian Sarmatia originate not from the Lower Don region, but from two burial complexes in the Lower Volga area: burial no. 8 in the Burial-mound no. 55/1954 of the Kalinovka necropolis and burial no. 1/1984 near the village of Kosika, not to forget the discovery of an Aylesford-type pan in the neighboring grave no. 2. Further to the east, in the Trans-Volga region and in the South Urals, bronze Late Republican vessels are unknown. According to the concentration of bronze vessels of Late Republican types in one burial, the complexes from Kalinovka and Kosika may be compared with the destroyed burial in the Burial-mound near Elitnyy Farmstead in the Kuban region and show a strong similarity with the concentration of finds of the same types in some burials (especially nos. 3, 4, 6, 7) of the Ornavasso-San Bernardo burial-ground in Northern Italy. Further, data are given that in the Transcaucasia, in the North Caucasus, in the Central Ciscaucasia and in the Kuban region, there are already known 4 examples of jugs of the Piatra Neamț type and one of the Ornavasso-Kerumgaard type. An attempt is made to interpret the appearance of vessels of the Late Republican types in the Kuban, Lower Don and Lower Volga regions. Although, given the distribution of such vessels in Sarmatia, one cannot exclude the possibility of their distribution via Tanais and the centers of the Asian Bosphorus during the time of Mithridates VI stay in the Bosphorus, nevertheless, the hypothesis, which has been repeatedly suggested, that bronze vessels of the Late Republican period were spread in connection with the participation of the Sarmatians in the troops of Mithridates VI and Pharnaces II in their campaigns to Asia Minor seems equally possible. A certain part of the vessels of the Late Republican types could have been acquired by the Sarmatians as a result of military clashes with the German squads, which penetrated deep into the territory of Eastern Europe in the second half of the 1st century BC.

Keywords: Bronze vessels of the Late Republican types: Pescate, Gallarate, Idrija, Aylesford, Piatra Neamț, Ornavasso-Kerumgaard, Asian Sarmatia, Don, Kuban, Lower Volga regions, Central Ciscaucasia, Transcaucasia, Mithridates VI, Pharnaces II

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-4-70-110–127

КЕРАМИЧЕСКИЕ КЛЕЙМА И МОНЕТЫ ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ ВИЛИНО (РАССАДНОЕ), ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ

Г.В. Медведев

Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия
medvedgen@gmail.com

Аннотация. В статье публикуются амфорные клейма и монеты, найденные во время исследований на поселении Вилино (Рассадное) в 2008–2013 гг. Керамические клейма представлены такими центрами как Синопа, Херсонес, Родос, монеты принадлежат чеканам Херсонеса и Пантикапея. Не все предметы были найдены *in situ*, часть их происходит из нарушенных слоев, подъемного материала или грабительских отвалов. Тем не менее, их удастся соотнести с периодами функционирования памятника. Прослежено четыре строительных периода поселения – два античных и два позднескифских. Первый связан со временем функционирования укрепленной усадьбы херсонесской хоры последней четверти IV – начала III в. до н. э. Во втором периоде (последняя четверть III в. до н. э.), после некоторого перерыва, жизнь на поселении возрождается. Во время реколонизации поселение перестраивается. В конце первой четверти II в. до н.э жизнь на поселении снова прекращается. Следующие два периода соотносятся с позднескифской культурой. Слои и строительные остатки конца II в. до н. э. – I в. н. э. нарушены вспашкой и грабительскими ямами. В верхнем горизонте городища встречается материал I–III вв. н. э. Клейма и монеты наряду с другим археологическим материалом выступают важными хронологическими индикаторами памятника в системе хоры Херсонеса и в целом Западного Крыма.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, хора Херсонеса, поселение Вилино, позднескифская культура, клейма, монеты

Античное поселение Вилино (Рассадное) расположено на обрывистом мысу левого берега р. Альмы, в 3,5 км выше ее устья и в 1,0 км к юго-западу от окраины с. Вилино (рис. 1). Южная часть укрепления, а также верхние слои поселения уничтожены плантажной вспашкой, а также при прокладке грунтовой дороги и нивелировке площади под виноградники. В настоящее время территория памятника задернована, большую часть его занимает миндалевый сад. В 1946 г. памятник визуально обследовался Тавро-скифской экспедицией. В 1953 г. Е.В. Веймарн произвел осмотр поселения. В ходе разведок в нижнем течении р. Альмы в 1990 г. было проведено обследование и шурфовка поселения¹. В ходе разведок были определены границы памятника, хронология и этнокультурная принадлежность. Цитадель поселения занимает площадь около 5000 м² и укреплена рвом и валом.

Данные об авторе: Медведев Геннадий Владимирович – младший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН.

¹ Колтухов, Зубар, Миц 1992, 86.

1 - поселение Вилино (Рассадное).
2 - Усть-Альминское городище.

Рис. 1. Географическое положение поселения Вилино (Рассадное), Крым, Бахчисарайский район

Fig. 1. The geographical location of the settlement of Vilino (Rassadnoe), the Crimea, Bakhchisaray District

Значительная часть площади укрепления, а также верхние слои поселения уничтожены плантажной вспашкой и грабительскими шурфами².

Охранные работы на памятнике проводились в 2008–2014 гг. В 2008 г. было исследовано каменное монументальное сооружение – цистерна для сбора и хранения дождевой воды. В позднескифское время это сооружение использовалось в качестве погребального (склепа)³. В последующие годы исследования проводились небольшими площадями и в основном были сосредоточены в южной и восточной частях усадьбы (рис. 2). В результате были определены восточная граница античной усадьбы и основные хронологические рамки функционирования

² Колтухов, Зубар, Миц 1992, 86–87; Пуздровский, Медведев, Соломоненко, Труфанов 2009, 249; Медведев 2019, 9.

³ Пуздровский, Медведев, Соломоненко, Труфанов 2009, 249; Медведев 2019, 10–11; 2019a, 186.

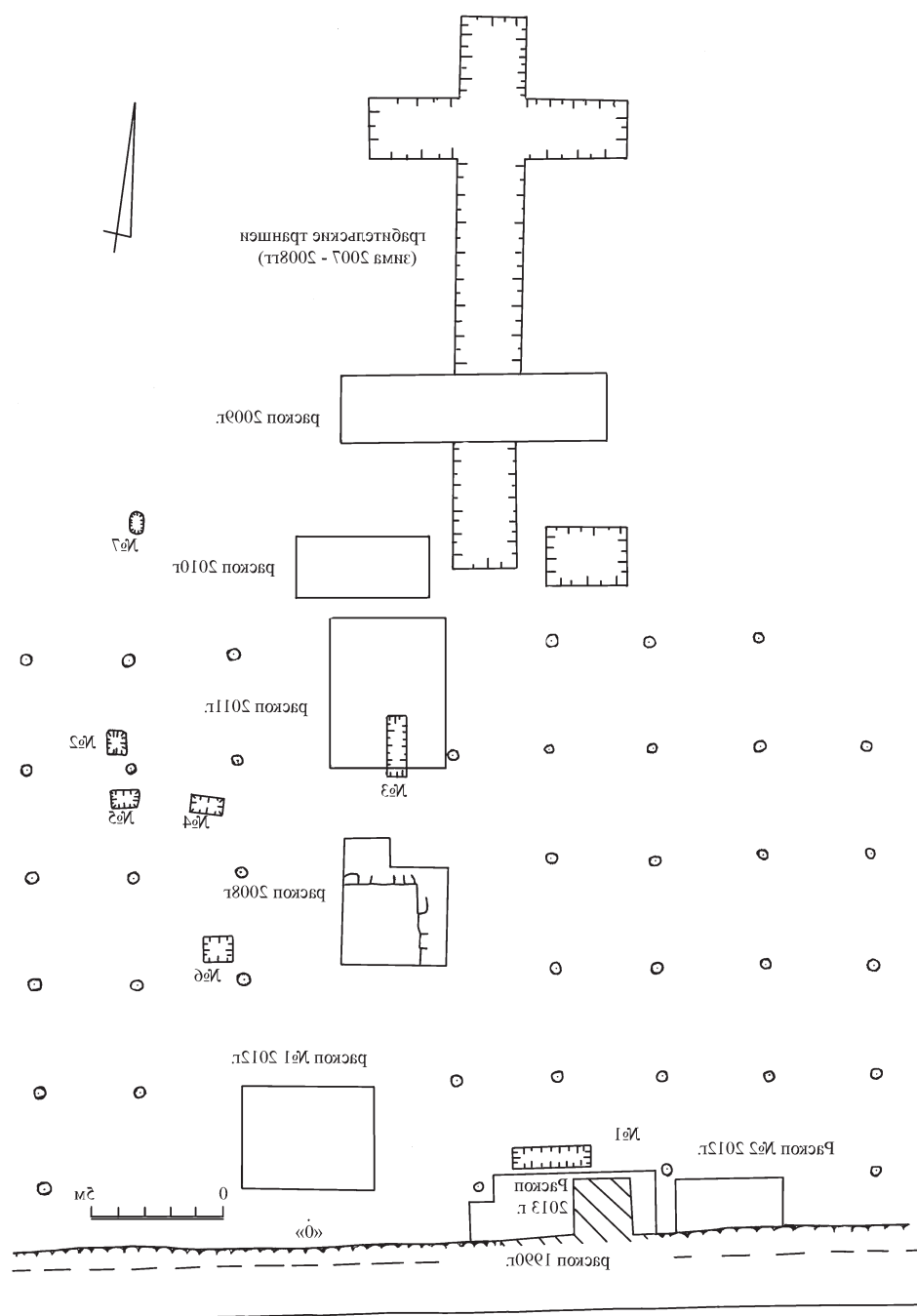

Рис. 2. Схематический план поселения Вилино (Рассадное) с грабительскими шурфами, траншеями (2007–2008 гг.) и раскопами (2008–2013 гг.)
 Fig. 2. Schematic plan of the settlement of Vilino (Rassadnoye) with predatory pits, 2007–2008 trenches and 2008–2013 excavations

памятника. За годы исследований на поселении Вилино (Рассадное) прослежено четыре строительных периода (А, В, С, D)⁴.

Первый период связан со временем функционирования греческой укрепленной усадьбы херсонесской хоры с последней четверти IV – до начала III в. до н.э. Затем городище было разрушено и оставлено жителями. После перерыва жизнь на поселении возрождается в последней четверти III в. до н.э. (период реколонизации, во время которого производятся перестройки на поселении⁵). В начале первой четверти II в. до н.э. жизнь на поселении прекращается (о чем свидетельствует слой пожара) и происходит захват его поздними скифами. Следующие два периода соотносятся с позднескифской культурой, однако слои и строительные остатки конца II в. до н.э. – I в. н.э. нарушены вспашкой и грабительскими ямами. В верхнем горизонте городища встречается материал I–III вв. н.э.⁶ В позднескифский период производится нивелировка поверхности строительных остатков двух более ранних периодов. Архитектурных остатков, связанных с этим горизонтом, почти не выявлено. В разрушенных слоях обнаружен материал как римского, так и эллинистического времени.

1. Клейма

Во время исследований на поселении вместе с другими археологическими находками выявлены амфорные клейма и монеты. Амфорные клейма представлены такими центрами, как Синопа (5), Херсонес (9), Родос (1), а монеты – чеканами Херсонеса (1) и Пантикапея (1).

1.1. Синопские клейма

1. Часть клейма на ручке амфоры: ΑΣΤΥ[NOMOY]
[ΕΣ]ΤΙ[ΑΙΟΥ]
[ΚΛΕΑΝΤΟΥ]

Астиномное клеймо – рельефное, трехстрочное, оттиск нечеткий, правая сторона оттиска не сохранилась. У верхней строки клейма сбито окончание, а у средней – начало и окончание, нижняя строка оттиснулась нечетко, ее окончание отбито. Эмблема (возможно, канфар) располагается справа от легенды. Буква С – лунарная (рис. 3, 1). Деятельность Гестиея I относят к группе VA ХГ, по классификации В.В. Каца – это 280-е – начало 250-х гг. до н.э.⁷

2. Клеймо на ручке амфоры рельефное: ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ
ΕΣΤΙΑ[ΙΟΥ]ΤΟΥ
ΑΡΤΕΜΙΔΩΡΟΥ
ΜΕΝΟΝ

Клеймо астиномное, в прямоугольной рамке, четырехстрочное, во второй строке три буквы не сохранились, эмблема справа сбита (кратер?). Гестией – сын Артемидора (рис. 3, 2). Клеймо с таким астиномом и гончаром происходит из Херсонеса, относится к VI хронологической группе⁸. Деятельность астинома,

⁴ Пуздровский, Медведев, Ляшук 2010, 356; 2011, 281–282; 2012, 104; Пуздровский, Медведев, Ляшук, Масюта 2013, 80–81; 2014, 72.

⁵ Пуздровский, Медведев, Ляшук, Масюта 2014, 72.

⁶ Пуздровский, Медведев, Ляшук 2010, 356.

⁷ Граков 1928, табл. 6. 7; Кац 2007, 435; Медведев 2019, рис. 8, 6, табл. 3; 2019а, 187.

⁸ Золоторев 1979, 72.

по классификации В.В. Каца, относится к VIC ХГ и датируется концом 250-х – серединой 210-х гг. до н.э.⁹. Н.Ф. Федосеев датирует клеймо 235 г. до н.э.¹⁰. Несколько позже четыре клейма с именем астинома Гестиея, сына Артемидора, из поселения «Полянка» в Восточном Крыму исследователь датирует временем около 228 г. до н.э.¹¹.

3. Клеймо на ручке амфоры: [.....]

ΧΑΒΡΙΑΣ

остатки круглой эмблемы

[.....]

Астиномное клеймо в прямоугольной рамке – рельефное, верхняя и нижние строки не сохранились: астином Хабрий, также есть астином Хабрий Π. (рис. 3, 3). Найдено в слое В, но относится к раннему периоду, видимо, при нивелировке строительных остатков он переместился. Клейма с именем астинома Хабрия известны в Мирмекии¹², Херсонесе¹³ и на поселениях округа Феодосии¹⁴. Время деятельности Хабрия относят к ΠΑ ХГ, но датируют по-разному: М.И. Золоторев – временем около 354 г. до н.э.¹⁵, Н.Ф. Федосеев 355–345 гг. или 351 г. до н.э., В.В. Кац 330–320 гг. до н.э.¹⁶.

4. Фрагмент клейма на ручке синопской амфоры: [.....]Υ в овальной рамке, оттиснут ретроградно (рис. 3, 4).

5. Клеймо на ручке амфоры: ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ
ΛΕΩΜΕΔΟΝΤΟΣ
ΤΟΥ ΕΠΙΔΗΜΟΥ
ΔΙΟΝΥΣ[Ι]ΟΥ

Клеймо магистратское, четырехстрочное, рельефное, правый верхний край клейма сколот, в прямоугольной рамке. Леомедонт, сын Эпидема, с фрагментом эмблемы всадника (рис. 3, 5). Клейма с данным именем найдены у с. Мысовое на севере Керченского полуострова и в Пантикапее¹⁷. Деятельность Леомедонта относят к VIC ХГ и датируют, по классификации Н.Ф. Федосеева, (265 г.) 270–260 гг. до н.э., по классификации В.И. Каца – 250-ми – серединой 210-х гг. или 230 гг. до н.э.¹⁸.

1.2. Херсонесские клейма

6. Клеймо на ручке амфоры: ΠΑΣΙΩ[ΝΟΣ]
[ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ]

Клеймо магистратское, в прямоугольной, желобчатой рамке, рельефное, сохранилась часть слова первой строки (рис. 3, 6). Клейма с именем Пасиона извест-

⁹ Кац 2007, 435.

¹⁰ Fedoseev 1999, 32; Пуздровский, Ляшук, Медведев 2012, 104.

¹¹ Федосеев 2017, 185–186.

¹² Пругло 1967, 47.

¹³ Золоторев 1999, 78.

¹⁴ Гаврилов 2011, 134, 486.

¹⁵ Золоторев 1999, 72.

¹⁶ Fedoseev 1999, 34, 165; Кац 2007, 434; Гаврилов 2011, 134, 486; 155, 563; Пуздровский, Ляшук, Масюта, Медведев 2013, 80.

¹⁷ Авдеев, Петерс 1983, 53, рис. 1, 3.

¹⁸ Fedoseev 1999, 33; Кац 2007, 436; Пуздровский, Ляшук, Масюта, Медведев 2013, 80; Тюрин 2019, 277, рис. 6, 4.

ны в Херсонесе, обнаружены на черепице¹⁹. Они также встречаются на амфорной таре в сельской округе Феодосии²⁰. Деятельность Пасиона относится к IV ХГ и датируется (по мнению В.Ф. Столбы) временем около 303–290 гг. до н.э.²¹, по хронологии В.И. Каца – 300–285 или 325–287 гг. до н.э.²².

7. Часть клейма на ручке амфоры: АСТΥΝ[ΟΜΟΥΝΤΟΣ]
ΑΠΟΛΛ[ΩΝΙΔΑ]
ΤΟΥ ΑΠ[ΟΛΛΩΝΙΟΥ]

Клеймо магистратское, в прямоугольной рамке, желобчатое, трехстрочное, не сохранилась правая часть (рис. 3, 7). Деятельность Апполонида, сына Апполония, относят к IIIA ХГ и датируют: (по мнению В.Ф. Столбы) временем около 195–180 гг.²³, по хронологии В.И. Каца 230–215 или 227–180 гг. до н.э.²⁴.

8. Клеймо на ручке амфоры: [ΚΑΛΛΙΣΤΡΑΤΟΥ
Τ]ΟΥ [ΚΑΛ]ΙΣΤΡΑΤΟΥ
[ΑΣΤΥ]ΝΟΜΟΥΝΤΟΣ

Клеймо магистратское, в прямоугольной рамке, с эмблемой в виде виноградной грозди, желобчатое, трехстрочное, часть букв во всех строках не сохранилась (рис. 3, 8). В.Ф. Столба относит деятельность Калистрата, сына Калистрата, к периоду IVB ХГ – 230–206 гг. до н.э.²⁵. В.И. Кац датирует ее 262–237 или 239–228 гг. до н.э.²⁶.

9. Клеймо на ручке амфоры: НР в прямоугольной рамке, желобчатое, рельефное, монограммное, состоит из двух букв Н и Р ретроградно (рис. 3, 9). Оно относится к ПА ХГ и датируется 285–272 или 286–273 гг. до н.э.²⁷.

10. Клеймо на ручке амфоры: ΑΣΤΥΝ[ΟΜΟΥΝΤΟΣ]. Остальные строки не сохранились (рис. 3, 10).

11. Клеймо на ручке амфоры: ΠΑ в прямоугольной рамке: желобчатое, рельефное, монограммное, состоит из двух букв Π и Α (рис. 3, 11). Относят к группе ПА ХГ и датируют 285–272 или 286–273 гг. до н.э.²⁸.

12. Клеймо на ручке амфоры: [Π]ΑΣΙΩΝΟΣ
ΑΣ[ΤΥΝΟΜΟΥ]

Клеймо магистратское, в желобчатой прямоугольной рамке, рельефное, в первой строчке не сохранилась первая буква, а во второй строке сохранились первые две буквы (рис. 3, 12). Деятельность Пасиона относят к IVB ХГ, по времени датируют (В.Ф. Столба) 303–290 гг. до н.э.²⁹, или, по мнению В.И. Каца, – это 325–287

¹⁹ Золотарев 1979, 70.

²⁰ Гаврилов 2011, 236.

²¹ Stolba 2005, 169.

²² Кац 1994, таб. XXXIX, кат. 1–93, 4; 2007, 442; Пуздровский, Медведев, Ляшук 2010, 356; Гаврилов 2011, 236.

²³ Stolba 2005, 171.

²⁴ Кац 1994, 67–68, таб. VIII; 2007, 443; Пуздровский, Медведев, Ляшук 2010, 355.

²⁵ Stolba 2005, 170; Пуздровский, Медведев, Ляшук 2011, 281, рис. 1, 1.

²⁶ Кац 1994, 48, 101, таб. XXX, 1–66; 2007, 442.

²⁷ Кац 1994, 49, 121, таб. СII 2а-16,4; 2007, 442; Пуздровский, Медведев, Ляшук 2011, 281, рис. 1, 2.

²⁸ Кац 1994, 49, 54, таб. CIV, 2а-32,6; 2007, 442; Пуздровский, Ляшук, Медведев 2012, 104, рис. 1, 1.

²⁹ Stolba 2005, 169, Tabl. 2, 93.

или 300–285 гг. до н.э.³⁰. О.В. Фатеев датирует данного магистрата серединой 310-х – началом III в. до н.э.³¹.

13. Клеймо на ручке амфоры: ΔΕΛΦΟΥ ΤΟΥ
[ΙΣΤΡΩΝΟΣ]
ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ[ΝΤΟΣ]

Клеймо магистратское, в прямоугольной рамке, сохранились 2 строки, первая и третья, в нижней строке не сохранились последние 4 буквы (рис. 3, 13). Деятельность астинома Делфоса относят к ΠΓ ΧΓ и датируют 237–230 или 239–228 гг. до н.э.³². Иную дату предлагает В.Ф. Столба – 205–196 гг. до н.э.³³.

Клеймо на ручке мерного кувшина: ΒΑΤΑΚΟΥ³⁴ (рис. 3, 14; 4). Первоначально клеймо определено авторами как синопское и по времени датировано первой половиной II в. до н.э.³⁵. Оттиск вогнутый, что характерно для херсонесских клейм. Ангоб на амфорах и черные включения в составе глины – как и у синопской. Возможно, в результате тесных торговых контактов между Синопой и Херсонесом такой материал мог быть завезен, а синопские гончары работали в херсонесских мастерских со своим исходным материалом³⁶. Клейм производства Синопы на мерных сосудах известно мало³⁷. По морфологии и технике исполнения близкие клейма на мерных кувшинах происходят из коллекции Херсонесского заповедника. Имена фабрикантов на этих клеймах ранее неизвестны³⁸. Соответственно, датировка публикуемого клейма, исходя из отмеченного выше, может быть в пределах III в. до н.э.

Имя, стоящее на клейме, упоминается в Ольвии в лапидарном эпонимном списке как родовое имя Βάτακος, Βατάκου³⁹. Возможно, в Херсонесе находился один из представителей рода Батаков, имевший ольвийское происхождение, избранный на должность агораномом. В пользу данного предположения могут служить данные о наличии политического союза между Херсонесом и Ольвией в конце III – начале II в. до н.э.⁴⁰.

Гончарные сосуды с клеймами на протяжении десятков лет остаются слабоизученными, и публикаций о них немного. Судя по клеймам на амфорах и тонкостенных гончарных сосудах, в античных центрах Северного Причерноморья существовали должности агораномов⁴¹. Значительное количество клейм на гончарных сосудах происходит с территории Боспорского царства⁴². Например, до недавнего времени в коллекциях самой Синопы агораномные клейма неизвестны,

³⁰ Кац 1994, таб. XXXIX. кат. 1–93, 4; 2007, 442; Гаврилов 2011, 236; Пуздровский, Ляшук, Масюта, Медведев 2013, 80.

³¹ Фатеев 2014, 236.

³² Кац 1994, 66, таб. XV, 1–34; 2007, 442.

³³ Stolba 2005, 170; Пуздровский, Медведев, Ляшук, Масюта 2014, 72.

³⁴ По мнению А.В. Гаврилова, имя Батака в херсонесской эпиграфике неизвестно и к тому же варварское.

³⁵ Пуздровский, Медведев, Ляшук 2010, 356, рис. 2, 3.

³⁶ Борисова 1955, 145; Федосеев 1993, 87; 2005, 337.

³⁷ Федосеев 1991, 244–246, рис. 1, 1.

³⁸ Тюрин 2020 в печати.

³⁹ Николаев 1916, 68, 252.

⁴⁰ Ланцов 1994, 94; Уженцев 2006, 120.

⁴¹ Цехмистренко 1971, 70; Ковальчук 2012, 220; Федосеев 2005, 337.

⁴² Федосеев 2008, 63; Ковальчук 2012, 220.

Рис. 3. Керамические клейма: 1–5 – Синопа; 6–14 – Херсонес; 15 – Родос. Монеты: 16 – Пантикапей; 17 – Херсонес

Fig. 3. Ceramic stamps: Sinope (1–5); Chersoneses (6–14); Rhodes (15). , Coins: Panticapaeum (16); Chersoneses (17)

а за ее пределами незначительное их количество. Время распространения сосудов и амфор с такими клеймами совпадает с периодом торговой активности Синопы и других городов Причерноморья⁴³. Начиная со второй половины III в. до н.э. мерные сосуды могли сопровождаться анэпиграфным клеймом⁴⁴, однако не всегда сосуды с отдельными анэпиграфными клеймами могут считаться мерными⁴⁵.

В античных городах Северного Причерноморья существовала магистратура агораномов, функциями которых был контроль гончарного производства и контроль мерной системы (метрологии), организация и контроль торговых отношений городских магистратур. Можно полагать, что агораномные клейма на амфорной таре и мерных сосудах подтверждают существование подобной должности⁴⁶. Малое количество сосудов с такими клеймами предполагает, что они являлись эталонами и обеспечивали нужды рынка, изготавливаясь по заказу агораномов⁴⁷. Появление мерных сосудов с клеймами приблизительно в одно и то же время, возможно, свидетельствует и о широких межполисных связях⁴⁸.

1.3. Родосское клеймо

15. Клеймо на ручке амфоры: ΕΠΙ ΕΥΑΝΟΡΑΙ – голова Гелиоса в лучах вправо. Оно магистратское, рельефное, двухстрочное, оттиск нечеткий, наложен дважды или смазан. Окончание верхней строки сдвоено, нечетко. Эмблема расположена слева от легенды⁴⁹. Найдено в заполнении цистерны во время исследований в 2008 г. (рис. 3, 15). Деятельность магистрата Еванора относят к VC ХГ и по времени это около 119 г. до н.э.⁵⁰.

2. Монеты

1. Пантикапей, ок. 314–310 гг. до н.э. (по В.А. Анохину) или 330–315 г. до н.э. (по Д.Б. Шелову)⁵¹. Голова бородатого сатира вправо/ протома грифона влево, внизу осетр; Π-Α-Ν. Тетрахалк (рис. 3, 16).

17. Херсонес, 300–290 гг. до н.э.⁵². Дева, поражающая копьем лань, влево; в левой руке лук; внизу ΧΕΡ / бодающий бык на палице влево; внизу – ΔΙΑΓΟΡΑ (рис. 3, 17).

3. Хронология памятника

Не все клейма найдены *in situ*, часть их происходит из нарушенных слоев, подъемного материала или грабительских отвалов. Тем не менее их можно распределить по периодам функционирования памятника.

Культурный слой горизонта D относится ко времени возникновения и функционирования античной усадьбы, относящейся к херсонесской хоре, судя по строительным остаткам и археологическому материалу из культурного слоя, помеще-

⁴³ Garlan, Кара 2004; Федосеев 2008, 57, 61.

⁴⁴ Цехмистренко 971, 23; Буйских 2012, рис. 5, 2; Масленников 2011, 274.

⁴⁵ Масленников 2011, 274.

⁴⁶ Борисова 1955, 145; Рубан 1982, 35; Коровина 2002, 62; Федосеев 2008, 62; Ковальчук 2012, 220; Ручинская 2017, 76.

⁴⁷ Федосеев 2017а, 391–392.

⁴⁸ Федосеев 1991, 247.

⁴⁹ Медведев 2019, 23, рис. 8, 5; 2019а, 185.

⁵⁰ Кац 2007, 421; Finkielsztejn 2001, 195.

⁵¹ Анохин 1986, 140, таб. 2, 111; Шелов 1956, таб. V, 57; Абрамзон, Коваленко, Сударев 2011, 148, рис. 4.

⁵² Анохин 1977, 139, табл. V, 78.

ний и хозяйственных ям. Этот период можно отнести к последней четверти или концу IV – первой четверти или трети III в. до н.э. Поселение (усадыба) после непродолжительного периода функционирования (около 50–70 лет) погибает.

Строительство и функционирование усадьбы совпадает с экономическим ростом и увеличением населения херсонесского полиса и его хоры. В Херсонесе в это время идет обострение внутривластной борьбы (в конце IV – начале III в. до н.э.). Происходит захват власти олигархами (с третьей четверти IV в. н.э. – 18 лет олигархического правления), случаются столкновения противоборствующих партий, что прослеживается и на памятниках хоры Херсонеса⁵³. Конец периода экономического процветания происходит в 270-е гг. до н.э., и намечается кризис, который сопровождается ухудшениями климата и внешнеполитической ситуации, разгромом хоры Херсонеса варварами⁵⁴. Аналогичная ситуация прослеживается во всем Северном Причерноморье. В это время, прекращает существование Великая Скифия⁵⁵.

К периоду D можно отнести два херсонесских клейма 1B группы магистрата Пасиона и два немагистратских монограммных, синопских клейма: возможно, астинома Гестиея I VA XГ, II XГ с магистратом Хабрием и монеты Пантикапея и Херсонеса из хозяйственных ям.

После периода экономического кризиса на хоре Херсонеса приходит новое заселение – процесс реколонизации. С этим периодом связан горизонт С, который выражен перестройками на усадьбе, появлением новых кладок с использованием камня из старых (более примитивных в отличие от предыдущих), пристраиваемых к более ранним постройкам, археологический материал из слоя и хозяйственных ям, клейма. Его можно датировать временем с последней трети/конца III до начала первой четверти/половины II в. до н.э. Период жизни этого населения около 50–70 лет заканчивается гибелью. В конце второй трети III в. или в середине 230-х гг. до н.э. экономическая ситуация в Херсонесском государстве улучшается, возможно, это связано с положительными изменениями в климате и со стабилизацией во внешнеполитических отношениях с варварским населением. Эти события способствовали возобновлению жизни на хоре Херсонеса и Боспора, хотя и в меньших масштабах. Это совпало с образованием в Крыму поднескифского царства⁵⁶. Не исключено что в процессе повторного заселения участвовали и варвары, разместившиеся на поселении Вилино (Рассадное), о чем свидетельствует, например, более грубая и примитивная техника кладок и большое количество лепной керамики. В первой половине II в. до н.э. на многих поселениях и усадьбах Западного Крыма на хоре Херсонеса жизнь прекращается в результате военных конфликтов и экспансии поздних скифов⁵⁷.

С горизонтом С можно связать синопские клейма: VIC XГ с астиномом Гестиеем – сыном Артемидора – и магистратом Леомедоном – сыном Эпидема, херсонесские клейма с именами магистратов Аполлонида – сына Аполлония – (ША

⁵³ Кутайсов 2004, 117; Уженцев 2006, 114, 117.

⁵⁴ Ланцов 1994, 91–92; Кутайсов 2004, 122; Уженцев 2006, 115, 117; Туровский 2017, 269.

⁵⁵ Кутайсов 2004, 120–121.

⁵⁶ Пуздровский 2001, 88; Ланцов 1994, 92; Кутайсов 2004, 124; Уженцев 2006, 119; Туровский 2017, 272; Зайцев 2017, 130.

⁵⁷ Ланцов 1994, 93; Пуздровский 2001, 89; Кутайсов 2004, 126; Уженцев 2006, 121.

ХГ) и два клейма ПГ ХГ с именами Калистрата – сына Калистрата – и Делфоса – сына Истрона.

Горизонты В и А связаны с приходом населения позднескифской культуры, также происходят перестройки, нивелировка сырцовых развалов, используется цистерна в качестве склепа, о чем свидетельствуют строительные остатки землянки, археологический материал из культурного слоя и хозяйственных ям. Начало функционирования жизнедеятельности на усадьбе поздних скифов можно отнести к концу II в. до н.э. – началу I в. н.э. (горизонт В). Следующий строительный (А) этап связан с жизнью в первые века н.э. Жизнь на поселении продолжается до середины III в. до н.э.

Во второй половине II в. до н.э. вся территория дальней хоры Херсонеса попадает во владения поздних скифов⁵⁸. Эти события по времени совпадают с возникновением позднескифского Усть-Альминского городища, которое расположено у устья р. Альма в 3,5 км к западу от поселения Вилино (Рассадное), на берегу моря (рис. 1)⁵⁹. Далее херсонесское государство оказывается в изоляции и обращается к Митридату VI Евпатору за помощью, пославшего войска во главе с Диофантом⁶⁰. После окончания Митридатовых войн происходит окончательное присоединение Крымской Скифии к Понтийскому царству, и земли Северо-Западного Крыма возвращаются Херсонесу, хотя археологическая ситуация говорит о нескольких других обстоятельствах. Нахождение Понтийских гарнизонов было немногочисленным и непродолжительным в Западном Крыму⁶¹. В I в. н.э. Херсонес и большая часть Крыма находились под контролем Боспорского царства и территории позднескифского царства включительно⁶². Крымская Скифия в связи с этим участвовала в римско-боспорской войне на стороне Боспора. Рим проводил военные действия в Западном Крыму. В результате этого пострадали прибрежные позднескифские города и поселения. Несмотря на военные действия Рима в Юго-Западном Крыму он оставался под контролем поздних скифов⁶³. На Крымский полуостров проникают новые волны кочевников. Это происходит, начиная со второй половины I в. н.э., и в дальнейшем скажется на облике материальной культуры поздних скифов⁶⁴. Во второй половине II – первой половине III в. н.э. в освоении новых районов Центрального и Юго-Западного Крыма принимают участие сарматы или сармато-меоты. Северо-Западный Крым, скорее всего, оставался под контролем Боспора⁶⁵.

Клеймо, которое можно отнести к началу этого периода, с именем магистрата Еванора (VC ХГ), из заполнения цистерны и, судя по его дате, относится к горизонту В, это конец II – начало I в. до н.э.

Поселение Вилино (Рассадное) является одним из важных объектов для разработки вопросов периодизации и хронологии в системе хоры Херсонеса в

⁵⁸ Зайцев 1999, 136; Колтухов 1999, 19; Кутайсов 2004, 126; Уженцев 2006, 122; Пуздровский 2007, 16; Туровский 2019, 287.

⁵⁹ Высотская 1994, 7, 139.

⁶⁰ Пуздровский 2001, 95; Зайцев 2003, 60.

⁶¹ Пуздровский 2001, 98; Уженцев 2006, 126, 127.

⁶² (Страбон VII, 4, 3, 5, 7; Колтухов 1999, 100; Пуздровский 2001, 99.

⁶³ Пуздровский 2001, 103, 105.

⁶⁴ Колтухов 1999, 100; Пуздровский 2001, 104; 2007, 199.

⁶⁵ Пуздровский 2001, 112–113.

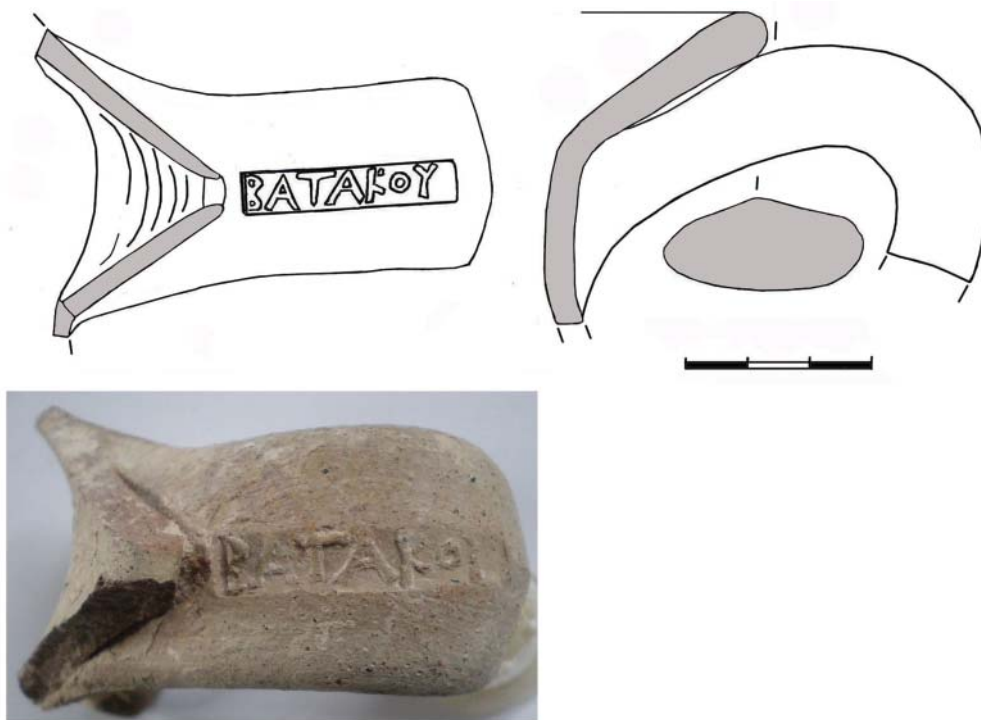

Рис. 4. Клеймо на фрагменте ручки с венчиком херсонесского мерного сосуда
Fig. 4. The stamp on the fragment of the handle with a whisk of the Chersoneses measuring vessel

Западном Крыму, затем вопросов, связанных с определением границ Херсонесского государства, а также проблем исследования торговых связей с античными центрами Причерноморья и Средиземноморьем. Кроме этого, изучаются вопросы, связанные с исследованием греко-варварских взаимоотношений в Западном Крыму в эпоху эллинизма и римского времени и др. Поэтому керамические клейма на амфорной таре и монеты из культурного слоя и хозяйственных ям, выявленные на памятнике, становятся важными хронологическими индикаторами в решении вышеперечисленных вопросов.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдеев, А.Г., Петерс, Б.Г. 1983: Клейма на амфорах у с. Мысовое. *КСИА* 174, 51–55.
 Анохин, В.А. 1977: *Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э.–XII в. н. э.)*. Киев.
 Анохин, В.А. 1986: *Монетное дело Боспора*. Киев.
 Абрамзон, М.Г., Коваленко, М.А., Сударев, Н.И. 2011: Два клада боспорских монет с античного поселения «Усатова балка 3». *ПИФК* 4, 146–165.
 Борисова, В.В. 1955: К вопросу об астиномах Херсонеса. *ВДИ* 2, 143–148.
 Буйских, С.Б. 2012: Серая гончарная керамика Боспора (попытка осмысления на фоне Северного Причерноморья). *БИ* 26, 22–58.
 Высотская, Т.Н. 1994: *Усть-Альминское городище и некрополь*. Киев.

- Гаврилов, А.В. 2011: Амфорные клейма округи античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников). В сб.: А.В. Колесник (ред.), *Археологический альманах*. Вып. 24. Донецк.
- Граков, Б.Н. 1928: *Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов*. М.
- Зайцев, Ю.П. 1999: Скилур и его царство (новые открытия и новые проблемы). *ВДИ* 2, 128–148.
- Зайцев, Ю.П. 2003: *Неаполь Скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.)*. Симферополь.
- Зайцев, Ю.П. 2017: Крепость Ак-Кая в эпоху эллинизма. В сб.: Ю.П. Зайцев (ред.), *Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований*. Симферополь, 121–131.
- Золоторев, М.И. 1979: Керамические клейма из раскопок Северо-восточного района Херсонеса в 1974–1975 гг. *КСИА* 159, 66–73.
- Золоторев, М.И. 1999: О времени строительства т.н. «казармы» в Херсонесе Таврическом (по материалам керамических клейм). *ХС* X, 70–79.
- Кац, В.И. 1994: *Керамические клейма Херсонеса Таврического*. Саратов.
- Кац, В.И. 2007: Греческие керамические клейма эпохи классики эллинизма (опыт комплексного изучения). (БИ XVIII).
- Колтухов, С.Г. 1999: *Укрепления Крымской Скифии*. Симферополь.
- Колтухов, С.Г., Зубар, В.М., Миц, В.Л. 1992: Новый район хори Херсонеса эллинистического периода. *Археологія* 2, 85–94.
- Ковальчук, А.В. 2012: Боспорские мерные сосуды IV – III в. до н. э. *ДБ* 16, 220–238.
- Коровина, А.К. 2002: *Гермонасса: античный город на Таманском полуострове*. М.
- Кутайсов, В.А. 2004: *Керкинитиды в античную эпоху*. Киев.
- Ланцов, С.Б. 1994: Античное поселение Ново-Федоровка и некоторые вопросы истории херсонесской хоры. В сб.: В.А. Кутайсов (ред.), *Северо-Западный Крым в античную эпоху*. Киев, 71–104.
- Масленников, А.А. 2011: Оттиски перстней-печатей и другие анэпиграфные клейма на некоторых типах керамики из раскопок сельских поселений Крымского Приазовья. *ПИФК* 4, 264–276.
- Медведев, Г.В. 2019: Водосборная цистерна эллинистического времени с поселения Вилино (Рассадное) – как погребальное сооружение позднескифской культуры. *Eminak* 3(27), 9–46.
- Медведев, Г.В. 2019а: Водосборная цистерна эллинистического времени на поселении Вилино (Рассадное). В сб.: Д.А. Костромичев (ред.), *Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы научной конференции 17–19 сентября 2019 года*. Севастополь, 186–190.
- Николаев, Н.И. 2016: *Просопография Ольвии Понтийской V в. до н.э. – I в. н.э.* Киев.
- Пругло, В.И. 1967: Синопские амфорные клейма из Мирмекия. *КСИА* 109, 42–48.
- Пуздровский, А.Е. 2001: Политическая история Крымской Скифии во II в. до н. э. – III в. н. э. *ВДИ* 3, 86–118.
- Пуздровский, А.Е. 2007: *Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. до н. э. Погребальные памятники*. Симферополь.
- Пуздровский А.Е., Медведев Г.В., Соломоненко А.Е., Труфанов А.А. 2009: Охранные исследования Альминской экспедиции в 2008 г. В сб.: Д.Н. Козак (ред.), *АДУ 2008*. Київ, 248–250.
- Пуздровский, А.Е., Медведев, Г.В., Ляшук, П.М. 2010: Охранные исследования на городище Вилино в 2009 г. В сб.: Д.Н. Козак (ред.), *АДУ 2009*. Київ, 355–356.
- Пуздровский, А.Е., Медведев, Г.В., Ляшук, П.М. 2011: Охранные исследования на городище Вилино (Рассадное) в 2010 г. В сб.: Д.Н. Козак (ред.), *АДУ 2010*. Київ, 281–282.

- Пуздровский, А.Е., Ляшук, П.М., Медведев, Г.В. 2012: Охранные исследования на городище Вилино (Рассадное). В сб.: Д.Н. Козак (ред.), *АДУ 2011*. Київ, 104–105.
- Пуздровский, А.Е., Ляшук, П.М., Масюта, Д.А., Медведев, Г.В. 2013: Охранные исследования на городище Вилино (Рассадное). в сб. В сб.: Д.Н. Козак (ред.), *АДУ 2012*. Київ, 80–81.
- Пуздровский, А.Е., Медведев, Г.В., Ляшук, П.М., Масюта, Д.А. 2014: Охранные исследования на городище Вилино (Рассадное). В сб.: Д.Н. Козак (ред.), *АДУ 2013*. Київ, 71–72.
- Рубан, В.В. 1982: Магістратура агораномів в Ольвії. *Археологія* 39, 30–40.
- Тюрин, М.И. 2019: Раскопки античного укрепления Масляная гора в 2018 г. *История и археология Крыма* XI, 275–286.
- Ручинская, О.А. 2017: *Культура и общество греческих городов Северного Причерноморья (VI в. до н. э. – IV в. н. э.)*. Харьков.
- Туровский, Е.Я. 2017: Херсонес Таврический во второй четверти III в. до н. э. В сб.: Д.А. Костромичев (ред.), *АРХОНТ. Материалы научной конференции 10–12 октября 2017 года*. Севастополь, 269–275.
- Туровский, Е.Я. 2019: Херсонес во II в. до н. э. до Диофантовых войн В сб.: Д.А. Костромичев (ред.), *АРХОНТ. Материалы научной конференции 17–19 сентября 2019 года*. Севастополь, 285–288.
- Уженцев, В.Б. 2006: *Эллины и варвары Прекрасной Гавани (Калос-Лимен в IV в. до н. э. – II в. н. э.)*. Симферополь.
- Фатеев, О.В. 2014: Хронология амфорных клейм Херсонеса конца IV – начала III вв. до н.э. (исследование комплексов и комплексные исследования). *Stratum plus* 3, 223–244.
- Федосеев, Н.Ф. 1991: Три новых клейма на тонкостенных сосудах. *СА* 2, 244–247.
- Федосеев, Н.Ф. 1993: Уточненный список магистратов, контролировавших керамическое производство в Синопе. *ВДИ* 2, 85–104.
- Федосеев, Н.Ф. 2000: Керамические клейма комплекса «Грот» поселения Сююр-Таш. *ПИФК* VIII, 203–207.
- Федосеев, Н.Ф. 2005: Мерные сосуды Херсонеса Таврического. *ХС* XIV, 337–340.
- Федосеев, Н.Ф. 2008: Агораномы Синопы. In: A. Avram, V Lungu et M Neag (ed.), *ΦΙΛΙΑΣ ΧΑΡΙΝ. Mélanges à la mémoire de Niculae Conovici*. Călărași, 57–70.
- Федосеев, Н.Ф. 2013: К вопросу о существовании полисных магистратур на Боспоре. В сб. В.Ю. Зуев (ред.), *Боспорский феномен: Греки и варвары на Евразийском перекрестке*. СПб., 25–33.
- Федосеев, Н.Ф. 2017: Керамические клейма поселения «Полянка» в Восточном Крыму. В сб.: Ю.П. Зайцев (ред.), *Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований*. Симферополь, 169–257.
- Федосеев, Н.Ф. 1917а: О характере клеймения керамики. *ДБ* 21, 384–397.
- Цехмистренко, В.И. 1971: Заметки о синопских клеймах. *СА* 3, 67–75.
- Шелов, Д.Б. 1956: *Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М.*
- Fedoseev, N.F. 1999: Classification des timbres astinomiques de Sinope. In: Y. Garlan (ed.), *Production et commerce des amfores anciennes en mer noire I*. Provanse, 27–35.
- Finkilsztein, G. 2001: Chronologie detaillee et revise des eponymes amphoriques rhodiens. de 270 a 108 av. J.-C. environ. In: Gerald Finkilsztein (ed.), *Preier bilan. Bar International Series* 990.
- Garlan, Y., Kara, H. 2004: Les timbres ceramiques Sinopeens sur amphores et sur tuiles: trouves à Sinope: présentation et catalogue. In: A. Tibet (ed.), *Varia Anatolica* XVI. *Corpus international des timbres amphoriques* 10. Paris.
- Stolba, V.F. 2005: Hellenistic Chersonesos: Towards Establishing a Local Chronology. In: V.F. Stolba, L. Hannestad (eds.), *Chronologies of the Black Sea Area in the period c.400-100 BC*. Aarhus, 153–322.

REFERENCES

- Ambramzon, M.G., Kovalenko, M.A., Sudarev, N.I. 2011: Dva klada Bosporskikh monet s antichnogo poseleniya «Usatova balka 3» [Two hoards of Bosporan coins from the ancient settlement of “Usatova Balka 3”]. *Problemy istorii filologii i kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural studies] 4, 146 – 165.
- Anokhin, V.A. 1977: *Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n. e. – XII v. n. e)* [Coinage of Chersonesos (the 4th century BC to 12th century AD)]. Kiev.
- Anokhin, V.A. 1986: *Monetnoe delo Bospora* [Coinage of the Bosphorus]. Kiev.
- Avdeev, A.G., Peters, B.G. 1983: Kleyma na amforakh u s. Mysovoe [Amphora stamps near the village of Mysovoye.]. *Kratkie soobchsheniya instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 174, 51–55.
- Borisova, V.V. 1955: K voprosu ob astinomakh Khersonesa [On the issue of Chersonese astynomoi]. *Vestnik Drevney Istorii* [Journal of Ancient History] 2, 143–148.
- Buyskikh, S.B. 2012: Seraya goncharnaya keramika Bospora (popytka osmysleniya na fone Severnogo Phichernomor'ya) [Grey pottery ceramics of the Bosphorus]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies] 26, 22–58.
- Fateev, O.V. 2014: Khronologiya amfornykh kleym Khersonesa kontsa IV– nachala III vv. do n. e. (issledovanie kompleksov i kompleksnye issledovaniya) [Chronology of Chersonesos Amphora Stamps of Late 4th – Early 3rd cc. BC (studies of assemblages and complex studies)]. *Stratum plus* 3, 223–244.
- Fedoseev, N.F. 1917a: O kharaktere kleymeniya keramiki [On the nature of branding ceramics]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 21, 384–397.
- Fedoseev, N.F. 1991: Tri novykh kleyma na tonkostennyykh sosudakh [Three New Stamps on the Classical Measuring Vessels]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 2, 244–247.
- Fedoseev, N.F. 1993: Utochnennyy spisok magistratov, kontrolirovavshikh keramicheskoe proizvodstvo v Sinope [More precise list of the Magistrates controlling the manufacture of ceramics in Sinope]. *Vestnik Drevney Istorii* [Journal of Ancient History] 2, 85–104.
- Fedoseev, N.F. 1999: Classification des timbres astinomiques de Sinope. In: Y. Garlan (ed.), *Production et commerce des amfores anciennes en mer noire I*. Provanse, 27–35.
- Fedoseev, N.F. 2000: Keramicheskie kleyma kompleksa “Grot” poseleniya Syuyur-Tash [Amphora stamps from the Suurtash Settlement]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural studies] VIII, 203–207.
- Fedoseev, N.F. 2005: Mernye sosudy Khersonesa Tavricheskogo [Measuring vessels of the Tauric Chersonesus]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesus Collection] XIV, 337–340.
- Fedoseev, N.F. 2008: Agoronomy Sinopy [Agoranomoï of Sinope]. In: A. Avram, V. Lungu et M. Neag (ed.), *ΦΙΛΙΑΣ ΧΑΡΙΝ. Mélanges à la mémoire de Nicolae Conovici*. Călărași, 57–70.
- Fedoseev, N.F. 2013: K voprosu o sushchestvovanii polisnykh magistratur na Bospore. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: Greki i varvary na Evraziyskom perekrestke* [The Bosporan Phenomenon: Greek and barbarians on the crossroad of Eurasia. Proceedings of the International conference]. Saint Petersburg, 25–33.
- Fedoseev, N.F. 2017: Keramicheskie kleyma poseleniya ‘Polyanka’ v Vostochnom Krymu. In: Yu.P. Zaytsev (ed.), *Krym v epokhu ellinizma. Mezhdunarodnyye protsessy po dannym noveyshikh arkheologicheskikh issledovaniy* [The Crimea in the Hellenistic Period. Intercultural processes according to the recent archaeological researches]. Simferopol, 169–257.
- Finkielsztejn, G. 2001: Chronologie detaillee et revise des eponymes amphoriques rhodiens. de 270 a 108 av. J.-C. environ. In: G. Finkielsztejn (ed.), *Preier bilan. Bar International Series* 990.
- Garlan, Y., Kara, H. 2004: Les timbres ceramiques Sinopéens sur amphores et sur tuiles: trouves à Sinope: présentation et catalogue. In: A. Tibet (ed.), *Varia Anatolica* XVI. *Corpus international des timbres amphoriques* 10. Paris.

- Gavrilov, A.V. 2011: Amfornye kleyma okrugy antichnoy Feodosii (materialy k khronologii arkheologicheskikh pamyatnikov) [Amphora stamps of neighborhood vicinity of ancient Theodosia (materials to the chronology of archaeological sites)]. In: A.V. Kolesnik (ed.), *Arkheologicheskiiy almanakh* [Archaeological Almanac] 24. Donetsk.
- Grakov, B.Y. 1928: *Drevne-grecheskie keramicheskie kleyma s imenami astynomov* [Ancient Greek ceramic stamps with the names of astynomes]. Moscow.
- Kats, V.I. 1994: *Keramicheskie kleyma Khersonesa Tavricheskogo* [Ceramic stamps in Tauric Chersonesos]. Saratov.
- Kats, V.I. 2007: Grecheskie keramicheskie kleyma epokhi klassiki ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniya) [Greek ceramic Classic and Hellenistic stamps (a complex study)]. (Bosporskie issledovaniya [Bosporus Studies] XVIII). Simferopol.
- Koltukhov, S.G. 1999: *Ukrepleniya Krymskoy Skifii* [Fortifications of the Crimean Scythia]. Simferopol.
- Koltukhov, S.G., Zubar, V.M., Myts, V.L. 1992: Novyy rayon khory Khersonesa ellinisticheskogo perioda [The new district of the Chersonese chora of the Hellenistic period]. *Arkheologiya* [Archaeology] 2, 85–94.
- Korovina, A.K. 2002: *Germonassa: antichnyy gorod na Tamanskom poluostrove* [Hermonassa, the ancient city at the Taman Peninsula]. Moscow.
- Kovalchuk, A.V. 2012: Bosporskie mernye sosudy IV–III v. do n. e. [Bosporan Measuring Vessels of the 4th – 3rd Centuries BC]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 16, 220–238.
- Kutaysov, V.A. 2004: *Kerkinitida v antichnuyu epokhu* [Ancient Kerkinitis]. Kiev.
- Lantsov, S.B. 1994: Antichnoe poselenie Novo-Fedorovka i nekotorye voprosy istorii khersonesskoy khory [Settlement of Novo-Fedorovka and some issues of the Chersonese chora]. In: V.A. Kutaysov (ed.), *Severo-Zapadnyy Krym v antichnuyu epokhu* [The Northwest Crimea in the Antiquity]. Kiev, 71–104.
- Maslennikov, A. A. 2011: Ottiski perstney-pechatey i drugie anepigrafnye kleyma na nekotorykh tipakh keramiki iz raskopok sel'skikh poseleniy Krymskogo Priazov'ya [Signet-ring impressions and other Unepigraphical Stamps on Pottery from the rural settlement excavations in the Crimean Azov region]. *Problemy istorii filologii, kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 264–276.
- Medvedev, G.V. 2019: Vodosbornaya tsisterna ellinisticheskogo vremeni s poseleniya Vilino (Rassadnoe) – kak pogrebal'noe sooruzhenie pozdneskifskoy kul'tury [Rainwater Cistern of Hellenistic Period from the Settlement of Vilino (Rassadnoe) as a Burial Structure of the Late Scythian Culture]. *Eminak* [Eminakos] 3 (27), 9–46.
- Medvedev, G.V. 2019a: Vodosbornaya tsisterna ellinisticheskogo vremeni na poselenii Vilino (Rassadnoe) [Rainwater Cistern of Hellenistic Period from the Settlement of Vilino (Rassadnoe)]. In: D.A. Kostromichev (ed.), *Antichnye relikvii Khersonesa: otkrytiya, nakhodki, teorii. Materialy nauchnoy konferentsii 17–19 sentyabrya 2019 goda* [Ancient memorabilia of Chersonese: discoveries, findings, theories. Proceedings of the International Conference. Sevastopol, 17–19 September 2019]. Sevastopol, 186–190.
- Nikolaev, N.I. 2016: *Prosopografiya Ol'vii Pontijskoy v V. do n.e. – I v. n.e* [Prosopography of Olbia Pontica in the 5th century BC to the 1st century AD]. Kiev.
- Pruglo, V.I. 1967: Sinopskie amfornye kleyma iz Mirmekiya [Sinope amphora stamps from Myrmekion]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii* [Brief Communication of the Institute of Archaeology] 109, 42–48.
- Puzdrovskiy, A.E. 2001: Politicheskaya istoriya Krymskoy Skifii vo II v. do n. e. – III v. n. e. [Political History of Crimean Scythia in the 2nd century BC to 3rd century AD] *Vestnik Drevney Istorii* [Journal of Ancient History] 3, 86–118.
- Puzdrovskiy, A.E. 2007: *Krymskaya Skifiya II v. do n. e. – III v. do n. e. Pogrebal'nye pamyatniki* [Crimean Scythia in the 2nd century BC to 3rd century AD. Burials]. Simferopol.

- Puzdrovskiy, A.E., Lyashuk, P.M., Masyuta, D.A., Medvedev, G.V. 2013: Okhrannye issledovaniya na gorodishche Vilino (Rassadnoe) [Rescue researches on the site of Vilino (Rassadnoe)]. In: D.N. Kozak (ed.), *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini 2012* [Archaeological researches in Ukraine 2012]. Kiev, 80–81.
- Puzdrovskiy, A.E., Medvedev, G.V., Lyashuk, P.M. 2012: Okhrannye issledovaniya na gorodishche Vilino (Rassadnoe) [Rescue Researches on the site of Vilino (Rassadnoe)]. In: D.N. Kozak (red.), *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini 2011* [Archaeological researches in Ukraine 2011]. Kiev, 104–105.
- Puzdrovskiy, A.E., Medvedev, G.V., Lyashuk, P.M. 2010: Okhrannye issledovaniya na gorodishche Vilino v 2009 g. [Rescue researches on the site of Vilino site in 2009]. In: D.N. Kozak (ed.), *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini 2009* [Archaeological researches in Ukraine 2009]. Kiev, 355–356.
- Puzdrovskiy, A.E., Medvedev, G.V., Lyashuk, P.M. 2011: Okhrannye issledovaniya na gorodishche Vilino (Rassadnoe) [Rescue researches on the site of Vilino (Rassadnoe)]. In: D.N. Kozak (ed.), *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini 2010* [Archaeological Researches in Ukraine 2010]. Kiev, 281–282.
- Puzdrovskiy, A.E., Medvedev, G.V., Lyashuk, P.M., Masyuta, D.A. 2014: Okhrannye issledovaniya na gorodishche Vilino (Rassadnoe) [Rescue researches on the site of Vilino (Rassadnoe)]. In: D.N. Kozak (ed.) *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini 2013* [Archaeological researches in Ukraine 2013]. Kiev, 71–72.
- Puzdrovskiy, A.E., Medvedev, G.V., Solomonenko, A.E., Trufanov, A.A. 2009: Okhrannye issledovaniya Alminskoy ekspeditsii v 2008 g. [2008 Rescue researches of the Alma Mission]. In: D.N. Kozak (ed.), *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraini 2008* [Archaeological Researches in Ukraine 2008]. Kiev, 248–250.
- Ruban, V.V. 1982: Magistratura agoranomiv v Ol'vii' [Post of Agoranomos in Olbia]. *Arkheologija* [Archaeology] 39, 30–40.
- Ruchynskaya, O.A. 2017: *Kul'tura i obshchestvo grecheskikh gorodov Severnogo Prichernomor'ya (VI v. do n. e. – IV v. n. e.)* [Culture and society of Greek cities of the Northern Black Sea Coast (6th BC – 4th AD)]. Kharkov.
- Shelov, D.B. 1956: *Monetnoe delo Bospora VI–II vv. do n.e* [Coinage of the Bosphorus of the 6th to 2nd centuries BC]. Moscow.
- Stolba, V.F. 2005: Hellenistic Chersonesos: Towards Establishing a Local Chronology. In: V.F. Stolba, L. Hannestad (ed.), *Chronologies of the Black Sea Area in the period c.400–100 BC*. Aarhus, 153–322.
- Tsekhmistrenko, V.I. 1971: Zametki o sinopskikh kleymakh [Notes on Sinope stamps]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 3, 67–75.
- Turovskiy, E.Ya. 2017: Khersones Tavricheskiy vo vtoroy chetverti III v. do n. e. In: D.A. Kostromichev (ed.), *Antichnye relikvii Khersonesa: otkrytiya, nakhodki, teorii. Materialy nauchnoy konferentsii 10–12 oktyabrya 2017 goda Ancient memorabilia of Chersonese: discoveries, findings, theories. Proceedings of the International Conference. Sevastopol, 17–19 September 2019*. Sevastopol, 269–275.
- Turovskiy, E.Ya. 2019: Khersones vo II v. do n. e. do Diofantovykh voyn. In: D.A. Kostromichev (ed.), *Antichnye relikvii Khersonesa: otkrytiya, nakhodki, teorii. Materialy nauchnoy konferentsii 17–19 sentyabrya 2019 goda Ancient memorabilia of Chersonese: discoveries, findings, theories. Proceedings of the International Conference. Sevastopol, 17–19 September 2019*. Sevastopol, 285–288.
- Tyurin, M.I. 2019: Raskopki antichnogo ukrepleniya Maslyanaya gora v 2018 g. [Excavations at the antique fortress of Mountain Maslyanaya in 2018] *Istoriya i arkheologiya Kryma* [History and Archaeology of the Crimea] XI, 275–286.
- Uzhentshev, V.B. 2006: *Elliny i varvary Prekrasnoy Gavani (Kalos-Limen v IV v. do n. e. – II v.*

- n. e.) [*Hellenes and barbarians of the Beautiful Harbor (Kalos-Limen in the 4th century BC – 2nd century AD)*]. Simferopol.
- Vysotskaya, T.N. 1994: *Ust-Al'minskoe gorodishche i nekropol* [*Ust-Alma settlement and necropolis*]. Kiev.
- Zaytsev, Yu.P. 1999: Skilur i ego tsarstvo (novye otkrytiya i novye problemy) [Skiluros and his Kingdom: recent discoveries and new problems]. *Vestnik Drevney Istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 128–148.
- Zaytsev, Yu.P. 2003: *Neapol Skifskiy (II v. do n. e. – III v. n. e.)* [*Neapolis Scythian (the 2st century BC to 3rd century AD)*]. Simferopol.
- Zaytsev, Yu.P. 2017: Krepost Ak-Kaya v epokhu ellinizma. In: Yu.P. Zaytsev (ed.), *Krim v epokhu ellinizma. Mezhekulturnye protsessy po dannym noveyshikh arkheologicheskikh issledovaniy* [*The Crimea in the Hellenistic period. Intercultural processes according to the recent archaeological researches*]. Simferopol.
- Zolotarev, M.I. 1979: Keramicheskie kleyma iz raskopok Severo-vostochnogo rayona Khersonesa v 1974–1975 gg. [Ceramic stamps from the excavation of the Northeastern area of Chersonesos in 1974–1975 gg.]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii* [*Brief Communications of the Institute of Archaeology*] 159, 66–73.
- Zolotarev, M.I. 1999: O vremeni stroitel'stva t.n. "kazarmy" v Khersonese Tavricheskom (po materialam keramicheskikh kleym) [The time of construction of the so-called "Barracks" in Tauric Chersonesos (based of ceramic materials)]. *Khersonesskiy sbornik* [*Chersonesos collection*] X, 70–79.

CERAMIC STAMPS AND COINS FROM VILLINO (RASSADNOE)
SETTLEMENT, THE SOUTHWESTERN CRIMEA

Gennady V. Medvedev

Institute of Crimean Archaeology RAS, Simferopol, Russia
medvedgen@gmail.com

Abstract. The article is publication of amphora stamps and coins discovered during excavations at the settlement of Vilino (Rassadnoe) in 2008–2013. Uncovered ceramic stamps belong to Sinope, Chersoneses Tauric, and Rhodes, the coins arrived from the Bosphorus and Chersoneses. Some of them were found in situ, other in disturbed layers, among casual finds or plundering dumps. Nevertheless, it is possible to correlate them with the periods of functioning and chronology of the settlement.

On the investigated areas of the site, four construction periods (ABCD) were traced: two ancient and two Late Scythian. The first period is associated with the time of functioning of the Greek fortified estate at the Chersonesos chora in the last quarter of the 4th c. to the beginning of the 3rd century BC. In the second period, after a break, the population reappears in the settlement. This takes place in the last quarter of the 3rd century BC. This is the period of recolonization, during which restructuring of the settlement is carried out. At the end of the first quarter of the 2nd century BC life in the settlement ceased. The next two periods belong to the Late Scythian Culture. However, layers and building remains of the late 2nd century BC – 1st century AD disturbed by plowing and predatory pits. The upper horizon of the settlement contains material from the 1st to 3rd centuries AD. Stamps and coins along with other archaeological material are important chronological indicators of the archaeological site in the system of the chora of Chersonesos and in the whole of Western Crimea.

Keywords: chora of Chersonese Tauric, Late Scythian Culture, stamps, coins

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2020), 128–145
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2020), 128–145
© Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-4-70-128–145

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА ХОРЕ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО В III в. до н.э. ПО ДАННЫМ ЭПИГРАФИКИ И ДИСТАНЦИОННОГО ЗОНДИРОВАНИЯ*

Т.Н. Смекалова

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт», Москва,
Россия
tnsmek@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена дальнейшему исследованию организации хоры Херсонеса Таврического. Делается вывод о том, что херсонесская система размежевания, имеющая в своей основе аруру, очевидно, восходит к египетским землемерным канонам. Квадрат из 16 арур составлял другой важнейший модуль, гекаторюг – гражданский земельный надел. Оба модуля использовались по всей территории Херсонесского государства (на ближней хоре на Гераклеяском полуострове и на дальней хоре в Северо-Западном Крыму), однако нигде более в греческом мире не зафиксировано их применения для деления земли на участки. В надписи IOSPE I² 403 приводятся площади участков, выраженные в гекаторюгах, арурах и в плантажных рядах, равных 1/16 аруры. Проведенный анализ характера надписи IOSPE I² 403 совместно с дешифровкой архивных аэрофотоснимков хоры на Гераклеяском полуострове позволил установить, что надпись являлась кадастровой переписью виноградников в приморской части Гераклеяского полуострова, закрепляющей права наследной аренды этих земель. Надпись IOSPE I² 403 является ценнейшим документом, отражающим важные перемены, произошедшие с хорой и херсонесским обществом на рубеже IV–III вв. до н.э. К началу III в. до н.э. первоначальная структура хоры Херсонеса, отражающая социальное равенство граждан-первопоселенцев, сменилась на крупные частные владения-виноградники, что знаменовало превращение виноградарства в товарную отрасль, контролируемую государством. В III в. до н.э. система организации херсонесских наделов изменилась вследствие перемен в полисном равенстве граждан, что отразилось в расширении частного землевладения в ущерб прежней коллективной земельной собственности.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, Гераклеяский полуостров, хора, херсонесская надпись IOSPE I² 403, архивные аэрофотоснимки, гекаторюг, гражданский надел, единицы измерения площади, арура, плантажные ряды

Данные об авторе: Смекалова Татьяна Николаевна – доктор исторических наук, заведующий отделом естественнонаучных методов в археологии Крыма НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-40037-Древности «Неопубликованное научное наследие и современные исследования хоры Херсонеса Таврического».

Гекаторюг = 209,4 м × 209,4 м

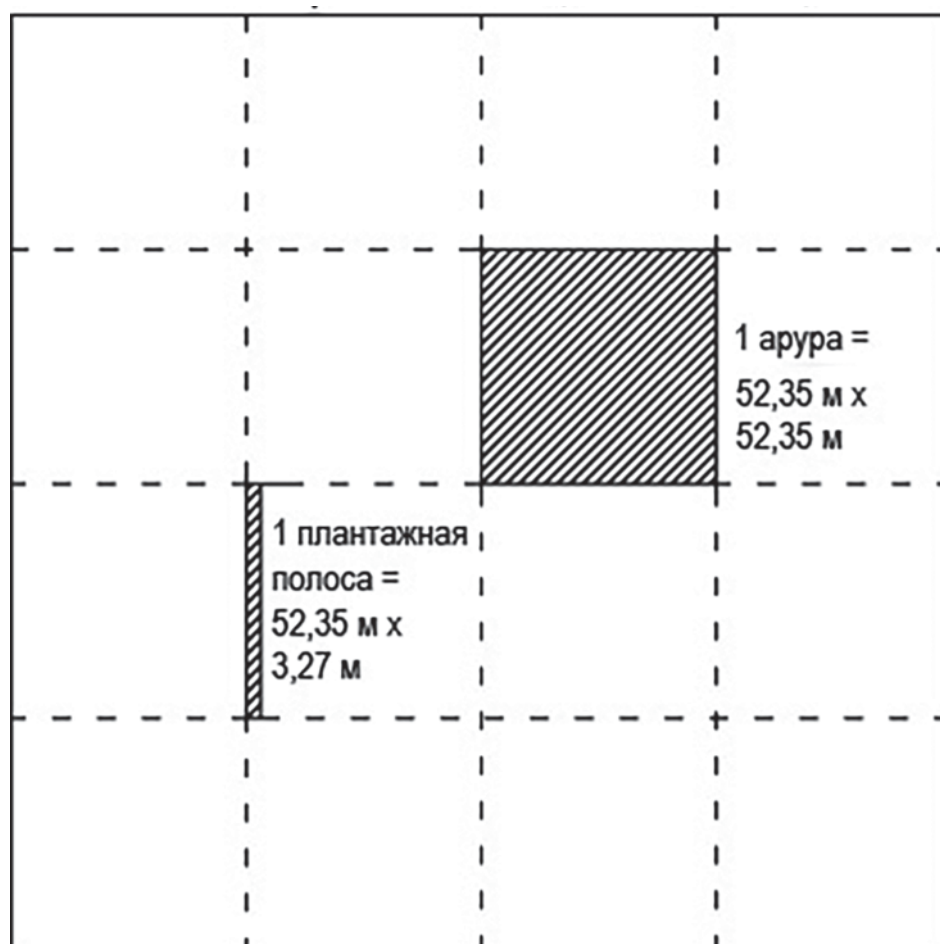

Рис. 1. Соотношение между тремя модулями (гекаторюгом, арурой и плантажным рядом), образующими метрологическую систему, применявшуюся на хоре Херсонеса Таврического

Fig. 1. The relationship between the three modules (hectorygos, arura and plantation row), forming the metrological system used in the chora of Tauric Chersonesos

Благодаря усилиям нескольких поколений ученых удалось вплотную подойти к решению вопроса об основных единицах измерения площадей и принципах размежевания хоры Херсонеса Таврического. Наибольший вклад в данной области внесли Н.М. Печенкин, В.П. Лисин, С.Ф. Стржелецкий, Г.М. Николаенко¹. Изучение детальной аэрофотосъемки 1940-х гг. позволило впервые соединить термин «гекаторюг» с понятием «единичный гражданский надел» и показать их

¹ Печенкин 1911; Лисин 2019; Стржелецкий 1961; Николаенко 1999. См. полную библиографию вопроса в: Смекалова, Терехин, Пасуманский 2018, 306–310.

тождественность, а также уточнить величину гекаторюга, равную квадрату со стороной в 209,4 м (100 оргий), или 16 арур². На основании совместного изучения известной херсонесской надписи IOSPE I² 403 (с дополнениями) и архивных аэрофотоснимков блоков участков хоры было доказано, что основными стандартными модулями херсонесского размежевания были гекаторюги и аруры, а в случае разбивания виноградников также и плантажные ряды³. Наиболее крупная величина – гекаторюг – равнялась 16 арурам. Арура при устройстве виноградников делилась на 16 плантажных рядов (рис. 1).

В данной работе ставится задача дальнейшего изучения системы размежевания Херсонеса Таврического и имеющей к ней самое непосредственное отношение херсонесской надписи IOSPE I² 403 (с дополнениями), поиска параллелей этим выдающимся памятникам и, на основе этого, освещения важных аспектов социально-экономической истории античного полиса и его хоры.

ЕДИНИЦЫ ИЗМЕРЕНИЯ И ПОСТРОЕНИЯ УЧАСТКОВ

Геометрической основой херсонесской системы межевания являлась арура – квадратный модуль, из них была построена вся система участков. Арура предстает в виде мелких клеток, на которые расчерчена, как ученическая тетрадь, вся хора Херсонеса Таврического (рис. 2). Квадрат из 16 арур составлял другой важнейший модуль, гекаторюг – единичный земельный надел. Более крупный модуль, очевидно, потребовался для размежевания такой обширной территории, как Гераклеяский полуостров площадью более 10 000 га. Оба модуля уверенно используются по всей территории Херсонесского государства (на ближней хоре на Гераклеяском полуострове и на дальней хоре в Северо-Западном Крыму)⁴, однако нигде более в греческом мире не зафиксировано их применения для деления земли на участки.

В отличие от Херсонеса, общепринятой греческой мерой измерения длины и площади был плетр⁵. Эта единица упоминается в письменных источниках со времен Платона (Plat. Alc. I. 1. 123c; Tht. 174e.) и Демосфена (Dem. XX. 115). Об употреблении плетра в Северном Причерноморье может косвенно свидетельствовать отрывок из Страбона (Strab. VII. 3, 19), хотя в нем упомянут только линейный плетр. Многие греческие лапидарные надписи, касающиеся сделок с земельной собственностью, иллюстрируют систему измерения площадей участков именно в плетрах⁶. При непосредственном метрическом изучении античной системы межевания IV в. до н.э. колонии Пароса, в Средней Хорватии на острове Хвор, в Староградской долине был также выявлен плетр в качестве основной единицы построения сетки земельных наделов⁷.

² Смекалова, Терехин, Пасуманский 2018, 317. Арура – квадрат со стороной в 100 локтей (или 52,35 м).

³ Смекалова 2019, 69.

⁴ Смекалова 2013; Смекалова, Кутайсов 2014; Smekalova, Bevan, Chudin, Garipov 2016.

⁵ Плетр равен квадрату со стороной в 100 футов, то есть примерно 35 м.

⁶ Tod 1911–1912, 102; Habich 1976; Андреев 1959, 125, 126.

⁷ Slapšak, Stančić 1999.

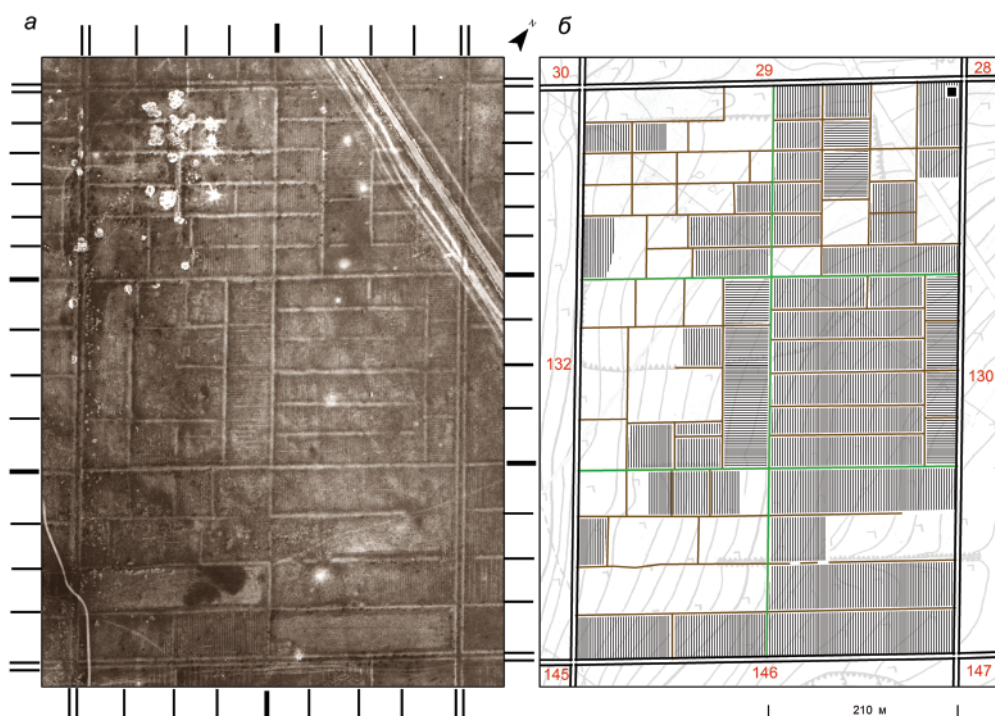

Рис. 2. Хора Херсонеса Таврического. Блок участков 131. а – Деление блока на мелкие квадраты – аруры и крупные квадраты – гекаторюги, равные 16 арурам. Аэрофотография 6 мая 1943 г. из собрания NARA II. GX 2356sd/52. б – Чертеж внутреннего межевания на фоне рельефа местности

Fig. 2. Chora of Tauric Chersonesos. Block of plots 131. a – Division of the block into small squares – arouras and large squares – hectorygoi, equal to 16 of arouras. Aerial photograph from May 6, 1943, from the collection of NARA II. GX 2356sd / 52. b – Drawing of internal land division on the background of the terrain

В отличие от Греции, арура как главная единица измерения площади повсеместно применялась в Египте, где она была известна с глубокой древности, начиная еще с рубежа третьей и четвертой династий⁸. В Египте все земельные расчеты, записанные на папирусах, основывались только на аруре и ее мельчайших фракциях (вплоть до $1/32$), получающихся путем последовательного деления на 2⁹.

⁸ Египетское название аруры – сечат. Арура упоминается в биографической надписи древнеегипетского вельможи Мечена (рубеж III и IV династий), а также появляется в настенной росписи гробниц в Анибе, в Нубии в эпоху Древнего царства (Lyons 1908, 36).

⁹ Например, среди папирусов из архива Зенона в так называемой топографической съемке 3 приводятся площади как стандартных клеров в 100 арур для осевших в III в. до н.э. в Крокодилополисе в Файюмском оазисе греческих кавалеристов, так и других участков, сильно различающихся по размеру. Их площади измерены очень точно, вплоть до 32-й доли аруры, например, 23 целых и $5/32$ аруры; 96 целых и $13/16$ аруры. Некоторые земельные владения весьма велики и достигают величины 250 целых и $29/32$ аруры (Monson 2012, 10–11).

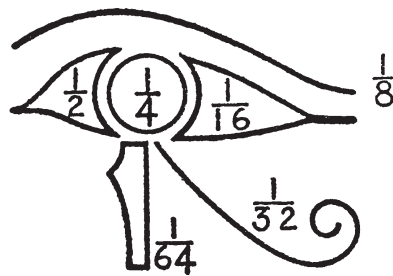

Рис. 3. Деление глаза египетского бога Хора на части от $1/2$ до $1/64$
 Fig. 3. The division of the eye of the Egyptian god Horus into parts from $1/2$ to $1/64$

Классические авторы единодушно приписывают изобретение геометрии древним египтянам. По словам Геродота, поврежденные ежегодными разливами Нила границы наделов требовали восстановления, что довело землемерное искусство египтян до совершенства (Hdt. II. 109). Именно от египтян греки переняли науку геометрию. У Геродота сохранились сведения о египетской мере площади, выраженной греческим словом «арура» и о ее величине (100×100 египетских локтей)¹⁰.

Таким образом, херсонесская система размежевания, имеющая в своей основе аруру, очевидно, восходит к египетским канонам. В связи с этим возникает вопрос: каковы были предпо-

сылки заимствования этой египетской единицы измерения площади в Херсонесе Таврическом? Хотя поиск ответа выходит за рамки предлагаемой статьи, мы можем предположить, что египетское влияние на меры площади и землемерные принципы проникли в Херсонес Таврический через Малую Азию и херсонесскую метрополию – Гераклею Понтийскую, однако на сегодняшний день нам ничего не известно о том, какими единицами измерения земельных участков пользовались в Гераклее. Известно только, что египетская система мер вошла в строительную практику малоазийских греков и существовала параллельно собственно аттическим стандартам¹¹.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЕ ПОЛОВИННЫЕ ДОЛИ УЧАСТКОВ

В надписи IOSPE I² 403 приводятся точно измеренные площади участков, выраженные в гекаторюгах и их частях, получающихся от простого последовательного деления гекаторюга на 2 ($1/2$, $1/8$, $1/16$). Наиболее мелкой долей деления гекаторюга ($1/16$) являлась арура, для которой в надписи используется специальный символ (𐀀)¹². В свою очередь арура делилась тоже на 16 частей, и наиболее мелкой долей являлся один плантажный ряд виноградника.

В древнегреческой практике подобного использования фракций, получившихся от последовательного деления на 2, мы не встречаем. Но зато именно такой вид деления известен нам по многочисленным папирусным документам, в которых размеры участков зафиксированы от целых арур до ее половинных долей вплоть до $1/32$ ¹³. Фракции, образованные последовательным делением на 2, являлись наиболее древними, о чем говорят как примитивность подобного метода деления, так и один из древнейших египетских мифов об оке Хора, бога в человеческом об-

¹⁰ Hdt., II 169. Слово «арура» греческого происхождения, оно значило «поле».

¹¹ Буйских 1998, 67.

¹² Знак «𐀀» в греческих текстах мог в разных городах обозначать разные понятия: драхму, иногда, но редко, число «100» (Tod 1911-1912, 109, 113, 115, 116, 118, 123, 124). В Херсонесе этим символом обозначали 1 аруру, равную $1/16$ доли гекаторюга.

¹³ Многие примеры измерения площадей участков вплоть до мельчайших долей в $1/32$ аруры приведены в работе Д. Кроуфорд (Crawford 1971, 13, 44, 83, 147, Tabl. III, VI, XV, XVIII).

лике с соколиной головой. Каждая из шести частей этого ока, как известно, представляла доли 1/2, 1/4, 1/8, 1/16, 1/32 и 1/64 и использовалась в иероглифическом способе написания для передачи соответствующих долей¹⁴.

В херсонесской надписи IOSPE I² 403 наименьшей учитываемой долей участка являлась полоса, равная 1/16 аруры, что было, очевидно, связано с местными природными условиями Гераклеийского полуострова и метода устройства на нем виноградников. Наиболее частые плантажные ряды виноградников, которые мы наблюдаем на аэрофотоснимках и непосредственно визуалью по всей хоре, имели размеры примерно 3,28x52,35 м или 1/16 аруры. Это говорит о том, что построение виноградников на хоре Херсонеса было строго стандартизировано, и величина одного плантажного ряда была своего рода константой. В одной аруре было всегда не более 16 плантажных рядов виноградника. Если хозяину участка нужно было устроить более редкий плантаж, например, для посадки фруктовых деревьев, он пропускал один или несколько (до четырех) плантажных рядов, но всегда расстояние между стенками на участке было кратно стандартному плантажному ряду¹⁵.

КАДАСТРОВАЯ ТОПОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСЬ

Для того чтобы правильно определить сам характер документа IOSPE I² 403, нам опять придется прибегнуть к поиску египетских параллелей. Но прежде всего напомним, что надпись IOSPE I² 403 с дополнениями представляет собой высеченный на обеих сторонах мраморной плиты текст, содержащий, в основном, перечень имен владельцев (иногда с патронимиками, иногда без них) и площадей участков¹⁶. Надпись на стороне «А» имела продолжение на оборотной стороне и поэтому должна рассматриваться как единый документ, имеющий окончание на стороне «В». Список завершается перечислением государственных чиновников, ответственных за его составление.

По поводу характера надписи среди исследователей нет единого мнения. Первоначально она рассматривается как акт купли-продажи земельных участков¹⁷. Много в понимании надписи изменилось после того, как Э.И. Соломоник и Г.М. Николаенко совершенно правильно определили, что числа в надписи выражают не стоимости, а площади участков в гекаторюгах¹⁸. Ю.Г. Виноградов и А.Н. Щеглов привели целый ряд примеров других греческих надписей по аренде общественных или храмовых земель, близких по содержанию исследуемому херсонесскому документу, на основании чего определили последний как «*кадастр* [курсив наш – Т.С.] земельных участков, выделенных из общественного (менее вероятно, из храмового) фонда и отданных в аренду частным лицам»¹⁹.

По нашему мнению, после того как было доказано, что числа в документе выражают площади участков, а не их стоимости, вряд ли можно трактовать над-

¹⁴ Gardiner 1976, 197.

¹⁵ Смекалова 2019, 66–68, рис. 6.

¹⁶ Соломоник, Николаенко 1990, 88–89.

¹⁷ Латышев 1892, 21, 22; Блаватский 1953, 29, 34, 35; Стрелецкий 1961, 53, 54.

¹⁸ Соломоник, Николаенко 1990, 84–87.

¹⁹ Виноградов, Щеглов 1990, 364–366.

пись как акт купли-продажи наделов. Действительно, в силу различий в качестве земель стоимости их покупки могли сильно отличаться от места к месту и обязательно должны были быть указаны рядом с площадями покупаемых участков, чего мы в документе не видим. Во всех актах купли-продажи земли и в Аттике, и в Египте всегда указываются имена покупателя или арендатора, продавца, размер участка и его стоимость²⁰. Ничего этого нет в нашей надписи, где, в основном, перечисляются только имена и площади участков. Главной целью составления такого документа следует назвать упорядочение имущественных отношений на хоре, участки на которой теперь закреплялись за владельцами в виде наследной аренды.

Этот вывод согласуется с мнением С.Ю. Сапрыкиным о том, что во второй половине III в. до н.э. возникла необходимость в создании «земельного кадастра, предусматривавшего новое размежевание земли для перераспределения участков между платежеспособными гражданами, прежде всего, из средних слоев – опоры демократического строя. Владеть земельным участком теперь можно было только не правах аренды»²¹. Надпись IOSPE I² 403 с дополнениями, вероятно, закрепляет такое право наследной аренды и является кадастром прибрежной части Гераклеяского полуострова, в котором запечатлен результат перераспределения земли в рамках уже существующей межевой системы.

В греческом мире примеров полнотекстовых кадастровых записей немного, так как основным маркированием пределов участков были пограничные камни (*χοροί*)²². В качестве примеров подробных греческих кадастров можно привести два документа. Первый – текст, высеченный на мраморной плите начала II в. до н.э. из фессалийской Ларисы, очень близкий по содержанию к херсонесскому акту²³. Второй – позднеантичный документ, относящийся к киприотскому городку Литтос, по мнению издателей, также являющийся кадастровой записью²⁴.

Кроуфорд считает, что для классической и эллинистической Греции кадастровые записи нехарактерны²⁵, по крайней мере, в тех масштабах, в каких подобные документы существовали в Птолемеевском Египте. По мнению Д. Кроуфорд, регулярные землемерные съемки с указанием площадей участков и имен их держателей являются обычными для бюрократической машины такого высокоорганизованного государства, каким был Древний, а затем и Птолемеевский Египет. Данные, которые приводит Д. Кроуфорд, несмотря на некоторое хронологическое несовпадение с документом IOSPE I² 403 и, конечно, очевидную разницу в статусе полисных земель Херсонеса и царских земель в Египте, важны для понимания смысла нашей надписи и раскрывают некоторые стороны организации как хоры.

Д. Кроуфорд делит все съемки на топографические (*κατά περίχωμα*) и на списки держателей земли и выращиваемых культур. Первый вид документов основывался на непосредственно топографических съемках, проводившихся по географическому принципу от одного земельного владения к другому. Основными составляющими топографических съемок являлись: 1) пространственная ориен-

²⁰ Tod 1911-1912, 103; Андреев 1959, 125–127.

²¹ Сапрыкин 2017, 104.

²² Андреев 1959, 124; Crawford 1971, 8.

²³ Habich 1976.

²⁴ Chaniotis 1989.

²⁵ Crawford 1971, 7.

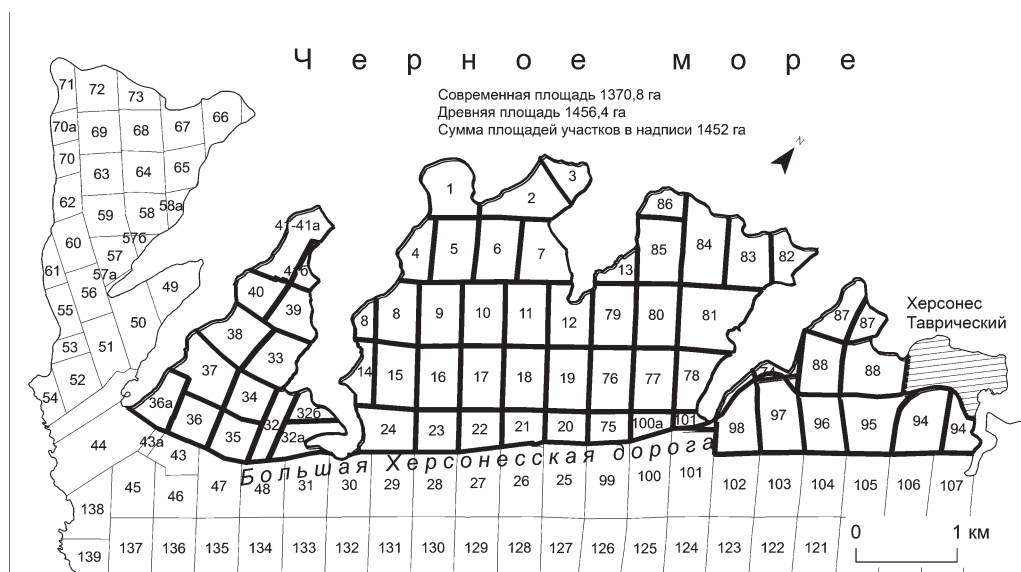

Рис. 4. Схема межевания северной приморской части Гераклейского полуострова по данным архивной аэрофотосъемки 1940-х годов. Площадь участков, выделенных жирными линиями, соответствует суммарной площади, упомянутой в надписи IOSPE I² 403 на стороне А. Вверху указаны современная и предполагаемая древняя площадь выделенной территории, а также величина суммарной площади из надписи

Fig. 4. Scheme of land division of the northern coastal part of the Heracleean Peninsula according to archival aerial photography of the 1940s. The area of the plots highlighted in bold lines corresponds to the total area mentioned in the IOSPE I² 403 inscription on side A. The current and estimated ancient area of the allocated territory, as well as the total area from the inscription, are indicated at the top

тировка по сторонам света или относительно предыдущих участков, 2) имена держателей наделов, 3) площади участков. Ко второму виду кадастровых записей относятся списки земель, в которых данные систематизированы по административным категориям и выращиваемым культурам, а также по взимаемым налогам. Фискальные цели явно преобладают в подобных отчетах²⁶.

Очевидно, что херсонесская надпись IOSPE I² 403 обладает всеми признаками кадастровой съемки первого типа, то есть топографической (κατὰ τοῦ ὅρου). Анализ этой надписи и межевой системы Херсонеса показывает, что в ней последовательно и методично описывались все участки, входящие в состав конкретных достаточно больших территорий²⁷. Площади участков отдельных владельцев описывались, очевидно, «поблочно», то есть в пределах каждого блока, ограниченного со всех сторон транспортными дорогами или дорогами и каким-то природным препятствием, скорее всего, берегом моря. Имена граждан повторяются вместе с величинами участков столько раз, в скольких блоках находились их владения. Затем подводится итог в виде малых парциальных сумм площадей, возможно, по

²⁶ Crawford 1971, 10-11, 15-18.

²⁷ Смекалова, Терехин 2018а, 314.

рядам блоков, ограниченных поперечными дорогами, являвшимися, как мы показали ранее, главными осями межевания на всей территории, кроме Маячного полуострова, и морскими берегами²⁸. На Маячном полуострове главными дорогами были продольные, проложенные вдоль естественной оси²⁹, и описание участков велось, очевидно, вдоль этих дорог.

В конце всех перечислений на обеих сторонах стелы приводятся две большие общие суммы площадей каких-то крупных территорий.

Благодаря присутствию в надписи IOSPE I² 403 точных величин больших суммарных и малых парциальных площадей и длинному сохранившемуся ряду последовательного перечисления величин отдельных участков, стало возможным, путем сопоставления со схемой межевания, построенной по аэрофотоснимкам, установить, что в надписи речь идет о северной приморской территории от стен Херсонеса до Маячного полуострова включительно³⁰. Первая большая итоговая сумма площадей (на стороне А) соответствует участкам от Херсонеса до Срединного полуострова включительно (рис. 5), вторая (на стороне В) – площади Маячного полуострова (рис. 6). Северные приморские территории, по мнению многих ученых³¹, были размежеваны первыми и из-за этого стояли на хоре особняком, а также, возможно, всегда имели некий особый статус. Здесь же, как мы это видим на архивных аэрофотографиях, находилась зона сплошного виноградарства³². Именно эти виноградники и перечисляются в надписи IOSPE I² 403, и цель этого учета, очевидно, состоит в установлении точной величины арендной платы с каждого участка сообразно его площади. Поэтому мы считаем, что данная надпись является результатом кадастровой съемки северной приморской части Гераклеяского полуострова, проведенной по географическому принципу, и речь в ней идет, вероятно, о наследном виде аренды общественной земли.

ИЗМЕНЕНИЕ В СТРУКТУРЕ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ХЕРСОНЕСЕ

По мнению Ю.Г. Виноградова и А.Н. Щеглова³³, особый, военизированный, склад дорийского общества наложил отпечаток и на способ освоения гераклеотами новых земель, в том числе при выведении колонии Херсонес Таврический. Колонисты сразу же обязаны были решать и военную, и хозяйственную задачи. В связи с этим широкомасштабная операция по размежеванию земель должна была способствовать как обеспечению пропитания граждан и их семей, так и возможности их самоэкипировки на случай военных действий. Военно-демократические принципы государства нашли яркое отражение и в организации межевания херсонесской ближней хоры, которая первоначально вся была поделена на равные (возможно, наследственные) участки-гекаторюги, сблокированные по четыре, а затем, при тотальном размежевании Гераклеи, по шесть единичных участков, что, воз-

²⁸ Смекалова, Терехин, Пасуманский 2018, 314.

²⁹ Щеглов 1993, 27.

³⁰ Смекалова, Терехин 2018а, 95–103.

³¹ Печёнкин 1911, 122–126; Стржелецкий 1961, 29–43; Щеглов 1993; Сапрыкин 2017, 60–63.

³² Terekhin, Smekalova 2019.

³³ Виноградов, Щеглов 1990, 369–370.

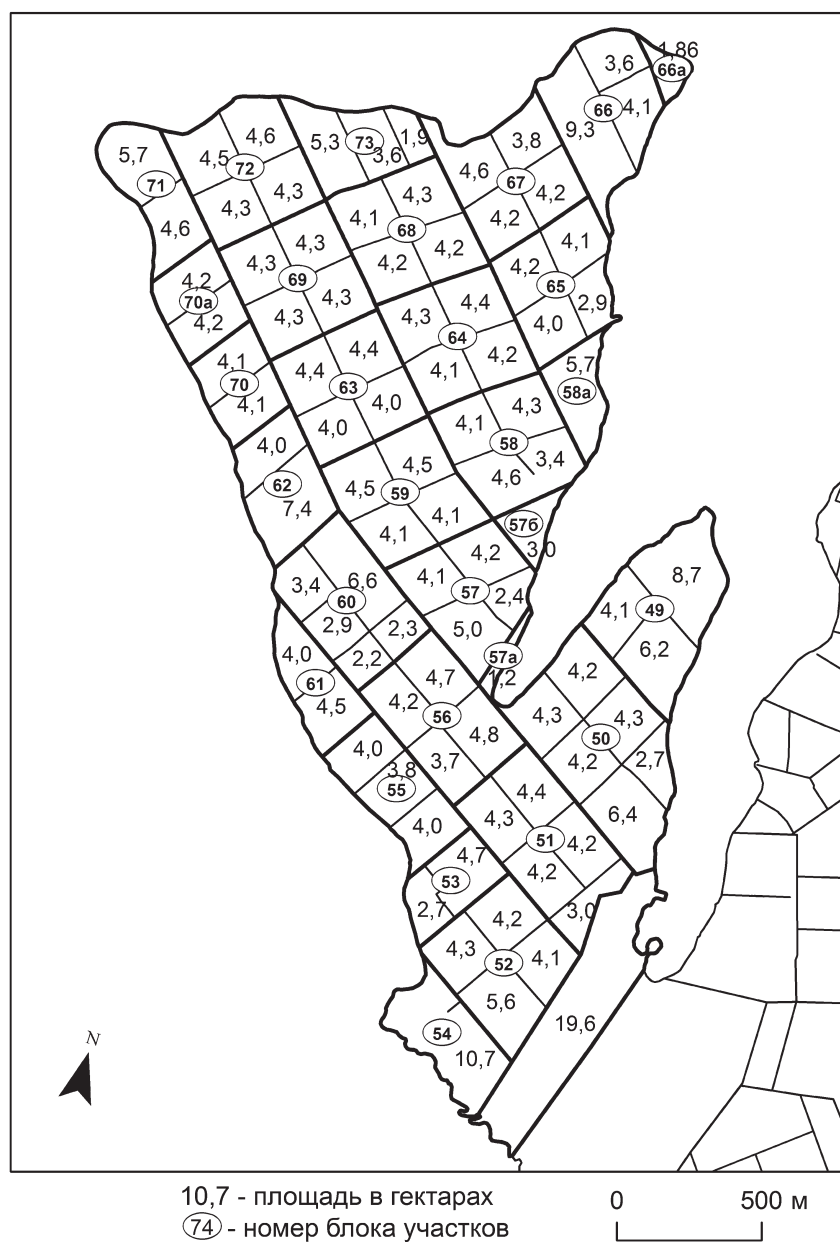

Рис. 5. Маячный полуостров. Схема деления на блоки участков, построенная по данным аэрофотоснимков. Числами в овалах указаны номера блоков, другие числа указывают площадь каждого участка в га. Жирными линиями показано деление на блоки, тонкими – внутриблочное деление

Fig. 5. Mayachnyi Peninsula. The scheme of division into blocks of plots, built according to aerial photographs. The numbers in the ovals indicate the block numbers, the other numbers indicate the area of each plot in ha. Bold lines indicate the division into blocks, thin - intra-block division

можно, отражало структуру организации общества херсонеситов и их распределение по гекатоссиям (сотням)³⁴. Вся размежеванная земля принадлежала полису, поэтому граждане, хотя и владели участками, но на ограниченной основе: земля не могла быть продана или передана во владение не гражданину данного полиса.

Впрочем, как мы видим из надписи IOSPE I² 403 и из самой изменившейся структуры наделов на архивных аэрофотографиях, уже к началу III в. до н.э. первоначальная система деления участков на равные наделы была в значительной степени нарушена, особенно в северной, прибрежной части Гераклейского полуострова. Именно здесь, судя по архивным аэрофотографиям, находились сплошные виноградники, занимающие иногда площадь всего блока³⁵ или, как мы знаем из надписи IOSPE I² 403, намного превышавшие площадь одного блока и находившиеся в разных частях хоры. Очевидно, возникла острая необходимость в точной кадастровой съемке, так как иначе проследить принадлежность участков тому или иному владельцу стало затруднительно.

Теперь уже не приходится говорить о равенстве гражданских наделов: в надписи перечисляется всего 8 единичных наделов-гекаторюгов³⁶. Наиболее крупные участки, судя по надписи, находились, вероятно, на Маячном полуострове. Так, землевладение Пасихара составляло более 22 гекаторюгов или 96 га. У Проматия, сына Дионисия, был тоже очень большой участок, составляющий более 20 гекаторюгов или 91 га, у какого-то неизвестного, сына Нанона, – участок более 11 гекаторюгов (48 га) (см. табл. 1). Учитывая, что Маячный полуостров, по мнению многих исследователей, был размежеван первым еще в середине IV в. до н.э., неудивительно, что именно на нем были сосредоточены крупные владения наиболее влиятельных граждан-первопоселенцев. Также весьма значительные наделы были и на территории Срединного полуострова, например, Притана (более 10 гекаторюгов или 45 га) и Гераклида (более 4 гекаторюгов или 18 га).

Виноградная отрасль стала приносить большую прибыль, которая определялась как потреблением производимого продукта самими херсонеситами, так и широтой винного рынка в Таврике, о чем красноречиво говорят нарративная традиция³⁷ и обильный амфорный материал, находимый повсеместно на поселениях местных племен.

Таким образом, примерно к началу III в. до н.э. первоначальная структура хоры Херсонеса, отражающая социальное равенство граждан-первопоселенцев, сменилась на крупные частные владения-виноградники, что знаменовало превращение виноградарства в товарную отрасль, контролируемую государством. Этот переход может быть точно датирован началом массового производства и клеймения амфор в Херсонесе в третьей четверти IV в. до н.э.³⁸ Об этом и свидетельствует кадастровая запись IOSPE I² 403, созданная с главной целью – упорядочить имущественные отношения относительно разросшихся и значительно отличающихся между собой по площадям частных виноградников³⁹. Не исключено, что

³⁴ Сапрыкин 2017, 96.

³⁵ Смекалова, Терехин 2019, 322–323, рис. 7–8.

³⁶ Смекалова, Терехин 2018а, 94–95.

³⁷ Например, известная новелла Геродота о Скиле (Hdt. IV. 78–80).

³⁸ Монахов 1989, 94.

³⁹ Возможно также, что этот документ закреплял право собственности на некоторые виноградники, которые могли освободиться из-за произошедшей смуты и изгнания собственников, о которых

данная надпись служила для взимания арендной платы государством сообразно с площадью виноградника. Пока наделы были равны и служили для содержания граждан-воинов, сбора арендной платы с них, возможно, не требовалось. Но когда участки настолько разрослись, что они стали массово поглощать соседние гражданские наделы, межевая система перестала нести функцию самообеспечения армии, государству, вероятно, потребовалось ввести арендную плату с виноградников для поддержания как армии, так и всей полисной системы.

В Херсонесе в III в. до н.э. мы можем проследить расцвет виноградарства, поставленного на научную основу. Повсеместно были созданы плантажи, построенные по особой единой методике, с учетом природных особенностей Гераклейского полуострова («мозаичности» почвенного покрова, слоистой структуры известняков, выходящих на поверхность). Греки полностью изменили ландшафт, создав новую экосистему, подчиненную нуждам интенсивного сельского хозяйства и, в первую очередь, виноградарству. Способ сооружения виноградников был стандартизирован и включал разделение каждого квадрата-аруры на длинные узкие полосы шириной в 1/16 стороны квадрата (стандартные плантажные ряды), выборку верхнего слоя скалы на половине продольной полосы до глинистого слоя и укладку рушеного камня на вторую половину плантажной полосы. Таким образом получались плантажные стены, в промежутки между которыми насыпалась плодородная земля. Направление стен определялось розой ветров, ориентировкой падения склонов и их освещенностью. Часто устраивались ветрозащитные полосы из деревьев⁴⁰. В случае посадки садов или отдельных деревьев, поддерживающих виноградные лозы, сооружался более редкий плантаж, однако всегда расстояние между стенками было кратно целому числу плантажных рядов. Труд специалистов-виноградарей был очень востребован и, вероятно, хорошо оплачивался. По крайней мере, таким мастерам ставили дорогие посмертные стелы, часто изображающие орудие виноградаря – нож специфической округлой формы.

ВЫВОДЫ

Итак, найденные египетские параллели как в характере документа IOSPE I² 403, так и в использовании аруры и ее последовательных половинных фракций как единиц измерения площадей земельных участков на херсонесской хоре, позволили нам высказать предположение, что эта надпись является топографической переписью виноградников и их владельцев в северной прибрежной части Гераклейского полуострова. Данная надпись была, очевидно, составлена для закрепления прав граждан на их участки, переданные им в наследный вид аренды.

Надпись IOSPE I² 403 является ценнейшим документом, отражающим важные перемены, произошедшие с хорой и херсонесским обществом на рубеже IV–III вв. до н.э. От первоначального деления на равные участки-клеры осталась лишь небольшая часть, большинство виноградников уже не соответствовало единичным гражданским наделам. В начале III в. до н.э. система организации херсонесских наделов изменилась вследствие перемен в полисном равенстве граждан, что отразилось в расширении частного землевладения в ущерб прежней коллективной земельной собственности.

говорят херсонесская Присяга и фрагмент надписи о политических изгнанниках (Соломоник 1984).

⁴⁰ Стржелецкий 1961, 68–76.

Таблица 1. Имена граждан и величины их земельных участков (по IOSPE I² 403)

№	Имена владельцев участков	Минимальная площадь участков	Суммарная площадь участков каждого владельца, га
1	Α]πολλό[δωρος?] Α]πολλο[дор(?)]	2 аруры 15 земельных локтей (?0,59 га)	?0,59
2	Прот	13 арур 15(?)плантажных рядов (3,82? га)	3,82?
3	Ἡ[ρ]ακ[λειδ]ας Гера[клид]	4 гекаторюга 2 аруры (18,09 га)	18,09
4	Πρύτανις Притан	3 гекаторюга 12 арур (16,44 га) + 6 гекаторюгов 5 арур (27,68 га). + (?)5 арур (?1,37 га)	45,49 +
5	Ἡρόστρατος Ἀριστολ[όχου] Герострат, сын Аристол[о] [ха]	?	
6	Π]ολύαρ[χο]ς Γέροντ[ο]ς Π олиарх, сын Геронта	1 гекаторюг 1 арура 15 земельных локтей (4,70 га), + ?	4,70 +
7	Ἄρτεμ	(?)1 гекаторюг 4 аруры (?5,48 га)	?5,48
8	Νυ[μ]φοδώρου Нимфодор	?	
9	Λυσίστρ[ατο]ς Εὐδρό[μο] Лисистр[ат], сын Евдрома	2 гекаторюга (8,77 га)	8,77
10	Ξάνθος Θεοκῦδεο[ς] Ксанф, сын Теокида	5 гекаторюгов (21,92 га) + ?	21,92 +
11	Ἡρόφι[λος] Π]ομαθίδα Герофи[л, сын Пр]оматида	1 гекаторюг (4,38 га), + 5 гекаторюгов 1 арура (?) (22,20 ? га)	26,58 +
12	Ὑμνος Σκύθα Гимн, сын Скифа	4 гекаторюга (17,54 га) ?	17,54 +
13	[Σώμ]ριτος Διοσ[κουρίδα] [Сокр]ит, сын Диос[курида]	1 гекаторюг (4,38 га)	4,38
14	Θεοκλῆς Θεογέν[ε][ος] Теокл, сын Теогена	1 гекаторюг (4,38 га)	4,38
15	[Δωρ]ώ?νδα [такой-то, сын Доро]нда	1 гекаторюг (4,38 га)	4,38
16	Αὐτοκλῆς Αὐτο[κλέος?] Автокл, сын Авто[кла (?)]	1 гекаторюг (4,38 га)	4,38
17	[---ω]ν Πασίωνος - -]н, сын Пасиона	2 гекаторюга (8,77 га)	8,77
18	Ἰκας Ἡρα[κλειδα] Икас, сын Гера[клида]	1 гекаторюг (4,38 га)	4,38
19	Πα]ρθέnius Αριστογέν[ε] [ος Па]рфений, сын Аристогена	1 гекаторюг (4,38 га)	4,38
20	Νικασίτιμος Νικασίτιμου Никаситим, сын Никаси- тима	3 гекаторюга (13,15 га)	13,15
21	Βάκис Ῥίνια Бакис, сын Риния	3 гекаторюга (13,15 га)	13,15

22	----- Δ]ωρώ]νδα такой-то, сын] Доронда	1 гекаторюг (4,38 га)	4,38
23	Πίτθιος Νικασιτίμου Питий, сын Никаситима	2 гекаторюга (8,77 га)	8,77
24	-----]ος Νικανорος такой-то], сын Никанора	1 гекаторюг (4,38 га)	4,38
25	Ἐλ<π>ίνικος Элпиник	12(?) арур (3,29? га)	3,29?
26	Ἀφαιστόδωρος Гефестодор	[1]5 плантажных рядов (?0,26 га), + ? + 5 арур 15 плантажных полос (1,63 га), + [...]15 плантажных рядов (?0,26 га), + ? + 4 аруры 10 плантажных рядов (1,26 га)	3,41 +
27	[Αὐ]το<κ>ράτωρ [Αв]тократор	9 арур 5 плантажных рядов (2,55 га)	2,55
28	Ἡρόστρατος Герострат	? + 2 аруры 15 плантажных полос (0,80 га), + [...] 4 аруры (1,1 га), + 2 аруры 15 плантажных рядов (0,80 га).	2,70 +
29	[Ἡ]ρακλείδας Гераклид	огражденный (участок?) + (?)4 гекаторюга 10 арур (?) (?20,27 ? га), + ?	?20,27 ? +
30	Προμ[α]θ<ι>ων Проматий, сын [Дио]ни[сия]	? + 5 гекаторюгов 4 аруры 12 плантажных рядов (23,23 га), + 15 (?) гекаторюгов (65,77 ? га)	91,70 +
31	[Ν]άνωνος такой-то, сын] Нанона	11 гекаторюгов 1 арура (48,51 га)	48,51
32	Νικάνω[ρ] Никанор, [сын - -]	9 арур (?2,47 га)	?2,47
33	[----- Καλλι?] ἄδα [такой-то, сын Кали(?)]ада	1 гекаторюг 10 арур (7,13 га)	7,13
34	Πασιχάρης Пасихар	22 гекаторюга(?) 1 плантажный ряд (?96,48 га)	?96,48
35	Λεύκω[ν] Левко[н]	?	?
36	Θ]ερίτ[ης Т]ерит?	?	?

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев, В.Н. 1959: Размеры земельных участков в Аттике в IV в. до н.э. *ВДИ* 2, 121–146.
- Блаватский, В.Д. 1953: *Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья*. М.
- Буйских, А.В. 1998: Еще раз о херсонесском гекаторюге. *РА* 1, 65–70.
- Виноградов, Ю.Г., Щеглов, А.Н. 1990: Образование территориального Херсонесского государства. В сб.: Е.С. Голубцова (ред.), *Эллинизм: экономика, политика, культура*. М., 310–371.
- Латышев, В.В. 1892: *Древности Южной России: Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889–1891 годах*. С объяснениями В.В. Латышева. СПб. (Материалы по археологии России, 9).
- Лисин, В.П. 2019: *Античные хозяйства в районе Камышевой бухты (I–IV в.): дисс. на соиск. степ. канд. ист. н.* Севастополь.
- Монахов, С.Ю. 1989: *Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н. э. Опыт системного анализа*. Саратов.
- Николаенко, Г.М. 1999: Херсонес Таврический и его хора. *ВДИ* 1, 97–120.
- Печёнкин, Н.М. 1911: Археологические разведки в местности Страбонова Старого Херсонеса. *ИАК* 42, 108–126.
- Сапрыкин, С.Ю. 2017: Херсонес Таврический в эллинистическое время. В кн.: А.В. Юрасов (ред.), *История Крыма*. Т. I. М., 92–120.
- Смекалова, Т.Н. 2013: Еще раз об античном наделе у мыса Ойрат в Северо-Западном Крыму. *ВДИ* 2, 127–147.
- Смекалова, Т.Н. 2019: О величинах площади и единицах ее измерения на хоре Херсонеса Таврического. *ВДИ* 1, 58–76.
- Смекалова, Т.Н., Кутайсов, В.А. 2014: Два новых античных виноградника в северо-западном Крыму. *ВДИ* 2, 54–78.
- Смекалова, Т.Н., Терехин, Э.А. 2018а: *Архивные аэрофотоснимки 1941–44 гг. – документальный источник по изучению хоры Херсонеса Таврического*. Ч. I. СПб.
- Смекалова, Т.Н., Терехин, Э.А. 2018б: Новые данные о военной организации граждан Херсонеса Таврического, отраженной в структуре его земельного кадастра. *Stratum Plus* 6, 89–105.
- Смекалова, Т.Н., Терехин, Э.А., Пасуманский, А.Е. 2018: Реконструкция античной системы межевания Херсонеса Таврического с использованием методов дистанционного зондирования. *ВДИ* 2, 114–140.
- Соломоник, Э.И. 1984: Фрагмент надписи из Херсонеса о политических изгнанниках. *ВДИ* 3, 72–81.
- Соломоник, Э.И., Николаенко, Г.М. 1990: О земельных участках Херсонеса в начале III в. до н. э. (к IOSPE I², 403). *ВДИ* 2, 79–99.
- Стржелецкий, С.Ф. 1961: Клеры Херсонеса Таврического: к истории древнего земледелия в Крыму. *Херсонесский сборник*. Вып. VI. Симферополь.
- Щеглов, А.Н. 1993: Первые археологические карты Гераклеяского полуострова (к истории археологической топографии). В сб.: И.Л. Тихонов (отв. ред.), *Проблемы истории отечественной археологии*. СПб., 51–53.
- Chaniotis, A. 1989: Eine spätantike Inschrift aus dem kretischen Lyttos. *Tyche* 4, 25–31.
- Crawford, D.J. 1971: *Kerkeosiris. An Egyptian village in the Ptolemaic period*. Cambridge.
- Gardiner, A. 1976: *Egyptian grammar. Being an introduction to the study of hieroglyphs*. Oxford.
- Habich, Chr. 1976: Eine hellenistische Urkunde aus Larisa. *Demetrias* I, 157–173.
- Lyons, H.G. 1908: *The cadastral survey in Egypt*. Cairo.
- Monson, A. 2012: *Agriculture and Taxation in Early Ptolemaic Egypt: Demotic Land Surveys and Accounts (P. Agri)*. Bonn. (Papyrologische Texte und Abhandlungen, 46).

- Slapšak, B., Stančić, Z. 1999: The Greek field system at Pharos: a metric analysis. *Revue des Etudes Anciennes* 101(1), 115–124.
- Smekalova, T.N., Bevan, B.W., Chudin, A.V., Garipov, A.S. 2016: The discovery of an ancient Greek vineyard. *Archaeological Prospecting* 23(1), 15–26.
- Terekhin, E.A., Smekalova, T.N. 2019: Study of ancient land boundaries at Taurian Chersonesos using remote sensing. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 25, 44–58.
- Tod, M.N. 1911–1912: The Greek numerical notation. *Annual of British School of Athens* XVIII, 98–132.

REFERENCES

- Andreev, V.N. 1959: Razmery zemel'nykh uchastkov v Attike v IV v. do n.e. [The sizes of land plots in Attica in the fourth century. BC.]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 121–146.
- Blavatskiy, V.D. 1953: *Zemledelie v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ya* [Agriculture in the ancient states of the Northern Black Sea Coast]. Moscow.
- Buyskikh, A.V. 1998: Eshche raz o khersonesskom gekatoriuge [New information in Chersonese gakatourug]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 1, 65–70.
- Chanotis, A. 1989: Eine spätantike Inschrift aus dem kretischen Lyttos. *Tyche* 4, 25–31.
- Crawford, D.J. 1971: *Kerkeosiris. An Egyptian village in the Ptolemaic period*. Cambridge.
- Gardiner, A. 1976: *Egyptian grammar. Being an introduction to the study of hieroglyphs*. Oxford.
- Habich, Chr. 1976: Eine hellenistische Urkunde aus Larisa. *Demetrias* I, 157–173.
- Latyshev, V.V. 1892: *Drevnosti Yuzhnoi Rossii: Grecheskie i latinskie nadpisi, naydennye v Yuzhnoy Rossii v 1889–1891 godakh* [Antiquities of Southern Russia: Greek and Latin inscriptions found in Southern Russia in 1889–1891]. Saint Petersburg.
- Lisin, V.P. 2019: *Antichnye khozyaystva v rayone Kamyshevoy bukhty (I–IV vv.). Dissertatsiya na soiskanie stepeni kandidata istoricheskikh nauk (Sevastopol, 1940)* [Ancient economies in the area of Kamyshevaya Bay (the 1st–4th centuries)]: PhD. Sevastopol.
- Lyons, H.G. 1908: *The cadastral survey in Egypt*. Cairo.
- Monakhov, S.Yu. 1989: *Amfory Khersonesa Tavricheskogo IV–II vv. do n. e. Opyt sistemnogo analiza* [Amphoras of Tauric Chersonesos of the 4th – 2nd centuries BC. Experience in system analysis]. Saratov.
- Monson, A. 2012: *Agriculture and Taxation in Early Ptolemaic Egypt: Demotic Land Surveys and Accounts (P. Agri)*. Bonn. (Papyrologische Texte und Abhandlungen 46).
- Nikolaenko, G.M. 1999: Khersones Tavricheskii i ego khora [Chersonesus Taurica and its chora]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 97–120.
- Pechenkin, N.M. 1911: Arkheologicheskie razvedki v mestnosti Strabonova Starogo Khersonesa [Archaeological surveys in the area of Strabonov Old Chersonesos]. *Izvestiya imperatorskoy arkheologicheskoy komissii* [Proceedings of the Imperial Archaeological Commission] 42, 108–126.
- Saprykin, S.Yu. 2017: Khersones Tavricheskii v ellinisticheskoe vremya [Tauric Chersonesos in Hellenistic times]. In: A.V. Yurasov (ed.), *Istoriya Kryma* [History of Crimea]. Vol. I, Moscow, 92–120.
- Shcheglov, A.N. 1993: Pervye arkheologicheskie karty Gerakleyskogo poluostrova (k istorii arkheologicheskoy topografii) [The first archaeological maps of the Heracleean Peninsula (on the history of archaeological topography)]. In: I.L. Tikhonov (ed.), *Problemy istorii otechestvennoy arkheologii* [Problems of the history of Russian archaeology]. Saint-Petersburg, 51–53.
- Slapšak, B., Stančić, Z. 1999: The Greek field system at Pharos: a metric analysis. *Revue des Etudes Anciennes* 101(1), 115–124.

- Smekalova, T.N. 2013: Eshche raz ob antichnom nadele u mysa Oyrat v Severo-Zapadnom Krymu [Once more on the ancient allotment near the Oirat promontory in the north-western Crimea]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 127–147.
- Smekalova, T.N. 2019: O velichinakh ploshchadi i edinitsakh ee izmereniya na khore Khersonesa Tavricheskogo [On the sizes of land plots and units of their measurement on the chora of Tauric Chersonesos]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 58–76.
- Smekalova, T.N., Bevan, B.W., Chudin, A.V., Garipov, A.S. 2016: The discovery of an ancient Greek vineyard. *Archaeological Prospecting* 23(1), 15–26.
- Smekalova, T.N., Kutaisov, V.A. 2014: Dva novykh antichnykh vinogradnika v severo-zapadnom Krymu [Two new-found ancient vineyards in north-western Crimea]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 54–78.
- Smekalova, T.N., Terekhin, E.A. 2018: *Arkhivnye aerofotosnimki 1941–44 gg. – dokumental'nyy istochnik po izucheniyu khory Khersonesa Tavricheskogo. Chast' I* [Archival aerial photographs from 1941–44 – documentary source for studying of the chora of Tauric Chersonesos. Part I]. Saint Petersburg.
- Smekalova, T.N., Terekhin, E.A. 2018: Novye dannye o voennoy organizatsii grazhdan Khersonesa Tavricheskogo, otrazhennoy v strukture ego zemel'nogo kadastra [New evidences about social-military organization of Tauric Chersonesos as reflected in the structure of its cadaster]. *Stratum Plus* 6, 89–105.
- Smekalova, T.N., Terekhin, E.A., Pasumanskiy, A.E. 2018: Rekonstruktsiya antichnoy sistemy mezhevaniya Khersonesa Tavricheskogo s ispol'zovaniem metodov distantsionnogo zondirovaniya [Reconstructing the ancient land division system of Tauric Chersonesos with the aid of remote sensing]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 114–140.
- Solomonik, E.I. 1984: Fragment nadpisi iz Khersonesa o politicheskikh izgnannikakh [A fragmentary inscription from Chersonesus concerning political exiles]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 72–81.
- Solomonik, E.I., Nikolaenko, G.M. 1990: O zemel'nykh uchastkakh Khersonesa v nachale III v. do n. e. (k IOSPE I², 403) [The land plots of Chersonesos in the early third century B.C. (ad IOSPE I² 403)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 79–99.
- Strzheletskiy, S.F. 1961: Klery Khersonesa Tavricheskogo: K istorii drevnego zemledeliya v Krymu [Clers of Tauric Chersonesos: On the History of Ancient Agriculture in the Crimea]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesian Collection] VI. Simferopol.
- Terekhin, E.A., Smekalova, T.N. 2019: Study of ancient land boundaries at Taurian Chersonesos using remote sensing. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 25, 44–58.
- Tod, M.N. 1911–1912: The Greek numerical notation. *Annual of British School of Athens* XVIII, 98–132.
- Vinogradov, Yu.G., Shcheglov, A.N. 1990: Obrazovanie territorial'nogo Khersonesskogo gosudarstva [Formation of the territorial Chersonesos state]. In: E.S. Golubtsova (ed.), *Ellinizm: ekonomika, politika, kul'tura* [Hellenism: economics, politics, culture]. Moscow, 310–371.

SOCIO-ECONOMIC CHANGES AT THE CHORA OF TAURIC CHERSONESOS
IN THE 3rd CENTURY BC ACCORDING TO EPIGRAPHY AND
REMOTE SENSING DATA

Tatiana N. Smekalova

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia;
National Research Center "Kurchatov Institute", Moscow, Russia
tnsmek@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to further research on the organization of the Tauric Chersonesos chora. It is concluded that the Chersonesos land division system, which was using the aroura, was based Egyptian land surveying canons. A square of 16 aroura was another important module, hectorygos – a civil land lot. Both modules were used throughout the Chersonesos land (on the near chora on the Heracleian Peninsula and on the far chora in the North-Western Crimea), but nowhere else in the Greek world have they been recorded for dividing the land into plots. The inscription IOSPE I² 403 shows the area of the plots expressed in hectorygoi, arouras and planting rows equal to 1/16 aroura. An analysis of the character of the IOSPE I² 403 inscription together with the decryption of archival aerial photographs of the chora on the Heracleian Peninsula made it possible to establish that the inscription was a cadaster of vineyards in the coastal part of the Heracleian Peninsula, securing the inheritance lease rights of these lands. The inscription IOSPE I² 403 is a valuable document reflecting the important changes that have occurred with the chora and Chersonesian society at the turn of the 4th – 3rd centuries BC. By the beginning of the 3rd century BC the initial structure of the Chersonesian chora, reflecting the social equality of the first settlers, was replaced by large private estates, which marked the transformation of viticulture into a state-controlled commodity industry. In the 3rd century BC the system of organization of Chersonesian allotments has changed as a result of changes in the polis equality of citizens, which was reflected in the expansion of private land ownership to the detriment of the former collective land ownership.

Keywords: Tauric Chersonesos, Heracleian peninsula, chora, Chersonesian inscription IOSPE I² 403, cadastre, archival aerial photos, hekatorygos, civic land allotment, units of area measurement, aroura, field strip

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2020), 146–156
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2020), 146–156
© Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-4-70-146–156

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ КАМЕННЫЙ ЯЩИК ИЗ РАСКОПОК НЕКРОПОЛЯ ФАНАГОРИИ 2015 ГОДА

А.Н. Ворошилов, О.М. Ворошилова

Институт археологии РАН, Москва, Россия
voroshilov.aleksej@yandex.ru, helga-mir@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается престижная каменная гробница эллинистической эпохи, открытая при раскопках Фанагории в 2015 г. Сооружение относится к редкому архитектурному типу захоронений в форме каменного ящика. Погребение 240/2015 отличается монументальностью, однако создано с использованием типичной для Фанагории строительной концепции. Немногочисленные находки и особенности конструкции позволяют датировать гробницу второй половиной 2 в. до н.э. Не исключено, что для ее возведения использовали камень из более ранних построек города. Выдающиеся размеры погребальной камеры позволяли одновременно разместить в ней тела двух человек. Гробница была ограблена еще в древности, вероятно, спустя непродолжительное время после совершения захоронения. Находка элемента декора из резной кости, наряду с большими размерами гробницы, свидетельствует об исключительной пышности погребальной церемонии и далеко не рядовом статусе погребенных в ней столичных жителей. Высота внутреннего пространства гробницы не позволяла разместить в ней высокий саркофаг. Костяная пластина могла быть частью украшений погребального ложа. Разобранное перекрытие гробницы указывает на то, что грабители были вынуждены полностью отбросить плиты, доставая вместилище тела на поверхность. Отсутствие в усыпальнице человеческих костей и предметов, сопровождавших умершего при погребении, свидетельствует об изъятии грабителями содержимого гробницы еще до полного разложения тела, вероятно, вместе с погребальным ложем и инвентарем.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Азиатский Боспор, Фанагория, эллинизм, некрополь, каменные гробницы, погребальный обряд

Исследования некрополя Фанагории последних лет ощутимо расширили представления о погребальном обряде жителей самого крупного в азиатской части Боспора полиса. Весьма интересные результаты получены в ходе изучения его эллинистического некрополя, в частности, захоронений в каменных гробницах. Представительная серия этих погребений была обнаружена на Восточном не-

Данные об авторах: Ворошилов Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН; Ворошилова Ольга Михайловна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН.

Исследование выполнено в рамках НИР ИА РАН по теме «Археологические культуры евразийских степей и античный мир – контакты и взаимовлияния» (AAAA-A18-118011790093-2).

крополе в полной сохранности. Все они были расположены на одном локальном участке древнего кладбища и имели аналогичные конструкции, размеры, черты погребального обряда¹. В этой группе эллинистических гробниц особое место занимает захоронение, открытое в 2015 г. Оно выделяется монументальностью каменной постройки, однако создано с использованием аналогичной с остальными погребениями строительной концепции.

Каменная гробница 240/2015 была открыта в самом высоком месте узкого плато между берегом Таманского залива и древней дорогой; место хорошо заметно с моря и дороги (рис. 1, 1). Вероятно, это был довольно престижный участок древнего кладбища. Усыпальница была обнаружена при горизонтальной зачистке на уровне верхней части откинутой плиты перекрытия (рис. 1, 1–2), когда на глубине нескольких десятков сантиметров от современной дневной поверхности было выявлено пятно, чуть более темное, чем окружающий его грунт.

Погребальная конструкция. Как и все ящики, найденные ранее на данном участке древнего кладбища, публикуемая гробница была сооружена в прямоугольном котловане (275×190 см по верхнему краю выявленной ямы). В разрезе он имел трапециевидную форму и на уровне верхней поверхности стен превышал размеры самой гробницы на 30–40 см. Пространство между стенами погребения и котлована было плотно забутовано материковой глиной, смешанной с известняковой крошкой. Характерной особенностью забутовки подобных сооружений является использование обломков известняковых блоков (рис. 1, 3). В данном случае некоторые из них достигали довольно крупных размеров (25×24×10 см) и имели явно выраженные признаки вторичного использования (обломки надгробных стел, архитектурных деталей и т.п.). После выборки котлована обнаружили известняковые блоки гробницы.

Она представляла собой прямоугольный каменный ящик (рис. 2; 3), ориентированный продольными сторонами по линии северо-восток – юго-запад. Стены возведены на дне котлована, они состояли из 10 известняковых блоков. Их размеры следующие: длина колеблется от 57 до 66 см, ширина – от 28 до 33 см, высота – от 27 до 32 см. Стоит отметить, что один из блоков юго-восточной стены найден разрушенным в заполнении шахты более поздней подбойной могилы (241/2015), сооруженной в северо-восточной части каменной гробницы уже после ее ограбления. Со всех сторон он имел следы сколов инструментом, подобным современной кирке. Внутреннее пространство усыпальницы в плане имело прямоугольную форму (ширина – 0,95–0,96 м, длина – 1,91–1,92 м, высота – 0,40 м). Внешние размеры гробницы следующие: ширина – 157–159 см, длина – 249–250 см. Пол обнаружен на 5–7 см ниже основания стен. Высота внутреннего пространства ящика от верхней плоскости каменных блоков до пола – около 35–40 см (рис. 3).

Судя по сохранившимся на поверхностях блоков углублениям квадратной формы, вкпе с найденным в заполнении гробницы фрагментом эллинистической штукатурки, не исключено, что строительный материал, из которого сложено погребение, использован здесь вторично. Еще одним косвенным подтверждением этой гипотезы могут служить не унифицированные размеры блоков. Как видно по выемкам и подтекам, блоки сооружения подгонялись друг к другу «по месту».

¹ Ворошилов, Ворошилова 2016, 23–28; 2017, 216–217; 2020, 477–487; Ворошилова 2018, 5–11; Ворошилов, Ворошилова 2020, 477–487.

Рис. 1. Каменная гробница. 1–2 – погребение в процессе расчистки; 3 – вид сверху на верхний уровень каменных стен

Fig. 1. Stone tomb. 1–2 – the burial in the course of clearing; 3 – top view of the upper level of stone walls

1

2

Рис. 2. Каменная гробница. 1 – разрез заполнения; 2 – расчищенное погребение
Fig. 2. Stone tomb. 1 – the tomb fill section; 2 – the cleared tomb

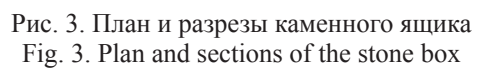

Fig. 3. Plan and sections of the stone box

Так, северный внутренний угол гробницы расширен в торцевой блок, который пробран на 3 см (рис. 2, 2; 3). При этом выборка производилась в уже готовом сооружении и, возможно, была связана с подгонкой под размеры погребального ложа или саркофага. Еще одна выборка под торец блока была произведена и в южном внутреннем углу погребения. При этом верхняя плоскость блоков хорошо подогнана под один уровень. Каменная гробница была перекрыта массивными известняковыми плитами. Уцелела лишь одна из них, крайняя к западу и откинутая наружу (рис. 1–3). Ее длина – 105 см, ширина – 60 см, толщина – 21 см. Плоскость, которая была обращена к могиле, тщательно отшлифована, остальные же стороны обработаны грубо. Для полного перекрытия внутреннего пространства были необходимы четыре подобные плиты, уложенные поперек сооружения на верхнюю идеально ровную поверхность стен вплотную друг к другу.

К сожалению, монументальная гробница была ограблена еще в древности, вероятно, спустя непродолжительное время после совершения захоронения. Отсутствие в усыпальнице человеческих костей и предметов, сопровождавших умершего, свидетельствует в пользу того, что грабители изыали содержимое усыпальницы еще до полного разложения тела, вероятно вместе с его вместилищем (носилки, погребальное ложе, саркофаг) и всем инвентарем. О том, что после ограбления каменный ящик какое-то время стоял полностью открытым для осадков говорит четкая горизонтальная слоистая структура нижней части его заполнения. Эти затёчные илистые прослойки образовались в результате попадания с поверхности потоков воды, приносившей с собой мелкодисперсный грунт.

Прежде чем переходить к анализу находок из комплекса, стоит сказать несколько слов о датировке двух более поздних захоронений при сооружении которых пострадала северо-восточная часть конструкции погребения 240/2015. Это две подбойные могилы римской эпохи (241/2015 и 242/2015). Их инвентарь позволяет датировать комплексы не раньше конца I – первой половины II в. н.э. Следует отметить, что ко времени сооружения этих погребений, публикуемая каменная гробница была разорена и засыпана, ее признаков на поверхности тоже не было. Именно поэтому подбойная могила 241/2015 почти целиком попала в границы конструкции каменного ящика и при ее сооружении был изъят один из блоков юго-восточной стены ящика, который использовали вместе с сырцовыми кирпичами для возведения заклада подбоя этой могилы.

Находки. Несмотря на отсутствие в захоронении 240/2015 находок *in situ*, в его заполнении выше стен, на уровне единственной уцелевшей плиты перекрытия, обнаружены немногочисленные предметы (рис. 4), относящиеся к этому погребению. Речь идет о фрагменте рельефной чаши, обломке накладки из резной кости и куске штукатурки желтого цвета. Следует отметить, что керамика и кость попали в грунт, вероятно, при ограблении могилы, а штукатурка могла изначально находиться в ее заполнении. Эти находки дают некоторую информацию о времени постройки сооружения.

1. Фрагмент стенки рельефной чаши (3,5×1,9 см) относится к средней части сосуда из темно-серой глины покрытого черным матовым лаком (рис. 4, 1). На внешней поверхности виден горизонтальный рельефный пояс из ромбовидных листьев и розеток, с одной стороны ограниченный горизонтальным валиком. Наиболее близкой аналогией листьям являются рельефы с горизонтально уложенными

букетами из листьев лавра². Похожие розетки широко представлены на подобных сосудах³. Близкие сюжеты встречаются на керамике, произведенной в Эфесе⁴. Известно, что в позднеллинистическое время Эфес стал важным производителем столовой посуды⁵. Очевидно, фрагмент принадлежал чаше, привезенной на Боспор из Эфеса в середине – второй половине 2 в. до н.э.

2. Костяная орнаментальная планка (рис. 4, 2). Представляет собой прямоугольную пластину, сохранившуюся в длину на 3,6 см. Ее ширина – 1,55 см, толщина – 0,25 см. В центральной части орнаментальный пояс в виде жемчужника, ограниченный сверху и снизу горизонтальными валиками. Продольные края пластины украшены резным орнаментом в виде треугольников. Орнамент в виде непрерывного ряда овальных бус, разделенных вертикальными дисками – жемчужник, является одним из канонических элементов греческой архитектурной орнаментики⁶. Такой декор свойственен ионическому ордеру и встречается на архитектурных деталях, найденных на городище Фанагории⁷. Широко известен он и на эллинистических рельефных чашах⁸. Жемчужник использовался и в оформлении костяных планок, обрамлявших основные плоскости стенок, а иногда фронтонов деревянных саркофагов 4–3 вв. до н.э.⁹ Не исключено, что такое костяное украшение могло быть частью декора деревянной шкатулки. В любом случае, наличие этого предмета в погребении свидетельствует об исключительной пышности погребальной церемонии и далеко не рядовом статусе похороненного в гробнице столичного жителя или жителей.

3. Фрагмент штукатурки с остатками желтой краски (рис. 4, 3). Его размеры 3,7×5,1×0,75 см. На внутренней поверхности ящика следов штукатурки не обнаружено. Вероятно, это фрагмент принадлежал одному из вторично использованных блоков. Находки расписной известковой штукатурки эллинистического времени известны из раскопок Фанагории¹⁰ и Пантикапея¹¹. Немало примеров использования разноцветной штукатурки, в том числе и желтых оттенков, в оформлении склепов рассматриваемого периода¹².

Немногочисленные находки позволяют отнести время сооружения гробницы к эпохе эллинизма, возможно, середине – второй половине 2 в. до н.э. Подтверждает эту дату и конструкция каменного ящика, которая находит аналогии среди подобных фанагорийских сооружений второй половины 2 в. до н.э., обнаруженных поблизости.

Существенной особенностью рассматриваемого комплекса является монументальность его каменной конструкции по сравнению с аналогичными гробницами Фанагории. Проявляется она в использовании массивных квадратных в

² Laumounier 1977, pl. 17, 1817.

³ Laumounier 1977, pl. 90, 897, 5822, 5863.

⁴ Журавлев 2011, 241, рис. 3, 2; Гжегжулка 2010, 36, 246, рис. 2.

⁵ Журавлев 2011, 223.

⁶ Сокольский 1979, 47.

⁷ Пантикапей и Фанагория... 2017, 299–300, кат. 179, 180.

⁸ Laumounier 1977, pl. 84, 9101; Pl. 85, 2415, 8926; Pl. 91, 8678, 5259, 4790, 8429.

⁹ Сокольский 1969, 47; 107, табл. 7, 3, 4; 131, табл. 19, 5; 135, табл. 21; 137, табл. 22, 5–7;

¹⁰ Кузнецов, Толстиков 2017, 300, кат. 181.

¹¹ Ростовцев 1913, табл. XXXVIII; Кузнецов, Толстиков 2017, 374, кат. 317.

¹² Ростовцев 1913, табл. XIII, XIV, XXVI, XXXI.

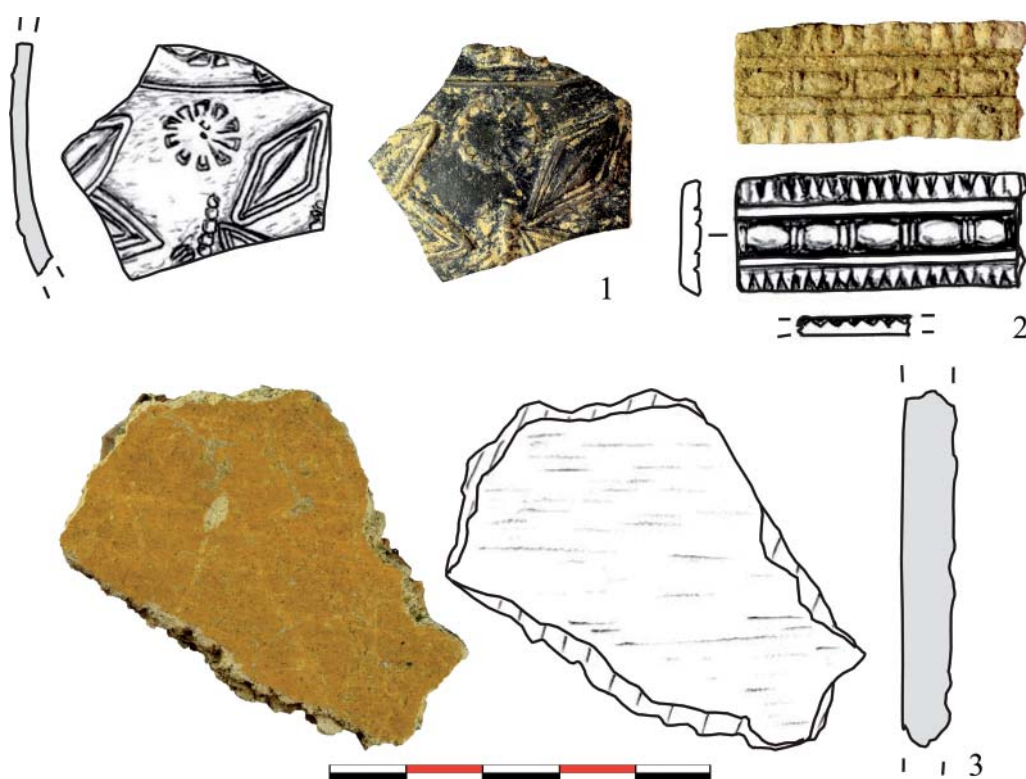

Рис. 4. Погребальный инвентарь. 1 – фрагмент рельефной чаши; 2 – костяная пластина с резным орнаментом; 3 – фрагмент цветной штукатурки

Fig. 4. Grave goods. 1 – a relief bowl fragment; 2 – a bone plate with carved ornament; 3 – a fragment of coloured plasterwork

поперечном сечении блоков для постройки стен и еще более тяжелых плит перекрытия. Следует отметить, что высота внутреннего пространства соизмерима с другими каменными ящиками, где людей хоронили без деревянных саркофагов. Однако в рассматриваемом погребении достигнуто это за счет углубления пола ниже основания стен, в то время как в других ящиках такая же высота пространства внутри задана исключительно высотой каменных стен. Надо полагать, что если бы блоки были изготовлены специально для стен гробницы, то их высота была бы достаточна (как в других сооружениях) и дополнительных усилий не потребовалось. Обращает на себя внимание излишняя для исключительно утилитарного назначения ширина стен и толщина перекрытия – она более чем в два раза превышает такие же показатели других погребений. Отчасти объяснить это можно вторичным характером использования каменных элементов, которые были адаптированы для погребального сооружения после их извлечения из более ранних городских построек. В данной ситуации трудоемкая обработка (распил, шлифовка и т.п.) уже и без этого пригодных для постройки каменных форм, вероятно, могла ощутимо увеличить расходы. Кроме того, выдающаяся ширина ящика требовала

повышенной прочности плит перекрытия, которые смотрелись бы неуместно на узких стенах. Косвенным подтверждением возможного вторичного использования строительного материала является цветная эллинистическая штукатурка в заполнении гробницы при полном ее отсутствии на этом участке некрополя. То обстоятельство, что ширина постройки внутри в два раза превышает таковую у других гробниц, может свидетельствовать о том, что усыпальница была рассчитана на единовременное погребение двух человек, например, семейной пары. Находка костяной планки может косвенно свидетельствовать о том, что в ящике был установлен деревянный гроб или погребальные носилки-ложе, украшенные резной костью. Однако следует заметить, что внутренние размеры каменной гробницы не позволяли разместить в ней высокий саркофаг. Тем не менее полностью разобранное перекрытие гробницы может указывать на действия грабителей, которые вынуждены были полностью отбросить плиты, доставая вместилище тела на поверхность. Отсутствие в усыпальнице человеческих костей и предметов, сопровождавших умершего при погребении, свидетельствует в пользу того, что грабители изыали содержимое гробницы еще до полного разложения тела, вероятно, вместе с его вместилищем (носилки, погребальное ложе, саркофаг) и всем инвентарем.

ЛИТЕРАТУРА

- Ворошилов, А.Н., Ворошилова, О.М. 2016: О новых находках эллинистических каменных «ящиков» в Фанагории. В сб.: Д.В. Журавлев, У. Шлотцауер (ред.), *Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время*. М., 23–28.
- Ворошилов, А.Н., Ворошилова, О.М. 2017: Погребения в каменных ящиках из Фанагории. В сб.: А.П. Деревянко, А.А. Тишкин (ред.), *V (XXI) Всероссийский археологический съезд: сборник научных трудов*. Барнаул, 216–217.
- Ворошилов, А.Н., Ворошилова, О.М. 2020: Каменная эллинистическая гробница из раскопок Фанагории в 2019 г. В сб.: А.Н. Голотвин (ред.), *Археологическое наследие. Античность. Скифы. Сарматы*. Воронеж, 477–487.
- Ворошилова, О.М. 2018: Погребения в каменных ящиках из раскопок Фанагории в 1975 г. *ПИФК* 4, 5–11.
- Гжегжулка, С. 2010: «Мегарские» чаши из собрания керченского историко-культурного заповедника (*Supplement 2*). Варшава.
- Журавлев, Д.В. 2011: Новые находки позднеэллинистической керамики и светильников из Пантикапея. *ПИФК* 4 (34), 221–263.
- Кузнецов, В.Д., Толстиков, В.П. (ред.). 2017: *Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства*. М.
- Ростовцев, М.И. 1913: *Античная декоративная живопись на юге России. Атлас*. СПб.
- Сокольский, Н.И. 1969: *Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья* (САИ Г1-17). М.
- Laumonier, A. 1977: *La céramique hellénistique à reliefs. 1. Ateliers "Ioniens". Delos. XXXI*. Paris.

REFERENCES

- Voroshilov, A.N., Voroshilova, O.M. 2016: O novykh nakhodkakh ellinisticheskikh kamen-nykh «yashchikov» v Fanagorii [On new finds of Hellenistic stone boxes in Phanagoria]. D.V. Zhuravlev, U. Schlotzhauer (eds.), *Aziatskiy Bospor i Prikuban'e v dorimskoe vremya* [Asian Bosphorus and Kuban Region in the Pre-Roman Age]. Moscow, 23–28.

- Voroshilov, A.N., Voroshilova, O.M. 2017: Pogrebeniya v kamennykh yashchikakh iz Fanagorii [Stone Box Burials in Phanagoria]. A.P. Derevyanko, A.A. Tishkin (eds.), *V (XXI) Vserossiyskiy arheologicheskiy s'yezd: sbornik nauchnykh trudov* [Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress]. Barnaul, 216–217.
- Voroshilova, O.M. 2018: Pogrebeniya v kamennykh yashchikakh iz raskopok Fanagorii v 1975 g [Stone Box Burials from Excavations in Phanagoria in 1975]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 5–11.
- Voroshilov, A.N., Voroshilova, O.M. 2020: Kamennaya ellinisticheskaya grobnitsa iz raskopok Fanagorii v 2019 g [A Hellenistic Stone Box from Excavations in Phanagoria in 2019]. A.N. Golotvin (ed.), *Arheologicheskoe nasledie. Antichnost'. Skify. Sarmaty* [Archaeological Heritage. Antiquity. Scythians, Sarmatians]. Voronezh, 477–487.
- Gzhegzhulka, S. 2010: "Megarskie" chashi iz sobraniya kerchenskogo istoriko-kul'turnogo zapovednika (Supplement 2) ['Megarian' Bowls from the Collection of the Kerch History and Cultural Museum Preserve (Supplement 2)]. Warsaw.
- Zhuravlev, D.V. 2011: Novye nahodki pozdneellinisticheskoy keramiki i svetil'nikov iz Pantikapeya [New Finds of Late Hellenistic Pottery and Lamps from Panticapaeum]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 221–263.
- Kuznetsov, V.D., Tolstikov, V.P. (ed.). 2017: *Pantikapey i Fanagoriya. Dve stolitsy Bosporskogo tsarstva* [Panticapaeum and Phanagoria. Two Capitals of the Bosporan Kingdom]. Moscow.
- Rostovtsev, M.I. 1913: *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na yuge Rossii. Atlas* [Ancient Decorative Paintings in the Southern Russia. Atlas]. Saint Petersburg.
- Sokol'skiy, N.I. 1969: *Antichnye derevyannye sarkofagi Severnogo Prichernomor'ya (Svod arheologicheskikh istochnikov G1–17)* [Ancient Wooden Sarcophagi of the Northern Black Sea Region (Corpus of Archaeological Sources G1–17)]. Moscow.
- Laumonier, A. 1977: *La céramique hellénistique à reliefs. I. Ateliers "Ioniens". Delos. XXXI*. Paris.

A HELLENISTIC STONE BOX FROM THE PHANAGORIA NECROPOLIS EXCAVATIONS IN 2015

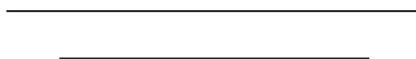
Alexey N. Voroshilov, Olga M. Voroshilova

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
voroshilov.aleksej@yandex.ru, helga-mir@yandex.ru

Abstract. The article deals with a prestigious Hellenistic stone tomb discovered during 2015 excavations in Phanagoria. The structure belongs to a rare architectural type shaped as a stone box. Burial 240/2015 is quite monumental, but was made with the use of a construction concept typical for Phanagoria. Sparse finds and structural features allow us to date the tomb to the second half of the 2nd century BC. Perhaps, it was built of stone taken from earlier structures. The outstanding size of a burial chamber allowed placing two bodies at once. The tomb was robbed in ancient times, probably not long after it had been built. A decorative element made of carved bone and the large size suggest extraordinary splendor of the funeral ceremony and a very high social status of capital dwellers buried there. The height of inner space did not allow placing a high sarcophagus. The bone plate could be a part of funeral bed decorations. Demolished tomb ceiling suggests that robbers had to remove slabs, while taking the coffin to the surface. Absence of human bones and grave goods shows that the robbers took the tomb contents even

before complete decomposition of the body, probably together with the funeral bed and funerary equipment.

Keywords: Northern Black Sea region, Asian Bosphorus, Phanagoria, Hellenism, necropolis, stone tombs, funeral rite

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2020), 157–184
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2020), 157–184
©Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-4-70-157–184

КЕЙНЕ КИШМАН/КУШМЕЙХАН – КРЕПОСТЬ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЕ МЕРВСКОГО ОАЗИСА: ОТ АХЕМЕНИДОВ ДО АРАБСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

В.А. Гаибов

Институт археологии РАН, Москва, Россия
gaibov@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется впечатляющая группа руин на северо-восточной окраине Мервского оазиса (Маргиана античных авторов, совр. Марыйский велаят Туркменистана), объединяющая несколько разновременных и разнородных памятников и в настоящее время известная под названием Кейне Кишман (средневековый Кушмейхан). Сплошное археологическое обследование данного района, проведенное маршрутными группами Среднеазиатской археологической экспедиции ИА АН СССР (РАН) в 80-ые и начале 90-ых годов прошлого века, позволило восстановить следующую картину динамики развития этого «микрооазиса». Первое укрепленное поселение в этом районе появляется в конце ахеменидского периода, вероятно, в качестве передового поста в восточной части Мервского оазиса. В начале эллинистического периода оно продолжало функционировать, «обрастая» новыми укреплениями. Однако в какой-то момент происходит упадок поселения, его территория уменьшилась и укрепления были заброшены. Постепенное возрождение жизни на памятнике и в его округе наблюдается в следующий, раннепарфянский период. В позднепарфянский – раннесасанидский период жизнь в регионе активизируется; строится крепость с новым поселением вокруг нее. В позднепарфянский период крепость и поселение продолжают функционировать, к югу от них возводится большой замок с прилегающим поселением. В раннеарабский период (VIII–IX вв.) крепость уже заброшена, а замок перестроен во «внутренний город» с примыкающим к нему большим поселением. В X в. возводятся новые внешние стены, опоясывающие всю городскую территорию. Город растет и развивается, но в XI веке он стремительно приходит в упадок, вероятно, в результате «огузского нашествия».

Ключевые слова: Мервский оазис, Маргиана, фортификация, Кейне Кишман, Арата, Кушмейхан

С 1980 по 2003 гг. (с небольшими перерывами) Среднеазиатская экспедиция Института археологии АН СССР (ИА АН СССР, с 1991 г. ИА РАН – далее САЭ) проводила широкомасштабные археологические исследования на терри-

Данные об авторе: Гаибов Васиф Абидович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН.

Исследование выполнено в рамках НИР ИА РАН по теме «Археологические культуры евразийских степей и античный мир – контакты и взаимовлияния» (AAAA-A18-118011790093-2).

тории Мервского оазиса (Маргиана античных авторов; совр. Марыйский велаят Туркменистана). Основной целью экспедиции было составление сводной карты археологических памятников дельты Мургаба от эпохи раннего железного века до позднего средневековья (время монгольского завоевания).

В предыдущих статьях, посвященных работам экспедиции в рамках данного проекта¹, достаточно подробно были изложены цели, задачи и методика работ, были отмечены также общие черты и особенности, характерные для памятников этого региона. Самым важным, пожалуй, наблюдением, сделанным уже в начале работ, стал вывод о том, что здесь, как правило, не фиксировались памятники, расположенные изолированно. Подавляющее большинство археологических объектов объединялись в группы (кластеры, «микрооазисы»), каждая из которых занимала ограниченную территорию и пространственно была отделена от другой группы памятников. Располагались они на различных протоках дельты Мургаба или выведенных из них больших и малых каналах². Каждая такая группа, как правило, состояла из разновременных памятников и переживала довольно сложную эволюцию. Еще одной особенностью археологических памятников Мервского оазиса (особенно на его северной периферии) является то, что почти все они многослойны, включая в себя остатки от парфянского (иногда селевкидского и ахеменидского) времени до монгольского завоевания.

Одним из таких микрооазисов, объединяющих несколько разновременных и разнородных памятников, является впечатляющая группа руин на северо-восточной окраине Мервского оазиса, в настоящее время известная под названием Кёйне Кишман. В литературе упоминается также под названиями Дингли-Кишман, Старый Кишман, Кишман-депе восточный. В настоящее время район Кёйне Кишман с севера и с востока окружен песками пустыни Каракум. Местоположение GPS: 37°55'30.14» С, 62°12'33.25» В (UTM 41S 430501.31 В, 4197790 С) (рис. 1; 2). Ближайший к нему памятник, центр другого микрооазиса, Улы Кишман (известный также как Тязе Кишман, Большой Кишман, Кишман-депе западный), расположен в 9 км к западу от района Кёйне Кишман.

Впервые памятник был зафиксирован любителем древностей инженером П.М. Лессаром³ в 1882 г., который побывал на нем и отметил некоторые руины, находящиеся на его территории. Он считал памятник очень древним, впрочем, не пытаясь уточнить дату.

В.А. Жуковский, который сам не посещал памятника, на основании описания Лессара и данных древних дорожников с указанием расстояний от Мерва отождествил его со средневековым Кушмейханом, известным по целому ряду упоминаний средневековых авторов⁴. Это отождествление впоследствии было признано правильным⁵.

В 1903 и 1904 гг. в Маргиане работала американская экспедиция под руководством Р. Пампелли, проводившая разведку и небольшие раскопки. Сотрудник этой экспедиции Э. Хантингтон в 1904 г., работая на севере Мервского оазиса, побывал

¹ Гаилов 2018, 157–169; 2018, 197–215; 2019, 33–52.

² Гаилов, Кошеленко 2000, 50–51.

³ Лессар 1884, 79.

⁴ Жуковский 1894, 42.

⁵ Массон 1966, 86.

Рис. 1. Кёйне Кишман. Космоснимок. Съемка 2019 г.
Fig. 1. Kuyeyne Kishman. Space photo. Shooting 2019

и на данном памятнике. Он назвал его Восточным Кишман-тепе. Центральное дёпе он относил к «III классу курганов высокоразвитого типа»⁶ (по собственной классификации автора). На таблицах книги представлены фотографии дёпе и «башни» (минарета), а также планы и профиль центрального дёпе⁷. Памятник датирован им довольно неопределенно: он относил его «к той же самой эпохе, что и Гяур-кала в Старом Мерве».

Лишь через более чем сорок лет, в 1946 г., С.А. Вязигин (руководитель IV отряда ЮТАКЭ), изучая так называемую «стену Антиоха», посетил и руины Кёйне Кишмана, который он называл Кишман-тепе⁸. Им были сделаны следующие наблюдения. Он определяет памятник как развалины укрепленного города с цита-

⁶ Huntington 1908, 226.

⁷ Huntington 1908, pl. 58, № 1,2; pl. 60, № 23.

⁸ Вязигин 1949, 267–270.

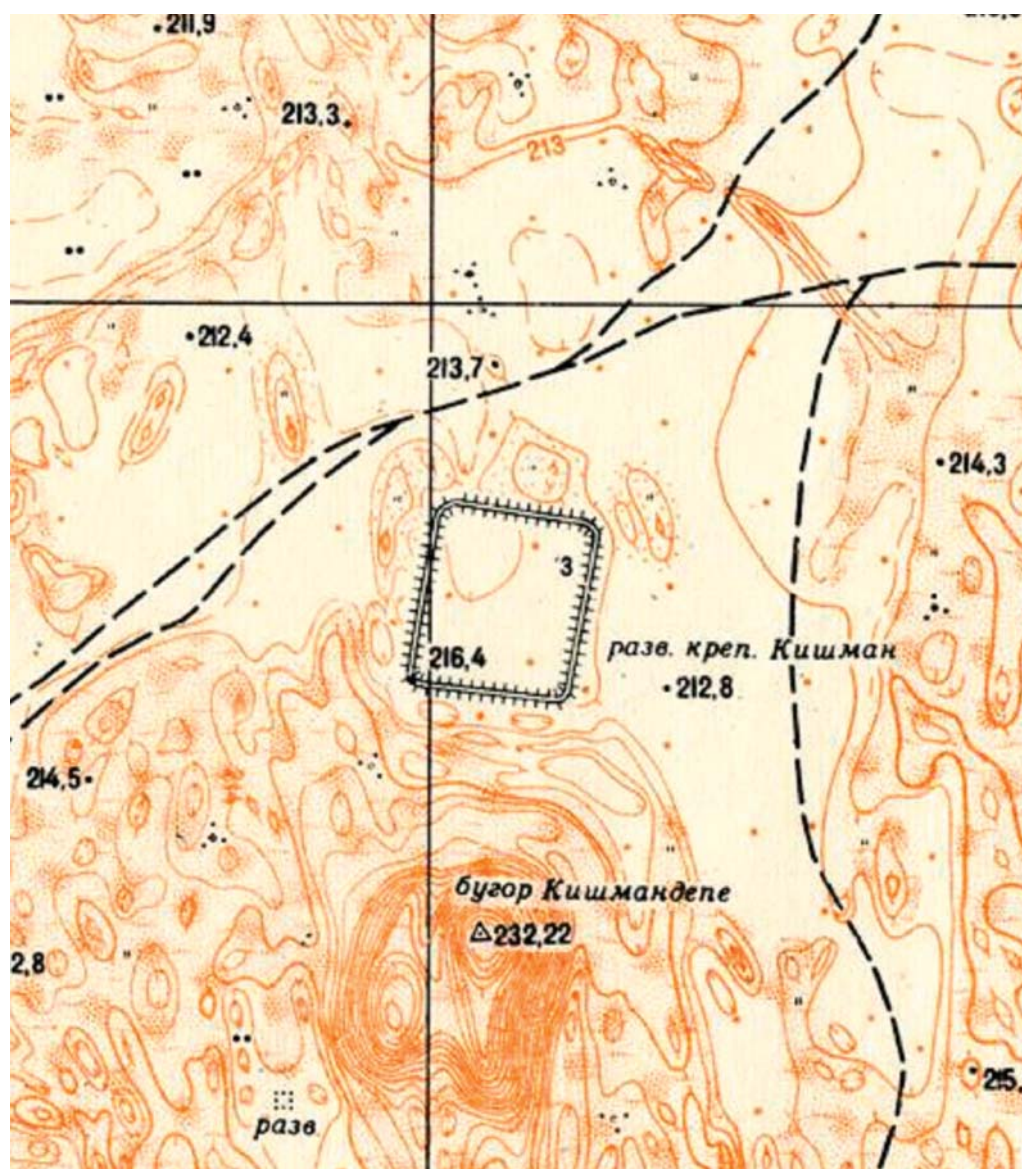

Рис. 2. Кёйне Кишман. Топографическая карта
Fig. 2. Kueyne Kishman. Topographic map

делью, расположенной на высоком холме. По его мнению, вершина этого холма представляла самую высокую точку всего оазиса.

В качестве основного элемента в структуре всего памятника им выделена так называемая цитадель – неправильный четырехугольник с закругленными углами. Самая большая из сторон четырехугольника – восточная (174 м), самая короткая – северная (96 м). Въезд на цитадель, по мнению С.А. Вязигина, находился на северной стороне. Стены цитадели не сохранились.

На расстоянии примерно 200 м к северу от цитадели располагалось укрепление прямоугольной формы (146 x 172 м), ориентированное примерно по сторонам света (длинные стороны – меридиональные). Стены сложены из сырцового кирпича (размеры не указывались). По углам заметны следы башен. Внутри укрепления С.А. Вязигин не видел никаких следов застройки.

Им также замечены следы вала, зафиксированного на северо-востоке и востоке от цитадели и укрепления (на расстоянии примерно 400 м). В 100 м к юго-востоку от цитадели исследователем зафиксирована сложенная из сырцового кирпича круглая башня, сохранившаяся на высоту 11,5 м и окружностью у основания около 20 м. К югу от цитадели замечены остатки построек, занесенных песками. Им также отмечены остатки ворот на юге от цитадели (хотя ничего не говорится о стенах в этом месте). Размеры городища им определены приблизительно: север-юг – 1,5 км, запад-восток – 1 км.

Анализ подъемного материала привел С.А. Вязигина к выводу об одновременности всех руин, которые он датировал IX–XIII вв.

В дальнейшем памятник обследовался группой сотрудников ЮТАКЭ под руководством М.Е. Массона. В октябре 1952 г. она провела осмотр памятника во время исследования средневекового торгового пути из Мерва в Амударью⁹. Был снят глазомерный план, собран подъемный материал, проведены некоторые обмерные работы, а также были верифицированы некоторые наблюдения С.А. Вязигина. В частности, было выяснено, что в отношении въезда на дөпе, которое С.А. Вязигин считал цитаделью, произошла элементарная ошибка – в действительности отчетливо различимый въезд находился на юге.

Важнейшим итогом этого обследования стал вывод о разновременности входящих в состав памятника отдельных сооружений. Более раннее поселение имело форму неправильного овала. От него сохранился вал (видимо, представлявший собой остатки стены), имевший ширину до 3,5 м, а сохранившуюся высоту – до 1,5 м. Этот вал сохранился только частично, в южной своей части он полностью перекрыт остатками поселения более позднего времени. Размеры территории этого поселения приблизительно 1,5 км (запад-восток) и 1 км (север-юг). Относительно даты этого поселения М.Е. Массон выразился предельно кратко – «поры рабовладельческой формации»¹⁰.

В центре этого поселения располагалась крепость, которая «по особенностям фортификации» была отнесена к «позднепарфянскому типу, или, точнее, к позднеантичной поро». М.Е. Массон предполагал наличие остатков строений внутри крепости.

По его мнению, это поселение было заброшено в связи с «кризисом рабовладельческого общества». Новое поселение возникает в V–VI вв. н.э. к югу от старого. Ядром его стал дехканский замок («цитадель» – по С.А. Вязигину). Позднее вокруг этого замка сложился небольшой городок, имевший свою стену, которая не совпадала со стеной более раннего населенного пункта. Вне этих стен (на юге и юго-востоке) находились караван-сарай. Расцвет этого городка приходится на IX–X вв., затем, в XI–XII вв., он постепенно приходит в упадок. После монгольского завоевания жизнь здесь полностью прекращается.

⁹ Массон 1955, 6; 1966, 86–90.

¹⁰ Массон 1966, 87.

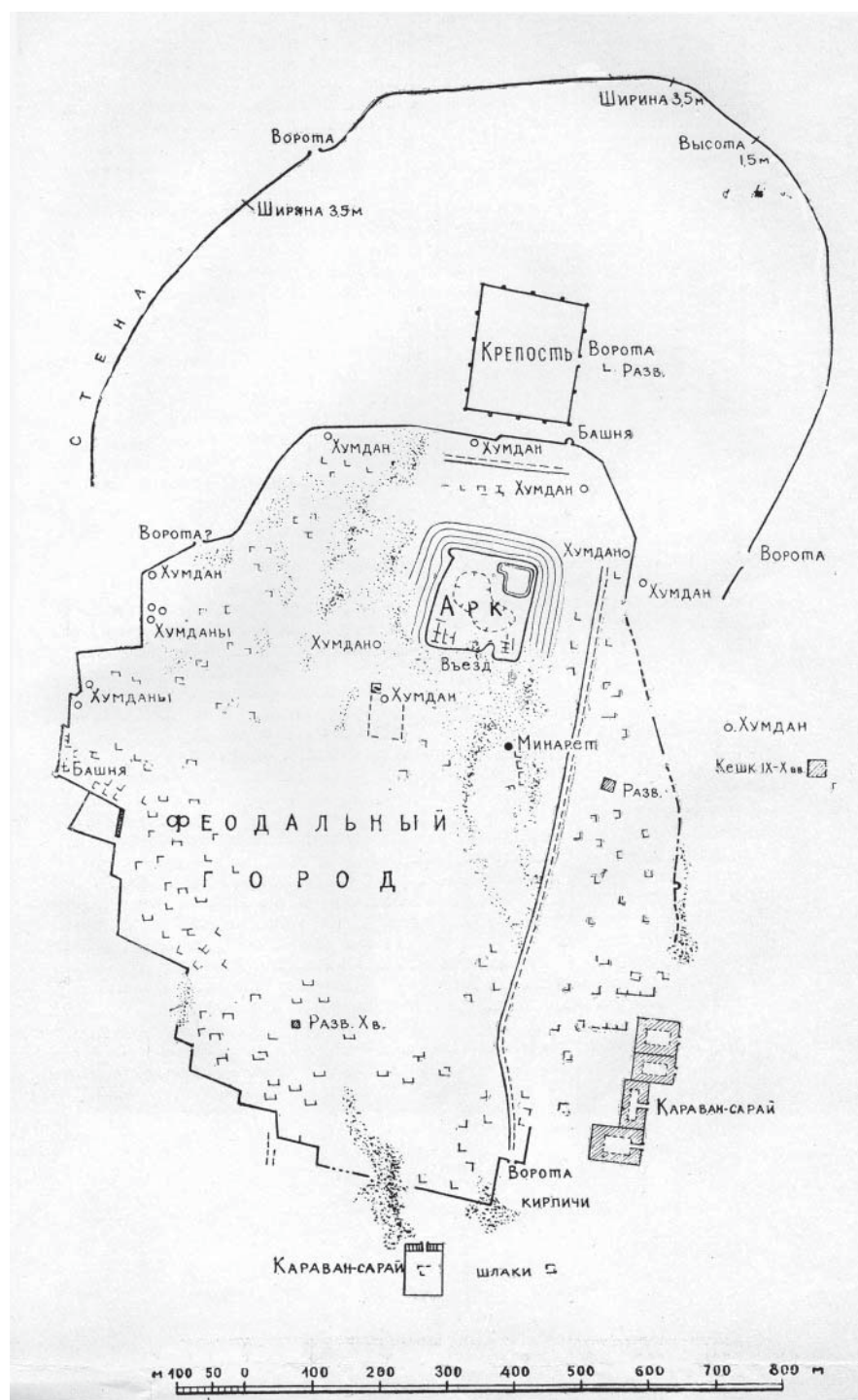

Рис. 3. План городища Кёйне Кишман/Кушмейхан (по: Массон 1966)
 Fig. 3. Plan of the Kuyne Kishman / Kushmeikhan (after Masson 1966)

В течение двух полевых сезонов 1956 и 1957 гг. на памятнике проводились раскопочные работы под руководством Д. Дурдыева (Институт истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР). Основным объектом исследований стала крепость, расположенная к северу от дepe, хотя автором раскопок были высказаны соображения и о других компонентах памятника¹¹. По представлению Д. Дурдыева, на территории памятника имелось два селища ахеменидской эпохи (на северном и южном краях его). Северное было окружено валом (частично сохранившимся). Саму крепость он относит к позднеасанидскому времени. К этому же времени он относит и замок, расположенный к югу от крепости. Позднее он был превращен в цитадель. Самым кратким образом упоминаются свидетельства средневековых авторов, говорящих о существовании города в арабское время.

Д. Дурдыевым были проведены раскопки, главным образом системы укреплений, заложен стратиграфический шурф, соби́рался подъемный материал.

Опубликованные результаты исследования Д. Дурдыева были подвергнуты жесточайшей критике со стороны М.Е. Массона¹². Критиковалась как методика проведения исследований, так и методы его интерпретации и публикации. Самые важные упреки (с нашей точки зрения, совершенно справедливые) состоят в том, что материалы стратиграфического шурфа абсолютно отсутствуют в публикации, что даже заставляет сомневаться в том, что он был осуществлен. Также поражают очень серьезные расхождения между текстом отчета и фотографиями, иллюстрирующими результаты проведенных работ. Много неточностей и в графической документации.

Для уточнения ряда положений М.Е. Массон в 1960 г. организовал выезд на памятник сотрудников и студентов-практикантов XVIII отряда ЮТАКЭ. В ходе этого визита объект внимательно осматривался, соби́рался подъемный материал, проводились зачистки и небольшие раскопки (в частности, разрез вала, окружавшего поселение ахеменидского периода).

Результаты этих исследований, как полагал М.Е. Массон, подтвердили его заключения 1952 года (рис. 3).

В 1980-е и начале 1990-х годов прошлого века памятник неоднократно посещался сотрудниками Среднеазиатской экспедиции ИА АН СССР/РАН, занимавшимися составлением археологической карты Маргианы. В ходе этих поездок соби́рался подъемный материал и проводились небольшие зачистки, в частности, фортификационных сооружений крепости. Однако эти работы проводились в условиях, гораздо более неблагоприятных, чем в период работ, проводимых ЮТАКЭ. В это время началось активное сельскохозяйственное освоение территории, были прорыты глубокие каналы, значительная часть территории к северу от крепости была подвергнута нивелированию, практически полностью исчез северный вал, а территория к югу подверглась особо интенсивному орошению, в результате чего уровень грунтовых вод сильно поднялся и некоторые места вокруг поселения оказались заболочены. Тем не менее внимательное обследование всего микроаэзиса при использовании детальных аэрофотоснимков позволило внести определенные

¹¹ Дурдыев 1959, 136–169.

¹² Массон 1966, 88–91, 261–262.

коррективы в выводы предшественников¹³. Наше исследование группы памятников Кёйне Кишман показало, что в целом схема М.Е. Массона была правильной.

Исследователь был прав, датируя первое поселение в этом районе концом ахеменидской эпохи (или, по археологической классификации, периодом Яз–III). Многочисленные фрагменты керамики типа Яз–III неоднократно собирались в северной части памятника на большой площади¹⁴. Сложную проблему представляет вал, находящийся в северной части памятника, шириной в 3,5 м и сохранившийся на высоту до 1,5 м. Выполнен он был из пахсы. Первоначально предполагалось, что этот вал представляет собой укрепления поселения ахеменидского времени, однако в настоящее время имеются некоторые сомнения в справедливости этого вывода. При сельскохозяйственных работах к северу от крепости на поверхности оказалось большое количество керамики и стало ясно, что она распространена шире, нежели территория, окруженная валом. Это позволяет допустить, что вал может быть датирован и более поздним временем. Впрочем, не имея веских аргументов в пользу такого допущения, следует, очевидно, согласиться с датировкой исследователя. Однако расположение этого вала не вполне идентично тому, что предложил М.Е. Массон. Он полагал, что полуовал стен прерывался на юго-западе. Однако исследование маршрутной группы САЭ показало, что стена (вал) в этом месте резко меняет направление и продолжается дальше на восток, постепенно теряясь под руинами более поздних периодов. Таким образом, план этого укрепленного поселения оказался несколько сложнее, размеры его составляют 860 м с востока на запад и не менее 480 м по линии север-юг, а общая площадь может составлять более 27 га (рис. 4). Ворота, скорее всего, находились в северо-западной и северной части стен.

На основе дешифровки аэрофотоснимков на местности были зафиксированы следы древнего канала (или одного из палеорусел Мургаба), подходившего к поселению и пересекавшего его с юго-запада на северо-восток. Интересно отметить, что современный канал почти полностью повторял направление древнего.

Среди керамики, датируемой периодом Яз–III, следует отметить характерные для этого времени фрагменты венчиков крупных сосудов (типа хумчи), розовой глины со светлым ангобом, покрывающим внешнюю поверхность этих сосудов (рис. 5, 1–2). Керамика такого типа была обнаружена при раскопках Д. Дурдыева как на поверхности, так и в слое¹⁵.

Можно предположить, что это поселение доживает до раннеэллинистического периода. Достоверных обоснований этого предположения нет ввиду отсутствия находок, несомненно, относящихся к этому периоду, но известно, что керамика типа Яз–III использовалась и в раннеэллинистическое время. Возможно, два участка стены, пристроенные к стене ахеменидского времени в ее северо-

¹³ При этом в ряде важных пунктов ситуация остается не вполне ясной, некоторые результаты, которые были представлены в публикациях сотрудников экспедиции, написанных «по горячим следам» (Bader, Gaibov, Koshelenko 1992, 225–250; Bader, Gaibov, Koshelenko 1993/94, 51–70), нуждаются в определенном пересмотре.

¹⁴ Что касается второго ахеменидского поселения – в южной части, то, видимо, утверждение Д. Дурдыева о нем надо признать ошибочным. К югу от основного деля «язовской» керамики практически нет.

¹⁵ Дурдыев 1959, табл. VIII.

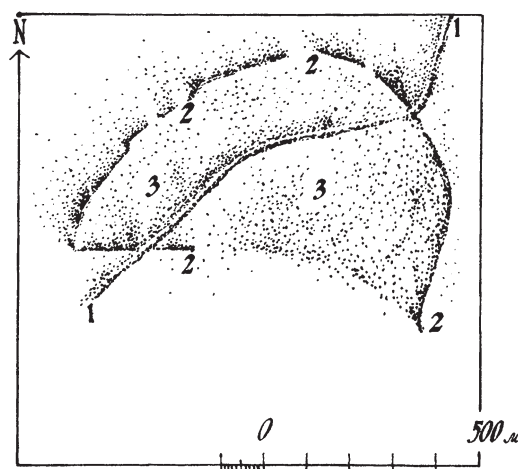

Рис. 4. Поселение ахеменидского времени (период Яз-III): 1) канал; 2) укрепления (вал); 3) поселение
 Fig. 4. Settlement of the Achaemenid time (Yaz-III period): 1) channel; 2) strengthening (shaft); 3) settlement

западной и юго-западной частях, могли быть возведены в самом начале эллинистического периода (рис. 6).

Есть все основания полагать, что в данном районе, как и во всей северной части оазиса, в эллинистическое время жизнь затухает, а обживаемая территория сокращается до ближайших окрестностей Гяур-калы/Антиохии. Возобновляется она только в парфянский период¹⁶.

Помимо керамики Яз-III, в этой части округа Кейне Кишман значительно реже встречается керамика раннепарфянского периода. В качестве примера можно указать на верхнюю часть сероглиной чаши со слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 5, 3). Керамика такого типа характерна для III-I вв. до н.э.¹⁷

Наличие раннепарфянской керамики на ограниченной территории позволяет думать, что поселение возродилось на значительно меньшей площади, а его укрепления утратили свою функцию (рис. 7).

Значительные изменения произошли в конце парфянского периода. В это время была возведена прямоугольная в плане крепость (вопреки мнению Д. Дурдыева, относившего ее к позднесасанидскому времени). М.Е. Массон преувеличивает неправильность ее плана, не приводя при этом ее размеров. Как видно на современных космо- и аэрофотоснимках (рис. 1; 8, 2), крепость представляла собой прямоугольник размерами 150x178 м, ориентированный длинными сторонами по оси С-Ю (рис. 9). Стены и башни крепости сложены из сырцового кирпича типичных для парфянского периода размеров: 40x40x10 см (с отклонениями от типовых размеров на несколько см в большую сторону). Толщина стен варьировала от 3,30 до 3,75 м. Насколько можно судить, высота собственно стены была равна приблизительно 7 м.

¹⁶ Бадер, Гаиров, Губаев, Кошеленко 1995, 18–23.

¹⁷ Кошеленко 1985, 237–238; табл. XCV.

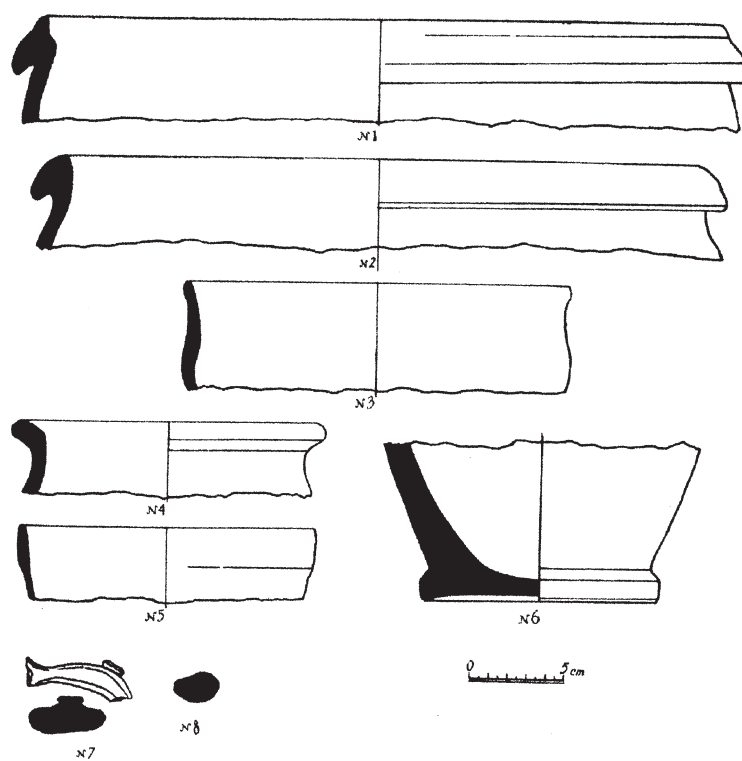

Рис. 5. Керамика ахеменидского, парфянского и сасанидского периодов
 Fig. 5. Ceramics of the Achaemenid, Parthian and Sassanian periods

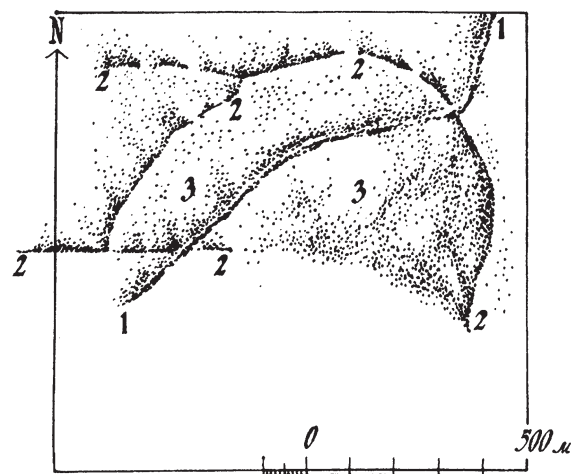

Рис. 6. Поселение ахеменидского-раннеэллинистического времени: 1) канал; 2) укрепления (вал, стены); 3) поселение
 Fig. 6. Settlement of the Achaemenid and Early Hellenistic time: 1) canal; 2) fortifications (shaft, walls); 3) settlement

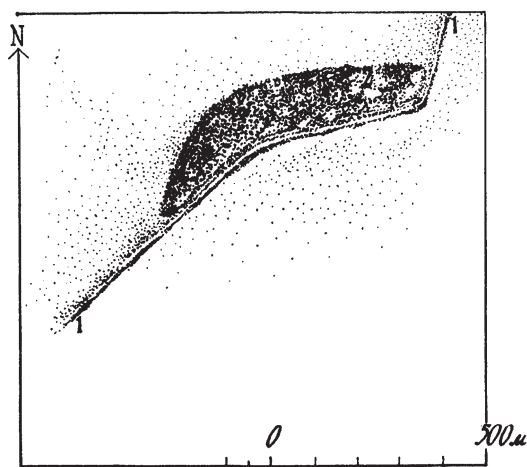

Рис. 7. Поселение раннепарфянского времени: 1) канал; 2) поселение
Fig. 7. Settlement of early Parthian times: 1) canal; 2) settlement

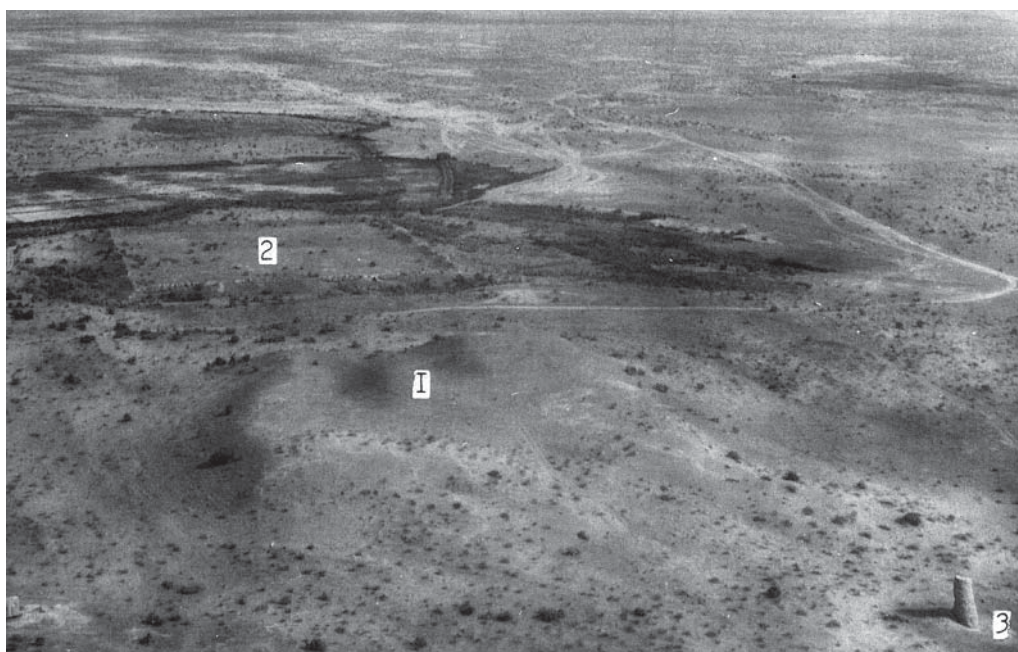

Рис. 8. Кёйне Кишман. Аэрофотоснимок. Вид с ЮЮЗ: 1) дөпе («замок») позднепарфянского времени; 2) крепость позднепарфянского времени; 3) минарет X–XI вв
Fig. 8. Kueyne Kishman. Aerial view. View from the SSW: 1) Depe («castle») of the Late Sassanian time; 2) a fortress of the late Parthian time; 3) minaret of the 10th and 11th centuries

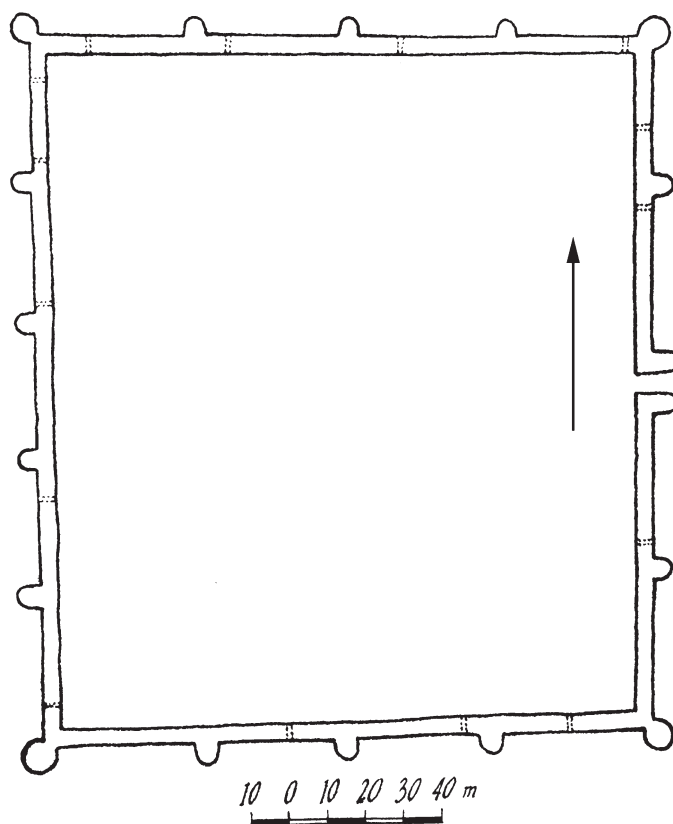

Рис. 9. Схематический план крепости парфянского времени (по: Дурдыев 1959)

Fig. 9. Schematic plan of the fortress of the Parthian time (after Durdyev 1959)

Внутренние коридоры были достаточно узки (менее 1 м.). Соответственно, внешняя стена имела толщину около 1,3 м., а внутренняя – 1,1 м. Коридор не был сплошным, а членился на отдельные отсеки, делившиеся лестницами, ведущими вверх – к валгангу и башням. Наличие этих проходов является своеобразием фортификации этой крепости. Функция данных 15 проходов в стенах остается непонятной. Некоторые из них могли служить калитками, что достаточно обычно в крепостном строительстве древности. Другие же, возможно, представляют собой проходы к дополнительным башням, которые так и не были построены. Во всяком случае, они не могли серьезно ослабить мощь обороны, поскольку перед стенами, судя по микрорельефу, располагался ров. В последующий период некоторые части стен были отремонтированы с применением сырцового кирпича размерами 37х37х10 см.

Крепость имела многочисленные башни: помимо четырех угловых, на северной и южной стороне находилось по три, на западной и восточной – по четыре, при этом две башни на восточной стороне фланкировали крепостные ворота. Башни имели овальную форму (кроме угловых, которые больше приближались к кругу). Расстояние между башнями составляло от 25 до 39 м. Ширина башен у

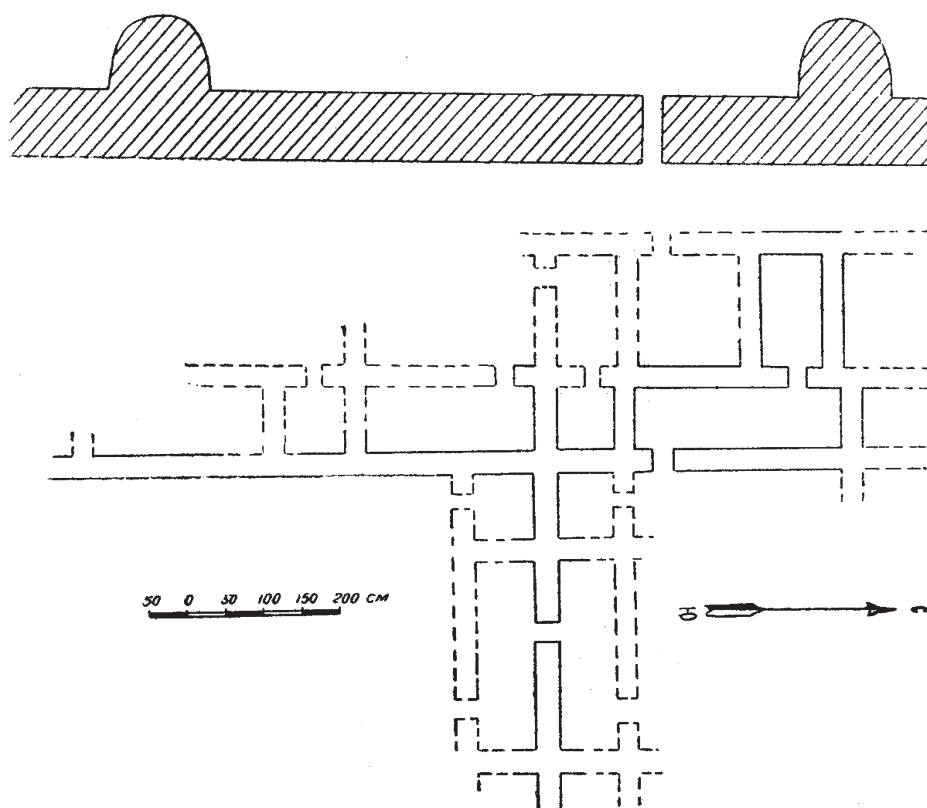

Рис. 10. План комплекса помещений у западной стены крепости (по: Дурдыев 1959)
 Fig. 10. Plan of the complex of premises near the western wall of the fortress (after Durdyev 1959)

стены: 4,5–5,5 м. За гладь стены они выступают на 4–4,5 м. Нижняя часть башен представляла собой монолит из сырцовых кирпичей. Размеры внутрибашенных помещений составляли примерно 4,1х2,3 м. Угловые башни были несколько более крупные, выступая за грань стены на 5–7 м.

Ворота располагались в середине восточной стены. Ширина ворот – 3,4 м. Они были фланкированы двумя башнями той же конструкции, что и все остальные, но больших размеров. Ширина их составляла 6 м, и выступали они на 5 м за гладь стены¹⁸. Внутрибашенное помещение (расчищенное ЮТАКЭ) имело размеры 5,1х2,6 м с двумя глубокими бойницами для лучников.

Д. Дурдыев расчистил остатки некоторых сооружений внутри крепости, рядом с ее западной стеной (рис. 10). Они были построены из сырцовых кирпичей размерами от 37х37х10 до 43х43х10 см. Однако план этих сооружений и их назначение остаются неясными.

¹⁸ Не совсем ясно, на каком основании Г.А. Пугаченкова утверждает, что ворота крепости «имеют усложненный коленчатый въезд, приближаясь по типу к тем предвратным лабиринтам, которые характерны для античных крепостей Хорезма» (Пугаченкова 1958, 55).

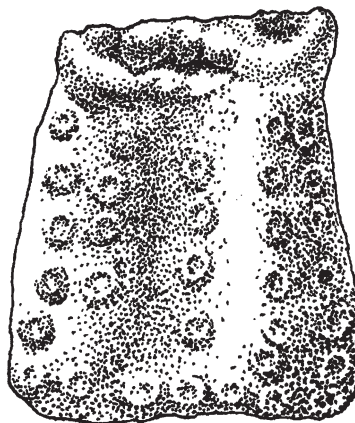

Рис. 11. Терракотовая статуэтка (фрагмент) парфянского времени (по: Дурдыев 1959)

Fig. 11. Terracotta figurine (fragment) of the Parthian time (after Durdyev 1959)

Можно предполагать, что вал, упоминавшийся выше, представляет собой границу того поселения, которое выросло вокруг крепости¹⁹. Подъемный материал этому не противоречит. На территории крепости и непосредственно вокруг нее была собрана представительная коллекция керамики позднепарфянского и раннесасанидского времени. При этом значительную часть находок составляет керамика парфянского времени²⁰, фрагменты сосудов явно сасанидского времени встречаются гораздо реже. В этой коллекции наиболее интересным представляется венчик небольшого сосуда (вероятно, горлышко небольшой банки), изготовленного из розовой глины, покрытой светлым ангобом (рис. 5, 4). Такая керамика была типичной для I–III вв. н.э.²¹ Характерен еще один фрагмент: верхняя часть чаши из розовой глины со светлым, блестящим, очень тонким ангобом (рис. 5, 5)²².

Среди находок необходимо особо выделить монету, по определению Д. Дурдыева, она представляет собой подражание Гелиоклу того типа, который опубликовал В.М. Массон²³. Кроме того, интересна также и терракотовая статуэтка (точнее ее нижняя часть), типичная для позднепарфянского времени – в виде плоской плакетки (рис. 11)²⁴. Но помимо фрагмента статуэтки, найденной Д. Дурдыевым, на памятнике (в пределах крепости и рядом с ней) сотрудниками ЮТАКЭ было собрано еще несколько терракотовых статуэток с изображением «Великой Маргианской богини» типичного парфянского облика (к сожалению, ни одна из них не была воспроизведена). Также встречена фигурка юноши со вздытыми руками и головка льва с процарапанными усами²⁵.

¹⁹ Пугаченкова 1958, 54–55.

²⁰ Массон 1966, 97.

²¹ Кошеленко 1985, 237–238; табл. XCVI.

²² Дурдыев 1959, рис. 12.

²³ Массон 1956, 64, табл. 5.

²⁴ Дурдыев 1959, рис. 12.

²⁵ Массон 1966, 97.

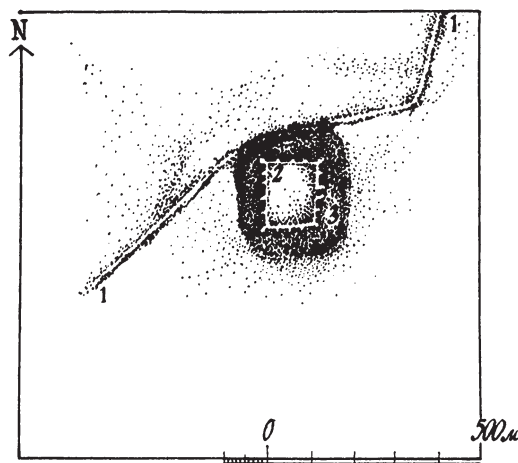

Рис. 12. Поселение позднепарфянского-раннесасанидского времени: 1) канал; 2) крепость 3) поселение

Fig. 12. Settlement of Late Parthian-Early Sassanian time: 1) canal; 2) fortress; 3) settlement

Массон полагал, что крепость была возведена в III в. н.э., при первых Сасанидах. Более вероятно, однако, что она была основана в позднепарфянское время (рис. 12), как и другие подобные крепости в северной части Мервского оазиса. В это время население снабжалось водой из того же канала, который функционировал в предыдущий период. Внутри крепости имелись сооружения, что позволяет рассматривать ее как относительно небольшой укрепленный город. Остатки зданий были обнаружены в ходе работ экспедиции Д. Дурдыева, и они хорошо видны на аэрофотоснимках, имевшихся в распоряжении САЭ.

Очевидно, данный населенный пункт, состоявший из центральной крепости и окруженного валом поселения вокруг нее, представляет собой город Арату (Ἀράθα, Aratha), который упоминает в своем сочинении «Географическое руководство» Клавдий Птолемей при перечислении городов, расположенных в Маргиане²⁶ (рис. 13). Не вдаваясь в детали, подробно изложенные в соответствующих публикациях, можно вкратце изложить суть метода, примененного при локализации городов Маргианы, упоминаемых в труде Птолемея. Главной составляющей любого пространственного анализа взаиморасположения любых объектов является анализ расстояний. Кратчайшим расстоянием между памятниками является расстояние по прямой. Если нарисовать на карте (условно) эти прямые между тремя любыми городами, то получим треугольники, вершинами которых будут города, а

²⁶ Гаилов, Требелева 2006, 157–164; Гаилов, Кошеленко, Требелева 2010, 117–121; Гаилов, Кошеленко, Требелева 2011, 65–95. Следует отметить, что первые попытки отождествления некоторых из городов, отмеченных на карте Птолемея, с городищами, обследованными ЮТАКЭ в 1950–1952 гг., предприняла Г.А. Пугаченкова. Опираясь исключительно на географические координаты карты, она сопоставила упоминаемые Птолемеем Ясонион с Чичанлык-депе, Арату – с Акча-депе, Сену – с Дурнали, Ариаку – с Кишман-депе (Улы-Кишман – авт.), и Антиохию, естественно, – с Гяур-кала. См.: Пугаченкова 1958, 28, 45. При этом никаких других аргументов в пользу такого отождествления приведено не было.

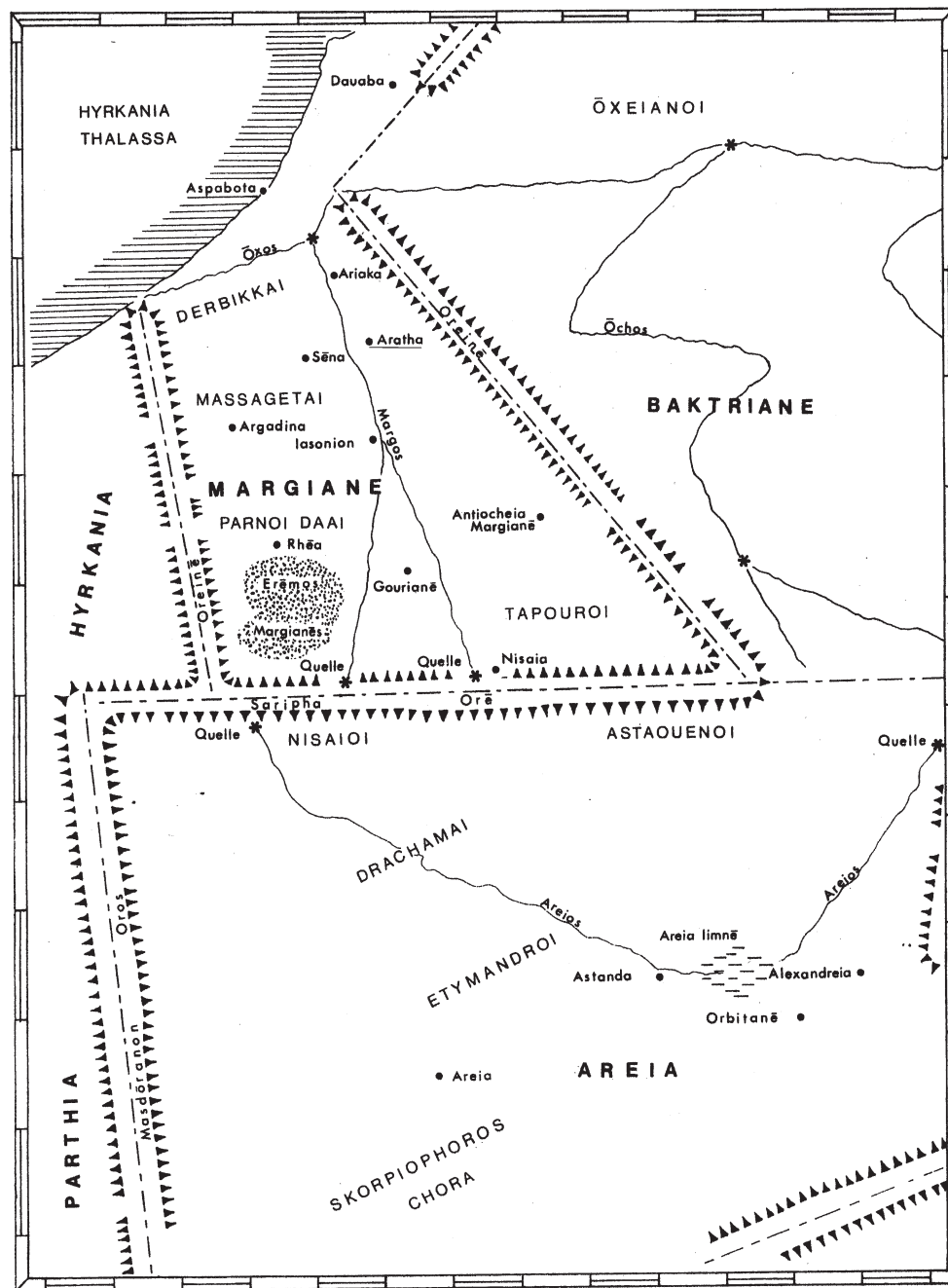

Рис. 13. Маргиана и прилегающие территории на карте Клавдия Птолемея (по: И. Ронка)
 Fig. 13. Margiana and adjacent territories on the map of Claudius Ptolemy (after I. Ronca)

сторонами – расстояния между ними. На карте Птолемея был построен треугольник, вершинами которого являлись Антиохия Маргианская, Арата и Сена. После этого был построен подобный треугольник и на «Археологической карте», составленной по результатам работ САЭ, где тремя вершинами стали городище Гяур-кала (с Эрк-калой), Кёйне Кишман и, наконец, Улы Кишман. После линейных измерений и анализа соотношения сторон был получен (при округлении до целого числа) единый коэффициент подобия, равный в нашем случае шести, т.е. 1 см на карте Птолемея соответствует 6 см на Археологической карте (рис. 14). Соответственно, со значительной долей вероятности можно говорить о том, что из равенства Гяур-кала = Антиохия Маргианская автоматически следует два других равенства: Арата = Кёйне Кишман (средневековый Кушмейхан), а Сена = Улы Кишман (средневековый Хурмузфарра).

Город Арата возникает в парфянское время и, видимо, продолжает существовать в раннесасанидское время.

Этот город, уже под названием Кушмейхан, упоминается и в средневековых письменных источниках. По свидетельству Динавери, возле Кушмейхана в первой четверти V в. произошла битва между сасанидским полководцем Бахрамом Гуром (впоследствии он стал царем Сасанидской империи и правил с 420 по 439 гг. под именем Варахрана V) и армией «хакана турок», закончившаяся полным разгромом последнего. Сасанидские войска преследовали разбитых врагов вплоть до Амуля²⁷.

Город был заброшен в VI или, может быть, в начале VII века²⁸. На территории крепости было обнаружено некоторое количество фрагментов керамики (рис. 5, 6–8). Наиболее характерной формой была верхняя часть ручки кувшина из розовой глины с легким ангобом, овальной в разрезе с глиняным налепом в виде «пуговицы». Такие ручки в маргианской керамике характерны с конца IV до первой половины VI в. н.э.²⁹

В 1985 году на территории крепости было обнаружено донце сосуда с оттиском эпиграфической печати. Кувшин, несомненно, датируется V–VI вв. Оттиск расположен в нескольких миллиметрах от края поля. Он представляет собой надпись на пехлеви из двух строк³⁰. Первая строка состоит из трех знаков, из которых читаются только второй и третий:] *m/t k/d*. Вторая строка, состоящая из трех или четырех знаков, нечитабельна. Надпись, вероятно, содержала имя владельца печати. Следует отметить, что в сасанидской сфрагистике надписи, как правило, сопровождали изображения, а чисто эпиграфические печати встречались довольно редко³¹.

В позднесасанидский период был образован новый центр расселения, располагавшийся к югу от крепости парфянского времени. Таким образом, в это время поселение состояло из двух частей: старой крепости с небольшой обжитой территорией вокруг нее и мощного замка в 200 м к югу от нее (рис. 15), возведенного, вероятно, не ранее V в. н.э.

²⁷ Шмидт 1958, 475; Массон 1966, 92–93.

²⁸ Массон 1966, 101–102.

²⁹ Филанович 1975, 103.

³⁰ Никитин, Согомонов 1987, 121.

³¹ Gignoux 1975, nn. 1.1. – 2.2.1.

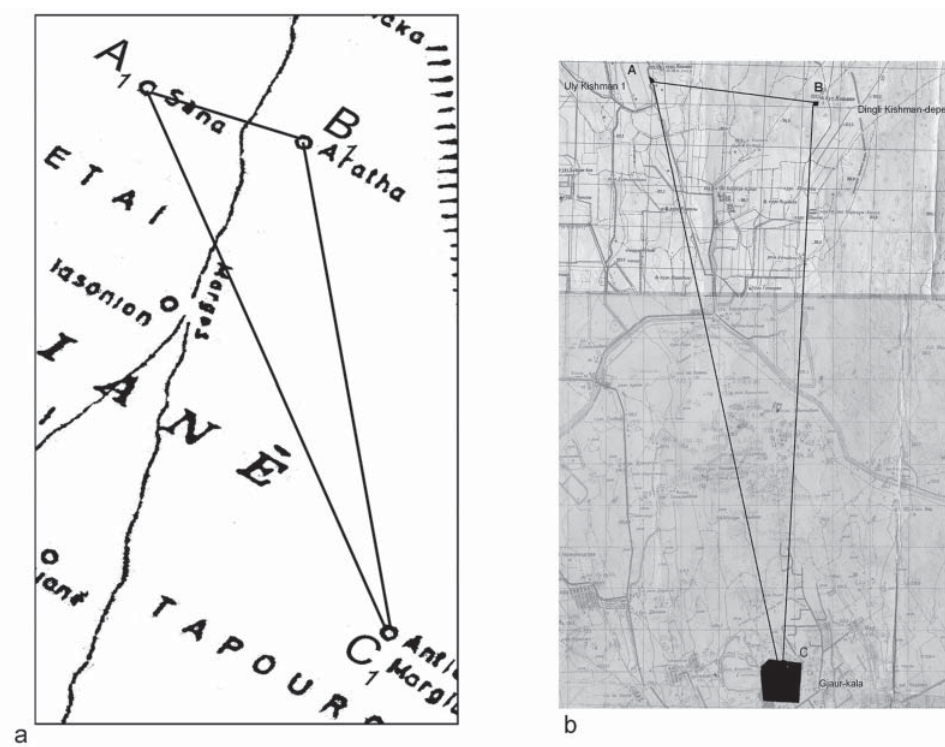

Рис. 14. Соотношение городов Арата и Сена на карте Птолемея (а) и городищ Дингли Кишман и Улы Кишман на Археологической карте Мервского оазиса (б)

Fig. 14. The ratio of the cities of Arat and Seine on the map of Ptolemy (a) and the settlements of Dingli Kishman and Uly Kishman on the archaeological map of the Merv oasis (b)

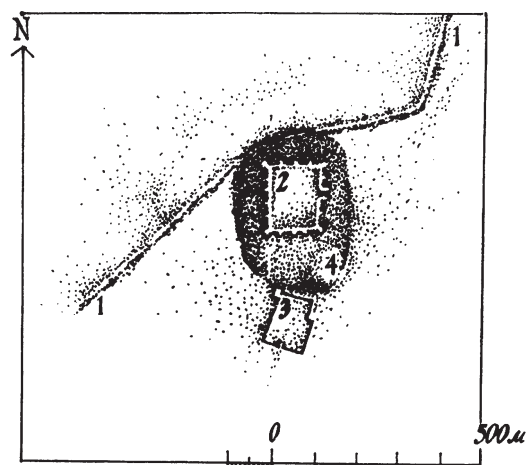

Рис. 15. Поселение позднесасанидского времени: 1) канал; 2) крепость; 3) замок (депе); 4) поселение

Fig. 15. Late Sassanian settlement: 1) canal; 2) fortress; 3) castle (depe); 4) settlement

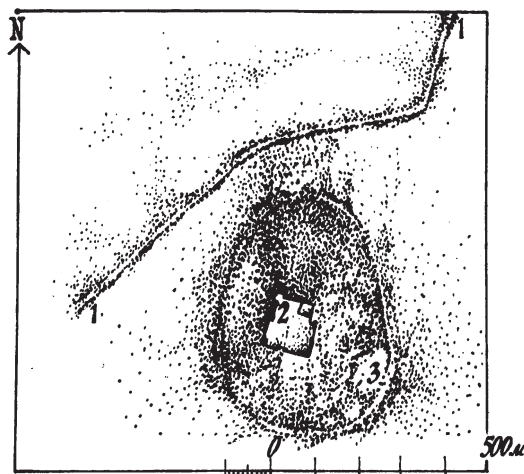

Рис. 16. Поселение раннеарабского времени: 1) канал; 2) замок («внутренний город»); 3) поселение

Fig. 16. Settlement of early Arab time: 1) channel; 2) castle («inner city»); 3) settlement

На момент обследования САЭ замок представлял собой огромный холм (депе), высотой до 20 м, прямоугольный в плане, ориентированный по длинной оси с ССВ на ЮЮВ (рис. 8, 1). Замок был построен на мощной платформе. Его размеры составляли примерно 105х125 м. К сожалению, никаких деталей его устройства указать нельзя, так как он многократно перестраивался и долгое время существовал в качестве арка города средневекового времени. В северо-восточном углу депе сохранились остатки большого подквадратного в плане здания, доминировавшего над всем комплексом. По периметру депе заметны остатки плохо сохранившихся стен. В его северной части есть довольно глубокий овраг. Общая площадь депе составляет около 5 га. Предположение о том, что этот замок был возведен на руинах ранней парфянской усадьбы, вполне вероятно, но не доказано³².

На территории депе была собрана большая коллекция позднесасанидской керамики (фрагменты чаш и больших кувшинов-хумов V–VII вв. н.э.). Найдены также клиновидные кирпичи, характерные для сасанидского времени.

Значительный рост поселения в округе Кёйне Кишмана наблюдается вскоре после арабского завоевания. Археологические исследования показали, что в этот период старая крепость была уже полностью заброшена, а вокруг замка разрастается новое большое поселение (рис. 16).

Это поселение упоминается в письменных источниках. Так, Табари писал, что в 696 году лагерь арабского отряда, который должен был идти на север через пустыню, располагался неподалеку от Кушмейхана³³. В 795 году, по словам Табари, аль-Харис ибн Сурайдж, который провел 12 лет «в стране кафиров», был встречен своими друзьями также неподалеку от Кушмейхана³⁴. Это место, кажет-

³² Массон 1966 102.

³³ Волин и др. 1939, 103.

³⁴ Волин и др. 1939, 120.

ся, сыграло важную роль во время борьбы Абу Муслима за свержение династии Омейядов. Согласно литературной традиции, именно из Кушмейхана группы сторонников Аббасидов выдвигались в Мерв. В своем романе об Абу Муслиме Шейх Тартуси писал, что в то время вокруг Кушмейхана было обильное орошение и цветущая растительность³⁵.

Период IX–XI вв. был, вероятно, временем расцвета Кушмейхана. Скромное поселение вокруг замка разрастается и превращается в небольшой город. Замок превратился во «внутренний» укрепленный город; в X в. город был обнесен стеной. Эта стена хорошо видна как на аэрофотоснимках, так и на местности. Она была хорошо заметна на севере, где проходила между «внутренним городом» и старой крепостью (к тому времени уже давно заброшенной). Здесь она образовывала почти прямую линию. Западный участок стены имел сложную конфигурацию с большим количеством изгибов и выступов (но их количество меньше, чем на плане М.Е. Массона). Восточная часть стены была менее извилистой, но она была почти полностью занесена зыбучими песками, и, следовательно, не все ее участки видны.

Южная часть стены почти не видна на местности, но она была довольно точно зафиксирована М.Е. Массоном (рис. 17). Кое-где различимы башни овальной формы. Кроме того, М.Е. Массон правильно локализовал расположение двух городских ворот.

К южной части стены подходил большой канал (вместо меньшего канала предыдущего периода). Он был образован слиянием двух малых каналов и проходил с юго-запада на северо-восток, почти параллельно бывшему каналу. Канал хорошо различим вплоть до южной части городской стены, где следы его теряются под зыбучими песками. Соответственно, неясно, протекал ли он через город или огибал его. Вероятно, этот канал снабжал водой Кушмейхан с округой и орошал сельскохозяйственную территорию.

Городская застройка протянулась с юга на север примерно на 1,1 км, с запада на восток – примерно на 0,95 км. Город в этот период занимал площадь около 80 га. Широкая главная улица, идущая от южных ворот прямо на север, являлась главным элементом городской планировки. М.Е. Массон проследил ее примерно на 900 м. Еще одна улица, идущая с запада на восток (к северу от цитадели), также была прослежена им примерно на 200 м. По его словам, торговая площадь располагалась в 50 м к югу от юго-западного угла цитадели. Размеры ее составляли 60х50 м, и она, вероятно, была огорожена. Внутри городских стен, в юго-западной части поселения, зафиксирован небольшой участок (70х40 м), где были найдены фрагменты надгробий. М.Е. Массон видел в нем остатки некогда почитаемого мазара, впоследствии забытого и заброшенного.

В середине западной части города сохранились остатки крупного здания, вокруг которого зафиксированы многочисленные фрагменты фигурного облицовочного кирпича. Среди отдельных зданий следует отметить также минарет (рис. 8, 3). Круглый в плане, он построен из сырцового кирпича (32х32х8 см). Диаметр его в основании составлял около 6,2 м, верхняя часть отсутствует; он сохранился

³⁵ Жуковский 1894, 162, прим. 1.

на высоту около 10 м. Вероятно, первоначально минарет был облицован обожженным кирпичом (28х28х5, 31х31х6 см)³⁶.

Несколько больших многокомнатных домов было обнаружено в восточной части города. Были также найдены остатки керамических печей.

Поселение в этот период не выходило за пределы городских стен. В 200 м к востоку от внешних стен сохранились развалины кёшка – типичного замка IX–X вв. для Мервского оазиса³⁷. В районе Кёйне Кишмана в этот период располагалось несколько караван-сараев. Четыре из них располагались восточнее южных городских ворот. Отдельно стоящий караван-сарай зафиксирован к юго-западу от этих ворот.

Среди находок с территории города можно выделить аббасидский фельс и большое количество керамики – обычной и глазурованной. Из обычной керамики следует отметить фрагменты сосудов VII–VIII вв. (рис. 18, 5–7). Данная керамика находит близкие аналогии в керамике Мерва этого периода. Все они – кувшины серой и розовой глины со светлым ангобом³⁸. Была найдена также керамика, идентичная керамике Мерва X в. (рис. 18, 11–12)³⁹.

Глазурованная керамика в изобилии встречается на территории города. Исследователи ЮТАКЭ особо отмечали раннюю глазурованную керамику ишкорного типа. Зафиксированы и другие находки глазурованной и неглазурованной керамики IX–X и X–XI вв.

Коллекция керамики, собранная в ходе разведочных работ САЭ, в целом сходна с керамикой из коллекции ЮТАКЭ. Среди глазурованной керамики многочисленны чаши типичных форм, датируемые X–XI вв. (рис. 19, 1–5). Глина, как правило, розового или кремового цвета, глазурь обычно была зеленой, с декором коричневого (рис. 19, 3) и желтого цвета. Помимо зеленой, глазурь была также желтой, голубой, светло- и темно-синей.

Город Кушмейхан довольно часто упоминается в письменных источниках IX–XI вв. Ибн Хордадбех писал о нем как о поселении, расположенном в пяти фарсах от Мерва⁴⁰. Аль-Якуби особо отмечал кушмейханский изюм⁴¹. Кудама ибн Джафар также упоминает Кушмейхан как большое поселение в пяти фарсах от Мерва на пути в Амуль⁴². Аль-Истахри указывает, что в Кушмейхане была расположена соборная мечеть и что расстояние между Кушмейханом и Мервом составляло один день пути⁴³. Аль-Макдиси был того же мнения об этом расстоянии⁴⁴. В анонимном персидском географическом сочинении «Худуд аль-Алем» Кушмейхан упоминался среди других больших и малых городов округа Мерва. При этом отмечается, что все поля орошались водой из «реки Мерва»⁴⁵.

³⁶ Пугаченкова 1958, 168.

³⁷ Пугаченкова 1958, 160–161.

³⁸ Заурова 1962, 118, табл. 1, 3; 199, табл. 3, 10; 206, табл. 9, 1.

³⁹ Лунина 1962, 231, рис. 8.

⁴⁰ Волин и др. 1939, 14.

⁴¹ Волин и др. 1939, 148.

⁴² Волин и др. 1939, 164.

⁴³ Волин и др. 1939, 174, 177.

⁴⁴ Волин и др. 1939, 207.

⁴⁵ Волин и др. 1939, 214.

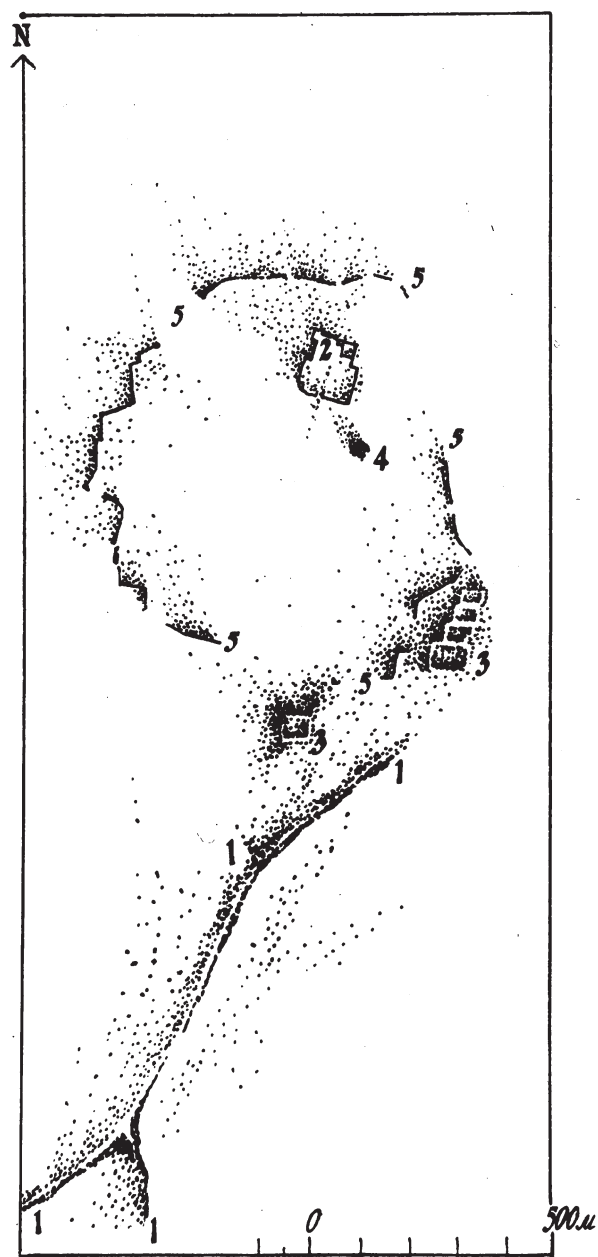

Рис. 17. Кушмейхан в IX–XI вв.: 1) канал; 2) «внутренний город»; 3) караван-сарай; 4) городская стена

Fig. 17. Kushmeikhan in the 9th – 11th centuries: 1) canal; 2) “inner city”; 3) caravanserais; 4) city wall

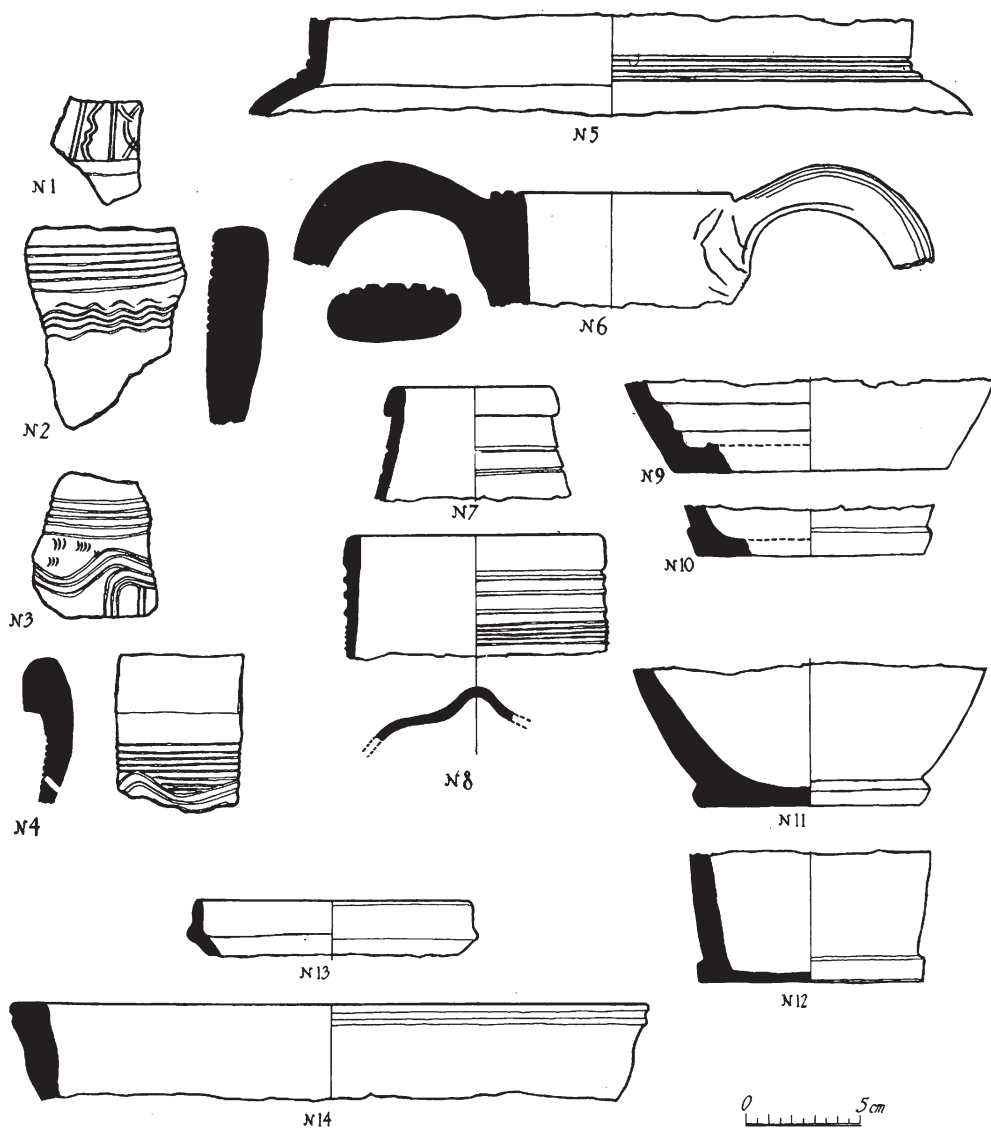

Рис. 18. Керамика средневекового времени
Fig. 18. Medieval ceramics

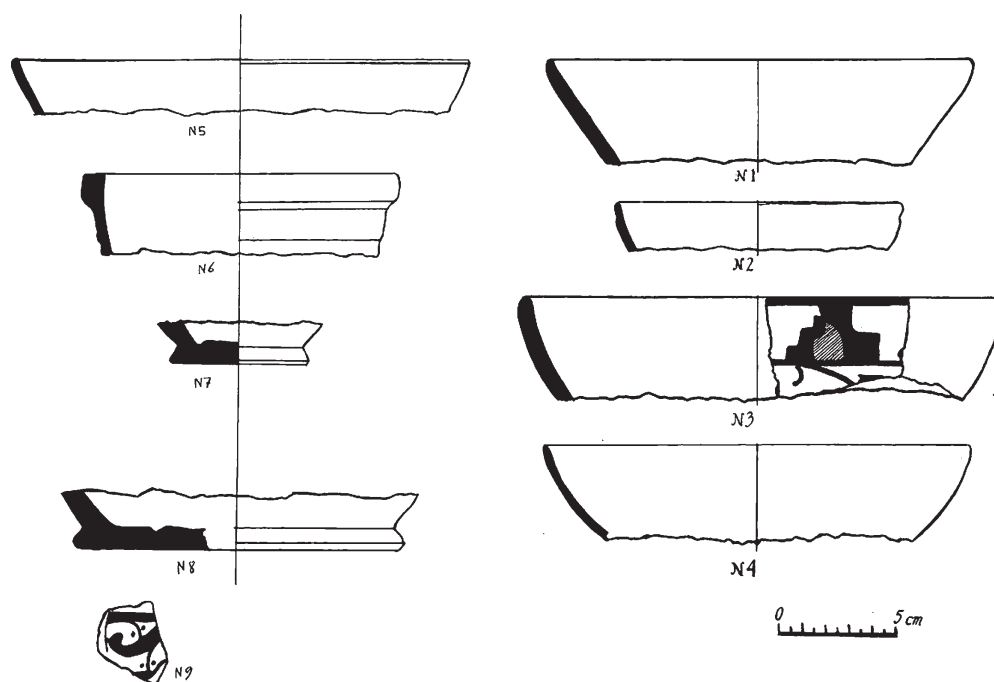

Рис. 19. Глазурованная керамика средневекового времени

Fig. 19. Medieval glazed ceramics

Упадок города приходится, очевидно, на конец X в. Керамика этого времени встречается в районе Кёйне Кишман довольно редко, а к последующему времени относятся лишь единичные экземпляры. Этот упадок отмечается и в письменных источниках. Среднеазиатский автор XII в. ас-Самани описывал Кушмейхан следующим образом: «...Кушмихан – одно из селений Мерва, в 5 фарсах от него, в песках, если идти в Мавераннахр. Оно было старинным селением, (теперь) им уже овладело разрушение»⁴⁶.

Подводя итоги исследования окрестностей Кёйне-Кишмана, можно реконструировать его историю следующим образом:

1. Позднеахеменидский период. Основание первого поселения. Вероятно, это уже укрепленное поселение было передовым постом в восточной части Мервского оазиса.

2. Раннеэллинистический период. Укрепленное поселение предыдущего периода продолжало свое существование. К укреплениям предыдущего времени были добавлены новые секции стен. Городище, по-видимому, было включено в общую оборонительную систему Мервского оазиса, доминантой которой являлась так называемая «стена Антиоха». В какой-то момент наблюдался временный упадок поселения, его территория уменьшилась и укрепления были заброшены.

⁴⁶ Волин и др. 1939, 340.

3. Раннепарфянский период. Постепенное возрождение жизни на памятнике и в его округе.

4. Позднепарфянский – раннесасанидский период. Жизнь в регионе активизируется; строится крепость с новым поселением вокруг нее.

5. Позднесасанидский период. Крепость и поселение предшествующего времени продолжают функционировать, к югу от них возводится большой замок. Вероятно, он также был окружен поселением.

6. Раннеарабский период (VIII–IX вв.). Крепость была уже заброшена, а замок был перестроен во «внутренний город» с примыкающим к нему большим поселением. Постепенно он превратился в новый маленький городок.

7. Период X–XI вв. В начале периода были возведены новые внешние стены, опоясывающие всю городскую территорию. Город растет и развивается, но в XI веке он стремительно приходит в упадок, вероятно, в результате «огузского нашествия».

Данная периодизация истории Кёйне-Кишмана/Кушмейхана и его округа, полученная в результате проведенных разведочных работ, в целом совпадает с периодами жизни других подобных групп на территории Мервского оазиса. Повидимому, она вообще типична для истории Маргианы эпохи древности и средневековья. Отличия наблюдаются лишь в начальный и последний периоды функционирования памятника.

ЛИТЕРАТУРА

- Бадер, А.Н., Гаилов, В.А., Губаев, А.Г., Кошеленко, Г.А. 1995: *Системы расселения и ирригации в Мервском оазисе (Туркменистан) от эпохи бронзы до средневековья*. М.
- Волин, С.Л., Ромаскевич, А.А., Якубовский, А.Ю. (ред.) 1939: *Материалы по истории туркмен и Туркмении*. Т. I. М.–Л.
- Вязигин, С.А. 1949: Стена Антиоха Сотера в древней Маргиане. В кн.: М.Е. Массон (ред.), *Труды ЮТАКЭ*. Т. I. Ашхабад, 267–270.
- Гаилов В.А. 2019: Крепость и поселение Дурнали: эволюция развития. *ПИФК* 3, 33–52.
- Гаилов, В., Кошеленко, Г. 2000: Маргиана – страна на краю ойкумены. *Наука в России* 3, 46–54.
- Гаилов, В.А. 2018: К вопросу об оборонительных сооружениях Маргианы. Крепость Чильбурдж. *ПИФК* 3, 157–169.
- Гаилов, В.А. 2018: Крепость Чанглы и ее округа: эволюция развития. *ПИФК* 4, 197–215.
- Гаилов, В.А., Кошеленко, Г.А., Требелева, Г.В. 2010: О городах парфянской Маргианы. В сб.: К Абдуллаев (ред.), *Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии*. Ташкент, 117–121.
- Гаилов, В.А., Кошеленко, Г.А., Требелева, Г.В. 2011: О локализации городов Маргианы парфянского времени. *ПИФК* 2, 65–95.
- Гаилов, В.А., Требелева, Г.В. 2006: О локализации двух городов Маргианы (о некоторых возможностях ГИС-технологий). *РА* 3, 157–164.
- Дурдыев, Д. 1959: Городище Старого Кишмана (отчет о раскопках 1956–57 гг.). *Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР*. Т. V. Ашхабад, 136–159.
- Жуковский, В.А. 1894: *Древности Закаспийского Края. Развалины Старого Мерва*. (Материалы по археологии России. Т. 16). СПб.
- Заурова, Е.З. 1962: Керамические печи VII–VIII веков на городище Гяур-кала. В сб.: *Труды ЮТАКЭ*. Т. XI. Ашхабад, 174–216.

- Кошеленко, Г.А. (ред.) 1985: *Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии*. М.
- Лессар, П.М. 1884: Заметки о Закаспийском крае и сопредельных странах. *Известия Императорского Русского географического общества*. Т. XX. СПб.
- Лунина, С.Б. 1962: Гончарное производство в Мерве X – начала XIII вв. В сб.: *Труды ЮТАКЭ*. Т. XI. Ашхабад, 217–418.
- Массон, В.М. 1956: Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиохла. *Эпиграфика Востока* XI, 63–75.
- Массон, М.Е. 1955: Средневековый путь из Мерва на Амударью (Чарджоу). *Известия АН ТССР* 1, 3–13.
- Массон, М.Е. 1966: *Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр (в пределах Туркменской ССР)*. (Труды ЮТАКЭ. Т. XIII). Ашхабад.
- Никитин, А.Б., Согомонов, А.Ю. 1987: Оттиски печатей и клейма на керамике сасанидского времени из Мервского оазиса. *ВДИ* 4, 118–123.
- Пугаченкова, Г.А. 1958: *Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма*. (Труды ЮТАКЭ. Т. VI). М.
- Филанович, М.И. 1974: *Гяур-кала*. В сб.: *Труды ЮТАКЭ*. Т. XV. Ашхабад, 15–139.
- Шмидт, А.Э. 1958: Материалы по истории Средней Азии и Ирана. *Ученые записки Института востоковедения АН СССР* XVI, 441–513.
- Bader, A., Gaibov, V., Koshelenko, G. 1992: Materials for an archaeological Map of the Merv Oasis: Köne Kishman. *Mesopotamia* 27, 225–250.
- Bader, A., Gaibov, V., Koshelenko, G. 1993/94: The Northern Periphery of the Merv Oasis from the Achaemenid Period to the Mongol Conquest. *Silk Road Art and Archaeology. Journal of the Institute of Silk Road Studies* 3, 51–70.
- Gignoux, Ph. 1975: Intailles sasanides de la collection Pirouzan. *Acta Iranica. Monumentum H.S. Nyberg* III, 13–32.
- Huntington, E. 1908: Description of the Kurgans of the Merv Oasis. In: R. Pumpelly (ed.), *Explorations in Turkestan: Expedition of 1904*. Vol. I. Washington, 219–232.

REFERENCES

- Bader, A., Gaibov, V., Koshelenko, G. 1992: Materials for an archaeological Map of the Merv Oasis: Köne Kishman. *Mesopotamia* 27, 225–250.
- Bader, A., Gaibov, V., Koshelenko, G. 1993/94: The Northern Periphery of the Merv Oasis from the Achaemenid Period to the Mongol Conquest. *Silk Road Art and Archaeology. Journal of the Institute of Silk Road Studies* 3, 51–70.
- Bader, A.N., Gaibov, V.A., Gubayev, A.G., Koshelenko, G.A. 1995: *Sistemy rasseleniya i irrigatsii v Mervskom oazise (Turkmenistan) ot epokhi bronzy do srednevekovia* [Settlement and irrigation systems in the Merv oasis (Turkmenistan) from the Bronze Age to the Middle Ages]. Moscow.
- Durdyev, D. 1959: Gorodishche Starogo Kishmana (otchet o raskopkakh 1956–57 gg.) [The settlement of Old Kishman (report on excavations 1956–57)]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN TSSR* [Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the TSSR] V, 136–159.
- Filanovich, M.I. 1974: Gyaur-kala. In: *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii* [Proceedings of the South Turkmenistan Archeological Complex Expedition] XV. Ashkhabad, 15–139.
- Gaibov, V., Koshelenko, G. 2000: Margiana – strana na krayu oykumeny [Margiana – a country on the edge of the oekumene]. *Nauka v Rossii* [Science in Russia] 3, 46–54.
- Gaibov, V., Koshelenko, G., Trebeleva, G. 2010: O gorodakh parfyanskoy Margiany [About the cities of Parthian Margiana]. In: K Abdullaev (red.), *Traditsii Vostoka i Zapada v antichnoy*

- kul'ture Sredney Azii* [The traditions of East and West in ancient culture of Central Asia]. Tashkent, 117–121.
- Gaibov, V.A. 2018: K voprosu ob oboronitelnykh sooruzheniyakh Margiany. Krepost Chilburdzh [To the question of Margiana fortifications. Fortress Chilburj]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 157–169.
- Gaibov, V.A. 2018: Krepost Changly i ee okruga: evolyuciya razvitiya [Changly fortress and its districts: evolution of development]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 197–215.
- Gaibov, V.A. 2019: Krepost i poseleniye Durnali: evolyutsiya razvitiya [Fortress and settlement Durnali: evolution of development]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 33–52.
- Gaibov, V.A., Koshelenko, G.A., Trebeleva, G.V. 2011: O lokalizatsii gorodov Margiany parfyanskogo vremeni [On the localization of the cities of Margiana of Parthian time]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2, 65–95.
- Gaibov, V.A., Trebeleva, G.V. 2006: O lokalizatsii dvukh gorodov Margiany (o nekotorykh vozmozhnostyakh GIS-tekhnologiy) [About localization of two cities of Margiana (about some possibilities of GIS technologies)]. *Rossiyskaya Arkheologiya* [Russian Archaeology] 3, 157–164.
- Gignoux, Ph. 1975: Intailles sasanides de la collection Pirouzan. *Acta Iranica. Monumentum H.S. Nyberg III*, 13–32.
- Huntington, E. 1908: Description of the Kurgans of the Merv Oasis. In: R. Pumpelly (ed.), *Explorations in Turkestan: Expedition of 1904*. Vol. I. Washington, 219–232.
- Koshelenko, G.A. (ed.) 1985: *Arkheologiya SSSR. Drevneyshiye gosudarstva Kavkaza i Sredney Azii*. [Archeology of the USSR. Ancient States of the Caucasus and Central Asia]. Moscow.
- Lessar, P.M. 1884: Zametki o Zakaspiyskom kraye i sopredelnykh stranakh [Notes on the Transcaspien region and neighboring countries]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Bulletin of the Imperial Russian geographical society]. T. XX. Saint Petersburg.
- Lunina, S.B. 1962: Goncharnoye proizvodstvo v Merve X – nachala XIII vv. [Pottery production in Merv 10th – early 8th centuries]. In: *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii* [Proceedings of the South Turkmenistan Archeological Complex Expedition] XI. Ashkhabad, 217–418.
- Masson, M.E. 1955: Srednevekovyy put iz Merva na Amul (Chardzhou) [Medieval route from Merv to Amul (Chardzhou)]. In: *Izvestia AN TSSR* [Proceedings of the Academy of Sciences of Turkmen SSR] 1, 3–13.
- Masson, M.E. 1966: Srednevekovye trgovye puti iz Merva v Khrezm i v Maverannakhr (v predelakh Turkmenskoy SSR) [Medieval trade routes from Merv to Khorezm and to Maverannakhr (within the Turkmen SSR)]. In: *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii* [Proceedings of the South Turkmenistan Archeological Complex Expedition] XIII. Ashkhabad.
- Masson, V.M. 1956: Drevnebaktriyskiye monety chekanennyye po tipu tetradrakhm Geliokla [Ancient Bactrian coins minted after the Heliocles tetradrachms]. *Epigrafika Vostoka* [Epigraphy of the East] XI. 63–75.
- Nikitin, A.B., Sogomonov, A.Yu. 1987: Ottiski pechatey i kleyma na keramike sasanidskogo vremeni iz Mervskogo oazisa [The stamps and hallmarks on pottery of the Sasanian time from the Merv Oasis]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 118–123.
- Pugachenkova, G.A. 1958: Puti razvitiya arkhitektury Yuzhnogo Turkmenistana pory rabovladieniya i feodalizma [Ways of architectural development of Southern Turkmenistan in time of slavery and feudalism]. (*Trudy YuTAKE VI*) [(Proceedings of the South Turkmenistan Archeological Complex Expedition VI)]. Moscow.

- Shmidt, A.E. 1958: Materialy po istorii Sredney Azii i Irana [Materials on the history of Central Asia and Iran]. *Uchenyye zapiski Instituta vostokovedeniya AN SSSR* [Scientific notes of the Institute of Oriental studies of the USSR Academy of Sciences] XVI, 441–513.
- Volin, S.L., Romaskevich, A.A., Yakubovsky, A.Yu. (eds.) 1939: *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii* [Materials on the history of the Turkmens and Turkmenia]. Moscow–Leningrad.
- Vyazigin, S.A. 1949: Stena Antiokha Sotera v drevney Margiane [Wall of Antiochus Soter in ancient Margiana]. In: M.E. Masson (ed.), *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii* [Proceedings of the South Turkmenistan Archeological Complex Expedition] I. Ashkhabad, 260–275.
- Zaurova, E.Z. 1962: Keramicheskiye pechi VII–VIII vekov na gorodishche Gyaaur-kala [Ceramic kilns of the 7th–8th centuries at the Gyaaur-kala settlement]. In: *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii* [Proceedings of the South Turkmenistan Archeological Complex Expedition] XI. Ashkhabad, 174–216.
- Zhukovskiy, V.A. 1894: *Drevnosti Zakaspiyskogo Kraya. Razvaliny Starogo Merva*. [Antiquities of the Transcaspian region. Ruins of Old Merv]. (Materialy po arkheologii Rossii) [Materials on the archeology of Russia] 16. Saint-Petersburg.

KYEYNE KISHMAN/KUSHMEIKHAN, THE FORTRESS ON THE MERV OASIS NORTHEASTERN FRONTIER: FROM THE ACHAEMENIDS TO ARAB CONQUEST

Vasif A. Gaibov

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia
gaibov@mail.ru

Abstract. The article deals with an impressive group of ruins on the northeastern outskirts of the Merv Oasis (Margiana of ancient authors, modern Mary velayat of Turkmenistan), uniting several monuments of different times and different types, now known as Kyeyne Kishman (medieval Kushmeikhan). A complete archaeological survey of the area, carried out by the route groups of the Central Asian archaeological expedition of the Institute of Archeology USSR Academy of Sciences (RAS) in the 1980s and early 1990s of the last century, made it possible to restore the following picture of the dynamics of the development of this “micro-oasis”. The first fortified settlement in this area appeared at the end of the Achaemenid period, probably as an outpost in the eastern part of the Merv Oasis. At the beginning of the Hellenistic period, it continued to function, acquiring new fortifications. However, at some point, there was the time of decline: settlement territory reduced and the fortifications were abandoned. A gradual community reconstruction in the settlement and in its surroundings took place in the next, Early Parthian period. In the Late Parthian and Early Sassanian periods, life in the region became more active: a fortress was built with a new settlement around it. In the Late Sassanian period, the fortress and settlement continued to function, to the south of them a large castle was constructed with an adjoining settlement. By the Early Arab period (8th–9th centuries), the fortress had already been abandoned, and the castle had been rebuilt into an “inner city” with a large settlement adjacent to it. In the 10th century, new external walls were erected, girdling parts of the entire urban area. The city grew and developed, but in the 10th century it rapidly fell into decline, probably as a result of the “Oguz invasion”.

Keywords: Merv Oasis, Margiana, fortification, Kyeyne Kishman, Arata, Kushmeikhan

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2020), 185–204
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2020), 185–204
©Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-4-70-185–204

«СОБАК ВОЙНЫ С ЦЕПИ СПУСКАЯ»: НАЕМНЫЙ КОНТИНГЕНТ В МАКЕДОНСКОЙ АРМИИ ВРЕМЕН ФИЛИППА II

А.А. Клейменов

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула,
Россия*
alek-klejmenov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль, которую играли наемники в македонском войске времен Филиппа II. Определяется, что привлечение большого количества наемников и стабильная оплата их услуг были обеспечены ростом доходов македонской монархии вследствие экономических преобразований, проведенных Филиппом. Служившие македонскому царю «солдаты удачи» отличались высокими боевыми качествами благодаря специальным мерам, направленным на укрепление их дисциплины и боеспособности. Командование военными операциями, в которых участвовали отряды наемников, осуществлял либо сам Филипп, либо македонские военачальники. Формировался наемный контингент македонской армии за счет выходцев из Иллирии, Фракии и различных регионов греческого мира.

На ранних этапах развития новой «военной машины» Филипп должен был активно привлекать на службу греческих гоплитов, компенсировавших слабость еще формируемой македонской фаланги. В дальнейшем царь стал нанимать преимущественно легковооруженных «солдат удачи»: пельтастов, критских лучников и пращников. Попытки выявить особенности боевого использования наемных подразделений показывают, что первоначально они вели военные действия совместно с македонянами под командованием самого царя. После 346 г. до н.э., когда македонская военно-политическая экспансия в Греции вышла на новый уровень, отдельные отряды наемников начали более активно использоваться на второстепенных стратегических направлениях и в качестве гарнизонов, размещавшихся в подчиненных землях. Вместе с тем анализ источников позволяет утверждать, что и в последнее десятилетие правления Филиппа «солдаты удачи» входили в состав полевой армии македонского царя и принимали участие в важнейших военных кампаниях. Присутствие легковооруженных наемников облегчало штурм городов и ведение войны в горах, позволяло прикрывать боевые порядки во время полевых сражений, а также давало Филиппу возможность тратить больше людских ресурсов на развитие македонской фаланги и кавалерии гетайров.

Ключевые слова: Македония, Классическая Греция, Филипп II, наемники, военное дело, военная организация

Данные об авторе: Клейменов Александр Анатольевич – доктор исторических наук старший научный сотрудник кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого.

Большое влияние военно-политической деятельности македонского царя Филиппа II на ход истории античного мира неоспоримо. Принявший от предшественников практически умиравшее государство Аргеадов, он сумел за годы своего правления создать ведущую державу Балканского полуострова. Во многом успех был обеспечен созданием новой армии, которая после выхода на пик возможностей десятилетиями не знала равных на полях сражений Европы и Азии. Ее ядром заслуженно считаются легендарная фаланга и кавалерия гетайров, однако нельзя забывать, что Филипп как военачальник являлся порождением бурной эпохи, настоящим символом которой были эллинские наемники, выступавшие одним из главных компонентов войск не только в греческом мире, но и за его пределами¹. Входили они и в «военную машину» царя-реформатора, став ее важной, но часто недооцениваемой составляющей.

1. Материальное обеспечение инкорпорирования

Филипп II, конечно, не был первым правителем Македонии, прибегавшим к услугам «солдат удачи». Так, Фукидид (IV. 124. 4 – 125. 1) сообщает о неудачно закончившейся попытке Пердикки I использовать иллирийских наемников в походе на линкестов 423 г. до н.э., а благодаря Ксенофону (Hell. V. 2. 38) известно, что спартанцы советовали Аминте III привлечь наемников для войны с Олинфом. Впрочем, считать, что наемный контингент был привычной частью вооруженных сил монархии Аргеадов в дофилипповский период², нельзя. Объективным препятствием в развитии подобной практики были ограниченные финансовые ресурсы Македонии того времени³. Ситуация изменилась при Филиппе II, который сумел благодаря экономическим преобразованиям значительно увеличить доходы царства Аргеадов⁴. При этом указанный македонский царь получаемые средства не накапливал, а активно расходовал на проведение военных кампаний⁵. Оплата услуг наемников была существенной частью этих затрат. Так, Диодор указывает, что Филипп, наладив золотодобычу в районе Кренид, обеспечил себе годовой доход в 1 000 талантов, благодаря чему собрал значительные силы наемников (μισθοφόρων τε δυνάμιν ἀξιόλογον συνεστήσατο) (Diod. XVI. 8. 6–7). По мнению Демосфена, на выплаты наемникам уходили доходы Филиппа с фессалийских

¹ Различные точки зрения о данной тенденции: Маринович 1975, 73–91; Парк 2013, 136–168; Griffith 1935, P. 2–7; Seibt 1977, 219–222; Miller 1984, 153–159; Burckhardt 1996, 76–153; Tourraix 1999, 201–216; Trundle 2004, 7–8; Rop 2019, 231–235.

² Подобное мнение см. Sekunda 2010, 449; King 2017, 32.

³ Nawotka 2010, 12; Greenwalt 2014, 42.

⁴ Подробнее о финансово-экономической политике Филиппа II: Hammond 1979, 658–663; Millett 2010, 486–495; Ruffing 2017, 130–132. Скептическое отношение к масштабу экономических преобразований Филиппа см. Montgomery 1985.

⁵ Из данных письменной традиции известно, что Филипп оставил после своей смерти практически пустую казну (см. Plut. Alex. 15; Arr. Anab. VII, 9, 6; Curt. X, 2, 24.). Склонность Филиппа к большим тратам упомянул Феопомп, изображавший македонского царя неразумным транжирой (FGh 115, F225=Athen., IV, 166f), в данном случае стремясь подчеркнуть наличие качеств, которое сам автор явно презирал (см. Pownall 2004, 150–151). Более взвешенную оценку привел Юстин, указавший, что самые огромные богатства Филипп воспринимал лишь как средство для ведения войны (IX, 8, 5–7). Современная оценка данной тенденции: Millett 2010, 495–496; Holt 2016, 24–26; Уоррингтон 2014, 228.

гаваней и рынков (I. 22). Филипп платил наемникам не только много, но и стабильно. Как было отмечено в историографии, источники практически ничего не сообщают о наличии у него проблем с материальным содержанием наемников, характерных для греческих военачальников⁶. Единственным исключением является стратегема Полиэна, упоминающая, что однажды Филиппа, занимавшегося борьбой, окружили воины, требовавшие жалования, на что не имевший денег царь ответил шуткой и затягиванием времени (IV. 2. 6). Впрочем, это свидетельство не может восприниматься как проявление общей тенденции ввиду своего явно анекдотичного характера⁷.

2. Состав и организация

Развитие института наемничества к середине IV в. до н. э. позволяло при наличии денежных средств получить готовое войско «кондотьеров» со своей системой командования и вспомогательным персоналом⁸. Комплектовалось оно профессионалами, по своим боевым качествам заметно превосходившими представителей полисной милиции⁹. Однако наемники, служившие Филиппу, в лучшую сторону отличались от того, что предлагал рынок. Демосфен во «Второй Олинфской речи», датированной 349 г. до н. э., несмотря на стремление подчеркнуть слабость Македонии, в том числе через трансляцию недостоверной информации¹⁰, признал, что наемники (ξένοι) и «пешие друзья» Филиппа считаются достойными удивления (θαυμάστοι) и закаленными в военных делах (συσκευροτήμενοι τὰ τοῦ πολέμου), но заметил, что наиболее выдающихся из них завистливый царь изгоняет (II. 17). Схожий тезис приводится и в ответе на письмо Филиппа 340 г. до н. э., где оратор сообщает, что служившие последнему начальники наемников (τῶν ξένων ἡγεμόνας), наряду с гетайрами, заработали славу мужеством, но бояться нрава монарха и подвергаются унижениям, вызванным ревностью к их успехам (Dem. XI. 10–12). Здесь противник Филиппа не только отмечает высокие качества его наемников, но и невольно раскрывает причину их появления. Речь идет о мерах, направленных на укрепление дисциплины и боеспособности, которые пристрастный наблюдатель превратил в «унижения». Об их реальной сути известно благодаря Полиэну (IV. 2. 1), упоминающему, что Филипп за принятие теплых ванн в лагере снял с начальствующей должности «тарентинца Докима» (Δόκιμον Ταραντῖνον), который, очевидно, являлся наемником¹¹. Известно, что схожие меры применялись и к македонским командирам¹². Иными словами, требования, которые Филипп предъявлял к обеим категориям личного состава, мало различались. Это позволяет полагать, что «солдаты удачи» также участвовали в систематических учениях и тренировках, характерных для новой армии Филиппа¹³. Послед-

⁶ Маринович 1975, 92, прим. 52; Парк 2013, 184–185.

⁷ Roisman 2014, 78.

⁸ Маринович 1975, 173–176; Trundle 2004, 110–117.

⁹ Подробно об уровне подготовки греческих наемников и их военных навыках см. Bettalli 2013, 403–432.

¹⁰ Worthington 2012, 137.

¹¹ Griffith 1935, 24, n. 1; Heckel 2006, 308–309.

¹² См. Polyæn. IV, 2, 3.

¹³ См. Diod. XVI, 3, 1–2; Polyæn. IV, 2, 10; Front. Strat. IV, 1, 6.

ний не был первым военачальником, применявшим подобный подход к наемному контингенту. Благодаря Ксенофону (Hell. VI. 1. 6) известно, что Ясон Ферский упражнениями совершенствовал подготовку наемников, удаляя со службы недостаточно выносливых. Знаменитый командир наемников Ификрат для обеспечения их боеспособности постоянно устраивал учения и организовывал различные работы (см. Polyaeu. III. 9. 32; Nep. 11. 2). Возможно, Филипп сознательно опирался на опыт указанных предшественников¹⁴. В его военно-организационной деятельности выявляются и явно новаторские составляющие, нацеленные на повышение эффективности наемников. Одним из главных недостатков «солдат удачи» того времени была плохая управляемость на стратегическом уровне: командиры наемников во время кампаний не столько руководствовались интересами работодателя, сколько преследовали цели, связанные с наживой¹⁵. Это делало применение наемников потенциально опасным, о чем Исократ назидательно напоминал в письме, адресованном Филиппу (II. 19). Тем не менее последний осознавал необходимость ограничения полномочий наемников и не позволял им принимать важные решения. Согласно выводу Г.У. Парка, командование над их подразделениями как Филипп, так и Александр поручали исключительно македонянам¹⁶. Это заключение верно отражает общий характер кадровой политики Филиппа, но нуждается в дополнении: согласно источникам, в наемной части македонского войска были иностранные командиры (ἡγεμόνες)¹⁷, однако данных о том, что им поручалось руководство операциями, действительно нет. Командование на этом уровне было прерогативой самого Филиппа и македонских военачальников.

Требовательность не мешала Филиппу, отличавшемуся хорошей платежеспособностью, привлекать на службу многочисленных «псов войны». Г.Т. Гриффит предположил, что наемники к Филиппу поступали из близлежащей Халкидики, Иллирии и материковой Греции¹⁸, однако данный перечень может быть дополнен. «Кондотьерами» негреческого происхождения, входившими в войско Филиппа, несомненно, являлись и выходцы из соседней Фракии, где наемничество из-за особенностей социально-экономического развития было распространенным и престижным занятием¹⁹. Фракийские пельтасты начиная со времен Пелопонес-

¹⁴ Billows 1995, 11; Парк 2013, 189 (о возможной параллели между практикой Филиппа II и Ясона Ферского); Matthew 2015, 34 (о влиянии опыта Ификрата на систему подготовки представителей македонской армии во времена Филиппа).

¹⁵ Самоуправство наемников и их военачальников часто фигурирует в речах Демосфена, упоминающего нападения на союзников Афин вместо врагов и грабеж (см. II, 28; XIII, 6; XXIII, 139–186). О наличии данной тенденции: Маринович 1975, 40, 97; Mossé 1962, 317–318; Trundle 2004, 147–159; Sears 2019, 123–126. Особое мнение озвучено У. К. Притчеттом (Pritchett 1974, 78–89), а вслед за ним и П.Д. Сэлмондом (Salmond 1994, 43–51), полагающими, что обвинения командиров наемников в нелояльных действиях и злоупотреблениях могли быть несправедливы и обусловлены внутрисполитической борьбой.

¹⁶ Парк 2013, 188.

¹⁷ По мнению Г.Т. Гриффита, присутствие иностранных наемников на командных должностях прослеживается только один раз как при Александре, так и при Филиппе, что является исключением в общей кадровой политике македонских царей (Griffith 1979, 441). В данном случае, в частности, игнорируются упоминания критян, выполнявших обязанности начальников лучников.

¹⁸ Griffith 1935, 10.

¹⁹ Крыкин 1999, 62.

ской войны широко использовались как в Греции, так и далеко за ее пределами²⁰. Очевидно, они составляли часть наемного контингента армии Филиппа до завоевания фракийских территорий, однако сложно определить, оставались ли после этого фракийцы, присутствовавшие в войске, наемниками или же служили по принуждению²¹. Эллинские «солдаты удачи» поступали к Филиппу не только из Халкидики или материковой Греции, но и из остальных частей обширного греческого мира, не исключая Италию, откуда происходил упоминавшийся выше Доким. Это было характерно для наемных войск того времени, укомплектованных уроженцами различных регионов²². Частью корпуса наемников Филиппа являлись лучники с Крита. И греческие, и «варварские» военачальники того времени привлекали их в ряды своих армий весьма часто²³. Спрос на услуги критян определялся их мастерством в стрельбе и тактической гибкостью²⁴. Единственным письменным упоминанием наличия лучников-критян в армии Филиппа можно считать известный благодаря Афиней (X. 421c) фрагмент пьесы Мнесимаха, где в юмористической форме критские стрелы (ἀκίδας Κρητικάς) подаются как привычный для македонян атрибут²⁵. Помимо этого, стрелки с Крита являлись частью войска сына Филиппа Александра. Они были участниками сражений с персами²⁶, при этом критянин Эврибот, занимавший должность командира лучников, погиб в 335 г. до н.э. при штурме Фив (Arr. Anab. I. 8. 4). Последнее обстоятельство указывает на то, что критские лучники входили в войско, которое Александр унаследовал от отца. Другим островом, активно поставлявшим воинов, специализировавшихся на метательном оружии, был Родос. Речь идет о родосских прашниках, являвшихся одним из распространенных видов наемников в классическое время²⁷. Несмотря на отсутствие прямых указаний источников, можно полагать, что Филипп, подобно другим полководцам, прибегал к их услугам.

Отнесение остальных наемников Филиппа к тому или иному роду войска является сложной задачей. Озвученное в литературе мнение о том, что греческая наемная пехота на македонской службе состояла из гоплитов и пельтастов²⁸, представляет собой лишь отсылку к общей практике эпохи. По сути, единственным источником, проливающим свет на данную проблему, является «Третья речь против Филиппа» Демосфена, где указывается, что Филипп не решает исход войн в открытых сражениях, не воюет с помощью фаланги гоплитов (τῷ φάλαγγα ὀπλιτῶν), а использует легковооруженных, кавалерию, лучников и наемников (ξένους), дей-

²⁰ См. Маринович 1975, 19; Best 1969, 110–119; Trundle 2004, 118; Hunt 2007, 120; Sears 2013, 230–238; Braund 2015, 357. Особое мнение по данному вопросу, не поддержанное другими специалистами, озвучил Г.Т. Гриффит, по версии которого после времен Ификрата фракийские пельтасты перестали быть востребованы на рынке наемников (Griffith 1935, 239).

²¹ Обзор мнений по этому вопросу: Йорданов 2000, 129–130.

²² Маринович 1975, 117–118; Trundle 2004, 132.

²³ Thuc. VI, 25, 2; 43, 1; VII, 57, 9; Xen. Anab. I, 2, 9; III, 3–7, 15–20; 4, 14–17; IV, 2, 28–32; Xen. Hell. IV, 2, 16; 7, 6.

²⁴ Willetts 1977, 212; Snodgrass 1999, 40; Chaniotis 2004, 70; Sekunda 2007, 343.

²⁵ О содержании и посыле этого фрагмента Müller 2018, 77–78.

²⁶ См. Arr. Anab. II, 9, 2–4; Diod. XVII, 57, 4; Curt. III, 9, 9; IV, 13, 31.

²⁷ Об этом: Маринович 1975, 19; Trundle 2004, 118; Ray 2009, 17–18; Brice 2012, 124. Отдельное мнение по данному вопросу высказано А. Г. Расселом, предположившим, что в IV в. до н.э. роль родосских прашников на рынке профессиональных услуг снизилась (Russel 1942, 107).

²⁸ For 2008, 54; Tarn 1930, 11; Demandt 2013, 106.

ствуя вообще такого рода войсками (τοιοῦτον ἐξήρτησθαι στρατόπεδον) (IX. 48–49). Данное сообщение, несмотря на явную политизированность²⁹, содержит противопоставление наемных воинов и гоплитов, что соответствует характеру института наемничества в IV в. до н. э., когда большая часть наемников, служивших в греческих армиях, экипировалась как пельтасты, из-за чего данные понятия использовались синонимично³⁰. «Кондотьеры» подобного типа были представлены не только фракийцами, но и эллинами, населявшими как расположенные неподалеку от Македонии Халкидику, Фессалию и Херсонес Фракийский, так и другие регионы Северной и Центральной Греции³¹. Должны были присутствовать в армии Филиппа, помимо критян и родосцев, и иные наемники, относящиеся к «классической» легкой пехоте. Так, в археологическом материале, обнаруженном в местах македонской военной активности, широко представлены каменные и свинцовые пращевые снаряды, часто маркированные именами самого Филиппа и его военачальников³². Предположение о наличии пращников собственно македонского происхождения³³ поддержать не представляется возможным из-за полного отсутствия указаний источников³⁴. Видимо, если не все, то большинство пращников были наемниками, тем более что умелым применением пращи отличались, помимо «экспертов» с Родоса, и балканские греки: ахейцы, акарнанцы, этолийцы и фессалийцы³⁵. Тем не менее вывод Р. Габриэля, согласно которому большая часть наемников на македонской службе были пельтастами, дротометателями, лучниками и пращниками³⁶, следует расценить как упрощенный. Как показано в литературе, состав наемного контингента в разных государствах варьировался в зависимости от потребностей: если полисы материковой Греции, имевшие гоплитов-ополченцев, привлекали пельтастов и легкую пехоту, то правители Востока и фракийские династы были заинтересованы в найме эллинских тяжеловооруженных пехотинцев³⁷. Последние были полезны и Филиппу в первые годы правления, так как для превращения созданной им фаланги в силу, способную удовлетворить все потребности активно воевавшего монарха в тяжелой пехоте, требовалось время³⁸. В дальнейшем, когда корпус македонских фалангитов стал достаточно многочисленным, Филипп мог переключиться на наем преимущественно легковооруженных «солдат удачи».

3. Особенности боевого применения

Сведений об участии наемников в военных акциях Филиппа очень мало, что не является следствием их напряженных отношений с македонянами, как об этом

²⁹ Как определяется, этот фрагмент речи мог появиться из-за стремления показать, что Филипп воюет и одерживает победы «нечестно» (Ferrill 1996, 40; Roisman 2005, 109; Millett 2013, 47).

³⁰ См. Маринович 1975, 50; Нефедкин 2018, 37.

³¹ Griffith 1935, 10; Best 1969, 101; Anderson 1970, 115–120.

³² Наиболее полный единый перечень находок подобного типа см. Pritchett 1991, 39–53.

³³ Griffith 1979, 430.

³⁴ Об этом: Pritchett 1991, 54.

³⁵ Head 1982, 23; Pritchett 1991, 54–55; Ashley 1998, 48.

³⁶ Gabriel 2010, 70.

³⁷ Best 1969, 102–110; Anderson 1970, 130; Trundle 2004, 51–52.

³⁸ Различное мнение о сроках осуществления военных реформ Филиппа см. Ellis 1976, 52–53; Griffith 1979, 407; Anson 2010b, 63; Lane Fox 2011, 341–342.

пишет Г.Т. Гриффит³⁹, а соответствует общему состоянию письменной традиции, весьма скудно освещающей деятельность этого царя. Сравнительно ранний эпизод известен из рассказа Полиэна о захвате фессалийского города Фаркедона, произошедшем в первое десятилетие правления Филиппа⁴⁰. Автор сообщает, что македонский царь получил от фаркедонцев согласие сдаться, однако когда наемники Филиппа (οἱ Φιλίππειοι μισθοφόροι) вошли в город, то попали в засаду. В ответ царь приказал македонянам взобраться на городские стены с другой, опустевшей стороны, в результате чего быстро овладел городом (Polyaen. IV. 2. 18). Принимали «солдаты удачи» участие и в осаде Олинфа 348 г. до н.э. Так, Демосфен рассказывает о поездке Эсхина в Аркадию, где тот встретил некоего Атрестиду, возвратившегося от Филиппа с подарком в виде 30 пленных олинфских женщин и детей (см. Dem. XIX. 305, 306, 309). Из сочинения Диодора известно, что Филипп после захвата Олинфа награждал отличившихся воинов подарками, а влиятельным людям из полисов дал деньги (χρημάτων) (XVI. 53. 3). Это позволяет признать убедительным вывод, согласно которому Атрестид являлся наемником, служившим Филиппу⁴¹, а не политиком, получившим явно компрометирующий дар в виде рабов-олинфян⁴². Свидетельством привлечения наемников к штурму Олинфа можно считать и наличие в соответствующих археологических слоях города крупных наконечников стрел, которыми, по выводам А.М. Снодграсса, пользовались критские лучники⁴³. В обоих описанных случаях наемники воевали совместно с македонянами под командованием самого царя, что соответствует послышечьям Демосфена того времени, где «солдаты удачи» изображаются в качестве одной из основных сил войска Филиппа⁴⁴. Однако в военно-политических акциях монарха по отношению к отдельным полисам во второй половине 340-х гг. до н. э., о которых Демосфен сообщает сравнительно много, Филипп применял наемников независимо от главных сил войска. Так, указывается, что наемники и деньги были отправлены Филиппом для помощи мессенцам и аргосцам в их борьбе со Спартой (VI. 15)⁴⁵. Упоминается поддержка, которую оказали наемники Филиппа Периллу в Мегарах (XIX. 87, 295)⁴⁶. В «Третьей речи против Филиппа» оратор отмечает, что македонский царь отправлял одних наемников в Порфм, чтобы изгнать демократов, других – в Орей, чтобы поставить тираном Филистида (IX. 33)⁴⁷. Там же Демосфен приводит подробности захвата Порфма, упоминая, что Филипп прислал Гиппоника с 1000 наемников, разрушил городские стены и поставил трех лиц «в качестве тиранов», а в дальнейшем дважды выгонял жителей силами наемни-

³⁹ Griffith 1979, 439.

⁴⁰ В литературе этот эпизод относят как к первому походу Филиппа в Фессалию 357-356 гг. до н. э. (Vela Tejada, Martín García 1991, 320, n. 18), так и к кампании 352 г. до н. э. (Griffith 1935, 10).

⁴¹ Шишова 1968, 82; Hunt 2010, 150.

⁴² Данную точку зрения см. Harris 1995, 158–159; Gabriel 2010, 155.

⁴³ Snodgrass 1999, 40, 81.

⁴⁴ См. Kahrstedt 1953, 104.

⁴⁵ Эта акция может быть отнесена к середине 344 г. до н. э., однако какой-либо информации о ее прохождении и последствиях нет (см. Ellis 1976, 278, n. 97; Griffith 1979, 474–478).

⁴⁶ Об этом предприятии, датируемом 343 г. до н. э.: Brunt 1969, 264–265; Парк 2013, 190.

⁴⁷ Согласно переданному Афинею фрагменту сочинения Каристия Пергамского, Парменион захватил в Орее и казнил Эвфрея (FGH., IV, 357). Демосфен относит арест и смерть Эвфрея (по его версии – самоубийство) к обстоятельствам захвата Орея и установления там власти Филистида (IX, 59–62).

ков, которых в первый раз возглавлял Еврилох, а затем – Парменион (IX. 58). Весь этот блок информации связан с событиями на Эвбее во второй половине 340-х гг. до н. э.⁴⁸ Согласно все тому же Демосфену, в 341 г. до н. э. Филипп отправил наемников для помощи Кардии, воевавшей с афинским полководцем Диопифом (VIII. hypoth. 2; IX. 16)⁴⁹.

Основываясь на сообщениях подобного рода, Г.У. Парк пришел к выводу, что с 346 г. до н.э., когда македонские подразделения набрали силу, роль наемников в войске Филиппа изменилась: они перестали быть его важной частью и использовались лишь на вспомогательных направлениях⁵⁰. Это заключение подверглось критике со стороны Г.Т. Гриффита, который, признавая пользу от использования наемников на второстепенных участках для экономии главных сил войска, указал, что состояние источников не позволяет определить степень участия «солдат удачи» в тех или иных кампаниях Филиппа⁵¹. Обращаясь к данной проблеме, следует отметить, что решение вспомогательных задач с помощью отрядов наемников, руководимых македонскими военачальниками, действительно было частью практики Филиппа, причем задолго до указанной Г.У. Парком даты. О последнем свидетельствует известное благодаря Афиней (XII. 532d–f) сообщение Феоппомпа о победе афинского военачальника Хареса над наемниками Филиппа, командиром которых выступал Адей по прозвищу Петух, в бою, состоявшемся в 353 или 352 г. до н.э.⁵² При этом данный стратегический прием не являлся новшеством Филиппа, так как и для греческих полисов той эпохи было свойственно использовать наемников в дальних военных экспедициях, а в решающих сражениях действовать силами гражданской милиции⁵³. Конечно, Демосфен обратил внимание на подобные действия Филиппа лишь после заключения Филократова мира в 346 г. до н.э., что объясняется расширением македонской военно-политической экспансии в Греции. К указанному периоду относятся и замечания афинского оратора о размещении Филиппом укомплектованных наемниками гарнизонов в подчиненных районах Греции (см. Dem. IX. 32; XIX. 81, 204). Обеспечение контроля над захваченными городами с помощью наемников обоснованно оценивается в историографии как характерная для Филиппа практика⁵⁴. Она не только позволяла контролировать завоеванное, не рассылая македонские подразделения, но и снижала нагрузку на казну, так как полностью или частично бремя содержания гарнизонов ложилось на местное население⁵⁵. Впрочем, и тут очевидны параллели с греческими военными реалиями, частью которых было привлечение наемников к гарнизонной службе и обеспечение их продовольствием и деньгами за счет тех

⁴⁸ Проблемы хронологии экспедиций см. Griffith 1935, 10–11; Brunt 1969, 251–253; Ellis 1976, 163–165; Ashley 1998, 146–147; Уортингтон 2014, 176.

⁴⁹ Подробнее об этой акции: Ellis 1976, 168–169; Harris 1995, 119; Buckler 2003, 474–475; Gabriel 2010, 187.

⁵⁰ Парк 2013, 189–190. Много позже данный тезис был поддержан С. Инглишом (English 2012, 265–266).

⁵¹ Griffith 1935, 11–12.

⁵² См. Маринович 1975, 94; Ellis 1976, 256–257; King 2017, 80.

⁵³ Pritchett 1974, 104–110; Ober 1985, 64; Burckhardt 1996, 139; Pritchard 2010, 51; Hunt 2010, 255.

⁵⁴ Маринович 1975, 95–96; Парк 2013, 189–190; Griffith 1935, 12; Hatzopoulos 1996, 98; Le Bohec-Bouhet 1999, 85; English 2012, 266.

⁵⁵ Благодаря Демосфену (XIX, 81) известно, что Филипп принудил фокидян содержать размещенных на их землях наемников.

земель, где проходила служба⁵⁶. Филипп видимо, начал прибегать к этому способу использования «солдат удачи» достаточно рано⁵⁷, и последовательно расширил его масштабы вместе с увеличением зоны своего влияния.

Задействование наемников на вспомогательных направлениях действительно не может восприниматься как свидетельство минимизации их значения в армии Филиппа. Напротив, есть данные об участии наемников в главных военных акциях последних десяти лет правления этого монарха. Как справедливо отметил Й. Уортингтон, уже процитированное выше замечание Демосфена из «Третьей речи против Филиппа» о македонских методах ведения войны, связанных с использованием всадников, наемников и легковооруженных, хронологически относится ко времени войны Филиппа во Фракии 342–341 гг. до н. э. и потому может быть связано с ее особенностями⁵⁸. Античная письменная традиция сообщает, что в этой завоевательной кампании были задействованы крупные силы⁵⁹. Косвенным свидетельством того, что в привлеченной массе войск были наемники, выступают и данные археологии. В частности, в центральных районах Фракии обнаружены относящиеся, очевидно, к походу 342–341 гг. до н.э. снаряды для пращей, помеченные именами Филиппа, Клеобула, Анаксандра и Гиппоника⁶⁰. Примечательно, что Гиппоник немногим ранее возглавлял отряд из 1000 наемников на Эвбее, при этом данный военачальник, Филипп и Клеобул упоминаются на пращных пулях, найденных в Олинфе⁶¹. Имя Клеобула встречается также на снарядах, обнаруженных в Амфиполе⁶². Нанесение на подобные изделия не только имени монарха, но и его военачальников, причем не самых высокопоставленных, свидетельствует, что последние были постоянными командирами над некими пращниками, которые, судя по составу отряда Гиппоника на Эвбее, являлись «солдатами удачи». Выявляется и еще один важный нюанс: наемники, использовавшиеся на вспомогательных направлениях, отнюдь не «выпадали из обоймы» и могли привлекаться к решению основных стратегических задач.

О том, что не только критские лучники, но и другие наемники на протяжении всего времени правления Филиппа оставались частью актива македонского войска, показывают данные, связанные с полководческой карьерой Александра. Так, Арриан, описывая диспозицию македонской армии в битве при Гавгамелах, упоминает, что на правом фланге, рядом с царской илой, половиной агриан и македонскими лучниками располагались «так называемые «старые наемники»» (οἱ ἀρχαῖοι καλοῦμενοι ξένοι), возглавляемые Клеандром (Κλέανδρος) (Anab. III. 12. 2). Достоверность этого сообщения, прежде всего, определяется характером источников Арриана, которыми в данном случае являлись сочинения Птолемея и Аристубула, опиравшиеся на официальную версию Каллисфена⁶³. Кроме того, информация Арриана соотносится с данными Курция Руфа (см. IV. 13. 31–32),

⁵⁶ Trundle 2004, 56, 81.

⁵⁷ В частности, отряд упомянутого Феопомпом Адея Петуха, по одной из версий, изначально выполнял роль гарнизона в Кренидах (King 2017, 80).

⁵⁸ Уортингтон 2014, 174.

⁵⁹ См. Diod. XVI, 71, 1; Dem. VIII, 14.

⁶⁰ Подробнее Christov, Manov 2011; Nankov 2015.

⁶¹ Robinson 1941, 424–433; Lee 2001, 14, 16.

⁶² Kosmidou, Malamidou 2004, 136.

⁶³ Berve 1926, 178; Tarn 1948, 159; Bosworth 1980, 303; Devine 1986, 99.

упоминающего расположение неких наемников на правом фланге поблизости от агриан и лучников. Приводимое наименование отряда Клеандра следует считать подлинным из-за наличия причастия *καλούμενοι*, которое применялось Аррианом для обозначения как недавно введенных в оборот названий подразделений, так и их неофициальных прозвищ⁶⁴. «Старые наемники» не могут быть идентифицированы как 4 000 наемных воинов, которых Клеандр набрал на Пелопоннесе и привел в Сидон в начале 332 г. до н.э. (см. *Anab.* I. 24. 2; II, 20. 5; *Curt.* IV. 3. 11), так как благодаря тому же Арриану известно, что накануне битвы при Гавгамелах Александр назначил Менандра сатрапом Лидии, а во главе наемников, которыми тот ранее командовал, поставил некоего Клеарха (*Κλέαρχος*) (*Anab.* III. 6, 7–8). Упоминание «Клеарха», как определяется, появилось в результате ошибки, искажившей имя *Κλέανδρος*⁶⁵. «Старыми» наемники Менандра и Клеандра, безусловно, назывались из-за сравнительно долгого пребывания в составе македонской армии⁶⁶. Упомянутый Менандр, очевидно, занимал должность командира некой части наемников, как минимум с 334 г. до н.э.⁶⁷ Следует согласиться с Г.У. Парком⁶⁸, обозначившим «старых наемников» как подразделение, чьи представители служили Македонии еще при Филиппе и не смешивались с новыми «солдатами удачи», однако принять вывод исследователя о том, что все наемники играли незначительную роль в сражениях Александра, не представляется возможным. Так, в битве при Гавгамелах «старые наемники» вместе с лучниками и агрианами, являвшимися элитой легкой пехоты Александра⁶⁹, занимали ответственную позицию, прикрывая правый ударный фланг боевых порядков. Видимо, аналогичную роль «старые наемники» играли и в битве при Иссе: согласно Арриану, Александр разместил лучников, агриан и «греческих наемников» (*τῶν Ἑλλήνων μισθοφόρων*) на вытянутом правом крыле своей армии, поставив их напротив занятых персами холмов (*Anab.* II. 9. 4), а по версии Курция Руфа, вместе с агрианами и лучниками на этом фланге находились «прашники» (*funditorum*), особенно нагнавшие страх на противника (III. 9. 9–11). Это позволяет считать «старых наемников» подразделением, чьи представители долго служили Македонии и весьма ценились. Видимо, именно они являлись теми самыми «прашниками», которые на протяжении всей полководческой деятельности Александра периодически проявляли себя при штурме городов и иных укреплений⁷⁰, а также совместно с лучниками выполняли

⁶⁴ Anson 2010a, 89.

⁶⁵ Bosworth 1980, 285; Heckel 1992, 310.

⁶⁶ См. Секунда 2004, 52. Характер источников не позволяет признать точку зрения Г.Т. Гриффита (Griffith 1935, 28–29, n. 1), согласно которой «старые наемники» получили свое наименование уже после битвы при Гавгамелах, а использование данного понятия в тексте Арриана, якобы, является результатом ретроспективного подхода к военной терминологии, присутствовавшего у Птолемея.

⁶⁷ Heckel 1992, 310; Парк 2013, 218.

⁶⁸ Парк 2013, 218. Аналогичный вывод см. Griffith 1935, 17. Мнение о статусе «старых наемников» как отдельного подразделения также Bosworth 1988, 265.

⁶⁹ Об особой роли агриан и лучников в армии Александра см. Клейменов 2015, 227–239; Клейменов 2016, 10–22.

⁷⁰ Источники сообщают, что Александр успешно использовал прашников при осаде Тира (Diod. XVII, 42, 7), штурме Газы в Средней Азии (Arr. *Anab.* IV, 2, 3), во время осады Аорна на начальном этапе своего индийского похода (Arr. *Anab.* IV, 30, 1).

роль авангарда⁷¹. Важно и то, что Арриан называет пращников и лучников застрельщиками уже в рассказе о битве с трибаллами (Anab. I. 2. 4–5), произошедшей в рамках первой самостоятельной кампании Александра 335 г. до н.э.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что в рамках последнего десятилетия правления македонского царя-реформатора «солдаты удачи» оставались частью его полевой армии и, без сомнения, должны были привлекаться к действиям на решающих направлениях, связанных с применением больших масс войска. Помимо похода во Фракию 342–341 гг. до н.э., к ним может быть отнесена кампания 340–339 г. до н.э., направленная на захват Перинфа и Византия: согласно данным Диодора (XVI. 74. 5), в ее ходе Филипп задействовал 30 000 солдат, что стало возможным благодаря использованию разнообразных людских ресурсов⁷². Также вполне обоснованно предположение, что наемники являлись частью тридцатитысячной армии Филиппа II, сражавшейся в судьбоносной битве при Херонее 338 г. до н.э.⁷³ «Солдаты удачи» были задействованы и в последнем значительном военном предприятии македонского царя. Весной 336 г. до н.э. Филипп отправил в Малую Азию экспедиционный корпус, готовивший плацдарм для полномасштабного вторжения. Из данных Полиэна известно, что насчитывал он как минимум 10 000 человек (V. 44. 4), при этом Диодор говорит о присутствии в нем как македонян, так и наемников (XVII. 7. 10)⁷⁴. Примечательно, что в последние годы правления Филиппа «псы войны» не просто были частью основных сил македонского войска, но и воспринимали себя как сообщество, способное отстаивать свои интересы. Об этом свидетельствует сообщение Курция Руфа о распре (*seditione*), вспыхнувшей между македонскими солдатами и греческими наемниками (*Graecos mercennarios*) и приведшей к свалке, в которой Филипп получил ранение и сохранил жизнь благодаря Александру (VIII. 1. 24)⁷⁵. Этот эпизод, пусть и приукрашенный, соответствует особенностям армии Филиппа и Александра, где дисциплина, как правило, зависела от военных успехов, а между различными этническими группами существовала напряженность⁷⁶. Учитывая участие в упомянутом событии уже достаточно взрослого царевича, эпизод можно отнести к 339–338 гг. до н.э.⁷⁷

⁷¹ Известно, что пращники вместе с лучниками первыми из армии Александра высадились на противоположном берегу Яксарты-Танаиса (Сырдарьи) во время битвы со «скифами» 329 г. до н.э. и обеспечили прикрытие оставшихся сил в период переправы (см. Arr. Anab. IV, 4, 5), а также были использованы для выбивания из леса отряда индийского вождя Эрика (Curt VIII, 12, 2).

⁷² Об этом, в частности, свидетельствует масштабная подготовка Филиппа к походу, на которую обратил внимание Демосфен, упоминающий присутствие большого войска во Фракии, а также сбор людей из Македонии и Фессалии (VIII, 14).

⁷³ Griffith 1935, 12; Ray 2012, 132.

⁷⁴ В историографии представлены различные мнения о количестве наемников в составе этих экспедиционных сил. См. Парк 2013, 218; Уоррингтон 2014, 241; Bosworth 1988, 265; English 2012, 265; Kholod 2018, 417, n. 28.

⁷⁵ Описание помещено в рассказ о трагически закончившейся словесной перепалке между Александром и Клитом Черным, в рамках которой оппоненты сравнивали достижения Филиппа и его сына. Распря между наемниками и македонянами в других источниках не упоминается, однако о высказываниях, противопоставляющих свершения Александра и его предшественников, сообщают также Арриан (Anab., IV, 8, 2–6) и Плутарх (Alex. 50). Подробнее: Anson 2004, 234, n. 6.

⁷⁶ Carney 2015, 36, 52, n. 65.

⁷⁷ Аналогичного мнения о датировке упомянутых Курцием Руфом событий, при больших сомнениях в деталях произошедшего, первоначально придерживался Г.Т. Гриффит (Griffith 1935, 11,

4. Роль наемников в македонской военной системе

Присутствие наемников в составе полевой армии Филиппа II на всем протяжении его правления, несомненно, было связано с их боевой ценностью, которая перевешивала и финансовые затраты, и напряженные взаимоотношения между «солдатами удачами» и македонянами. При этом роль наемников в войске менялась вместе с развитием македонской военной системы. Следует согласиться с С. Инглишом в том, что использование наемников в первой половине правления Филиппа компенсировало недостатки еще слабой македонской части войска⁷⁸. Именно тогда Филиппу требовались греческие гоплиты, полезные в качестве «линейной» пехоты, дополнявшей пока немногочисленную македонскую фалангу. Тем не менее и в дальнейшем наемники продолжили играть важную роль. Р. Габриэль, опираясь на сообщение Полиэна о штурме Фаркедона, приходит к выводу, что наемники, которым Филипп мало доверял, выступали в роли «расходного материала», отправляемого в опасные ближние бои при штурме городов для сбережения более ценных македонских подразделений⁷⁹. Этот вывод основан на утрированном понимании одного военного эпизода и игнорировании важной функции наемников в македонской «военной машине». «Солдаты удачи» действительно активно участвовали во взятии городов, однако объясняется это не их малой ценностью, а спецификой вооружения. Среди наемников были пращники, оставившие свои снаряды в Амфиполе, Олинфе и Фракии, а также лучники и пельтасты. Как показано в специальном исследовании Дж. У. Ли, именно легкая пехота в рассматриваемую эпоху была лучше всего приспособлена к городским боям, так как подвижные лучники и метатели имели возможность выбивать противника из помещений, атаковать с крыш и накрывать залпами улицы⁸⁰. Насколько это было очевидным для македонского командования красноречиво свидетельствует описание штурма Фив, оставленное Аррианом (Anab. I. 8. 1–8). Согласно его версии, базирующейся на данных Птолемея, атаку города самовольно начали фалангиты Пердикки, к которым вскоре присоединились и воины Аминты, но когда об этом узнал Александр, то сразу бросил вперед лучников и агриан, при помощи которых потеснил противника⁸¹. Ценность наемных пельтастов, лучников и пращников сохранялась на протяжении всей военной деятельности Филиппа. Их наличие не только облегчало штурм городов, ведение войны в горах или прикрытие боевых порядков во время полевых сражений, но и позволяло всей македонской военной системе развиваться в заданном Филиппом русле. А. Б. Босвортом было отмечено, что в эпоху Александра мобилизационные ресурсы Македонии расходовались преимущественно на фалангу, в то время как легкая пехота состояла из зависимых агриан и фракийцев, а также критских лучников⁸². Соглашаясь с обоснованностью данного наблюдения, следует добавить, что во времена Филиппа

п. 4), однако в дальнейшем данный исследователь, как и последовавший за ним Р. Габриэль, связал стычку между наемниками и македонянами с захватом Фаркедона (см. Griffith 1979, 439; Gabriel 2010, 70), что представляется менее обоснованным.

⁷⁸ English 2012, 266.

⁷⁹ Gabriel 2010, 70.

⁸⁰ Ли 2015, 188–192.

⁸¹ Подробнее об этом эпизоде см. Клейменов 2013.

⁸² Bosworth 1988, 263.

легковооруженная пехота была представлена не столько балканскими «вассалами», которых до покорения Фракии было немного, сколько наемниками. Это, с одной стороны, обеспечило наличие опытных легковооруженных бойцов в войске, с другой стороны, позволило Филиппу, не распыляясь, сконцентрироваться на развитии македонской тяжелой пехоты и кавалерии гетайров. После убийства царя-реформатора служившие ему «псы войны» вместе с остальной армией перешли под начало Александра, который также нашел критским лучникам и «старым наемникам» достойное применение.

Подводя итог, необходимо отметить, что Филиппу II удалось извлечь большую выгоду из расцвета института наемничества, пришедшегося на его время. Используя возросшие финансовые возможности своего царства, македонский монарх собрал внушительный контингент «псов войны», высокая боеспособность и управляемость которых обеспечивалась заимствованием передового греческого опыта и особым подходом к организации командования. Наемники стали той силой, которая позволила Филиппу осуществлять активную завоевательную политику, несмотря на первоначальную незрелость македонских подразделений, проводить военные акции на вспомогательных направлениях, обеспечивать контроль над уже занятыми городами. Присутствие легковооруженных «солдат удачи» дало возможность тратить больше ресурсов на фалангу и кавалерию, в результате получив сбалансированную по своему составу полевую армию, способную решать различные боевые задачи. С учетом этого не будет преувеличением заключение, что наемники сыграли свою, не такую уж и малую роль в рождении македонского «военного чуда» середины-второй половины IV в. до н.э., в кратчайшие по историческим меркам сроки превратившего слабое периферийное балканское царство в могущественную державу.

ЛИТЕРАТУРА

- Йорданов, К. 2000: *Политическите отношения между Македония и тракийските държави (359–281 пр. Хр.)* (Studia Thracica 7). София.
- Клейменов, А. А. 2013: Сообщение Птолемея о действиях таксиса Пердикки при штурме Фив войсками Александра Македонского: проблема интерпретации. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. Экономика. Информатика* 1 (144). Вып. 25, 5–10.
- Клейменов, А.А. 2015: Агриане армии Александра Великого: элитное подразделение с македонского пограничья. В кн.: В.П. Буданова, О.В. Воробьева (ред.), *Цивилизация и варварство: пограничье как феномен, состояние и культурно-историческое пространство*. Вып. IV. М., 227–239.
- Клейменов, А.А. 2016: Лучники в армии Александра Македонского. *Parabellum novum* 5 (38), 10–22.
- Крыкин, С.М. 1999: «Палеобалканское» фракийское общество и античный мир. В кн.: *VI чтения памяти профессора В.Д. Блаватского. К 100-летию со дня рождения: тезисы докладов*. М., 61–63.
- Ли, Дж. У. 2015: Городская война в Классической Греции. В кн.: В.Д. Хэнсон (ред.), *Творцы античной стратегии. От греко-персидских войн до падения Рима*. М., 176–207.
- Маринович, Л.П. 1975: *Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса*. М.
- Нефедкин, А.К. 2018: Ификратовы пельтасты – перевооруженные гоплиты. *Parabellum novum* 8 (41), 18–38.

- Парк, Г.У. 2013: *Греческие наемники. «Псы войны» древней Эллады*. М.
- Секунда, Н. 2004: *Армия Александра Великого*. М.
- Уортингтон, Й. 2014: *Филипп Македонский*. СПб–М.
- Фор, П. 2008: *Повседневная жизнь армии Александра Македонского*. М.
- Шишова, И.А. 1968: Порабощение военнопленных в Греции V–IV вв. до н.э. В кн.: Д.П. Каллистов (ред.), *Рабство на периферии античного мира*. Л., 49–92.
- Anderson, J.K. 1970: *Military theory and practice in the age of Xenophon*. Berkeley–Los Angeles.
- Anson, E.M. 2004: *Eumenes of Cardia: a Greek among Macedonians*. Boston–Leiden.
- Anson, E.M. 2010a: The Asthetairoi: Macedonia's Hoplites. In: E. Carney, D. Ogden (eds.), *Philip II and Alexander the Great. Father and Son, Lives and Afterlives*. Oxford, 81–90.
- Anson, E.M. 2010b: The Introduction of 'sarisa' in Macedonian warfare. *Ancient Society* 40, 51–68.
- Ashley, J.R. 1998: *The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359–323 BC*. Jefferson.
- Berve, H. 1926: *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage*. Bd.I. München.
- Best, J.G.P. 1969: *Thracian Peltasts and Their Influence on Greek Warfare*. Groningen.
- Bettalli, M. 2013: *Mercenari. Il mestiere delle armi nel mondo greco antico. Età arcaica e classica*. Rome.
- Billows, R.A. 1995: *Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism*. Leiden–New York.
- Bosworth, A.B. 1980: *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander*. Vol. 1. *Commentary on books I–III*. Oxford.
- Bosworth, A.B. 1988: *Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great*. Cambridge.
- Braund, D. 2015: Thracians and Scythians: Tensions, Interactions and Osmosis. In: J. Valeva, E. Nankov, D. Graninger (eds.), *A Companion to Ancient Thrace*. Oxford, 322–365.
- Brice, L.L. 2012: *Greek Warfare: From the Battle of Marathon to the Conquest of Alexander the Great*. Santa Barbara.
- Brunt, P.A. 1969: Euboea in the Time of Philip II. *Classical Quarterly* 19.2, 245–265.
- Buckler, J. 2003: *Aegean Greece in the Fourth Century BC*. Leiden–Boston.
- Burckhardt, L.A. 1996: *Bürger und Soldaten: Aspekte der politischen und militärischen Rolle athenischer Bürger im Kriegswesen des 4 Jahrhunderts v. Chr.* Stuttgart.
- Carney, E. 2015: *King and Court in Ancient Macedonia: Rivalry, Treason and Conspiracy*. Swansea.
- Chaniotis, A. 2004: *Das Antike Kreta*. München.
- Christov, I., Manov, M. 2011: Ancient Macedonian Sling Bullets from the Area of a Thracian Rulers' Residence near the Peak of Kozi Gramadi. *Archaeologia Bulgarica* XV.1, 21–33.
- Demandt, A. 2013: *Alexander der Grosse. Leben und Legende*. München.
- Devine, A.M. 1986: The Battle of Gaugamela: A Tactical and Source-Critical Study. *Ancient World* 13.3–4, 87–115.
- Ellis, J.R. 1976: *Philip II and Macedonian Imperialism*. Princeton.
- English, S. 2012: *Mercenaries in the Classical World to the Death of Alexander*. Barnsley.
- Ferrill, A. 1996: Elite Forces in the Ancient World. In: A.H. Ion, K. Neilson (eds.), *Elite Military Formations in War and Peace*. Westport, 31–42.
- Gabriel, R.A. 2010: *Philip II of Macedonia: Greater than Alexander*. Washington.
- Greenwalt, W. S. 2014: Infantry and the Evolution of Argead Macedonia. In: T. Howe, E. E. Garvin, G. Wrightson (eds.), *Greece, Macedon and Persia: Studies in Social, Political and Military History in Honour of Waldemar Heckel*. Oxford–Philadelphia, 41–46.
- Griffith, G.T. 1935: *The Mercenaries of the Hellenistic World*. Cambridge.
- Griffith, G.T. 1979: The Reign of Philip the Second. In: N.G.L. Hammond, G.T. Griffith (eds.), *A History of Macedonia*. Vol. II. 550–336 B.C. Oxford, 201–646.

- Hammond, N.G.L. 1979: Opis speech as history. In: N.G.L. Hammond, G.T. Griffith (eds.), *A History of Macedonia*. Vol. II. 550–336 B.C. Oxford, 647–674.
- Harris, E.M. 1995: *Aeschines and Athenian Politics*. Oxford.
- Hatzopoulos, M.B. 1996: *Macedonian Institutions under the Kings*. Vol. I. *A Historical and Epigraphic Study*. Athens.
- Head, D. 1982: *Armies of the Macedonian and Punic Wars 359 BC to 146 BC*. Goring-by-Sea.
- Heckel, W. 1992: *The Marshals of Alexander's Empire*. London–New York.
- Heckel, W. 2006: *Who's Who in the Age of Alexander the Great*. Malden–Oxford.
- Holt, F. 2016: *The Treasures of Alexander the Great: How One Man's Wealth Shaped the World*. Oxford.
- Hunt, P. 2007: Archaic and Classical Greece: Military Forces. In P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby (eds.), *The Cambridge history of Greek and Roman Warfare*. Vol. I. Cambridge, 108–146.
- Hunt, P. 2010: *War, Peace, and Alliance in Demosthenes' Athens*. Cambridge.
- Kahrstedt, U. 1953: Städte in Makedonien. *Hermes* 81.1, 85–111.
- Kholod, M.M. 2018: The Macedonian Expeditionary Corps in Asia Minor (336–335 BC). *Klio* 100.2, 407–446.
- King, C.J. 2017: *Ancient Macedonia*. London–New York.
- Kosmidou, E., Malamidou, D. 2004: Arms and Armour from Amphipolis, Northern Greece. Plotting the military life of an ancient city. *Anodos. Studies of the Ancient World* 4, 133–147.
- Lane Fox, R. 2011: Philip of Macedon: Accession, Ambitions, and Self-Presentation. In: R. Lane Fox (ed.), *Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC–300 AD*. Leiden–Boston, 367–391.
- Le Bohec-Bouhet, S. 1999: L'apport macédonien de la guerre au Ier siècle avant J.-C. In: P. Brun (ed.), *Guerres et sociétés dans les mondes grecs (490/322)*. Paris, 73–96.
- Lee, J. W. 2001: Urban Combat at Olynthos, 348 B.C. In: P.W.M. Freeman, A. Pollard (eds.), *Fields of Conflict: Progress and Prospect in Battlefield Archaeology*. Oxford, 11–22.
- Mattew, C.A. 2015: *An Invincible Beast: Understanding the Hellenistic Pike-phalanx at War*. Barnsley.
- Miller, H.F. 1984: The Practical and Economic Background to the Greek Mercenary Explosion. *Greece and Rome* 31.2, 153–160.
- Millett, P. 2010: The Political Economy of Macedonia. In: J. Roisman, I. Worthington (eds.), *A Companion to Ancient Macedonia*. Oxford, 472–504.
- Millett, P. 2013: Winning Ways in Warfare. In: B. Campbell, L.A. Tritle (eds.), *The Oxford Handbook of Warfare in the Classical World*. Oxford, 46–74.
- Montgomery, H. 1985: The Economic Revolution of Philip II – Myth or Reality? *Symbolae Osloenses* 60, 37–47.
- Mossé, C. 1962: *La fin de la démocratie athénienne. Aspects sociaux et politiques du déclin de la Cité grecque au IVe siècle avant J.-C.* Paris.
- Müller, S. 2018: The Reception of Alexander's Father Philip II of Macedon. In: K.R. Moore (ed.), *Brill's Companion to the Reception of Alexander the Great*. Leiden – Boston, 72–95.
- Nankov, E. 2015: *The Mobility of Macedonian Army in Thrace during the Reign of Philip II and the Inscribed Lead Sling Bullets from Kozi Gramadi*, <https://be-ja.org/index.php/journal/article/view/be-ja-5-1-2015-1-13>.
- Nawotka, K. 2010: *Alexander the Great*. Cambridge.
- Ober, J. 1985: *Fortress Attica: Defense of the Athenian Land Frontier 404–322 BC*. Leiden.
- Pownall, F. 2004: *Lessons from the past: the moral use of history in fourth-century prose*. Ann Arbor.
- Pritchard, D. 2010: The Symbiosis between Democracy and War: The Case of Ancient Athens. In: D. Pritchard (ed.), *War, Democracy and Culture in Classical Athens*. Cambridge, 1–62.
- Pritchett, W.K. 1974: *The Greek State at War. Part II*. Berkeley–Los Angeles.

- Pritchett, W.K. 1991: *The Greek State at War. Part V*. Berkeley–Los Angeles.
- Ray, F.E. 2009: *Land Battles in 5th Century B.C. Greece*. Jefferson.
- Ray, F.E. 2012: *Greek and Macedonian Land Battles of the 4th Century B.C.* Jefferson.
- Robinson, D.M. 1941: *Excavations at Olynthus, Pt. X: metal and minor miscellaneous finds*. Baltimore.
- Roisman, J. 2005: *The Rhetoric of Manhood: Masculinity in the Attic Orators*. Berkeley.
- Roisman, 2014: J. Opposition to Macedonian Kings: Riots for rewards and verbal protests. In: T. Howe, E.E. Garvin & G. Wrightson (eds.), *Greece, Macedon and Persia: Studies in Social, Political and Military History in Honour of Waldemar Heckel*. Oxford–Philadelphia, 77–86.
- Rop, J. 2019: *Greek Military Service in the Ancient Near East, 401–330 BCE*. Cambridge.
- Ruffing, K. 2017: The Macedonian Economy under the Argeads. In: S. Müller, T. Howe, H. Bowden & R. Rollinger (eds.), *The History of the Argeads: New Perspectives*. Wiesbaden, 125–135.
- Russel, A.G. 1942: The Greek as a Mercenary Soldier. *Greece and Rome* 11.33, 103–112.
- Salmond, P.D. 1994: Sympathy for the Devil: Chares and the Athenian Politics. *Greece and Rome* 43.1, 43–53.
- Sears, M.A. 2013: *Athens, Thrace, and the Shaping of Athenian Leadership*. Cambridge.
- Sears, M.A. 2019: *Understanding Greek Warfare*. London–New York.
- Seibt, G. F. 1977: *Griechische Söldner im Achaimenidenreich*. Bonn.
- Sekunda, N. 2007: The Hellenistic World and the Roman Republic: Land forces. In: P. Sabin, H. Van Wees & M. Whitby (eds.), *The Cambridge history of Greek and Roman Warfare*. Vol. I. Cambridge, 325–357.
- Sekunda, N. 2010: The Macedonian Army. In: J. Roisman & I. Worthington (eds.), *A Companion to Ancient Macedonia*. Oxford, 446–471.
- Snodgrass, A.M. 1999: *Arms and armor of the Greeks*. Baltimore.
- Tarn, W.W. 1930: *Hellenistic Military and Naval Developments*. Cambridge.
- Tarn, W.W. 1948: *Alexander the Great. Vol. 2. Sources and Studies*. Cambridge.
- Tourraix, A. 1999: Les mercenaires grecs au service des Achéménides. In: P. Brun (ed.), *Guerres et sociétés dans les mondes grecs (490/322)*. Paris, 201–216.
- Trundle, M. 2004: *Greek Mercenaries: from the late archaic period to Alexander*. London–New York.
- Vela Tejada, J., Martín García, F. 1991: *Eneas el Táctico: Poliorcética; Polieno: Estratagemas*. Madrid.
- Willetts, R.F. 1977: *Civilization of Ancient Crete*. Berkeley–Los Angeles.

REFERENCES

- Anderson, J. K. 1970: *Military theory and practice in the age of Xenophon*. Berkeley–Los Angeles.
- Anson, E.M. 2004: *Eumenes of Cardia: a Greek among Macedonians*. Boston–Leiden.
- Anson, E.M. 2010a: The Asthetairoi: Macedonia's Hoplites. In: E. Carney & D. Ogden (eds.), *Philip II and Alexander the Great. Father and Son, Lives and Afterlives*. Oxford, 81–90.
- Anson, E.M. 2010b: The Introduction of 'sarisa' in Macedonian warfare. *Ancient Society* 40, 51–68.
- Ashley, J.R. 1998: *The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359 – 323 BC*. Jefferson.
- Berve, H. 1926: *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage*. Bd. I. München.
- Best, J.G.P. 1969: *Thracian Peltasts and Their Influence on Greek Warfare*. Groningen.
- Bettalli, M. 2013: *Mercenari. Il mestiere delle armi nel mondo greco antico. Età arcaica e classica*. Rome.

- Billows, R.A. 1995: *Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism*. Leiden–New York.
- Bosworth, A.B. 1980: *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander*. Vol. 1. *Commentary on books I–III*. Oxford.
- Bosworth, A.B. 1988: *Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great*. Cambridge.
- Braund, D. 2015: Thracians and Scythians: Tensions, Interactions and Osmosis. In: J. Valeva, E. Nankov & D. Graninger (eds.), *A Companion to Ancient Thrace*. Oxford, 322–365.
- Brice, L.L. 2012: *Greek Warfare: From the Battle of Marathon to the Conquest of Alexander the Great*. Santa Barbara.
- Brunt, P.A. 1969: Euboea in the Time of Philip II. *Classical Quarterly* 19.2, 245–265.
- Buckler, J. 2003: *Aegean Greece in the Fourth Century BC*. Leiden–Boston.
- Burckhardt, L.A. 1996: *Bürger und Soldaten: Aspekte der politischen und militärischen Rolle athenischer Bürger im Kriegswesen des 4 Jahrhunderts v. Chr.* Stuttgart.
- Carney, E. 2015: *King and Court in Ancient Macedonia: Rivalry, Treason and Conspiracy*. Swansea.
- Chaniotis, A. 2004: *Das Antike Kreta*. München.
- Christov, I., Manov, M. 2011: Ancient Macedonian Sling Bullets from the Area of a Thracian Rulers' Residence near the Peak of Kozi Gramadi. *Archaeologia Bulgarica* XV.1, 21–33.
- Demandt, A. 2013: *Alexander der Grosse. Leben und Legende*. München.
- Devine, A. M. 1986: The Battle of Gaugamela: A Tactical and Source-Critical Study. *Ancient World* 13.3–4, 87–115.
- Ellis, J.R. 1976: *Philip II and Macedonian Imperialism*. Princeton.
- English, S. 2012: *Mercenaries in the Classical World to the Death of Alexander*. Barnsley.
- Ferrill, A. 1996: Elite Forces in the Ancient World. In: A.H. Ion & K. Neilson (eds.), *Elite Military Formations in War and Peace*. Wesport, 31–42.
- Gabriel, R.A. 2010: *Philip II of Macedonia: Greater than Alexander*. Washington.
- Greenwalt, W. S. 2014: Infantry and the Evolution of Argead Macedonia. In: T. Howe, E.E. Garvin & G. Wrightson (eds.), *Greece, Macedon and Persia: Studies in Social, Political and Military History in Honour of Waldemar Heckel*. Oxford–Philadelphia, 41–46.
- Griffith, G.T. 1935: *The Mercenaries of the Hellenistic World*. Cambridge.
- Griffith, G.T. 1979: The Reign of Philip the Second. In: N.G.L. Hammond, G.T. Griffith *A History of Macedonia*. Vol. II. 550–336 B.C. Oxford, 201–646.
- Hammond, N.G.L. 1979: Opis speech as history. In: N.G.L. Hammond, G.T. Griffith *A History of Macedonia*. Vol. II. 550–336 B.C. Oxford, 647–674.
- Harris, E.M. 1995: *Aeschines and Athenian Politics*. Oxford.
- Hatzopoulos, M.B. 1996: *Macedonian Institutions under the Kings*. Vol. I. *A Historical and Epigraphic Study*. Athens.
- Head, D. 1982: *Armies of the Macedonian and Punic Wars 359 BC to 146 BC*. Goring-by-Sea.
- Heckel, W. 1992: *The Marshals of Alexander's Empire*. London–New York.
- Heckel, W. 2006: *Who's Who in the Age of Alexander the Great*. Malden–Oxford.
- Holt, F. 2016: *The Treasures of Alexander the Great: How One Man's Wealth Shaped the World*. Oxford.
- Hunt, P. 2007: Archaic and Classical Greece: Military Forces. In P. Sabin, H. Van Wees & M. Whitby (eds.), *The Cambridge history of Greek and Roman Warfare*. Vol. I. Cambridge, 108–146.
- Hunt, P. 2010: *War, Peace, and Alliance in Demosthenes' Athens*. Cambridge.
- Jordanov, K. 2000: *Politicheskite otnosheniya mezhdu Makedoniya i trakijските d'rzhavi (359–281 pr. Khr.)* [Political relations between Macedonia and the Thracian states (359–281 B.C.)] (*Studia Thracica* 7). Sofia.
- Kahrstedt, U. 1953: Städte in Makedonien. *Hermes* 81.1, 85–111.

- Kholod, M.M. 2018: The Macedonian Expeditionary Corps in Asia Minor (336–335 BC). *Klio* 100.2, 407–446.
- King, C.J. 2017: *Ancient Macedonia*. London–New York.
- Kleymentov, A.A. 2013: Soobshhenie Ptolemeya o deystviyakh taksisa Perdikki pri shturme Fiv voyskami Aleksandra Makedonskogo: problema interpretatsii [The problems of Ptolemy's report about Perdikkas' taxis actions in Thebes' storm of Alexander's army interpretation]. In: O.N. Polukhin (red.), *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika* [Scientific reports of Belgorod State University. History. Political science. Economy] 1 (144). Vol. 25. Belgorod, 5–10.
- Kleymentov, A.A. 2015: Agriane armii Aleksandra Velikogo: elitnoe podrazdelenie s makedonskogo pogranič'ya [Arianians from Alexander the Great's army: The elite corps from Macedonian frontier]. In: V.P. Budanova, O.V. Vorobieva (eds.), *Tsivilizatsiya i varvarstvo: pogranič'e kak fenomen, sostoyanie i kul'turno-istoricheskoe prostranstvo* [Borderspace as phenomenon, state and culturally-historical space] Vol. IV. Moscow, 227–239.
- Kleymentov, A.A. 2016: Luchniki v armii Aleksandra Makedonskogo [The archers in the Alexander the Great's army]. *Parabellum novum* 5 (38), 10–22.
- Kosmidou, E., Malamidou, D. 2004: Arms and Armour from Amphipolis, Northern Greece. Plotting the military life of an ancient city. *Anodos. Studies of the Ancient World* 4, 133–147.
- Krykin, S.M. 1999: "Paleobalkanskoe" frakiyskoe obshchestvo i antichnyy mir ["Paleobalkan" Thracian society and the ancient world]. In: *VI chteniya pamyati professora V.D. Blavatskogo. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya: tezisy dokladov* [The fourth reading in memory of Professor V. D. Blavatsky. On the occasion of the 100th birthday: abstracts]. Moscow, 61–63.
- Lane Fox, R. 2011: Philip of Macedon: Accession, Ambitions, and Self-Presentation. In: R. Lane Fox (ed.), *Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC–300 AD*. Leiden–Boston, 367–391.
- Le Bohec-Bouhet, S. 1999: L'apport macédonien de la guerre au IVe siècle avant J.-C. In: P. Brun (ed.), *Guerres et sociétés dans les mondes grecs (490/322)*. Paris, 73–96.
- Lee, J. W. 2001: Urban Combat at Olynthos, 348 B.C. In: P.W.M. Freeman & A. Pollard (eds.), *Fields of Conflict: Progress and Prospect in Battlefield Archaeology*. Oxford, 11–22.
- Lee, J.W. 2015: Gorodskaya vojna v Klassicheskoy Grezii [Urban Warfare in the Classical Greek World]. In: V.D. Hanson (ed.), *Tvortsy antichnoy strategii. Ot greko-persidskikh vojn do padeniya Rima* [Makers of ancient strategy: from the Persian wars to the fall of Rome]. Moscow, 176–207.
- Marinovich, L.P. 1975: *Grecheskoe naemnichestvo IV v. do n. eh. i krizis polisa* [Greek mercenary in 4th century BC and the crisis of the policy]. Moscow.
- Mattew, C.A. 2015: *An Invincible Beast: Understanding the Hellenistic Pike-phalanx at War*. Barnsley.
- Miller, H.F. 1984: The Practical and Economic Background to the Greek Mercenary Explosion. *Greece and Rome* 31.2, 153–160.
- Millett, P. 2010: The Political Economy of Macedonia. In: J. Roisman & I. Worthington (eds.), *A Companion to Ancient Macedonia*. Oxford, 472–504.
- Millett, P. 2013: Winning Ways in Warfare. In: B. Campbell & L.A. Tritle (eds.), *The Oxford Handbook of Warfare in the Classical World*. Oxford, 46–74.
- Montgomery, H. 1985: The Economic Revolution of Philip II – Myth or Reality? *Symbolae Osloenses* 60, 37–47.
- Mossé, C. 1962: *La fin de la démocratie athénienne. Aspects sociaux et politiques du déclin de la Cité grecque au IVe siècle avant J.-C.* Paris.
- Müller, S. 2018: The Reception of Alexander's Father Philip II of Macedon. In: K.R. Moore (ed.), *Brill's Companion to the Reception of Alexander the Great*. Leiden – Boston, 72–95.

- Nankov, E. 2015: *The Mobility of Macedonian Army in Thrace during the Reign of Philip II and the Inscribed Lead Sling Bullets from Kozi Gramadi*, <https://be-ja.org/index.php/journal/article/view/be-ja-5-1-2015-1-13>.
- Nawotka, K. 2010: *Alexander the Great*. Cambridge.
- Nefedkin, A.K. 2018: Ifikratovy pel'tasty – perevooruzhennyye goplity [Iphicrates' peltasts were re-armed hoplites]. *Parabellum novum* 8 (41), 18–38.
- Ober, J. 1985: *Fortress Attica: Defense of the Athenian Land Frontier 404–322 BC*. Leiden.
- Parke, H. W. 2013: *Grecheskie naemniki. "Psy vojny" drevnej Ehlady* [Greek mercenaries. "Dogs of war" of Ancient Hellas]. Moscow.
- Pownall, F. 2004: *Lessons from the past: the moral use of history in fourth-century prose*. Ann Arbor.
- Pritchard, D. 2010: The Symbiosis between Democracy and War: The Case of Ancient Athens. In: D. Pritchard (ed.), *War, Democracy and Culture in Classical Athens*. Cambridge, 1–62.
- Pritchett, W.K. 1974: *The Greek State at War*. Part II. Berkeley–Los Angeles.
- Pritchett, W.K. 1991: *The Greek State at War*. Part V. Berkeley–Los Angeles.
- Ray, F.E. 2009: *Land Battles in 5th Century B.C. Greece*. Jefferson.
- Ray, F.E. 2012: *Greek and Macedonian Land Battles of the 4th Century B.C.* Jefferson.
- Robinson, D.M. 1941: *Excavations at Olynthus*, Pt. X: metal and minor miscellaneous finds. Baltimore.
- Roisman, J. 2005: *The Rhetoric of Manhood: Masculinity in the Attic Orators*. Berkeley.
- Roisman, 2014: J. Opposition to Macedonian Kings: Riots for rewards and verbal protests. In: T. Howe, E.E. Garvin & G. Wrightson (eds.), *Greece, Macedon and Persia: Studies in Social, Political and Military History in Honour of Waldemar Heckel*. Oxford–Philadelphia, 77–86.
- Rop, J. 2019: *Greek Military Service in the Ancient Near East, 401–330 BCE*. Cambridge.
- Ruffing, K. 2017: The Macedonian Economy under the Argeads. In: S. Müller, T. Howe, H. Bowden & R. Rollinger (eds.), *The History of the Argeads: New Perspectives*. Wiesbaden, 125–135.
- Russel, A.G. 1942: The Greek as a Mercenary Soldier. *Greece and Rome* 11.33, 103–112.
- Salmond, P.D. 1994: Sympathy for the Devil: Chares and the Athenian Politics. *Greece and Rome* 43.1, 43–53.
- Sears, M.A. 2013: *Athens, Thrace, and the Shaping of Athenian Leadership*. Cambridge.
- Sears, M.A. 2019: *Understanding Greek Warfare*. London–New York.
- Seibt, G.F. 1977: *Griechische Söldner im Achaimenidenreich*. Bonn.
- Sekunda, N. 2004: *Armiya Alexandra Velikogo* [Army of Alexander the Great]. Moscow.
- Sekunda, N. 2007: The Hellenistic World and the Roman Republic: Land forces. In: P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby (eds.), *The Cambridge history of Greek and Roman Warfare*. Vol. I. Cambridge, 325–357.
- Sekunda, N. 2010: The Macedonian Army. In: J. Roisman & I. Worthington (eds.), *A Companion to Ancient Macedonia*. Oxford, 446–471.
- Shishova, I.A 1968: Poraboshhenie voennoplennyykh v Gretsii V – IV vv. do n.e. [The enslavement of prisoners of war in Greece 5th – 4th centuries B.C.] In: D.P. Kallistov (ed.), *Rabstvo na periferii antichnogo mira* [Slavery on the periphery of the Ancient World]. Leningrad, 49–92.
- Snodgrass, A.M. 1999: *Arms and armor of the Greeks*. Baltimore.
- Tarn, W.W. 1930: *Hellenistic Military and Naval Developments*. Cambridge.
- Tarn, W.W. 1948: *Alexander the Great*. Vol. 2. *Sources and Studies*. Cambridge.
- Tourraix, A. 1999: Les mercenaires grecs au service des Achéménides. In: P. Brun (ed.), *Guerres et sociétés dans les mondes grecs (490/322)*. Paris, 201–216.
- Trundle, M. 2004: *Greek Mercenaries: from the late archaic period to Alexander*. London–New York.

- Vela Tejada, J., Martín García, F. 1991: *Eneas el Táctico: Poliorcética; Polieno: Estratagemas*. Madrid.
- Willetts, R.F. 1977: *Civilization of Ancient Crete*. Berkeley–Los Angeles.
- Worthington, I. 2014: *Filipp Makedonskij [Philip of Macedonia]*. Saint Petersburg–Moscow.
- Faure, P. 2008: *Povsednevnyaya zhizn' armii Aleksandra Makedonskogo [Everyday life of the army of Alexander the Great]*. Moscow.

“AND LET SLIP THE DOGS OF WAR”:
MERCENARY FORCES IN THE MACEDONIAN ARMY IN THE
AGE OF PHILIP II

Alexander A. Kleymenov

Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University, Tula, Russia
alek-klejmenov@yandex.ru

Abstract. The role of mercenaries in Macedonian army of Philip's II times are under consideration in this article. It is defining that the invitation of big quantity of mercenaries and regular payments for them were ensured by growing of Macedonian monarchy's incomes which was a consequence of Philip's economic reforms. The “soldiers of fortune” who served to Macedonian king had high fighting qualities thanks for some special measures for making the discipline high and combat readiness. Phillip or his commanders led the military operation where mercenaries were used. People from Illyria, Thrace and others regions of Greek world formed mercenary troops in Macedonian army.

At the beginning Phillip recruited lots of Greek hoplites who compensate for weakness of just forming Macedonian phalanx. Further the king recruited lightly armed “soldiers of fortune” which were peltasts, cretan archers and slingers. The research shows that firstly they used together with Macedonian under the king's commander. After 346 BC when Macedonian expansion in Greece reached the higher level the mercenaries were used in minor strategic directions as the garrisons located in subordinate lands. The sources analysis gives the information that in last ten years of Phillip's reign the “soldiers of fortune” were a part of field army and took part in main military companies. Using the light-armed mercenaries made the storm of the city and mountains wars easier and allowed to cover battle formations during the field battles. In addition, Phillip had more opportunities to spend human resources for the Macedonian phalanx and the Companion Cavalry.

Keywords: Philip II, mercenaries, Macedonia, Classical Greece, warfare, military organization

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-4-70-205–222

КРЫМСКИЕ ГРЕКИ ВРЕМЕН КРЫМСКОГО ХАНСТВА: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ НЕКРОПОЛЯ У СЕЛА МАНГУШ

А.В. Иванов

Аннотация. Процессы, связанные с формированием близких к современным этно-исторических общностей населения Крымского полуострова, недостаточно освещены с позиций антропологического исследования. Цель статьи – впервые представить антропологический материал, связанный с общиной христианского населения Крымского ханства, определяемого как «крымские греки», рассмотреть его в этноисторическом контексте и затронуть некоторые дискутируемые темы, связанные с этнической историей крымских греков раннего нового времени. К концу I тыс. н.э. на территории юго-западной Таврики формируется этническая общность, определяемая исследователями как «средневековая народность горного Крыма». В ее формировании участвовали представители разнородных по своему происхождению и экономическому базису сообществ, расселявшихся на территории полуострова с периода поздней античности – раннего средневековья. Сформировавшаяся общность продолжила свое существование, пережив упадок политического влияния Византии в регионе в начале XIII в. и ряд последовавших вскоре разрушительных вторжений монголов с XIV в. Исследователи полагают правомочным употребление терминов «греческая средневековая народность» и «крымские греки». После османского завоевания Крыма в 1475 г. христианское население проживало на территориях, находящихся под юрисдикцией как собственно Крымского ханства, так и Османской империи. Греки-христиане составляют отдельную, достаточно замкнутую этноконфессиональную общину с элементами внутреннего самоуправления. Исследованная автором антропологическая серия представляет жителей позднесредневекового поселения Мангуш, расположенного вблизи г. Бахчисарай в горной части Юго-Западного Крыма. Серия включает пять мужских, семь женских черепов, а также череп подростка. Представляет интерес присутствие в выборке двух женских черепов с признаками циркулярной искусственной деформации. Результаты межгруппового сопоставления серий демонстрируют сохранение основных черт антропологического типа, характерного как для сельского, так и для городского населения центральных районов и северных предгорий Крымского полуострова византийского времени, и близких по времени серий, представляющих мусульманское население региона.

Ключевые слова: Крым, средневековье, археология, антропология, греки, тюрки, краниология, этническая история

Данные об авторе: Иванов Алексей Валериевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-09-00429 «Проблема формирования антропологического состава крымскотатарского народа».

До настоящего времени процессы, связанные с формированием близких к современным этноисторических общностей населения Крымского полуострова, не получили систематического освещения с позиций антропологического исследования. Цель публикации – впервые ввести в научный оборот антропологический материал, связанный с общиной христианского населения Крымского ханства, определяемого в источниках как «крымские греки», рассмотреть его в этноисторическом контексте, затронув некоторые дискутируемые темы, связанные с этнической историей крымских греков раннего нового времени.

1. НЕКОТОРЫЕ ЭТНОИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ЭТНОСА КРЫМСКИХ ГРЕКОВ

Общеизвестно, что современные потомки крымских греков после вынужденного переселения с полуострова в 1778 г. проживали на территории Приазовья и вполне сохраняли этническую самоидентификацию. Следует также отметить, что население периода средневековья и раннего нового времени, определяемое как «крымские греки», своим происхождением связано отнюдь не с потомками греков античного периода или греческим этносом в его современном понимании, а с полиэтнической в своей основе средой крымских подданных Византийской империи.

Длительное влияние Византии и установившееся к концу X в. ее прямое политико-экономическое и культурное доминирование в регионе, появление городских поселений способствовали консолидации общин местного населения на основе формирования общего хозяйственно уклада, усвоения общих для пространства империи культурных основ – конфессионального единства на основе христианства восточного толка и в различной степени воспринятых греческого языка, письменности и художественной культуры.

К концу I тыс. н.э. на территории Юго-Западной Таврики и Крымского нагорья формируется ромеизированная этническая общность, определяемая исследователями как «средневековая народность горного Крыма»¹. В ее образовании участвовали представители разнородных по своему происхождению и экономическому базису сообществ, расселявшихся на территории полуострова как минимум с периода поздней античности – раннего средневековья. Наблюдаемый в регионе этнотрансформационный процесс можно охарактеризовать в качестве примера этнической миксации. Степень и характер участия в нем носителей различных археологических культур региона, в той или иной мере отождествляемых исследователями с известными историческими этносами², остается недостаточно выясненным.

¹ Яковсон 1973, 138; Айбабин, Герцен 1990, 10–13; Айбабин, Герцен, Храпунов 1993, 216; Айбабин 1994, 4; 1999, 229; Щукин 2005, 473; Сорочан 2005, 318.

² Смешанным скифо-сарматским населением первых веков н.э., аланами, готами, ромеями (выходцами из малоазийских провинций Византийской империи), болгарами и другими группами тюркоязычного населения, перемещавшегося на территорию полуострова в ходе миграционных процессов времен тюркского и хазарского каганатов и позже – в печенежско-половецкое время. Задача детально рассмотреть нюансы этнической истории региона в рамках настоящей публикации не ставится.

Уже в первой четверти IX в. пресвитер Елифаний, не делая различий между местными этническими группами, охарактеризовал их как «*de ethnos oi Chersakes*» – «племя херсаков». При этом для просвещенных византийцев вместе с глубоко ромеизированным Херсоном Таврика оставалась «чужой страной» – как определял ее Федор Студит – населенной, по мнению Захария Ритора, Митрофана Смирнского и Анастасия Библиотекаря, «толпами язычников», «пришельцами из разных варварских народов», «разбойниками лютыми», «людьми варварскими и немирными»³, отнюдь не связанными общностью происхождения с, собственно, ромеями.

В XI–XIII вв. вектор этноформационных процессов в регионе сохраняется. Сформировавшаяся общность проявила изрядную устойчивость и продолжила свое существование, пережив в начале XIII в. упадок политического влияния Византии в регионе и ряд последовавших вскоре разрушительных вторжений монголов. Начиная с этого периода, исследователи полагают правомочным употребление терминов «греческая средневековая народность» и «крымские греки»⁴.

Оказавшись в составе образованного на территории Крыма бейлика Золотой Орды, крымские греки вступают в вынужденные взаимодействия с новыми группами тюркского населения, расселяющимися уже не в степных районах полуострова, а непосредственно в предгорьях и горной части Крыма. Политическое и идеологическое давление, которое испытывала христианская община со времени принятия ислама в качестве официальной религии Золотой Орды, способствовало ее дальнейшей консолидации, одновременно источники свидетельствуют об исламизации некоторой части населения, прежде исповедовавшей христианство.

В первой четверти XV в., в результате распада Золотой Орды, общины позднесредневекового греческого населения Крыма оказываются разделенными между формирующимися на полуострове автономными политическим образованиями – Крымским ханством, колониями коммуны Генуи и Мангупского княжества, где составляют большинство подданных.

После османского завоевания Крыма в 1475 г. христианское население проживало на территориях, находящихся под юрисдикцией как собственно Крымского ханства, так и санджака Османской империи, образованного на территориях бывшего Мангупского княжества и лигурийских колоний. Греки-христиане составляли особую, достаточно замкнутую этноконфессиональную общину – миллет с элементами внутреннего самоуправления и отдельной системой налогообложения. Дальнейшие этноформационные процессы на полуострове связаны с продолжающейся ассимиляцией тюрками местного грекоязычного населения. Высказывалось мнение, что более активно процесс деэтнизации проходил на территории собственно Крымского ханства, на территориях же, контролируемых султанской администрацией, исследователи, напротив, отмечают консолидацию населения грекоязычных христианских общин⁵ – в основе приведенного тезиса лежат в основном наблюдения лингвистического плана.

Бытовавшее в позднесредневековое время самоназвание населения региона, сохранившего принадлежность к христианской конфессии, – «румעי», его тюрк-

³ Якобсон 1970, 194; 1973, 138; Сорочан 2005, 1438.

⁴ Айбабин, Герцен, Храпунов 1993, 216.

⁵ Айбабин, Герцен, Храпунов 1993, 217.

ская калька – «урумы»⁶. Соответственно и современные потомки средневекового греческого населения полуострова, после событий 1778 г. проживавшего в Приазовье, разделяются на две группы – грекоязычную – «румеев» и тюркоязычную – «урумов». Основой формирования диалектов крымско-румейского языка является среднегреческий язык, сложившийся в византийскую эпоху⁷ в среде урумов; в употреблении бытуют диалекты тюркского языка с огузо-кипчакской основой.

Феномен двуязычия побудил ряд исследователей рассматривать приазовских «урумов» и «румеев» как две этнические группы изначально различного происхождения, некогда объединенных общей конфессиональной принадлежностью. В контексте данного предположения урумов рассматривают как потомков христианизированного тюркского населения, связывая их происхождение с аланами, кипчаками, малоазийскими тюрками или принявшей христианство группой татар⁸.

Противоположная точка зрения предусматривает утрату частью христианского населения греческого языка в результате языковой ассимиляции со стороны тюркоязычного населения полуострова. Предполагается, что рассматриваемый процесс особенно активизируется после османского вторжения и перехода к тюркским языкам функций межэтнического общения. Соответственно тюрко- и греко-язычное греческое население полуострова в своей основе представляет собой неделимую этническую единицу⁹.

2. ГРЕЧЕСКАЯ ОБЩИНА СЕЛА МАНГУШ, ИССЛЕДОВАНИЯ НЕКРОПОЛЯ ПОСЕЛЕНИЯ

Рассмотрим происхождение самого топонима Мангуш. В лексическом составе исторических языков, имевших хождение на Крымском полуострове, прямых аналогий ему не находится. Практикуется почти универсальное объяснение происхождения топонимов такого рода, связанных с тюркскими и монгольскими родовыми объединениями, как, например, Монгуш (Тыва). Как имя собственное слово *Мангуш* встречается в ономастике половцев – куманов, в частности, Мангуш – сын хана Котяна (пер. пол. XIII в.)¹⁰. Термин «мангуш», имевший тюркское происхождение, употреблялся на территории Дагестана, обозначая должность глашатая джемаата, передававшего общине решения старейшин и суда. До присоединения региона к России была распространена практика назначения мангушей кадиями¹¹: возможная связь названия крымского позднесредневекового христианского поселения с термином, связанным с традициями тюркской правовой системы, представляется заслуживающей отдельного рассмотрения.

Во времена Крымского ханства село входило в состав Бахчисарайского судебного округа (кадылыка). До последней четверти XVIII в. греческая община Мангуш оставалась одной из самых крупных и, можно сказать, полнокровных,

⁶ Араджиони 2004, 307.

⁷ Чернышева 1958, 3–5.

⁸ Гаркавец 1974, 18–19; Корелов 1990, 135.

⁹ Араджиони 1993, 143–169, 1993а, 192.

¹⁰ Плетнева 1990, 169.

¹¹ Алиев 1972, 163; Бобровников 2009, 71, 168.

Рис. 1 Греческое кладбище и церковь Св. Федора в с. Мангуш. Литография по рисунку М.Б. Вебеля, 1853.

Fig. 1. Greek cemetery and the Church of St. Theodor in the village of Mangush. Lithograph from the M.B. Webel's drawing, 1853.

во внутренней горной части Юго-Западного Крыма османские фискальные документы фиксируют 142 домовладения, 773 жителя, в их числе 10 священников, отдельно упомянуты три семьи, перебравшиеся с Южного берега полуострова, т.е. территории османского санджака. В распоряжении общины было два христианских храма.

Участок позднесредневекового некрополя в селе Мангуш был исследован экспедицией Бахчисарайского историко-культурного музея-заповедника в 1990 г.¹². Некрополь формировался вокруг средневековой греческой церкви св. Федора (существующий храм того же наименования возведен на ее месте в 1884 г.) (рис. 1). Судя по полученным в ходе раскопок артефактам, исследованный участок некрополя функционировал во второй пол. XVII–XVIII вв., верхней датой некрополя следует признать упоминавшиеся события 1778 г. Основной тип зафиксированных погребальных сооружений – плитовые могилы и грунтовые ямы с дополнительными конструкциями, отдельные могилы частично вырублены в скальном

¹² Белый, Белый, Лобода 1993, 165–173.

грунте (мергель), что связано с особенностями геологии некрополя. Покойных погребали, следуя практике трупоположения в вытянутой позе на спине. Во многих случаях основательно обустроенные гробницы использовались многократно, останки погребенных ранее при этом смещались к бортам могилы. Близкие по времени и типологии сельские некрополи христианского населения горного Крыма ранее исследовались у сел Богатырь и Бия-Сала (современное Верхоречье).

3. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ИЗ НЕКРОПОЛЯ ПРИ С. МАНГУШ

Многочислен был получен и исследован антропологический материал. Серия состояла из пяти мужских, семи женских черепов (табл. 1, 2) и одного черепа подростка (вероятнее ♀). Любопытно отметить присутствие в выборке двух женских черепов с явными признаками циркулярной искусственной деформации (рис. 2 А, Б), впрочем, свидетельства сохранения столь архаичной практики зафиксированы для различных групп населения исследуемого региона вплоть до нового времени¹³. Применительно к христианскому населению времен Крымского ханства искусственная деформация отмечена также на некрополе при с. Бия-Сала (совр. Верхоречье, Бахчисарайский р-н.) и южнобережном некрополе при урочище Урум-Мегале (совр. пос. Малый маяк, Алуштинский р-н.).

Представленная краниологическая серия европеоидная, достаточно грацильная, характеризуется (табл. 3) малыми значениями продольного диаметра (♂168,9♀169,4) в сочетании со значительной шириной (♂144,6 ♀138,0) и малой высотой (♂129,1♀124,8) черепной коробки. По продольно-поперечному указателю серия брахикранна (♂82,6, ♀80,18), значения высотно-поперечного указателя низкие (♂68,43♀69,61). При этом следует отметить завышенные значения δ для основных измерений мозгового отдела.

Лицо у мужской части выборки средневысокое (67,23) и низкое (62,67) у женщин. Скуловой диаметр у мужчин в пределах средних значений (133,8), у женщин значительно меньше (117,5) в сочетании со значительной верхней шириной лицевого отдела (♂ 106,2, ♀102,8), малой средней шириной лица у мужчин (92,2) и средней на грани больших величин у женщин (94,0). По верхнелицевому указателю мужская выборка – эурион (48,78), женская – мезен (52,1). Нос средневыступающий, по указателю узкий у мужчин (49,48) и широкий (52,12) у женщин. Переносье средневысокое, дакриальный (♂43,67, ♀46,69) и симотический (♂35,02♀38,1) указатели в пределах средних значений. Орбиты небольшие, относительно высокие. Лицо ортогнатное, горизонтальная профилировка лицевого отдела на уровне ZM-точек хорошая, на уровне верхнего отдела лица несколько ослаблена, особенно у мужчин (♂146,4, ♀139,0).

К сожалению, малочисленность как мужской, так и женской выборок не позволяет провести корректный внутригрупповой анализ серии методами многомерной статистики. В межгрупповом анализе использованы данные по 52-м краниологическим сериям, представляющим различные группы населения Крымского полуострова в широком хронологическом разрезе от культур РЖВ до раннего нового времени (см. приложение №1).

¹³ Иванов 2003, 72–77; 2016, 57–60.

Таблица №1

Некрополь Мангуш. Индивидуальные значения измерения измерений и указателей

Признак по Мартину	мужчины						женщины					
	№1.18	№5	№6	№7	№10.18	№2	№3.2	№8.18	№9.24	№11.2		
1а. Прод. дм.	171,00	160,00	163,00	178,00	172,40	166,00	174,50	164,00	178,50	161,00		
1в. от ОФ.	173,00	160,00	167,00	179,00	179,00	166,00			178,00			
8. Попр. дм.	140,00	148,00	140,00	143,00	152,00	139,00	140,00	140,00	132,00	125,00		
17. BA- BR	135,50	121,00		129,50	130,50	113,00		131,00	123,00			
5. Дл. основан.	106,00	89,50		104,00	98,50	98,00		95,00	93,00			
9. Наим. шир. лба	96,00	98,00	95,00	96,00	108,00		91,00	93,00	97,50	95,00		
10. Наиб. шир.	119,00	123,00	121,00	117,00	128,00	118,00	110,00	116,00	116,50	110,00		
11. Шир. основания	130,00	120,00	127,00	126,00	136,00	117,00	122,00	113,00	121,50	105,00		
12. Шир. затылка	107,00	110,00	107,00	111,00	111,00	112,50	114,00	115,00	103,20	99,00		
29. Лобная хорда	104,00	110,00	108,00	101,00	104,00	108,00	114,00	103,00	115,50	116,00		
30. Темная хорда	108,00	101,00	112,00	116,00	110,00	95,00	110,00	108,50	103,00	108,00		
31. Затыл. хорда	89,00	83,00	97,00	96,00	97,00	82,00	97,00	92,00	94,00	97,00		
24. Попр. дуга	316,00	320,00	312,00	310,00	330,20	305,00	314,00	323,00	310,00			
25. Сагит. дуга	348,00	352,00	370,00	340,00	367,00	334,00	357,00	352,00	354,00	312,00		
26. Лобн. дуга	120,00	125,00	125,00	114,00	123,00	125,00	122,00	115,00	130,00	160,00		
27. Темн. дуга	125,00	120,00	130,00	113,00	120,00	105,00	125,00	125,00	114,00	125,00		
28. Затыл. дуга	103,00	107,00	115,00	113,00	124,00	104,00	110,00	112,00	110,00	110,00		
7. Длина затыл. отв.	34,00	35,00		35,50	36,50	31,50		32,00	35,00			
16. Шир. Затыл. отв.	29,00	26,00	33,00	27,00	34,00	27,50	31,50		29,00	27,00		
45. Скул. дм.	139,00	130,00	130,00	136,50		124,00		118,00	123,00	105,00		
40. Длина осн. лица	102,00			100,00	92,50	97,00		95,50				
48. Верх. выс. лица	67,00	67,00		67,70		65,50	61,00	61,50				
47. Полн. выс. лица		113,00				107,50						
43. Верх. шир. лица	107,00	105,00	100,50	107,50	111,00		100,00	100,00	104,50	98,50		
46. Ср. шир. лица	88,70	87,50	83,30	94,50	107,00		89,00	94,00	92,00	88,00		
60. Дл. альв. дуги	51,00			52,70		50,00		47,00				

61. Шир. альв. дуги	66,50	58,50		62,00	61,50	63,00	61,00	62,00	58,00	
62. Длина неба	50,00	43,00	40,00	44,00	51,50	41,00	44,50	45,00		
63. Ширина неба	38,00	31,00	35,00	34,00	39,00	33,50	39,00	37,00	40,00	33,50
55. Высота носа	48,00	51,00	54,00	50,00	60,00	50,00	49,00	45,00	50,00	
54. Ширина носа	24,50	22,20	22,00	24,00	30,00	24,00	23,00	24,00		24,50
51. Шир. орб. MF	42,00	40,00	39,00	41,00	40,00	40,00	40,00	38,00	42,00	36,00
51a. -- Dakr.	40,00	39,00	34,00	39,00	38,00	37,20	39,00	38,50	39,50	
52. Выс. Орбиты	31,00	36,20	33,50	32,00	35,00	35,50	36,50	30,50	34,70	34,25
20. Ушная высота	115,00	110,00	117,00	111,00	119,00	100,00	118,00	120,00	110,00	119,00
Шир. tmo-tmo	99,00	104,50	93,00	98,00	104,00		92,00	94,50	100,00	91,00
Выс. tmo-tmo	18,00	20,00	10,00	17,00	13,00		22,00	14,00	16,00	
Шир.zm-zm	88,70	87,50	83,25	94,50	107,00		89,00	94,00	92,00	88,00
Выс. zm-zm	24,00	23,00		23,00	25,00		26,00	25,00	23,00	28,00
57. SC	12,00	10,50	9,75	9,50	10,00	7,30	12,00	10,50	8,00	
SS	4,80	4,60	3,50	2,60	2,80	3,00	4,80	3,60	3,20	
50. MC	21,00	20,00	16,00	20,00	29,00	19,20	20,00	20,50	20,50	
MS	7,70	8,50	8,10	5,50	8,00	6,80	10,70	6,20	7,00	
49a. DC	23,00	22,00	20,00	24,00	31,70	22,00	21,00	22,75	23,50	
DS	7,10	11,30	11,90	9,30	12,00	11,60		10,40	11,20	
FC	6,00	4,00	8,00	4,00	4,00	4,00	3,00	4,00	4,00	5,00
32. Угол проф. лба от N	76,00	78,00	85,00	76,00	83,00	81,00	73,00	79,00	73,00	77,00
от GL	68,00	77,00	77,00	70,00	75,00	76,00	69,00	75,00	67,00	69,00
72. Общ. лиц. угол	84,00		85,00	86,00	88,00	87,00	86,00	83,00		
73. Средний лиц. угол	85,00	85,00	84,00	87,00	88,00	87,00	84,00	83,00	87,00	83,00
74. Угол альв. Части	83,00			79,00	88,00	87,00	86,00	83,00		82,00
75. Угол накл. нос. к.	54,00		60,00	65,00		61,00		61,00		84,00
75. 1. Угол выст. носа	30,00		25,00	21,00		26,00		22,00		
68.1 Дл. н. ч. от мыщ.		100,00	112,00		106,00				103,00	
79. Угол ветви н.ч.		120,00	137,00		153,00				48,00	

68. Дл. н. ч. от углов		74,00	72,00		70,00	69,00			74,00	
70. Высота ветви		47,00	55,00		58,00				44,00	
71a. Наим. шир. ветви		30,00	27,50		31,00	33,00			28,50	31,00
65. Мышел. ширина		130,00	121,00		131,00				119,00	
66. Угловая ширина		106,00	103,00		117,00	103,00			93,00	
67. Предняя ширина		43,50	45,00		47,00	48,00			44,50	49,00
69. Высота симфиза		31,00			31,00	26,00			29,50	28,50
69.1 Выс. тела н.ч.		26,50				25,00				30,00
69.3 Толщина тела		14,50	15,00		15,00	13,00			15,00	15,00
8:1 Черепной	66,08	92,50	85,89	80,34	88,17	83,73	80,23	85,37	73,95	77,64
17:1 Высотно прод.	78,32	75,63		72,35	72,91	68,07			69,10	
17:8 Высотно-попер.	75,71	60,47		72,73	64,80	70,50		67,86	70,45	
9:8 Лобно-попер.	70,85	80,99		74,13	82,76			70,99	79,27	
9:10 Лобный	112,26	137,43		112,50	129,95	120,41		122,11	125,27	
40:5 Выст. лица	96,23			96,15	93,91	98,98		100,53		
45:8 Попер. фацио-цер.	89,92	89,43	88,43	94,87	86,72	95,34	103,64	99,14	88,58	90,00
48:5 выступания лица	63,21	74,86		65,10		66,84		64,74		
48:45 Верх. лицевой	48,20	51,54		49,60			52,12			
48:17 Верг. фацио-цер.	80,00	91,67	85,04	80,16	76,47	92,31	93,44	91,15	95,06	110,48
52:51(d) Орбитный	77,50	92,82	98,53	82,05	92,11	95,43	93,59	79,22	87,85	
54:55 Носовой	51,04	43,53	40,74	48,00	50,00	48,00	46,94	53,33		
DS:DC Дакриальный	30,87	51,36	59,50	38,75	37,85		45,71	47,66		
SS:SC Симогический	40,00	43,81	35,90	27,37	28,00	40,00	34,29	40,00		
NM	140,00	139,00	155,00	145,00	153,00		126,00	147,00	144,00	
ZM	124,00	124,00		129,00	130,00		118,00	124,00	126,00	118,00

Таблица 2

Некрополь Мангуш. Средние значения измерений и указателей.

	мужчины				женщины			
	N	X	min	max	N	X	min	max
1а. Прод. дм.	5	168,88	160	178	5	169,40	161	178,5
1в. от OF.	5	171,6	160	179	2	174,33	166	178
8. Попр. дм.	5	144,6	140	152	5	138,00	125	140
17. ВА- BR	4	129,125	121	135,5	3	124,38	113	131
5. Дл. основан.	4	99,5	89,5	106	3	96,13	93	98
9. Наим. шир. лба	5	98,6	95	108	4	96,90	91	97,5
10. Наиб. шир.	5	121,6	117	128	5	116,42	110	118
11. Шир. основания	5	127,8	120	136	5	119,08	105	122
12. Шир. затылка	5	109,2	107	111	5	109,12	99	115
29. Лобная хорда	5	105,4	101	110	5	110,08	103	116
30. Темная хорда	5	109,4	101	116	5	105,75	95	110
31. Затыл. хорда	5	92,4	83	97	5	93,17	82	97
24. Попр. дуга	5	317,64	310	330,2	4	316,44	305	323
25. Сагит. дуга	5	355,4	340	370	5	346,00	312	357
26. Лобн. дуга	5	121,4	114	125	5	162,50	115	360
27. Темнн. дуга	5	121,6	113	130	5	119,00	105	125
28. Затыл. дуга	5	112,4	103	124	5	111,67	104	112
7. Длина затыл. отв.	5	35,25	34	36,5	3	33,75	31,5	35
16. Шир. Затыл. отв.	5	29,8	26	34	4	29,80	27	31,5
45. Скул. дм.	4	133,88	130	139	4	117,50	105	124
40. Длина осн. лица	3	98,17	92,5	102	2	95,00	95,5	97
48. Верх. выс. лица	3	67,23	67	67,7	3	62,67	61	65,5
47. Полн. выс. лица	1		113	113	1	107,50	107,5	107,5
43. Верх. шир. лица	5	106,2	100,5	111	4	102,80	98,5	104,5
46. Ср. шир. лица	5	92,2	83,3	107	4	94,00	88	94
60. Дл. альв. дуги	2	51,85	51	52,7	2	48,50	47	50
61. Шир. альв. дуги	4	62,125	58,5	66,5	5	61,10	58	63
62. Длина неба	5	45,7	40	51,5	3	45,50	41	45
63. Ширина неба	5	35,4	31	39	5	37,00	33,5	40
55. Высота носа	5	52,6	48	60	4	50,80	45	50
54. Ширина носа	5	24,54	22	30	4	25,10	23	24,5
51. Шир. орб. MF	5	40,4	39	42	5	39,33	36	42
51а. -- Dakr.	5	38	34	40	4	38,44	37,2	39,5
52. Выс. Орбиты	5	33,54	31	36,2	5	34,41	30,5	36,5
20. Ушная высота	5	114,4	110	119	5	114,33	100	120
Шир. tmo-tmo	5	99,7	93	104,5	4	96,30	91	100
Выс. tmo-tmo	5	15,6	10	20	3	16,25	14	22
Шир. zm-zm	5	92,19	83,25	107	4	94,00	88	94
Выс. zm- zm	4	23,75	23	25	4	25,40	23	28
57. SC	5	10,35	9,5	12	4	9,56	7,3	12

SS	5	3,66	2,6	4,8	4	3,48	3	4,8
50. MC	5	21,2	16	29	4	21,84	19,2	20,5
MS	5	7,56	5,5	8,5	4	7,74	6,2	10,7
49a. DC	5	24,14	20	31,7	4	24,19	21	23,5
DS	5	10,32	7,1	12	3	11,30	10,4	11,6
FC	5	5,2	4	8	5	4,00	3	5
32. Угол проф. лба от N	5	79,6	76	85	5	77,67	73	81
от GL	5	73,4	68	77	5	71,83	67	76
72. Общ. лиц. угол	4	85,75	84	88	3	86,00	83	87
73. Средний лиц. угол	5	85,8	84	88	5	85,33	83	87
74. Угол альв. Части	3	83,33	79	88	4	85,20	82	87
75. Угол накл. нос. к.	3	59,67	54	65	3	68,67	61	84
75. 1. Угол выст. носа	3	25,33	21	30	2	24,00	22	26
68.1 Дл. н. ч. от мыщ.	3	106,00	100	112	1	104,50	103	103
79. Угол ветви н.ч.	3	136,67	120	153	1	100,50	48	48
68. Дл. н. ч. от углов	3	72,00	70	74	2	71,00	69	74
70. Высота ветви	3	53,33	47	58	1	51,00	44	44
71a. Наим. шир. ветви	3	29,50	27,5	31	3	30,88	28,5	33
65. Мыщел. ширина	3	127,33	121	131	1	125,00	119	119
66. Угловая ширина	3	108,67	103	117	2	104,33	93	103
67. Предняя ширина	3	45,17	43,5	47	3	47,13	44,5	49
69. Высота симфиза	2	20,67	31	31	3	28,75	26	29,5
69.1 Выс. тела н.ч.	1	26,50	26,5	26,5	2	27,50	25	30
69.3 Толщина тела	3	14,83	14,5	15	3	14,50	13	15
8:1 черепной	5	82,60	66,08	92,50	5	80,18	73,95	85,37
17:1 высотно продольный	4	74,80	72,35	78,32	2	68,59	68,07	69,10
17:8 высотно-поперечный	4	68,43	60,47	75,71	3	69,61	67,86	70,50
9:8 лобно-поперечный	4	77,18	70,85	82,76	2	75,13	70,99	79,27
9:10 лобный	4	123,04	112,26	137,43	3	122,59	120,41	125,27
48:5 выступания лица	3	67,92	63,21	74,86	2	65,79	64,74	66,84
9:45 лобно-скуловой	4	89,87	86,72	94,87	3	95,34	90,00	103,64
40:5 выступания лица	3	95,36	93,91	96,23	2	99,76	98,98	100,53
45:8 попер. фацио-церебр.	5	89,87	86,72	94,87	5	95,34	88,58	103,64
48:45 верхний лицевой	3	49,78	48,20	51,54	1	52,12	52,12	52,12
48:17 верт. фацио-церебр.	5	82,67	76,47	91,67	5	96,49	91,15	110,48
52:51(d) орбитный	5	88,60	77,50	98,53	5	89,02	79,22	95,43
54:55 носовой	5	51,04	40,74	51,04	5	49,42	46,94	53,33
DS:DC дакриальный	5	43,67	30,87	59,50	2	46,69	45,71	47,66
SS:SC симотический	5	35,02	27,37	43,81	3	38,10	34,29	40,00
NM	5	146,40	139,00	155,00	3	139,00	126,00	147,00
ZM	4	126,75	124,00	130,00	4	121,50	118,00	126,00

Таблица 3

Результаты межгруппового анализа. ГК.

1.

мужчины				
	1	2	3	4
1a	0,167	-0,780	-0,380	0,160
8	-0,809	0,414	0,135	0,135
17	-0,159	-0,490	0,009	0,353
9	-0,766	0,028	-0,102	-0,106
45	-0,660	0,386	-0,116	0,453
48	-0,546	-0,548	-0,279	0,224
55	-0,632	-0,273	0,065	-0,038
54	0,002	0,038	-0,174	0,445
51	-0,309	-0,392	0,004	0,229
52	-0,407	-0,312	0,111	-0,405
57	-0,292	-0,062	-0,283	-0,731
SS	-0,298	0,110	-0,589	-0,438
NM	0,172	-0,570	0,431	-0,204
ZM	-0,316	-0,160	0,511	-0,082
72	-0,278	-0,023	0,777	-0,087
%	20,47%	14,43%	11,94%	10,89%

2.

женщины				
	1	2	3	4
1a	0,573	-0,661	-0,195	-0,092
8	0,037	0,383	0,388	0,645
17	0,677	-0,297	-0,267	0,145
9	0,615	0,215	-0,469	0,169
45	0,482	0,290	-0,361	-0,098
48	0,430	0,067	-0,148	-0,111
55	0,225	0,576	0,289	-0,288
54	0,140	0,532	-0,426	0,075
51	0,383	0,078	-0,103	-0,306
52	0,263	0,262	-0,026	0,703
57	0,476	0,222	0,537	-0,083
SS	0,465	0,048	0,583	-0,352
NM	-0,551	-0,102	-0,481	-0,085
ZM	-0,308	0,686	-0,150	-0,190
72	-0,023	0,532	-0,301	-0,269
%	18,08%	15,41%	12,55%	9,47%

Рис. 2. Искусственно деформированные черепа из некрополя при с. Мангуш: А – № 11 ♀ 25–30 лет, Б – № 3 ♀ 45–50 лет.

Fig. 2. Artificially deformed skulls from the necropolis near the village of Mangush: А – № 11 ♀ 25–30 years old, В. № 3 ♀ 45–50 years old

По результатам проведенного сопоставления серий для мужчин ГК 1 и ГК 2 (табл. 4) суммарно описываются 35% изменчивости. Основные нагрузки ГК1: поперечный диаметр (-), наименьшая ширина лба (-), скуловой диаметр (-) и высота носа (-); ГК 2: продольный диаметр (-), верхняя высота лица (-) и NM (-) угол. Соответственно относительно оси ГК 1 серии располагаются по мере уменьшения поперечных размеров черепной коробки и уменьшения высоты носа, относительно оси ГК 2 – уменьшения длины черепной коробки и высоты лицевого отдела вместе с усилением горизонтальной профилировки на среднем уровне.

Для женщин нагрузки ГК 1 связаны с высотным диаметром, наименьшей шириной лба и NM углом (-), ГК 2 – продольным диаметром черепной коробки, высотой носа и ZM углом (-). Вдоль оси ГК 1 серии ориентированы по мере увеличения высоты черепа, ширины лба и усиления горизонтальной профилировки на верхнем уровне, по ГК 2 наблюдается удлинение черепной коробки и связанное с ним увеличение высоты носа и усиление горизонтальной профилировки лица на среднем уровне.

Преобладающим антропологическим типом в среде населения Юго- Западной Таврики периода развитого средневековья следует считать европеоидный умеренно брахикранный тип с широкой и относительно низкой черепной коробкой, средневысоким лицом часто с несколько ослабленной горизонтальной профилировкой, сочетающейся с выступающим среднешироким носом. Внутри типа проявляется значительная вариабельность, связанная с широтными размерами черепной коробки и пропорциями лицевого отдела. До трети объема выборок составляют мезокранные формы. В качестве немногочисленного, но стабильно фиксируемого компонента встречаются долихокранные черепа чаще с некрупным лицом и относительно низкой черепной коробкой. В качестве противоположного комплекса следует отметить гипербрахикранные черепа с относительно большим

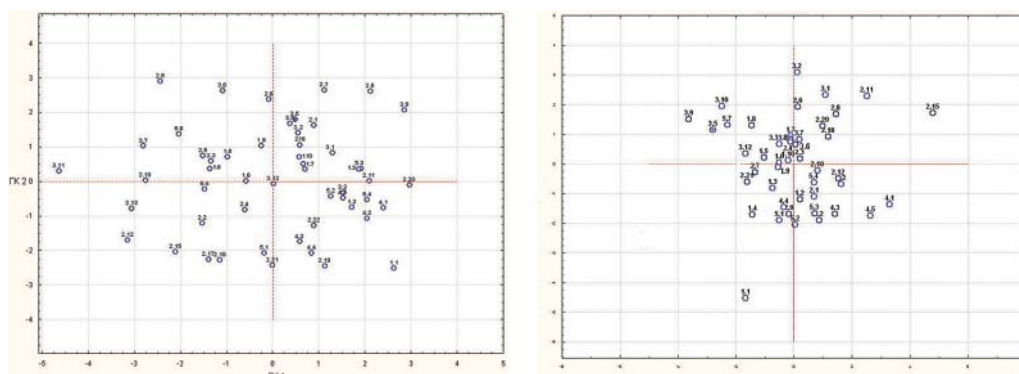

Рис. 3. Графические результаты межгруппового анализа: А – мужчины, Б – женщины
 Fig. 3. Graphical results of intergroup analysis: A - men, B – women

высотным диаметром черепной коробки в сочетании с широким и низким лицом. Отметим, что в сравнении с более ранними выборками население региона периода Крымского ханства выглядит заметно грацильнее¹⁴.

Мужская выборка из Мангуша (рис. 3 А) демонстрирует близость к сериям более раннего времени, происходящим с сельских некрополей Юго-Западного Крыма – Гончарное (VIII–IX вв.) (3.8) и Заречное (X–XII вв.) (3.2)¹⁵, что демонстрирует сохранение основных черт антропологического типа, характерного как для сельского, так и для городского населения центральных районов и северных предгорий Крымского полуострова на протяжении периода развитого средневековья и раннего нового времени.

Отмечено также очевидное сходство с сериями периода Крымского ханства – близкими как хронологически, так и территориально, однако представляющими некрополи, принадлежавшие местному мусульманскому населению, в частности, некрополь 6 МКР г. Бахчисарая (3.2)¹⁶ – кладбище жителей одной из пригородных слобод ханской столицы. Примечательно сходство рассматриваемого материала и серии с городского мусульманского некрополя Инкермана (до 1475 Каламита), также датируемой XVI–XVIII вв. (2.1)¹⁷. Известные письменные свидетельства иллюстрируют процесс ослабления христианских традиций и постепенной исламизации поселения после османского завоевания 1475 г.

Положение женской выборки (рис. 3Б) менее определено, по отношению к основному массиву крымских серий она занимает явно периферийное положение, обнаруживая сходство с достаточно «экзотическими» материалами, происходящими из средневековых (X–XII вв.) пещерных некрополей горного Крыма (3.9)¹⁸, раннесредневековой серией из южнобережного могильника Лучистое (5.7)¹⁹, связываемой исследователями памятника с аланской общиной, обосновав-

¹⁴ Иванов 2019, 111–114.

¹⁵ Беневоленская 1970, 187–201, 210–213; Зиневич 1973, 61–78.

¹⁶ Иванов 1997, 360–366; Иванов, Васильев 2019, 248.

¹⁷ Соколова 1962, 131–134, 152–154.

¹⁸ Иванов 2018, 56–72.

¹⁹ Радочин 2005, 119–134.

шейся здесь на исходе великого переселения народов²⁰, и южнобережным сельским некрополем XI–XIII вв. при пос. Никита (3.10)²¹.

Таким образом, введение в научный оборот даже единичной серии, представляющей один из крымских этносов нового времени, затронуло значительный объем вопросов как собственно антропологического, так и этно-исторического свойства. Представляется, что рассматриваемый в работе материал явно недостаточен, чтобы претендовать на полноту исследования антропологических аспектов исключительно сложного и многоэтапного процесса формирования этноса крымских греков. В свете полученных результатов необходимо вернуться к вопросу участия в его становлении христианизированного населения, связанного происхождением с тюркскими этносами кипчакско-половецкого круга. Дальнейшая разработка рассматриваемой проблематики будет связана с расширением базы антропологических материалов.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин, А.И. 1999: *Этническая история ранневизантийского Крыма*. Симферополь.
- Айбабин, А.И., Герцен, А.Г. 1990: Основные этапы этнической истории Крыма. *Вестник Информационно - методический бюллетень. Öffentlich - политическое центра КО КПУ* 3, 2–18.
- Айбабин, А.И., Герцен, А.Г., Храпунов, И.Н. 1993: Основные проблемы этнической истории Крыма. *МАИЭТ* III, 211–221.
- Алиев, В.Г. 1972: *Каба - Дарго в XVIII–XIX вв.* Махачкала.
- Белый, А.В., Белый, О.Б., Лобода, И.И. 1993: Позднесредневековые плитовые могильники Юго-Западного Крыма. В сб. Ю.М. Могаричев (ред.), *История и археология Юго-Западного Крыма*. Симферополь, 160–173.
- Беневоленская, Ю.Д. 1970: Антропологические материалы из средневековых могильников Юго-Западного Крыма. *Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики*. М.–Л. (МИА 168).
- Бобровников, В.О. 2009: *Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начала XX в.: до присоединения к России*. Т. 1. М.
- Гаркавец, А.Н. 1974: В.В. Бартольд о вероисповедании кыпчаков X–XIII в. и проблеме этногенеза армяно-греко-кыпчаков и караимов. В сб.: В.Г. Гафуров (ред.), *Бартольдовские чтения*. М., 18–20.
- Зиневич, Г.П. 1973: *Антропологические материалы средневековых могильников Юго-Западного Крыма*. Киев.
- Иванов, А.В. 1997: Антропологический материал из мусульманского некрополя в 6 МКР. г Бахчисарая. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. Симферополь, 360–366.
- Иванов, А.В. 2003: О практике искусственной деформации головы у различных групп населения позднесредневековой Таврики. В сб.: Ю.А. Бабинов, Х. Хоффманн (ред.), *Восток-Запад межконфессиональный диалог*. Севастополь, 72–79.
- Иванов, А.В. 2014: Новые данные о практике искусственной деформации головы у населения средневековой Таврики. В сб.: А.Г. Ситдилов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко (ред.), *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда*. Т. 3. Казань.

²⁰ Айбабин 1999, 229.

²¹ Неопубликованные материалы автора.

- Иванов, А.В. 2018: Антропологический материал из пещерных некрополей горного Крыма. *Вестник Антропологии* 2(42), 56–72.
- Иванов, А.В. 2019: Об антропологическом типе «средневековой народности горного Крыма». В сб.: Н.А. Алексеенко (ред.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и полис XI Международный Византийский Семинар. Материалы научной конференции*. Севастополь, 111–114.
- Иванов, А.В., Васильев, С.В. 2019: Краниологическая характеристика позднесредневековых крымских татар. *Вестник антропологии* 4 (48), 243–251.
- Корелов, И.А. 1990: Иноязычные греки (урумы) на территории Грузии. *Известия Академии наук Грузинской ССР. Серия история искусства* 2, 133–149.
- Плетнева, С.А. 1990: *Половцы*. Москва.
- Радочин, Ю.Н. 2002: Новые антропологические материалы из могильника у с. Лучистое. *МАИЭТ IX*, Симферополь, 119–134.
- Соколова, К.Ф. 1962: Антропологічні матеріали могильників Інкерманської долини. В сб.: А.Т. Брайчевска (ред.), *Археологічні пам'ятки УРСР. Стародавні пам'ятки Інкерманської долини*. Т. XIII. Київ, 124–154.
- Сорочан, С.Б. 2005: *Византийский Херсон*. Харьков.
- Чернышева, Т.Н. 1958: *Новогреческий говор сел Приморского (Урзуфа) и Ялты Первомайского района, Сталинской области*. Киев.
- Щукин, М.Б. 2005: *Готский путь*. СПб.
- Якобсон, А.Л. 1970: *Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики*. М.–Л. (МИА 168).
- Якобсон, А.Л. 1973: Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики. *АДСВ* 10, 131–138.

REFERENCES

- Aybabin, A.I. 1999: *Etnicheskaya istoriya rannevizantiyskogo Kryma [Ethnic History of the Early Byzantine Crimea]*. Simferopol.
- Aybabin, A.I., Gertsen, A.G. 1990: Osnovnye etapy etnicheskoy istorii Kryma [The main stages of the ethnic history of the Crimea]. *Vestnik. Informatsionno-metodicheskii byulleten. Obshchestvenno-politicheskogo tsentra KO KPU [Historical and Methodological Bulletin of the socio-political center of the Crimean Regional Committee of the Ukraine Communist Party]* 3, 2–18.
- Aybabin, A.I., Gertsen, A.G., Khrapunov, I.N. 1993: Osnovnye problemy etnicheskoy istorii Kryma [The main problems of the ethnic history of the Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii i Tavrii [Materials on the History, Archaeology and Ethnography of Taurica]* III, 211–221.
- Aliyev, V.G. 1972: *Kaba-Dargo v XVIII–XIX vv. [Kaba-Dargo in the 18th and 19th centuries]* Makhachkala.
- Belyy, A.V., Belyy, O.B., Loboda, I.I. 1993: Pozdnesrednevekovye plitovye mogilniki Yugo-Zapadnogo Kryma [Late medieval slab cemeteries of the South-Western Crimea]. In: U.M. Mogarichev (ed.), *Istoriya i arkheologiya Yugo-Zapadnogo Kryma [History and Archaeology of the South-Western Crimea]*. Simferopol, 160–173.
- Benevolenskaya, Yu.D. 1970: *Antropologicheskiye materialy iz srednevekovykh mogilnikov Yugo-Zapadnogo Kryma [Anthropological materials from the medieval burial grounds of the South-Western Crimea]*. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Researches on Archaeology of the USSR] 168). Moscow–Leningrad.
- Bobrovnikov, V.O. 2009: *Obychay i zakon v pismennykh pamyatnikakh Dagestana V- nachala XX vv.: do prisoyedineniya k Rossii [Custom and law in the written sources of Dagestan of the 5th to the beginning of the 19th century: Before joining Russia]*. Vol. 1. Moscow.

- Chernysheva, T.N. 1958: *Novogrecheskiy govor sel Primorskogo (Urzufa) i Yalty Pervomayskogo rayona. Stalinskoy oblasti* [The modern Greek dialect of the villages of Primorsky (Urzuf) and Yalta, Pervomaysk District, Stalin Region]. Kiev.
- Garkavets, A.N. 1974: V.V. Bartold o veroispovedanii kypchakov X–XIII vv. i probleme etnogeneza armyano-greko-kypchakov i karaimov [Bartold on the religion of the Kypchaks in the 10th to 13th centuries and the problem of ethnogenesis of the Armenian, Greek-Kipchaks and Karaites]. In: V.G. Gafurov (ed.), *Barotoldovskiye chteniya* [Barotold Readings. Abstracts of reports] Moscow, 18–20.
- Ivanov, A.V. 1997: Antropologicheskiy material iz musulmanskogo nekropolya v 6 MKR. g Bakhchisaraya [Anthropological material from the Muslim necropolis in the 6th quarter of Bakhchisaray]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskiy sbornik* [Bakhchisarai Historian and Archaeological Collection]. Simferopol, 360–366.
- Ivanov, A.V. 2003: O praktike iskusstvennoy deformatsii golovy u razlichnykh grupp naseleniya pozdnesrednevekovoy Tavriki [On the practice of artificial deformation of the head in various groups of the population of Late Medieval Taurica]. In: U.A. Babinov, H. Hoffmann (eds.), *Vostok–Zapad mezhekonsfessionalnyy dialog* [East–West interfaith dialogue] Sevastopol, 72–79.
- Ivanov, A.V. 2014: Novyye dannyye o praktike iskusstvennoy deformatsii golovy u naseleniya srednevekovoy Tavriki [New data on the practice of artificial deformation of the head among the population of medieval Taurica]. In: A.G. Sitdikov, N.A. Makarov, A.P. Derevyanko (eds.), *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo syezda* [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress]. Vol. 3. Kazan, 57–60.
- Ivanov, A.V. 2018: Antropologicheskiy material iz peshchernykh nekropoley gornogo Kryma [Anthropological material from cave necropolises of the mountain Crimea]. *Vestnik Antropologii* [Bulletin of Anthropology] 2(42), 56–72.
- Ivanov, A.V. 2019: Ob antropologicheskom tipe «srednevekovoy narodnosti gornogo Kryma» [About the anthropological type of “medieval nationality of the mountain Crimea”]. In: N.A. Alekseyenko (ed.), *ΠΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Imperiya i polis XI Mezhdunarodnyy Vizantiyskiy Seminar. Materialy nauchnoy konferentsii* [Hersonas Femata: Empire and Policy XI International Byzantine Workshop. Materials of the scientific conference] Sevastopol, 111–114.
- Ivanov, A.V., Vasilyev, S.V. 2019: Kraniologicheskaya kharakteristika pozdnesrednevekovykh krymskikh tatar [Craniological characteristics of the Late Medieval Crimean Tatars]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology] 4 (48), 243–251.
- Korelov, I.A. 1990: Inoyazychnyye greki (urumy) na territorii Gruzii [Foreign Greeks (Urumahs) on the territory of Georgia]. *Izvestiya Akademii nauk Gruzinskoy SSR. Seriya istoriya iskusstva*. [Transactions of the Academy of Sciences of the Georgian SSR. A series of art criticism] 2, 133–149.
- Pletneva, S.A. 1990: *Polovtsy* [The Polovets]. Moscow.
- Radochin, Yu.N. 2002: Novyye antropologicheskiye materialy iz mogilnika u s. Luchistoye [New anthropological materials from the necropolis near the village Luchistoye]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii i Tavrii* [Materials on the History, Archaeology and Ethnography of Taurica] IX, 19–134.
- Sokolova, K.F. 1962: Antropologichni materiali mogilnikov Inkermanskoi dolini [Anthropological materials of the Inkerman Valley burial grounds]. *Arkheologichnyy pamyatky URSR. Starodavni pamyatki Inkermanskoy dolini* [Archaeological Sites of the URSR. Old-time sites of the Inkerman Valley] XIII, 124–154.
- Sorochan, S.B. 2005: *Vizantiyskiy Kherson*. [Byzantine Kherson] Kharkov.
- Shchukin, M.B. 2005: *Gotskiy put* [Gothic road]. Saint Petersburg.

- Yakobson, A.L. 1970: *Rannesrednekovyye selskiye poseleniya Yugo-Zapadnoy Tavriki. Early medieval rural settlements of Southwest Taurica. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and researches on Archaeology of the USSR] 168)*. Leningrad.
- Yakobson, A.L. 1973: Kultura i etnos rannesrednekovykh selishch Tavriki [Culture and ethnos of the early medieval villages of Taurica]. *Antichnaya drevnost i sredniye veka [Antiquity and the Middle Ages]* 10, 131–138.
- Zinevich, G.P. 1973: *Antropologicheskiye materialy srednekovykh mogilnikov Yugo-Zapadno-go Kryma. [Anthropological materials of the medieval burial grounds of the South-Western Crimea]*. Kiev.

CRIMEAN GREEKS OF THE CRIMEAN KHANATE. ANTHROPOLOGICAL MATERIAL FROM THE NECROPOLIS NEAR THE VILLAGE OF MANGUSH

Aleksey V. Ivanov

Institute Archaeology of the Crimea Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia
ivav@yandex.ru

Abstract. The processes associated with the formation of close to modern ethnohistorical communities of the Crimean population are not sufficiently covered from the standpoint of anthropological research. The purpose of this article is the first presentation of the anthropological material related to the community of the Crimean Khanate of the Christian population defined as Crimean Greeks, to consider it in an ethnohistorical context and to address some of the debated topics related to the ethnic history of the Crimean Greeks of early modern times. By the end of the 1st millennium AD on the territory of Southwestern Taurica, an ethnic community is formed, which is named the “medieval nationality of the Mountainous Crimea”. Representatives of communities heterogeneous in their origin and economic basis participated in its formation; they settled on the peninsula from the period of the Late Antiquity and the Early Middle Ages. The formed community continued its existence, having survived the decline of the political influence of the Byzantine Empire in the region at the beginning of the 13th century and the series of subsequent destructive invasions of the Mongols in the 14th century. Scholars use both the terms “Greek medieval nationality” and “Crimean Greeks.” After the Ottoman conquest of the Crimea in 1475, the Christian population lived in the territories under the jurisdiction of both the Crimean Khanate proper and the Ottoman Empire. The Greek Christians constitute a separate, fairly closed ethno-confessional community with elements of internal self-government. The anthropological series investigated by the author represents residents of the Late Medieval settlement of the village of Mangush located near Bakhchisaray in the mountainous part of the Southwestern Crimea. The series includes five male and seven female skulls, and a teenage skull. It is noteworthy that two female skulls with signs of circular artificial deformation were present in the sample. The results of the intergroup comparison of the series are demonstrated by the preservation of the main features of the anthropological type characteristic of both the rural and urban population of the central regions and northern foothills of the Crimean Peninsula in the Byzantine time, and of synchronous series representing the Muslim population of the region.

Keywords: Crimea, Middle Ages, archaeology, anthropology, Greeks, Turks, craniology, ethnic history

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2020), 223–229
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2020), 223–229
©Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-4-70-223–229

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ХРАМЫ СЕЛА ЧХОРТОЛ (АБХАЗИЯ)

Г.В. Требелева¹, С.М. Сакания², А.С. Кизилова³, К.А. Глазов⁴, Г.Ю. Юрков⁵

¹*Институт археологии РАН, Москва, Россия*

trgv@mail.ru

²*Абхазский институт гуманитарных исследований Академии наук Абхазии, Сухум, Абхазия*

abigi@rambler.ru

³*Сочинский научно-исследовательский центр РАН, Сочи, Россия*

kiziloff2014@mail.ru

⁴*Сочинское отделение Русского географического общества, Сочи, Россия*

paradoxsochi@yandex.ru

⁵*Федеральный исследовательский центр химической физики им. Н.Н. Семенова*

РАН, Москва, Россия

gy_yurkov@mail.ru

Аннотация. Одной из задач совместной российско-абхазской Маркульской археологической экспедиции ИА РАН и АБИГИ АНА является составление каталога позднеантичных и средневековых храмов Абхазии. В сел. Чхортал (Ткварчалский район) находятся два храма. Один из них, в центре села, – храм святого Георгия – официально датируется XIX в., однако обследование памятника выявило ряд признаков, позволяющих предположить, что храм относится к более ранней эпохе или возведен на остатках более древнего храма. Второй храм расположен в северной нагорной части села. У храма хорошо сохранилась северная стена, которая позволяет зафиксировать многие архитектурные детали. По комплексным данным (тип апсиды, наличие сложных пилястр и анализ раствора) этот храм можно предварительно отнести к традиционным раннесредневековым сооружениям с одновременными пристройками эпохи формирования Абхазского царства в VIII–IX вв.

Ключевые слова: Абхазия, раннесредневековые храмы, Ткварчалский район, село Чхортал, базилики

Данные об авторах: Требелева Галина Викторовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН; Сакания Сурам Михайлович – научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований Абхазской академии наук; Кизилова Андрей Сергеевич – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Сочинского научно-исследовательского центра РАН; Глазов Константин Анатольевич – научный сотрудник Сочинского отделения Русского географического общества; Юрков Глеб Юрьевич – доктор технических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра химической физики им. Н.Н. Семенова РАН.

Работа подготовлена при поддержке РФФИ № 19–59–40002.

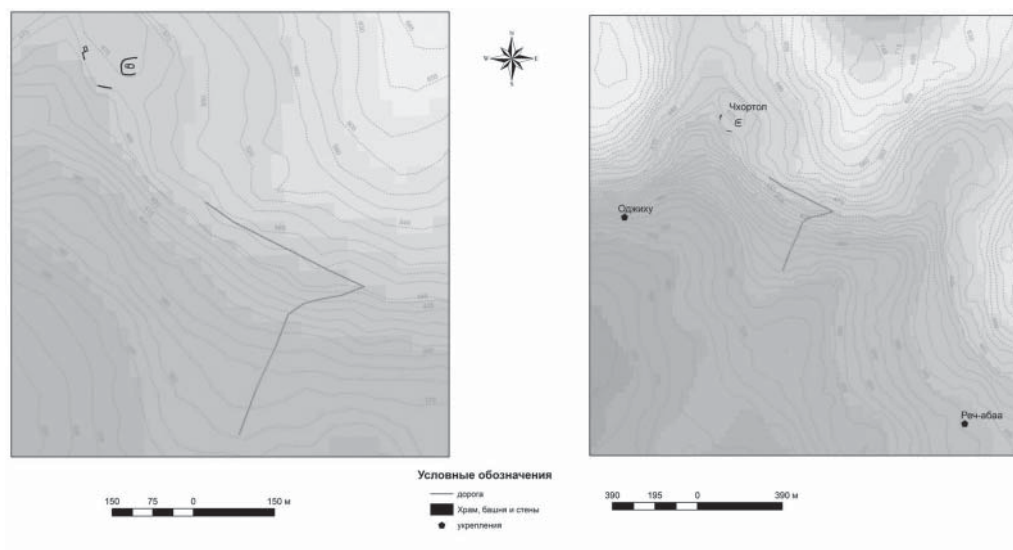

Рис. 1. Храм Чхортол 2 с дорогой и укрепления Оджиху и Реч-Абаа.

Fig.1. Church Chkhortol 2 with a road and fortifications of Ojikhu and Rech-Abaa

Абхазия богата христианскими древностями. Официально государственной религией христианство здесь стало с VI в. н.э., но первые храмы относятся еще к IV в. В настоящее время Абхазия является стремительно развивающимся туристическим и аграрным регионом, что несет определенную угрозу в аспекте сохранения памятников археологии и историко-культурного наследия. Соответственно, возникает необходимость в организации бережной эксплуатации исторических объектов и сборе максимально полной информации о них. Одной из задач совместной российско-абхазской Маркульской археологической экспедиции ИА РАН и АБИГИ АНА является каталогизация позднеантичных и средневековых храмов Абхазии. В рамках данного проекта проведено исследование памятников в селе Чхортол Ткварчалского района. По прежним официальным сведениям, в данном селе не выявлено ни единого средневекового храма, но известны два ранних укрепления – Реч-Абаа и Оджиху, которые И.Е. Адзинба¹ относил ко второй линии обороны Келасурской стены. Однако, как показали современные исследования, данные укрепления к Келасурской стене отношения не имеют².

Обследование памятников в Чхортоле проводились нами в 2013 г. Тогда же, местные жители обратили наше внимание на еще один архитектурный объект – развалины храма со стеной ограды, остатки оборонительных стен и башни, к которым ведет серпантинная грунтовая дорога, недоступная для современного автомобильного проезда, но пригодная для гужевого транспорта³ (рис. 1). Рядом с храмом сохранились следы археологических раскопок 1985–1986 гг., результаты которых были опубликованы только в 2009 г. в виде небольшой заметки с планами⁴.

¹ Адзинба 1958, 129–133.

² Требелева 2019, 55–57.

³ Требелева, Юрков 2015, 365–383.

⁴ Хвистани 2009, 13–24, 123, 130.

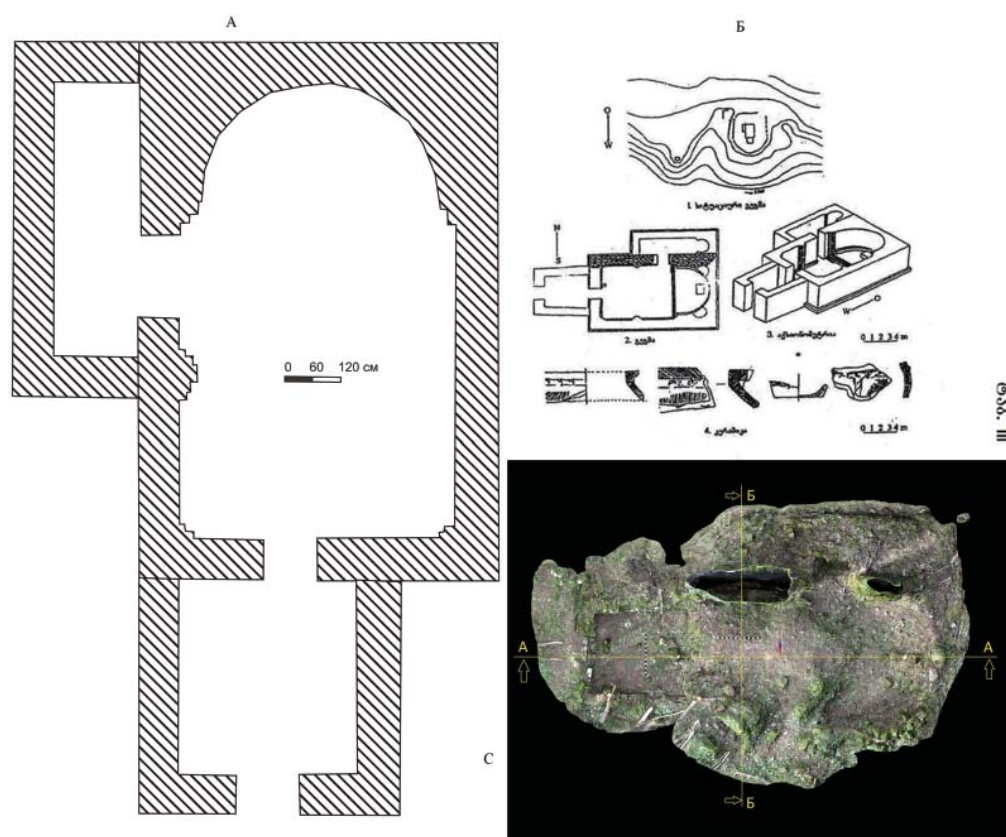

Рис. 2. а – план храма Чхортол 2; б – планы (по Хвистани, 2009); в – фотограмметрическая съемка храма 2013 г.

Fig. 2. A – plan of the Chkhortol 2 Temple; b – old plan (Khvistani, 2009); c – photogrammetric survey

При обследовании памятника в 2013 г. были составлены новые планы храма с применением метода фотограмметрии для создания полноценной модели в 3D-формате (рис. 2). Сравнение новых данных с планом Р.Г. Хвистани 2009 г. выявляет существенные различия. В частности, на старом плане храма отмечены ниши, которые при новейшем исследовании памятника не были выявлены. Данный храм (Чхортол 2) расположен в северной нагорной части села. Постройка представляет собой типичное сооружение одноступенчатой формы с прямоугольной снаружи и полукруглой внутри апсидой и разновременными пристройками. В апсиде фиксируется сохранившийся одноступенчатый синтрон, позволяющий предположить, что данный храм был одним из центральных в районе, возможно епископским центром. Храм имеет два входа: в западной стене шириной 117 см и северной – около 160 см. Размеры постройки по внешнему контуру 11,61 x 7,62 м. Толщина стен – 85 см. С северной стороны вдоль храма имеется пристройка размерами по внешнему контуру 5,78 x 2,71 м, по внутреннему – 5 x 1,85 м.

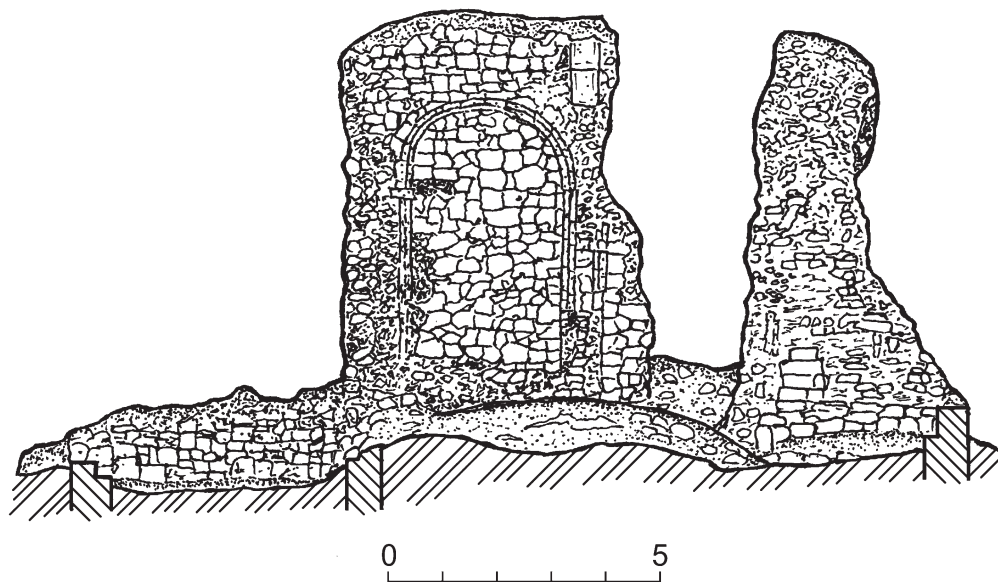

Рис. 3. Прорисовка северной стены храма по данным фотограмметрии
 Fig. 3. Drawing of the northern wall of temple according to photogrammetry data

С западной стороны к храму пристроен притвор. Северные стены храма и притвора расположены на одной линии, конструкция стены притвора не перевязана с западной стеной храма. Ширина притвора меньше ширины самого храма. Внешние размеры притвора – 5,42 x 5,13 м, внутренние – 3,72 x 4,28 м. Толщина стен везде составляет 85 см. В притворе сохранились следы дверного проема шириной 140 см. Общие длина стены храма с имеющимися пристройками – 10,33 м, а с притвором – 16,74 м.

В конструкции храма лучше всего сохранилась северная стена (рис. 3), сложенная из каменных блоков известняка в техники бута с двухсторонней блочной обкладкой. Блоки неодинаковых размеров; отсутствуют регулярные ряды; щеки блоков относительно ровно обработаны. По-видимому, изначально предполагалась штукатурка стен под роспись. На сохранившемся участке северной стены отчетливо видно наличие пристенных арок и многоступенчатых пилястр, подсводной арки. В СЗ углу сохранились полупилястры, на которые опирались пристенные арки на северной и западной сторонах. Северная стена сохранилась местами до уровня начала кладки свода. В пилястрах и сохранившихся участках пристенных арок имеются своеобразные небольшие капители или импосты, на которые арки опирались. Общая ширина пилястра – 80 см, ширина подсводной арки – 30 см. Общий выступ пилястра со ступенями от стены – 34 см.

Такой архитектурный элемент как пилястры, естественно, не является, точно датирующим, но частично определяет хронологические рамки, особенно в комплексе с другими индикаторами. Так, зальные храмы, у которых отсутствуют пилястры, датируются ранним периодом – IV–VI вв., а с пилястрами – более поздним временем – VII–VIII или IX–X вв.

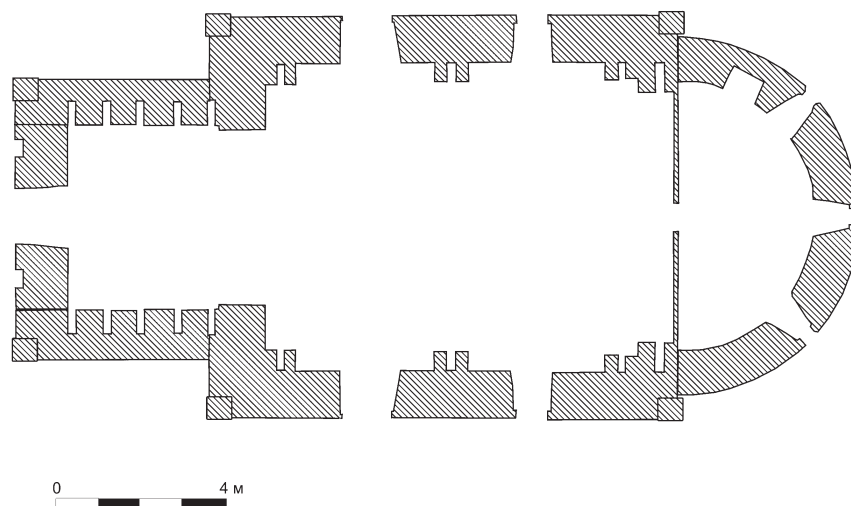

Рис. 4. План храма Чхортол 1
Fig. 4. Plan of the Chkhortol 1 Church

Анализ связующего раствора выявил 25% ($\frac{1}{4}$) примеси песка в районе алтаря, 47% ($\frac{1}{2}$) – в притворе. Песок в образцах разный по набору элементов. В варианте с $\frac{1}{4}$ песка в соединениях присутствуют Al и Mg, так же, как и на укреплениях Реч-Абаа и Оджиху, расположенных в селе⁵. В образцах с $\frac{1}{2}$ примесью кроме Al и Mg присутствуют Fe и K. Следовательно, песок поступал из разных месторождений. Эти анализы определенно говорят о том, что элементы постройки разновременные, что не противоречит архитектурным данным: отсутствие перевязи в кладке, разная ширина храма и притвора. Таким образом, можно предположить, что сам храм был возведен одновременно с укреплениями, а притвор пристроен позднее. По комплексным данным (тип апсиды, присутствие сложных пилястр и анализ раствора) храм можно предварительно отнести к традиционным раннесредневековым сооружениям с разновременными пристройками периода формирования Абхазского царства в VIII–IX вв. Для более точного датирования необходимы дальнейшие раскопки.

Храм Чхортол 1 (или храм св. Георгия) расположен в центре села и официально состоит на учете как памятник XIX в. (рис. 4). Он представляет собой зальное (однонефное) сооружение размерами 20 x 9,5 м. С востока выделяется полукруглая апсида с тремя алтарными окнами, с запада пристроена колокольня. В сооружении имеются три входа: два – в продольных стенах, третий – в западной стене нижнего корпуса колокольни. Кроме трех алтарных окон имеются еще два – по одному в северной и южной стенах, к востоку от дверных проемов.

Внутреннее пространство памятника оформлено тремя парами пилястр, создающими ниши в продольных стенах. Пилястры соединены по всему периметру строения пристенными и подсводными арками. Толщина продольных стен

⁵ Адзинба 1958, 129–133; Требелева, Юрков 2015, 365–383.

(чуть более 1 м) позволяет предполагать, что когда-то имелся каменный свод. Безусловно, он должен был быть полуциркульным, о чем свидетельствуют остатки элементов его конструкции. В некоторых местах сохранились пяты свода, позволяющие точно восстановить его первоначальный вид. Все окна в храме имеют арочное навершие.

В храме заметны следы разновременных ремонтно-восстановительных работ. В XX в. дверной проем на южной стене был заложен. Не совсем объяснима закладка западной арки в западной стене колокольни второго яруса, произведенная в более раннее время. В стенах колокольни сохранились следы балок для пола на втором ярусе. Площадка второго яруса выходила полуциркульной аркой в основной объем храма: возможно, она выполняла роль хора. По-прежнему остается неясными функции арки в западной стене второго яруса колокольни, которая после возведения храма и колокольни была заложена.

Строительный материал, из которого возведен храм, представляет собой большие окатыши речной булыги из гранита или базальта. Их щеки и лицевые стороны слегка обработаны. Для выведения углов использованы каменные блоки из песчаника и известняка более тщательной обработки. В стенах постройки не выявлены регулярные ряды кладки. Это позволяет утверждать, что предполагалась роспись или просто штукатурка стен.

Между тем имеется ряд признаков, указывающих на то, что храм XIX в. перестраивался из руин более древнего. Во-первых, об этом свидетельствует выступающая полукругом апсида. Подобные апсиды характерны для храмов римско-византийского времени (IV–VI вв.). К таким постройкам в Абхазии относятся храмы в крепости Анакопия, Чигурных в Гагрском районе, Гюэносе в Очамчирском районе, селе Тамыш и другие; в Грузии это – Болнийский храм. Известны аналогии в Болгарии (в римских крепостях), Сербии, Македонии, римских городах-крепостях в Скилии, Столбии, Геракле и Охриде. Везде, и зальные однефные, и трехнефные храмы имеют выступающую апсиду. Единственное отличие составляют размеры алтарных окон в апсиде Чхортолского храма – они небольшие. Во-вторых, закладка арки западной стены второго яруса говорит о том, что храм не раз подвергался реконструкции. Наконец, образцы раствора из внутренней забутовки в апсиде, а также южной и северной стен показали применение 17%, 19% и 33% примеси песка в связующем растворе. Это косвенно может говорить о более ранних остатках в конструкции позднейшего храма. В связи с этим, становится ясной необходимость проведения дополнительных археологических работ, в ходе которых новый выявленный археологический материал позволил бы датировать более точно время возведения или реконструкции памятника.

ЛИТЕРАТУРА

- Адзинба, И.Е. 1958: *Архитектурные памятники Абхазии*. Сухуми.
Требелева, Г.В. 2019: *Великая Абхазская (Келасурская) стена: результаты исследования*. М.
Требелева, Г.В., Юрков, Г.Ю. 2015: По Великой Абхазской (Келасурской) стене: от р. Келасур до р. Улыс и проблема восточного конца. *ПИФК* 1, 365–383.
Хвистани, Р.Г. 2009: *Материалы к христианской археологии Грузии*. Тбилиси.

REFERENCES

- Adzinba, I.Ye. 1958: *Arkhitekturnyye pamyatniki Abkhazii* [Architectural Sites of Abkhazia]. Sukhumi.
- Khvistan, R.G. 2009: *Materialy k khristianskoy arkheologii Gruzii*. [Materials on the Christian archaeology of Georgia.]. Tbilisi.
- Trebeleva, G.V. 2019: *Great Abkhazian (Kelasur) wall: research results*. Moscow.
- Trebeleva, G.V., Yurkov, G.Yu. 2015: Po Velikoy Abkhazskoy (Kelasurskoy) stene: ot r. Kelasur do r. Ulys i problema vostochnogo kontsa [Along the Great Abkhazian (Kelasurian) wall: from r. Kelasur to the river Ulyse and the problem of the eastern end] *Problemy istorii, filologii i kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural studies] 1, 365–383.

EARLY MEDIEVAL CHURCHES IN THE VILLAGE CHKHORTOL (ABKHAZIA)

Galina V. Trebeleva¹, Suram M. Sakania², Andrey S. Kizilov³,
Konstantin A. Glazov⁴, Gleb Yu. Yurkov⁵

¹ Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
trgv@mail.ru

² Abkhaz Institute for Humanitarian Research, Academy of Sciences of Abkhazia, Sukhum,
Abkhazia
abigi@rambler.ru

³ Sochi Research Center Russian Academy of Sciences, Sochi, Russia
kiziloff2014@mail.ru

⁴ Sochi Branch of the Russian Geographical Society, Sochi, Russia
paradoxsochi@yandex.ru

⁵ N.N. Semenov Federal Research Center of Chemical Physics Russian Academy of
Sciences, Moscow, Russia
gy_yurkov@mail.ru

Abstract. One of the tasks of the joint Russian-Abkhazian Markul Archaeological Mission of the Institute of Archaeology RAS and Abkhaz Institute for Humanitarian Research ANA is to compile an Inventory of Late Antique and Medieval churches in Abkhazia. Two temples in village Chkhortol (Tkvarchel District) were investigated. One of them, in the center of the village – the Church of St. George officially dates back to the 19th century. However, the recent study revealed a number of marks that suggest that the temple belongs to an earlier epoch or it was built on the remains of an older temple. Another church is located in the northern mountainous part of the village. It has a well-preserved north wall, which allows one to record many architectural details. According to complex data (the form of apse, the presence of complex pilasters and analysis of the solution), this temple can be tentatively attributed to traditional early medieval buildings by the period of the Abkhazian Kingdom's formation in the 8th – 11th centuries.

Keywords: Абхазия, раннесредневековые храмы, Ткварчалский район, село Чхортал, базилики

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2020), 230–237
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2020), 230–237
© Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-4-70-230–237

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПО ДАННЫМ ДРЕВНЕ-ЧУВАШСКИХ КЛАДБИЩ

М.Ю. Киселев

Архив Российской академии наук, Москва, Россия
kiss_RAN@mail.ru

Аннотация. В статье представлена информация о хранящихся в Архиве РАН тезисах научной работы А.П. Прокофьева «Об археологических памятниках Чувашской Республики по данным древнечувашских кладбищ». По мнению ученого, особенно ярко смену культурно-исторических стадий можно было проследить по погребальным памятникам края на древних чувашских полуязыческих и полумусульманских кладбищах, на которых встречались художественно отделанные надгробные камни с мусульманской письменностью. Ученый отмечал, что каменные мусульманские памятники можно разделить на подлинно болгарские и татарские камни. Особый интерес представляли болгарские камни, поскольку, по его предположению, от болгар пошло распространение мусульманства в крае, а татары являлись только продолжателями этой мусульманской культуры в Волго-Камском крае. На болгарских камнях, наряду с мусульманско-арабской религиозной письменностью, наблюдалось множество чувашских элементов, отдельных слов и выражений. Более поздние татарские камни содержали чисто арабскую религиозную письменность без включения элементов чувашского языка, только местами там имелись элементы татарского языка. Описание камней проводилось ученым летом 1925 г. на территории Чебоксарского и Цивильского уездов: местонахождение, размеры, сохранность, наличие надписей. По утверждению ученого, все камни были им сфотографированы, однако в деле фотографии отсутствуют, так же, как и схематический чертеж кладбища в селе Старые Урмары. Можно предположить, что они сохранились в документах Института языкознания Академии наук СССР. Представленная информация позволит расширить источниковедческую базу по истории этнографических и археологических исследований в регионах России и может быть использована в исследовательских и образовательных целях.

Ключевые слова: археология, Чувашская Республика, А.П. Прокофьев, Архив РАН

Архив РАН остается одним из старейших и крупнейших ведомственных архивохранилищ России, в котором сохранились документальные комплексы по истории Академии наук, ее учреждений и организаций, науки и культуры, фонды личного происхождения ученых. В собраниях архива сохранился архивный фонд Всесоюзного Центрального Комитета нового (латинизированного) алфавита при

Данные об авторе: Киселев Михаил Юрьевич – кандидат исторических наук, руководитель Центра учета и обеспечения сохранности документов Архива РАН.

Совете национальностей ЦИК СССР. Среди документов фонда отложились тезисы научной работы известного исследователя чувашского языка Алексея Прокопьевича Прокофьева (псевдоним Милли) (1894–1942) «Об археологических памятниках Чувашской Республики по данным древнечувашских кладбищ», написанные в бытность его аспирантом НИИ этнических и национальных культур народов Востока Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук¹.

Ученый отмечал, что на территории Чувашской Республики находилось множество памятников, отражавших смену нескольких культурных стадий на территории обширного Волго-Камского края. По своему назначению он разделял памятники на три категории: памятники погребения; укрепленные места, городища; священные места. Все они относились к разным культурно-историческим эпохам края, но самой близкой, по его мнению, представлялась болгарская стадия развития, в которой господствующее положение играли чувашки.

Болгарская стадия культурно-исторического развития края характеризовалась подавляющим культурным влиянием арабско-персидского востока. Поэтому почти все культурные памятники болгарской эпохи отмечены этим влиянием, которое не ограничивалось временем существования Болгарского государства, а доходило вплоть до конца правления Казанского царства и проявлялось во времена господства Русского государства. По мнению А.П. Прокофьева, особенно ярко смену культурно-исторических стадий можно было проследить по погребальным памятникам края, которые лучше всего сохранились. Большого научного внимания заслуживали курганы, то есть «прах великанов» и древние чувашские полуязыческие и полумусульманские кладбища, на которых встречались художественно отделанные надгробные камни с мусульманской письменностью.

Ученый отмечал, что каменные мусульманские памятники можно разделить на подлинно болгарские камни и татарские камни. Особый интерес представляли болгарские камни, поскольку, по его предположению, от болгар пошло распространение мусульманства в крае, а татары являлись только продолжателями этой мусульманской культуры в Волго-Камском крае. Содержание надписей болгарских камней отмечалось Н.И. Ашмарин²: наряду с мусульманско-арабской религиозной письменностью наблюдалось множество чувашских элементов, отдельных слов и выражений. Более поздние татарские камни содержали чисто арабскую религиозную письменность без включения элементов чувашского языка, только местами там имелись элементы татарского языка. Болгарские камни с элементами чувашского языка встречались как в местах, где к 1925 г. не было чувашского населения, так и в местностях, населенных чувашами.

Описание камней проводилось А.П. Прокофьевым летом 1925 г. на территории Чебоксарского и Цивильского уездов. Атлашевское кладбище местное население называло татарским, хотя по существу оно являлось чувашским (по преданию, там хоронили и чувашей). По воспоминаниям недавно умерших стариков, в деревне Атлашево жили некрещенные чувашки, а жившие рядом в деревне Карамышево татары, по мнению автора, были отатарившимися некрещеными чувашами.

¹ Прокофьев 1927, 1–22.

² Ашмарин 1902, 1–135.

Надпись на камне начиналась обычной мусульманской формулой, затем следовали полутатарские и получувашские слова. Камень располагался позади огорода, на отлоге косогора, жителя деревни Атлашево Михаила Петрова. Высота над намогильной насыпью – 5,5 четверти, ширина – 2,5 четверти, толщина – 1,5 четверти, письменной стороной повернут к востоку. На камне отсутствовали начертания колес и других украшений: по боковым сторонам имелись в одну линию украшения наподобие растительного орнамента. На лицевой стороне камня надпись была окаймлена параллельной линией, внутри украшенной нарезками коротких косых линий, по аналогии с карнизами старых чувашских ворот. Для обнаружения всей письменной лицевой стороны пришлось на четверть вырыть камень с надмогильной надписью. Вокруг него находилось множество провалившихся в землю камней с надмогильными надписями. Древность кладбища ученый определял ориентировочно более 350–400 лет, считая год крещения чувашей в 1742 г., последний год существования языческих кладбищ. Однако Прокофьев предполагал двойное погребение, поэтому древность кладбища можно отодвинуть на 500–600 лет, то есть ко времени вассальной зависимости болгар от татар, когда Казанского царства не существовало.

Обратимся к исследованиям А.П. Прокофьева в селе с исключительно чувашским населением Кульгеши Никольской волости Чебоксарского уезда, расположенном в 40 верстах на юго-восток от деревни Атлашево. В одной версте к северу от села находилось старинное кладбище среди пахотного поля площадью около 1200 квадратных саженей и имело покатость к северу, в сторону широкой долины реки Аниш, притока Волги. Местное население не называло это место кладбищем, поскольку никто не только из современников, но и из предшествовавших 5–6 поколений не помнил фактов похорон на нем. По мнению ученого, Кульгешевское кладбище очень древнее: само название «йупа» указывало на то, что два каменных столба были поставлены над могилой чувашей в дохристианские времена; их возраст составлял 180–200 лет.

Оба камня находились на северо-восточном углу кладбища, расстояние друг от друга составляло 15 саженей. Первый камень располагался в одной сажени от пашни, размеры его составляли: длина над землей 6 четвертей, ширина – 3 четверти, толщина – немногим более 1 четверти. Своей письменной лицевой стороной камень обращен на север, левый бок в нижней части отломлен. Камень своим строением напоминал местные дикие камни. На верхней части лицевой письменной стороны было изображение лиры; надпись вогнутая, несмотря на влияние времени, ее можно прочесть. В некоторых строках стерты по несколько букв, но общую сохранность надписи можно было считать удовлетворительной.

Второй камень находился от первого в 15 саженях на юг, к селу Кульгеши, в 5 саженях от восточного края кладбища. Камень имел следующие размеры: длина над землей – 6 четвертей, ширина – 3 четверти, толщина – 1,5 четверти. Надпись на камне не вполне ясна, но все же часть ее можно было прочесть. Отделка камня почти такая же, как первого.

Дальнейшие исследования проводились в окрестностях села Старые Урмары Цивильского уезда Старо-Арабосинской волости, в 10 верстах от села Кульгеши. Старое кладбище («Кив масар») находилось в полуверсте на юго-восток от села Старые Урмары, на юго-западном плоском скате косогора; с краю оно было распа-

хано. Ученый сообщал, что в 1922–1923 гг. он осматривал это кладбище: по рассказам старожила Мирона Ивановича в 1892 г., на кладбище было много камней с надписями. Два камня были увезены в соседнюю деревню Шулхан, отдельные камни увозились татарами, часть камней была использована жителями села Старые Урмары для хозяйственных нужд.

На Урмарском кладбище находилось пять более или менее сохранивших свои письма камней; два камня сохранились только в обломках, причем один опустился глубоко в могилу, только верхняя головка его торчала из-под земли. В 1923 г. ученый на него не обратил внимания, но во время поездки в 1925 г. вырыл его с лицевой стороны на глубину четверти и обнаружил на нем хорошо сохранившиеся надписи. А.П. Прокофьев сообщал, что ему были отпущены весьма ограниченные средства на фотографирование камней и поэтому он воздержался от попытки выкопать этот камень. Кроме того, он был не уполномочен производить раскопки; по его мнению, камень в земле сохранится в десять раз лучше, чем стоящий или лежащий на земле. Ученый считал, что для более подробного исследования этого весьма богатого древнечувашского кладбища необходимо снарядить археологическую экспедицию.

Бегло прочитанные ученым на некоторых камнях надписи позволили обнаружить древнечувашские языческие имена: на одном камне Илмен или Елмен, на другом – Лаун или Лавун. В дальнейшем он приводил описание камней с надписями на кладбище: первый находился на восточной стороне в 3–4 саженьях от пахотной земли; его длина составляла восемь четвертей, ширина 2,5 четверти, толщина одна четверть; надпись и сам камень находились в хорошей сохранности. Вторым камень находился в 15 саженьях на северо-запад от первого: он всем корпусом ушел в землю, его ученый частично откопал, о чем указано выше. Третий камень находился в 23 саженьях к северо-западу от первого, его верхушка отломлена. По предположению местного старожила Мирона Ивановича, камень принадлежал родоначальнику татарского рода «Кукеш», надпись сохранилась превосходно.

Четвертый камень находился в 40 саженьях от первого к западу, он не целый, с обоих концов достаточно разрушенный, лицевой стороной обращен к земле. Надпись сохранилась достаточно ясно. Размер камня составлял: длина – около 1,5 аршина, ширина – 0,5 аршина и толщина – не более 0,5 четверти. Пятый камень находился в 10 саженьях к западу от первого, надпись имела среднюю степень сохранности. Шестой камень находился в 18 саженьях на юг от пятого камня, верхушка разбита. Размер: длина – восемь четвертей, ширина – три четверти, толщина – две четверти. Камень обладал самой лучшей художественной отделкой на кладбище. Седьмой камень представлял собой только обломки некогда цельного камня. Ввиду того что письма на этих обломках хорошо сохранились и представляли особенный интерес по способу письма, они были сфотографированы на одном снимке: три больших куска от одного камня, и один небольшой обломок, приложенный к ним снизу от неизвестного камня.

Обратимся к исследованиям А.П. Прокофьева в районе села Старые Шигали Ковалинской волости Цивильского уезда, расположенного в 15 верстах от села Старые Урмары. Древнечувашское кладбище находилось в одной версте от села на юго-восток по юго-западному склону левого гористого берега реки Шербаш. На этом месте берег реки образовал полуостров: с трех сторон кладбище было

окружено речной гладью, с восточной стороны примыкали пахотные угодья деревни Казыльяр и проходила проселочная дорога. Отличительной особенностью Шигалинского кладбища от всех указанных выше является тот факт, что на нем продолжали хоронить некрещенных чувашей села. На сравнительно недавних могилах поставлены не отделанные массивные камни, а глыбы диких камней или деревянные столбы, одна могила обнесена решетками. С одной стороны, эти факты подтверждают, что кладбище является чувашским, с другой стороны, развенчивают древность кладбища. Однако, по мнению ученого, современные погребения являлись вторичными и, может быть, третичными.

По сведениям старожилов, лет 20–30 назад на кладбище было много камней с надписями: отдельные камни были вывезены жителями деревни Казыльяр и спущены в реку Кубня. В 1925 г. на кладбище должны были числиться четыре камня с надписями, которые были сняты ученым на полотно еще в 1922 г. и представлены в Центральный чувашский музей. В 1924 г. могилы под этими камнями были раскопаны студентом [А.М.] Линевским, все ценные вещи перевезены в Ленинград. Летом 1925 г. два камня были перевезены [К.В.] Элле в здание Центрального чувашского музея в Чебоксарах. В результате на кладбище осталось два камня с надписями. А.М. Прокофьев дал следующую оценку деятельности А.М. Линевского: «В высшей степени досадно, что вещи, найденные в могилах, должны были с подробным описанием сданы в Центральный чувашский музей или оставить описание предметов. Он не сделал ни того, ни другого, что нужно отнести к его научной нечестности в отношении изучения чувашей»³.

Ученый исследовал кладбище в окрестностях села новые Ковали, находящегося в 12 верстах от села Старые Шигали на север, на левом берегу реки Ковал, впадающей в реку Ару. Само кладбище находилось в 1,5 верстах на юго-восточном склоне, спускавшемся покато в долину реки Ара. По мнению А.П. Прокофьева, кладбище могло быть местом погребения первоначальных поселенцев села; то обстоятельство, что там хоронили и в XX в., нисколько не противоречило его древности, поскольку захоронения являлись вторичными. Ему были известны случаи обнаружения скелетов и предметов погребения при раскопках могил современников. Среди находок встречались предметы христианского погребального ритуала: кресты, монеты русских князей и т.п., что давало основание утверждать о наличии первых христианских погребений. Принимая во внимание следы языческих захоронений, ученый предполагал трехкратное погребение на кладбище и устанавливал его древность в 200–300 лет.

Наряду с многочисленными непрочными крестами, в северном углу кладбища на расстоянии 12 саженей друг от друга стояли два массивных надгробных камня, вокруг них были рассыпаны маленькие камни, воткнутые не особенно тщательно в могильную насыпь. В 20 саженях от второго на юго-восток находился третий массивный камень. Первый камень располагался в северном углу кладбища и имел следующие размеры: длина – 2 аршина над землей, ширина – 13 вершков, толщина – 6,5 вершков. Отделка камня грубая, надписи ясные: на верхней части лицевой стороны вырезаны фигуры двух колес, стоящих на наклонно поднимающихся параллельных линиях. На камне имелась арабская надпись «Да будет до-

³ Прокофьев 1927, 14.

брая жизнь ему»; на задней стороне камня русскими буквами написано «Адам Адамов 1746 год».

Второй камень находился в 12 саженьях от первого и имел размеры: длина – 7 четвертей над землей, ширина – 10 вершков, толщина – 7 вершков. Все письменные линии сохранились, но отсутствие рельефа мешало четкости письма: для того, чтобы письменные линии более четко преломлялись в фокусе фотоаппарата, ученый провел чернильным карандашом углубления письменных знаков. Третий камень находился в 20 саженьях от второго к юго-востоку и имел размеры: длина – 1,5 аршина над землей, ширина – 10,5 вершка. Углубления письменных знаков на камне очень тонкие и для простого глаза не особенно ясны. Для отчетливого проявления на фокусе фотоаппарата надписей ученому пришлось прибегнуть к способу проявления углублений посредством применения чернильного карандаша.

Заключаяющим этапом для изучения были окрестности села Уразметово (или Моркар), находящегося в 12 верстах от села Ковали к северо-востоку на гористой местности по обеим сторонам глубокого безводного оврага. Уразмет был воином-казакom и считался родоначальником этого места. Время его жизни относилось ко времени татарского владычества. Он был убит около деревни Васюково, где на его могиле был поставлен массивный высеченный камень с письменами. Камень находился на крайнем западном углу кладбища, к востоку от него расположены несколько камней современной формы с современными татарскими надписями. Уразметевский камень по способу письма похож на Шигалинский, представленный К.В. Элле в Центральном чувашском музее: по бокам его находятся письмена. Камень находился в 8 верстах от села Уразметово к юго-востоку, на склоне высокого холма, спускающегося в равнину реки Бува. Кладбище татарское, но, по мнению ученого, камень должен быть включен в число чувашских камней. У деревни Васюково на старом кладбище есть могила Моркара, на которой установлен камень с арабской надписью⁴.

Ученый считал, что как древнечувашские камни постболгарской эпохи с высеченными надписями на татарском языке, так и современные чувашские памятники с надписями на русском языке говорили о нахождении чувашей под чужим господством. Для установления подлинных хозяев этих памятников важны не столько сами надписи, сколько сведения, сохранившиеся среди населения этих местностей об этих памятниках, а также похоронные предметы, находящиеся в могилах под этими камнями. При исследовании чувашских камней ученому был доступен только один способ – предания местного чувашского населения; для проведения раскопок он не имел полномочий. Чтение древних чувашских надписей было доступно ему отчасти: опыт Н.И. Ашмарина показал, что это сложная область чувашеведения, т.к., кроме знания арабской и турецкой грамоты, необходимы глубокие познания многих турецких наречий и длительная практика чтения надписей на камнях.

Для завершения изучения чувашских камней в районах Чувашской Республики ученый предлагал провести подробные исследования всех имевшихся камней, порядочное количество которых были ему известны. Среди них: в селе Акулово в 5 верстах от Атлашево были обломки бывшего камня; на древнем кладбище около

⁴ Золотницкий 1875, 248.

деревни Мартыново Богородской волости; на дороге из села Ковали в деревню Карамышево в местности, называемой «Харвар»; в селе Янтиково (Тавай); в деревне Избеби (Едпепе); в Тобурданово; в деревне Сюрбеево Батырской волости; около деревни Малое Буяново на берегу реки Карлы Тарханской волости Батыревского уезда; в селе Никольском (Карачи). Имелись сведения о существовании древнего кладбища и камней на нем около деревни Карабаш Покровской волости Чебоксарского уезда.

Тщательное исследование в указанных районах Чувашской Республики, по мнению ученого, могли открыть местонахождения надгробных камней в совершенно неизвестных пунктах. А.П. Прокофьев в заключение отмечал, что «для полноты исследования камней необходимо дружное сотрудничество: фотографического аппарата, лопаты археолога и записной книжки этнографа, при достаточном отпуске государством средств»⁵.

Примечателен тот факт, что, по утверждению ученого, все камни были им сфотографированы, однако в деле фотографии отсутствуют, так же, как и схематический чертеж кладбища в селе Старые Урмары. Можно предположить, что они сохранились в документах Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока (1925–1930), в дальнейшем Института языкознания Академии наук СССР. Представленная информация позволит расширить источниковедческую базу по истории этнографических и археологических исследований в регионах России и может быть использована в исследовательских и образовательных целях.

ЛИТЕРАТУРА

- Ашмарин, Н.И. 1902: *Болгары и чувашы*. Казань.
Золотницкий, Н.И. 1875: *Корневой чувашско-русский словарь*. Казань.
Прокофьев, А.П. 1927: *Об археологических памятниках Чувашской Республики по данным древне-чувашских кладбищ*. Архив РАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 104. Л. 1–22.

REFERENCES

- Ashmarin, N.I. 1902: *Bolgary i chuvashi* [The Bulgarians and the Chuvashes]. Kazan.
Prokofiev, A.P. 1927: *Ob arkheologicheskikh pamyatnikakh Chuvashskoy Respubliki po dannym drevne-chuvashskikh kladbishch* [On the archaeological sites of the Chuvash Republic according to ancient Chuvash cemeteries]. Archive of the RAS. F. 676. Inv. 1. Book 104. Sh. 1–22.
Zolotnitskiy, N.I. 1875: *Kornevoy chuvashsko-russkiy slovar'* [The root Chuvash-Russian dictionary]. Kazan.

⁵ Прокофьев 1927, 22.

ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE CHUVASH REPUBLIC
ACCORDING TO DATA OF ANCIENT CHUVASH CEMETERY

Mikhail Yu. Kiselev

Archive of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
kiss_RAN@mail.ru

Abstract. The article provides information on the abstracts of A. P. Prokofiev's scientific work "On the archaeological sites of the Chuvash Republic based on data of ancient Chuvash cemeteries," stored in the Archive of the Russian Academy of Sciences. According to the scientist, the change in cultural and historical stages could be traced especially clearly by the funerary monuments of the region in the ancient Chuvash semi-pagan and semi-Muslim cemeteries, where there were artistically decorated tombstones with Muslim writing. The scientist noted that stone Muslim monuments can be divided into genuinely Bulgarian stones and Tatar stones. Bulgarian stones were of particular interest, because, according to his assumption, the Bulgarians started the spread of Islam in the region, and the Tatars were only the successors of this Muslim culture in the Volga-Kama region. On Bulgarian stones, along with Muslim-Arabic religious writing, there were many Chuvash elements, individual words and expressions. Later Tatar stones contained purely Arabic religious script without including elements of the Chuvash language, only occasionally there were elements of the Tatar language. The description of the stones was carried out by the scientist in the summer of 1925 on the territory of Cheboksary and Tsivilsky districts: location, size, safety, and the presence of inscriptions. The scientist claimed that all the stones were photographed by him, but there are no photographs in the file, as well as a schematic drawing of the cemetery in the village of Sary Urmay. It can be assumed that they were preserved in the documents of the Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences. The presented information will allow expanding the source base on the history of ethnographic and archaeological research in the regions of Russia and can be used for research and educational purposes.

Keywords: archaeology, Chuvash Republic, A.P. Prokofiev, Archive of the Russian Academy of Sciences

Круглый стол «Древние цивилизации Мезоамерики»

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2020), 238–249
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2020), 238–249
© Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-4-70-238–249

ИМЯ БОЖЕСТВА В ЦАРСКОЙ ТИТУЛАТУРЕ У МАЙЯ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Н.К. Белобородов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
beloborodov.n.k@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена проблеме интерпретации редкой практики, заключавшейся в нетипичном использовании имен некоторых божеств, которыми цари майя классического периода (III–X вв. н.э.) могли называть себя в монументальных текстах. От царских коронационных имен, зачастую также являвшихся теофорными, выделенные автором имена отличаются тем, что могли записываться в ряду царских титулов. По мнению автора, эту форму употребления имен божеств следует рассматривать в контексте такого явления классической культуры майя как ритуальная имперсонация божеств. Синтаксис надписей, в которых встречаются такие имена, аналогичен синтаксису фраз, описывающих ритуальную имперсонацию, которые состоят из имени божества и специальной «формулы имперсонации» *'ub'aahil 'a'n*, стоящей перед ним. Кроме того, божества, чьи имена используются как титулы царей, сами по себе тесно связаны с имперсонацией. Особый аспект солярного божества Ухук-Чапат-Ц'икин-К'инич-Ахав несколько раз встречается в качестве одного из царских наименований, и именно его в классический период представители знати имперсонировали, по всей видимости, чаще других божеств. Второе имя, которое можно встретить в качестве титула – Хун-Ахав-К'ух – принадлежит одному из божественных близнецов, его имперсонация связана с игрой в мяч, что становится ясно как по данным эпиграфики, так и по данным иконографии. Существование в классических

Данные об авторе: Белобородов Никита Константинович – аспирант кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ 20-09-00386 «Ранг и статус в социальных и правовых системах древних обществ».

текстах майя «краткой» формы описания имперсонации, когда фиксируется только имя божества без имперсонационной формулы, может объяснить нетипичное использование имен божеств в царской титулатуре.

Ключевые слова: майя классического периода, имперсонация божеств, формула имперсонации, ономастика, царские титулы, мифология майя

В классической культуре майя заметное место занимают традиции, касающиеся имен и титулов знатных людей. Значительная часть таких традиций напрямую связана с религиозно-мифологическими представлениями и ритуальными практиками элит. В этом плане один из важнейших вопросов касается «сакрального» статуса царской власти и путей ее «сакрализации»¹. У древних майя правитель не обожествлялся (в том смысле, в каком это имело место в Египте эпохи Древнего царства)². При этом существовало множество способов придания фигуре царя и его власти особого статуса. Распространившийся в классический период титул верховного правителя – *k'uhul 'ajaw* «божественный/священный царь» – один из хрестоматийных примеров манифестации священного статуса царя. Цари широко использовали монументальные изображения и тексты для демонстрации своей связи с локальными и общемайяскими божествами. Во время воцарения обретение нового статуса выражалось в получении не только титула *k'uhul 'ajaw*, но и коронационного имени. Большинство из таких имен были теофорными, то есть содержали в себе имена божеств. Теофорные имена царей часто строятся по определенной форме, включающей указание на действие, совершаемое божеством (зачастую в небе), и имя этого божества³ (например, Бахлах-Чан-К'авиль «Гремит в небе К'авиль»⁴). Впрочем, не всегда теофорные имена содержат глагол, нередко они представляют собой имя бога, снабженное определенным эпитетом (например, Бахте-К'инич⁵ «“Первое/главное копье” К'инич»). Иногда цари носили сразу несколько теофорных имен, как, например, царь Пачана Коках-Балам IV, известный как Челев-Чан-К'инич.

Особое внимание обращают на себя имена божеств, которые могли использоваться в качестве царских титулов.

Цель работы – рассмотреть примеры таких имен в надписях классического периода и постараться понять, какую роль они играли среди царских наименований.

Прежде всего, в таком ключе встречается божество Ухук-Чапат-Ц'икин-К'инич-Ахав. Здесь необходимо сделать важное замечание. Чаще всего это имя записывается знаками **HUK-CHAPAT-TZ'IKIN-K'INICH-AJAW** или **HUK-CHAPAT-TZ'IKIN-K'INICH**, но иногда в логограмму **HUK** «семь» вписан слоговой знак **'u**, что превращает количественное числительное *huk* в порядковое *'uhuk* «седьмой». Такое прочтение блока **'u-HUK-CHAPAT-TZ'IKIN** уже предлагалось в историографии ранее⁶. При этом возможна другая интерпретация ие-

¹ Беляев, Токовинин 2005; Stuart 2005a; Stuart 1996.

² Houston, Stuart 1996, 295.

³ Lacadena 2004, 87–98; Beliaev et al. 2019.

⁴ Zender 2010.

⁵ Safronov, Beliaev 2017, 520.

⁶ Boot 2005, 253–254; Nehammer Knub 2009, 189.

роглифической записи, при которой префикс *ʔu-* относится не к слову *huk*, а слову *chapaah* и, таким образом, речь идет не о порядковом числительном *ʔuhuk*, а о конструкции *huk ʔuchapaah tzʔikiin*. Такой подход к чтению блока продиктован, прежде всего, более понятной в плане грамматики структурой фразы *huk ʔuchapaah tzʔikiin Kʔihnich ʔAjaw*. Пример аналогичной конструкции – давно известные имена Вашаклахун-Убах-Чан и Вашаклахун-Убах-Кʔавиль: слово *waxaklajuʔn* «восемнадцать» – предикат к посессивной конструкции *ʔubʔaah chan/kʔawiil* «голова змеи/Кʔавиля»; буквально «голова змеи/Кʔавиля – [это] восемнадцать», что означает «восемнадцать голов [у] змеи/Кʔавиля». *Huk ʔuchapaah tzʔikiin* в таком случае следовало бы перевести буквально как «Сороконожка орла – [это] семь», то есть речь идет об «Орле, у которого семь сороконожек» как эпитете Кʔинич-Ахава. Однако в надписи на иероглифической лестнице из Сабана-Пилетас знак *ʔu* стоит в отдельном блоке перед **HUK-CHAPAT-TZʔIKIN** (рис. 1), исходя из чего логично предположить чтение *ʔUhuk Chapaah Tzʔikiin Kʔihnich ʔAjaw*, что, вероятно, и является наиболее полной формой имени божества. Это аспект бога солнца Кʔинич-Ахава, чье имя снабжено эпитетом *ʔuhuk chapaah tzʔikiin* «орел – седьмая сороконожка» (или «седьмая сороконожка орла», если воспринимать всю фразу как посессивную конструкцию).

Рис. 1. Иероглифическая лестница из Сабана-Пилетас, B42–B44: Прорисовка автора
Fig. 1. Sabana Piletas hieroglyphic stairway, B42–B44. Drawing by the author

На стеле 27 из Тикаля это имя записано перед личным именем царя Чак-Ток-Ичʔака III⁷, который водружает монумент в честь даты 9.3.0.0.0: **ʔu-KʔAL-TUN-ni HUK-CHAPAT-TZʔIKIN-KʔINICH CHAK-TOK-ʔICHʔAK** *ʔukʔaltuun [ʔU]huk Chapaah Tzʔikiin Kʔihnich Chak Tok ʔIchʔaak* «его водружение стелы, Ухук-Чапат-Цʔикин-Кʔинича Чак-Ток-Ичʔака». В надписи на сосуде IV Ca 50116 из Берлинского этнологического музея⁸, описывающей, по-видимому, то же самое собы-

⁷ Beliaev et al. 2013, 101.

⁸ Grube, Gaida 2006, 106–107.

тие, эпитет *ʔUhuk Chapaah Tz'ikiin* записан перед титулом *ʔunaahb'nal K'ihnich*, за которым следует имя Чак-Ток-Ич'ака, причем эпитет, возможно, относится к имени К'инич внутри титула. Похожие примеры есть в Караколе: там этот эпитет сходным образом инкорпорируется в царские имена Йахавте-К'инич и Тум-Оль-К'инич. В еще одной надписи из Тикаля, на деревянной притолоке 2 из храма 4, перед личным теофорным именем царя Йихк'ин-Чан-К'авиля записано то же имя бога, что и на стеле 27: **ʔEM-ye SAK-...-la ʔu-HUK-CHAPAT-TZ'IKIN-K'INICH YIHK'IN-CHAN-K'AWIL-la K'UH-KUK-ʔAJAW** *ʔehmey Sak ...l ʔUhuk Chapaah Tz'ikin K'ihnich Yihk'in Chan K'awiil k'uh[ul] ʔajaw* «спустился из Сак-...ля Ухук-Чапат-Ц'икин-К'инич Йихк'ин-Чан-К'авиль, священный царь Кукуля».

Примечательна надпись на 8 ступени иероглифической лестницы 2 из Йашчилана, так как здесь имя божества предворяет не только коронационное имя правителя, но также и некоторые из титулов, что не характерно для вторых теофорных имен царей: **HUK-CHAPAT-TZ'IKIN K'INICH-ʔAJAW-wa CHAN-WINIKHAB' ʔAJAW-wa CHAN-WINIKHAB' b'a-TE' ya-YAXUN-B'ALAM ʔa-WAK-TUN-ni K'UH-KAJ-ʔAJAW K'UH-PA-ʔ-CHAN-ʔAJAW** [*ʔU]huk Chapaah Tz'ikin K'ihnich ʔajaw chan winikhaab' ʔajaw chan winikhaab' b'aahte' Yaxuu'n B'ahlam ʔajWakTuun k'uhul Kaaj ʔajaw k'uhul Paʔchan ʔajaw* «Ухук-Чапат-Ц'икин-К'инич-ʔАхав, царь на 4-м двадцатилетии, *бахтэ* на 4-м двадцатилетии Йашун-Балам из Вак-Туна, священный царь Каха, священный царь Пачана». Хотя в текстах чаще встречается порядок «имя + титулатура», многие титулы нередко записывались перед именем, и в данном случае имя бога стоит в позиции как раз такого титула.

На притолоке 26 из Йашчилана царь именуется как **HUK-CHAPAT-TZ'IKIN-K'INICH-ʔAJAW-wa CHAN-WINIKHAB'-ʔAJAW-wa ʔu-CHAN-nu ʔa-XAK? KOKAJ?-B'ALAM K'UH-PA-ʔ-CHAN-ʔAJAW ...** *ʔucha'n ʔajXaak(?) Kokaaj(?) B'ahlam k'uhul ʔajaw ...n [ʔU]huk Chapaah Tz'ikin K'ihnich ʔajaw chan winikhaab' ʔajaw* «Ухук-Чапат-Ц'икин-К'инич-Ахав, царь на 4-м двадцатилетии, хозяин Ах-Шака Коках-Балам, священный царь Пачана». Имя божества вновь записано в начале ряда титулов перед личным именем царя.

Еще одно божество, чье имя фигурирует в подобном контексте, – Хун-Ахав-К'ух. Хун-Ахав (в данном случае имя включает слово *k'uh*, что указывает на божественную природу персонажа: «божество Хун-Ахав») – один из божественных близнецов, персонажей мифологии майя, хорошо известных как по текстам классического периода, так и по постклассическим и раннеколониальным источникам, прежде всего, по эпосу к'иче «Пополь Вух». В надписи на алтаре 1 из Наранхо с этого имени начинается запись именной фразы правителя: **ʔu-KAB' JUN-ʔAJAW-wa K'UH WAK-KAB'-WINKIL?**⁹ **ʔAJ-NUM-sa-ji** *ʔukab'[aaj] Ju'n ʔajaw K'uh Wak Kab' Winkil ʔAjnumsaaj* «это повелел Хун-Ахав-К'ух Вак-Каб-Винкиль Ах-Нумсах». Как и на лестнице из Йашчилана, имя божества записано не просто перед личным именем царя, но и перед титулом Вак-Каб-Винкиль.

Имена Ухук-Чапат-Ц'икин-К'инич-Ахав и Хун-Ахав-К'ух в приведенных выше примерах записываются или непосредственно перед личным именем царя, или в начале царской титулатуры, предворяющей личное имя. Примечательно, что встречаются они не только в качестве дополнительного царского имени или

⁹ О возможном знаке WINKIL см. Stuart 2017.

титула, но также в конструкциях, описывающих так называемую имперсонацию – ритуальный акт перевоплощения человека в божество или предка. Такие практики имели широкое распространение в культовой жизни древней Мезоамерики, в том числе в классических царствах майя, и получили отражение в монументальной традиции. Почти любое ритуальное действие могло сопровождаться имперсонацией, в ходе которой человек пребывал в образе одного или нескольких мифологических персонажей. По всей видимости, имперсонация не являлась отдельным ритуалом, но выступала как атрибут самых разных церемоний. Прежде всего, это ритуалы, связанные с празднованием календарных событий – церемонии воздвижения монументов (*chumtuun*, *tz'aptuun*, *k'altuun*) и воскурения благовоний (*chokch'aaj*). Имперсонация могла сопровождать игру в мяч, жертвенное кровопускание, ритуал «вхождения огня» (*'ochk'ahk'*)¹⁰, танцы и даже питье пульке¹¹. В надписях имперсонация отмечалась с помощью специальной «формулы имперсонации» – *'ub'aahil'a'n*. То, как имена божеств используются в титулатуре царей в примерах, описанных выше, находит заметные параллели в записях об имперсонации.

Изучение феномена имперсонации в доколумбовых культурах Мезоамерики началось с работ А. Хвидтфельда и Р. Таунсенда¹², касающихся ее места в культе и искусстве астеков. К имперсонации на материале монументального искусства древних майя впервые обратилась А. Стоун¹³, а первой работой, где имперсонация рассматривается в контексте письменных источников, была статья С. Хаустона и Д. Стюарта, посвященная представлениям классических майя о царской власти¹⁴. Концептуализация имперсонации применительно к культуре древних майя была продолжена в работах Ю. Нехаммер Кнуб, С. Тун и К. Хелмке¹⁵, Э. Веласкеса¹⁶, М. Лопес Олива¹⁷. Все эти авторы уделяли особое внимание эпиграфическому срезу проблемы и анализу конструкций с использованием формулы *'ub'aahil'a'n*, этимологии и грамматическому устройству самой формулы, которая впервые была выделена Хаустоном и Стюартом¹⁸. Однако единой точки зрения на этимологию и грамматическую структуру данного выражения до сих пор не существует, и в рамках настоящей работы мы не будем специально останавливаться на этом вопросе, но отметим, что, несмотря на разногласия относительно этимологии и внутренней структуры формулы, общепризнанным является понимание этого выражения как маркера того, что человек имперсонировал конкретное божество, имя которого записывается следом за выражением *'ub'aahil'a'n*. Условно *'ub'aahil'a'n* можно перевести как «его/ее [божества] воплощение» или просто как «его/ее [божества] имперсонатор». Когда формула помещается перед именем сверхъестественного персонажа, образуется конструкция по типу *'ub'aahil'a'n Chuwaaj* «воплощение/имперсонатор Чуваха» (NAR:St.30). Наиболее часто конструкция «*'ub'aahil'a'n*

¹⁰ Stuart 1998.

¹¹ Grube 2004, 62–63.

¹² Hvidtfeldt 1958; Townsend 1979.

¹³ Stone 1991.

¹⁴ Houston et al. 1996.

¹⁵ Nehammer Knub et al. 2009, 189.

¹⁶ Velasquez García 2010.

¹⁷ López Oliva 2015; López Oliva 2018.

¹⁸ Houston, Stuart 1996, 297–302.

+ имя имперсонируемого божества» записывается первой в ряду наименований имперсонатора, как, например, в надписи на стеле 30 из Наранхо: **K'AL-[TUN-ni] 'u-B'AH-li-'AN CHUWAJ wi-WINIKHAB' ch'a-jo-ma MUY-ya-la [CHAN]-YOPAT K'AK'-TIL-wi CHAN-CHAK K'UH-SA'-AJAW** *k'altuun 'ub'aahil 'a'n Chuwaaj winikhaab' ch'ajo'm Muyal [Chan] Yopaat K'ahk' Tiliw Chan Chaahk k'uhul Sa'[il] 'ajaw* «водружение монумента, имперсонатор Чуваха, ч'ахом двадцатилетия, Муйаль-Чан-Йопат К'ак'-Тилив-Чан-Чак, священный царь Саиля».

На панели 1 из Помоны царь, имперсонирующий божество, совершает сразу несколько ритуалов: **tzu-tza-ja 'u-HUKLAJUN-WINIKHAB'-b'a CHUM-mu-TUN-ni 'u-CHOK-wa-ch'a-ji 'u-K'AL-wa-TUN 'u-B'AH-hi-li-'AN YAX-CHIT-JUN-WITZ' NAH-ka-KAN MUY-la-HIX K'UH-pa-ka-b'u-la-'AJAW b'a-ka-b'a tzuhtzaj 'uhuklaju'n winikhaab' chumtuun 'uchoko'w ch'aaj 'uk'alaw tuun 'ub'aahil 'a'n Yax Chit Ju'n Witz' Naah Kaan Muyal Hix k'uhul Pakb'ul 'ajaw b'akab'** «было завершено семнадцатое двадцатилетие; “восседание камня” (установка монумента), рассыпал капли (воскурял благовония), водружал монумент имперсонатор Йаш-Чит-Хун-Виц'-Нах-Кана Муйаль-Хиш, священный царь Пакбуля, бакаб».

Чаще конструкция «*'ub'aahil 'a'n* + имя имперсонируемого божества» стоит перед именем имперсонатора, но иногда она записывается после имени, в позиции, характерной (хотя и не обязательной) для титулов. В надписи с иероглифической лестницы 4 в Дос-Пилас (ступень 5) содержится такой пассаж: **ju-b'u-yi 'u-to-k'a 'u-pa-ka-la nu-na JOL CHAK-ki 'u-KAB'-ji-ya b'a-la-ja CHAN-na K'AWIL-la 'u-CHAN-nu TAJ-MO'-'o 'u-B'AH-li-'AN 'IK'-SIP? ... LEM?-...-... HUX-wi-WINIKHAB' 'AJAW-wa b'a-TE' pi-tzi-la jub'uuy 'uto[o]'k' 'upakal Nu'n [ʔU]jol Chaahk 'ukab'jiy B'ajlaj Chan K'awiil 'ucha'n Taj Mo' 'ub'aahil 'a'n 'Ik' Sip? ... huux winikhaab' 'ajaw b'aahte' pitziil** «поверглось его копье, его щит, Нун-Ухоль-Чака, это приказал Бахлах-Чан-К'авиль, хозяин Тах-Мо, имперсонатор Ик'-Сипа <...> царь на 3-м двадцатилетии, *бахте*, игрок в мяч». Указание на то, что царь имперсонировал бога Ик'-Сипа, располагается следом за военным титулом «хозяин [пленника] Тах-Мо» и перед титулами «царь на 3-м двадцатилетии», «*бахте*», «игрок в мяч». Здесь мы сталкиваемся с примером, когда запись об имперсонации помещена не перед именем царя, а после него, причем в ряду царских титулов.

Может показаться, что речь идет о принципиально различных ситуациях, в одной из которых конструкция с формулой имперсонации стоит перед именем царя и описывает исполнение им какого-либо ритуала, сопряженного с имперсонацией божества, а в другой – после имени, на основании чего некоторые исследователи предполагают, что в таких случаях конструкция представляет собой титул, который имперсонатор получал после совершения ритуала¹⁹. Взглянуть на проблему с нового ракурса позволяют стелы 13 и 19 из Наранхо. На обеих речь идет об одной и той же круглой дате 9.17.10.0.0, празднование которой сопровождалось установкой монумента, ритуальным танцем и воскурением благовоний. При этом записи о ритуалах поделены на два монумента: на стеле 13 речь идет об установке монумента и о танце царя, а на стеле 19 – о «рассыпании капель», то есть о воскурении копала. В обоих случаях царь назван имперсонатором богов-гребцов – это важные персонажи майяской мифологии, связанные, кроме прочего,

¹⁹ Nehammer Knub et al. 2009, 187.

со сменой календарных циклов²⁰. На стеле 13 запись «*ʔub ʔaahil ʔaʔn* <бог-гребец 1> <бог-гребец 2>²¹» помещена перед именем царя К'ак'-Калом-Чан-Чака, в то время как на стеле 19 указание на имперсонацию стоит после имени и, более того, в конце царской титулатуры: **ʔu-CHOK LAJUN-tu-HAB' yi-chi-NAL B'OLON-PIT CHUWAJ K'AK'-KAL CHAN-CHAK K'UH-SAʔ-AJAW WAK-KAB'-WINKIL? SAK-CHUWEN ʔu-B'AH-ʔAN** <бог-гребец-1> <бог-гребец-2> *ʔuchok[ooj] tu lajuʔn haab' yichnal B'oloʔn Piit Chuwaaj K'ahk' Kal[ʔom] Chan Chaahk k'uhul Saʔil ʔajaw Wak Kab Winkil? Sak Chuwen ʔub ʔaah[il] ʔaʔn <...>* «он рассыпал капли на десятый год пред ликом Болон-Пит-Чуваха, К'ак'-Калом-Чан-Чак, священный царь Саиля, Сак-Чувен, Вак-Каб-Винкиль, имперсонатор <бога-гребца 1>, <бога-гребца 2>». Такая разница в положении конструкций с формулой имперсонации при описании событий одного дня может означать, что для майя не существовало смысловых различий при написании формулы имперсонации с именем божества перед именем имперсонатора или среди титулов после имени. Тем не менее заметно чаще конструкция с *ʔub ʔaahil ʔaʔn* записывается перед именем имперсонатора и нередко перед другими его титулами, что, возможно, связано с традиционным и распространенным, хотя и необязательным стилистическим приемом.

В том же ключе можно рассматривать примеры записи конструкций с имперсонационной формулой в посвященных надписях на сосудах, указывающих на то, что сосуд для питья какого-либо напитка принадлежит конкретному человеку. Формула имперсонации при этом может стоять как перед именем владельца (K635²², K791 и др.), причем иногда также среди титулов (K633, K1728 и др.), так и после него (K954, K7224).

Строение царских именных фраз, в которых имя бога используется без формулы имперсонации, соответствует наиболее распространенному типу построения фраз, содержащих конструкцию с *ʔub ʔaahil ʔaʔn*. В этой связи особенно примечательно, что имя божества как с формулой, так и без нее может быть записано не просто перед теофорным именем царя, а на первом месте в ряду титулов, когда они помещены перед царским именем. Обычно, если у царя более одного теофорного имени, они записываются вместе и не разделяются титулами. Имена Ухук-Чапат-Ц'икин-К'инич-Ахава и Хун-Ахава в примерах выше не похожи на обычные теофорные имена и гораздо больше напоминают конструкции, описывающие имперсонацию. Сами эти боги встречаются в контексте ритуальной имперсонации. Ухук-Чапат-Ц'икин-К'инич-Ахав вообще упоминается в таком контексте чаще любых других богов: его имя с формулой *ʔub ʔaahil ʔaʔn* встречается в надписях по меньшей мере 14 раз. Имперсонаторами этого божества были только мужчины, что, видимо, неслучайно, так как данный аспект К'инича имел явные военные коннотации. Среди записей о его имперсонации есть такие, в которых за именем божества следует выражение *ti(ta)*²³ *tooʔk' ti(ta) pakal* (NAR:St.46; BPK:Rm.1; Cuychen Vase; SPL:HS): *ʔub ʔaahil ʔaʔn ʔUhuk Chapaah Tz'ikiin K'ihnich*

²⁰ Stuart 2016.

²¹ Логограммы пока не дешифрованы, и чтение имен не установлено, однако их идентификация в надписях обычно не вызывает трудностей.

²² Здесь и далее так записывается номер сосуда по базе Дж. Керра: Kerr Maya Vase Database, <http://mayavase.com>.

²³ Предлог *ta* является диалектным аналогом предлога *ti*. В составе этой фразы предлог *ta* употребляется в надписи из Сабана-Пилетас.

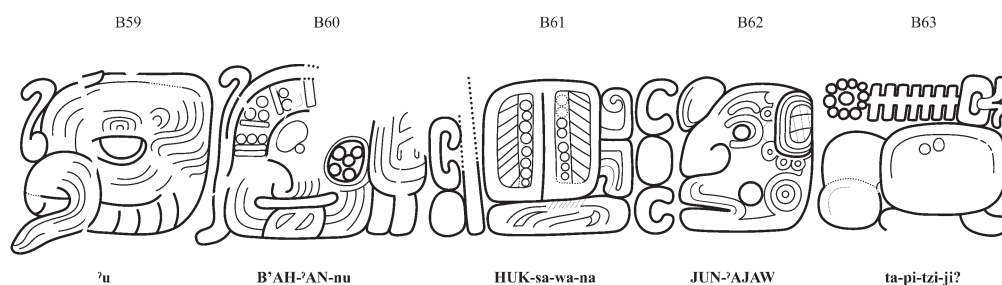

Рис. 2. Иероглифическая лестница из Сабана-Пилетас, B59–B63. Прорисовка автора
Fig. 2. Sabana Piletas hieroglyphic stairway, B59–B63. Drawing by the author

ʔajaw ti tooʔkʔti pakal. Дифразизм *tooʔkʔ-pakal* (букв. «копье-щит»)²⁴ означает «оружие», «войско». В виде фразы *ti tooʔkʔti pakal* «с копьем, с щитом» между именем божества и именем имперсонатора это выражение, судя по всему, указывает на атрибуты божества и означает, что имперсонатор воплощает «Ухук-Чапат-Цʔикин-Кʔинич-Ахава с копьем и щитом», то есть с оружием, в военном облачении.

Существуют и другие маркеры контекстов имперсонации божеств²⁵. Один из них как раз связан с Хун-Ахавом, который являлся покровителем игры в мяч и имперсонация которого была важным атрибутом самой игры²⁶. В записи о его имперсонации на лестнице из Сабана-Пилетас: **ʔu BʔAH-ʔAN-nu HUK-sa-wa-na JUN-ʔAJAW ta-pi-tzi-ji?** *ʔubʔaahil ʔaʔn Huk Sawan Juʔn ʔAjaw ta pitzij* «имперсонатор Хук-Саван-Хун-Ахава в игре в мяч» – есть фраза *ta pitzij* «в игре в мяч» (рис. 2). Хотя его имя здесь содержит эпитет *Huk Sawan*, интерпретировать который пока сложно (слово *sawan* встречается в составе другого имени на монументе 168 из Тонины, однако этимология и значение остаются неясными), речь явно идет об аспекте Хун-Ахава. В образе играющего в мяч Хун-Ахава предстает Ах-Нумсах на стеле 47 из Наранхо²⁷. Именно он назван «божеством Хун-Ахавом» на упомянутом выше алтаре 1. В обоих примерах из Наранхо отсутствует формула *ʔubʔaahil ʔaʔn*, однако речь идет об ассоциировании царя с Хун-Ахавом, и, учитывая существование конструкции с формулой имперсонации Хун-Ахава в контексте игры в мяч (лестница из Сабана-Пилетас), можно предположить, что все три случая выражают явление одного рода²⁸.

Итак, божества, чьи имена встречаются в качестве дополнительных наименований царей, упоминаются в контексте ритуальной имперсонации. Сопоставление форм употребления в надписях имени божества без формулы имперсонации в титулатуре правителя и употребления конструкций с формулой позволяет предположить, что включение имени божества в титулатуру является краткой формой описания имперсонации. В этой связи полезно обратить внимание на панель 4

²⁴ Lacadena 2009, 43.

²⁵ Белобородов 2019 (в печати).

²⁶ Tokovinine 2002.

²⁷ Martin et al. 2015.

²⁸ Белобородов 2019 (в печати).

(притолока 1) из Лаштунича²⁹. В её верхней части помещена развернувшаяся на небе сцена, в которой пачанский царь Челев-Чан-К'инич Коках-Б'алам IV предстает имперсонатором «владыки дня» (*'ub 'aahil 'a'n K'in 'ajaw*), а его *сахаль* Ах-Йаш-Буль-К'ук' – имперсонатором «владыки темноты/ночи» (*'ub 'aahil 'a'n Ju'n ... 'Ak'ab 'ajaw*). Данная сцена разворачивается над полосой, поддерживаемой двумя фигурами, из подписей к которым становится ясно, что это представители знати в образе *ицам-тунов*, хтонических «держателей» и носильщиков, встречающихся обычно по четверо (*chan 'itzam tuun*) и на монументах иногда появляющихся поддерживающими картуши дней 260-дневного календаря и иероглифы циклов «долгого счета» (см. CPN:St.D). Два представителя знати в образе *ицам-тунов* держат твердь, на которой сидят царь и другой его *сахаль* в образе персонифицированных дня и ночи. Все люди, изображенные на притолоке, имеют человеческие имена, перед которыми записаны имена воплощенных персонажей, только в случае двух верхних фигур присутствует формула имперсонации *'ub 'aahil 'a'n*, а в случае двух нижних перед именем человека записано *chan 'itzam tuun* без формулы. При этом изображение на притолоке представляет собой единое целое и его основной мотив – отражение определенного космологического порядка через имперсонирование божеств представителями элиты. Пример похожего контекста ритуальной имперсонации – платформа из храма XIX в Паленке, где сцена коронации Акуль-Мо-Наба III воспроизводит через имперсонацию ключевой мифологический сюжет о коронации одного из божеств паленкской триады с санкции верховного птичьего божества³⁰. Что касается «держателей», то примером, сходным с притолокой из Лаштунича, является т. н. трон Дель-Рио из Паленке. На ножках царского трона изображены придворные, представленные как *шив-туны* (*xiiw tuun*), судя по всему, сходные с *ицам-тунами*. Конструкции с формулой имперсонации – *'ub 'aahil 'a'n 'ik' xiiw tuun* «имперсонатор черного шив-туна» и *'ub 'aahil 'a'n sak xiiw tuun* «имперсонатор белого шив-туна» – предваряют личные имена и титулы этих двух людей. Таким образом, в сценах похожего содержания имперсонация мифологических персонажей оказывается выражена на письме как с использованием формулы, так и путем записи имени персонажа перед именем и титулами человека.

Можно прийти к выводу, что запись имени божества в ряду имен и титулов человека – одна из форм репрезентации имперсонации божеств в текстах майя классического периода. Таким образом, выделяются три основных формы: «расширенная» конструкция с формулой *'ub 'aahil 'a'n*, именем божества и маркером определенного контекста³¹; «стандартная» конструкция с формулой *'ub 'aahil 'a'n* и именем божества; «краткая» форма, заключающаяся в записи имени божества без использования специальной формулы. Не исключено, что с открытием новых надписей станет возможным четкое различие между этими формами, однако на данный момент можно говорить лишь о том, что все они – способы описания имперсонации божеств, так или иначе выражающейся в ассоциировании человека с определенным божеством. Вероятно, теперь некоторые из редких имен, воспринимаемых как дополнительные теофорные имена царей, потенциально можно будет рассматривать под предложенным ракурсом. Намеченная здесь оптика может

²⁹ Houston 2016.

³⁰ Stuart 2005b, 117–121, 161.

³¹ Белобородов 2019 (в печати).

способствовать более целостному пониманию ряда важных аспектов классической культуры майя, касающихся, в частности, ритуальной имперсонации, а также репрезентации власти в произведениях монументального искусства и эпиграфических надписях.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

- Белобородов, Н.К.: Конструкции с формулой имперсонации в надписи на иероглифической лестнице из Сабана-Пилетас (штат Кампече, Мексика). В сб.: Г.Г. Ершова (ред.), *X Кнорозовские чтения. Древние цивилизации Старого и Нового Света. Сборник трудов международной научной конференции*. М. (в печати)
- Beloborodov, N.K.: Konstruktsii s formuloy impersonatsii v nadpisi na ieroglificheskoy lestnitse 1 iz Sabana-Piletas (shtat Kampeche, Meksika) [Constructions with the formula of impersonation in the inscription of the Sabana Piletas hieroglyphic stairway (Campeche State, Mexico)]. In: G.G. Ershova (red.), *X Knorozovskie chteniya: Drevnie tsivilizatsii Starogo i Novogo Sveta, Sbornik trudov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [X Knorozov Readings: Ancient Civilizations of the Old World and the New World. Proceedings of the international scientific conference]. Moscow. (in press)
- Беляев, Д.Д., Токовинин, А.А. 2005: Сакральная власть майяских царей (I–IX вв. н.э.). В сб.: Д.М. Бондаренко, Л.А. Андреева, А.В. Коратаев (ред.), *Сакрализация власти в истории цивилизаций*. М., 127–139.
- Beliaev, D.D., Tokovinin, A.A. 2005: Sacral'naya vlast' mayyaskikh tsarey (I–IX vv. n.e.) [Sacred power of maya kings (the 1st–9th centuries AD)]. In: D.M. Bondarenko, L.A. Andreeva, A.V. Korotaev (eds.), *Sakralizatsiya vlasti v istorii tsivilizatsiy* [Sacralization of power in the history of civilizations]. Moscow, 127–139.
- Beliaev, D., Davletshin, A., Vepretskii, S. 2019: New Glyphic Appellatives of the Rain God. In: H. Kettunen (ed.), *Tiempo detenido, tiempo suficiente: Ensayos y narraciones mesoamericanistas en homenaje a Alfonso Lacadena García-Gallo*. Couvin, 351–371.
- Beliaev, D., Tokovonine A., Vepretskiy, S., Luin C. 2013: Los monumentos de Tikal. In: D. Beliaev, M. de León Antillón (eds.), *Proyecto Atlas epigráfico de Petén. Fase I. Informe Final No.1. Temporada abril-mayo 2013*. Guatemala, 37–170.
- Boot, E. 2005: *Continuity and Change in Text and Image at Chichén Itzá, Yucatán, Mexico: A Study of the Inscriptions, Iconography, and Architecture at a Late Classic to Early Postclassic Maya Site*. Leiden.
- Grube, N. 2004: Akan – The God of Drinking, Death and Disease. In: D. Graña-Behrens, C.M. Prager, F. Sasche, S. Teufel, E. Wagner (eds.), *Continuity and Change: Maya Religious Practices in Temporal Perspective (Acta Mesoamericana 14)*. Markt Schwaben, 59–76.
- Grube N., Gaida M. 2006: *Die Maya: Schrift Und Kunst*. Berlin–Köln.
- Grube, N., Pallán Gayol, C., Benavides Castillo A. 2011: The Hieroglyphic Stairway of Sabana Piletas, Campeche. In: S. Merk (eds.), *The Long Silence. Sabana Piletas and its Neighbours: An Architectural Survey of Maya Puuc Ruins in Northeastern Campeche, México (Acta Mesoamericana 21)*. Markt Schwaben, 251–261.
- Helmke, C., Awe, J.J., Morton, S.G., Iannone, G. 2015: The Text and Context of the Cuychen Vase, Macal Valley, Belize. In: C. Golden, S. Houston, J. Skidmore (eds.), *Maya Archaeology* 3, 8–29.
- Houston, S.D., Stuart, D. 1996: Of gods, glyphs, and kings: divinity and rulership among the Classic Maya. *Antiquity* 70, 289–312.
- Houston S., Doyle, J., Stuart, D., Taube, K. 2016: Sun, Night, Earth, and Stone: The Politics of Belief on a Classic Maya Lintel: *The 21st European Maya Conference*. Moscow.

- Hvidtfeldt, A. 1958: *Teotl and Ixiptlatli: Some Central Conceptions in Ancient Mexican Religion*. Copenhagen.
- Lacadena, A., 2004. On the reading of two appellatives of the rain God. In: D. Graña-Behrens, C.M. Prager, F. Sasche, S. Teufel, E. Wagner (eds.), *Continuity and Change: Maya Religious Practices and Temporal Perspective (Acta Mesoamericana 14)*. Markt Schwaben, 87–98.
- Lacadena, A., 2009: Apuntes para un estudio sobre literatura maya antigua. In: A. Gunsenheimer, T. Okoshi Harada, J.F. Chuchiak (eds.), *Text and context: Yucatec Maya literature in a diachronic perspective*. Aachen, 31–52.
- López Oliva, M. 2015: Las personificaciones de dioses y seres sobrenaturales de Yaxchilán. *Revista Española de Antropología Americana* 45, 2, 313–334.
- López Oliva, M. 2018: El controvertido caso de la personificación (ub'aahil a'n) de Huk Te' Ajaw en las vasijas mayas del Clásico Tardío. In: J.J. Batalla Rosado, J.L. De Rojas, L. Pérez Lugones (eds.), *Códices y cultura indígena en México. Homenaje a Alfonso Lacadena García-Gallo*. Madrid, 465–489.
- Martin, S., Fialko, V., Tokovinine, A., Ramírez, F. 2015: Contexto y texto de la estela 47 de Naranjo-Sa'aal, Petén, Guatemala. In: B. Arroyo, L. Méndez Salinas, G. Ajú Álvarez, (eds.), *XXIX Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala 2015*, II. Guatemala, 615–628.
- Nehammer Knub, J., Thun, S., Helmke, C. The Divine Rite of Kings: An Analysis of Classic Maya Impersonation Statements. In: G. Le Fort, R. Gardiol, S. Matteo, C. Helmke (eds.), *The Maya and their Sacred Narratives: Text and Context in Maya Mythologies (Acta Mesoamericana 20)*. Markt Schwaben, 177–195.
- Safronov, A., Beliaev, D. 2017: La epigrafía de Uaxactun después de un siglo, 1916–2016. В кн.: Arroyo, B., Méndez Salinas, L., Ajú Álvarez, G. (eds.), *XXX Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala 2016*. Guatemala, 515–528.
- Stone, A. 1991: Aspects of Impersonation in Classic Maya Art. In: M.G. Robertson, V.M. Fields (eds.), *Sixth Palenque Round Table*. Norman, 194–202.
- Stuart, D. 1996: Kings of stone. A consideration of stelae in ancient Maya ritual and representation. In: *RES: Anthropology and Aesthetics* 29/30, 148–171.
- Stuart, D. 1998. "The Fire Enters His House": Architecture and Ritual in Classic Maya Texts. In: S.D. Houston (ed.), *Function and Meaning in Classic Maya Architecture*. Washington, 373–425.
- Stuart, D. 2005a: Ideology and Classic Maya kingship. In: D. Schwartz, V.L. Scarborough (eds.), *A Catalyst for Ideas: Anthropological Archaeology and the Legacy*. Santa Fe, 257–286.
- Stuart, D. 2005b: *The Inscriptions from Temple XIX at Palenque*. San Francisco.
- Stuart, D., 2016: *More on the Paddler Gods*, <https://mayadecipherment.com/2016/07/28/more-on-the-paddler-gods/>
- Stuart, D., 2017: *A Note on the Sign for TZ'IBH, "Writing, Painting"*, <https://mayadecipherment.com/2017/05/01/a-note-on-the-sign-for-tzibh-writing-painting>
- Taube, K. 2003. Maws of Heaven and Hell: The Symbolism of the Serpent and the Centipede in Classic Maya Religion. In: A. Ciudad Ruiz, Humberto M. Ruz, M.J. Iglesias Ponce de León, (eds.), *Antropología de la eternidad: la muerte en la cultura maya*. Madrid, 405–442.
- Tokovinine, A. 2002: Divine Patrons of the Maya Ballgame, <http://www.mesoweb.com/features/tokovinine/Ballgame.pdf>
- Townsend, R.F. 1979: *State and cosmos in the art of Tenochtitlan*. In: *Studies in Pre-Columbian Art and Archaeology* 20, 1–78.
- Velasquez García, E. 2010: Naturaleza y papel de las personificaciones en los rituales mayas, según las fuentes epigráficas, etnohistóricas y lexicográficas. In: A. Ciudad Ruiz, M.J. Iglesias Ponce de León, M. Sorroche Cuerva (eds.), *El ritual en el mundo maya: de lo privado a lo público*. Madrid, 203–233.

Zender, M., 2010. Baj “Hammer” and Related Affective Verbs in Classic Mayan. *The PARI Journal* XI, 2, <http://www.mesoweb.com/pari/journal/archive/PARI1102.pdf>

DEITY NAME IN ROYAL TITULATURE AMONG THE CLASSIC MAYA

Nikita K. Beloborodov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

beloborodov.n.k@gmail.com

Abstract. The paper is dedicated to the problem of interpreting the use of some deity names as the specific appellations of the Maya kings in the monumental texts of the Classic period (the 3rd to 10th centuries AD), a practice which was quite rare. Although the regnal names of kings were often theophoric too, the names selected by the author differ from them in that they could be written among royal titles. According to the author, this way of using deity names should be considered in the context of deity impersonation rituals. The syntax in the inscriptions where such names are found is similar to the syntax of the impersonation statements that include the special construction consisting of the specific “formula of impersonation” *ʔubʔaahil ʔaʔn* followed by a deity name. Besides, those deities whose names are used as royal titles are in themselves closely related to impersonation. The deity *ʔUhuk Chapaah Tzʔikiin Kʔihnich ʔAjaw* appears several times as one of the king’s appellations, and it is precisely the deity that seems to be impersonated more often than other ones during the Classic period. Another name which can be found as a title, *Juʔn ʔAjaw Kʔuh*, belongs to one of the Hero Twins, whose impersonation is linked to the ballgame as shown by both epigraphic and iconographic data. The existence of the “short” form of impersonation statement only consisting of a deity name without the formula of impersonation in the Classic Maya texts may explain the atypical use of deity names among royal titles.

Keywords: Classic Maya, deity impersonation, formula of impersonation, onomastics, royal titles, Maya mythology

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-4-70-250–261

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОЮЗЫ У ДРЕВНИХ МАЙЯ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

А.С. Лавров

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
alexandrlavrov95@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблема военно-политических союзов древних майя классического периода. Демонстрируется несостоятельность использования терминов современной политологии к древнему миру в общем и древним майя, в частности. История появления военно-политических союзов насчитывает несколько тысячелетий, в то время как политология оперирует современными категориями, в связи с чем многие определения сформулированы некорректно, не отражают многообразия альянсов на протяжении всей истории существования человечества. Именно через критику определений военно-политического союза как феномена, данных Г. Снайдером, С. Уолтом и Дж. Лиской, а также на основе некоторых примеров, наглядно иллюстрирующих функционирование военно-политических союзов древних майя, проведено исследование, целью которого является попытка выделить универсальные элементы военно-политического союза в древнем мире. На основе проанализированных источников автор выделяет наиболее важные аспекты существования военно-политических союзов древних майя. В качестве примеров были выбраны военно-политические союзы из разных регионов области майя (Петен, Западные низменности) с целью продемонстрировать определенную универсальность выводов, сформулированных в рамках данной статьи. Используя универсальные критерии определения военно-политических союзов С. Бергсмана, автор статьи адаптирует их под реалии древнего мира, пытается создать свой собственный перечень элементов, характерных для военно-политических союзов древних майя классического периода. Разумеется, рассмотреть все военно-политические образования в рамках короткой статьи не представляется возможным, но выделить примеры для иллюстрации того или иного тезиса и на их основе показать основные виды военно-политических союзов вполне реально.

Ключевые слова: история древнего мира, Мезоамерика, военно-политические союзы, древние майя

Тема военно-политических союзов является чрезвычайно важной и даже преобладающей в исследовании политической истории древних государств. Тема актуальная и новая, поскольку, начиная с конца 1990-х гг., удалось реконструировать политическую историю древних майя. Большинство работ по данной проблема-

Данные об авторе: Лавров Александр Сергеевич – аспирант кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. Ломоносова.

тике так или иначе ориентировано прежде всего на описание функционирования каких-то конкретных военно-политических союзов, при этом отражая, а иногда и вовсе подразумевая специфику такого рода отношений в каждом конкретном периоде истории. Такие работы имеют огромное значение при изучении конкретной области, однако они не отображают наиболее общих тенденций военно-политических союзов в древнем мире. Можно выделить большое количество работ, посвященных военным союзам, в духе монографии «Планы сражающихся царств»¹ К.В. Васильева, однако большая часть трудов, в которых так или иначе фигурирует военно-политическая история, посвящена общей истории реже региона, чаще конкретного государства. В число таких работ можно включить “Hieroglyphs and History at Dos Pilas”² С. Хаустона, «Становление государственной власти в Китае. Империя Западная Чжоу»³ Х.Г. Крила, “Uruk The First City”⁴ и “Model and Actualization. The Kings of Akkad in the Historical Tradition”⁵ М. Ливерани и многие другие. Особый интерес вызывают работы, посвященные попытке именно описать какие-то общие аспекты в истории создания и функционирования военно-политических союзов в древнем мире, как это было сделано в работе Б.Р. Фостера “War and Piece in the Ancient World”⁶ или в куда менее амбициозной “Warfare in the Ancient Near East to 1600 BC Holy warriors at the Dawn of History”⁷ У.Д. Гамблина. Тем не менее при прочтении этих работ нельзя не отметить намерение скорее описать схожести и различия военных союзов древнего мира в разных частях света, нежели попробовать дать общую характеристику явления.

В данной работе мы предпринимаем попытку обозначить основные проблемы, связанные со спецификой военно-политических союзов в рамках типологически близких обществ древнего мира, а не в отдельных регионах, и попытаться сформулировать общие критерии определения таких военных альянсов, чтобы лучше понять характер союзов у древних майя. В связи с этим следует указать на ряд важных вопросов. Во-первых, представление наиболее распространенных определений военно-политических союзов и их последующая адаптация под реалии древнего мира. Во-вторых, описание свойств военно-политического союза применительно к истории древнего мира. В-третьих, формулировка критериев для определения военно-политического союза в древних государственных обществах.

Прежде чем подробно характеризовать военно-политический союз, необходимо дать определение этого понятия. Наиболее общую дефиницию предложил Г. Снайдер, определив военно-политический союз как «официальное объединение государств, целью которого является использование (или неиспользование) военной силы, при определенных обстоятельствах, против государств, не являющихся членами данного союза»⁸. Помимо определения Г. Снайдера, есть еще определение С. Уолта, которое звучит так: «военно-политический союз – это официальное или неофициальное соглашение о сотрудничестве в области безопасности между

¹ Васильев 1968.

² Houston 1993.

³ Крил 2001.

⁴ Liverani 2006.

⁵ Liverani 1993.

⁶ Foster 2007.

⁷ Hamblin 2006.

⁸ Snyder 1997, 1–6.

двумя или более суверенными государствами»⁹. И, наконец, третье определение авторства Дж. Лиски, которое куда более конкретно, нежели первые два. Военно-политический союз – это определенное международное соглашение о национальной безопасности, подразумевающее взаимную поддержку сторон, подписавших данное соглашение, для разрешения того или иного будущего кризиса¹⁰. Последние два слова необходимо особенно отметить, так как если кризис существует на момент договоренности, то международное соглашение по его разрешению будет уже называться коалицией¹¹. Следует добавить, что само определение понятия «военно-политический союз» в литературе, посвященной международным отношениям, весьма неоднозначно¹². При желании даже любое соглашение о безопасности можно определять как военно-политический союз, так что дать точное определение данного понятия, учитывающее все специфики союзов, не представляется возможным. Сам феномен обычно описывается в рамках истории нового и новейшего времени, что делает его анализ не универсальным по отношению к более ранним периодам истории. Для осознания того, что же из себя представляет военно-политический союз, необходимо описать конкретные признаки одного для определенного периода мировой истории.

Военно-политические союзы – постоянное явление в международной политике на протяжении всей истории. Вне зависимости от того, какой период мировой истории, будь то древний мир и средние века или новая и новейшая истории, всегда можно обнаружить государства, состоявшие в тех или иных политических союзах. Целью такого союза всегда является противодействие двух и более государств какой-либо третьей стороне для того, чтобы защитить свои национальные интересы. Обычно эта третья сторона более могущественна, следствием чего является невозможность единоличной борьбы с таким государством и поиск союзников для устранения потенциальной угрозы¹³. Несмотря на то, что само понятие «национальные интересы» появляется в эпоху нового времени (следствием чего является некорректность его применения к предыдущим эпохам), суть военно-политических союзов и в средневековье, и в древнем мире немногим отличается от более поздних аналогов. Безусловно, здесь есть свои нюансы, которые необходимо разобрать отдельно.

На момент формулировки определений в политической науке уже появилась большая терминологическая база, целью которой было достаточно полное описание политических феноменов. Результатом этого, как я уже сказал выше, является некорректное использование отдельных терминов. Начать следует именно с термина «нация». Если для нового времени и последующих эпох он мог применяться в силу возникновения национальных государств, то для древнего мира это совершенно не так. Понятия «нация» не существовало, однако это совершенно не мешало древним государствам создавать свои собственные военно-политические союзы. Они создавались монархами или заменяющими их должностными лицами (например, архонтами) не из соображений национальной безопасности, но из со-

⁹ Walt 1990, 17.

¹⁰ Liska 1968, 3.

¹¹ Liska 1968, 3.

¹² Liska 1968, 70.

¹³ Liska 1968, 3.

ображений сохранения своей власти над государством и существующими политическими институтами внутри страны. Разумеется, если нет понятия «нация», то нет и понятий «национальные интересы» и «национальная безопасность»¹⁴.

Небольшой проблемой является и понятие «суверенное государство» в определении С. Уолта. Понятие «суверенитет» хотя и на два века старше понятия «нация», но его все же некорректно применять при описании военно-политического союза в рамках древнего мира. Опираясь на определение из российского энциклопедического словаря (государственный суверенитет – это независимость государства во внешних делах и верховенство государственной власти во внутренних делах¹⁵), можно сказать, что сама государственная власть тождественна власти царя и его двора над жителями определенного государства, и говорить мы можем именно о свободном выборе той или иной политики самим царем, а не отдельным государственным органом. Понятие «государственный суверенитет» достаточно верно разделяет независимые государства и государства-вассалы, однако применять его в случаях древнего мира или тем более средневековья неправильно из-за сложности вертикальной иерархии вассальных отношений.

Также стоит отметить неполную универсальность общего определения Г. Снайдера. Снайдер допускает неиспользование силы при заключении военно-политического союза, однако в рамках древнего мира это невозможно. Занимать пассивную позицию в таком союзе нельзя, ведь чаще всего в таком объединении участвуют два, реже – больше государств. Пассивность может быть лишь при заключении определенного договора о ненападении, однако военно-политическим союзом такой договор являться не будет.

Как было сказано выше, все существующие определения «военно-политического союза» слишком расплывчаты и нуждаются в уточнениях для каждого конкретного случая, однако можно вывести несколько универсальных элементов, присущих всем союзам, как это сделал С. Бергсманн¹⁶.

Во-первых, союз – это определенная договоренность между государствами. Не имеет значения официальное юридическое признание со стороны мирового сообщества или просто третьих лиц. Необходимо лишь наличие определенного органа власти, который контролирует отдельную территорию и население. Это условие важно, так как только в этом случае существует возможность мобилизации и распоряжения военными ресурсами.

Во-вторых, не имеет значения форма соглашения. Это может быть как официально составленный договор, так и простая устная договоренность. Важно лишь то, что все участвующие стороны знают о существовании соглашения. Однако, альянсы, созданные без официального договора, хотя и основаны на общих интересах, носят неформальный характер, и не могут в полной степени называться официальным военно-политическим союзом.

В-третьих, военно-политические союзы создаются для выработки стратегии и определенного типа поведения (совместное нападение, оборона и пр.) для возможной ситуации в будущем. Несмотря на то, что большинство договоров включают в себя некоторые виды деятельности, которые происходят на протяжении

¹⁴ Druzin 2014, 452–456.

¹⁵ Прохоров 2000, 15–17.

¹⁶ Bergsmann 2001, 28–29.

всего действия договора (это могут быть, например, совместные военные учения), сам союз направлен на разрешение конкретной ситуации или ситуаций в будущем. Это отличает военно-политический союз от договоров о безопасности, сотрудничестве или пакта о ненападении, которые в свою очередь предполагают определенное поведение в течение действия договора.

В-четвертых, исходя из предыдущего пункта, следует, что участники военно-политического союза не знают, когда событие, побудившее их создать договор, произойдет, так как само по себе оно носит неопределенный характер, и неизвестно, произойдет ли оно вообще. Как уже было сказано, именно этот факт отличает союз от коалиции, которая в свою очередь формируется либо при уже существующей угрозе, либо при высокой вероятности наступления оной в более или менее известный момент времени (выборы, война). Неопределенность является ключевым различием этих двух понятий.

Пятый пункт гласит, что любой союз – это, прежде всего, обещание. В связи с этим стоит отдавать отчет в разнице между предполагаемым поведением всех участников договора и реальным поведением. Военно-политический союз – не исключение. Он также носит весьма ненадежный характер, что добавляет проблему доверия друг к другу среди участников договора.

Шестой пункт – военно-политический союз предполагает помощь в случае, указанном в договоре (это может быть нападение на одну из сторон). Таким образом, ресурсы одного государства направлены на защиту другого государства. С одной стороны, помощь другому государству весьма затратна в ресурсном плане, но с другой, эта политика окупаются из-за потенциальной поддержки со стороны другого члена договора при схожей ситуации.

Исходя из предыдущего пункта, очевидно, что союз – это палка о двух концах. Каждый из членов договора должен рассчитывать не только на преимущества внешней помощи в случае серьезной угрозы, но и на недостатки в виде высоких затрат на помощь в случае этой самой угрозы по отношению к другому члену союза. Несмотря на это, существуют односторонние договоры, предполагающие помощь со стороны лишь одного из членов союза.

Также С. Бергсманн указывает еще один, восьмой, пункт, в котором описывает важность национальной безопасности. Как я указывал выше, само это понятие не универсально и не может применяться к периодам древнего мира и средневековья, однако угроза уничтожения власти на определенной территории заставляет, как правильно указано в статье, относиться к созданию союза куда более серьезно, нежели к другому роду внешнеполитических соглашений¹⁷.

Следует отметить несколько важных аспектов по отношению к данному списку элементов военно-политического союза. В той или иной степени они действительно универсальны, однако так как мы говорим о союзах в период древнего мира, то нужно сделать определенные поправки.

В первом пункте следует отметить, что никакого мирового сообщества еще не существовало, а перед государствами, не входящими в военно-политический союз, отчитываться за его создание и вовсе не имеет никакого смысла. К тому же зачастую это третье государство и выступает объектом, на который направлен до-

¹⁷ Hill 2003, 30–35.

говор. Также стоит отметить, что органом, который «контролирует определенную территорию и население», выступает сама власть царя, вследствие чего понятие отдельного органа здесь не совсем уместно. Характер такого «соглашения» для ранних государств носит личную договоренность между двумя царями.

Второй пункт особенно ярко выражен именно в древнем мире. Помимо того, что с течением времени юридическое закрепление различных военно-политических союзов претерпевало значительные изменения, и мы при изучении союзов в древнем мире чаще всего получаем информацию о его выполнении постфактум (т.е. после того, как его цель была выполнена или после провала), очень часто у нас совсем нет никакого источника, который бы прямым текстом рассказывал о существовании альянса. Зачастую есть различного рода надписи, которые уже при дальнейшем анализе дают нам возможность говорить о том или ином союзе между государствами. Примером может служить военно-политический союз, который был организован Нун-Холь-Чаком, царем Вабе', против Бакаля. Тройственный союз Вабе', Пакбу'ля и Хинаха был организован с целью предотвращения военной экспансии со стороны Бакаля в регион Средней Усумасинты. Об этом союзе, как и о косвенном участии Йокиба¹⁸, мы узнаем из монументов К'инич-Ханаб-Пакаля, царя Бакаля и зафиксированном в текстах ритуале «поедания» вражеских богов богами «Паленкской Триады».

Таким образом, отсутствие источника, официально подтверждающего военно-политический союз, не влияет на его качество. Зачастую исследователи и во все реконструируют события, исходя из косвенных доказательств существования военно-политического союза.

К примеру, союз Наранхо, Уканалья и Шунантунича против Караколя в 680 г.¹⁹. Все три царства находятся к северу и северо-западу от Караколя. Наранхо и Караколь регулярно враждовали друг с другом за влияние в своеобразной буферной зоне, представленной Уканалем. Однако союз столь неравных по силе и влиянию царств может, на первый взгляд, показаться невозможным (Уканал и Шунантунича значительно меньше и слабее Наранхо). Вывод о наличии такого союза мы можем сделать, исходя из целого ряда фактов. Во-первых, наличие частей иероглифической лестницы из Караколя в Уканале и Шунантуниче. В частности, ступень из Уканалья и панели 3 и 4 из Шунантуниче. Кристоф Хелмке рассматривает этот дар как благодарность союзникам²⁰. Сама иероглифическая лестница после победы царя Са'иля (Наранхо) над царем Хушвица (Караколь) была вывезена из Караколя в Наранхо, где была перебита с целью изменить хронологию событий (это сделано в связи с упоминавшейся там победой Караколя над Наранхо в 626 г.)²¹. Практика демонтажа монументов и последующее их присвоение не очень часто встречается у древних майя. С другой стороны, для других государств древнего мира это было в порядке вещей (например, практика вывоза монументов у древних римлян, будь то греческие скульптуры или египетские обелиски, или захват эламитами законов Хаммурапи и вывоз их в Сузы и схожий захват хеттами

¹⁸ Zender 2002, 175.

¹⁹ Helmke, Awe 2016, 1–2.

²⁰ Helmke, Awe 2016, 10–11.

²¹ Helmke, Awe 2016, 1–3.

статуи Мардука²²). В этой ситуации интересен не столько сам вывоз монумента, сколько нахождение двух частей этой самой иероглифической лестницы не в Наранхо, а в Уканале и Шунантуниче. Это может говорить о том, что цари Уканалья и Шунантунича могли получить части этого монумента от царя Наранхо в качестве признания за помощь в победе над Караколем. Во-вторых, в конце VII в. после фактического развала Кану'льской державы бывшие вассалы начинают воевать друг с другом. Мотив у царя Наранхо был – месть за поражение полвека назад, однако само царство находилось в упадке и не могло в одиночку соперничать с Караколем. Этим и объясняется столь неравный союз трех царств.

Относительно третьего и четвертого пунктов стоит сказать, что целью военно-политического союза в древнем мире всегда является если не полное уничтожение определенного оппонента, то нанесение ему максимально возможного урона с последующим захватом его территории. К тому же отделить военно-политический союз от коалиции не представляется возможным, так как современное разделение по принципу неопределенности конфликта в будущем не подходит для описания союзов древнего мира, ведь, повторяюсь, мы узнаем о конфликтах постфактум, следовательно, если он был заключен, значит, и был в той или иной мере исполнен. К тому же конфликты в древнем мире имели куда более ситуативный характер, военные походы было сложнее координировать, и зачастую военным союзником становилось государство, которое уже воюет с потенциальным оппонентом.

Например, военно-политический союз Бакаля и Сакц'и вытекал из сложной геополитической ситуации в регионе. Царь Паленке видел в левобережье Усумасинты потенциальную территорию для захвата. Принципиальным противником Бакальского царства было царство Попо' со столицей в городище Тонина. Само царство находилось в горах Чьяпаса к югу от Паленке и имело виды на предгорья Чьяпаса, которое занимало царство Сакц'и (к востоку от Попо'). Разумеется, Бакаль не мог допустить усиления влияния южного конкурента при условии, что Кану'льское царство все еще сражалось на территории царств верхней Усумасинты, война могла начаться на два фронта. К тому же следует отметить постоянное соперничество Бакаля и Йокиба за территории Средней Усумасинты еще с начала VII в. (несмотря на то, что Йокиб был вассалом Кану'ля, инициатива по захвату территорий, смежных с Бакальским царством, исходила от него).²³ Таким образом, для Бакаля противостояние с Йокибом было не менее принципиальным, чем борьба с Попо'. Поэтому цари Паленке решают поддержать Сакц'и, соседа Йокиба и его непримиримого соперника, и становятся его военным союзником²⁴. Однако стоит разграничивать такой спонтанный союз и никак не связанные между собой военные кампании, направленные на определенное государство. Для того чтобы спонтанный союз можно было этим словом классифицировать, необходимо наличие постоянных контактов между союзниками.

Последние пункты носят скорее общий характер и применимы к любому виду союзов. Хотелось бы добавить к седьмому пункту, что затраты составляют лишь

²² Громова 2009, 104–123.

²³ Это также связано с общим подъемом Йокиба в первой половине VII в. после упадка в конце VI в.

²⁴ Сафронов 2012, 179.

военные ресурсы государства, так как торговля велась вне и за рамками военно-политических союзов и имеет к ним весьма косвенное отношение, а об одностороннем договоре мы поговорим чуть позднее.

Важной чертой военно-политического союза является отсутствие равенства между его членами. Государства меньших размеров всегда больше тяготеют к созданию союзов как ради повышения своей военной безопасности, так и для расширения торговли или поддержке внутривойсковых режимов. Однако такие государства почти всегда вынуждены идти на значительные уступки по отношению к более крупным государствам, входящим в союз, следствием чего является значительная потеря собственной автономии, чаще всего становятся в итоге вассалами. Такой исход ждал всех союзников Кану'льской державы во время царствования Йукноом-Ч'ее'на II Великого (636–686 гг.). За свое полувековое правление он сумел создать огромную державу, объединившую практически все главные царства области майя. Воспользовавшись разделением Тикальской династии на северную (сам Тикаль) и южную (династия Дос-Пиласа в Петешбатуне), Йукноом-Ч'ее'н успешно атаковал Тикаль в 657 г. После признания вассалитета Дос-Пиласа от Кануля царь Тикаля Нун-Холь-Чак начал проводить более независимую политику и напал на Балах-Чан-К'авиля (царя "Южного" Кукуля), вынудив его бежать из города. В 672 г. Йукноом-Ч'ее'н II вмешался в конфликт и в 677 г. нанес поражение Тикалю, одному из сильнейших царств на тот момент. Против Тикаля был создан и военно-политический союз с Караколем, старым противником Тикаля. Ситуация с Караколем весьма неоднозначна. С одной стороны, царь Караколя присутствует на церемонии коронации подле царя Кану'ля, как это обычно делают вассалы. С другой стороны, ни в одном тексте Караколя не встречается термин *u'ajaw*, что говорит о том, что цари Караколя не признавали себя вассалами Кану'ля (впрочем, такая надпись могла не сохраниться). Примечательным в этом вопросе является алтарь 21 из Караколя. Текст начинается с того, что царь Караколя садится на царствование с повеления царя Тикаля, что указывает на вассальное положение Караколя²⁵. Однако на этом же монументе указывается победа над Тикалем в 562 г. В одиночку Караколь явно не смог бы совладать с Тикалем, поэтому, исходя из того, что после этой войны Караколь признает свой вассалитет от Кану'ля, можно предположить, что два царства скоординировали свои силы для победы над общим врагом. Следует отметить, что на момент самой войны Караколь, по всей видимости, еще не был вассалом Кану'ля, а являлся союзником по военно-политическому союзу.

Также такой неравный союз может привести к утрате дипломатической гибкости из-за неуверенности в обещаниях, данных сильным союзником²⁶.

Видов военно-политических союзов достаточно много (наступательные, оборонительные и пр.). И если для Нового и Новейшего времени такое разделение в классификации имеет практический смысл, то для древнего мира это не так. Фактически военно-политические союзы носили смешанный – оборонительно-наступательный – характер. Если союз заключался, то его члены достаточно быстро приступали к выполнению своих обязательств. Как уже говорилось, такие союзы

²⁵ Martin 2005.

²⁶ Krause, Singer 2001, 17.

носили стихийный характер, и зачастую членам союза приходилось по ходу дела быстро менять стратегию своего поведения.

Важным аспектом при изучении военно-политических союзов в древнем мире, не указанным С. Бергсманном, является фундаментальное отличие союза относительно равных государств и вассальных отношений. Отличия между отношениями вассал – сюзерен и военно-политическим союзом заключаются в самом характере данных отношений. В первом случае мы видим явное доминирование одного царства над другим, следствием чего являются определенные обязательства, налагаемые на вассала. Так как главным инструментом во внешней политике древнего мира является война, то основным обязательством вассала было сопровождение своего сюзерена в его военных походах. Несмотря на то, что де-юре вассальное царство не имело возможности проводить собственную внешнюю политику, де-факто сношения с другими царствами существовали, и вассал порой втягивался в войны без участия сюзерена. В текстах вассальная зависимость выражается рядом специальных терминов, например: *yajaw* (он его владыка), *y-ilaaj* (он его видел), *'u-kabaaj* (он это повелел) и др.

Иллюстрацией вассальных отношений может служить панель 2 из Пьедрас-Неграс. На ней изображены 6 вассалов, преклонивших колени перед царем Пьедрас-Неграс, за которым стоит его наследник Хой-Читам-Ак. Оба стоят в полном вооружении. Панель повествует о том, как в дату 09.11.06.02.01, 3 Имиш 19 Чаксиком, царь взял ко'хав (PN: Lnt. 2, A2-K1):

(A2) **BOLON-PIH** (A3) **BULUCH-WINAK-HAA'B** (A4) **WAK-HAA'B** (A5) **CHA'-WINIK** (A6) **JU'N-K'IN** (B1) **HUUX-IMIX**^{день} (C1) (G5) (B2) [**'u**]-**TI'-HUUN-na** (C2) **BOLONLAJU'N-ni-ji-ya** (D1) **HUL-li-ya** (E1) **HO'-...-...?** (D2) **K'AN-'IK'-AJAW** (E2) **BOLON-WINAK** (F1) **BOLONLAJU'N-CHAK-SIHOM** (G1) (**ch'a**)-**CH'AM-wa** (F2) **KOHAW** (G2) **...?-CHAK** (H1) **'ITZAM-K'AN-'AK** (I1) **yi-chi-NAL-la** (H2) **'u-K'UH-li** (I2) **YAX-ja-la** (J1) **CHAK**

bolon pih buluch winakhaab wak haab cha'winik ju'n k'in huux 'imix ho' ... ("G5")
'u-ti'-hu'n bolonlaju'njiy huliyy ho' 'Uh... K'an 'Ik' 'Ajaw bolon winak bolonlaju'n
Chak-Siho'm ch'amaw ko'ohaw ... Chaahk 'Itzam K'an 'A'hk y-ichnal 'u- k'uhil Yax
Ha'al Chaahk

Счет лет. 9 четырехсотлетий 11 двадцатилетий 6 лет 2 месяца 1 день [в день] 3 Имиш [бог] 5 ... - хранитель повязки, 19 дней, как начался 5 лунный месяц ... [его имя] К'ан-Ик-Ахав, из 29 дней, 19 Чаксиком взял кохав ...-Чаак Ицам-К'ан-Ак пред ликом бога Йаш-Халь-Чаака...

Очень часто вассальные отношения скреплялись династическими браками между царскими семьями. Примером может служить подобный брак между царем Па'чана Йашун-Баламом IV и Иш-Вак-Тун, царицей Ик'а, направленный прежде всего против Йокиба. Оба изображены на панели 41, перед битвой с сахалем Вак'ааба²⁷.

На основе всех приведенных выше определений и комментариев к ним хотелось бы составить критерии для военно-политического союза в древнем мире. Военно-политический союз заключается группой государств (обычно двумя-тре-

²⁷ Martin, Grube 2008, 134–135.

мя) против другого государства или группы государств с самыми разными целями (подчинение, уничтожение, уменьшение политического влияния и пр.). Причиной создания военно-политического союза является невозможность противостояния противнику в одиночку, вследствие чего государство вынуждено прибегать к военно-политической помощи своих соседей. Форма заключения военно-политического союза не имеет значения. Это может быть задокументированный союз, а может быть и устная договоренность. Возможен вариант, при котором есть источник, на котором союз был задокументирован, но вследствие определенных обстоятельств он не дошел до современного исследователя. Все союзы носят активный характер и побуждают членов данного союза к непосредственным действиям по отношению к объекту, против которого союз был заключен. Военно-политический союз может быть заключен как между этнически разными, так и этнически однородными, но политически раздробленными, народами. Следует отличать военно-политический союз от вассальных отношений, так как в первом случае мы имеем договоренность на относительно равных условиях между государствами, тогда как в другом мы видим прямую зависимость вассала от сюзерена и определенный набор обязанностей, вытекающих из таких отношений. Однако вполне возможны политические союзы между вассалами, находящимися в сюзеренитете у другого государства. Обычно такие союзы заключаются во время политических конфликтов между вассалами, и зачастую сюзерен сам вынужден принимать решение о том, кого из своих подданных он должен поддерживать. В рамках истории древнего мира разница между понятиями «коалиция» и «военно-политический союз» нивелируется. Коалиция зачастую понимается как более широкий союз, охватывающий множество участников (обычно трех-четырех)

Для общества древних майя характерны следующие особенности формирования военно-политического союза. Дробная политическая структура, вариативность политических связей, определенная географией региона стали благодатной почвой для создания большого количества военно-политических союзов. Усиление одной из политий моментально порождало необходимость определенного противовеса в виде военно-политического союза, направленного против этой самой политии. Чаще всего военно-политический союз постепенно (из-за неравенства членов этого союза) перерастал в вассальные отношения. Более слабые царства признавали сюзереном более сильное. Однако существуют примеры перманентных военно-политических союзов. Такие союзы не трансформировались в вассальные отношения по самым разным причинам: примерное равенство по силе и влиянию между царствами, географический фактор (царство находилось на определенном отдалении, что делало невозможным контроль над ним). Военно-политические союзы были так или иначе закреплены, но в какой форме – устной или письменной – современной науке неизвестно. Исследователь узнает о них лишь по победным монументам, на которых изображены пленники из определенных царств. Сопоставление имен и места происхождения этих пленников с географическими данными позволяет делать вывод о наличии или отсутствии военно-политического союза. Чаще всего военно-политические союзы заключались между царствами, не имевшими смежных границ. Географический сосед мог быть либо врагом, либо вассалом, ставшим таковым после поражения в войне. Военно-политические союзы создавались между относительно равными по

своему политическому весу царствами. Дисбаланс в таком военно-политическом союзе обычно приводил к созданию отношений вассал–сюзерен. Исходя из предыдущего пункта, следует определенная характеристика коалиций древних майя. Такая коалиция обычно формировалась из совокупности соседей определенного царства. При таком объединении соперник оказывался окруженным врагами, что облегчало задачу нападавшим.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Bergsmann, S. 2001: The Concept of Military Alliance. In: E. Reiter, H. Gärtner (eds.), *Small States and Alliances*. Heidelberg, 28–29.
- Druzin, B. 2014: Opening the Machinery of Private Order: Public International Law as a Form of Private Ordering. *Saint Louis University Law Journal* 58:423, 452–456.
- Foster, B.R. 2007: *War and Piece in the Ancient World*. Blackwell Publishing Ltd.
- Gromova, D.N. 2009: Bitva s tryokhglolovym drakonom: novyy peresmotr datirovok vzyatiya Vavilona i Halapa voyskami Mursili I i voprosy peredneaziatskoy khronologii II tys. do n.e. [The battle with the three-headed dragon: a new revision of the dates of the capture of Babylon and Jalapa by Mursili I's troops and issues of the pre-Asian chronology of the Second Millennium BC.] *Vestnik Drevney Istorii [Journal of Ancient History]* 4, 104–123.
- Громова, Д.Н. 2009: Битва с трёхголовым драконом: новый пересмотр датировок взятия Вавилона и Халапа войсками Мурсили I и вопросы переднеазиатской хронологии II тыс. до н. э. *ВДИ* 4, 104–123.
- Hamblin, W.J. 2006: *Warfare in the Ancient Near East to 1600 BC Holy warriors at the Dawn of History*. Abingdon.
- Helmke, C., Awe, J.J. 2016: Death Becomes Her: An Analysis of Panel 3, Xunantunich, Belize. *The PARI Journal* XVI, № 4, 1–2.
- Helmke, C., Awe, J.J. 2016: Sharper than a Serpent's Tooth: A Tale of the Snake-head Dynasty as Recounted on Xunantunich Panel 4. *The PARI Journal* XVII.2, 10–11.
- Hill, C. 2003: *The Changing Politics of Foreign Policy*. Basingstoke.
- Houston, S.D. 1993: Hieroglyphs and History at Dos Pilas. Austin.
- Krause, V., Singer, J.D. 2001: *Minor Powers, Alliances, And Armed Conflict: Some Preliminary Patterns*. Heidelberg.
- Kril, H.G. 2001: *Stanovlenie gosudarstvenny vlasti v Kitae. Imperiya Zapadnaya Chzhou. [Formation of state power in China. The Western Zhou Empire]* Saint Petersburg.
- Крил, Х.Г. 2001: *Становление государственной власти в Китае. Империя Западная Чжоу*. СПб.
- Liska, G. 1968: *Alliances in the Third World*. Baltimore.
- Liska, G. 1968: *Nations in Alliance. The Limits of Interdependence*. Baltimore.
- Liverani, M. 1993: Model and Actualization. The Kings of Akkad in the Historical Tradition. In: M. Liverani (ed.), *Akkad The First World Empire. Structure, Ideology, Traditions*. Padova, 41–67.
- Liverani, M. 2006: *Uruk The First City*. London.
- Martin, S. 2005: Caracol Altar 21 Revisted: More Data on Double Bird and Tikal's Wars of the Mid-Sixth Century. *The PARI Journal* VI.1, 2.
- Martin, S., Grube, N. 2008: *Chronicle of the Maya Kings and Queens: Deciphering the Dynasties of the Ancient Maya*. London–New York.
- Prokhorov, A.M. 2000: *Rossiyskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Russian encyclopedic dictionary]*. Moscow.
- Прохоров, А.М. (ред.) 2000: *Российский энциклопедический словарь*. М.

- Safronov, A.V. 2012: *Vojny za levoberezh'e Usumasinty na rubezhe VII–VIII vv.: problema datirovki i geografii sobytii* [Wars for the left bank of Usumasinta at the turn of the 7th and 8th centuries: the problem of dating and geography of events]. In: I.I. Tuchkov (ed.), In: *Drevniy Vostok i antichnyy mir* [Ancient East and the Ancient World]. Vol. VIII. Moscow.
- Сафронов, А.В. 2012: Войны за левобережье Усумасинты на рубеже VII–VIII вв.: проблема датировки и географии событий. В кн.: И.И. Тучков (ред.), *Древний Восток и античный мир*. Т. VIII. М.
- Snyder, G.H. 1997: *Alliance Politics*. Cornell University Press.
- Vasilev, K.V. 1968: *Plany srazhayushchikhsya tsarstv* [Plans of the warring realms]. Moscow.
- Васильев, К.В. 1968: *Планы сражающихся царств*. М.
- Walt, S.M. 1990: *The Origins of Alliance* (Cornell Studies in Security Affairs). Ithaca.
- Zender, M. 2002: The Toponyms of El Cayo, Piedras Negras, and La Mar. In: A. Stone (ed.), *Heart of Creation: The Mesoamerican World and the Legacy of Linda Schele*. Tuscaloosa.

THE ANCIENT MAYA MILITARY AND POLITICAL ALLIANCES OF THE CLASSICAL PERIOD

Alexander S. Lavrov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
alexandrlavrov95@gmail.com.

Abstract. This article deals with the problem of military and political alliances of the ancient Maya in the Classic period. The failure to use the terms of modern political science to the ancient world in general and the ancient Maya in particular will be demonstrated. Military and political alliances were widespread long before the formation of political science as an independent science, and therefore many definitions are incorrectly formulated without reflecting the diversity of alliances throughout the history of mankind. It is through criticism of the definitions of the military-political alliance as a phenomenon given by G. Snyder, S. Walt, and G. Liska, and on the basis of some examples illustrating the functioning of the military-political alliances of the ancient Maya, a study will be conducted to try to identify universal elements of a military-political alliance in the ancient world. On the basis of the sources read, the author identifies the most significant aspects of the military and political alliances of the ancient Maya. The military and political alliances from different Maya regions have been chosen as examples to demonstrate a certain universality of the conclusions drawn in this article. Using universal criteria for the definition of military and political alliances, S. Bergsmann, the author of the article adapts them to the realities of the ancient world, trying to create his own list of elements typical for the military and political alliances of the ancient Maya of the Classic period. Of course, it is not possible to consider all the military and political elements within the framework of a short article, but it is quite possible to single out examples to illustrate this or that thesis and, on their basis, to show the main types of military and political alliances.

Keywords: Ancient History, Mesoamerica, military and political alliances, ancient Maya

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2020), 262–281
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2020), 262–281
© Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-4-70-262–281

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МАЙЯСКОЙ ТЕРРАКОТЫ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА В КОНТЕКСТЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ И СПЕЦИФИКИ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ

И.Ю. Демичева

*Нижегородский институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического
университета, Нижний Новгород, Россия*
iudem@mail.ru, iudem@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с интерпретацией функционального назначения майяской фигуративной пластики в контексте территориальной локализации и специфики их местонахождения. Проанализирована информация по локализации фигурок, найденных на основных памятниках майя в ходе археологических изысканий. Установлено, что места обнаружения фигурок *in situ* отличаются большим разнообразием. Они выявляются в культурном слое при исследовании различных комплексов домохозяйств с прилегающими к ним территориями, в местах скопления мусора, в церемониальных центрах, пещерах, ремесленных кварталах, вблизи террас, стадионов для игры в мяч, дорог, в тайниках и т.п. Отдельно отмечаются фигурки, обнаруженные в погребениях. Зачастую места фиксации являются маркером функционала обнаруженных фигурок. Статуэтки использовались как элемент погребального инвентаря, как воплощение образов божеств, хранились в домах, как предмет культа применялись при отправлении обрядов. Значительную группу представляют фигурки, выполненные в виде музыкальных инструментов: свистульки, окарины, свистки, которые одновременно выполняли утилитарную и религиозно-культовую функции. Отдельное место занимают терракоты, рассматриваемые в качестве детских игрушек; они изготавливались с подвижными элементами. Установлен многофункциональный характер майяских терракот. Деление их на три большие группы (религиозно-культовую, утилитарно-практическую и комбинированную) носит условный характер. Разнообразная практика применения статуэток в разных сферах жизнедеятельности общества является маркирующим элементом высокого значения, которое придавалось этим предметам.

Ключевые слова: Мезоамерика, археология, майя, терракотовые статуэтки, фигурки, функциональное назначение, погребальный инвентарь, свистулька, окарina.

Одним из самых главных вопросов, встающих перед исследователями любого археологического артефакта, является вопрос его назначения. Собственно,

Данные об авторе: Демичева Ирина Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры общегуманитарных дисциплин Нижегородского института (филиала) Московского гуманитарно-экономического университета.

для чего была изготовлена та или иная вещь, какую функцию она выполняла в быту, в структурах повседневности, каково было ее место в общекультурном, идеологическом контексте. Очевидно, что с момента обнаружения майяских терракот археологи и историки не могли не задаваться этими вопросами. По этой причине уже к середине XX века были выстроены базовые концепции, которые с теми или иными коррективами продолжают разрабатываться и по сей день. Принципиальных и новаторских концептов относительно функционала фигурок, несмотря на серьезные изменения в современных методах анализа артефактов, на сегодняшний день фиксируются крайне незначительное количество.

Определение того или иного назначения фигурок часто с высокой степенью достоверности фиксируется уже при первичном осмотре в момент их (ее) обнаружения во время раскопок *in situ*, где зачастую само место нахождения может выступать маркером определения их (ее) функции и/или функций. Более глубокое камеральное и лабораторное исследование позволяет выявить назначение данного артефакта как в контексте его обнаружения, так и вне его. Направления изучения фигурок варьируются в зависимости от той задачи, которая стоит перед конкретным исследователем, но практически всегда тем или иным образом они касаются их функционала, будь то изучение майяской музыки и фигурок как видов музыкальных инструментов или торговли между различными регионами, где фигурки выступают предметом обмена, или особенностей их изготовления, где они являются результатом творческой мысли и труда коропласта.

Во время проведения археологических разведок и раскопок в разных регионах майя фигурки встречаются довольно часто, при этом они не переходят в разряд массового материала и фиксируются как индивидуальные находки. Долгие годы полевых исследований на тех или иных городищах позволили составить достаточно представительные коллекции, относящиеся к классическому периоду, включающие как целые фигурки, так и их фрагменты, составляющие достаточно репрезентативные выборки, количество экземпляров которых может варьироваться в районе 1000–2000 единиц. Например, в Паленке на 2001 г. зафиксировано 1566 фрагментов¹. Или менее малочисленные коллекции, как в случае с коллекцией Бонампака, которая на 2015 г. составляла лишь 346 элементов².

Вместе с тем коллекционные собрания данных индивидуальных находок, несмотря на длительность исследования некоторых городищ (или объектов в рамках его изучения), могут быть крайне скромными и насчитывать несколько десятков единиц или варьироваться в диапазоне 100–200 экземпляров. При этом пока не удается с высокой долей достоверности определить места с прогнозируемо большим количеством фигурок, за исключением разве что уникального комплекса погребений о. Хайна и специализированных мастерских. Также пока сложно определить структуру численного соотношения терракот по регионам. Такого рода исследования предполагают более обширные и сплошные площади исследования объектов. Наиболее распространенные формы проведения раскопок в настоящий момент, несмотря на возрастающий интерес к поселенческой археологии, предполагают разбивку небольших раскопов на ранее обнаруженных архитектурных комплексах и ближайших к ним территориям или разведывательные точечные

¹ Flores Jiménez 2001, 293.

² Rincón 2015, 171.

Рис. 1. Комплекс фигурок из погребения № 39 Эль-Перу (Вака). Ранее опубликовано: Illuminating the Past 2017: Archaeological Perspectives on Mesoamerican Figurines. Фото из фильма, стоп кадр 01.18

Fig. 1. Figurines from burial No. 39, El Peru (Waka). After: Illuminating the Past 2017: Archaeological Perspectives on Mesoamerican Figurines. Photo from the film, frame 01.18

раскопы в виде небольших шурфов или траншей, что позволяет доследовать ряд интересующих конкретных исследователей объектов: провести работу картографического характера с определением границ бытования городища или иного объекта или за счет стратиграфических и археологических данных получить сведения о развитии данного региона в рамках исследуемого периода.

Очень примечательны данные по обнаруженным фигуркам в рамках реализации археологического проекта Эль-Перу Вака, который практически без хроноразрыва реализовывался с 2003 по 2006 гг. и далее с различными временными лагунами в различных вариациях продолжается с 2009 г.³ Проект организован в рамках сотрудничества и поддержки Министерства Культуры и Спарта Гватемалы (подразделение, осуществляющее надзор за культурным наследием Гватемалы), Института Антропологии и истории Гватемалы, Департамента памятников истории и колониализма, Музея антропологии и истории Гватемалы⁴. Например, в 2003 г., наряду с многочисленными находками керамики, кремня, раковин, обсидиана и т.д., было зафиксировано только 25 фрагментов терракот⁵. Не столь богатым на обнаружение фигурок в Эль-Перу (Вака, Гватемала) оказался и полевой сезон 2005 г., в результате которого была составлена коллекция фигурок и их фрагментов в количестве 39 единиц⁶.

³ Freidel, Escobedo 2014, 18.

⁴ Navarro-Farr, Olivia, Rich 2014, ix.

⁵ Escobedo, Freidel 2004, 43–80.

⁶ Escobedo, Freidel 2006, 15–69.

Примечательно, что при изучении 20 погребений за 2004–2005 гг. в Эль-Перу (Вака) среди элементов погребального инвентаря не было обнаружено ни одной фигурки⁷. Но поистине грандиозное открытие было сделано в мае следующего 2006 г. при исследовании погребения №39 (WK11A-92-2-227), где был обнаружен комплекс фигурок в количестве 24 штук, которые подробно были описаны в публикациях и видеоотчетах⁸.

Тем не менее говорить о частоте использования фигурок в данном месте довольно проблематично из-за достаточно непредставительной выборки.

Похожая ситуация наблюдается на археологическом памятнике Ла-Корона (Петен, Гватемала), региональный археологический проект которого стартовал в 2008 г. после двух экспедиций (2005–2006 гг.), организованных в рамках археологического проекта Эль-Пуру (Вака), и осуществлялся в рамках сотрудничества Туланского университета и Университета Байе Гватемалы⁹.

За 10 лет своей активной работы в рамках данного проекта были изучены многочисленные археологические объекты Ла-Короны и прилегающей территории. В частности, ближайшие городища Эль-Ачиталь, Ла-Кариба и Эль-Хобийо. В результате накопленный терракотовый материал не поражает своим многообразием. Всего с 2008 по 2017 гг. на четырех памятниках было выявлено около 140 фигурок, подавляющее большинство которых найдено во фрагментах. Количественный показатель по сезонам зависел от локализации изучаемых объектов. В 2008 году был зафиксирован один фрагмент фигурки при исследовании структуры 13R-9 в квадрате CR 11A-3. Примечательно, что в силу плохой сохранности трудно идентифицировать, относится ли данный фрагмент к терракотовой статуэтке или является элементом декора керамического сосуда¹⁰.

Не принципиально отличной была ситуация и в сезоне 2009 года. Несмотря на довольно серьезный объем проделанных работ, включающих в себя изучение 7 больших архитектурных групп с объемом более 80 квадратов и довольно внушительным объемом археологического материала (67 скульптур с надписями: 7 панелей, 2 стелы, 5 алтарей, 3 лестницы и 7 разных памятников¹¹ – и находками массового керамического материала, фрагменты которого исчисляются суммами, превышающими 2,5 тыс. единиц¹²), находки терракот в этом сезоне крайне скромны и включают в себя только два экземпляра, один из них не имеет точной идентификации, а последний найден в пригороде Ла Короны.

Чуть больше фигурок удалось обнаружить в 2010 г. В среднем их количество составляет около 15 единиц¹³. Незначительно увеличилась коллекция терракот данного региона и за сезон 2011 г.¹⁴ За сезоны с 2012 по 2014 гг. было найдено 15 фрагментов фигурок. Одна являлась предметом погребального инвентаря в захоронении № 12, датированном 760 г. н.э. (уровень 7) и исследованном в 2014 г.

⁷ Piehl 2006, 452–453, табл. 2.

⁸ Illuminating the Past, 2017.

⁹ Canuto, Barrientos 2011, 1, 3.

¹⁰ Acuña 2009, 116.

¹¹ Canuto, Barrientos 2010, 248.

¹² Gómez 2010, 195–196.

¹³ Barrientos, Canuto, Acuña 2011, 195–210.

¹⁴ Barrientos, Canuto, Ponce. Guatemala 2012, 279–318

при раскопках группы CR16C–32¹⁵. Фрагментарно, за редким исключением, фигурки встречались и в 2015–2016 гг. Очень примечательная находка была сделана на третьем уровне квадрата CR20B–2–4 Структуры 13Q–4B1, которая представляла собой тайник из керамики и 25 фрагментов статуэток, включавших 15 антропоморфных голов (в том числе две головы «карлика»), семь зооморфных (две головы кролика, жабы, оленя, и птиц) и три неопределенных фрагмента¹⁶.

2017 г. в плане серьезного увеличения количества найденных фигурок не сильно разнился с предыдущими годами исследований. Интересной, за редким исключением, являлась лишь их локализация. Всего в трех городищах было зафиксировано 32 единицы.

Например, в шурфе CAR13B–1 в Ла-Корибе, заложенном в нескольких метрах северо-восточнее конструкции 20M–11, выявлено несколько фигурок (точное количество не указано – *И.Д.*)¹⁷ высокого качества изготовления¹⁸. Кроме того, близ структуры 21M–04 были заложены шурфы CAR15B–7 и CAR15B–9, наполнения которых представляло собой перемес гумуса с высокой концентрацией керамических, литических, обсидиановых и шлифовальных камней, а также статуэток, костей фауны и фрагментов морской раковины¹⁹, что позволяет интерпретировать данное место как район свалки мусорных отходов. Идентичное наполнение представлено в шурфах CAR17B–2, CAR17B–4 около структуры 20M–18, разбитых для исследования свалки²⁰. Таким образом, десятилетнее исследование региона Ла-Короны, несмотря на серьезные разведывательные и раскопные работы и значительные площади изучения, составило скромную коллекцию терракотового материала.

Похожая ситуация с терракотовым материалом наблюдается и в регионе Хольмуля. В рамках археологического проекта, который стартовал в 2000 году в рамках сотрудничества специалистов Бостонского университета, университета Аризоны, университета Южного Иллинойса при поддержке Института Антропологии и Истории Гватемалы²¹, проводились исследования городища и прилегающей к нему территории. Регион Хольмуля охватывает территорию около 100 км² бассейна реки Хольмуль на северо-востоке Петена и включает в себя археологические объекты Хольмуль (35 км к востоку от Тикаля и в 20 км к северу от Наранхо), Сибаль и ряд церемониальных центров: Хамонтун, Т'от, К'о, Риверону, Ла-Суфрикаяя, Адисиональменте, Витзна²².

К сожалению, большая часть археологических отчетов чаще всего не содержит количественных показателей обнаруженных фигурок. Значительное открытие комплекса фигурок было сделано в 2004 г. при раскопках северо-восточного угла Группы III. Среди предметов погребального инвентаря в захоронении молодого человека было зафиксировано пять антропоморфных и зооморфных фигурок²³. Не менее интересен погребальный инвентарь Погребения 23, обнаруженного во

¹⁵ Ponce Stokvis 2015, 227.

¹⁶ Lamoureux-St-Hilaire, Forte 2016, 90.

¹⁷ Chatelain 2018, 247.

¹⁸ Chatelain 2018, 249, fig. 10.6.

¹⁹ Chatelain 2018, 258.

²⁰ Chatelain 2018, 272.

²¹ Estrada-Belli, Gonzales, Kosakowsky, Ebersole 2000, 4.

²² Estrada-Belli 2013, 1.

²³ Estrada-Belli, Valle 2004, 7.

время исследования Структуры 59 (раскоп HOL.T.50)²⁴: он состоит из 26 терракотовых фигурок, часть из которых была сильно повреждена, но впоследствии отреставрирована²⁵. Результативность находок фигурок в дальнейшие полевые сезоны была не столь высока. Скромным были результаты и сезона 2013 г., находки фигурок которого ограничивались одним фрагментом, найденным при исследовании доклассического памятника Сибиль (инвентарный номер CIV.T.67.07.03.01)²⁶. В целом коллекция фигурок за 9 полевых сезонов насчитывает порядка 60–70 единиц.

Результаты находок фигурок в других археологических проектах также довольно скромны. Фигурки хронологически чаще относятся к доклассическому периоду. Например, многолетний археологический проект Хольтуна (начатый в 2010 г. Южным методистским университетом при сотрудничестве с Университетом Сан-Карлос-де-Гватемала и Университетом Валье-де-Гватемала²⁷) в 2017 г. осуществлялся ведущими специалистами-археологами с привлечением студентов из университетов Южного методистского университета Техаса, Университета Центральной Флориды (США), Университета Сан-Карлоса в Гватемале и Университета Валье в Гватемале. Как полевые, так и лабораторные работы были одобрены соглашением № DGPCY-5-2017, подписанным с Главным управлением культурного и природного наследия Министерства культуры и спорта. Такие многолетние проекты осуществляются при поддержке всевозможных финансовых и административных ресурсов. В частности, данный проект реализовывался в результате тесного взаимодействия Национального научного фонда, Американского философского общества, университета Центральной Флориды (США), генерального управления культурного и природного наследия, технического управления Института антропологии и истории и Департамента доиспанских и колониальных памятников²⁸. Кроме того, несмотря на значительное количество исследованных погребений (19), в них не зафиксировано ни одной фигурки в качестве элемента погребального инвентаря²⁹.

Зачастую количественный показатель коллекций фигурок не зависит от длительности изучения памятника, а скорее коррелируется с местами локализации раскопок. При этом это тоже не является показателем численного преобладания найденных терракот. Интересным в этом отношении является Пьедрас-Неграс, целенаправленное археологическое изучение которого было начато еще в 1930-е гг. с началом проведения большого археологического проекта, организованного Музеем университета Пенсильвании при согласовании с правительством Гватемалы³⁰. В процессе проведения археологических работ удалось выявить, что терракотовые фигурки спорадически встречаются в слоях раскопок на глубине от 1,6 до 2 м. Как отмечает М. Батлер, анализируя выявленные терракоты за сезон 1931–1932 гг., их большей частью находят в мусорных кучах и среди обломков вокруг зданий. На стороне торца последних в свою очередь часто фиксировались

²⁴ Mongelluzzo 2011, 119.

²⁵ Gámez 2015, 98.

²⁶ Forrest 2013, 48, 50.

²⁷ Caravantes, Callaghan, Kovacevich 2017, 22.

²⁸ Caravantes, Callaghan, Kovacevich 2017, 18, 19.

²⁹ Izzo 2017, 505–528.

³⁰ Satterthwaite, Butler, Mason 2005, 1.

следы лепнины, что наводило на мысль об использовании фигурок в качестве своеобразной основы для декорирования помещений³¹. За указанные годы изысканий было обнаружено 95 единиц, которые большей частью сильно повреждены и представлены во фрагментах.

Серьезный вклад в исследование этого памятника был внесен многолетним археологическим проектом, начавшим свою работу в конце 1990-х гг. (с 1997/8 до 2000 гг.) в результате сотрудничества Университета Брингама Йонга и Университета Долины Гватемалы при поддержке Института антропологии и истории Гватемалы³². К сожалению, в отчетах сезона 1997 г. не всегда прописано количество обнаруженного терракотового материала, поэтому сложно с высокой долей достоверности определить общее число фигурок и их фрагментов, раскопанных в это время³³.

Более детально зафиксирована информация по терракотовому материалу в 1998 году с указанием места нахождения фрагмента и точной его фиксации. В общей сложности за указанный сезон было найдено около 750 экземпляров фрагментов терракот³⁴. Достаточно эффективным в плане сбора терракотового материала был и сезон 1999 г., по результатам которого была собрана коллекция более 360 единиц³⁵.

Очень внушительным оказалось количество материала, собранного в 2000 году. В ряде раскопов нахождение фигурок носило фрагментарный и спорадический характер, в некоторых же, наоборот, было отмечено интенсивное наполнение слоев фрагментами фигурок. В общей сложности в районе зданий U-5, U-6 было выявлено 151 единица терракот. Подавляющее большинство фрагментов были представлены антропоморфными фигурками, в основном, головами как мужчин, так и женщин. Встречались и фрагменты других частей тел, и ряд атрибутивных предметов. Зооморфные фрагменты представлены головами животных³⁶.

В раскопе PN 41D, разбитом на здании C-12 и состоявшем из 36 квадратов, удалось выявить 458 фрагментов фигурок³⁷. Большое количество скоплений фрагментов терракот чаще фиксируется в квадратах с интенсивным наполнением других археологических материалов, при этом они располагаются как в самом помещении, так и за его стенами. Например, в квадрате PN 41D-11, расположенном в центральной и частично восточной части здания и охватывающем две комнаты, в наполнении слоев фиксируются 2 832 фрагмента керамики, 32 фрагмента обсидиана, 31 фрагмент кремня, 14 фрагментов костных останков и 49 фрагментов фигурок (среди них четко прослеживается наличие изображения животного, вероятно, кролика и голова оленя)³⁸. При первичной идентификации ряда фигурок делается предположение, что некоторые фрагменты были частью фигурок большего размера, а некоторые представляли собой части игрушек³⁹.

³¹ Butler 2005, 121.

³² Escobedo, Houston 2001, iii.

³³ Escobedo, Houston 1997.

³⁴ Escobedo, Houston 1998.

³⁵ Escobedo, Houston 1999.

³⁶ Nelso 2001, 93.

³⁷ Sarah 2001, 119–129.

³⁸ Sarah 2001, 121–122.

³⁹ Sarah 2001, 131 со ссылкой на консультацию Д. Триадан.

Рис. 2. Погребение № 16 с двумя фигурками, о. Хайна. Сезон 1964 г. Ранее опубликовано: Zalaquett, Martínez 2017, 118, fig. 54

Fig. 2. Burial №16 with two figurines. Jaina, season 1964. After: Zalaquett, Martínez 2017, 118, fig. 54

Довольно представительная коллекция фигурок была собрана из материала раскопа PN 41E, разбитого в здании С-10, и прилегающей к нему территории (38 квадратов) и составила 183 единицы терракот⁴⁰.

Значительная концентрация терракотового материала была зафиксирована в районе изучения жилых групп. В общей сложности в раскопе PN 54A было найдено более 100 фрагментов терракот (107 ед.), которые включали в себя как антропоморфные фрагменты, так и остатки зооморфных фигурок (птиц, ягуаров)⁴¹. Таким образом, только за сезон 2000 г. была собрана коллекция терракот порядка 1400 ед. А за все годы исследования количественный показатель фрагментов терракот варьируется около 2 500 фрагментов.

Тем не менее самым интересным и действительно грандиозным памятником культуры майя, который прославился своими терракотовыми фигурками, является остров Хайна. Высокая степень сохранности фигурок, их количество и качество исполнения – все это делает Хайну уникальным памятником, аналогии которому едва ли будут найдены. Данный археологический памятник представляет собой остров протяженностью около километра в длину и около 800 м в ширину, рас-

⁴⁰ Sarah 2001, 131–144.

⁴¹ Golden, Quiroa 2001, 310–318.

положенный в 32 км севернее Кампече⁴². Первые научные изыскания были начаты еще в 1938 г. Национальным институтом антропологии и истории (Мехико). В 1940–1942 гг. были проведены два полевых сезона при поддержке правительства штата Кампече. Последующие работы проводились в 1957, 1964 гг. Несколько формованных статуэток (*количество не указано – примечание И.Д.*) было выявлено в небольшом тайнике, обнаруженном близ Структуры «С»⁴³. Основная масса фигурок фиксируется в погребениях, которых за время раскопок изучено более 1000. Так, за 1940–1942 гг. выявлено 150 погребений, в 1947 г. – 76, в 1957 г. – 389, в 1964 г. – 400⁴⁴. При анализе погребального инвентаря изученных в 1947 году захоронений в 70% было отмечено наличие терракот. При этом нередко количество фигурок могло разниться, но в целом составляло 1–2 статуэтки.

Они могли быть размещены между скрещенных рук погребенного, у его ног, в районе головы. Половая принадлежность, возраст погребенного, его предполагаемый социальный статус практически не коррелировались с количественным показателем фигурок и их персонифицированными персонажами.

Несмотря на то, что нахождение фигурок в погребениях как части погребального инвентаря говорит о довольно очевидном его функциональном назначении, их локализация и частота встречаемости в захоронениях требует дальнейших изысканий. Во многом изучение этого направления затруднено ненадлежащей фиксацией найденного материала, которая была характерна для методики исследования своего времени. Тем не менее сам факт нахождения статуэток в погребениях и использование их как предмета погребального инвентаря напрямую свидетельствует об их религиозно-культовой направленности.

возраст и пол погребенных	количество захоронений со статуэтками	всего захоронений*	погребения с фигурками в %
Взрослая женщина	6	7	85,7
Взрослый мужчина	9	17	52,9
Взрослый (пол не определен)	13	21	61,9
Подросток	2	2	100
Ребенок**	23	29	79,3
ИТОГО	53	76	69,7
* по 1-2 фигурки на захоронение ** Двое детей в захоронениях идентифицированы по возрасту более одного года			

Рис. 3. Количественный анализ погребений о. Хайна. Сезон 1947 г. Ранее опубликовано: Halperin 2014, 244, app. 6. 1

Fig. 3. Number of figurines in burials of Jaina. Season. 1947. After: Halperin 2014, 244, app. 6. 1

⁴² Piña 1968, 11, 27.

⁴³ Piña 1968, 11, 34.

⁴⁴ Piña 1968, 11, 77.

Частота встречаемости фигурок в захоронениях, выявленных вне о. Хайна, значительно ниже. Фиксация погребений с фигурками носит скорее единичный характер. При этом количество фигурок в погребении может существенно разниться и на современном этапе изучения не создает единого представления закономерности их встречаемости.

Места обнаружения терракот довольно разнообразны. Они фиксируются в культурном слое, при шурфовках и раскопках различного рода археологических объектов: домохозяйств и прилегающей к ним территорий, мусорных ям («куч», насыпей), церемониальных комплексов, пещер, сооружений различного назначения, ремесленных кварталов, террас, вблизи стадионов для игры в мяч и в погребениях различных типов.

Многочисленные археологические раскопки в настоящий момент позволяют определить степень распространения фигурок в различных регионах. При этом пока не удается определить четкую закономерность между изображенным на фигурке субъектом и местом ее нахождения. Так, например, фигурки правителей в Мотуль-де-Сан-Хосе были выявлены в различных по статусу и значимости архитектурных группах как в центре городища, так и на его периферии⁴⁵. В Тикале она были найдены в элитных жилых и церемониальных постройках (как-то 5D-2, 5D-10, 5D-11, 5C-1)⁴⁶. Ведущий мезоамериканист Хуан Педро Лапорте, анализируя коллекцию фигурок и их фрагментов из Такаля в количестве 809 экземпляров, относящихся к классическому периоду (из общей выборки 1046 штук) и являющихся элементами музыкальных инструментов, отмечает ярко выраженную вариативность их местонахождения⁴⁷. Похожая тенденция сохраняется и для фигурок игроков в мяч⁴⁸.

Одним из наиболее интересных мест обнаружения фигурок являются мусорные ямы, которые в последнее время стали предметом отдельного изучения в рамках комплексных археологических исследований. Так, например, в рамках реализации археологического проекта Мотуль-де-Сан-Хосе было проведено отдельное изучение мест мусорных сбросов, в результате которых удалось установить, что такие мусорные «кучи», скапливаемые за границами домохозяйств, служили своего рода границей между отдельными домохозяйствами. Такие примеры зафиксированы между группами 8M5, 8M4, and 8M7, 7J2 и 7J3, 8L9 и 8L10, 8L1 и 8L3⁴⁹.

При этом набор предметов, обнаруженных в различных мусорных кучах, мог выступать маркером статуса того или иного жителя домохозяйства. Например, рядом с группой 8L6 (Мотуль-де-Сан-Хосе) зафиксирована мусорная куча, содержащая позднеклассические фрагменты инструментов из кости, предметов текстильного производства, остатки производства керамических сосудов и статуэток⁵⁰. Поистине грандиозное открытие мастерской по изготовлению фигурок было сделано в мае 2018 г. в районе Кобана (Гватемала). Ученые под руководством доктора Вудфила Брента (университет Уинтропа, Северная Каролина) обнаружили более

⁴⁵ Halperin 2014, 54.

⁴⁶ Halperin 2014, 54.

⁴⁷ Laporte 2009, 1022, 1027.

⁴⁸ Halperin 2014, 63.

⁴⁹ Halperin, Foias 2016, 133.

⁵⁰ Halperin, Foias 2016, 137.

400 фрагментов форм и фигурок. Весной 2019 г. информация была частично представлена на суд мировой научной общественности⁵¹.

В настоящее время не вызывает сомнения наличие связи между местом нахождения фигурок (при условии, что они были зафиксированы *in situ*) и их функциональным назначением.

Ритуальный характер мезоамериканских терракот, включая в том числе майяские, отмечался такими исследователями, как Э. Брамфил⁵², Дж. Хэндон⁵³, Дж. Маркус⁵⁴. Например, Дж. Маркус упоминает, что статуэтки могли применяться женщинами во время отправления ритуальных обрядов⁵⁵. В домах могли храниться и использоваться фигурки, которые воплощали образы божеств-покровителей. Отдельные исследователи прямо пишут о том, что терракоты могли быть непосредственным предметом культа⁵⁶. Причем такая традиция использования существовала далеко за пределами собственно классического периода. Данный факт неоднократно фиксирует Диего де-Ланда, отмечая существование у майя «идолов» из камня, дерева и, конечно, глины⁵⁷. Причем великий францисканец указывал, что таких «идолов» клали вместе с покойником как подношение⁵⁸.

Еще одним видом несомненного и подтвержденного способа использования фигурок являлось применение их в качестве музыкальных инструментов. Традиционно считается, что использование музыки и, как следствие, различных музыкальных инструментов было повсеместным и довольно частым явлением. Музыка являлась неотъемлемой частью домашней, ритуальной и праздничной деятельности⁵⁹.

Все многообразие инструментов майяские этномузыковеды подразделяют на три большие группы: идиофоны, аэрофоны и мембранофоны⁶⁰. К категории аэрофонов относятся окарины, свистки, свистульки, флейты. При этом основная масса их изготавливалась как раз из глины в виде терракотовых статуэток.

Окаринами традиционно называют духовой музыкальный инструмент, род свистковой сосудообразной флейты. Классическая окарина имеет яйцеобразную форму с различным количеством отверстий для пальцев. Часто у окарин представлен мундштукообразный выступ⁶¹. Еще одной разновидностью данной категории инструментов является свистулька. В отличие от окарины, традиционно имеющей определенную форму, свистульки могут быть выполнены в разных вариациях. Вариативность мелодий, в отличие от окарин, не отличается большим разнообразием. Свистульки, которые имеют одно выходное отверстие, часто обозначают свистком, который чаще всего издает один, как правило, сигнальный звук высокого тона.

⁵¹ Wade 2019.

⁵² Brumfiel 1996, 143–166.

⁵³ Hendon 1991, 894–918.

⁵⁴ Marcus 1996, 285–291.

⁵⁵ Marcus 1996, 287.

⁵⁶ Butler 1935, 640.

⁵⁷ Landa Diego de 1864, 128.

⁵⁸ Landa Diego de 1864, 196.

⁵⁹ Zalaquett, Martínez 2017, 105; Suárez 2014, 67.

⁶⁰ Gómez 2008; Zalaquett, Martínez 2017, 106.

⁶¹ Liggins. Ocarina.

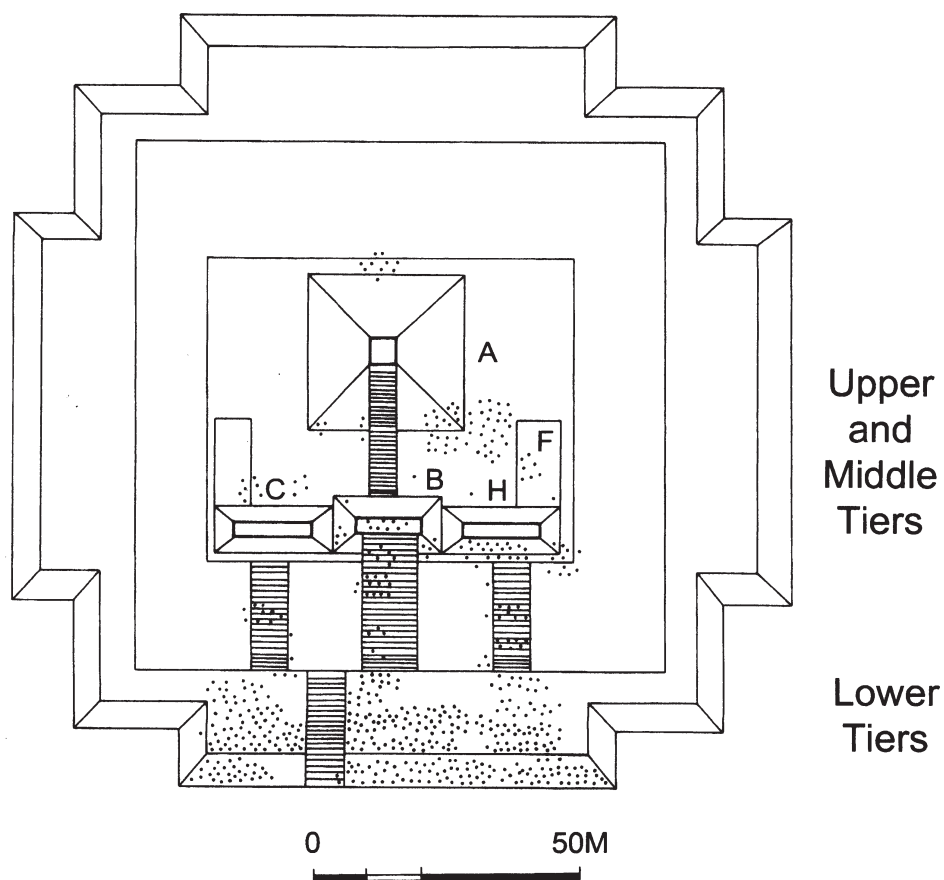

Рис. 4. Концентрация фигурок. Структура II, Калакмуль (Кампече). Ранее опубликовано: Halperin 2014, 193, fig. 6. 5

Fig. 4. Distribution pattern of figurines. Structure II, Calakmul (Campeche). After: Halperin 2014, 193, fig. 6. 5

В настоящий момент идет точечное изучение отдельных инструментов, происходящих из разных регионов майя. При этом анализируются не только коллекционные собрания музеев Мексики, Гватемалы, США, Канады, но и ряда музеев Европы. Например, интересная работа была проведена в 2011 г. с коллекцией погремушек, окарин и свистулек Музея Этнологии Гамбурга (Германия), собранной в начале XX в. Ф. Термером из археологических артефактов Гватемалы и полуострова Юкатан. Исследователями был проведен археолого-музыковедческий анализ антропоморфных терракотовых статуэток в виде окарин, свистков и зооморфных фигурок (собак, ягуаров, черепах, обезьян), изготовленных как свистки⁶². В результате работы с программным обеспечением для настройки музыкальных

⁶² Pacheco, Santiago 2011, 909, 911–912.

инструментов и программой спектрального анализа звуковых сигналов удалось определить диапазон высот звуков данных инструментов. Звуки свистков и свистулек зависели от уровня давления воздуха, а на звуки окарин сильное влияние оказывало количества отверстий и аппликаторы⁶³.

Интересным является анализ керамических музыкальных инструментов, выявленных при раскопках Пакбитуна (Белиз). Во время сезонов 1986–1987 гг. было обнаружено 16 музыкальных инструментов, часть из которых выполнена в виде терракотовых статуэток. При этом все они были зафиксированы в богатых погребениях Структур 1 и 2 (Площадь А)⁶⁴. Восемь статуэток-окарин обнаружено в женском погребении № 2–1⁶⁵. Интересно, что 8 из них, по всей видимости, были изготовлены с помощью одной формы, на что указывает размывание чёткости деталей фигурок от первой к последующей и ухудшение качества проработки при сохранении общей идентичности инструментов⁶⁶. По мнению ряда исследователей, основанному на реконструкции извлекаемых из майяских инструментов звуков, майя, по всей видимости, использовали пентатоническую⁶⁷ шкалу. Ряд извлекаемых звуков напоминал подражание естественным звукам, в том числе пению птиц⁶⁸.

Различным анализам междисциплинарного плана, которые включают в себя акустический, органо-логический и физико-химический, подвергались инструменты в виде терракот из Структур II и III Калакмуля, (Кампече). 22 единицы были извлечены из квадратов 9, 31, 44, 48, 51, 59, 60 и около главной лестницы⁶⁹. Окарины найдены в квадратах 9, 15, 28, 31, 32, 33–35, 40, 48, 52, 64 и близ главной лестницы в количестве 26 штук⁷⁰.

В результате изучения данных артефактов удалось установить возможность торговых связей с другими территориями майя и охарактеризовать вероятное их применение, которое заключалось в участии в обрядовой деятельности с последующим целенаправленным повреждением или, наоборот, хранением до последующих церемоний⁷¹.

Информативным является археоакустическое исследование керамических флейт с о. Хайны и из захоронений Копана, в рамках которых был проведен анализ изображений указанных инструментов на терракотовых статуэтках, которые сами по себе являются музыкальными инструментами⁷².

Интересна и гипотеза исследователей о наличии свистулек в погребениях о. Хайны, основанная на соотношении звука крика человека со звуком, издаваемый свистком. Поскольку крик и свист являются первичными формами человеческо-

⁶³ Pacheco, Santiago 2011, 914–915.

⁶⁴ Kong, Powis, Healy, Blench, Howie 2014, 179.

⁶⁵ Kong, Powis, Healy, Blench, Howie 2014, 180.

⁶⁶ Kong, Powis, Healy, Blench, Howie 2014, 182.

⁶⁷ Пентатоника (от др.-греч. Πέντε – пять и др.-греч. τόνος — напряжение, натяжение; тон) – пятиступенная интервальная система, все звуки которой могут быть расположены по чистым квинтам и/или квартам (см. Квинтовый круг), например, вверх по квинтам: до– соль– ре– ля– ми. // <https://ru.wikipedia.org/wiki/Пентатоника>

⁶⁸ Kong, Powis, Healy, Blench, Howie 2014, 186.

⁶⁹ Zalaquett, Domínguez, Dulce, Suárez, Morales 2019, 167.

⁷⁰ Zalaquett, Domínguez, Dulce, Suárez, Morales 2019, 175.

⁷¹ Zalaquett, Domínguez, Dulce, Suárez, Morales 2019, 84.

⁷² Zalaquett, Espino 2018, 419–438.

го общения, то этот инструмент давал возможность умершему наладить отношения с другими сущностями в загробной жизни, а антропоморфный аэрофон – это инструмент, подтверждающий силу умершего, незаменимый в его новой форме существования⁷³. На применение терракотовых музыкальных инструментов в религиозной практике указывают и находки фигурок в ритуальных пещерах. В ряде случаев они были сильно повреждены и поэтому часто не реконструируемы⁷⁴. Исследуя ритуалы майя, связанные с дождем, Рэйко Ишихара, работая с материалом из пещер и расщелин Агуатеки (Петен, Гватемала), упоминает, что акустические особенности пещер значительно усиливают звук⁷⁵ и, как следствие, игра на музыкальных инструментах в пространстве пещер создавала особую атмосферу проводимого ритуала.

Очевидно, что изучение терракот в виде музыкальных инструментов требует создания серьезной базы данных. В настоящий момент такая работа проводится за счет реализации научных проектов. Один из таких проектов выполняется в рамках деятельности междисциплинарного исследовательского центра при Калифорнийском университете Риверсайд. Артефакты были собраны по данным раскопок и разведок археологических проектов Долины Белиза, Сибалья, Хольмуля, из фондов музея VICAL⁷⁶ Доколумбового искусства и современного стекла, музея Каса Санта Доминго⁷⁷, Музея Кохом⁷⁸, музея изящных искусства (Бостон), музея Пибоди Гарвардского университета и по состоянию на 2017 г. составили более 430 единиц, 160 из которых были подвергнуты процедуре 3D сканирования⁷⁹.

Постепенно изучение древних майяских инструментов выходит на новый уровень своего развития. Активно работают специалисты по истории музыки, ученые, занимающиеся реконструкцией музыкального инструмента не только с точки зрения его внешнего облика, но и звукового потенциала. Кроме того, начал работу сайт по данному направлению исследований – <https://www.mayamusicproject.org/>.

Примечательно, что сами варианты терракотовых музыкальных инструментов представлены и на изображениях глиняных музыкантов. Например, в фондах Национального музея антропологии (Мексика) хранятся две такие фигурки (инвентарные номера 05.0–02121⁸⁰ и 05.0–00142⁸¹). При этом внимание мастера к деталям позволяет определить тип изображенного музыкального инструмента. Интересным является то, что короласт попытался изобразить сам процесс извлечения музыки, особым образом проработал линию смыкания губ и мундштука.

Если музыкальное назначение фигурок является практически аксиоматическим, то использование их в качестве украшений требует большей доказатель-

⁷³ Zalaquett, Martínez 2017, 116–117; Santos, Zalaquett, Benavides, Álvarez 2015, 96–97.

⁷⁴ Halperin 2014, 197.

⁷⁵ I shihara 2008, 179–18.

⁷⁶ VICAL-Центральноамериканская группа по производству стекла, ориентированная на производство и маркетинг продукции из стекла.

⁷⁷ Museo Casa Santa Domingo – сеть музеев, расположенных на территории бывшего монастыря Санто-Доминго, Гватемала.

⁷⁸ Casa K'ojom – это частный образовательный некоммерческий центр, занимающийся исследованиями, документированием, сохранением и распространением традиционной музыки народов Майя, населяющих Гватемалу.

⁷⁹ Katz 2017, 30.

⁸⁰ https://mna.inah.gob.mx/colecciones_detalle.php?id=68751&sala=9&pg=22

⁸¹ https://mna.inah.gob.mx/colecciones_detalle.php?id=68570&sala=9&pg=14

ной базы. Выборка по таким экземплярам на сегодняшний день не отличается большим разнообразием. Ряд ученых упоминает, что они могли использоваться как элементы украшений – подвески⁸² или кулона⁸³. Косвенным свидетельством ношения подобных кулонов служат изображения нагрудных украшений на самих терракотах. Встречаются статуэтки, изготовленные в виде мужчины знатного происхождения, на шее которого с помощью жгута крепится массивная подвеска-личина. Встречаются керамические фигурки, выполненные в виде ушных вставок или элементов декорирования костюма, своего рода пуговиц. Такие парные экземпляры, изготовленные в виде старого бога в цветке, есть в фондах Художественного музея Кливленда (инвентарный номер 1967.155.) и в Художественной галерее Йельского университета (инвентарный номер 1973.88.11a–b)

Фигурки могли изготавливаться и для удовлетворения потребностей детей. Игра как основной вид деятельности, ориентированный на познание окружающего мира и социума, часто требует для своей реализации наличие определённых предметов, способствующих умственному, физическому, нравственному и эстетическому развитию ребенка. Такими предметами служат игрушки различной классификации. Для майя терракоты тоже могли выступать в этой роли. Предположение о таком их назначении выдвигались еще в середине XX в.⁸⁴ В первое десятилетие XXI в. с развитием археологических изысканий данный тезис приобретает большую доказательную базу. Отмечается, что в позднюю классику статуэтки кладутся только в женские и детские погребения (кроме территории о-ва Хайна), и часто их находят вблизи мест проживания женщин и детей⁸⁵. Как игрушки могли использоваться небольшие свистульки или окарины, изготавливаемые, по всей видимости, специально для детей, или фигурки-марионетки, имеющие подвижные части, манипуляция с которыми позволяла расширить вариативность игр и оказывала влияние на развитие мелкой моторики. Несмотря на большой интерес к проблеме материнства и детства в истории обществ, данное предположение нуждается в достаточном количестве подтверждающих фактов и является довольно перспективным направлением исследования функционального назначения статуэток.

Многие статуэтки могли быть полифункциональны. Очевидно, что найденные в погребениях статуэтки, являющиеся музыкальными инструментами, интегрировали в себе функции практической и религиозно-культовой направленности. Вероятно, что они могли использоваться в процессе погребальной церемонии с последующим возложением с погребенным⁸⁶ Г. Рейчел-Долматофф вообще высказал гипотезу, что с момента изготовления до окончательной утилизации статуэтки могли менять свое назначение⁸⁷.

Таким образом, вопросы функционального назначения фигурок, несмотря на довольно долгую историю изучения, имеют широкие перспективы для современного исследования. Количественный анализ этих находок по регионам, местам на-

⁸² Bryant 1988, 65.

⁸³ Triadan 2007, 274.

⁸⁴ Willey 1972, 8; Rands and Rands 1965.

⁸⁵ Triadan 2007, 285.

⁸⁶ Piña 1968, 65.

⁸⁷ Reichel-Dolmatoff 1961, 229–241.

хождения, степени сохранности (целенаправленное повреждение или разрушение под воздействием культурного слоя), привлечение современных естественно-научных методов значительно увеличивает объем данных, необходимых для определения направлений их применения. В целом же, характеризуя назначение фигурок, можно говорить об их многофункциональности. Деление их на три большие группы (религиозно-культовую, утилитарно-практическую и комбинированную) носит условный характер. Широкая практика их применения в разных сферах жизнедеятельности общества является маркирующим элементом высокого значения, которое придавалось данным предметам.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Acuña Mary, J. 2009: Operación CR 11A: Limpieza de Trinchera de Saqueo en la Estructura 13R-9. In: M.A. Canuto, T.Q. Barrientos (eds.), *Proyecto Arqueológico La Corona. Informe Final Temporada 2008*. Guatemala, 109–128.
- Barrientos, T. Canuto, M.A., Acuña, M.J. (eds.) 2011: *Proyecto Arqueológico La Corona. Informe Final Temporada 2010*. Guatemala, 195–210.
- Barrientos, T., Canuto, M., Ponce, J. (eds.) 2012: *Proyecto Arqueológico La Corona. Informe Final. Temporada 2011*. Guatemala.
- Brumfiel, E.M. 1996: Figurines and Aztec State: testing the effectiveness of ideological domination In: R.P. Wright (ed.), *Gender and Archaeology*. Philadelphia, 143–166.
- Bryant, D.D. 1988: Excavations at House 1, Yerba Buena, Chiapas Central Highland. Mexico. *Papers of the New World Archaeological Foundation. Numbers Fifty-four*. Provo–Utah.
- Butler, M. 1935: A Study of Maya Mouldmade Figurines. *American Anthropologist* 37.4/1, 636–672.
- Butler, M. 2005: Ornaments, and Miscellaneous Objects Piedras Negras Archaeology, 1931–1939. In: J.M. Weeks, J. Hill, C. Golden (eds.), *Piedras Negras Preliminary Papers Piedras Negras Archaeology: Architecture*. Philadelphia, 121–139.
- Cajas, M.A. 2012: Operación 11B: Excavaciones en la Estructura 13R-9, Temporada 2011. In: T. Barrientos, M. Canuto, J. Ponce (eds.), *Proyecto Arqueológico La Corona. Informe Final. Temporada 2011*. Guatemala, 265–279.
- Canuto, M.A. Barrientos, T. 2010: Resultados generales y conclusiones de la temporada de campo 2009 Capítulo X. In: T.Q. Barrientos, M.A. Canuto (eds.), *Proyecto Arqueológico La Corona. Informe Final Temporada 2009*. Guatemala, 247–276.
- Canuto, M. A., Barrientos, T. 2011: Proyecto Regional Arqueológico La Corona: Antecedentes y Objetivos de la Temporada 2010. Capítulo I. In: T.Q. Barrientos, M.A. Canuto, M.J. Acuña (eds.), *Proyecto Arqueológico La Corona. Informe Final Temporada 2010*. Guatemala, 1–23.
- Caravantes, C.K.J., Callaghan, M., Kovacevich, B.I. 2017: Introducción Proyecto Arqueológico Holtun Informe No. 7. Sitio Arqueológico Holtun, Aldea La Máquina, Flores, Petén. In: K.J.C.C. Caravantes, M. Callaghan, B. Kovacevich (eds.), *Informe de Temporada 2017, campo y laboratorio del Proyecto Arqueológico Holtun, Flores, Petén*. Nueva Guatemala de la Asunción, 20–26.
- Chatelain, D. 2018: Investigaciones Arqueológicas en La Cariba, Temporada 2017. Capítulo X. In: T. Barrientos, M. Canuto, M. López, E. Bustamante (eds.), *Proyecto Arqueológico La Corona. Informe final. Temporada 2017*. Guatemala, 241–282.
- Escobedo H.L. Freidel, D. (eds.) 2004: *Proyecto Arqueológico El Perú-Waka': Informe No. 1, Temporada 2003. Informe Entregado a la Dirección General del Patrimonio Cultural y Natural de Guatemala*. Guatemala.

- Escobedo, H.L. Freidel, D. (eds.) 2006: *Proyecto Arqueológico El Perú-Waka': Informe No. 3, Temporada 2005. Informe Entregado a la Dirección General del Patrimonio Cultural y Natural De Guatemala*. Guatemala.
- Escobedo, H.L., Houston, S.D. (eds.) 1997: *Proyecto Arqueológico Piedras Negras: Informe Preliminar №1, Primera Temporada 1997. Informe Entregado al Instituto de Antropología e Historia de Guatemala*. Guatemala.
- Escobedo, H.L., Houston, S.D. (eds.) 1998: *Proyecto Arqueológico Piedras Negras: Informe Preliminar №2, Segunda Temporada, 1998. Informe Entregado al Instituto de Antropología e Historia de Guatemala*. Guatemala.
- Escobedo, H.L. Houston, S.D. (eds.) 1999: *Proyecto Arqueológico Piedras Negras Informe Preliminar No. 3 Tercera Temporada, 1999. Universidad de Brigham Young Universidad del Valle de Guatemala. Informe Entregado al Instituto de Antropología e Historia de Guatemala*. Guatemala.
- Escobedo H., L., Houston S.D. 2001: La cuarta temporada de campo del Proyecto Arqueológico Piedras Negras, 2000. In: H.L. Escobedo, S.D. Houston (eds.), *Proyecto Arqueológico Piedras Negras Informe preliminar No. 4 Cuarta Temporada, 2000*. Guatemala.
- Estrada-Belli, F. 2013: Resumen de las investigaciones de la temporada 2013. Capítulo 1., *Investigaciones Arqueológicas en la región de Holmul, Petén: Holmul y Cival. Informe Preliminar de la Temporada 2013*, http://www.bu.edu/holmul/reports/informe_2013_layout.pdf. 1-22.
- Estrada-Belli, F., Gonzales, J., Kosakowsky, L., Ebersole, J. 2000: Archaeological Investigations at Holmul, Guatemala. Report of the first field season, may-june 2000. *Archaeological Investigations at Holmul, Guatemala. Report of the first field season may-june 2000*, https://www.bu.edu/holmul/reports/HOLMUL_00_report.pdf
- Estrada-Belli, F., Valle, J. 2004: *Investigaciones arqueológicas en la región de Holmul, Peten, Guatemala. Informe preliminar de la temporada, 2004*, <http://www.famsi.org/reports/03103Ces/03103CesEstradaBelli01.pdf>.
- Flores Jiménez, M. de los A.E. 2001: *Figurillas de Palenque, Chiapas. Tesis Que para optar el Título de: Licenciado en Arqueología. Escuela Nacional de Antropología e Historia*. T. I. México.
- Forrest, K. 2013: *Excavaciones CIV.T.67 y CIV.T.69, Pirámide Norte, Cival. Capítulo 4. Investigaciones Arqueológicas en la Región de Holmul, Petén: Holmul y Cival. Informe preliminar de la temporada 2013*, http://www.bu.edu/holmul/reports/informe_2013_layout.pdf.
- Freidel, D.A., Escobedo, H.L. 2014: Stelae, Buildings, and People Reflections on Ritual in the Archaeological Record at El Perú- Waka'. In: *Archaeology at El Perú 'Waka': Ancient Maya Performances of Ritual, Memory, and Power*. Chicago.
- Gámez, M.C. 2015: *Proceso de conservación y restauración de Bienes Muebles del Proyecto Arqueológico Holmul. Capítulo 6. Investigaciones Arqueológicas en la región de Holmul, Petén: Holmul y Cival. Informe anual de la Temporada*, http://www.bu.edu/holmul/reports/informe_2015_layout.pdf.
- Golden, C., Quiroa, F. 2001: PN 54A: Excavaciones en La Estructura J-27. Capítulo 15. In: Héctor L. Escobedo, S.D. Houston (eds.), *Proyecto Arqueológico Piedras Negras Informe Preliminar No. 4 Cuarta Temporada, 2000. Universidad de Brigham Young Universidad del Valle de Guatemala. Informe Entregado al Instituto de Antropología e Historia de Guatemala*. Guatemala, 309–329.
- Gómez, E. 2010: Operaciones CR11 y CR13: Excavaciones en El Sector Oeste Del Grupo 13R de La Corona. Capítulo VII. In: M.A. Canuto, T.Q. Barrientos (eds.), *Proyecto Arqueológico La Corona. Informe Final Temporada 2009*. Guatemala, 159–198.
- Gómez, G. L. A. 2008: Los instrumentos musicales prehispánicos. *Arqueología Mexicana* 94, 38–46.

- Halperin, C.T. 2014: *Maya figurines. Intersection between State and Household*. Austin.
- Halperin, C.T., Foias, A. 2016: Household Garbage: Classic period (ca. 300–900 CE) Maya Practices of Discard. In: C. Chapdelaine, A Burke., K. Gernigon (eds.), *Household Archaeology – A Transatlantic Comparative Approach, Proceedings of the International Symposium, October 24-25 2014, Université de Montréal. P@lethnology* 8, 126–145.
- Hendon, J.A. 1991: Status and power in Classic Maya society: an archaeological case study. *American Anthropologist* 93, 894–918.
- Illuminating the Past 2017: *Archaeological Perspectives on Mesoamerican Figurines. Museum Exhibition*, <https://vimeo.com/223731688>.
- Ishihara, R. 2008: Rising clouds, blowing winds: Late Classic Maya rain rituals in the Main Chasm, Aguatemala, Guatemala. *World Archaeology* 40 (2), 169–189.
- Izzo, V.D. 2017: Análisis Osteológico. In: K.J.C. Caravantes, M. Callaghan, B. Kovacevich (eds.), *Proyecto Arqueológico Holtun Informe No. 7. Sitio Arqueológico Holtun, Aldea La Máquina, Flores, Petén. Informe de Temporada 2017, campo y laboratorio del Proyecto Arqueológico Holtun, Flores, Petén*. Entregado al Instituto de Antropología e Historia de Guatemala (IDAEH). Nueva Guatemala de la Asunción, 505–529.
- Joyce, M. 1996: The importance of context in interpreting figurines. *Cambridge Anthropological Journal* 6, 285–291.
- Katz, J. 2017: Digitized Maya music: The creation of a 3D database of Maya musical artifacts. *Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage* 6, 29–37.
- Kong, F.C, Powis T.G., Healy P. F., Blench R., Howie L. 2014: Recovering Music from Pacbitun, Belize: New evidence for Ancient Maya Instruments In: J. Morris, J. Awe, M. Badillo, G. Thompson (eds.), *Research Reports in Belizean Archaeology*. Vol. 11. *Archaeological Investigations in the Eastern Maya Lowlands: Papers of the 2013 Belize Archaeology Symposium*. Belize, 177–192.
- Lamoureux-St-Hilaire M, Forte, R.M. 2016: Tercera temporada de investigaciones en la sección Norte del Palacio de la Corona. Capítulo IV. In: T. Barrientos, M. Canuto, E. Bustamante (eds.), *Proyecto Arqueológico La Corona. Informe final. Temporada 2015*. Guatemala, 53–96.
- Landa Diego de, 1864: Relacion de las cosas de Yucatan. *Collection de documents dans les langues indigènes, pour servir a l'étude de l'histoire et de la philologie de Amérique Ancienne*. Vol. Troisième. London.
- Laporte, JP. 2009: El embrujo del tecolote y otras historietas: Algunas consideraciones sobre los silbatos del Clásico en Tikal. In: J.P. Laporte, B. Arroyo, H. Mejía (eds.), *XXII Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala, 2008 Museo Nacional de Arqueología y Etnología*, Guatemala, 1021–1050.
- Liggins, D. 2020: Ocarina, <https://www.oxfordmusiconline.com/grovemusic/view/10.1093/gmo/9781561592630.001.0001/omo-9781561592630-e-0000020239>
- Marcus J. 1996: The importance of context in interpreting figurines. *Cambridge Anthropological Journal* 6, 285–291.
- Mongelluzzo, R.W. 2011: *Experiencing Maya Palaces: Royal Power, Space, and Architecture at Holmul, Guatemala*: Dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Anthropology. Riverside.
- Navarro-Farr, Olivia C, Rich, M. 2014: *Archaeology at El Perú 'Waka': Ancient Maya Performances of Ritual, Memory, and Power*. Chicago.
- Nelso, Z. 2001: PN 33: Excavaciones en el Valle del Cuadrante Del Grupo “U” Capítulo 5. In: H.L. Escobedo, S.D. Houston (eds.), *Proyecto Arqueológico Piedras Negras Informe Preliminar No. 4 Cuarta Temporada, 2000*. Guatemala, 63–104
- Pacheco, S.M., Santiago G.S. 2011: *Los instrumentos musicales mayas en el Museo de Etnología de Hamburgo*. In: B. Arroyo, L. Paiz, A. Linares, A. Arroyave (eds.), *Museo Nacional de Arqueología y Etnología*. Guatemala, 909–922.

- Piehl, J. 2006: Análisis Osteológico Preliminar de los Entierros de El Perú y Chakah, Excavados en las temporadas de campo de 2004 y 2005 In: H.L. Escobedo, D.A. Freidel (eds.), *Proyecto Arqueológico El Perú-Waka': Informe No.3, Temporada 2005. Informe Entregado a la Dirección General del Patrimonio Cultural y Natural de Guatemala*. Guatemala, 431–453
- Piña, R.C. 1968. *Jaina. La casa en el agua*. México.
- Ponce Stokvis, J. 2015: Operación CR16: Excavaciones En La Estructura 13R-10, Temporada 2014. Capítulo VIII. In: T. Barrientos, M. Canuto, E. Bustamante (eds.), *Proyecto Arqueológico La Corona. Informe final. Temporada 2014*. Guatemala, 209–270
- Rands, R., Rands, B.C. 1965: Pottery figurines of Maya Lowlands. *Archaeology of Southern Mesoamerica*. Austin.
- Reichel-Dolmatoff, G. 1961. Anthropomorphic figurines from Colombia, their magic and art. *Pre-Columbian Art and Archaeology*. Cambridge, 229–241.
- Rincón, M.J.L. 2015: *Las figurillas cerámicas de Bonampak*. Tesis. Que para obtener el título de Licenciada en Arqueología. Universidad de Ciencias Yartes de Chiapas facultad de Humanidades. Chiapas.
- Santos, S.L.E., Zalaquett, R.F., Benavides, C.A., Álvarez, S. del P.J. 2015: Antiguas y nuevas noticias sobre una figurilla-silbato de Jaina. Contextos, sonidos y formas. *Estudios de cultura maya* 46, 71–102.
- Sarah, J.E. 2001: PN 41: Excavaciones en la Plaza Sur Del Grupo “C”. Capítulo 8. In: Héctor L. Escobedo, S.D. Houston (eds.), *Proyecto Arqueológico Piedras Negras Informe Preliminar No. 4 Cuarta Temporada, 2000. Universidad de Brigham Young Universidad del Valle de Guatemala*. Informe Entregado al Instituto de Antropología e Historia de Guatemala. Guatemala, 117–156
- Satterthwaite, L. Jr., Butler, M., Mason, A.J. 2005: Piedras Negras Archaeology, 1931–1939. In: J.M. Weeks, J. Hill, C. Golden (eds.), *Piedras Negras Preliminary Papers Piedras Negras Archaeology: Architecture*. Philadelphia.
- Suárez, M del P.R. 2014: Música, Canto y Danza: *Un Acercamiento Iconográfico a las Manifestaciones Musicales Mayas del Periodo Clásico*. Tesis que para obtener el título de licenciada en Historia. Facultad de filosofía y letras licenciatura en Historia. Universidad Nacional Autónoma De México. México.
- Triadan, D. 2007: Warriors, nobles, commoners and beasts: figurines from elite buildings at Aguateca, Guatemala. *Latin American Antiquity* 18 (3), 269–293.
- Wade L. 2019: *Archaeologists unearth largest Mayan figurine factory to date*, <https://www.sciencemag.org/news/2019/04/archaeologists-unearth-largest-mayan-figurine-factory-date>
- Willey, G.R. 1972: The artifacts of Altar de Sacrificios. *Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology*. Massachusetts.
- Zalaquett, F., Domínguez, C.M. del R., Dulce, S.E.O, Suárez, P.R., Morales, Y.E. 2019: Propuesta de caracterización y origen de instrumentos sonoros excavados en las Estructuras II y III de Calakmul, Campeche. *Estudios de cultura maya* 54, 155–190.
- Zalaquett, F., Martínez, B.J. 2017: Propuesta de Análisis Arqueoacústico de Instrumentos Musicales Prehispánicos Mayas. In: F. Zalaquett, K. Teranishi, S. Jiménez. (eds.), *Diálogos entre saberes estudios Interdisciplinarios en Arqueología*. México, 105–123.
- Zalaquett, R.F.A., Espino, O. D. S. 2018: Flautas Triples de Jaina y Copán. Un Estudio Arqueoacústico. *Ancient Mesoamerica* 30 (3), 419–438.

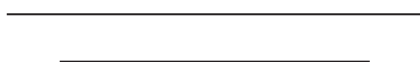
FUNCTIONAL FEATURES OF THE MAYA TERRACOTA OF
THE CLASSICAL PERIOD IN THE CONTEXT OF
TERRITORIAL LOCALIZATION AND SPECIFIC LOCATION

Irina Yu. Demicheva

*Nizhny Novgorod Institute (branch) of the Moscow Humanitarian and Economic
University, Nizhny Novgorod, Russia
iudem@mail.ru, iudem@yandex.ru*

Abstract. The article discusses issues related to the interpretation of the functional purpose of Maya figurative plastics in the context of territorial localization and the specifics of their location. The information on the localization of figurines found on the main Maya sites during archaeological research was analyzed. It was found, that the places where the figurines were found (in situ) are very diverse. They are revealed in the cultural layer during the study of various complexes of households, with adjacent territories, in places of accumulation of garbage, in ceremonial centers, caves, craft districts, near terraces, ball stadiums, roads, in hiding places, etc. Figurines found in burials are noted separately. Often, the fixation points are a marker of the functionality of the discovered figurines. The figurines were used as an element of the burial inventory, as the embodiment of the images of deities, were kept in houses, as a religious object, they were used in rituals. A significant group is represented by figurines made in the form of musical instruments: whistles, ocarinas, which simultaneously performed utilitarian and religious and cult functions. A special place is occupied by terracotta, which are considered as children's toys, which were made with movable elements. The multifunctional character of the Maya terracotta has been established. Their division into three large groups, religious-cult, utilitarian-practical, and combined, is conditional. The diverse practice of using figurines in different spheres of society's life is a marking element of the high importance that was attached to these objects.

Keywords: Mesoamerica, archaeology, Maya, terracotta figurines, grave goods, whistle, ocarina

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
4 (2020), 282–300
© The Author(s) 2020

Проблемы истории, филологии, культуры
4 (2020), 282–300
© Автор(ы) 2020

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-4-70-282–300

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА ДРЕВНЕГО МИРА В МАТЕРИАЛАХ ДИСКУССИЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ 1938 г.

М.Д. Бухарин, О.С. Сапанжа

*Институт всеобщей истории РАН; Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена*
michabucha@gmail.com, sapanzha@mail.ru

Аннотация. В центре внимания статьи – проблемы реформирования системы советского искусствознания и его разделов, посвященных истории искусства древнего мира, в контексте постановлений ЦК ВКП(б) об истории в 1930-е гг. Материалы научного архива Российской Академии Художеств позволяют на основе стенограмм заседаний реконструировать процессы трансформации исторического искусствознания и очертить круг вопросов изучения истории искусства древнего мира в контексте всеобщей истории, которые становились предметом обсуждения в рамках дискуссий, инициированных профессорско-преподавательским составом Всероссийской Академии Художеств (ВАХ).

Процесс перестройки исторической науки в середине 1930-х гг. совпал с образованием в ВАХ самостоятельного искусствоведческого факультета (позднее – факультета теории и истории искусства) и началом подготовки специалистов в области исторического искусствознания. Важное место в структуре подготовки профессионала нового типа занимала всеобщая история и история искусств древнего мира и древнего Востока. На кафедру искусства древнего мира во главе с профессором Б.Л. Богаевским были возложены задачи формирования учебно-методического обеспечения образовательного процесса (создание программ курсов и учебной литературы) и решения важнейших вопросов периодизации, существования искусства древнего мира и методов его изучения.

Данные об авторах: Бухарин Михаил Дмитриевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, академик РАН; Сапанжа Ольга Сергеевна – доктор культурологии, профессор РГПУ им. Герцена, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 18-18-00367 «Всеобщая история в системе советской науки, культуры и образования в 1917–1947 гг.».

В статье представлен анализ этих процессов и дан обзор стенограмм двух заседаний ВАХ 1938 г., на которых рассматривались вопросы, представляющие серьезный интерес для историков и историков искусства древнего мира и древнего Востока: о периодизации искусства древнего Востока, о генезисе и эволюции древнеегипетского искусства, о принципах анализа произведений искусства, о границах древнего мира и специфике развития отдельных форм искусства в связи с этапами развития рабовладельческого восточного общества. Дискуссии, проходившие в ВАХ во второй половине 1930-х гг. стали важным этапом становления советского исторического искусствознания и развития научных школ в изучении искусства древнего мира.

Ключевые слова: искусство Древнего мира, Всероссийская Академия Художеств, историческое искусствознание, история искусствоведческого образования, периодизация всеобщей истории древнего мира

Середину – вторую половину 1930-х гг. стоит признать важнейшим этапом в истории становления отечественного искусствознания – именно на этот период приходится оформление трех составляющих, которые в дальнейшем будут определять развитие советской науки об искусстве. Это, во-первых, синхронизация новой концепции всемирной истории и всемирной истории искусств, создание периодизации всемирной истории искусств, которая используется до сих пор и является основой систематической подготовки искусствоведа. Во-вторых, это окончательное закрепление за искусствоведением статуса самостоятельной университетской дисциплины в связи с началом специальной подготовки специалистов-искусствоведов. И, наконец, в-третьих, это начало разработки отечественных университетских учебников по всемирной истории искусств.

В исследовательской литературе указывается, что начало этим процессам было положено в 1934 г., когда после заседания политбюро ЦК ВКП(б), посвященного вопросам преподавания истории в школах, была развернута кампания по реформированию исторической науки и исторического образования¹. Однако уже в 1932 г. в проекте № 2 постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» указывалась необходимость учреждения организации советских художников, «стоящих за политику советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве» и насыщения ее фракцией коммунистов².

8 марта 1934 г. нарком просвещения РСФСР А.С. Бубнов провел совещание с историками по вопросу о выработке стабильного учебника³. Совещание началось с изложения критических замечаний в адрес имевшихся учебных пособий. Нарком с благодарностью отозвался о деятельности критиков, однако указал на основной пробел в их работе: основной недостаток учебников по истории, по его мнению, заключался в засилье социологических схем в ущерб изложению фактов: «в этих учебниках, если можно так выразиться, дается, в сущности говоря, не сколько-нибудь систематическое изложение, такая, можно сказать, ткань исторических событий, то, что можно было бы назвать прагматической историей, а дается главным образом история общественно-политических систем», – подчеркнул

¹ Сорокин 2016, 114–115.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 232. Л. 199. Машинописный подлинник.

³ См. подробнее: ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2177. Л. 1–35. Правленая стенограмма.

нарком. В то время, когда, казалось бы, всякое альтернативное мнение агрессивно выдавливалось из исторических исследований и педагогической литературы, нарком Бубнов призывал к развитию конкурентной борьбы в сфере составления учебных пособий: «К слову сказать, товарищи, мы все больше и больше приходим к выводу, что нам нужно обязательно иметь параллельные учебники, потому что нам надо культуру учебника, если можно так выразиться, поднимать. Если мы имеем один учебник, то, во всяком случае, мы известным образом находимся в руках монополиста. Если бы мы имели два учебника, мы могли бы скорее сделать вывод. Тут и элемент соревнования»⁴.

Медиевист А.Е. Косминский на этом же заседании поднял вопрос и об учебных пособиях по истории искусства: «Затем вопрос о дальнейшей подготовке учебных пособий. У нас существуют квалифицированные представители нашего искусства, а работают для школы над пособиями третьестепенные и четверостепенные работники искусств. Если мы говорим, что необходимо заострить особо внимание на вопросе о создании учебника, то, по-моему, не меньше нужно заострить внимание и на вопросе о пособиях. Необходимо к этому делу привлечь выдающихся представителей нашего искусства».

В центре внимания наркома просвещения А.С. Бубнова в 1934 г. оказались пособия по истории Древнего Востока. Возможно, заполнить лауну в учебных пособиях, насыщенных фактами и не перегруженными социологической схоластикой, был призван двухтомный труд «История древнего Востока» Б.А. Тураева, переизданный В.В. Струве и И.Л. Снегиревым⁵. Это издание богато иллюстрировано изображениями предметов искусства и цитатами из памятников древней литературы, а социологическая терминология используется при описании истории в основном «периферийных» регионов: Лидия, Восточная Африка (Аксум), Южная Аравия (Саба, Химйар), сасанидский Иран – эти разделы написаны с акцентом на феодальный характер этих обществ⁶. Кроме того, подчеркивался феодальный характер храмовой собственности в птолемеевском Египте I в. до н.э.⁷ Показательно, что и в третьем стереотипном издании «Истории древнего Востока» Б.А. Тураева, также подготовленном В.В. Струве и И.Л. Снегиревым, рассуждения о феодальном характере этих обществ были сохранены⁸.

Совещания о выработке учебника 1934 г. дали старт широкой компании: на протяжении последующих лет высшие учебные заведения приводили систему преподавания истории и истории искусства в соответствие с новым курсом и выработавшейся концепцией всемирной истории.

Важное место в этих процессах занимал Искусствоведческий факультет Всероссийской Академии Художеств (далее – ВАХ), образованный в 1936 г. Необ-

⁴ На составление лучшего учебника для начальной школы по элементарному курсу истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории был объявлен конкурс, в котором могли принять участие все желающие и даже получить денежную премию (от 100 тыс. руб. до 25 тыс. руб.). На конкурс было представлено 46 проектов. Первую премию не получил никто, вторую – учебник под руководством А.В. Шестакова, который затем использовался в начальных классах до начала 1950-х гг. (Сорокин 2016, 115).

⁵ Тураев 1934–1935.

⁶ Тураев 1935, 89, 247, 286.

⁷ Тураев 1935, 218.

⁸ Тураев 1936.

ходимость разработки системы подготовки искусствоведа (в рамках намеченных факультетом принципов) и обеспечения образовательного процесса программами и учебниками, отражающими новую концепцию всемирной истории, определила важнейшие задачи развития нового структурного подразделения старейшего художественного вуза страны.

Среди документов, наглядно иллюстрирующих процесс перестройки исторического знания и истории искусства, важное место занимают стенограммы заседаний, проходивших в ВАХ в середине – второй половине 1930-х гг. Спустя десятилетия эти стенограммы сохраняют непосредственный характер живых дискуссий, чрезвычайно свободных для своего времени, и в то же время являются интересным источником изучения динамики исторического искусствознания.

Заседания по различным вопросам изучения и преподавания всемирной истории и истории искусств проходили регулярно и тщательно стенографировались. В контексте изучения историографии искусства древнего мира и древнего Востока интерес представляют стенограммы двух заседаний, которые состоялись в ноябре 1938 г. 4 ноября на специальном заседании кафедры истории искусств факультета истории и теории искусства⁹ прошла дискуссия, в повестку дня которой входила рецензия Б.Л. Богаевского и обсуждение программ «История Древнего Востока» (автор – Н.А. Шолпо¹⁰) и «Искусство Древнего Востока» (автор – Н.Д. Флиттнер¹¹)¹².

11 ноября на специальном заседании кафедры истории искусств факультета истории и теории искусства Всероссийской Академии Художеств состоялось обсуждение доклада Б.Л. Богаевского по вопросу периодизации истории искусства Древнего Египта¹³.

Состав участников дискуссий был весьма представительным. Среди них – академик В.В. Струве – один из главных авторов «марксистского» понимания исторических процессов, на момент дискуссии – директор Института этнографии АН СССР, и Б.Л. Богаевский – археолог, искусствовед, преподававший историю античного искусства еще в пору работы в Пермском университете в 1916–1917 гг.¹⁴ Присутствие на заседаниях крупных ученых-администраторов позволяет понять, насколько серьезное значение коллектив факультета теории и истории искусства придавал обсуждаемым вопросам.

Сами участники дискуссий отмечали необходимость публикации результатов обсуждений. На это, в частности, подводя итог двухдневному собранию, указал Б.Л. Богаевский: «Я бы просил А.Н. Дальского¹⁵, когда мы это более или менее

⁹ В документах об организации факультета (приказ о создании) используется название искусствоведческий факультет, однако начиная с 1938 г. в документах используется новое название – факультет теории и истории искусства.

¹⁰ Шолпо Николай Александрович (1903–1941) – историк, востоковед, египтолог, с 1936 г. – доцент кафедры истории Древнего Востока Ленинградского государственного университета.

¹¹ Флиттнер Наталья Давидовна (1879–1957) – историк-востоковед, искусствовед, с 1933 г. преподавала на кафедре истории искусств Института живописи, скульптуры и архитектуры Всероссийской Академии Художеств.

¹² НА РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1230.

¹³ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1231.

¹⁴ См. о нем в частности: Братухин 2008, 162–169.

¹⁵ Декан факультета теории и истории искусств А.Н. Дальский председательствовал на собраниях.

утрясем, чтобы эта груда стенограмм получила какое-нибудь оформление. Пусть это будет в виде заметки в газете, или как-то иначе сделано, но какое-то оформление должно быть»¹⁶. Предлагаемый обзор стенограмм можно отчасти рассматривать как выполнение этого пожелания спустя восемьдесят лет.

Документы, однако, нуждаются в предварительном комментарии – характеристике общей ситуации во Всероссийской Академии Художеств, на фоне которой проходило обсуждение учебных программ курсов по истории и искусству и проблем периодизации искусства древнего мира. Важнейшим поводом для обсуждения проблем стало начало подготовки искусствоведов в учебном заведении, до этого осуществлявшем подготовку лишь мастеров изобразительного искусства.

ОБРАЗОВАНИЕ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ВСЕРОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ (1936)

В истории отечественного искусствознания реформирование исторической науки совпало с началом подготовки искусствоведов в стенах Всероссийской Академии Художеств в рамках самостоятельного факультета, а не отделения или кафедры в структуре исторических факультетов классических университетов¹⁷. Если с появлением специализированных кафедр начинается процесс разработки систематической художественно-исторической науки в России¹⁸, то с появлением факультета активизируется процесс институционализации академического искусствознания, формирования тесных связей между наукой и подготовкой специалистов в области изобразительного искусства.

Ц.Г. Нессельштраус, которая поступила на искусствоведческий факультет в 1938 г., полагала, что создание самостоятельного факультета в 1936 г. было вызвано «стремлением приобщить искусствоведов к текущей художественной жизни»¹⁹. С необходимостью создания базы для «для воспитания критиков и теоретиков искусства» в дополнение к развитию академической науки об искусстве Ц.Г. Нессельштраус связывает решение о начале подготовки искусствоведов²⁰. Об этом, в частности, говорится в резолюции объединенного заседания научных институтов архитектуры и живописи, скульптуры и графики ВАХ по вопросу о перенесении в Ленинград искусствоведческого отделения философско-политического факультета Московского государственного университета. Участники совещания предлагали перенести искусствоведческое отделение из Москвы в Ленинград, руководствуясь следующими соображениями:

«Признать целесообразным и крайне желательным включение названного отделения в систему Института живописи, скульптуры и архитектуры ВАХ, в качестве искусствоведческого факультета.

¹⁶ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1231. Л. 39, 39 об.

¹⁷ В Московском государственном университете в 1931 г. гуманитарные факультеты были объединены в Институт философии, литературы и искусства (ИФЛИ). В 1934 г. был восстановлен исторический факультет, но искусствоведческое отделение было возвращено в состав факультета лишь в 1941 г. (Карпов 2004, 557). Первый шаг к появлению искусствоведения как выпускающей специальности в Ленинградском государственном университете был сделан в 1939 г., когда на филологическом факультете была образована кафедра искусствоведения. На исторический факультет кафедра была переведена в 1944 г. (Сохор 2000, 213–221).

¹⁸ Ананьев, Бухарин 2018, 270.

¹⁹ Нессельштраус 2012, 8.

²⁰ Нессельштраус 2012, 8.

Основания этому следующие:

1. В основу построения искусствоведческих, научно-исследовательских Институты должен быть положен принцип тесной увязки теории и практики.

2. Существующий вредный разрыв между теоретическим и практическим фронтом ИЗО-искусства имеет исходным пунктом именно отсутствие последовательности в проведении этого принципа.

3. В создании новых кадров художников и искусствоведов принцип этот должен быть применен с особой твердостью.

4. Войдя в состав художественного ВУЗа, имеющегося в системе ВАХ, новая искусствоведческая ячейка вступит в тесный, повседневный контакт с художественной практикой и художественной средой. Воспитанные в таких условиях новые кадры историков искусства и критиков не будут страдать болезнью наших дней – отрывом теории от практики.

5. Результатом включения искусствоведческого факультета в систему ВАХ явится значительное укрепление общественно-экономических и философских дисциплин во всей системе ВАХ.

Исходя из изложенного, Собрание просит дирекцию ВАХ ходатайствовать перед Комитетом Искусств о скорейшем решении вопроса перевода искусствоведческого отделения философско-политического факультета МГУ в Ленинград и включения его в систему ВАХ»²¹.

Идея переноса поддержана не была, однако решение о создании самостоятельного искусствоведческого факультета, образованного не в результате переноса или реорганизации²², было принято 4 октября 1936 г., согласно приказу № 522 по Всесоюзному комитету по делам искусств при СНК СССР. Приказ содержал следующие пункты:

«§ 1. Разрешить Академии Художеств открыть с января 1937 года приём на Искусствоведческий факультет.

§ 2. Контингент приема установить в 20 человек в счёт общего контингента набора в Академию.

§ 3. Зачислить студентов данного набора на подготовительное отделение с тем, чтобы занятия на 1-м курсе искусствоведческого факультета начались с 1 сентября 1937 года»²³.

14 ноября 1936 г. начальник Главного управления изобразительных искусств Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК СССР З.А. Эдельсон отправляет распоряжение о необходимости представить в Комитет учебный план факультета и учебный план подготовительного курса²⁴.

²¹ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 910. Л. 13–13 об.

²² Согласно документам, создание факультета было продиктовано объективными потребностями в подготовке искусствоведов и не являлось следствием реорганизации, однако Ц.Г. Несельштраус, тем не менее, отмечает, что открытие факультета было результатом решения Комитета по делам искусств при СНК СССР от 20 августа 1936 г. о реорганизации Государственного института истории искусств и о передаче сектора изобразительного искусства в ведение ВАХ. В итоге, «основное ядро преподавателей нового факультета составили преподаватели и выпускники ГИИИ, среди которых были крупнейшие специалисты» (Несельштраус 2012, 8.).

²³ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 910. Л. 1.

²⁴ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 910. Л. 2.

В составленном проекте плана отмечалось, что искусствоведческий факультет ВАХ «готовит кадры квалифицированных искусствоведов с следующими профилями при окончании факультета:

Научно-педагогический (преподавание истории и теории искусств, художественная критика, редакционно-издательская работа, научная работа в исследовательских институтах).

Музейный (хранительная работа в музее, экскурсионное дело, музейная реставрация).

Технологический (работа по технике и технологии изобразительных искусств в лабораториях и вспомогательных мастерских художественных вузов, строительства, художественных производств, в кустарно-художественной промышленности, художественной реставрации и т.п.)»²⁵.

В структуре факультета изначально предполагалась организация семи кафедр (искусства древнего мира, западноевропейского искусства, истории искусства народов СССР, искусства зарубежного Востока, советского искусства, техники и технологии искусства, теории искусства)²⁶. Такое количество кафедр создавало условия для углубленного изучения истории искусств, однако достаточно быстро кафедра искусства древнего мира прекратила самостоятельное существование и волилась в состав кафедры зарубежного искусства. Тем не менее даже короткий период ее существования свидетельствовал о том значении, которое при образовании факультета придавалось изучению ранних этапов развития мирового искусства.

Сразу после образования факультета началась работа по подготовке программ и учебников, необходимых для обучения новых специалистов в области истории изобразительного искусства.

РАЗРАБОТКА ПРОГРАММ ДИСЦИПЛИН И УЧЕБНИКОВ ПО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ИСКУССТВА

Осенью 1937 г. началась подготовка искусствоведов на вновь образованном искусствоведческом факультете. Подготовка специалистов в рамках новой образовательной программы потребовала разработки программ курсов и создания учебников. Эта прикладная задача могла быть успешно решена при условии решения круга вопросов о связи всеобщей истории и всеобщей истории искусств.

Начало было положено в 1936 г. в ходе обсуждения задач истории искусств в свете постановлений политбюро ЦК ВКП(б) об истории. Весной 1936 г. во Всероссийской Академии Художеств прошла серия докладов и дискуссий по вопросам задач истории искусства «в свете опубликованных документов и постановлений ЦК партии об истории»²⁷.

В рамках этих дискуссий обсуждались и вопросы, имеющие непосредственное отношение к учебному процессу. Следуя положениям, звучавшим ранее на совещаниях наркомата просвещения по вопросам разработки учебников истории, участники дискуссий также постоянно обращали внимание на отсутствие учебни-

²⁵ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 910. Л. 3.

²⁶ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 910. Л. 3.

²⁷ См.: Сапанжа 2020, 5.

ков, которые представили бы полную картину развития искусства с древнейших времен. А.С. Гушин²⁸ неоднократно возвращался к необходимости разработки учебника: «у нас нет учебников по истории искусств, нам приходится студентам и аспирантам рекомендовать литературу, которая нас с методической точки зрения устроить никак не может. Это в основном переводные работы западноевропейских ученых или просто работы буржуазных историков искусства, очень ценные подчас по своим материалам, а подчас и по отдельным выводам, ибо эмпирический материал приводит иногда буржуазных ученых к таким выводам, которые оказываются актуальными и для нас, но по существу это работы, которые не могут заменить той марксистской истории искусств, которой мы на сегодняшний день не имеем»²⁹.

Определяет он и конкретные задачи, которые «сводятся к тому, чтобы попытаться поставить основные проблемы, которые встают перед нами на этом новом этапе советского искусствознания. Задачи эти очень большие. По существу, нам надо строить заново весь мир истории искусств. У нас нет обобщающих работ ни по древнему искусству, ни по искусству Среднего и Нового времени на Западе, ни по русскому искусству. Надо составить генеральный план истории искусств, так как нет ни одной работы, которую мы могли бы рассматривать даже не как учебник, а как учебное пособие по истории искусств для вузов»³⁰.

В следующем 1937 г. были разработаны учебные планы подготовки искусствоведов на новом факультете. В плане искусствоведческого факультета ВАХ обозначены основные дисциплины по истории и теории искусства, которые складываются из самостоятельных курсов. Всего программа включала пять дисциплин: искусство Древнего мира, Западноевропейское искусство, история искусства народов СССР, советское искусство, искусство стран зарубежного Востока³¹.

Дисциплина «Искусство древнего мира» включала три курса: первобытное искусство, искусство Древнего Востока, Античное искусство. В дисциплину «Искусство стран зарубежного Востока» входили курсы: Древний Иран, Сасанидское искусство, Арабское искусство, Турецкое искусство, искусство Индии, искусство Китая, искусство Японии³².

Согласно учебному плану, дисциплина «Искусство Древнего мира» читалась на первом курсе в течение 1-го и 2-го семестра (140 часов общего курса и 90 часов практических занятий в первом семестре и 46 часов общего курса и 46 часов практических занятий во втором семестре).

Курсы и семинар для специализирующихся в истории Древнего мира читались четыре семестра (6 семестр третьего курса, 7 и 8 семестры 4 курса, 9 семестр 5 курса по 90 часов в семестр. Всего 360 часов)³³.

²⁸ А.С. Гушин был основным докладчиком на этих заседаниях. Гушин Александр Сергеевич (1902–1950) в 1937 г. был назначен деканом вновь созданного факультета, до зачисления на факультет А.С. Гушин читал лекции по теории и социологии искусства в ГИИИ и по марксистской методологии искусства в Ленинградском институте филологии и литературы (ЛИФЛИ), работал редактором в ИЗОГИЗе и в издательстве Ленинградского отделения Союза художников.

²⁹ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 751. Л. 14, об.

³⁰ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 682. Л. 3.

³¹ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 910. Л. 4–4 об.

³² НА РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 910. Л. 5.

³³ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 910. Л. 11.

Дисциплина «Искусство зарубежного Востока» читалась на третьем курсе (5 семестр – 46 часов общего курса и 46 часов практических занятий и 6 семестр – 4 часа общего курса и 90 часов практических занятий). Курсы и семинар для специализирующихся в истории искусства зарубежного Востока читались четыре семестра (6 семестр третьего курса, 7 и 8 семестры 4 курса, 9 семестр 5 курса по 90 часов в семестр. Всего 360 часов)³⁴.

Поскольку курсы по истории искусства древнего мира необходимо было начать преподавать уже осенью 1937 г., преподавательский состав по дисциплине в плане определен точно: первобытное искусство должен был читать А.С. Гущин, искусство Древнего Востока Н.Д. Флиттнер, античное искусство – П.Н. Шульц и Н.А. Передольская³⁵. Преподаватели истории искусства стран зарубежного Востока пока обозначены предположительно (дисциплина читалась с 3-го курса, то есть с 1939 года) – «И.О. Орбели³⁶, К.В. Тревер³⁷, Стрелков³⁸, Арджан³⁹, Котов»⁴⁰.

Тогда же началась подготовка учебника по истории искусства древнего мира. В отчете за 1939 г. отмечается: «в работе в настоящее время учебник “История искусств древнего мира” для средней художественной школы⁴¹, выполняемый бригадой в составе проф. Б. Богаевского, проф. Н. Флиттнер, доц. П. Шульц, доц. А. Прокопе-Вальтер и др. по договору с изд. “Искусство”»⁴². Создавались и учебные пособия по отдельным периодам и странам (например, П.Н. Шульцем было выполнено краткое учебное пособие по искусству Греции и Рима⁴³, на заседании кафедры искусства древнего мира обсуждалась глава «Архитектура и строительное дело античных колоний Северного Причерноморья» для пособия по истории архитектуры)⁴⁴.

К сожалению, учебник так и не был издан. Одной из причин задержки сдачи текста в издательство, возможно, стал конфликт с А.Н. Дальским, который входил в состав авторского коллектива. А.Н. Дальский был принят на работу в ВАХ в сентябре 1937 г. на должность заведующего кабинетом истории и теории искус-

³⁴ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 910. Л. 11.

³⁵ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 910. Л. 10.

³⁶ В деле опечатка. Имеется в виду Иосиф Абгарович Орбели (1887–1961).

³⁷ Тревер Камилла Васильевна (1892–1974) – историк, искусствовед, член-корреспондент АН СССР, автор исследований по истории, культуре и искусству Средней Азии, Закавказья и Ирана.

³⁸ Вероятно, имеется в виду Стрелков Александр Семенович (1896–1938) – специалист по искусству доисламской Средней Азии, Ирана, Индии.

³⁹ Вероятно, имеется в виду Арджан Антон Арутинович (1904–1938) – тюрколог, специалист по урартской культуре.

⁴⁰ Возможно, имеется в виду Котов Григорий Иванович (1859–1942) – русский советский архитектор, реставратор, действительный член Императорской Академии художеств.

⁴¹ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 910. Л. 10, 10 об.

⁴² Изначально учебник писался для школы, но затем в издательстве выходил под грифом «для высших учебных заведений». Так, в том же отчете отмечается, что учебник по западно-европейскому искусству предназначен для художественных школ, однако на титуле учебника представлен гриф высшей школы: «Утверждено Всесоюзным комитетом по делам высшей школы при СНК СССР в качестве учебного пособия по курсу истории искусств в высших учебных заведениях». В предварительных комментариях к учебнику это находит объяснение: «курс был задуман в размерах школьного пособия, в дальнейшем он разросся почти до объема вузовского учебника» (Пунин (ред.) 1940, 4).

⁴³ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1335. Л. 3.

⁴⁴ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1335. 4.

⁴⁴ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1116. Л. 2–3.

ства⁴⁵, с 1 сентября 1938 г. был назначен деканом искусствоведческого факультета (Приказ №3 Главного управления учебных заведений комитета по делам искусств при СНК СССР от 11 сентября 1938 г.)⁴⁶. 25 марта 1939 г. А.Н. Дальский был уволен из Академии. При этом у него остались обязательства по выполнению научно-исследовательской работы (написание раздела учебника в рамках научной темы «Художественное производство на ранней ступени дикости»), которая была оплачена дополнительно со сроком предоставления материала 15 декабря 1939 г. Материал, который был представлен А.Н. Дальским, не удовлетворил коллектив авторов. Б.Л. Богаевский (который в тот момент занимал должность заведующего кафедрой искусства древнего мира) указал, что в июне 1939 г. был пока готов только предварительный план по разделу «искусство палеолита»⁴⁷. Поскольку материал так и не был представлен, а само увольнение сопровождалось жалобами со стороны А.Н. Дальского в Комитет по делам искусств, темпы создания учебника замедлились. В письме Б.Л. Богаевскому редактор издательства «Искусство» сообщает: «считая невозможным заключение договоров на Учебник без обеспечения палеолита, прошу этот раздел взять на себя, с тем чтобы по выяснению возможностей членов бригады эту работу (по обязательному согласованию с издательством и руководством ВАХ) передать иному автору при условии предоставления этого раздела в срок»⁴⁸.

В итоге, в 1940 г. в издательстве вышел учебник по западноевропейскому искусству⁴⁹, а учебник по искусству Древнего мира так и не увидел свет. Следующее поколение учебников по истории зарубежного искусства Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина появилось уже в 1960-е гг. и было создано другим авторским коллективом⁵⁰.

Имевшие место в 1938 г. дискуссии, обзор которых представлен ниже, были напрямую связаны с проблемами создания первых учебников по всеобщей истории искусства. Обсуждение программ было первым шагом к разработке учебника по истории искусства древнего мира, который должен был стать первым учебным изданием подобного рода и составить, как сказали бы сегодня, единый учебно-методический комплекс вместе с вышедшим в 1940 г. учебным пособием по истории западноевропейского искусства.

Помимо разработки собственных программ и учебников, профессорско-преподавательский состав факультета теории и истории искусства рецензировал программы по истории искусства, которые присылал Комитет по делам искусств. Так, в 1938 г. он передал в ВАХ на рецензию программу по истории искусства для художественных училищ. В рассматриваемый период проблемы художественного образования на уровне училищ занимали очень важное место. В октябре 1936 г. в ВАХ прошло Всесоюзное совещание по художественному образованию, в рамках которого значительное внимание было уделено проблеме художественных училищ, стратегиям и технологиям улучшения качества подготовки худож-

⁴⁵ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 121. Л. 2.

⁴⁶ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 121. Л. 24.

⁴⁷ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 121. Л. 33.

⁴⁸ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 121. Л. 26.

⁴⁹ Пунин (ред.) 1940.

⁵⁰ Доброклонский 1961; 1963; 1964. У каждого тома был ответственный редактор – А.П. Чубова (Том 1), Ц.Г. Нессельштраус (Том 2), В.И. Раздольская (Том 3).

ников⁵¹. Развитие сети художественных техникумов рассматривалось как основа всеобщего просвещения населения (директор ВАХ И.И. Бродский завершил свое программное выступление на Всесоюзном совещании 15 октября 1936 г. следующим тезисом: «итак – мольберт в каждую трудящуюся семью, где он будет нужен как балалайка»⁵²). В связи с этим программе по всеобщей истории искусств для художественных училищ придавалось серьезное значение. Отзыв на часть программы, посвященной искусству Древнего Востока, писала Н.Д. Флиттнер. Отзыв демонстрирует тот круг вопросов, который, по мнению преподавателей ВАХ, является необходимым для изучения искусства древнего Востока (даже в средних специальных учебных заведениях) как части культуры прошлого СССР. В отзыве она отмечает, что без изучения искусства Палестины, Сиро-финикии и хеттского искусства не будет вполне понятно египетское искусство и искусство Двуречья, «в программе никак не показаны и даже не упомянуты Урарту, Закавказье, советские области Средней Азии, скифская культура в области искусства впитавшая в себя как раз много древневосточных элементов. Считаю это большим пробелом, потому что таким образом умаляется значение древневосточного искусства как части нашего собственного прошлого»⁵³.

В 1930-е годы дискуссионным был и вопрос о периодизации в тех или иных регионах, которые изучаются в курсе искусства древнего Востока. Так, авторы программы включили искусство Крита и Микен в историю искусства Древнего Востока, против чего Н.Д. Флиттнер решительно возражает: «не могу согласиться со включением в раздел древнего Востока Крита и Микен. Хотя хронологически они и совпадают, но принципиально эти две области столь различны между собой, что включить их в один и тот же раздел, я бы считала невозможным»⁵⁴. В этом Н.Д. Флиттнер поддерживает Б.Л. Богаевский, который в своей рецензии на программу отмечает: «Несостоятельно по устарелости взглядов включение Крита и Микен в раздел по Египту и Ассирио-Вавилонии, отрывая Крит и Микены от Греции. Если до 1924 г. можно было еще ссылаться в защиту подобного мнения на Эд. Майера, то теперь и этого сделать нельзя, так как в издании “История” 1928 г. Эд. Майер говорит о “фундаментальном отличии Крита от Египта”. Акад. В.В. Струве в своем известном пособии “Древний Восток”, М.–Л., 1936 г., говоря о Крите и его сношениях с Египтом, не включает его в древний Восток, но рассматривает, как часть истории Эгейского периода»⁵⁵.

Таким образом, период 1936–1939 гг. был отмечен интенсивной работой коллектива ВАХ над проблемами изучения истории искусства, созданием концепции подготовки искусствоведов и разработкой учебных программ и материалов для первых обобщающих учебных пособий по всеобщей истории искусств. Великая Отечественная война прервала этот процесс, и следующий этап истории Академии начался уже после возвращения института из эвакуации в 1944 г.

Стенограммы дискуссий, посвященных проблемам истории древнего Востока, искусству древнего Востока и искусству древнего мира, обзор которых пред-

⁵¹ НА РАХ. Ф.7. Оп. 2. Д. 573.

⁵² НА РАХ. Ф.7. Оп.2. Д. 574.

⁵³ НА РАХ. Ф.7. Оп. 2, Д. 1116. Л. 66.

⁵⁴ НА РАХ. Ф.7. Оп. 2, Д. 1116. Л. 66.

⁵⁵ НА РАХ. Ф.7. Оп. 2, Д. 1116. Л. 69–70.

ставлен ниже, являются ярким свидетельством этих процессов. Они представляют логику решения проблемы соотношения вопросов всеобщей истории и истории искусства и сохраняют неповторимую тональность научных дебатов 1930-х гг.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ В СТЕНОГРАММАХ СПЕЦИАЛЬНОГО ЗАСЕДАНИЯ ФАКУЛЬТЕТА ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ИСКУССТВ ВАХ

Оба документа имеют серьезное значение не только для реконструкции истории искусствоведения в СССР в 1930-е гг., но и собственно исторического дискурса. Обратимся к первой стенограмме – сообщению (рецензии) Б.Л. Богаевского на курсы «История древнего Востока» Н.А. Шолпо и «История искусства древнего Востока» Н.Д. Флиттнер от 4 ноября 1938 г.

Всеобщая история в «Кратком курсе истории ВКП (б)»

Полная унификация точек зрения на сущность исторического прогресса была осуществлена так называемым «Кратким курсом Истории ВКП(б)» – «Историей Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс»⁵⁶. В нем определялась последовательность смены одного общественного строя другим: первобытно-общинного, рабовладельческого, феодального и еще одного неназванного⁵⁷. Далее «Краткий курс» определяет пять типов производственных отношений: первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический⁵⁸.

«История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс» была впервые опубликована в сентябре 1938 г. в десяти выпусках газеты «Правда». Первое книжное издание «Истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)» было сдано в набор 8 октября 1938 г., а подписано в печать 14–19 октября 1938 г. Вероятно, в последней декаде октября оно появилось на прилавках. Возможно, именно в этой связи и состоялись обсуждения учебных курсов по истории и истории искусства древнего Востока 4 и 11 ноября 1938 г. на предмет их соответствия новому обязательному курсу.

Положения «Краткого курса» стали обязательными лишь после принятия постановления ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса истории ВКП(б)”»⁵⁹, и организаторы дискуссий в ВАХ действовали на опережение. Тем интереснее сравнить, насколько совпадали мнения участников дискуссии с тем, что и как было предписано думать, писать и учить.

СОДЕРЖАНИЕ ДИСКУССИЙ

Основным докладчиком был Б.Л. Богаевский. В самом начале дискуссии он отметил, что не стал бы выступать, если бы на заседание не присутствовал академик В.В. Струве. Наиболее важный аспект всего курса он видел в периодиза-

⁵⁶ Краткий курс 1938, 113, 119–122.

⁵⁷ Краткий курс 1938, 113.

⁵⁸ Краткий курс 1938, 119–122.

⁵⁹ Правда 15.11.1938.

ции древней истории (Л. 1–2). Богаевский подчеркивал, что дискуссия о сути искусства не могла оказаться продуктивной, если бы она протекала без внимания к периодизации (Л. 3). Далее докладчик охарактеризовал саму программу и представил собственную периодизацию, составленную «в увязке с Н.Д. Флиттнер, со Снегиревым и по согласованию с В.В. Струве». Внимание Богаевского к роли академика Струве не следует недооценивать: именно Струве выступил автором теории единства исторического процесса в древности, легшей в основу пятиформационной схемы⁶⁰. Его присутствия на одном из первых (если не первом) совещании по вопросам периодизации истории в свете «Краткого курса» «освящало» собрание, придавало ему значительный престиж.

Богаевский, отмечая различия в периодизации истории древнего Востока, использовании понятийного аппарата и делая акцент прежде всего на классово-рабовладельческом характере древневосточного общества (в этом Богаевский видит вклад В.В. Струве в советскую науку (Л. 4–5)), полагал, что обе программы должны дополнять друг друга (Л. 3; также см. Л. 19). Этого акцента не было в программе Н.А. Шолпо, однако на его введении в курс настаивал Богаевский.

Богаевский настаивал на том, чтобы курс структурно не должен строиться как «история фараонов»: те или иные периоды в развитии общества, по его мнению, отражают «определенные этапы социально-экономического развития». Причину же всех этих упущений он видел в том, что автор не использовал «Краткий курс» ВКП(б), а, следовательно, все наблюдения автора над структурой общества остаются «разбросанными». Действительно, «Краткий курс» гласил: «...историческая наука, если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям “завоевателей” и “покорителей” государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов»⁶¹.

Богаевский настаивал на включении в текст курса таких понятий, как «строй» – базовой категории при обращении к анализу стадий всемирно-исторического процесса⁶², и «идеологическая надстройка», зависимость надстройки от материального базиса (Л. 6–7). В дальнейшем Богаевский начинал «блуждать» в схоластических дебрях терминологии (напр. Л. 13), пытаясь привнести не только влияние «краткого курса», но терминологии Н.Я. Марра («космическое мировоззрение»).

Далее Богаевский перешел к «еретическим» мыслям об отличии древневосточного рабства от античного (Л. 11) – по этому поводу велась бурная полемика, ведущую роль в которой играли В.С. Сергеев и А.С. Мишулин. Богаевский не побоялся не только вступить в полемику с основными рупорами марксистского антиковедения, но и повторить судьбу уже многих коллег по научному цеху в целом и по ГАИМК в частности (участь Ф.В. Кипарисова, расстрелянного в декабре 1936 г., его не смущала).

Следом слово взял В.В. Струве. Однако его интересовала не столько программа Н.А. Шолпо, сколько тезисы Богаевского, касавшиеся специальной термино-

⁶⁰ См. подробнее: Неронова 1992, 112–113.

⁶¹ Краткий курс 1938, 116.

⁶² Краткий курс 1938, 113.

логии. Мнение Струве о принципах структурирования курсов весьма противоречиво. Он полагал, что с точки зрения историко-художественной лучше начать с Египта, а «с точки зрения истории» – с Вавилонии (Л. 17). Сам Н.А. Шолпо настаивал на том, что изложение истории Египта следует дробить и излагать с учетом материала по истории Двуречья (Л. 29). С современной точки зрения, данная постановка вопроса необычна: изложение истории ведется в географическом направлении: с запада на восток, т.е. от Египта к Китаю от более ранних периодов к более поздним, без акцента на хронологическое первенство того или иного общества. Тем не менее для участников дискуссии хронологическое первенство имело существенное значение.

Участник дискуссии П.Н. Шульц допускала различие в структуре программ, имея в виду последовательность изложения (Л. 19), но в ходе ученого собрания было высказано предложение о необходимости отдельного анализа в обоих курсах марксистской терминологии применительно к древневосточному обществу (Л. 21). Показательно, что в числе необходимых пособий была указана книга Б.А. Тураева «История Древнего Востока», переизданная в 1936 г., т.е. незадолго до совещания, но определенно не соответствовавшая ни духу, ни букве «Краткого курса».

Здесь имеет смысл сделать краткий экскурс в историю дискуссий о древневосточном обществе, главными героями которых были В.В. Струве и Б.А. Тураев. 4 июля 1936 г. в Отделении общественных наук АН СССР под руководством К.Б. Радека прошло Совещание по плану Института истории АН СССР. Карл Радек жестко настаивал на унификации линии в изложении истории древнего Востока, и в этой связи именно Струве и Тураев, «Историю Древнего Востока» которого Струве переиздал в 1934–1935 гг., удостоились жесткой критики с его стороны:

«Я знаю востоковедов. Я знаю, что главные работы, которые люди писали, показывают, что люди мало знают...

Возьмем историю древнего Востока. Если будет просматривать Деборин, наверное, он не знает ничего по истории Востока. Он прочтет рукопись, но не может дать оценки по существу. Как же мы могли бы организовать работы, если нет во всем институте ни одного серьезного марксиста? У нас такое положение».

Ему вторил Ф.В. Кипарисов:

«...Я глубоко уважаю академика Струве, но я читал его две вещи. Я читал одну вещь, где он с пеной у рта защищал азиатский способ производства, и читал такую вещь, где он защищал обратное. Что это означает? Это означает, что человек не остановился на чем-то твердо. Ему нужна товарищеская помощь, а не то, что он со слабой незрелой вещью выскочить, чтобы понизить его авторитет».

Далее Радек называет Струве «немарксистом» и категорически заключает: «Я прочитал в учебнике для средней школы эту часть по древней истории Востока. И там не пахнет марксизмом...».

Другие участники дискуссии, в частности А.М. Деборин и Кипарисов, не одобряли деятельности Струве по переизданию работ Тураева:

«Деборин:

Я прочел два тома Тураева, которые он с дополнениями <издал>, и вижу, что это дело не совсем благополучно.

Кипарисов:

Это не стоило бы выпускать. Но Тураев и Струве – это две вещи разные.

Деборин:

Но там есть дополнения и примечания, которые Струве делает от себя, – они тоже неудовлетворительны...»⁶³.

Таким образом, за полтора года до того, как Струве принял участие в дискуссии в ВАХ, положение его было крайне неустойчивым: он носил клеймо «немарксиста», его деятельность по переизданию работ Б.А. Тураева не находила одобрения в «верхах». Соответственно и ссылки на работы Тураева в 1938 г. выглядят также «еретическими».

Далее председательствовавший А.Н. Дальский перешел к частностям построения обеих программ.

Н.А. Шолпо отстаивал в дискуссии свою точку зрения практически по всем поставленным вопросам: и по структуре курса истории древнего Востока, и по его сути. Он не был готов пойти на «на поводу» у «Краткого курса» и настаивал на том, что древневосточное общество в соответствии с традицией резко противопоставляется античному. Более того, Шолпо не видел ничего общего между обществами Вавилонии и хеттов, хотя подчеркивал наличие единой рабовладельческой основы и говорил о значительном разнообразии типов общества на древнем Востоке. Границы между античным и восточными обществами ему представлялись также значительно более сложными, нелинейными (Л. 31–32). Более правоверный марксист Богаевский возражал Шолпо и призывал его свернуть на идеологически более выверенный путь, ему в свою очередь возражал В.В. Струве, говоривший о различии между Востоком и Западом как между рабовладельческой демократией и рабовладельческой деспотией.

После обмена мнениями участники совещания перешли к анализу программы Н.Д. Флиттнер. Замечания Б.Л. Богаевского (Л. 40–47) носили в основном частный характер или концентрировались на вопросах истории эгейского мира, в которых Богаевский чувствовал себя увереннее, чем в других.

Дальнейшая дискуссия свелась к высказыванию тех или иных пожеланий по содержательному улучшению лекционного курса Н.Д. Флиттнер.

Подводя итог заседанию 4 ноября 1938 г., следует отметить, что жесткая схема, совершенно отождествлявшая общества древнего Востока и античного мира, не разделялась участниками дискуссии. Понимание отличий рабовладельческой структуры обществ также было отличным от господствовавших точек зрения. Звучали и «еретические» мнения, и в целом приближавшиеся к трактовкам «Краткого курса»; сама дискуссия в целом характеризовалась свободой выражения мнений, вольным и уважительным характером обсуждения, акцентом на профессиональных аспектах преподавания.

11 ноября 1938 г. состоялось заседание кафедры истории искусств искусствоведческого факультета ВАХ. На нем обсуждался уже доклад самого Б.Л. Богаевского о периодизации истории древнего Востока. Состав участников дискуссии был также весьма представительным: помимо собственно докладчика присут-

⁶³ Архив РАН. Ф. 394. Оп. 1-1936. Д. 1. Л. 127–131.

ствовавали В.В. Струве, С.К. Исаков⁶⁴, Н.Д. Флиттнер, П.Н. Шульц, А.Г. Прокопьев-Вальтер, А.Н. Дальский, руководивший заседанием на правах декана факультета.

Важность заявленной темы Богаевский связывал с тем, что периодизация истории древнего Востока (фактически – Египта) важна для верного определения сути понятия «искусство» и определения начальных этапов его эволюции. Как и на предыдущем заседании 4 ноября, Богаевский основывался на принципах анализа всемирно-исторического процесса, выработанных В.В. Струве.

Сначала докладчик остановился на отличиях рабовладельческих обществ Греции и Египта, которые видел в значительном объеме родовых пережитков в египетском обществе (Л. 4–10). Параллельно со сложением собственно государства – к началу эпохи Среднего царства – начинает формироваться подлинное искусство – следующая ступень по сравнению с художественным производством (Л. 12 об.). При этом докладчик, вслед за В.В. Струве, подчеркивал, что рабовладельческое общество Египта периода расцвета значительно отличается от классического античного рабовладельческого общества: рабский труд еще не одержал победы (Л. 14). В период Нового царства Египет начинает приобретать черты античного рабовладельческого государства, финальный же период характеризуется застоєм (Л. 15 об.).

В.В. Струве поддержал основные положения доклада Богаевского, сославшись на тезисы, высказанные в журнале «Большевик» (№19): искусствоведение увлеклось фактопоклонничеством в ущерб теоретическим вопросам. Далее Струве пускается в длинные рассуждения о том, как примирить высказывания Маркса об «азиатском способе производства» с представлениями о рабовладельческой основе древневосточного общества. В конце концов, он приходит приблизительно к тому же выводу, что и Богаевский (основывавшийся на работах Струве): древневосточное общество, по Марксу, было полурабовладельческим, изживавшим патриархальные пережитки. В основном рабы на Востоке были «временными рабами» (Л. 19). Здесь нельзя не согласиться с С.Б. Крихом, сформулировавшим следующий тезис о позиции Струве на иных источниках: «... в 1938 г. он не искал у Маркса ответов, а искал подтверждение уже найденным ответам»⁶⁵.

В ходе заседания Н.Д. Флиттнер подняла вопрос о генезисе и эволюции древнеегипетского искусства в связи с тезисами Богаевского о развитии государства в Египте (Л. 21). Далее к дискуссии подключилась П.Н. Шульц, предложив разобрать следующие вопросы: что можно считать памятником искусства, в чем предназначение искусства, можно ли считать те или иные памятники (пирамиды, скульптуры) идеологическими и классовыми путаниками, как они воздействовали на зрителя и т.д. Эта часть дискуссии, несомненно, представляет существенный интерес не только для историков-востоковедов, социологов, но и для искусствоведов. Подкупает свобода выражения мнений, уважительность к разным точкам зрения, отсутствие стремления подчинить все мнения единому шаблону. Никто из участников не наклеивал ярлыки, не пытался заклеить носителя иной точки

⁶⁴ Исаков Сергей Константинович (1875–1953) – скульптор, искусствовед, художественный критик, заведующий кафедрой истории искусств, декан факультета теории и истории искусств Российской академии художеств, профессор

⁶⁵ Крих 2012, 161.

зрения. Б.Л. Богаевский признал, «что много еще есть непонятого, неясного, что требует уточнения».

Очевидно, что выход в свет «Краткого курса» накануне обоих заседаний не настроил участников дискуссий на развертывание очередной «кампании»: профессионалы обменялись мнениями и решили, что результаты их дискуссий вовсе не бесполезны.

Уважительный, мирный характер дискуссии по столь острому вопросу как соответствие учебных курсов положениям «Краткого курса» заслуживает особого внимания как пример того, что в условиях жесткого идеологического пресса научное сообщество находило возможность для сохранения дискуссионности в исследовательском поле, рассматривало различные точки зрения без их грубой подгонки под шаблон. Действительно, сравнительный анализ представленных документов и стенограмм того же периода, посвященных вопросам художественного образования, позволяют в полной мере оценить сдержанность оценок и общий уважительный характер дискуссий.

При этом стенограммы являются документами, иллюстрирующими процессы включения истории искусства древнего мира в контекст всеобщей истории, расширяющими взгляд на историю развития отечественного искусствознания, на место в этом процессе научного коллектива факультета теории и истории искусства Всероссийской Академии Художеств и на уровень исследований в области искусства Древнего мира в 1930-е гг.

ЛИТЕРАТУРА

- Ананьев, В.Г., Бухарин, М.Д. 2018: История искусства и археология в образовательном пространстве революционной России: два неизвестных проекта 1917 года *Вопросы образования* 3, 268–286.
- Братухин, А.Ю. 2008: Латинисты Пермского Государственного университета *Вестник Пермского Государственного университета. Иностранные языки и литературы* 5 (21), 162–169.
- Доброклонский, М.В. (ред.) 1961: *История искусства зарубежных стран*. Т. 1. М.
- Доброклонский, М.В. (ред.) 1963: *История искусства зарубежных стран*. Т. 2. М.
- Доброклонский, М.В. (ред.) 1964: *История искусства зарубежных стран*. Т. 3. М.
- Карпов, С.П. (ред.) 2004: *Историческая наука в Московском университете. 1755–2004*. М.
- Крих, С.Б. 2012: Теоретическое обоснование В.В. Струве концепции рабовладельческих обществ на Древнем Востоке. В сб.: Л.Р. Ротермель (ред.), *Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность*. Омск, 153–171.
- Неронова, В.Д. 1992: Проблема формационной принадлежности древнего мира в советской историографии. В сб.: И.Л. Маяк, А.З. Нюркаева (ред.), *Античность Европы. Межвузовский сборник научных трудов*. Пермь, 111–121.
- Нессельштраус, Ц.Г. 2012: Из истории факультета. В сб.: С.М. Грачева, Н.М. Леняшина, Н.С. Кутейникова, О.А. Резницкая (ред.), *К юбилею факультета теории и истории искусств Института имени И.Е. Репина. 75 лет*. СПб., 8–16.
- Пунин Н.Н. (ред.) 1940: *История западно-европейского искусства (III–XX вв.). Краткий курс*. Л.–М.
- Сапанжа, О.С. 2020: Всемирная история искусства в контексте постановлений ЦК ВКП(б) 1930-х гг. (по материалам дискуссий во Всероссийской Академии Художеств. Ленинград, 1936 г.) *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. Т. 11. 1 (87), 5.

- Сорокин, А.К. 2016: «Не освещен вовсе аппарат самодержавия» *Родина* 9, 114–115.
- Сохор, Т.Е. 2000: Парадоксы истории: к вопросу о воссоздании отделения истории искусств на историческом факультете Ленинградского университета. В сб.: М.Ю. Евсеев (ред.), *Пунинские чтения 2000. Материалы международной научной конференции*. СПб., 213–221.
- Тураев, Б.А. 1934–1935: *История Древнего Востока* Т. I–II. М.–Л.
- Тураев, Б.А. 1936: *История Древнего Востока* Т. II. Третье стереотипное издание. Л.

REFERENCES

- Anan'ev, V.G., Bukharin, M.D. 2018: Istoriya iskusstva i arkhologiiya v obrazovatel'nom prostranstve revolyutsionnoy Rossii: dva neizvestnykh projekta 1917 goda [The history of art and archeology in the educational space of revolutionary Russia: two unknown projects of 1917] *Voprosy obrazovaniya* [Education issues] 3, 268–286.
- Bratuhin, A.Yu. 2008: Latinisty Permskogo Gosudarstvennogo universiteta [Latinists of Perm State University] *Vestnik Permskogo Gosudarstvennogo universiteta. Inostrannye yazyki i literaturny* [Bulletin of Perm State University. Foreign languages and literature] 5 (21), 162–169.
- Dobroklonskiy, M.V. (ed.) 1961: *Istoriya iskusstva zarubezhnykh stran* [History of Art of Foreign Countries]. T. 1. Moscow.
- Dobroklonskiy, M.V. (ed.) 1963: *Istoriya iskusstva zarubezhnykh stran* [History of Art of Foreign Countries]. T. 2. Moscow.
- Dobroklonskiy, M.V. (ed.) 1964: *Istoriya iskusstva zarubezhnykh stran* [History of Art of Foreign Countries]. T. 3. Moscow.
- Karpov, S.P. (ed.) 2004: *Istoricheskaya nauka v Moskovskom universitete. 1755–2004* [Historical science at Moscow University. 1755–2004]. Moscow.
- Krikh, S.B. 2012: Teoreticheskoe obosnovanie V.V. Struve kontseptsii rabovladel'cheskikh obshchestv na Drevnem Vostoke [Theoretical background V.V. Struve the concept of slave societies in the Ancient East]. In: L.R. Rotermel (ed.), *Sotsial'nye instituty v istorii: retrospektiya i real'nost'* [Social Institutions in History: Retrospection and Reality]. Omsk, 153–171.
- Neronova, V.D. 1992: Problema formatsionnoy prinalozhnosti drevnego mira v sovetskoy istoriografii [The problem of the formation of the ancient world in Soviet historiography]. In: I.L. Mayak, A.Z. Nyurkaeva (ed.), *Antichnost' Evropy. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Antiquity of Europe. University collection of scientific papers]. Perm, 111–121.
- Nesselshtaus, C.G. 2012: Iz istorii fakul'teta [From the history of the faculty]. In: S.M. Gracheva, N.M. Lenyashina, N.S. Kuteynikova, O.A. Reznickaya (ed.), *K yubileyu fakul'teta teorii i istorii iskusstv Instituta imeni I.E. Repina. 75 let*. [On the anniversary of the Faculty of Theory and History of Art of the Repin. Institute. 75 years]. Saint Petersburg, 8–16.
- Punin, N.N. (ed.) 1940: *Istoriya zapadno-evropeyskogo iskusstva (III–XX vv.). Kratkiy kurs* [The history of Western European art (3rd – 20th centuries). Short course]. Leningrad–Moscow.
- Sapanzha, O.S. 2020: Vsemirnaya istoriya iskusstva v kontekste postanovleniy CK VKP(b) 1930-kh gg. (po materialam diskussiy vo Vserossiyskoy Akademii Khudozhestv. Leningrad, 1936 g.) [World History of Art in the Context of Decisions of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks of the 1930s (based on discussions at the All-Russian Academy of Arts. Leningrad, 1936)]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya»* [Electronic scientific and educational journal "History"] 11.1 (87), 5.
- Sorokin, A.K. 2016: «Ne osveshchen вовсе apparat samoderzhaviya» [The apparatus of autocracy is not illuminated at all] *Rodina* [Motherland] 9, 114–115.
- Sokhor, T.E. 2000: Paradoxy istorii: k voprosu o vossozdaniy otdeleniya istorii iskusstv na istoricheskom fakul'tete Leningradskogo universiteta [Paradoxes of history: question of

- reconstructing the department of art history at the historical faculty of Leningrad University]. In: M.Yu. Evsevev (ed.), *Puninskie chteniya 2000. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsi* [*Punin Readings 2000. Materials of the International Scientific Conference*]. Saint Petersburg, 213–221.
- Turaev, B.A. 1934–1935: *Istoriya Drevnego Vostoka* [*History of the Ancient East*]. Vols. I–II. Leningrad–Moscow.
- Turaev, B.A. 1936: *Istoriya Drevnego Vostoka* [*History of the Ancient East*]. Vol. II. 3rd ed. Leningrad.

HISTORY OF ANCIENT EAST AND ART HISTORY OF ANCIENT WORLD IN MATERIALS OF DISCUSSIONS OF THE ALL-RUSSIAN ACADEMY OF ARTISTS IN 1938

Mikhail D. Bukharin¹, Olga S. Sapanzha²

¹*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*
michabucha@gmail.com

²*Herzen State Pedagogical University, Moscow, Russia*
sapanzha@mail.ru

Abstract. Problems of reforming the system of Soviet art criticism and its sections of the history of art of the ancient world, in the context of the Decisions of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks on history in the 1930s. is in focus of this paper. Materials of the scientific archive of the Russian Academy of Arts are the basis of the study. The reconstruction of the processes of transformation of historical art history and the study of the history of art of the ancient world in the context of world history is proposed on the basis of transcripts of the discussions of the Academy. These transcripts appeared as a result of discussions by the faculty of the All-Russian Academy of Arts. The process of restructuring historical science and the formation at the Academy of Fine Arts in Leningrad of an independent art history faculty (later – the faculty of theory and history of art) took place in the 1930s. The beginning of the training of specialists in the field of historical art history also took place during these years. The general history and history of the arts of the ancient world and the ancient East were of great importance in the training of art historians. The formation of the educational and methodological support of the educational process (writing course programs and the publication of educational literature) and the solution of important issues of periodization of the art of the ancient world and the methods of its study took place at the Department of Ancient World History, headed by Professor Bogaevsky. An analysis of these processes and a review of the transcripts of two meetings of the Academy of Arts, 1938 are presented in the article.

The issues of periodization of the art of the ancient East, the genesis and evolution of ancient Egyptian art, the principles of the analysis of works of art, the boundaries of the ancient world and the features of the development of individual forms of art in connection with the stages of development of slave-owning oriental society were reflected in the transcripts of discussions.

In addition, these discussions were an important stage in the formation of Soviet historical art history and the development of scientific schools in the study of the art of the ancient world and the ancient East.

Keywords: ancient art, art of the Ancient East, All-Russian Academy of Arts, art history, history of art education, periodization of Ancient art history

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-4-70-301–303

Х «АНФИМОВСКИЕ ЧТЕНИЯ» ПО АРХЕОЛОГИИ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА: ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ (Г. АНАПА, 23–25 ОКТЯБРЯ 2020 Г.)

23–25 октября 2020 г. в г. Анапе проходила юбилейная международная археологическая конференция «Х «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа: Западный Кавказ в контексте евразийских древностей». Организаторами мероприятия выступили Министерство культуры Краснодарского края, КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына, (Краснодар), ООО «Ростовская Археологическая Экспедиция» (Ростов-на-Дону), ООО «Кубаньохранкультура», ООО «Южный региональный центр археологических исследований» (Краснодар) и ООО «Экспедиция» (Липецк).

Участие в конференции приняли представители 26 городов восьми государств: России (Москва, Санкт-Петербург, Саратов, Воронеж, Волгоград, Ростов-на-Дону, Магнитогорск, Краснодар, Тамань, Анапа, Новороссийск, Геленджик, Сочи Армавир, Майкоп, Нижний Архыз, Ставрополь, Владикавказ, Симферополь), Абхазии (Сухум), Украины (Донецк), Польши (Седльце), Румынии (Бухарест), Венгрии (Будапешт), Франции (Париж), США (Альбукерке, Нью-Мексико). На конференции было представлено 48 докладов.

Конференция открылась приветственным словом заместителя генерального директора КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына Э.Ю. Чадаевой и заместителя министра Министерства культуры и охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия Г.А. Сангулия.

На пленарном заседании, проходившем в первой половине дня 23 октября в Центре культуры «Родина», было заслушано 7 докладов. Доклад *Р.Б. Схатума* и *В.В. Улитина* (Краснодар) был посвящен десятилетию проведения «Анфимовских чтений». *Л.В. Голованова* и *В.Б. Дороничев* (Санкт-Петербург) в окладе охарактеризовали взаимосвязь динамики климата и заселения Северо-Западного Кавказа в эпоху среднего и позднего палеолита. Доклад *М.И. Кудина* (Майкоп) и *К.А. Глазова* (Сочи) анализировал локализацию дольменов в ландшафте на примере памятников Большого Сочи. Доклад *М.М. Казанского* (Париж) был посвящен мечу с кольцевым навершием из Царичен-града (Сербия) и его восточноевропейские и среднедунайские параллели. *Д.Н. Марков* (Сочи) в своем выступлении охарактеризовал вопросы сохранности раннесредневекового христианского наследия на территории Сочинского Причерноморья. В совместном докладе *А.М. Новичихина* (Анапа), *Г. Лежак* (Будапешт), *Э. Галла* (Бухарест), *А.В. Баранюка*, *К.А. Крутоголовенко* (Краснодар), *Р.В. Прокофьева* (Ростов-на-Дону) и *Р.Б. Схатума* (Краснодар) были освещены результаты раскопок в 2019 г. совместной Российско-Венгерской экспедицией средневекового могильника «Андреевская щель 1». Тематически с предыдущим был связан доклад в рамках пленарного заседания *А.П. Абрамовой* (Краснодар), посвященный анализу антропологического материала из погребений XI–XII вв. могильника «Андреевская щель 1».

Во второй половине дня 23 и 24 октября заседания проходили в двух секциях: секция 1. «Археология каменного, бронзового и железного века»; секция 2. «Археология Средневековья».

На секции 1 было заслушано 30 докладов, из которых несколько было посвящено палеолиту Западного Кавказа. В докладе *Е.В. Дороничевой*, *Л.В. Головановой* (Санкт-Петербург) и *А.Г. Недомолкина* (Майкоп) сообщены новые данные о стоянках-мастерских среднего палеолита на Северо-Западном Кавказе. *А.Г. Недомолкин* (Майкоп) представил новые данные о технологии расщепления в верхнем

палеолите и эппалеолите Северного Кавказа. Доклад десяти авторов (*Е.В. Дороничевой, Л.В. Головановой* (Санкт-Петербург), *А.Г. Недомолкина* (Майкоп), *С.А. Несмеянова, О.А. Воейковой, А.С. Корзиновой*, (Москва), *Ю.Н. Спасовского* (Сочи), *Т.Ф. Трегуб, М.А. Волкова* (Воронеж), *М.С. Шекли* (Аль-букерке, Нью-Мексико) был посвящен эппалеолиту Приэльбрусья. Археологические памятники и предметы эпохи бронзового века были охарактеризованы в ряде докладов. *А.С. Кизилов* (Сочи) в своем выступлении остановился на предназначении и экспериментальной апробации боевых клевцов из оленьего рога. Доклад *А.Л. Пелиха* (Армавир) и *Е.Н. Черных* (Москва) был посвящен типологии и химическому составу предметов финала средней – поздней бронзы из фондов Национального музея Республики Адыгея. Предварительная палеоэкологическая и археологическая характеристика поселения эпохи поздней бронзы Панагия 1 была дана в докладе *А.А. Горошниковой* (Краснодар) и *А.Н. Абрамовой* (Краснодар, Волгоград). Погребения эпохи поздней бронзы в курганном могильнике Бургуста 1 были охарактеризованы в докладе *О.П. Ларенок* (Ростов-на-Дону). Лепная керамика эпохи бронзы и античного времени поселения Шуха-1 получила освящение в докладе *М.Е. Клемешовой* (Москва) и *А.С. Романченко* (Краснодар). Совместный доклад *В.С. Бочкарева* (Санкт-Петербург), *В.В. Городовой* (Нижний Архыз) и *А.Л. Пелиха* (Армавир) был посвящен новому кладу металлических изделий эпохи поздней бронзы с Верхней Кубани. В ряде докладов были представлены результаты исследований античных памятников и некоторых находок с их территории, а также изучения греко-варварских связей. Археологическим разведкам на хоре Горгиппии был посвящен доклад *А.С. Клемешова, А.А. Малышева, Г.В. Требелевой и Д.О. Дрыги. Д.А. Карпов* (Саратов) и *Н.И. Сударев* (Москва) охарактеризовали материалы раскопок святилища на поселении «Вышестеблиевская 3». Вопросам колонизации Синдики был посвящен доклад *К.В. Воронина, Н.И. Сударева* (Москва), *Ю.Ю. Каргина и В.В. Матаева* (Волгоград). Вопрос о древних переправах через «Кубанский Боспор» был рассмотрен в докладе *Г.П. Гарбузова* (Ростов-на-Дону), *А.В. Поротова и Н.И. Сударева* (Москва). *С.В. Евсюков* (Анапа) в своем докладе рассмотрел боспорские надгробия с изображением тени. В докладе *А.С. Деваева* (Москва) и *А.В. Лысенко* (Симферополь) были охарактеризованы материалы античного времени с южного склона горы Аю-Даг. *А.В. Безруков* (Магнитогорск) и *В.В. Улитин* (Краснодар) посвятили свой доклад теоретическим аспектам влияния миграций на греко-варварскую торговлю на северо-восточной периферии античного мира. В докладе *М.И. Кудина и А.С. Кизилова* (Сочи) были рассмотрены исторические и археологические свидетельства о возникновении античных крепостей в Восточном Причерноморье. *А.С. Кизилов* (Сочи) рассмотрел вопросы, связанные со шлемами, подвергнувшимися доработкам в античное время на Западном Кавказе. Результаты изучения античной и византийской керамики из раскопок Маркульского городища были представлены в докладе *В.Г. Юркова и Г.В. Требелевой* (Москва). В нескольких докладах рассматривались варварские памятники Западного Кавказа и Дона и находки с их территории. Бронзовые зооморфные уздечные накладки скифского времени из коллекции КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына были рассмотрены в докладе *Г.Н. Керцевой* (Владикавказ). Материалы раскопок поселения «Неберджий-1 в Западном Закубанье» были охарактеризованы в докладе *А.В. Иванова* (Краснодар) и *В.В. Трубникова* (Ростов-на-Дону). Совместный доклад *В.А. Ларенок и П.А. Ларенка* (Ростов-на-Дону) был посвящен сарматскому могильнику правобережья реки Ея в Азовском районе Ростовской области. *В.И. Мордвинова и В.А. Лысенко* (Москва) в своем докладе дали анализ социальной структуры населения Среднего Прикубанья в I–III вв. по материалам могильника Старокорсунского городища № 3. В докладе *М.А. Меринова* (Краснодар) были рассмотрены визуальные особенности курганной группы около станицы Петропавловской Краснодарского края. Нумизматический материал получил отражение в трех докладах. Один из монетных типов ранней синдской чеканки был охарактеризован в докладе *В.А. Горончаровского и А.Е. Терещенко* (Санкт-Петербург). Доклад *М.Г. Абрамзона* (Москва, Магнитогорск) и *А.М. Новичихина* (Анапа) был посвящен монетам из раскопок поселения «Андреевская щель 1». В докладе *А.И. Бабийца* (Новороссийск), *А.М. Новичихина* (Анапа) и *И.А. Сапрыкиной* (Москва) были рассмотрены варварские подражания римским денариям из находок в районе Анапы. Два доклада посвящены характеристике антропологического материала эпохи раннего железного века. Антропологический анализ черепов из коллективного захоронения на поселении Чекупс-2 получил освящение в докладе *А.Н. Абрамовой* (Краснодар, Волгоград). В докладе *А.Н. Абрамовой* (Краснодар, Волгоград), *Т.Ю. Шведчиковой и Н.Г. Свириной* (Москва) была рассмотрена палеодемография античных памятников Таманского полуострова.

На секции 2 «Археология Средневековья» было заслушано 11 докладов. Половина их освещала материалы по археологии и истории Абхазии в средневековую эпоху. Совместный доклад *О.Х. Бгажба, Г.А. Сангулия, Ш.Г. Кайтана, Д.А. Счастливого и Д.З. Авидзбы* (Сухум) был посвящен результатам археологических исследований Джгярдского участка Великой Абхазской стены в 2019 г. Келасурский храмовый комплекс был рассмотрен в докладе *С.М. Сакания, З.Г. Хондзия* (Сухум), *Г.В. Требелевой и Г.Ю. Юркова* (Москва). Храмы села Маркула и сопредельного региона были рассмотрены в совместном докладе *Г.В. Требелевой, Г.Ю. Юркова* (Москва), *С.М. Сакания, З.Г. Хондзия* (Сухум), *А.С. Кизилова, К.А. Глазова* (Сочи). Результатам работ Маркульской экспедиции 2019 г. был посвящен доклад *Г.В. Требелевой, В.Г. Юркова, Г.Ю. Юркова* (Москва), *З.Г. Хондзия* (Сухум). *Г.А. Сангулия* (Сухум) в своем докладе рассмотрел абхазскую конницу в историко-археологическом аспекте. Доклад *И.А. Джопуа* (Сухум) был посвящен новым материалам по древним хозяйственным сооружениям горной Абхазии. Остальные доклады преимущественно касались территории Северного Кавказа. *Р.Б. Схатум* (Краснодар) в своем докладе охарактеризовал материалы из кремационных погребений с поселения «Сопка Героев». Вновь открытые памятники X–XII вв. на территории Северо-Восточного Причерноморья получили освещение в докладе *Д.Э. Василенко* (Краснодар). Изображения креста на средневековых антропоморфных изваяниях Северного Кавказа были рассмотрены в докладе *С.Н. Малахова* (Владикавказ, Армавир). *И.В. Волковым* (Москва) были сделаны два доклада: один из них был посвящен Кавказу и сопредельным территориям на карте Фра Мауро, другой – поселениям Таманского полуострова XVII–XVIII вв.

После завершения работы секций вечером 24 октября 2020 г. были подведены итоги конференции. Участники отметили важную роль «Анфимовских чтений» как научной площадки для ежегодного представления результатов изучения археологического наследия Западного Кавказа и их популяризации, а также сотрудничества археологов из различных государств и регионов.

В ходе выездного заседания 25 октября участники конференции посетили дольмены на реке Жане в окрестностях Геленджика.

По итогам конференции планируется издание сборника статей.

Р.Б. Схатум,

к.и.н., старший научный сотрудник Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына, Краснодар, Россия

R.B. Skhatum,

Krasnodar Felitsyn State Historical and Archaeological Museum-Reserve, Krasnodar, Russia

anfim_chten8@mail.ru

В.В. Улитин,

к.и.н., старший научный сотрудник Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия

V. V. Ulitin,

Krasnodar Felitsyn State Historical and Archaeological Museum-Reserve, Kuban State University,

Krasnodar, Russia

ulitin_vladislav@yahoo.com

А.В. Безруков,

к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия

A.V. Bezrukov,

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia

buonogiorno@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВИМ	–	Аксайский военно-исторический музей
АГОИАМЗ	–	Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник
АДСВ	–	Античная древность и средние века. Екатеринбург
АДУ	–	Археологічні дослідження в Україні. Киев
АИАПМЗ	–	Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник
АМА	–	Античный мир и археология. Саратов
АМЗТ	–	Археологический музей-заповедник «Танаис»
АРХОНТ	–	Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Севастополь
БИ	–	Боспорские исследования. Симферополь–Керчь
ВАХ	–	Всероссийская Академия Художеств
ВДИ	–	Вестник древней истории. Москва
ГИМ	–	Государственный исторический музей, Москва
ГЛБО I, II	–	Яйленко В. П. Граффити Левки, Березани и Ольвии. <i>ВДИ</i> 1980 2, 72-99 (= ГЛБО I). То же. <i>ВДИ</i> 1980, 3, 75-116 (= ГЛБО II).
ГЛИАМЗ	–	Государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник, Таганрог
ГЭ	–	Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
ДБ	–	Древности Боспора. Москва
ИАК	–	Известия Археологической комиссии. Санкт Петербург
КБН	–	<i>Корпус боспорских надписей</i> . М.–Л., 1965
КО КПУ	–	Крымский Областной комитет Коммунистической партии Украины. Симферополь
КСИА	–	Краткие сообщения Института Археологии. Москва
МАИЭТ	–	Материалы по истории археологии и этнографии Таврии. Симферополь
МАК	–	Материалы по археологии Кавказа. Москва
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва
МИДК	–	Музей истории донского казачества, Новочеркасск
НАВ	–	Нижеволжский археологический Вестник. Волгоград
НА РАХ	–	научный архив Российской Академии Художеств
НО	–	<i>Надписи Ольвии</i> . Ленинград
НЭ	–	Нумизматика и эпиграфика. Москва
ПИФК	–	Проблемы истории, филологии, культуры. Москва–Магнитогорск–Новосибирск
Раннесарматская и среднесарматская культуры	–	В.М. Клепиков (ред.), <i>Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения</i> . Вып. 1. Волгоград, 2006
РОМК	–	Ростовский областной музей краеведения
САИ	–	Свод археологических источников
Сарматские культуры Евразии	–	Б.А. Раев (ред.), <i>Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»</i> . Краснодар, 2004
СА	–	Советская археология. Москва
СА	–	Советская археология. Москва
СОМК	–	Саратовский областной музей краеведения
ХС	–	Херсонесский сборник. Севастополь
ACSS	–	Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden–Boston
AKorr	–	Archäologisches Korrespondenzblatt
AM	–	Athenische Mitteilungen
AV	–	Arheološki vestnik. Ljubljana
BAR	–	British Archaeological Reports

-
- BayVgBl – Bayerische Vorgeschichtsblätter
 BerRGK – Bericht der Römisch-Germanischen Kommission, Frankfurt am Main
 I Bronzi antichi – A. Giomlia-Mair (ed.), *I Bronzi antichi: Produzioni e tecnologia. Atti del XV Congresso Internazionale sui Bronzi Antichi* (Instrumentum Monographies 21). Montagnac, 2002
 IOSPE I² – Latyshev B. *Inscriptiões antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini*. Petropoli: 1916.
 IOSPE I² – Latyshev, B. 1916: *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*. Vol. I. Ed. 2. Petropoli.
 JRMES – Journal of the Roman Military Equipment Studies
 La vaisselle tardo-républicaine – M. Feugère, C. Rolley (eds.), *La vaisselle tardo-républicaine en bronze. Actes de la table-ronde C.N.R.S., Lattes, avril 1990*. Dijon, 1991
 LGPN VA – Corsten T. *A Lexicon of Greek Personal Names*. Oxford
 LSJ – Liddell H. G. , Scott R. , Jones H. S. *A Greek-English Lexicon*. Oxford, 1968
 PGM I, II – *Papyri Graecae magicae*. Hrsg. von K. Preisendanz (et alii), Stuttgart, 1973, 1974. Bd. I, II (reprint).
 ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Боталов С.Г.</i> (Челябинск) – Климатическая детерминанта в миграционных процессах кочевой цивилизации Евразии.....	5
<i>Яйленко В.П.</i> (Москва) – Заметки о текстологии и датировании новоизданных наговоров из эллинистической Ольвии.....	24
<i>Трейстер М.Ю.</i> (Берлин) – Бронзовые сосуды позднеэллинистического времени из погребений кочевников Азиатской Сарматии.....	41
<i>Медведев Г.В.</i> (Симферополь) – Керамические клейма и монеты с поселения Вилино (Рассадное) – в периодизации и хронологии памятника (Юго-Западный Крым)....	110
<i>Смекалова Т.Н.</i> (Симферополь) – Социально-экономические изменения на хоре Херсонеса Таврического в III в. до н. э. по данным эпиграфики и дистанционного зондирования	128
<i>Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М.</i> (Москва) – Эллинистический каменный щик из раскопок некрополя Фанагории 2015 года.....	146
<i>Гаибов В.А.</i> (Москва) – Кёйне Кишман/Кушмейхан – крепость на северо-восточной границе Мервского оазиса: от Ахеменидов до арабского завоевания	157
<i>Клейменов А.А.</i> (Тула) – «Собак войны с цепи спуская»: наемный контингент в македонской армии времен Филиппа II	185
<i>Иванов А.В.</i> (Симферополь) – Крымские греки времен Крымского ханства	205
<i>Требелева Г.В.</i> (Москва), <i>Саканиа С.М.</i> (Сухум), <i>Кизилов А.С.</i> (Сочи), <i>Глазов К.А.</i> (Сочи), <i>Юрков Г.Ю.</i> (Москва) – Храмы села Чхортал	223
<i>Киселев М.Ю.</i> (Москва) – Археологические памятники Чувашской республики по данным древне-чувашских кладбищ	230

Круглый стол «Древние цивилизации Мезоамерики»

<i>Белобородов Н.К.</i> (Москва) – Имя божества в царской титулатуре у майя классического периода	238
<i>Лавров А.С.</i> (Москва) – Общая характеристика военно-политических союзов у древних майя классического периода	250
<i>Демичева И.Ю.</i> (Нижний Новгород) – Функциональные особенности майяской терракоты классического периода в контексте территориальной локализации и специфики местонахождения	262

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Бухарин М.Д., Сапанжа О.С.</i> (Москва) – История древнего Востока и история искусства древнего мира в материалах дискуссий Всероссийской Академии Художеств 1938 года.....	282
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Схатум Р.Б.</i> (Краснодар), <i>Безруков А.В.</i> (Магнитогорск), <i>Улитин В.В.</i> (Краснодар) – X «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте евразийских древностей (г. Анапа, 23–25 октября 2020 г.).....	301
---	-----

CONTENTS

<i>S.G. Botalov</i> (Chelyabinsk) – Climatic Determinant in Migration Processes of the Number of Eurasia's Nominal Civilization.....	5
<i>V.P. Yailenko</i> (Moscow) – Notes to Textology and Dating of the New-Published Curse Inscriptions from Hellenistic Olbia	24
<i>M.Yu. Treister</i> (Berlin) – Bronze Vessels of the Late Republican Period from the Burials of Nomads of Asian Sarmatia	41
<i>G.V. Medvedev</i> (Simferopol) – Ceramic Stamps and Coins from Villino (Rassadnoe) Settlement, the Southwestern Crimea	110
<i>T.N. Smekalova</i> (Simferopol) – Socio-Economic Changes at the Chora of Tauric Chersonesos in the 3 rd Century BC According to Epigraphy and Remote Sensing Data	128
<i>A.N. Voroshilov, O.M. Voroshilova</i> (Moscow) – A Hellenistic Stone Box from the Phanagoria Necropolis Excavations in 2015	146
<i>V.A. Gaibov</i> (Moscow) – Kyeyne Kishman/Kushmeikhan, the Fortress on the Merv Oasis Northeastern Frontier: from the Achaemenids to Arab Conquest	157
<i>A.A. Kleymeonov</i> (Tula) – “And Let Slip the Dogs of War”: Mercenary Forces in the Macedonian Army in the Age of Philip II	185
<i>A.V. Ivanov</i> (Simferopol) – Crimean Greeks of the Crimean Khanate. Anthropological Material from the Necropolis Near the Village of Mangush	205
<i>G.V. Trebeleva</i> (Moscow), <i>S.M. Sakania</i> (Sukhum), <i>A.S. Kizilov, K.A. Glazov</i> (Sochi), <i>G.Yu. Yurkov</i> (Moscow) – Early Medieval Churches in the Village Chkhortol (Abkhazia)	223
<i>M.Yu. Kiselev</i> (Moscow) – Archaeological Sites of the Chuvash Republic according to Date of Ancient Chuvash Cemetery	230

Round Table “Ancient Civilizations of Mesoamerica”

<i>N.K. Beloborodov</i> (Moscow) – Deity Name in Royal Titulature among the Classic Maya ..	238
<i>A.S. Lavrov</i> (Moscow) – The Ancient Maya Military and Political Alliances of the Classical Period	250
<i>I.Yu. Demicheva</i> (Nizhny Novgorod) – Functional Features of the Maya Terracota of the Classical Period in the Context of Territorial Localization and Specific Location	262

FROM SCIENCE HISTORY

<i>M.D. Bukharin, O.S. Sapanzha</i> (Moscow) – History of Ancient East and History of Ancient Word in the Materials of Discussions of the All-Russian Academy of Artists in 1938 ...	282
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>R.B. Skhatum, V.V. Ulitin</i> (Krasnodar), <i>A.V. Bezrukov</i> (Magnitogorsk) – X “Anfimov Readings” on the Archaeology of the Western Caucasus: The Western Caucasus in the Context of Eurasian Antiquities (Anapa, October 23–25, 2020)	301
---	-----

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по следующим правилам:

Статьи присылаются на e-mail: history@magtu.ru; history.pifk@inbox.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 1997-2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

Поля: верхнее – 2 см., левое – 2,5 см., нижнее – 2 см., правое 1,5 см.

Статья должна иметь четкую структуру и состоять из 3-х основных частей: введения, основной части, заключения.

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). **Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти)**, а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы и должность, **ORCID!**

Кроме того, необходимо прислать заполненный и подписанный договор.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., Ann., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972a, 536, рис. 2; 1972b, 56–59; Salvatori 1995, 67–68, fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Pravda 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка, с. Ахманово.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18–19 об.

Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы Антиплагиат.ВУЗ. Статьи, содержащие элементы некорректных заимствований (более 30%), автоматически снимаются с рассмотрения. Публикация бесплатна.

ЛИТЕРАТУРА

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке в двух списках (сначала на языке статьи, потом транслитерированный список – **REFERENCES**) по следующей форме:

Фамилия и инициалы автора не выделяются курсивом. Между фамилией и инициалами ставится запятая. За ними без знака препинания ставится год издания, после него двоеточие и название работы. В конце библиографического описания год не повторяется.

Курсивом выделяется источник, из которого взята библиографическая статья, то есть, в случае, если это монография или сборник – курсивом выделяется само название монографии/сборника, например:

Для книг:

Галанина, Л.К. 1997: *Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I)*. М.

Alexander, C. 1928: *The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times*. L.–New York.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи). Если это статья в журнале или сборнике, курсивом выделяется название журнала/сборника, оно **не отделяется** от названия статьи косыми чертами. Если указываемая Вами статья находится в сборнике или коллективной монографии (то есть не в периодическом издании), то в зарубежном описании перед ней ставится «**In:**», а в русском «**В сб.:**» или «**В кн.:**». Номер выпуска не отделяется от названия журнала знаками пунктуации. Страницы указываются через запятую после номера (для журналов) или после города выпуска (для сборников):

Ростовцев, М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской. *ИАК* 63, 106–108.

Аннинский, А.П. 2008: Беседа о странностях истории. *Родина* 2, 18–26.

Salvatori, S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey. *East and West* 50, 97–145.

Названия зарубежных журналов приводятся без сокращений, как и названия городов (в кириллическом описании сохраняются сокращения М., СПб., Л.)

Названия российских журналов сокращаются только в оригинальном библиографическом описании, в References указывается полное название журнала:

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страницы статьи):

Salvatori, S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern. In:

A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.), *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95*. Rome, 57–65.

Для книг/статей без авторов:

Сайко, Э.В. (ред.) 2001: *Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. М.

Для электронных документов:

Городецкий, С. 2011: *Письма с фронта*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Brooke, R. 2010: *His actual reaction to war*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>

References

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т.п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию

фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам (см. ниже).

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

Например:

Для книг:

Saprykin, S. Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [*The Pontic Kingdom: the state of the Greeks and barbarians in the Black Sea*]. Moscow.

Для журнальных статей:

Pokrass, Yu. 1997: Klad zolotykh bosporskikh monet nachala I-go veka [A hoard of gold Bosporan coins from the early 1st century AD]. *Numizmatika i faleristika* [*Numismatics and Phaleristics*] 3, 4–6.

Kadeev, V.I. 1979: Khersones, Bospor i Rim v I v. do n.e. – III v. n.e. [Chersoneses, the Bosporus and Rome during the 1st century BC – 3rd century AD]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 55–76.

Для статей/ глав в книгах и сборниках:

Puzdrovskiy, A.E. 2001: Rimsko-bosporskaya voyna i etnopoliticheskaya situatsiya v Krymskoy Skifii v seredine I v. n.e. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva* [*The Bosporan phenomenon: colonization of the region. Formation of poleises. Formation of the state*]. Pt. 2. Saint-Petersburg, 212–217.

Для электронных документов:

Gorodetskiy, S. 2011: *Pis'ma s fronta* [*Letters from the Front*], <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Правила транслитерации

Русский язык

а	а	з	z	п	p	ч	ch	я	ya
б	b	и	i	р	r	ш	sh		
в	v	й	y	с	s	щ	shch		
г	g	к	k	т	t	ъ	«		
д	d	л	l	у	u	ы	y		
е	e	м	m	ф	f	ь	‘		
ё	ye	н	n	х	kh	э	e		
ж	zh	о	o	ц	ts	ю	yu		

Украинский язык

а	a	ж	zh	м	m	ф	f	я	ja
б	b	з	z	н	n	х	h		
в	v	и	y	о	o	ц	c		
г	g	і	i	п	p	ч	ch		
г	g'	ї	i'	р	r	ш	sh		
д	d	й	j	с	s	щ	shh		
е	e	к	k	т	t	ь	'		
є	je	л	l	у	u	ю	ju		

Сокращения

К статье должен прилагаться список всех встречающихся в ней сокращений с их расшифровками

АО – Археологические открытия. Москва

IGBR – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed.). Sofia, 1956

- Между цифрами ставится короткое тире (не дефис!), между цифрами и тире пробелы не ставятся (н., 153–160; I–II вв. н.э.)
- Длинное тире (—) вообще не используется, как и буква «ё»
- Сокращения для обозначения страниц не используются. Используются сокращенные обозначения для томов, колонок, таблиц, рисунков и т.д.

Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!!

Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 4. 2020

Сдано в набор 1.12.2020. Подписано в печать 30.12.2020.

Дата выхода 30.12.2020.

Формат 70х1001/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.

Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .

Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67784 от 28 ноября 2016 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт археологии Российской Академии наук»

Редакция: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, каб. А1.

Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.

Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.